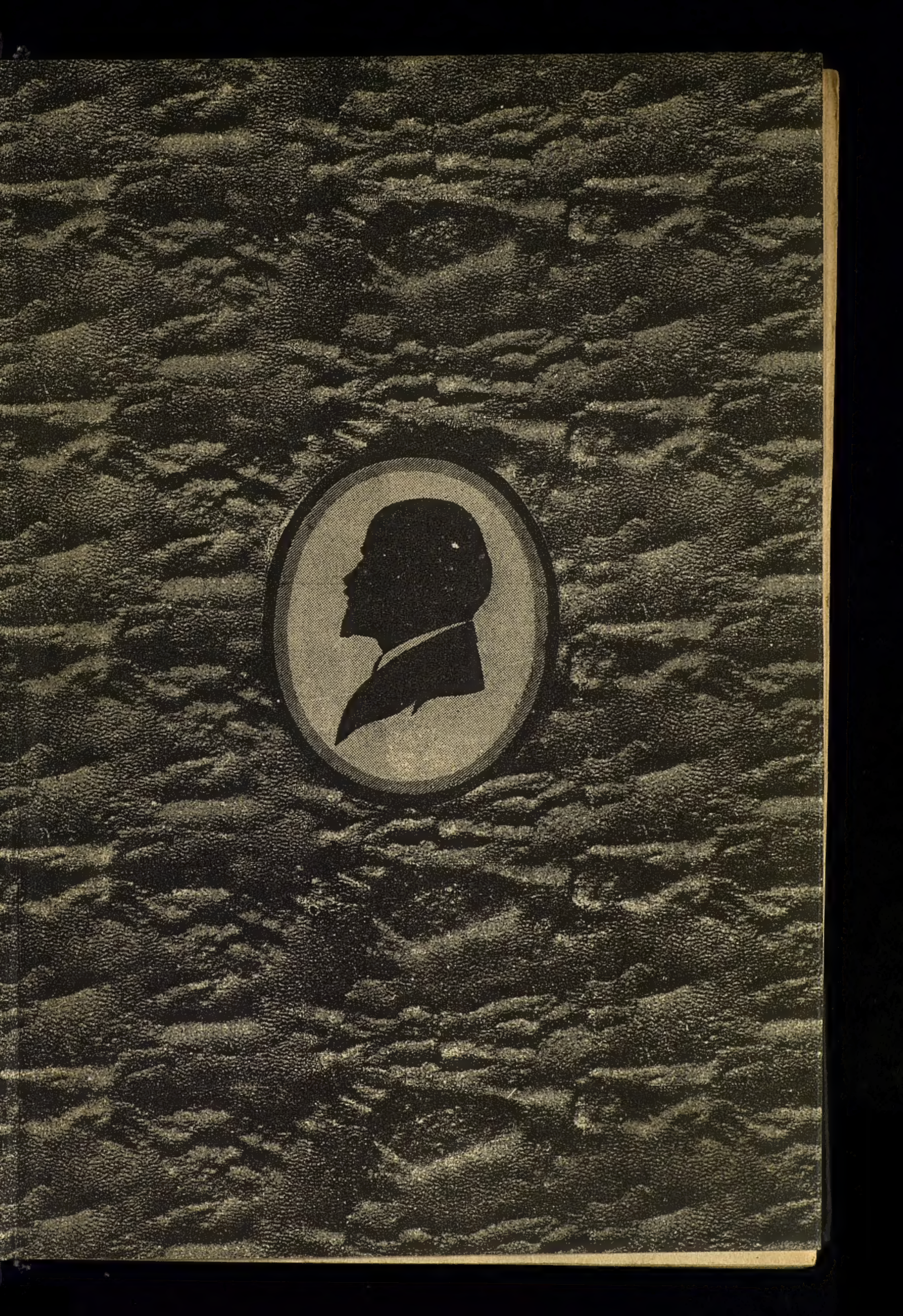
ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

II

ЛЕНИН
СОЧИНЕНИЯ
ТОМ II

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
IX Съезда Р.К.П.(б.)
и
II Съезда Советов
С.С.С.Р.

Институт Маркса-Энгельса-Ленина при Ц.К.В.К.П.(б.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(б) — 1935

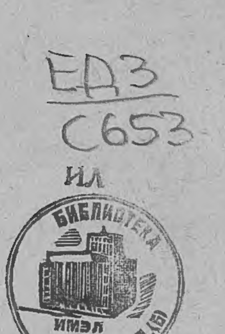
ЛЕНИН

ТОМ

II

1891–1899

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при Ц.К.В.К.П.(б)

ЛЕНИН.

1897—1899.

ФАКТЫ.

29 января (10 февраля) 1897 г. состоялось скрепленное Николаем II постановление о ссылке Владимира Ильича в Восточную Сибирь на 3 года. Подобного же рода приговоры получили и товарищи Владимира Ильича по делу и заключению.

В середине февраля Владимир Ильич был выпущен из тюрьмы с обязательством не позже, чем через три дня, покинуть Петербург и отправиться в ссылку.

Три дня пребывания в Петербурге были использованы для совещания выпущенных из тюрьмы с молодыми продолжателями их работы на воле. Об этом совещании упомянул через несколько лет в «Что делать?» Ленин, чтобы указать, что уже в начале 1897 года наметилось между «стариками» и «молодыми» то расхождение, которое к концу десятилетия приняло форму открытой борьбы между «политиками» («искровцами») и «экономистами» («рабочемысленцами» и «рабочедельцами»). «Нам пришлось участвовать, — пишет Ленин, — перед отправкой в ссылку на одном частном собрании, где сошлись «старые» и «молодые» члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Беседа велась главным образом об организации и в частности об «уставе рабочей кассы». Между «стариками» («декабристами», как их звали тогда в шутку петербургские социал-демократы) и некоторыми из «молодых» (принимавшими впоследствии близкое участие в «Рабочей Мысли») сразу обнаружилось резкое разногласие, и разгорелась горячая полемика. «Молодые» защищали главные основания устава в том виде, как он напечатан. «Старики» говорили, что нам нужно прежде всего вовсе не это, а упрочение «Союза борьбы» в организацию революционеров, которой должны быть соподчинены различные рабочие кассы, кружки для пропаганды среди учащейся молодежи и т. п. Само собою разумеется, что спорившие далеки были от мысли

видеть в этом разногласии начало расхождения, считая его, наоборот, единичным и случайным. Но этот факт показывает, что возникновение и распространение «экономизма» шло и в России отнюдь не без борьбы со «старыми» социал-демократами».

Участник этого совещания Ю. Мартов в своих «Записках социал-демократа» ясно указывает, что роль застрельщика в этом споре принадлежала Владимиру Ильичу. Построение организации, предлагавшееся «молодыми», — пишет Мартов, — «должно было сковать это руководящее ядро во всех попытках расширить русло своей революционной работы, выведя ее из оболочки чисто-профессиональной борьбы. Всегда рассматривая концентрацию сил партии на последней лишь как стратегический прием, ведущий наиболее верным путем к непосредственной борьбе с самодержавием, мы поэтому скептически отнеслись к проекту устава упомянутой кассы и поддержали Ульянова, который подверг его довольно резкой критике».

17 февраля (1 марта) Владимир Ильич выехал из Петербурга и в мае прибыл в назначенное ему для отбывания ссылки село Шушенское, Минусинского уезда, Енисейской губернии. В этом селе Владимир Ильич и отбыл весь срок ссылки.

Сибирская ссылка, как и вся революционная общественность тех годов, переживала переломный момент. В городах Восточной Сибири, в деревушках по берегам Енисея и Лены, можно было встретить осевших там после долгих лет тюрьмы и каторги представителей всех революционных течений, сменявших друг друга, начиная с 60-х годов. Это были большей частью наиболее непримиримые хранители заветов изжившей себя революционной идеологии. Начиная с середины 90-х годов в эту среду, сначала небольшими, а затем все более и более крупными партиями, начала вкрапливаться новая ссылка, отзвук развертывавшегося в России рабочего движения. Среди этой новой ссылки не малую роль начинали играть уже пролетарии.

Несмотря на все уважение к героическим подвигам старых революционеров, между молодой и старой ссылкой кипела горячая идейная борьба. Старики не понимали молодежь, а молодежь, несмотря на все свое почтение к революционному прошлому стариков, не могла сдать им ни одной пяди своего нового символа веры.

Среди молодой ссылки Владимир Ильич был одним из тех, кто очень высоко ставил революционную традицию и героическую борьбу революционеров 70-х и начала 80-х годов. Но идейной общности с живыми представителями этой традиции, законсервированными сибирской ссылкой, у него уже никакой не было.

Случай с организацией побега рабочего ссыльного С. Г. Райчина, наборщика женевской типографии Группы «Освобождение

Труда», послужил ближайшим предлогом к окончательному разрыву Владимира Ильича с представителями старой ссылки и устранению его от всяких склочно-ссылочных дел и делишек.

Жизнь Ильича проходила в непосредственном общении с группой находившихся в том же селе Шушенском ссыльных рабочих (Проминский, Энберг), во встречах с раскинутыми на расстоянии нескольких десятков верст товарищами-марксистами (А. А. Ванеев, Г. М. и З. П. Кржижановские, В. В. Старков и др.) и в переписке с товарищами, закинутыми волею царских приговоров в другие места ссылки (с Ю. О. Мартовым, отбывавшим ссылку в Туруханске, А. Н. Потресовым — в Вятской губ., Ф. В. Ленгником — в с. Тесинском, Енис. губ.).

В пределах возможности для ссыльного Владимир Ильич использовывал свои юридические познания для помощи окружающему крестьянству. Несмотря на дальность расстояний и трудность сношений, Владимир Ильич все время поддерживал сношения с Группой «Освобождение Труда», а также и с центрами рабочего движения в России, пользуясь, как главной передаточной инстанцией, А. И. Елизаровой. Все время Владимир Ильич стремился быть в курсе всех течений в революционной среде и, видимо, постоянно получал выходившую в России и за границей нелегальную литературу.

Главным же занятием Владимира Ильича в ссылке была научная и публицистическая работа, прерываемая лишь охотой, дальними прогулками да поездками для свидания с товарищами, разбросанными по соседним городишкам и деревням.

Громадные, хотя и поверхностные, успехи марксизма среди разуверившейся в старой идеологии интеллигенции и увлечение молодежи широкими революционными перспективами, открывавшимися рабочим движением, создали для марксистов на некоторое время довольно широкие возможности использования легальной литературы.

«Это было, — писал Владимир Ильич об этой эпохе, — чрезвычайно оригинальное явление, в самую возможность которого не мог бы даже поверить никто в 80-х или начале 90-х годов. В стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции, преследовавшей самомалейшие ростки политического недовольства и протеста, — внезапно пробивает себе дорогу в подцензурную литературу теория революционного марксизма, излагаемая эзоповским, но для всех «интересующихся» понятным языком. Правительство привыкло считать опасной только теорию (революционного) народовольчества, не замечая, как водится, ее внутренней эволюции, радуясь всякой направленной против нее критике. Пока правительство спохватилось, пока тяжеловесная армия цензоров и жандармов разыскала нового врага и обрушилась на него, — до тех пор

прошло не мало (на наш русский счет) времени. А в это время выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг».

Эти обстоятельства, широко развернувшиеся именно в годы пребывания Владимира Ильича в ссылке, позволили Владимиру Ильичу напечатать в легальной печати начатое еще в тюрьме и законченное в ссылке исследование о «Развитии капитализма в России», сборник «Экономические этюды и статьи», составленный из статей, отчасти напечатанных в тогдашних марксистских журналах, отчасти написанных для тех же журналов, но за их закрытием не опубликованных, а также ряда журнальных статей в «Новом Слове», «Начале», «Жизни», «Мире Божьем», «Научном Обозрении».

«Ни для кого не тайна, — писал впоследствии Владимир Ильич, — что кратковременное процветание марксизма на поверхности нашей литературы было вызвано союзом людей крайних с людьми весьма умеренными. В сущности, эти последние были буржуазными демократами, и этот вывод (до очевидности подкрепленный их дальнейшим «критическим» развитием) напрашивался кое перед кем еще во времена целости «союза» *)...

«...Соединение с легальными марксистами было своего рода первым действительно политическим союзом русской социал-демократии. Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде)».

Более или менее широкое использование легальной литературы, созданное вышеуказанными обстоятельствами, отнюдь не исчерпывало работы Ленина в ссылке. Выше уже было указано, что, используя елико возможно легальную литературу, Ильич ни на минуту не порывал и в ссылке своих связей с заграничным центром революционного марксизма в лице Группы «Освобождение Труда» и с центрами рабочего движения внутри России.

Эти связи поддерживались Владимиром Ильичем отнюдь не только в информационных целях, — напротив, они ему были нужны для активного воздействия на ход рабочего революционного движения.

Оторванный от непосредственной работы среди пролетариата, Владимир Ильич в ссылке продолжает работу по идейному и организационному оформлению партии. Уже в первый год ссылки, через несколько месяцев по прибытии на место, он

*) Под словами «кое перед кем» в данной цитате надо понимать самого Владимира Ильича, прежде кого-либо из русских марксистов указавшего на буржуазно-демократический характер первых же выступлений Струве.

пишет и пересылает за границу программную брошюру «Задачи русских социал-демократов». Группа «Освобождение Труда», взявшая на себя издание этой работы Владимира Ильича, рассматривала ее как непосредственный комментарий к «Манифесту Р. С.-Д. Р. П.», а в своем предисловии характеризовала автора как «революционера, счастливо соединяющего в себе опыт хорошего практика с теоретическим образованием и широким политическим кругозором», как представителя «наиболее мыслящих и инициативных руководителей революционного движения в России».

Владимир Ильич не упускает также из виду задач непосредственной пропагандистской работы среди рабочих масс и откликается на фабричный закон 2 июня ст. ст. 1897 года, вырванный у царизма знаменитыми петербургскими стачками, популярной брошюрой «Новый фабричный закон», охарактеризованной в указанном выше предисловии как «самое лучшее произведение нашей рабочей литературы».

На этот отзыв основателей русского марксизма Владимир Ильич откликнулся в письме из ссылки следующими словами: «Ваш (П. Б. Аксельрода) и его (Г. В. Плеханова) отзыв о моих литературных попытках для рабочих меня чрезвычайно ободрил. Я ничего так не желал бы, ни о чем никогда так не мечтал, как о возможности писать для рабочих. Но как это сделать? Очень и очень трудно, но не невозможно по-моему». Для пополнения скудной литературы для рабочих масс Владимир Ильич в ссылке же пишет статьи «О стачках» и «О промышленных судах».

Место, занятое Владимиром Ильичем к этому моменту в партии, и заставило I съезд партии, собравшийся в марте 1898 года, наметить Владимира Ильича, несмотря на то, что он находился в ссылке, редактором «Рабочей Газеты», центрального органа партии.

Планы издания этой газеты несколько раз срывались по полицейским условиям. Но как-только к середине 1899 года явилась вновь надежда на ее издание, Владимир Ильич, преодолевая все препятствия, взял на себя задачу снабжения газеты руководящими статьями.

Его не напечатанные в то время статьи (издание газеты опять не удалось) посвящены основным вопросам оформления рабочей партии в России и представляют план организационного строительства партии и основные черты программы партии.

Попавший в плен к царизму в момент выработки проекта программы рабочей партии в России, Владимир Ильич заканчивает ссылку, вновь обращаясь к партии и к рабочему классу с проектом партийной программы.

Из ссылки же Владимир Ильич организует протест против проникновения в партийную среду идей оппортунизма и берн-

штейнианства. Созванное — летом 1899 г. — по инициативе Владимира Ильича собрание ссыльных-марксистов, разбросанных по Минусинскому уезду, принимает им же выработанный текст коллективного заявления, которое кладет резкую грань между позицией революционного марксизма и попытками отходящих от рабочего движения интеллигентов совлечь рабочее движение на путь либеральной политики. Это заявление обошло затем важнейшие пункты скопления марксистских сил, послужив тем идейным стержнем, вокруг которого собирались силы, готовые ринуться в бой за революционно-марксистскую политику партии. Группа «Освобождение Труда» во главе с Плехановым со своей стороны воспользовалась заявлением, составленным Владимиром Ильичем, для своей борьбы «за ортодоксию» против возобладавших в заграничных организациях идей «экономизма». В воспоминаниях Ю. Мартова изложено письмо Владимира Ильича, по которому легко восстановить настроение Владимира Ильича в связи с предпринятым им шагом, и дана оценка значения этого шага в тогдашних условиях.

«Летом 1899 года получил я от В. Ильина письмо, в котором он сообщал, что новые связанные с бернштейнианством тенденции среди практиков партии, наконец, нашли свое выражение в одном документе, который ему прислали из-за границы, и которого копию он мне присылал. Документ этот, под заголовком «Credo» («Верую»), заключал в себе ряд выводов, из которых основным был тот, что, сохраняя самостоятельное движение, как класс, в сфере борьбы за свои профессиональные интересы, русский пролетариат должен поддерживать ту политическую борьбу с царизмом, которую уже ведет буржуазное общество, и не пытаться создавать собственной политической партии. По словам Ильина, эта запоздалая попытка втиснуть развитие российского пролетариата в те рамки, в которых за 35 лет до того Шульце-Делич хотел удержать германский пролетариат, связывалась с именем «некоего Прокоповича», о личности которого Ильин ничего не мог сообщить, кроме того, что он, по слухам, пишет какую-то «ученую книгу». Но он слышал, что Прокопович и его жена (Е. Кускова) пользовались большим влиянием в эмигрантских кругах, и что развивавшиеся в «Credo» идеи сыграли свою роль в до-нельзя обострившемся кризисе заграничной организации, побудившем Группу «Освобождение Труда», которая осталась в меньшинстве, сложить с себя функцию редактирования изданий «Союза русских социал-демократов за границей». Отныне мы знаем, — писал Ильин, — во имя чего поднята борьба против «стариков», и под каким флагом идет мобилизация «молодых» практиков, группирующихся в России вокруг «Рабочей Мысли» и близких ей групп: это антиреволюционное бернштейнианство, в теории капитулирующее перед буржуазной наукой, и постепе-

новщина в практике, отвергающая образование самостоятельной социал-демократической партии. С этими тенденциями надо повести решительную борьбу, и почин ее взяли на себя мои минусинские друзья. На собрании 17-ти ссыльных они выработали нечто вроде манифеста к социалистам, содержавшего обстоятельную критику центральных идей «Credo» и противопоставляющего им в отчетливой форме основные тезисы революционного марксизма относительно конечных и ближайших задач рабочей партии в России. Предлагая «объявить войну всему кругу идей, нашедшему свое выражение в этом документе», минусинские товарищи предлагали всем марксистским группам выявить свое отношение к поднятым ими вопросам. В своем письме Ильин писал о том, что, отправляя протест за границу, он делает попытку теснее связаться с заграничными «стариками». Мы сейчас же принялись за обсуждение полученных документов и, в свою очередь, от имени нашей маленькой колонии приняли резолюцию о присоединении к минусинскому протесту и стали снимать копии с него для рассылки по колониям, с которыми у нас была связь. Вскоре получили мы копию протеста, принятого парой десятков ссыльных в гор. Орлове, Вятской губ., где находились: А. Н. Потресов, Ф. И. Гурвич, В. Воровский, К. И. Захарова, В. Г. и Е. П. Громан и другие товарищи. Это взаимное «перекликание» различных мест ссылки, в которых тогда находились сотни борцов, собиравшихся вернуться к активной работе, сыграло большую роль в ускорении процесса мобилизации социал-демократических сил, со всей силой развернувшегося в ближайшие годы и позволившего создать впоследствии «искровскую» организацию. Резкое выступление В. Ильина и его «колонии», в следующем году только опубликованное Г. В. Плехановым в его книжке «Вадемекум для редакции «Рабочего Дела»», способствовало уяснению рядовыми работниками тех кардинальных проблем движения, смутное предчувствие которых вызывало в течение предыдущих двух лет разноголосицу и путаницу воззрений как среди «отдыхавших» в ссылке, так и среди занятых активной работой социал-демократов».

* * *

Из фактов личной жизни Владимира Ильича за период царского плена надо отметить приезд в ссылку весною 1898 года Н. К. Крупской, арестованной через несколько месяцев после ареста Ильича и тоже получившей ссылку в Сибирь. Там же в селе Шушенском был оформлен брак Владимира Ильича с Надеждой Константиновной.

29 января (10 февраля) 1900 г. срок ссылки Владимира Ильича истек.

ИДЕИ.

В ряду вопросов, особо привлекших внимание Владимира Ильича в период тюрьмы и ссылки, можно выделить четыре круга идей: 1) завершение борьбы с народничеством, 2) борьба с начавшейся ревизией учения К. Маркса, 3) тактические и программные вопросы рабочего движения и 4) организационные планы восстановления и укрепления партии.

Что касается борьбы с народничеством, в частности «с теми отвратительнейшими реакционерами народничества, которые перед лицом полицейски классового абсолютизма позволяют себе говорить о желательности экономических, а не политических преобразований», то задачи и основные пункты этой борьбы были установлены Владимиром Ильичем уже в первых его работах. Необходимо было завершить эту критику в двух направлениях: окончательно установить общий характер всей системы *экономических* взглядов народничества и показать его реальное *политическое* лицо. Первая задача была выполнена Лениным путем сопоставления теоретических взглядов экономистов-народников со взглядами Сисмонди, охарактеризованного Марксом еще в «Коммунистическом Манифесте» как главного представителя мелкобуржуазного социализма, «одновременно реакционного и утопического». «В дальнейшем своем развитии направление это выродилось в трусливое нытье», добавлял Маркс как бы в предвидении русских народников 90-х г.г.

Примененный Лениным метод чисто-теоретического анализа взглядов народников в их сопоставлении с учениями западно-европейских идеологов мелкой буржуазии и учением Маркса позволил Ленину установить действительное место русского народничества, столь долго почитавшегося подлинно-революционной и единственно-возможной для России революционной теорией, в истории общественной мысли. «Экономическое учение народников есть лишь русская разновидность обще-европейского романтизма», т.-е. критики капитализма с точки зрения мелкого собственника — таков был вывод Ленина. Этот вывод бил в лицо попыткам народников «родными счесться» с экономическим учением К. Маркса, попыткам, которые долго позволяли беззаботной насчет теории русской революционной интеллигенции 70-х и 80-х г.г. считать себя по крайней мере в области экономики учениками и последователями Маркса. Но Ленин не остановился на этом выводе: его статьи были направлены к доказательству того, что теория народников и мелко-буржуазна и реакционна. «Сличение, — писал Ленин, — их (народников) теории, которую они выставляли новым и самостоятельным решением вопроса о капитализме,... с теорией Сисмонди показывает наглядно,

к какому примитивному периоду развития капитализма и развития общественной мысли относится возникновение такой теории. Но суть дела не в том, что эта теория стара... Суть дела в том, что и *тогда, когда эта теория появилась, она была теорией мелко-буржуазной и реакционной*» (курс. Ленина)*).

Когда через 5 лет после написания этой статьи «Искре» пришлось вновь открыть фронт против несколько подновленного народничества партии «социалистов-революционеров», ею было выставлено положение: социализм этой партии не революционен, а революционность — не социалистична. Эта характеристика сжимала в одну метко-бьющую фразу тот теоретический анализ, который дал в своей статье Ленин.

Революционному диалектику Ленину впоследствии не раз приходилось указывать на тот — на первый взгляд поразительный, но в истории революции не раз наблюдавшийся — факт, что реакционно-утопические по существу идеи служат оболочкой прогрессивно-революционного движения.

Так, в борьбе с меньшевиками Ленину неоднократно приходилось указывать, что реакционно-утопические идеи социалистов-революционеров и трудовиков в эпоху первой русской революции на самом деле лишь прикрывали подлинно-революционные стремления широких крестьянских масс, направленные против помещичьего землевладения, и потому играли в процессе революционного развития гораздо более прогрессивную роль, чем трезвенные и якобы прогрессивные планы либеральных реформаторов, которые именно своею трезвенностью прельщали меньшевиков. Это стало возможным, однако, лишь с того момента, когда народничество в той или другой степени вошло в соприкосновение с широкими крестьянскими массами. Народничество 90-х годов никакого соприкосновения с массами не имело. В 90-х годах не только идеология, но и практика народничества являлась реакционной.

Если классическое революционное народничество 70-х годов видело рычаг, при помощи которого оно надеялось повернуть Россию с пути капиталистического развития на путь непосредственного осуществления социализма, в крестьянском восстании, то выродившееся народничество 90-х годов, в виду полного разочарования в активно-революционной силе крестьянства, неизбежно должно было возлагать свои надежды совсем на другие факторы общественной жизни: на общественное мнение, интеллигенцию, земство и, наконец, — добрую волю и разум правительства.

«Народное хозяйство, — писал в 1896 г. один из виднейших представителей народничества С. Южаков, — приходит постепенно

---

*) Здесь и дальше все цитаты из Ленина, источник которых специально не оговорен, взяты из статей, вошедших во II-ой том Сочинений.

в упадок... община, большая семья, артель, кустарные и домашние промыслы, натуральное хозяйство — все медленно готовится к вымиранию и все рано или поздно обречено на вымирание, если мы не сумеем найти в своей умственной и нравственной культуре, в своих организованных общественных силах, в своих *руководящих классах достаточно разума и совести, знания и патриотизма, чтобы спасти наше отечество и наш народ от горестных путей западно-европейского экономического развития*».

Перед лицом подобной политически-реакционной платформы народников необходимо было анализ теоретических предпосылок народничества дополнить разоблачением их отрицательной политической роли, что и было выполнено Лениным в ряде статей, как «Перлы народнического прожектерства» (направлена против того же Южакова), «От какого наследства мы отказываемся?» и т. д. Последняя из названных статей замечательна тем, что в ней Ленин сопоставляет практическую платформу откровенного и последовательного буржуазного либерализма с якобы-социалистическим народничеством, явно отдавая предпочтение первой перед вторым. «Да, конечно, Скалдин (публицист 60-х годов, взятый Лениным, как образец последовательного буржуазного либерализма) — буржуа, но он представитель прогрессивной буржуазной идеологии, на место которой у народника является мелко-буржуазная, по целому ряду пунктов реакционная».

«Народничество, — продолжал Ленин, — сделало крупный *шаг вперед*» сравнительно с либерализмом, «*поставив* перед общественной мыслью на разрешение вопросы» критики капиталистических форм развития и борьбы за социализм. «*Постановка* этих вопросов есть крупная *историческая* заслуга народничества». «Но решение этих вопросов народничеством оказалось никуда не годным, основанным на отсталых теориях, давно уже выброшенных за борт Западной Европой, основанным на романтической и мелко-буржуазной критике капитализма... Бывши в свое время явлением прогрессивным, как первая постановка вопроса о капитализме (в легальной статье 1898 г. Ленин не мог сказать: о социализме. *Л. К.*), народничество является теперь теорией реакционной и вредной, играющей на руку застою и всяческой азиатчине. Реакционный характер народнической критики капитализма придал народничеству в настоящее время даже такие черты, которые ставят его *ниже* миросозерцания» последовательных буржуазных демократов *).

---

*) «У нас так много было и есть расплывчатого, либерально-народнического квази-социализма, что по сравнению с ним явным шагом вперед является новое либеральное направление», — формулировал Ленин ту же мысль уже в 1902 г., в предисловии к новому изданию своих «Задач». Под «новым либеральным направлением» разумелось здесь «Освобождение».

Показав, таким образом, реакционность не только якобы-социалистических теорий народничества, но и реакционный, антиреволюционный смысл практической платформы народничества, Ленин дает следующую выпуклую характеристику взаимоотношений буржуазной демократии, народничества и марксизма в середине 90-х г.г.:

«Просветитель (последовательный буржуазный демократ. *Л. К.*) верит в данное общественное развитие (капитализм. *Л. К.*), ибо не замечает свойственных ему противоречий. Народник боится данного общественного развития, ибо он заметил уже эти противоречия. «Ученик» (марксист) верит в данное общественное развитие, ибо он видит залоги лучшего будущего лишь в полном развитии этих противоречий».

Эта характеристика основных идейно-политических течений является важнейшей предпосылкой, исходя из которой только и можно понять позицию Ленина по отношению к различным политическим группировкам 90-х г.г. Исходя из этой характеристики, Ленин считал прогрессивным фактом выделение последовательного, откровенно-буржуазного движения из общего идейного конгломерата народничества. Когда некоторые марксисты попытались истолковать сейчас цитированную статью Ленина в том смысле, будто Ленин отказывается от революционных традиций народничества, заменяя их традициями буржуазного либерализма, они лишь обнаружили полное непонимание действительной позиции Ленина. «Суть-то статьи в том, — отвечал им Ленин, — что необходимо очистить буржуазный либерализм от народничества», «задача: высвободить все и всяческие прогрессивные течения из-под хлама народничества и аграриерства и в таком очищенном виде утилизировать их все».

Подлинный политический комментарий к легальному спору о наследстве мы находим в заключительных строках брошюры Ленина «Задачи русских социал-демократов». В этой брошюре, рисуя отношение рабочей партии к другим партиям, Ленин заявляет, что марксисты готовы поддержать «народоправцев» — этих предшественников либерального «Освобождения» — именно «как более откровенных *демократов* и *поскольку* народоправцы выступают, как последовательные демократы», а не якобы-социалисты. Ленин ставит народоправству в заслугу то, что «оно устыдилось самобытности народнических доктрин и открыто вступило в полемику с... отвратительнейшими реакционерами народничества»... ...Необходимо только, — продолжает Ленин, — «чтобы народоправцы оставили ложный стыд, препятствующий сближению с буржуазными слоями народа, т.-е. чтобы они не только говорили о программе политиков не-социалистов, но и поступали сообразно с этой программой, пробуждая и развивая классовое самосознание тех общественных групп и классов, для

которых социализм вовсе не нужен, но которые чем дальше, тем сильнее чувствуют гнет абсолютизма и необходимость политической свободы».

Смысл этих слов совершенно ясен. Они направлены к тому, чтобы толкнуть вперед неизбежный процесс оформления партии буржуазной демократии, не стыдящейся открыто признать свой несоциалистический характер. Этот процесс политического оформления буржуазной демократии должен был идти за счет дальнейшего разложения и разоблачения народничества, прикрывавшего непоследовательность своего демократизма хламом своего якобы-социализма.

Было бы глубоко неправильным предположить, что в этой схеме Ленина отсутствует место для партии, выражающей революционные интересы крестьянства в эпоху подготовки и проведения буржуазной революции. Элементы идеологии подобной партии были, несомненно, у народничества, и Ленин отнюдь не игнорировал этих элементов. «Решительно отвергая господствующее либерально-народническое направление, — писал он, — не следует забывать, что мы должны выделить революционное содержание народничества», «выделить из доктрины и направления народничества его революционную сторону и воспринять ее». Эту «сторону» народничества Ленин видел в отражении «практических и реальных интересов крестьянства», в отражении «борьбы крестьянства против привилегированных землевладельцев и против остатков крепостничества». Но он отказывался видеть в *этой* борьбе элементы социализма, и постольку и к *этой* борьбе относилось его требование «высвобождения из-под народнического хлама». С другой стороны, уже в 1899 г. — при полном отсутствии крестьянского массового движения — Ленин подчеркивает революционную роль крестьянства. «Роль крестьянства, как класса, поставляющего борцов против абсолютизма и против пережитков крепостничества, на Западе уже сыграна, в России — еще нет... Наличность революционных элементов в крестьянстве не подлежит ни малейшему сомнению», — пишет Ленин. Но нарождение крестьянского движения и установление с ним связей со стороны разных партий выходит за пределы данной эпохи, и отношение Ленина к процессу политического оформления крестьянства необходимо рассматривать в другой связи. Покуда достаточно будет заметить, что теоретический анализ народнической идеологии, проделанный Лениным в 90-х г.г., оказался целиком приложимым и к теоретическим построениям народников 900-х г.г.

Борьба с народничеством не могла, однако, ограничиться только критикой. Народничество опиралось на собственную схему экономического развития России, схему, корни которой уходили к Герцену и отчасти к Чернышевскому. Этой традиционной схеме необходимо было противопоставить собственную схему, собствен-

ный анализ путей экономического развития России, а следовательно, и классовых отношений в ней.

Так родилась книга Ленина «Развитие капитализма в России». Взятая сама по себе, книга эта представляет образчик научного исследования, замечательного, между прочим, также и тем, что автору на всем протяжении своего исследования приходилось опираться на материал, созданный под враждебным ему углом зрения. Конкретный материал (обследования различных отраслей народного хозяйства страны), на фундаменте которого должен был строить Ленин, был почти целиком создан руками интеллигенции, находившейся под более или менее полным влиянием господствовавшей народнической идеологии. В результате методы подбора и группировки того конкретного материала, над которым приходилось работать Ленину, были прямо противоположны методам марксизма. Ленину приходилось не только критически перестраивать всю схему развития общественных отношений в стране, но критически пересматривать весь тот материал, из которого он возводил всю постройку.

Но «Развитие капитализма в России» представляет не только образцовое научное исследование, замечательный образчик применения метода марксизма к конкретному анализу особенностей экономического развития данной страны, не только пример критической переработки с точки зрения марксизма громадного статистико-экономического материала, но и документ политической борьбы. Работая в тюрьме и ссылке над своей книгой, Ленин имел в виду не только дать научную работу о процессе образования внутреннего рынка для крупной промышленности, но и ответить на конкретные вопросы о положении и роли различных классов—прежде всего пролетариата и крестьянства—в классовой борьбе России. Обширное статистико-экономическое исследование должно было послужить обоснованием той программы и той тактики, с которой пролетариат под руководством своей партии должен был вступить в революционный период истории России. В легальной книге, печатавшейся под бдительным надзором царской цензуры, конечно, нельзя было сделать и намека на эту связь исследования с практическими задачами пролетарского движения. Но наличие этой связи не подлежит никакому сомнению. Сам Ленин указал на основные вопросы политики, которые фактически поставлены и разрешены в его исследовании. «Тот анализ общественно-хозяйственного строя,—писал Ленин в предисловии ко второму изданию книги,—и, следовательно, классового строения России, который дан в настоящем сочинении на основании экономического исследования и критического разбора статистических сведений, подтверждается теперь открытым политическим выступлением всех классов в ходе революции. Вполне обнаружилась руководящая роль пролетариата. Обнару-

*

жилось и то, что его сила в историческом движении неизмеримо более, чем его доля в общей массе населения. Экономическая основа того и другого явления доказаны в предлагаемой работе». И далее. «Революция обнаруживает теперь все более и более двойственное положение и двойственную роль крестьянства... И в ходе революции, и в характере разных политических партий, и во многих идейно-политических течениях обнаруживается внутреннепротиворечивое классовое строение этой (крестьянской) массы, ее мелко-буржуазность, антагонизм хозяйских и пролетарских тенденций внутри нее... Экономическая основа обоих течений в крестьянстве доказана в предлагаемой работе».

Таким образом, основным содержанием исследования Ленина является выяснение экономической основы решающих факторов революции и всего исторического развития России на протяжении последних трех десятилетий, а именно: руководящей роли пролетариата и двойственной роли крестьянства. Это ставит данное исследование в связь с теми двумя работами Ленина, в которых дан анализ рабочего и крестьянского движения в первой революции («О статистике стачек в России» и «Аграрная программа с.-д. в первой русской революции»). Этими двумя работами Ленин в значительной мере выполнил свое предположение о втором томе «Развития капитализма в России» *).

Идейная борьба конца 90-х г.г. отражала начавшийся процесс приспособления отдельных идейных группировок русской интеллигенции к классовым силам, готовившимся в короткий промежуток времени открыто выступить на широкой арене политической и социальной борьбы.

В то время, как будущие практические руководители буржуазного либерализма подготовлялись в недрах земского движения (Петрункевич, Родичев, Шипов, Гейден) и на университетских кафедрах (Милюков), идейный штаб либерализма формировался путем прививки начал идеалистической философии и бернштейнианства к «легальному марксизму». Давление самодержавного абсолютизма, с одной стороны, резко выраженный классовый характер пролетарского движения — в частности грандиозных стачек 1896—97 г.г. — с другой, форсировали процесс «линяния» легального марксизма и заставляли его руководителей проделывать свой путь «от марксизма к идеализму» — на деле к буржуазному либерализму — в порядке скоропалительной по-

---

*) Переиздавая в 1907 г. «Развитие капитализма в России», Ленин писал: «Возможно, что такая переработка потребует продолжения предлагаемой работы: первый том пришлось бы тогда ограничить анализом предреволюционной экономики России, второй том посвятить изучению итогов и результатов революции».

спешности. В том же направлении действовало то, отмеченное самим Струве в манифесте 1898 г. и вполне подтвержденное затем историей обстоятельство, что «чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия». Эти прирожденные «качества» российской буржуазии требовали, чтобы ее грядущие идеологи не задерживались на первых ступенях «критики марксизма», а — в том же порядке скоропалительности — переходили к самым затхлым, самым лицемерным, самым «подлым» идеологическим построениям, адэкватным ее политической трусости и подлости. «Исправление» отдельных элементов учения Маркса, «дополнение» Маркса критической философией Канта, вскоре отлившееся в лозунг «Назад к Канту», усвоение элементов бернштейновской критики марксизма, — с которыми пришлось иметь дело Ленину в статьях 1897 — 1899 г.г., — были только кратковременными этапами гг. критиков на пути от марксизма к монархизму и православию, к открытой проповеди святости частной собственности. Но это было еще впереди. Пока дело шло еще об «исправлении» Маркса.

Моментом окончательного литературно-политического оформления ревизионизма, как такового, надо признать 1899 г. В этом году вышла в свет книга Бернштейна, это евангелие международного ревизионизма. В этом же году появились «Credo» и «Отдельное приложение к «Рабочей Мысли»» — наиболее откровенное произведение русского экономизма, С. Булгаков открыто выступил против Каутского, Туган-Барановский выступил с изложением «основной ошибки теории капитализма Маркса», а вождь всей этой группы П. Струве подвел итог своих предварительных наскоков на теорию Маркса в немецкой статье «Марксова теория социального развития».

Но еще задолго до этого оформления ревизионизма, находясь за тысячи верст от центров рабочего движения и марксистской мысли — от Берлина, Петербурга и Женевы, — Владимир Ильич чувствует, что в воздухе потянуло ревизионистской гнилью.

Буржуазная гниль чувствуется им в начинающем входить в моду кантианстве, в робких покуда попытках пересмотра экономического учения Маркса, в булгаковском «разносе» Каутского... От всего этого Владимир Ильич, как он сам пишет, начинает приходить в «исступление». Из своего «непрекрасного далека» он не видит еще подлинного расположения сил противника; не может судить, является ли то или другое выступление (Струве, Булгакова или самого Бернштейна) частичной ошибкой «товарища» или подлинной изменой, окончательным переходом на чуждую классовую точку зрения; он не видел еще основных произведений противников (книги Бернштейна, заявлений «Рабочей Мысли» и Кусковой-Прокоповича), но он уже не может

«утерпеть» и начинает боевые действия, «вклеивая замечания и вылазки» против ревизионизма в свои легальные статьи на, казалось бы, академические темы. Через несколько месяцев — после ознакомления с книгой Бернштейна, с «Credo» Прокоповича-Кусковой, с «Рабочей Мыслью» — эти «вылазки» превратятся в прямую лобовую атаку по всему фронту ревизионизма.

Пока же Ленин не упускает ни одного случая противопоставить свою точку зрения точке зрения «критиков».

Сообразно тем линиям, по которым шло наступление «критики», и Ленину пришлось — в легальной литературе — сосредоточить свое внимание на трех областях: философии марксизма, экономическом учении Маркса и аграрном вопросе.

Уже в сентябре 1898 г., не будучи еще знаком с полемикой Бернштейна и Плеханова в немецкой литературе (май-июнь 1898 г.), Ленин пишет: «Меня крайне удивляет, почему это автор «Beiträge zur Geschichte des Materialismus» (Плеханов. *Л. К.*) не высказывался в русской литературе и не высказывается решительно против неокантианства, предоставляя Струве и Булгакову полемизировать о частных вопросах этой философии, как будто бы она уже вошла в состав воззрений русских учеников».

Через несколько месяцев, все еще не видев книги Бернштейна, Ленин пишет: «Насчет «сногсшибательных открытий» русских учеников и их неокантианства я прихожу все в большее и большее возмущение... Я прочитал и перечитал с великим удовольствием «Beiträge zur Geschichte des Materialismus», прочитал статьи того же автора в Neue Zeit против Бернштейна и Конрада Шмидта, ...прочитал восхваленного нашими кантианцами (П. Струве и Булгаков) Stammler'а (Wirtschaft und Recht) и решительно встал на сторону мониста (Плеханов. *Л. К.*). Особенно меня возмутил Stammler, у которого я отказываюсь видеть хоть намек на что-либо свежее, содержательное... Сплошная теоретико-познавательная схоластика! Глупые «определения» самого дюжинного юриста, в самом худом смысле этого последнего слова, и из них не менее глупые «выводы». Перечитал я, после Stammler'а, статьи Струве и Булгакова в «Новом Слове» и нашел, что с неокантианством действительно необходимо посчитаться серьезно. Я уже не утерпел и вклеил замечания и вылазки против него и в ответ Струве ...и в ответ Булгакову. Говорю: «не утерпел», ибо очень хорошо сознаю свою философскую необразованность и не намерен писать на эти темы, пока не подучусь. Теперь именно этим и занимаюсь, начавши с Гольбаха и Гельвеция и собираясь перейти к Канту». (Письма Потресову.)

Чтобы как следует оценить эти заявления Ленина, надо вспомнить, что никто иной, как признанный теоретический глава марксизма 90-х г.г., К. Каутский всего только за несколько месяцев до цитированного письма Ленина писал: «Я должен открыто

признать, что неокантианство всего менее смущает меня. Я никогда не был силен в философии, и хотя я всецело стою на точке зрения диалектического материализма, я все же полагаю, что экономическая и историческая точка зрения Маркса и Энгельса оказывается, в случае надобности, совместимой и с неокантианством»... (Письмо Каутского Плеханову от 22 мая 1898 г.) Ленин этой точки зрения не разделял.

Вылазка против неокантианцев, о которой говорит Ленин, явно имеет целью *отмежеваться* от философии «критиков» и подчеркнуть свою точку зрения, как диалектического материалиста: «Кстати, — пишет Ленин, — пару слов об этой (будущей) «критике», которою так увлекается Струве. Против критики вообще не станет возражать, конечно, ни один здравомыслящий человек. Но Струве, очевидно, повторяет свою любимую мысль об оплодотворении марксизма «критической философией». Я не имею, разумеется, ни желания, ни возможности останавливаться здесь на вопросе о философском содержании марксизма и потому ограничусь лишь следующим замечанием. Те ученики Маркса, которые взывают: «назад к Канту», не дали до сих пор ровно ничего, доказывающего необходимость такого поворота и наглядно представляющего выигрыш теории Маркса от оплодотворения ее неокантианством. Они даже не исполнили падающей на них прежде всего обязанности — подробно разобрать и опровергнуть ту отрицательную оценку неокантианства, которую дал Энгельс. Наоборот, те ученики, которые пошли назад не к Канту, а к философскому материализму до Маркса, с одной стороны, и к диалектическому идеализму, с другой стороны, дали замечательно стройное и ценное изложение диалектического материализма, показали, что он представляет из себя законный и неизбежный продукт всего новейшего развития философии и общественной науки»...

Намеченная Лениным работа над философией вообще и философией Маркса в частности продолжалась и еще через несколько месяцев — как мы увидим ниже — Ленин счел необходимым и возможным выступить против неокантианцев еще более решительно и определенно.

Но работа «критиков» не ограничивалась областью философии. Очень скоро она была «дополнена» ревизией некоторых основных положений экономического учения Маркса. Если первым этапом этой ревизии явилась первая книжка Струве, критически разобранная Лениным в 1894 г., то новым этапом этой ревизии явился тот спор о теории рынков, который возгорелся в русской журналистике 1898 — 1899 г.г. Смысл вмешательства Ленина в эту полемику и смысл посвященных им этой теме статей заключается именно в защите основных положений Маркса от искажений их «критиками», Туган-Барановским и Струве. В этой

полемике на очередь были поставлены не те или иные, хотя бы и очень важные детали экономического учения Маркса (не учение о внешнем рынке, не учение о третьих лицах или об отношении теории реализации Маркса к теории реализации Ад. Смита), а центральный пункт Марксова учения о противоречиях капитализма, обрекающих его неизбежно на гибель.

Статьи Струве и Туган-Барановского представляли — пока еще более или менее прикрытое, затушеванное — нападение на то основное положение Маркса, что «чем больше (в капиталистическом обществе. *Л. К.*) развивается производительная сила, тем более приходит она в противоречие с узким основанием, на котором покоятся отношения потребления». Нападение будущих апологетов буржуазии на этот пункт учения Маркса было как нельзя более естественно: оно подкапывалось под революционный характер учения Маркса. Это нападение как в зерне заключало в себе всю дальнейшую «критику» марксизма, поскольку она направлялась против экономического учения Маркса, и показывало уже само по себе, что «критика» идет прямым путем к буржуазной апологетике. На выяснении кардинального значения противоречия между производством и потреблением для всей механики капиталистического общества и революционизирующего значения соответствующего учения Маркса и сосредоточил свое внимание Ленин. Это противоречие — писал Ленин — «вполне соответствует исторической миссии капитализма и его специфической социальной структуре: первая (т.-е. миссия) состоит именно в развитии производительных сил общества (производство для производства), вторая (т.-е. социальная структура капитализма) исключает утилизацию их массой населения». Явно подходя уже к самой грани использования легальной литературы, Ленин пояснял революционизирующую роль этого противоречия в следующих словах: «Противоречие между производством и потреблением, присущее капитализму, состоит только в том, что растет национальное богатство рядом с ростом народной нищеты, растут производительные силы общества без соответствующего роста народного потребления, без утилизации этих производительных сил на пользу трудящихся масс. Понимаемое в этом смысле, рассматриваемое противоречие есть не подлежащий никакому сомнению, подтверждаемый ежедневным опытом миллионов людей факт, и именно наблюдение этого факта приводит работников ко взглядам, нашедшим полное и научное выражение в теории Маркса».

И еще яснее: «... если производительные силы рвутся к безграничному росту производства, а потребление сужено пролетарским состоянием народных масс, то противоречие здесь несомненно. Это противоречие не означает невозможности капитализма, но оно означает необходимость превращения в высшую форму: чем сильнее становится это противоречие, тем дальше развиваются

как объективные условия этого превращения, так и субъективные условия, т.-е. сознание противоречия работниками... Из этого противоречия правильно будет делать единственно лишь тот вывод, что уже самое развитие производительных сил с неудержимой силой должно вести к замене капитализма хозяйством ассоциированных производителей» *).

Но именно это защищавшееся Лениным — и единственно правильное — понимание Марксова учения и противоречило целиком и полностью тем устремлениям к буржуазной апологетике, которой вдохновлялась «критика». Полемизируя с этим толкованием Ленина, Струве принужден был написать, что «положение Маркса (которое гласит, что потребление не является целью капиталистического производства) носит на себе явную печать полемического характера вообще всей системы Маркса. Оно тенденциозно...». Ленин отвечал: «я решительно оспариваю уместность и справедливость подобных выражений... Теория реализации Маркса именно потому, между прочим, представляет громадную научную ценность, что она показывает, как осуществляется это противоречие, что она выставляет это противоречие на первый план. «Полемический характер» носит «система Маркса» не потому, что она «тенденциозна», а потому, что она дает точное изображение в теории всех противоречий, которые имеют место в жизни. Поэтому, между прочим, остаются и будут оставаться неудачными все попытки усвоить «систему Маркса», не усваивая ее «полемического характера»: «полемический характер» системы есть лишь точное отражение «полемического характера» самого капитализма». В переводе с эзоповского языка легальной журналистики на общедоступный язык это обозначало: ортодоксальный марксизм не позволит гг. критикам отделять «систему Маркса» от ее революционных выводов. А именно это стремление: остаться, якобы, верным учению Маркса, отказавшись от революционных сторон этого учения, и составляло тогда очередное звено в эволюции «критиков». Из этого стремления выросла — правда, скоро за ненадобностью отброшенная — отмеченная Лениным попытка Струве различать «социологические» (якобы, правильные) и «экономические» (якобы, неправильные) элементы учения Маркса и попытка Туган-Барановского доказать, что он идет «дальше Маркса, но через Маркса». Весь этот исторический маскарад, который можно было бы изучать, как хороший школьный образчик того, как в политике фальшивые знамена прикрывают подлинные интересы партий и групп, скоро рассеялся, как дым.

Ленинское толкование учения Маркса вскрыло невозможность для «критиков» продолжать свою работу выхолащивания рево-

*) — легальный псевдоним социалистического хозяйства. *Л. К.*

люционного учения Маркса, прикрываясь учением Маркса же, и заставило их выступить против последнего уже с открытым забралом. Самому Струве не оставалось ничего иного, как фактически признать невозможность для него продолжать спор на почве марксизма.

«Было бы весьма желательно,— писал Струве,— чтобы, например, такой замечательный сторонник ортодоксального отношения к учению Маркса и такой превосходный его знаток, как Владимир Ильин, указал, каким путем — с точки зрения ортодоксии — может быть разрешена «основная антиномия теории трудовой ценности», на мой взгляд логически упраздняющая эту теорию». Это звучало, как отказ от продолжения спора на почве марксизма, как отказ от *фикции* приверженности к марксизму, хотя бы «исправленному и дополненному».

Полемика по вопросу об основах экономического учения Маркса еще не закончилась, когда «критики» расширили фронт своего наступления на марксизм статьей С. Булгакова, направленной против книги Каутского «Аграрный вопрос». Момент появления статьи Булгакова, конечно, случаен, но никак нельзя признать случайным расширения фронта «критического» наступления поворачивавших от марксизма «идеалистов» на область применения марксизма к аграрному вопросу. С одной стороны, эта область казалась наименее защищенной «догмой» и потому наиболее уязвимой, наиболее приуготовленной для того, чтобы посрамить «ортодоксию»; с другой стороны, практическая потребность буржуазии толкала мысль ее апологетов именно в эту область в надежде найти в крестьянстве ту социальную группу, устойчивость и консерватизм которой можно было бы противопоставить революционному городу и пролетарской теории крушения капитализма. Между тем начало 1899 г. принесло две блестящие попытки распространить на область земледелия законы и методы марксизма: книгу Каутского и книгу Ленина «Развитие капитализма в России». Ленин, ознакомившись с книгой Каутского уже после окончания своей работы, успел, однако, в специальных строках предисловия к последней, подчеркнуть свою «полную солидарность» с воззрениями Каутского.

В те же приблизительно дни, когда писались эти строки Ленина, Булгаков писал свою «критику» Каутского. Общественно-политический смысл этой критики всего лучше вскрывается из того места статьи Булгакова, в котором он говорит: «Достаточно прочесть соответствующие места из прикладной части книги Каутского, чтобы убедиться, насколько теория Zusammenbruch'a (социальной революции) веет над всеми представлениями о будущих судьбах земледелия». Этот веющий над книгой Каутского дух социальной революции заставил нашего критика учинить Каутскому форменный разнос. Ленин писал о статье Булгакова, что

«меня она привела прямо-таки в исступление... Я решительно не могу понять, как мог он написать такую сплошь вздорную и до невозможности неприличную по тону статью». На нападение Булгакова Ленин ответил немедленно же статьей «Капитализм в сельском хозяйстве», защищая ортодоксальные взгляды Каутского.

В 1907 г. Ленин писал, что Струве, Туган-Барановский, Булгаков в 1899 г. «старались быть марксистами». Но мы уже видели, что из этого старания ничего не выходило, что из-под маски старающихся быть марксистами якобы-социалистов выглядывали уже вполне явственно черты подлинных буржуазных апологетов. Само «старание» удержаться на почве марксизма было лишь историческим — и уже клонившимся к закату — маскарадом. Никто не видел этого яснее, чем Ленин. Процесс окончательной литературно-политической размежевки задерживался, однако, рядом обстоятельств, сущность которых всего лучше выражена самим Лениным в его письме А. Потресову от 27. VI. 99 г. «Перечитал, — писал Ленин, — сейчас конец своей статьи против Булгакова в черновике... и увидел, что там мой тон — примирительный: ...я, мол, «ортодоксальный» и решительный противник «критиков» (это я сказал прямо), *но* не надо преувеличивать этих разногласий (как это делает г. Булгаков) пред лицом общих врагов. Весьма может быть, что этот «примирительный» тон (я изо всех сил старался смягчить себя и полемизировать как Genosse (товарищ. *Л. К.*)) окажется неуместным или даже смешным..., если «критики» вызовут окончательную размежевку. Я оказался бы тогда «без вины виноватым»: не видев книги Бернштейна, не зная *всех* взглядов «критиков», находясь на «приличном расстоянии», я смотрел еще (когда писал эту статью) совсем «по старому», просто как сотрудник «Начала»... Кажется, мое утверждение, что теория классовой борьбы не затронута «критикой», — неверно?»

Но там, где Ленин не «старался изо всех сил смягчить себя», в письмах, его подлинное отношение к главарям «критики» выражалось совершенно ясно *).

В апреле 1899 г. он пишет о С. Булгакове: «Будь у человека сколько-нибудь чувство партийности, сознание ответственности перед всеми Genossen (товарищами. *Л. К.*) и перед всей их программой и практической деятельностью,—он бы не решился так наездически «наскакивать»... Он чувствует себя, очевидно, свободным от всяких товарищеских обязанностей и ответственности, «свободным» и индивидуальным представителем профессорской науки... Для журнала обязательно бы налагать некоторую узду на ученых наездников и на всех «посторонних» вообще».

*) Письма, которые мы ниже цитируем, напечатаны в «Ленинском Сборнике» IV.

В июне того же года — о Туган-Барановском: «Прочел статью Туган-Барановского в № 5 «Научного Обозрения»... Чорт знает что за глупый и претенциозный вздор! Без всякого исторического изучения доктрины Маркса, без всяких новых исследований, на основании ошибок в схемах,... на основании возведения в общее правило исключительнейшего случая,... на основании этого заявлять о «новой теории», об ошибке Маркса, о перестройке... Нет, не могу я поверить Вашему сообщению, что Туган-Барановский становится все более Genosse (товарищем. *Л. К.*)».

Тогда же о Струве: «Что «критики» только путают публику, *не давая ровно ничего,* с этим я вполне согласен, а равно и с тем, что с ними (особенно по поводу Бернштейна) необходима будет серьезная война (только будет ли, где воевать?..). Если П. Б. Струве «совершенно перестанет быть Genosse», — тем хуже для него. Это будет, конечно, громадной потерей для всех Genossen, ибо он человек очень талантливый и знающий, но, разумеется, «дружба — дружбой, а служба — службой» и от этого необходимость войны не исчезнет... Коренная размежевка, конечно, нужна, но в «Начале» или «Жизни» ее не выйдет и не может выйти: выйдут лишь частные статьи против «критиков» марксизма. Нужна же для нее именно 3-го рода литература (т.-е. нелегальная партийная литература. *Л. К.*) и Platform (т.-е. платформа, программа партии. *Л. К.*). Только тогда, наконец, Genossen будут размежеваны с «посторонними» «наездниками» и только тогда никакие личные причуды и теоретические «сногсшибательные открытия» не будут создавать смуты и анархии. Виной все тут проклятая российская дезорганизация!».

Необходимо иметь в виду, что все это писалось уже в апреле — июне 1899 г., до ознакомления Ленина с книгой Бернштейна, до «Credo», до появления «Отдельного приложения к «Рабочей Мысли»», до «Wademecum'a» Плеханова. Ленин имел дело покуда лишь с отдельными наскоками, намеками и поползновениями гг. критиков, а не с каким-либо связным изложением их взглядов. Через несколько месяцев Ленин воспользовался первым же случаем, чтобы точно и резко в легальной же литературе определить сумму этих наскоков и намеков, как «новое направление буржуазной критики Маркса».

«Разногласие между теми марксистами, которые стоят за так называемую «новую критическую струю», и теми, которые стоят за так называемую «ортодоксию», состоит в том, что те и другие в *разных направлениях* хотят претворять и развивать марксизм: одни хотят оставаться последовательными марксистами, развивая основные положения марксизма сообразно с изменяющимися условиями и с местными особенностями разных стран и разрабатывая дальше теорию диалектического материализма и политико-экономического учения Маркса; другие отвергают некоторые более

или менее существенные стороны учения Маркса, становятся, напр., в философии не на сторону диалектического материализма, а на сторону неокантианства, в политической экономии — на сторону тех, кто приписывает некоторые учения Маркса «тенденциозности» и т. п. Первые обвиняют за это вторых в эклектизме и, по моему мнению, обвиняют совершенно основательно... Мне вряд ли надо добавлять, что представители эклектического направления группировались в последнее время вокруг Эд. Бернштейна... Одно дело, — писал дальше Ленин, — не закрывать глаз на буржуазную науку, следя за ней, пользуясь ей, но относясь к ней *критически* и не поступаясь цельностью и определенностью миросозерцания, другое дело — пасовать перед буржуазной наукой и повторять, напр., те словечки о «тенденциозности» Маркса и т. п., которые имеют совершенно определенный смысл и значение... Неужели Струве, ухитрившийся уже (в русской литературе, заметьте) усмотреть «вред» (sic!) от повторения Маркса, не заметил и не замечает вреда от некритического повторения модных поправок модной буржуазной «науки»? Как далеко надо было отойти от марксизма, чтобы притти к подобному взгляду и к такому непростительному «закрыванию глаз» на современное «шатание мысли»! Меня особенно занимает в настоящее время вопрос о современном эклектическом направлении в философии и в политической экономии, и я не теряю еще надежды представить со временем систематический разбор этого направления; гоняться же за каждой отдельной «основной ошибкой» и «основной антиномией»... эклектизма представляется мне (да простят мне почтенные «критики»!) просто неинтересным *). Поэтому ограничусь пока контр-пожеланием: *пусть новое «критическое направление» вырисуется с полной определенностью, не ограничиваясь одними намеками. Чем скорее это произойдет, тем лучше, ибо тем меньше будет путаницы и тем яснее будет публика сознавать различие между марксизмом и новым «направлением» буржуазной критики Маркса»* (Курсив наш. *Л. К.*). Это недвусмысленное «определение своей позиции» (выражение Ленина) несколько искусственно, но вполне обдуманно, пристегнуто им к статье, посвященной совершенно другой теме.

Чтобы вполне оценить преднамеренность этого неожиданного заключения статьи «Некритическая критика», необходимо взять его именно в связи с указанными выше статьями В. И. за 1899 г.

Статья «Некритическая критика» была последней статьей В. И., написанной и опубликованной в легальной печати до отъезда его за границу. Она написана в марте 1900 г., после

---

*) Эти строки являются малолюбезным ответом Ленина на любезное предложение Струве, цитированное нами выше, на стр. XXVI. *Л. К.*

возвращения из ссылки, когда отъезд за границу для создания «Искры» был уже решен.

Таким образом, заключительные страницы статьи «Некритическая критика» представляют как бы *легальное изложение программы* и ближайших задач той группы, которая во главе с Лениным переходила на нелегальное положение ради отстаивания основ пролетарского социализма и пролетарской партии и которая через несколько месяцев выступила в виде организации «Искры» и «Зари». В этом и заключается смысл и значение заключительных страниц статьи «Некритическая критика», как бы открывающих новый период и в работе В. И. и в жизни нашей партии.

Это была как бы легальная перефразировка той платформы, объявление той «войны», о необходимости которых Ленин писал уже в средине 1899 г. Нужно заметить, что эти строки писались, вероятно, всего за пару недель до Псковского совещания.

Общая позиция Ленина в борьбе с народничеством и «легальным марксизмом» вполне оправдана историей и не нуждается ни в какой защите. Было бы, однако, странно, если бы эта его позиция не подверглась нападкам и искажениям со стороны меньшевистских публицистов и историков. Уже немедленно после раскола 1903 года Потресов в меньшевистской «Искре» попытался представить Ленинскую позицию в 90-х г.г. как результат «кружковой замкнутости» и «антиисторического сектантства». Доказательством послужила та самая статья «От какого наследства мы отказываемся», на которой мы останавливались выше.

Впоследствии, после каждой исторической победы Ленина над меньшевизмом, меньшевики вновь и вновь обращались к позиции Ленина 90-х г.г., пытаясь найти в ней теоретические ошибки, а в этих якобы ошибках теории Ленина ища утешения от выпавших на их долю политических ударов Ленина. Так было после первой революции, принесшей полное подтверждение схемы Ленина и крушение меньшевистской схемы. Так было и после октябрьской победы Ленина. Это стало как бы традицией меньшевистской литературы.

Уже в 1905 г. — через полтора года после раскола и через *шесть* лет после появления соответствующих работ Ленина — Плеханов (в специальном примечании ко второму изданию «Наших разногласий») неожиданно открыл, что «кроме г. Туган-Барановского, у нас теорию Ж.-Б. Сэя (его теорию рынков вообще и кризисов в частности. *Л. К.*) проповедывал г. Владимир Ильин в «Заметке к вопросу о теории рынков» и в книге о «Развитии капитализма в России»». Это категорическое заявление, не подтвержденное никакими доказательствами и рассчитанное на

авторитет автора и невежество или забывчивость читателя, было просто злой полемической выходкой, имевшей в виду скомпрометировать теоретическую позицию Ленина путем сближения ее с вульгарной буржуазной теорией.

В первом же номере возобновленного после революции (1908 г.) органа меньшевиков «Голос Социал-Демократа» то же обвинение получило более членораздельную форму. В статье, представлявшей попытку проследить исторические судьбы русского марксизма, меньшевистский орган писал: «Молодые марксисты 90-х г.г., Ильин (Ленин), Булгаков, Туган-Барановский и др. опровергали и опровергли народнические предрассудки, но они доказывали больше, чем требовалось доказать... Они хотели быть радикальнее и с ними случилась беда: разбивши мелко-буржуазную теорию, они сами уклонились в сторону крупно-буржуазного апологетизма».

«Наши марксисты 90-х г.г. обнаружили теоретическую беспомощность,—продолжал меньшевистский историк,—и сбились с пути в толковании марксистской теории кризисов»... После этого нашему историку не трудно было уже сделать свой вывод, что, собственно говоря, Ленин «должен был логически придти к бернштейнианской теории притупления классовой борьбы и органического развития к социализму». (Для справедливости отметим оговорку автора, признающего, что Ленин *сознательно* к этому выводу не стремился, а лишь влекся к нему—против своей воли и сознания—логикой своей теоретической позиции.)

Для политической группы, характерная черта которой заключалась в апологетическом отношении к партиям либеральной буржуазии и которая потерпела крушение в борьбе с ленинской линией революционного союза рабочих и крестьян, ссылка на «крупно-буржуазный апологетизм» Ленина в 90-х г.г. была, конечно, слабым утешением. Но все же соблазн был так велик, что ту же формулу—через 10 лет—уже после Октября вновь повторил другой меньшевистский публицист. В 1919 г. Л. Мартов писал: «От прежнего недоверия к капиталистическому апологетизму Струве у Ленина не осталось и следа, и в этом настроении он пребывал и в следующие годы, когда (в своих «Этюдах и очерках» и «Развитии капитализма») специально занимался аграрным вопросом».

Мы видим, таким образом, что обвинение Ленина 90-х г.г. в «апологетической» теории рынков и кризисов представляет действительно традицию меньшевистской литературы. Остается только — для полноты картины и для выяснения подлинного смысла этого обвинения — вспомнить, что действительным источником меньшевистской мудрости в данной области, действительным автором обвинения Ленина в буржуазной апологетике, слова которого *только повторяли* — в продолжение 20 лет — меньшевики, был

никто иной, как сам... П. Б. Струве. Именно он, а не кто-либо другой и еще лет за пять до того, как меньшевики вообще почувствовали потребность критиковать Ленина, написал — в поучение Ленину и в защиту от последнего... революционной теории Маркса: «Ильин излагает буржуазно-апологетическую теорию», «Ильин апологетически-буржуазную теорию Сэя-Рикардо приписал Марксу». (П. Струве. «Научное Обозрение», 1899 г., кн. 1.) Струве, поучающий Ленина марксизму и уличающий его в буржуазной апологетике! — вот еще один образчик исторического маскарада.

Этот странный «единый фронт» — от Струве до Плеханова — против защищавшейся Лениным теории рынков примет еще более «странный» вид, если мы упомянем, — а упомянуть об этом необходимо, — что в рядах этого фронта оказалась и т. Роза Люксембург. Упомянуть о Розе Люксембург необходимо постольку, поскольку она, характеризуя в своей работе «Накопление капитала» (1912 г.) борьбу русских легальных марксистов с народниками вокруг вопроса о рынках, приходит к следующему заключению: «Все трое — Струве, Булгаков и Туган-Барановский — в пылу борьбы доказали больше, чем требовалось доказать. Речь шла о том, способен ли капитализм к развитию вообще и в России в частности, и названные марксисты настолько основательно доказывали эту возможность, что дали даже теоретическое доказательство возможности вечного существования капитализма. Ход доказательства, начавшийся с возможности капитализма, закончился невозможностью социализма», — и не отделяет от этой тройки с достаточной резкостью Ленина *).

Как же могло случиться, что подлинная революционная марксистка Р. Люксембург совпала в своей оценке теоретической позиции Ленина в одном из основных вопросов Марксова учения с меньшевиками и Струве? И не доказывает ли это совпадение, что в обвинениях меньшевиков крылось хоть зерно истины? Отнюдь нет! Обвинения Р. Люксембург совпали с обвинениями меньшевиков *только потому* и *именно потому*, что именно в данном пункте Р. Люксембург отошла от Маркса и начала критиковать Маркса. А став на этот путь, она неизбежно должна была придти к выводам, совпадающим с меньшевистской критикой Ленина, ибо последний и в этом пункте строго придерживался взглядов Маркса.

Основой ошибки Р. Люксембург является то, что она усомнилась в достаточности учения Маркса о реализации для доказательства объективной неизбежности крушения капитализма. Ей показалось, наоборот, что учение Маркса о возможности накопления, реализации прибавочной ценности и расширенного воспроизводства в капиталистическом обществе ведет к признанию

*) Р. Люксембург. «Накопление капитала», 3-ье изд., стр. 327, ср. также стр. 318.

того, что «экономическому развитию капитализма не поставлено никаких границ», что, тем самым, «из-под социализма вырывается гранитная основа его объективной исторической необходимости». Придя к этим безотрадным выводам, Р. Люксембург затем стала искать спасения от них в *пересмотре* учения Маркса о реализации, в воссоздании теории «третьих лиц», необходимых для капитализма и исчезновение которых и ведет капитализм к крушению. На деле этот пересмотр учения Маркса о реализации обозначал *отказ* от учения Маркса о гибели капитализма в результате роста внутренних неотделимых от него противоречий его собственного развития, перенесение центра тяжести вопроса о крахе капитализма из этой сферы внутренних противоречий капитализма на условия его распространения в некапиталистической среде («третьи лица») и обрекал автора на глубоко-пессимистические, анти-революционные выводы. Марксова теория реализации остается единственным подлинно-революционным учением, выводящим объективную неизбежность крушения капитализма из законов его внутреннего развития. Правильно, что эта теория неоднократно истолковывалась «критиками» в духе «безграничной способности капитализма к развитию», в духе «вечной жизнеспособности» его, в духе апологетики. Неправильно, что подобное толкование соответствует мысли Маркса и неизбежно вытекает из учения Маркса о возможности реализации и накопления в капиталистическом обществе. Наоборот. Маркс своей теорией реализации говорит: капитализм неизбежно погибнет от внутренних противоречий, *несмотря* на то, что реализация в капиталистическом обществе возможна. Именно на этой точке зрения и стоял Ленин в своих статьях, посвященных вопросу о рынках. Если, таким образом, Р. Люксембург, исходя из глубоко-неправильного понимания Маркса, критиковала позицию Маркса-Ленина под тем углом зрения, что она казалась ей *недостаточно* революционной, то критика меньшевиков и Струве с К° лишь отчасти исходила из неспособности понять подлинно-революционный характер этой позиции и в гораздо большей мере — наоборот — из отчетливого понимания того, что именно эта позиция разоблачает и взрывает последнее убежище буржуазной надежды на жизнеспособность капитализма. Им, ведь, пришлось назвать «апологетикой» ту — развивавшуюся Лениным в строгом согласии с Марксом — точку зрения, что крах капитализма неизбежен «даже при идеально-гладком» ходе реализации *).

*) Отступление Р. Люксембург в данном вопросе от Маркса (а следовательно, и от Ленина) подробно выяснено и растолковано Н. И. Бухариным в первых трех главах его «теоретического этюда» — «Империализм и накопление капитала». Заметим, кстати, во избежание недоразумений, что у нас в тексте (так же, как и у Ленина) все время идет речь о теории рынка в ее абстрактно-теоретическом выражении.

«Теория Маркса,—писал Ленин,—не только не восстановляет буржуазно-апологетической теории, а, напротив, *дает сильнейшее орудие против апологетики* (курсив Ленина. *Л. К.*). Из этой теории следует, что *даже* при идеально-гладком и пропорциональном воспроизводстве и обращении всего общественного капитала неизбежно противоречие между ростом производства и ограниченными пределами потребления. В действительности же *кроме того* процесс реализации идет не с идеально-гладкой пропорциональностью, а лишь среди «затруднений», «колебаний», «кризисов» и пр... Марксово понимание реализации неизбежно ведет к признанию исторической прогрессивности капитализма (развитие средств производства, а следовательно, и производительных сил общества), не только не затушевывая этим, а, напротив, выясняя исторически-преходящий характер капитализма». И далее: «Наличность противоречия между потреблением и производством, между стремлением капитализма безгранично развивать производительные силы и ограничением этого стремления пролетарским состоянием, нищетой и безработицей народа, ясна... как день. Из этого противоречия правильно будет делать единственно лишь тот вывод, что уже самое развитие производительных сил с неудержимой силой должно вести к замене капитализма хозяйством ассоциированных производителей».

Этих цитат уже совершенно достаточно (а их можно было бы увеличить), чтобы показать, что, отстаивая — в борьбе с народниками — возможность развития капитализма — необходимого условия развития рабочего движения в России, — Ленин ни на минуту не переходил той грани, за которой смазывается исторически-преходящая роль капитализма, неизбежность его крушения в результате противоречий между производством и потреблением. Если для Струве, Булгакова и Туган-Барановского доказательство возможности капитализма действительно,— как правильно указывает Роза Люксембург, — легко и почти незаметно перешло в доказательство возможности его вечного существования, его безграничной жизнеспособности, в доказательство невозможности социализма, то именно это обстоятельство и послужило для Ленина главным мотивом его вмешательства в спор о рынках. Статьи Ленина о рынках остаются и теперь — через 25 лет — лучшим изложением соответствующих сторон учения Маркса.

Борьба за теорию революционного марксизма против народничества и бернштейнианства была для Ленина, однако, только неотделимой составной частью общей задачи построения пролетарской партии в России. «Без революционной теории невозможно революционное движение»,—не уставал повторять Ленин и потому так много внимания уделял теоретическим вопросам

марксизма. Но в то же время он ни на минуту не упускал из виду практических запросов движения. Уяснение особого положения пролетариата и особых задач его в своеобразной обстановке царской России было в 90-х г.г., несомненно, важнейшей практической потребностью движения. Особенности этого положения Ленин с поразительной прозорливостью наметил уже в первой своей работе «Что такое „друзья народа“?». «К выводу — писал он в 1894 г. — о необходимости поднять рабочего на борьбу с абсолютизмом можно придти двумя путями: *либо* смотреть на рабочего, как на единственного борца за социалистический строй и тогда видеть в политической свободе одно из условий, облегчающих ему борьбу. Так смотрят с.-д-ты. *Либо* обращаться к нему просто как к человеку, наиболее страдающему от современных порядков, которому уже нечего терять и который всего решительнее может выступить против абсолютизма. Но это и будет значить — заставлять его тащиться в хвосте буржуазных радикалов, не желающих видеть антагонизма буржуазии и пролетариата за солидарностью всего «народа» против абсолютизма».

Как известно, политиков, «не желающих видеть антагонизма буржуазии и пролетариата за солидарностью всего «народа» против абсолютизма», или желающих, по крайней мере, елико возможно смягчить этот антагонизм, оказалось более чем достаточно. Среди этого сорта политиков наиболее выдающуюся роль играли меньшевики. Уже после классовых битв 1905 — 07 г.г., которые, казалось бы, и слепым могли открыть глаза, меньшевики упрекали Ленина в том, что он еще в 90-х г.г. *преувеличивал* роль классовой борьбы пролетариата в русском революционном процессе. В 1908 г., излагая позицию Ленина в 90-х г.г., видный меньшевистский публицист писал с возмущением: «Ленин объявляет доминирующим фактом для России, задыхающейся еще в крепостнической обстановке, ту самую борьбу труда с капиталом, которая заполняет жизнь развитых капиталистических стран, и, таким образом, одним росчерком пера устраняет главную экономическую пружину русской буржуазной революции» *). Эта тирада не столько рисует действительную позицию Ленина в 90-х г.г., сколько разоблачает глубокую ненависть к его позиции тех «буржуазных радикалов», которые допускали рабочее движение лишь в виде придатка к либеральному движению. На деле Ленин 90-х г.г.

*) Как исторический курьез следует отметить, что автор этих строк — с известной долей логики с своей точки зрения — приходил к тому поразительному выводу, что отцом «экономизма» был никто иной, как... Ленин. Он утверждает, что «практика т. наз. экономизма конца 90-х г.г. логически неизбежно вытекала» из отмеченного им у Ленина «недостаточного понимания основного экономического противоречия современной России». Это последнее обвинение, сводившееся, как мы видели выше, к упреку Ленину в *переоценке* антагонизма между пролетариатом и буржуазией, фигурирует, впрочем, рядом с цитированным уже нами упреком ему же

ни на минуту не упускал из виду, что ближайшая революция будет по своему содержанию революцией буржуазной. Но сказать *только это*, значило бы объективно занять анти-пролетарскую позицию. Эта судьба и была уготована меньшевизму. Ленин же с первых своих работ ставит вопрос не только о содержании грядущей революции, но и о роли пролетариата в этой революции, о том, какова должна быть тактика пролетариата для того, чтобы он не оказался в революции лишь орудием буржуазного «общенационального» движения.

Вся брошюра «Задачи русских социал-демократов» (1897 г.) проникнута идеей о гегемонии социалистических целей пролетарского движения над его конкретными политическими задачами и идеей гегемонии пролетариата в решении обще-демократических задач грядущей революции. Именно из подобной постановки вопроса вытекла у Ленина четкая и резкая характеристика позиции пролетариата по отношению ко всем другим оппозиционным группам.

«Указывая на солидарность с рабочими тех или других оппозиционных групп, — писал в 1897 г. Ленин, — социал-демократы всегда будут выделять рабочих, всегда будут разъяснять временный и условный характер этой солидарности, всегда будут подчеркивать классовую обособленность пролетариата, который завтра может оказаться противником своих сегодняшних союзников».

И далее: «В борьбе против абсолютизма рабочий класс должен выделять себя, ибо *только* он является до конца последовательным и безусловным врагом абсолютизма, только между ним и абсолютизмом невозможны компромиссы, *только* в рабочем классе демократизм может найти сторонника без оговорок, без нерешительности, без оглядки назад... Только пролетариат способен до конца довести демократизацию политического и общественного строя, ибо такая демократизация отдала бы этот строй в руки рабочих».

И тут же Ленин дал, как бы заранее, критику всех тех политических течений, которые впоследствии под разными масками (экономизма, меньшевизма, беззаглавцев, эс-эрства, ликвидаторства и т. д.) пытались свернуть рабочее движение с его классового пути, воюя против гегемонии пролетариата, против его «выделения» и за «смягчение антагонизма», за разного вида «блоки» и «коалиции» пролетариата и буржуазии, за слияние рабочего движения с общедемократическим движением в стране.

в «апологетике» и бернштейнианском *притуплении* классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией (ибо оба эти взаимно исключающие друг друга обвинения даны одним и тем же автором и в одной и той же статье). Конечно, какой-либо политический смысл имеет именно первое обвинение (второе только прикрывает его): оно показывает, чем именно были недовольны меньшевики в деятельности Ленина 90-х г.г. ... Цитированная здесь и выше статья напечатана в № 1—2 «Голоса С.-Д-та», февраль 1908 г. Ее заглавие: «Движущая сила русской революции». Ее автор — А. Мартынов.

«Слияние демократической деятельности рабочего класса, — писал Ленин в 1897 г., — с демократизмом остальных классов и групп ослабило бы силу демократического движения, ослабило бы политическую борьбу, сделало бы ее менее решительной, менее последовательной, более способной на компромиссы. Наоборот, выделение рабочего класса, как передового борца за демократические учреждения, усилит демократическое движение, усилит борьбу за политическую свободу, ибо рабочий класс будет подталкивать все остальные демократические и политические оппозиционные элементы... на бесповоротный разрыв со всем политическим строем современного общества».

Таким образом, основные элементы классовой тактики пролетариата в общедемократической борьбе с царизмом были выработаны Лениным уже в середине 90-х годов. Высшей целью, под контроль которой должны быть поставлены все тактические вопросы рабочего движения, является социалистический переворот. Эта цель делает пролетариат передовым, единственно до конца идущим борцом и против абсолютизма. В этой борьбе пролетариату должна принадлежать роль гегемона. Лишь он один, встав во главе движения, способен довести до конца дело демократического переворота. Для выполнения этой роли борьба рабочего класса должна быть выделена из общедемократической борьбы. Солидарность других общественных групп с пролетариатом в его борьбе всегда будет носить временный и условный характер. Пролетариат завтра может оказаться противником своих сегодняшних союзников.

Выделению рабочего движения из общедемократического, общенационального движения, направленного против царизма, Ленин придавал особое значение и тщательно подчеркивал ошибочность малейшего уклонения от этой линии.

Через несколько месяцев после того, как были напечатаны «Задачи русских социал-демократов», Аксельрод напечатал свои статьи об «Историческом положении и взаимном отношении либеральной и социалистической демократии в России». Самое заглавие брошюры показывает, что она посвящена основному вопросу русской революции, именно тому вопросу, который уже в первой революции 1905 г. раз-на-всегда разделил меньшевизм и большевизм. Основоположное значение этой брошюры Аксельрода для меньшевизма не подлежит сомнению. Недаром меньшевистские историки партии и революции именно ее считают высшим выражением меньшевистской тактической мудрости. Тем более примечательно, что уже при первом ознакомлении с ней в 1899 г. Ленин ясно и решительно отметил те ее опасные тенденции, которые затем, начиная с 1904 г., целиком определили меньшевистскую тактику прислуживания либерализму.

«Аксельроду, — писал Ленин в 1899 г., — следовало бы порезче выставить классовый характер рабочего движения, а затем не

так благоволить к фрондерствующему аграрнерству» (земцам, а за ними — кадетам. *Л. К.*). «Автор,— продолжал Ленин,— перегнул палку, он воевал против абстрактного, пренебрежительного отношения к умеренно прогрессивным элементам и как бы затушевал этим самостоятельное и более решительное положение, занимаемое представляемым им (т.-е. рабочим. *Л. К.*) движением... автору следовало точнее формулировать задачу: высвободить все и всяческие прогрессивные течения из-под хлама народничества и аграрнерства и в таком очищенном виде утилизировать все их. По моему, утилизировать гораздо более точное и подходящее слово, чем поддержка и союз. Последний указывает на равноправность этих союзников, а между тем они должны в хвосте идти, иногда даже со скрежетом зубовным; до равноправности они абсолютно не доросли и никогда им не дорасти при их трусости, раздробленности и т. д. Поддержка же будет далеко не от одной интеллигенции и прогрессивных землевладельцев, но от многих других, и семитов (т.-е. вообще угнетенных национальностей. *Л. К.*) и прогрессивной торговой и промышленной буржуазии и тех крестьян, которые склонны представлять разум, а не предрассудки, будущее, а не прошлое своего класса и многие, многие другие».

Как видим, Ленин отнюдь не пренебрегал непролетарскими оппозиционными элементами, он только настаивал на необходимости «всегда разъяснять временный и условный характер их солидарности с рабочими», «всегда подчеркивать классовую обособленность пролетариата» и вместо формулы равноправного союза выдвигал формулу использования пролетариатом непролетарского оппозиционного движения. Знаменательно также и то, что уже в середине 90-х годов Ленин передвигает центр тяжести оппозиционного движения из среды интеллигенции и либеральных земцев, на которых возлагал свои надежды Аксельрод, в среду торгово-промышленной буржуазии и крестьянства. Характерно и то, что в письмах Ленина 1898 года уже мелькает то самое слово «изолирование», которое впоследствии, в эпоху революции, было одним из главных жупелов, который меньшевики направляли против большевистской тактики последовательно - классовой борьбы. «Мне кажется, — пишет Ленин, — что отчужденность от общества отнюдь еще не означает непременного изолирования (которого уже тогда боялся Аксельрод. *Л. К.*), ибо есть общество и общество».

Через несколько лет эта полемическая фраза Ленина наполнилась конкретным классовым содержанием: — из боязни «изолирования» пролетариата меньшевики вели тактику блока с кадетами; Ленин, повторяя: «есть общество и общество», вел тактику боевого союза пролетариата с революционным крестьянством.

Изложенным выше взглядам Ленина на задачи и тактику пролетарской партии противостояла в 90-х г.г. другая «теория», выразителями которой являлись, с одной стороны, «Credo» Кусковой-Прокоповича, а с другой — экономизм и его орган «Рабочая Мысль». Эти течения, находившие себе теоретическое оправдание в бернштейнианстве и русском легальном марксизме, объективно подготовляли для русского пролетариата роль охвостья либеральной оппозиции вместо той роли руководителя революционного движения, к которой стремился Ленин.

Анти-пролетарская и на деле контр-революционная сущность этих течений была вскрыта Лениным до конца. «Бернштейнианство,— писал Ленин в своем протесте против Credo,— означает попытку сузить теорию Маркса, попытку превратить революционную рабочую партию в реформаторскую». «Программа авторов Credo, — продолжал Ленин, — клонится к тому, чтобы рабочий класс, идя «по линии наименьшего сопротивления», ограничивался экономической борьбой, а либеральные оппозиционные элементы боролись при «участии» марксистов за «правовые» формы. Осуществление подобной программы было бы равносильно политическому самоубийству русской социал-демократии, равносильно громадной задержке и принижению русского рабочего движения и русского революционного движения».

Экономистам же, редакторам «Рабочей Мысли», Ленин советует «хорошенько подумать над тем, куда они хотят идти и где их настоящее место: среди ли революционеров, которые несут в трудящиеся классы знамя социальной революции и хотят организовать их в политическую революционную партию, или среди либералов, которые ведут свою «общественную борьбу» (т.-е. легальную оппозицию)... Ведь в сущности вся программа «Рабочей Мысли»... клонится к тому, чтобы оставить русских рабочих в их неразвитости и раздробленности и чтобы сделать их *хвостом либералов!*». Так в 1899 г. Ленину пришлось повторить (и буквально в тех же словах) людям, называвшим себя марксистами и социал-демократами и действовавшим на правах членов партии, то же обвинение в стремлении превратить рабочее движение в охвостье либерализма, которое пять лет тому назад — в 1894 г.— он обратил против буржуазных радикалов. Причина — в том, что буржуазный радикализм пытался теперь проводить свою политику внутри партии под маской социал-демократии.

И тут же Ленин резко и точно формулирует ту задачу, которая должна быть противопоставлена этим антипролетарским течениям: «Пролетариат должен стремиться к основанию самостоятельной политической рабочей партии, главной целью которой должен быть захват политической власти пролетариатом для организации социалистического общества».

Русское рабочее движение переживало один из решающих моментов своей истории. Фактически все силы пробуждающегося буржуазного общества были направлены к тому, чтобы столкнуть это движение с классового революционного пути на путь охвостья «общенационального», буржуазно-демократического движения. Окончательное перерождение «легального марксизма», программа «Credo», проповедь «Рабочей Мысли» были только проявлением этой тенденции. Она могла опираться и опиралась за границей на движение, поднятое Бернштейном. Этому движению противостояли — кроме внутренней логики самого рабочего движения — лишь отдельные с.-д. организации, не связанные еще на деле в единую партию, лишенные общей и четкой программы, не успевшие создать даже своего идейного и практического центра, хотя бы в элементарной форме общерусской газеты. Ленин — в далекой Сибири — не мог не чувствовать, что партия переживает кризис идейного разброда и организационной раздробленности («кустарничества»), что партия отстает от запросов рабочего движения и что этот кризис организованных элементов рабочего движения способен превратиться в *политический* кризис всего движения, если руководство движением перейдет в чуждые революционному марксизму руки.

Общая программа и общерусский руководящий орган — становятся лозунгом Ленина. И программа и руководящий орган должны были — сообразно обстановке — иметь ясно выраженный боевой характер. Со второй половины 1899 года Ленин целиком посвящает себя этой задаче. Он настаивает не только на своевременности, но и на абсолютной необходимости немедленно приступить к выработке программы партии и делает сам же первый шаг к решению этой задачи, выдвигая свой «Проект программы нашей партии» (1899 г.).

В основу своего проекта программы Ленин положил: 1) старую программу Группы «Освобождение Труда», 2) Эрфуртскую программу германской с.-д., — высшее для своего времени выражение революционной марксистской мысли в области программных вопросов, и 3) тщательное изучение конкретного своеобразия русского исторического процесса. В центре проекта Лениным поставлена неоднократно подчеркиваемая им мысль о том, что задачей партии является: «организация классовой борьбы пролетариата и руководство этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и организация социалистического общества». (В другом месте: «то средство, которое современный социализм выставил для осуществления социализма — завоевание политической власти организованным пролетариатом».) Подчеркивание этой мысли в программе и в комментариях Ленина явно направлено против бернштейнианства. С той же целью придать программе явно выраженный *боевой* характер, заострить ее

против всех видов оппортунизма Ленин настаивает на необходимости: «подчеркнуть сильнее... (сравнительно с программой Группы «Осв. Труда». *Л. К.*)... ту классовую борьбу пролетариата, организовать которую ставит себе задачей с.-д. партия... очертить основную тенденцию капитализма: раскол народа на буржуазию и пролетариат, «рост нищеты, гнета, порабощения, унижения, эксплуатации». Этому дополнению к старой программе Группы «Осв. Труда» Ленин придавал особое значение и особенно на нем настаивал, подчеркивая его открыто анти-бернштейнианский характер. «Слова о «росте нищеты, гнета, порабощения, унижения, эксплуатации» необходимо должны, по нашему мнению, — писал Ленин, — войти в программу... В последнее время критики, группирующиеся вокруг Бернштейна, с особенной силой напали именно на этот пункт... Этой точной характеристикой гибельного действия капитализма и необходимости, неизбежности возмущения рабочих мы отгородим себя от тех половинчатых людей, которые, «сочувствуя» пролетариату и требуя «реформ» в его пользу, стараются занять «золотую середину» между пролетариатом и буржуазией... А отгородиться от этих людей именно в настоящее время особенно необходимо»*)...

Если, таким образом, первое дополнение Ленина к старой программе относилось к области социалистических целей пролетариата и должно было «отгородить» партию от обще-европейского оппортунизма, то второе его дополнение имело целью подчеркнуть общенародное значение борьбы пролетариата против абсолютизма, его руководящую роль в этой борьбе и, тем самым, «отгородиться» от сужения задач рабочего класса, которое определяло воззрения авторов «Credo» и экономистов. Необходимо, — писал Ленин, — «охарактеризовать (в программе. *Л. К.*) классовый характер русского абсолютизма и необходимость ниспровержения его не только в интересах рабочего класса, но и в интересах всего общественного развития... Русская с.-д-тия должна выкинуть *общедемократическое* знамя, чтобы сгруппировать вокруг себя все слои и элементы, способные бороться за политическую свободу»...

Впоследствии гг. меньшевики пытались толковать указания Ленина на общедемократические задачи рабочего класса в России не в смысле *гегемонии пролетариата* в общедемократическом движении, а в смысле *подчинения пролетариата* последнему.

---

*) Прямым доказательством поразительного политического чутья, проявленного Лениным и в этом пункте, может служить то обстоятельство, что одним из проявлений окончательной измены германской с.-д. марксизму и полного торжества в ней идей Бернштейна было то, что гг. германские с.-д. не позабыли *вычеркнуть* эти слова о «росте нищеты» и пр., стоявшие в Эрфуртской программе, из своей новой Гейдельбергской программы.

Подобного толкования можно добиться, только искажая мысль Ленина. Предлагая и подчеркивая необходимость для партии пролетариата в России преодолеть трэд-юнионистскую ограниченность и выкинуть «общедемократическое знамя», Ленин не забывал тут же подчеркнуть, что «борьбу за демократию» пролетариат должен рассматривать лишь «*как средство* (курсив Ленина, стр. 537) завоевания политической власти пролетариатом и устройства им социалистического общества». Роль же пролетариата в общедемократическом движении Ленин рисовал в следующих словах: «Настоящий вопрос русской с.-д-тии состоит в том, как организовать революционную, борющуюся за ниспровержение абсолютизма, рабочую партию, которая могла бы опереться на *все* оппозиционные элементы в России, которая могла бы *использовать* все проявления оппозиции для своей революционной борьбы».

Одной из важнейших и характернейших частей «Проекта программы» 1899 г. является «аграрная программа» и ее мотивировка. Характерными для этой части работы Ленина являются, с одной стороны, сдержанность, осторожность в оценке возможностей революционного крестьянского движения, с другой стороны то, что в статье содержатся, в неразвернутом, правда, виде, как бы в зерне, элементы дальнейшего отношения Ленина к крестьянскому движению.

Проблему отношения пролетарской партии к крестьянскому движению в дореволюционной России Ленин сводит к двум кардинальным вопросам: «1) как выработать именно такие требования, которые бы *не сбивались* на поддержку мелких хозяйчиков в капиталистическом обществе? и 2) способно ли, хоть отчасти, наше крестьянство на *революционную* борьбу с остатками крепостничества и с абсолютизмом». В 90-х г.г. при отсутствии какого бы то ни было оформленного политического движения среди крестьянства второй вопрос был вполне законен. «Это вопрос, на который история еще не дала ответа»—писал Ленин, но тут же прибавлял: «если революционные элементы русского крестьянства сумеют проявить себя...,—то с.-д-тия, которая не оказала бы при этом поддержки крестьянству, навсегда потеряла бы свое доброе имя и право считаться передовым борцом за демократию». Это было достаточно ясно и било в лицо довольно широко распространенным среди марксистов 90-х г.г. предрассудкам. Но Ленин шел дальше. Опираясь против сейчас указанных предрассудков на Маркса, в частности на его характеристику крестьянства в «18 Брюмера», Ленин писал: «поддержка того крестьянства, которое стремится ниспровергнуть старый порядок, т.-е. в России прежде всего и больше всего самодержавие, и необходима для рабочей партии». Он настаивал далее, что «теперь» мало уже со стороны с.-д-тии одной готовности соглашения с «людьми, работающими в крестьянстве», как то заявляла в своей программе

Группа «Осв. Труда», но что «мы сами должны начать обсуждение основных принципов деятельности в крестьянстве», что «русский с.-д-т... может и должен... стоять за то, чтобы рабочая партия поставила на своем знамени *поддержку* крестьянства».

Но тут-то и вставал тот вопрос, который Ленин характеризовал, как «наиболее спорный», стоящий «в наиболее далекой связи с общеустановленными, всеми с.-д-тами признанными истинами». Не ведут ли требования аграрной программы к укреплению мелкого хозяйства? Не сводятся ли они к поддержке мелких хозяйчиков в капиталистическом обществе? — Именно подобного рода соображения и составляли корень тех предрассудков в среде русских марксистов, которые (предрассудки) мешали им выработать подлинно-революционную аграрную программу русской с.-д-тии и с которыми приходилось бороться Ленину. «Предвидим еще одно возраженье, — писал Ленин: — пересмотр вопроса об отрезных землях и т. п. (т.-е. возвращение выкупных платежей, экспроприация удельных и усиленная мобилизация дворянских земель, предусматриваемые программой Ленина. *Л. К.*) должен вести к возвращению этих земель крестьянам. Это ясно. А разве это не укрепит мелкую собственность? разве могут с.-д-ты желать замены крупного капиталистического хозяйства, которое, может быть, ведется на награбленных у крестьян землях — мелким хозяйством? Ведь это была бы *реакционная мера!*» Так формулировал Ленин те возражения *со стороны с.-д-тов*, которые, несомненно, ему приходилось слышать уже при первой, сравнительно очень сдержанной попытке выдвинуть программу поддержки крестьянских требований. Эти возражения опирались на общую, абстрактную идею развития производительных сил и прогрессивности с этой точки зрения крупного хозяйства над мелким хозяйством крестьянина. Впоследствии меньшевики, опошлив и доведя до абсурда эту идею об экономической реакционности крестьянского хозяйства, сделали ее орудием контр-революционных нападений на тактику «союза рабочих и крестьян» и положили ее в основу своей тактики союза рабочих с буржуазией.

Настойчиво подчеркивая свою позицию «решительного противника охраны или поддержки мелкой собственности, или мелкого хозяйства в капиталистическом обществе», Ленин, однако, уже в 90-х г.г. не допускал и мысли, чтобы отрицательная оценка мелкой крестьянской собственности фактически вела к охране крупной помещичьей собственности от требований крестьянства. На вышеприведенные возражения он отвечает указанием на то, что по отношению к массе помещичьего хозяйства «крестьянское хозяйство, свободное от всяких средневековых стеснений, *не реакционно, а прогрессивно*» (курсив Ленина), и выдвигает в качестве орудия «радикального пересмотра аграрных отношений»

местные выборные крестьянские комитеты, размах деятельности которых тут же ставит в зависимость от силы революционного движения крестьянства. Это уже как раз те элементы программы Ленина 1899 г., из которых с ростом революционного движения, к моменту первой революции развилась и выросла программа «национализации земли» и «диктатуры пролетариата и крестьянства».

Таким образом, уже в аграрной программе 1899 г., несмотря на всю осторожность ее формулировок, вызванных общей обстановкой 90-х г.г. (полное отсутствие сколько-нибудь серьезного движения среди самих крестьянских масс, острая борьба с реакционным мелко-буржуазным народничеством, господство недоверия к будущности крестьянского движения среди марксистов), мы видим глубокое понимание Лениным того факта, что аграрная *революция,* революционное восстание крестьян, революционное решение вопроса о земле является необходимым моментом победы над дворянской монархией. Понимание того, что основой для победы пролетариата над этой монархией должно явиться крестьянское восстание против помещиков, было у Ленина уже в 90-х г.г. глубже и определеннее, чем у кого бы то ни было из марксистов того времени, не исключая членов Группы «Осв. Труда» *).

Таковы были основные черты намеченной Лениным программы партии.

Необходимо тут же отметить высказывания Ленина в 90-х г.г. по трем вопросам, которые в ближайшее время сыграли громадную роль в идейной и практической жизни партии. Это вопросы о вооруженном восстании, терроре и заговорщичестве.

Заговорщичество для русской революционной интеллигенции до-марксистского периода было традицией, связанной с высшей

*) До чего доходило извращение взглядов и роли Ленина под пером меньшевиков, хорошо характеризует «изложение» позиции Ленина в аграрном вопросе в 90-х г.г. «Голос Социал-Демократа» (№ 1 — 2, февраль 1908 г.): «Ленин под остатками крепостничества понимает не все крепостное наследие прошлого, не всю совокупную национальную обстановку русской жизни... Он видит проявление этих особенностей лишь в частностях, вроде «отработочной формы» аренды... Отсюда... должно было вытекать непонимание социального содержания, аграрного характера современного крестьянского движения. Тут кстати будет указать на связь между этими взглядами и... требованием «возвращения отрезков»». Как видит читатель, это «изложение» прямо противоположно действительным взглядам Ленина. Приведем в дополнение к тому, что сказано выше, еще одну цитату из «Проекта программы нашей партии»: «Так как именно самодержавие воплощает в себе в настоящее время всю отсталость России, все остатки крепостничества, бесправия и «патриархального» угнетения, то необходимо указать, что рабочая партия поддерживает крестьянство лишь постольку, поскольку оно способно на революционную борьбу *с самодержавием*». Вот вам и «отработочная форма аренды», которая будто бы помешала Ленину разглядеть «совокупную обстановку русской жизни» и понять «социальное содержание крестьянского движения»!

известной ей на деле формой политической борьбы, с «Народной Волей». Борьба с этой традицией была необходимым элементом пропаганды пролетарского социализма в России, и Ленин уделил этой борьбе не мало внимания. «Для народовольца, — писал он, — понятие политической борьбы тождественно с понятием политического заговора... они не могут себе представить политической борьбы иначе как в форме политического заговора. Социал-демократы же в подобной узости воззрений не повинны; в заговоры они не верят; думают, что время заговоров давно миновало, что сводить политическую борьбу к заговору значит непомерно ее суживать... Они думали всегда и продолжают думать, что эту борьбу должны вести не заговорщики, а революционная партия, опирающаяся на рабочее движение... Они думают, что борьба против абсолютизма должна состоять не в устройстве заговоров, а в воспитании, дисциплинировании и организации пролетариата, в политической агитации среди рабочих»... Эта ясная, точная и, казалось бы, элементарно-понятная характеристика, данная Лениным в «Задачах русских с.-д-тов» в 1897 г., не поддается никакому перетолкованию. Однако, революционному марксизму Ленина очень скоро пришлось столкнуться с таким опошлением своей борьбы против заговорщичества со стороны оппортунистов всех мастей, что потребовалось специальное разъяснение подлинного смысла борьбы революционного марксизма против «заговорщичества». Ленин сделал это в форме комментария как раз к тем своим словам, которые мы сейчас привели.

«Многие, — писал он в «Что делать?», — неправильно понимают ту полемику против «заговорщического» взгляда на политическую борьбу, которую вели всегда социал-демократы. Мы восставали и всегда будем, конечно, восставать против *сужения* (курсив Ленина. *Л. К.*) политической борьбы до заговора, но это, разумеется, вовсе не означало отрицания необходимости крепкой революционной организации. И, напр., в «Задачах русск. с.-д-тов», на-ряду с полемикой против сведения политической борьбы к заговору, обрисовывается (как социал-демократический идеал) организация, настолько крепкая, чтобы она могла «прибегнуть для нанесения решительного удара абсолютизму» и к «восстанию», и ко всякому «другому приему атаки». По своей *форме* такая крепкая революционная организация в самодержавной стране может быть названа и «заговорщической» организацией... Было бы поэтому величайшей наивностью бояться обвинения в том, что мы, социал-демократы, хотим создать заговорщическую организацию. Эти обвинения должны быть так же лестны для каждого врага экономизма, как и обвинения в «народовольчестве»».

Столь же характерны и важны для позиций Ленина 90-х г.г. его печатные высказывания по поводу террора. В то время как для многих марксистов того времени террор *принципиально* исклю-

чался из методов борьбы, для Ленина, который в данном случае продолжал традицию Группы «Освобождение Труда», вопрос о терроре ставился лишь как вопрос о целесообразности, о правильном распределении наличных с.-д. сил. «Обсуждение этого вопроса (вопроса о терроре. *Л. К.*), — писал Ленин в 1899 г., — и, конечно, обсуждение не с принципиальной, а с тактической стороны — непременно должны поднять с.-д-ты... Чтобы не оставлять места недомолвкам, оговоримся теперь же, что по нашему лично мнению террор является в *настоящее время* (курсив Ленина. *Л. К.*) не целесообразным методом борьбы, что партия *(как партия)* (курсив Ленина. *Л. К.*) должна отвергнуть его — (впредь до изменения условий, которое могло бы вызвать и перемену тактики)...». Ленин, как видим, *принципиально* не исключал ни одного метода революционной борьбы из арсенала пролетарской партии.

В 1905 г., когда вопрос о вооруженном восстании стал в центре внимания большевистской партии, меньшевики и либералы в один голос упрекали большевиков в том, что в вопросе о вооруженном восстании они впадают в «отвлеченный революционизм, бунтарство». Это утверждение представляет — «прямую ложь», отвечал Ленин. «Мы ставим и ставили всегда этот вопрос именно не «отвлеченно», а на конкретную почву, различно решая его в 1897, 1902 и 1905 годах». (Статья «Революция учит», ср. также предисловие к 3-му изданию «Задач русских с.-д-тов». Сочинения т. VIII.) Первой ступенью в развитии социал-демократических взглядов по вопросу о восстании со времени возникновения массового рабочего движения в России Ленин считал то, что было им сказано по этому вопросу в 1897 г. в «Задачах». Здесь сказано: «Рассуждать наперед о том, к какому средству прибегнет эта организация (революционная рабочая партия. *Л. К.*) для нанесения решительного удара абсолютизму, предпочтет ли она, например, восстание или массовую политическую стачку или другой прием атаки, — рассуждать об этом наперед и решать этот вопрос в настоящее время было бы пустым доктринерством. Это было бы похоже на то, как если бы генералы устроили военный совет раньше, чем они собрали войско, мобилизовали его, повели в поход на неприятеля». Эта точка зрения, вводившая восстание (и массовую политическую стачку. Думается, что упоминание Ленина о ней есть *первое* упоминание об этой форме борьбы в русской революционной литературе) в арсенал пролетарской партии, но отнюдь не ставившая еще восстание в порядок дня рабочего движения, вполне соответствовала конкретной обстановке 90-х г.г. И когда П. Б. Аксельрод в предисловии к брошюре Ленина счел необходимым подчеркнуть, что автор «не зовет рабочих на баррикады», Ленин подтвердил (1899 г.), что выражение Аксельрода — правильно. Для Ленина

в 90-х г.г. в порядке дня стоял не призыв рабочих «на баррикады», а лишь подготовка условий их победоносного восстания, собирание пролетарской армии, ее мобилизация, ее политическое обучение. Но уже через два с половиной года Ленин писал: «В настоящее время (февраль 1902 г.), вероятно, все согласятся, что мы должны думать о нем (о народном восстании. *Л. К.*) и готовиться к нему... Восстание есть... самый энергичный, самый единообразный и самый целесообразный «ответ» всего народа правительству» («Что делать?»).

Но подготовка этого «ответа» требовала в данный момент сосредоточивания *всех сил* именно на собирании, мобилизации, обучении пролетарской армии, требовала прежде всего окончательного, идейного и организационного, сплочения партии пролетарского социализма в России. В какой форме?

Ленин заканчивал царский плен не только созданием основных положений будущей программы партии. Мы уже сказали, что лозунгом Ленина в это время было не только: общепартийная программа, но и общерусская газета. Политическим чутьем подлинного вождя Ленин *угадал* ту форму, в которой партия в данный момент могла подняться над идейным разбродом и организационной раздробленностью в своих рядах, в которой она могла выступить как орган классовой борьбы всего пролетариата России. Этой формой, тем очередным звеном, схватившись за которое можно, по позднейшему выражению Ленина, вытащить всю цепь, была в данный исторический момент общерусская партийная газета.

Она должна была идейно и организационно сплотить раздробленную партию, поднять знамя революционного марксизма, взять в свои руки — за отсутствием центральных органов партии — руководство пролетарским движением в общерусском масштабе. Только создание подобного органа, связанного со всеми проявлениями пролетарской борьбы в России, способно было в данный момент превратить русскую социал-демократию из суммы кружков и групп в активную политическую силу, заставляющую считаться с собой врагов и друзей. А время не ждало. Новая волна политической активности явно нарастала и в рабочем классе и в других общественных группах. Чтобы не отстать от событий, надо было действовать. Ленин из далекой Сибири энергично подготовляет очередной шаг партии: пишет горячие статьи в защиту своего плана, переписывается с друзьями, намечает редакцию, сотрудников и агентов будущего органа, подготовляет его материальную базу и опорные пункты в рабочих центрах.

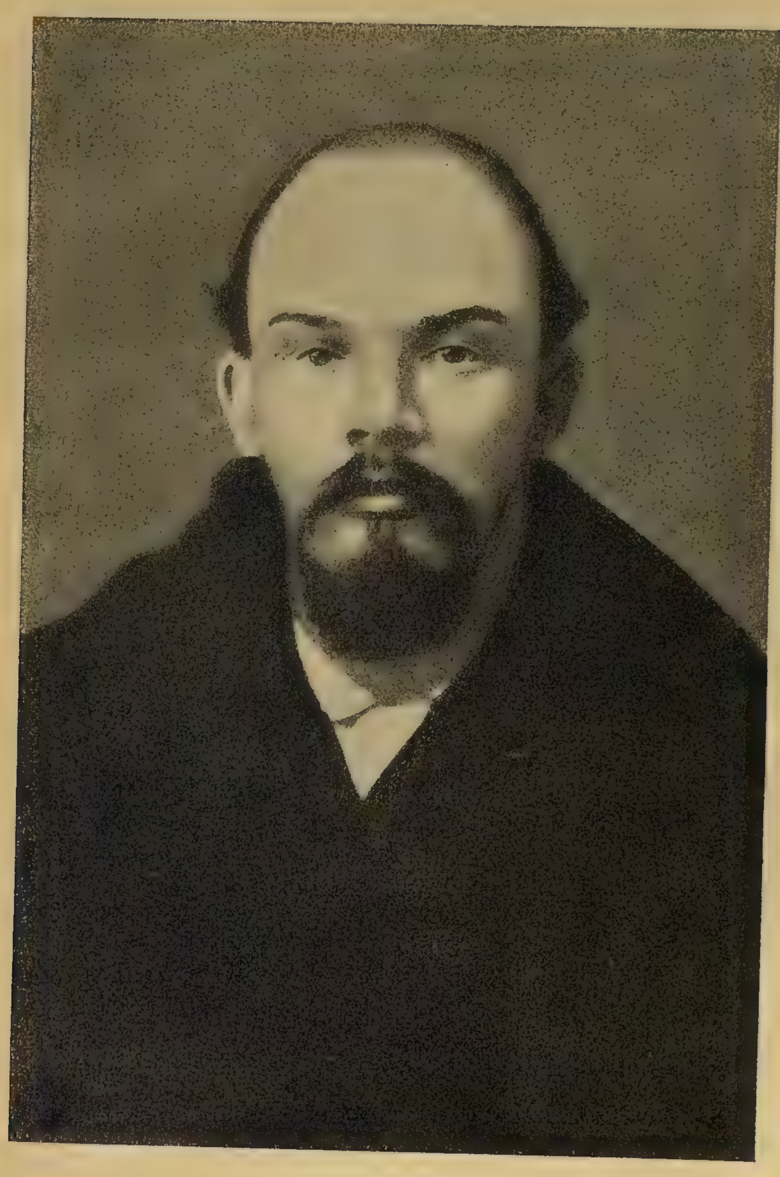
«В последний год зародился у Владимира Ильича, — пишет Н. К. Крупская, — тот организационный план, который он потом развил в «Искре», в брошюре «Что делать?»... Владимир Ильич перестал спать, страшно исхудал. Бессонными ночами обдумывал

он свой план во всех деталях, обсуждая его с Кржижановским, со мной, списывался о нем с Мартовым и Потресовым, сговаривался с ними о поездке за границу».

Выяснению и защите своего плана создания общерусской газеты Ленин в последние месяцы ссылки посвятил ряд статей под заглавием «Наша ближайшая задача», «Насущный вопрос» и т. д. Эти статьи, вместе со статьей «Попятное направление в русской с.-д-тии», написанной в то же время и тесно с ними связанной, можно и следует рассматривать как первую формулировку организационных и политических идей «Искры» и «Что делать?». Целый ряд основных идей этой книги в ясных и точных словах дан уже в этих статьях. Вопрос о преодолении «кустарничества», о систематической и беспощадной борьбе с бернштейнианством и его русским обличием — «экономизмом», о создании кадра «профессиональных революционеров», о воссоздании партии вокруг «общерусской газеты» и, наконец, о тактике рабочей партии, которая поставила бы пролетариат во главе всех борющихся сил и обеспечила бы ему руководящую роль в подготовке и проведении народной революции, — путем преодоления в первую очередь трэд-юнионистской узости, — все основные положения «Искры» и «Что делать?» поставлены и решены в этих статьях, дающих общий итог мыслям, окончательно созревшим у Ленина в тюрьме и ссылке.

План войны за пролетарскую партию и пролетарскую линию политики был готов и всесторонне — и теоретически и организационно — обдуман в момент, когда Ленин покидал Сибирь.

Июнь 1926 года. *Л. Каменев.*

В. И. ЛЕНИН

во время заключения в петербургской тюрьме (1895 — 1896 г.г.)

Снимок сделан охранным отделением

К ВОПРОСУ О ХЛЕБНЫХ ЦЕНАХ

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ) [1]

Написано в марте 1897 г.
Впервые напечатано в газете «Самарский Вестник» № 58 от 13 марта 1897 г. Подпись: С. Т. А.

Печатается по тексту газеты «Самарский Вестник»

САМАРСКІЙ ВѢСТНИКЪ

М. Г., Господин Редактор!

Не откажите дать место в вашей газете следующим строкам.

В № 54 «Самарского Вестника» была помещена статья: «Заседание Императорского Вольно-Экономического Общества», содержащая в себе отчет о дебатах, которые велись в этом обществе по поводу книги: «Влияние урожаев и хлебных цен». Собственно отчету редакция «Самарского Вестника» предпосылает несколько замечаний, касающихся наиболее существенных недостатков названного труда.

Сходясь вполне с редакцией в ее основной точке зрения, я не могу не указать на одно место, могущее породить недоразумения. «С классовой точки зрения интересы наемника противоположны интересам хозяина и в таком вопросе, как хлебные цены. Несомненно, что продавцу труда, крестьянину, которого главный доход получается из продажи его рабочей силы, выгоднее дешевый продукт, чем дорогой. Нанимающему работника хозяину выгоднее, чтобы продукт, произведенный им, продавался дороже».

Что это значит? Что для крестьянина выгоднее низкие цены на хлеб?

Отнюдь нет; крестьянин, поскольку он является мелким земельным собственником, производителем хлеба, вынужденным при настоящих экономических условиях выносить продукты своего хозяйства на рынок, заинтересован, очевидно, в более высоких ценах на хлеб — положение, не требующее дальнейших пояснений.

Если же здесь говорится о рабочих, т.-е. о том классе, который живет продажей своего труда, то, утверждая, что для рабочего выгодно понижение хлебных цен, редакция опять-таки делает, по моему мнению, крупную ошибку, причина которой кроется в неверной постановке вопроса.

Действительно, понижение цен на предметы первой необходимости, а в том числе, значит, и на хлеб может показаться выгодным для потребителя, в данном случае для рабочего. Чего же, в самом деле, лучше? На тот же самый рубль, который прежде давал мне возможность приобрести пуд пшеницы, я покупаю ныне два пуда — отсюда я, как потребитель, заинтересован

в дальнейшем понижении цен на пшеницу; однако, оказывается, что это понижение влечет за собой маленькую для меня неприятность. Дело в том, что, прежде чем явиться потребителем, покупателем хлеба на рынке, я должен на том же самом рынке заняться отчуждением чего-либо; в данном случае я, как рабочий, отчуждаю свою рабочую силу. И вот, при этой продаже рабочих рук покупатель отчуждаемого мной товара всегда справляется с его стоимостью, иными словами, с стоимостью предметов первой необходимости, и прежде всего хлеба, — и на основании этих данных расценивает мою рабочую силу. При понижении цен на хлеб понижается, таким образом, и цена моей рабочей силы. Замечено даже, что понижение цен на хлеб не эквивалентно понижению цен на рабочие руки; последние всегда падают при этом в цене больше, нежели хлеб.

Таким образом, понижение цен на хлеб по крайней мере безразлично для рабочего. Но один известный немецкий экономист, на авторитет которого я позволю себе здесь сослаться, утверждает даже, что падение хлебных цен прямо невыгодно для рабочих. Доказывает он это положение следующим образом *): «Пока цена на хлеб, а с ней и заработная плата, еще высока, довольно незначительного сбережения на потреблении хлеба, чтобы удовлетворить другим потребностям. Но как скоро цена на хлеб, а с ней и заработная плата стоит низко, рабочий почти ничего не сможет сберечь на хлебе для покупки других предметов потребления».

Таким образом, действительно интересы наемника противоположны интересам хозяина и в таком вопросе, как хлебные цены. Продавцу труда выгоднее высокие цены на хлеб; нанимающему работника хозяину выгоднее, чтобы цены на хлеб были низки.

В заключение позволяю себе выразить надежду, что редакция не откажется разъяснить истинный смысл процитированного мною выше из ее статьи места.

---

*) *K. Marx*, «Rede über die Frage des Freihandels» (*К. Маркс*, «Речь о свободе торговли». *Ред.*).

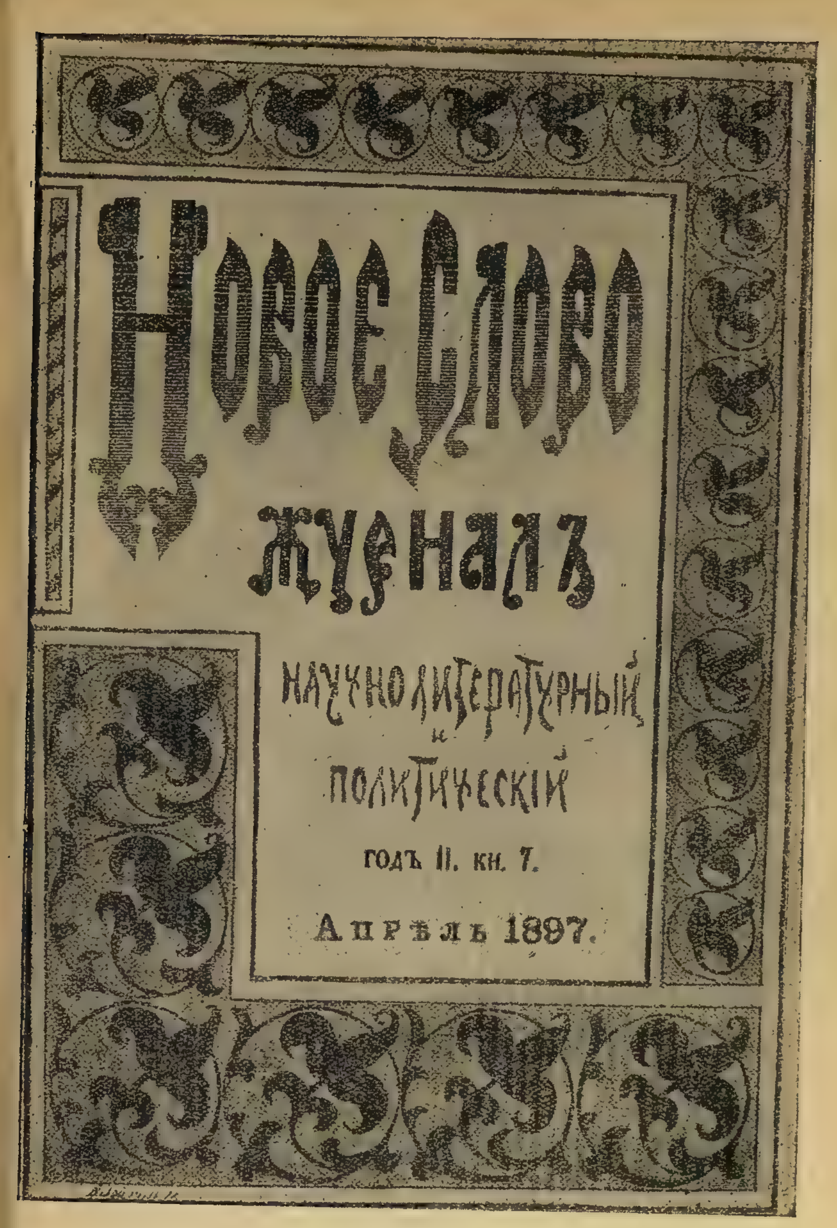
К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА

(СИСМОНДИ И НАШИ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ СИСМОНДИСТЫ)

Написано в марте 1897 г.

Первоначально напечатано в журнале «Новое Слово» [2]*, кн. 7—10, апрель—июль 1897 г. Подпись: К. Т—н. Перепечатано в сборнике: Владимир Ильин — «Экономические этюды и статьи», 1899 г.*

Печатается по тексту сборника «Экономические этюды и статьи», сверенному с текстом «Нового Слова» и с текстом, напечатанным в сб.: Вл. Ильин — «Аграрный вопрос», 1908 [3]

Новое Слово

журналъ

научно литературный

и

политическій

годъ II. кн. 7.

Апрѣль 1897.

Обложка легального марксистского журнала «Новое Слово», в котором первоначально были напечатаны статьи В. И. Ленина: «К характеристике экономического романтизма» и «По поводу одной газетной заметки» — 1897 г.

Уменьшено

Швейцарский экономист Сисмонди (J.-Ch.-L. Simonde de Sismondi), писавший в начале текущего столетия, представляет особенный интерес для разрешения тех общих экономических вопросов, которые с особенной силой выступают теперь в России. Если прибавить к этому, что в истории политической экономии Сисмонди занимает особое место, стоя в стороне от главных течений, что он горячий сторонник мелкого производства, выступающий с протестом против защитников и идеологов крупного предпринимательства (точно так же, как выступают против них и современные русские народники), то читатель поймет наше намерение дать очерк учения Сисмонди в главных его чертах и в отношении его к другим — одновременным и последующим — направлениям экономической науки. Интерес изучения Сисмонди усиливается как раз в настоящее время тем, что в журнале «Р. Богатство» за прошлый 1896 год мы находим статью, посвященную тоже изложению учения Сисмонди (*Б. Эфруси:* «Социально-экономические воззрения Симонда де-Сисмонди». «Р. Б.» 1896 г., № 7 и 8) *).

Сотрудник «Русск. Богатства» заявляет с самого начала, что нет писателя, который «подвергся бы столь неправильной оценке», как Сисмонди, которого, дескать, «несправедливо» выставляли то реакционером, то утопистом. — Как раз наоборот. Именно *такая* оценка Сисмонди вполне правильна. Статья же «Русск. Богатства», представляя из себя подробный и аккуратный пересказ Сисмонди, характеризует его теорию совершенно неверно **), идеализируя Сисмонди именно в тех пунктах его учения, в которых он всего ближе подходит к народникам, игнорируя и неправильно освещая отношение его к последующим течениям экономической науки. Поэтому наше изложение и разбор учения Сисмонди будет в то же время критикой статьи Эфруси.

---

*) Эфруси умер в 1897 г. Некролог его напечатан в мартовской книжке «Русск. Богатства» за 1897 г.

**) Вполне справедливо, что Сисмонди — не социалист, на что указывает Эфруси в начале статьи, повторяя сказанное Липпертом (см. «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», V Band, Artikel «Sismondi», von *Lippert*, Seite 678) («Словарь государственных знаний», т. V, статья *Липперта* «Сисмонди», стр. 678. *Ред.*).

ГЛАВА I.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ РОМАНТИЗМА.

Отличительной особенностью теории Сисмонди является его учение о доходе, об отношении дохода к производству и к населению. Главное произведение Сисмонди и озаглавлено так: «Nouveaux principes d'économie politique ou de la richesse dans ses rapports avec la population» (Seconde édition. Paris 1827, 2 vol. Первое издание было в 1819 г.) — «Новые начала политической экономии, или о богатстве в его отношениях к населению». Тема эта почти тождественна с тем вопросом, который в русской народнической литературе известен под названием «вопроса о внутреннем рынке для капитализма». Сисмонди утверждал именно, что развитие крупного предпринимательства и наемного труда в промышленности и земледелии ведет к тому, что производство необходимо обгоняет потребление и становится перед неразрешимой задачей: найти потребителей; что внутри страны потребителей оно найти не может, ибо превращает массу населения в поденщиков, простых рабочих и создает незанятое население, а искать внешнего рынка становится все труднее с выступлением на мировую арену новых капиталистических стран. Читатель видит, что это совершенно те же самые вопросы, которые занимают экономистов-народников с гг. В. В. и Н. —оном во главе. Посмотрим же поближе на отдельные моменты аргументации Сисмонди и на ее научное значение.

I.

СОКРАЩАЕТСЯ ЛИ ВНУТРЕННИЙ РЫНОК ВСЛЕДСТВИЕ РАЗОРЕНИЯ МЕЛКИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ?

В противоположность экономистам-классикам, которые имели в виду при своих построениях уже сложившийся капиталистический строй и наличность класса рабочих брали за нечто данное и подразумевающееся само собой, Сисмонди подчеркивает именно процесс разорения мелкого производителя, — процесс, ведший к образованию этого класса. Что указание этого противоречия в капиталистическом строе составляет заслугу Сисмонди — это неоспоримо, но дело в том, что, как экономист, Сисмонди не сумел *понять* этого явления и свою неспособность к последовательному анализу прикрывал «благими пожеланиями». Разорение мелкого производителя доказывает, по мнению Сисмонди, сокращение внутреннего рынка.

«Если фабрикант будет продавать дешевле, — говорит Сисмонди в главе о том, «как продавец расширяет свой рынок?»

(ch. III, livre IV, t. I, p. 341 et suiv.) *), — то он продаст больше, ибо другие продадут меньше. Поэтому усилия фабриканта направлены всегда на то, чтобы сделать какое-нибудь сбережение на труде или на сырых матерьялах, которое дало бы ему возможность продавать дешевле его товарищей. Так как матерьялы сами представляют из себя продукт прошлого труда, то его сбережение сводится всегда, в конце концов, к употреблению меньшего количества труда на производство того же продукта». «Правда, отдельный фабрикант старается не сокращать количества рабочих, а увеличивать производство. Допустим, что это ему удастся, что он перебьет покупателей у своих конкурентов, понизив цену товара. Каков же будет «национальный результат» этого?» «Другие фабриканты введут у себя его приемы производства. Тогда тем или другим из них придется, разумеется, отпустить часть рабочих, соответственно тому, насколько новая машина усиливает производительную силу труда. Если потребление осталось неизменным, и если то же количество труда исполняется числом рук вдесятеро меньшим, то девять десятых доходов этой части рабочего класса будут у него отняты, и его потребление во всех видах уменьшится настолько же... Результатом изобретения — если нация не имеет внешней торговли и если потребление остается неизменным — будет, следовательно, потеря для всех, уменьшение национального дохода, которое в следующем году поведет к уменьшению общего потребления» (I, 344). «И это так и должно было быть: труд сам по себе составляет важную часть дохода (Сисмонди имеет в виду заработную плату), и потому нельзя уменьшать спрос на труд без того, чтобы не сделать нации более бедной. Поэтому-то выгода, ожидаемая от изобретения новых способов производства, относится почти всегда на счет иностранной торговли» (I, 345).

Читатель видит, что уже в этих словах перед нами вся столь знакомая нам «теория» «сокращения внутреннего рынка» вследствие развития капитализма и необходимости в виду этого внешнего рынка. Сисмонди возвращается к этой мысли чрезвычайно часто, связывая с ней и свою теорию кризисов, и «теорию» населения; в его учении это такой же доминирующий пункт, как и в учении русских народников.

Сисмонди не забыл, разумеется, что разорение и безработица при новых отношениях сопровождаются увеличением «торгового богатства», что речь должна идти о развитии крупного производства, капитализма. Он прекрасно понимал это и утверждал именно, что рост капитализма уменьшает внутренний рынок: «Точно так же, как для блага граждан небезразлично, будет ли

*) Все дальнейшие цитаты, без особых указаний, относятся к указанному выше изданию «Nouveaux Principes».

довольство и потребление всех приближаться к равенству, или небольшое меньшинство будет иметь во всем избыток, а масса будет сведена к строго необходимому, точно так же эти два вида распределения дохода небезразличны и для развития *торгового богатства* (richesse commerciale) *). Равенство потребления должно всегда вести в результате к расширению рынка производителей, неравенство — к *сокращению рынка*» (de le (le marché) resserrer toujours davantage) (I, 357).

Итак, Сисмонди утверждает, что внутренний рынок сокращается свойственным капитализму неравенством распределения, что рынок должен создаваться равномерным распределением. Но каким же образом может происходить это при *богатстве торговом*, к которому незаметно перешел Сисмонди (и к которому не мог не перейти, ибо иначе он не мог бы говорить о *рынке)?* Этого он не исследует. Чем доказывает он возможность сохранения равенства производителей при торговом богатстве, *т.-е.* при конкуренции между отдельными производителями? Абсолютно ничем не доказывает. Он просто декретирует, что так *должно быть*. Вместо дальнейшего анализа того противоречия, которое он справедливо указал, он принимается толковать о нежелательности противоречий вообще. «Возможно, что с заменой мелкого земледелия крупным в землю вложено больше капиталов, что между всей массой земледельцев распределено больше богатства, чем прежде»... (т.-е. «возможно», что внутренний рынок, определяемый ведь именно абсолютным количеством *торгового* богатства, возрос? — возрос рядом с развитием капитализма?)... «Но для нации потребление одной семьи богатых фермеров плюс 50 семей нищих поденщиков неравносильно потреблению 50-ти семей крестьян, из которых ни одна не богата, но зато ни одна не лишена (умеренного) приличного довольства» (une honnête aisance) (I, 358). Другими словами: может быть, развитие фермерства и создает внутренний рынок для капитализма. Сисмонди был слишком образованный и добросовестный экономист, чтобы отрицать этот факт, но... но здесь автор покидает свое исследование и вместо «нации» торгового богатства подставляет прямо «нацию» крестьян. Отбояриваясь от неприятного факта, опровергающего его мелкобуржуазную точку зрения, он забывает даже о том, что̀ сам же говорил несколько раньше, именно: что «фермеры» и развились из «крестьян», благодаря развитию торгового богатства. «Первые фермеры, — говорил Сисмонди, — были простыми пахарями... Они не переставали быть крестьянами... Они не употребляли почти никогда для совместной работы поденных работников, а только слуг (батраков — des domestiques), избираемых всегда

---

*) Курсив здесь, как и везде в других местах, наш, если не оговорено противное.

среди им равных, с которыми и обращались, как с равными, ели за одним столом... составляли один класс крестьян» (I, 221). Все дело сводится, значит, к тому, что эти патриархальные мужички с своими патриархальными батраками гораздо более по душе автору, и он просто отворачивается от тех изменений, которые произвел в этих патриархальных отношениях рост «торгового богатства».

Но Сисмонди нисколько не намерен признаться в этом. Он продолжает думать, что исследует законы торгового богатства, и, позабыв свои отговорки, утверждает прямо:

«Итак, вследствие концентрации имуществ у небольшого числа собственников, *внутренний рынок все более и более сокращается(!)*, и промышленности все более и более приходится искать сбыта на внешних рынках, где ей угрожают великие сотрясения» (des grandes révolutions) (I, 361). «Итак, внутренний рынок не может расширяться иначе, как при расширении национального благосостояния» (I, 362). Сисмонди имеет в виду народное благосостояние (применяясь к терминологии народников), ибо он сейчас только признавал возможность «национального» благосостояния при фермерстве.

Как видит читатель, наши экономисты-народники говорят слово в слово то же самое.

Сисмонди возвращается к этому вопросу еще раз в конце сочинения, в VII-ой книге: «О населении», в главе VII-ой: «О населении, которое сделалось излишним вследствие изобретения машин».

«В деревне введение системы крупных ферм повело в Великобритании к исчезновению класса арендаторов-крестьян (fermiers-paysans), которые сами работали и пользовались тем не менее умеренным довольством; население значительно уменьшилось; но его потребление уменьшилось еще больше, чем его число. Поденщики, исполняющие все полевые работы, получая лишь самое необходимое, далеко не дают такого поощрения (encouragement) городской индустрии, какое давали раньше богатые крестьяне» (II, 327). «Аналогичное изменение произошло и в городском населении... Мелкие торговцы, мелкие промышленники исчезают, и сотни их заменяет один крупный предприниматель; может быть, они все вместе не были так богаты, как он. Тем не менее они, вместе взятые, были лучшими потребителями, чем он. Его роскошь дает гораздо меньшее поощрение индустрии, чем умеренное довольство тех ста хозяйств, которые он заменил» (ib.).

К чему же сводится, спрашивается, эта теория Сисмонди о сокращении внутреннего рынка при развитии капитализма? К тому, что автор ее, едва попытавшись взглянуть на дело прямо, увернулся от анализа условий, соответствующих капитализму («торговое богатство» плюс крупное предпринимательство в промышленности и земледелии, ибо Сисмонди слова «капитализм» не

знает. Тождество понятий делает это словоупотребление вполне правильным, и мы будем впредь говорить просто: «капитализм»), и подставил на место анализа свою мелко-буржуазную точку зрения и мелко-буржуазную утопию. Развитие торгового богатства и, след., конкуренции должно оставить неприкосновенным ровное, среднее крестьянство с его «умеренным довольством» и его патриархальными отношениями к батракам.

Понятно, что это невинное пожелание осталось исключительным достоянием Сисмонди и других романтиков из «интеллигенции», что оно с каждым днем приходило все в большее столкновение с действительностью, развивавшей те противоречия, глубины которых не умел еще оценить Сисмонди.

Понятно, что теоретическая политическая экономия, примкнув в своем дальнейшем развитии *) к классикам, установила с точностью именно то, что хотел отрицать Сисмонди, именно: что развитие капитализма вообще и фермерства в частности не сокращает, а *создает* внутренний рынок. Развитие капитализма идет вместе с развитием товарного хозяйства, и по мере того, как домашнее производство уступает место производству на продажу, а кустарь уступает место фабрике, — идет образование рынка *для капитала*. «Поденщики», выталкиваемые из земледелия превращением «крестьян» в «фермеров», поставляют рабочую силу для капитала, а фермеры являются покупателями продуктов индустрии и притом не только покупателями предметов потребления (которые прежде производились крестьянами дома или сельскими ремесленниками), а также и покупателями орудий производства, которые не могли уже оставаться прежними при замене мелкого земледелия крупным **). Последнее обстоятельство стоит подчеркнуть, ибо его-то и игнорировал особенно Сисмонди, говоривший в цитированном нами месте о «потреблении» крестьян и фермеров так, как будто бы существовало одно только *личное* потребление (потребление хлеба, одежды и т. п.), как будто бы покупка машин, орудий и т. п., постройка зданий, складов, фабрик и т. п. не были тоже потреблением, только другого рода, именно: *потреблением производительным*, потреблением не людей, а капитала. И опять-таки приходится отметить, что именно эту ошибку, которую Сисмонди, как мы сейчас увидим, заимствовал у Ад. Смита, в полной неприкосновенности переняли и наши народники-экономисты ***).

*) Речь идет о марксизме. (Прим. автора к изданию 1908 г. *Ред.*)

**) Таким образом создаются одновременно элементы и переменного капитала («свободный» рабочий) и постоянного; к последнему относятся те средства производства, от которых освобождается мелкий производитель.

***) Эфруси об этой части доктрины Сисмонди — о сокращении внутреннего рынка вследствие развития капитализма — не говорит ничего. Мы еще увидим много раз, что он опустил именно то, что наиболее рельефно характеризует *точку зрения* Сисмонди и отношение народничества к его учению.

II.

ВОЗЗРЕНИЯ СИСМОНДИ НА НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД И КАПИТАЛ.

Аргументация Сисмонди против возможности капитализма и его развития не ограничивается только этим. Он делал такие же выводы и из своего учения о доходе. Надо сказать, что Сисмонди вполне перенял от Ад. Смита теорию трудовой стоимости и трех видов дохода: ренты, прибыли и заработной платы. Он делает даже кое-где попытку обобщить два первые вида дохода в противоположность третьему: так, иногда он соединяет их, противополагая заработной плате (I, 104—105); у него попадается даже слово: mieux-value (сверхстоимость) по отношению к ним (I, 103). Не надо однако преувеличивать значение такого словоупотребления, как это делает, кажется, Эфруси, говоря, что «теория Сисмонди близка к теории прибавочной ценности» («Р. Б.» № 8, с. 41). Сисмонди, собственно, не сделал ни одного шага вперед против Ад. Смита, который тоже говорил, что рента и прибыль суть «вычет из труда», доля той ценности, которую работник прибавляет к продукту (см. «Исследование о природе и причинах богатства», рус. пер. Бибикова, т. I, гл. VIII: «О заработной плате» и гл. VI: «О частях, входящих в состав цены товаров»). Дальше этого не пошел и Сисмонди. Но он пытался связать это деление вновь создаваемого продукта на сверхстоимость и заработную плату с теорией общественного дохода, внутреннего рынка и реализации продукта в капиталистическом обществе. Попытки эти чрезвычайно важны для оценки научного значения Сисмонди и для уяснения связи между его доктриной и доктриной русских народников. Поэтому стоит разобрать их подробнее.

Выдвигая повсюду на первый план вопрос о доходе, об отношении его к производству, к потреблению, к населению, Сисмонди, естественно, должен был разобрать и теоретические основания понятия «доход». И мы находим у него, в самом начале сочинения, три главы, посвященные вопросу о доходе (l. II, ch. IV—VI). Глава IV: «Как доход происходит из капитала» трактует о различии капитала и дохода. Сисмонди прямо начинает излагать этот предмет по отношению ко всему обществу. «Так как каждый работает для всех, — говорит он, — то производство всех должно быть потреблено всеми... Различие между капиталами и доходами существенно для общества» (I, 83). Но Сисмонди чувствует, что это «существенное» различие *для общества* не так просто, как для отдельного предпринимателя. «Мы подходим, — оговаривается он, — к самому абстрактному и самому трудному вопросу политической экономии. Природа капитала и дохода постоянно пере-

плетаются в нашем представлении: мы видим, что *доход для одного становится капиталом для другого,* и один и тот же предмет, переходя из рук в руки, приобретает последовательно различные наименования» (I, 84), т.-е. то наименование «капитала», то наименование «дохода». «Но смешивать их, — утверждает Сисмонди, — ошибка» (leur confusion est ruineuse, p. 477). «Насколько трудно различить капитал и доход общества, настолько же важно это различие» (I, 84).

Читатель заметил, вероятно, в чем состоит трудность, о которой говорит Сисмонди: если для отдельного предпринимателя доходом является его прибыль, расходуемая на те или иные предметы потребления *), если для отдельного рабочего доходом является его заработная плата, то можно ли суммировать эти доходы для получения «дохода общества»? Как быть тогда с теми капиталистами и рабочими, которые производят, напр., машины? Их продукт существует в таком виде, что в потребление войти не может (т.-е. в личное потребление). Его нельзя сложить с предметами потребления. Назначение этих продуктов — служить капиталом. Значит, они, будучи *доходом* для своих производителей (именно в той своей части, которая возмещает прибыль и заработную плату), становятся *капиталом* для покупателей. Как же разобраться в этой путанице, мешающей установить понятие общественного дохода?

Сисмонди, как мы видели, только подошел к вопросу, и сейчас же уклоняется от него, ограничившись указанием на «трудность». Он заявляет прямо, что «обыкновенно признают три вида дохода: ренту, прибыль и заработную плату» (I, 85), и переходит к пересказу учения А. Смита о каждом из них. Поставленный вопрос — о различии капитала и дохода общества — остался без ответа. Изложение идет уже теперь без строгого разделения общественного дохода от индивидуального. Но к покинутому им вопросу Сисмонди подходит еще раз. Он говорит, что, подобно различным видам дохода, существуют также «различные виды богатства» (I, 93), именно: *основной капитал* — машины, орудия и т. п., *оборотный капитал* — потребляемый в отличие от первого быстро и меняющий свою форму (семена, сырые матерьялы, заработная плата) и, наконец, *доход с капитала,* потребляемый без воспроизводства. Нам не важно здесь то обстоятельство, что Сисмонди повторяет все ошибки Смита в учении об основном и оборотном капитале, смешивая эти категории, принадлежащие к процессу обращения, с категориями, вытекающими из процесса производства (постоянный и переменный капитал). Нас интересует учение Сисмонди о доходе. И по этому вопросу он выводит из приведенного сейчас разделения трех видов богатств следующее:

*) Точнее: та *часть* прибыли, которая не идет на накопление.

«Важно заметить, что эти три вида богатств одинаково идут на потребление; ибо все, что было произведено, имеет стоимость для человека лишь постольку, поскольку служит его потребностям, а эти потребности удовлетворяются только потреблением. Но основной капитал служит этому косвенным образом (d'une manière indirecte); он потребляется медленно, помогая человеку в воспроизведении того, что служит его потреблению» (I, 94 — 95), между тем как оборотный капитал (Сисмонди отождествляет его уже с переменным) обращается в *«потребительный фонд рабочего»* (I, 95). Выходит, след., что *общественное потребление* бывает, в противоположность индивидуальному, двух родов. Эти два рода отличаются друг от друга весьма существенно. Дело, конечно, не в том, что основной капитал потребляется медленно, а в том, что он потребляется, не образуя ни для одного класса общества *дохода* (потребительного фонда), что он потребляется не лично, а производительно. Но Сисмонди не видит этого, и, чувствуя, что опять-таки сбился с пути *) в поисках за различием между общественным капиталом и доходом, он беспомощно заявляет: «Это движение богатства так абстрактно, оно требует такой силы внимания, чтобы отчетливо схватить его (pour le bien saisir), что мы считаем полезным взять самый простой пример» (I, 95). Пример берется, действительно, «самый простой»: фермер, живущий одиноко (un fermier solitaire), собрал 100 мешков пшеницы; часть он потребил сам, часть идет на посев, часть на потребление нанятых рабочих. Следующий год получается уже 200 мешков. Кто их потребит? Семья фермера не может возрасти так быстро. Показывая на этом (до последней степени неудачном) примере различие между капиталом основным (семена), оборотным (зар. плата) и потребительным фондом фермера, Сисмонди говорит:

«Мы различили три вида богатств в отдельной семье; рассмотрим теперь каждый вид по отношению к целой нации и разберем, как из этого распределения может произойти национальный доход» (I, 97). Но дальше говорится только, что и в обществе необходимо воспроизвести те же три вида богатств: основной капитал (при чем Сисмонди подчеркивает, что на него придется затратить известное количество труда, но не объясняет, каким образом основной капитал обменится на предметы потребления, необходимые для капиталистов и рабочих, занятых этим производством); затем сырой матерьял (здесь Сисмонди выделяет его особо); потом содержание рабочих и прибыль капиталистов. Вот все, что дает нам IV-ая глава. Очевидно, что вопрос о нацио-

*) Именно: Сисмонди сейчас только выделил *капитал* от *дохода*. Первый идет на производство, второй на потребление. Но ведь речь идет об обществе. А общество «потребляет» и основной капитал. Приведенное различие падает, и общественно-хозяйственный процесс, превращающий «капитал для одного» в «доход для другого», остается невыясненным.

нальном доходе остался открытым, и Сисмонди не разобрал не только распределения, но даже и *понятия* дохода. Крайне важное в теоретическом отношении указание на необходимость воспроизвести и основной капитал общества он сейчас же забывает и в следующей главе, говоря о «распределении национального дохода между различными классами граждан» (ch. V), он прямо говорит о трех видах дохода и, объединяя ренту и прибыль вместе, заявляет, что национальный доход состоит из двух частей: прибыль от богатства (т.-е. рента и прибыль в собственном смысле) и средства существования рабочих (I, 104—5). Мало того, он заявляет:

«Точно так же годичное производство или результат всех работ, исполненных нацией в течение года, слагается из двух частей: одна... это — прибыль, проистекающая из богатства; другая — способность трудиться (la puissance de travailler), которая предполагается равной той части богатства, на которую она обменивается, или средствам существования трудящихся классов». «Итак, национальный доход и годовое производство взаимно уравновешиваются и представляются величинами равными. Все годовое производство потребляется в течение года, но отчасти рабочими, которые, давая в обмен свой труд, превращают его в капитал и воспроизводят его; отчасти капиталистами, которые, давая в обмен свой доход, уничтожают его» (I, 105).

Таким образом, тот вопрос о различении национального капитала и дохода, который сам Сисмонди с такой определенностью признал крайне важным и трудным, — он просто-на-просто отбросил, совершенно позабыв сказанное несколькими страницами раньше! И Сисмонди уже не замечает, что, отбросив этот вопрос, он пришел к положению совершенно бессмысленному: каким же образом годовое производство может все целиком входить в потребление рабочих и капиталистов в виде дохода, когда для производства нужен капитал, нужны — точнее выражаясь — средства и орудия производства. Надо их произвести, и они каждогодно производятся (как это и сам Сисмонди сейчас же признавал). И вот все орудия производства, сырые матерьялы и т. д. вдруг выкидываются, и «трудный» вопрос о различии капитала и дохода разрешается ни с чем несообразным утверждением, что годовое производство равняется национальному доходу.

Эта теория, что все производство капиталистического общества состоит из двух частей — части рабочих (заработная плата, или переменный капитал, по современной терминологии) и части капиталистов (сверхстоимость), не составляет особенности Сисмонди. Она не составляет его достояния. Он целиком перенял ее у Ад. Смита, сделав даже некоторый шаг назад. Вся последующая политическая экономия (Рикардо, Милль, Прудон, Родбертус) повторяла эту ошибку, раскрытую только автором «Капитала» в III-м отделе II-го тома. Мы изложим основание его воз-

зрений ниже. А теперь заметим, что повторяют эту ошибку и наши народники-экономисты. Сопоставление их с Сисмонди приобретает особый интерес потому, что они делают из этой ошибочной теории *те же выводы, которые сделал прямо и Сисмонди* *), именно: вывод о невозможности реализации сверхстоимости в капиталистическом обществе; о невозможности развития общественного богатства; о необходимости прибегать к внешнему рынку *вследствие того,* что внутри страны сверхстоимость не может быть реализована; наконец, о кризисах, вызываемых будто бы именно этой невозможностью реализовать продукт в потреблении рабочих и капиталистов.

III.

ВЫВОДЫ СИСМОНДИ ИЗ ОШИБОЧНОГО УЧЕНИЯ О ДВУХ ЧАСТЯХ ГОДОВОГО ПРОИЗВОДСТВА В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ.

Чтобы читатель мог представить себе доктрину Сисмонди в ее целом, мы дадим сначала изложение главнейших выводов его из этой теории, а потом перейдем к тому исправлению основной его ошибки, которое дано в вышеуказанном трактате **).

Прежде всего, Сисмонди делает из этой ошибочной теории Ад. Смита тот вывод, что производство должно соответствовать потреблению, что производство определяется доходом. Подробному разжевыванию этой «истины» (свидетельствующей о совершенном непонимании характера капиталистического производства) посвящена вся следующая глава, VI: «Взаимное определение производства потреблением и расхода — доходом». Сисмонди прямо переносит на капиталистическое общество мораль экономного крестьянина и думает серьезно, что он внес этим исправление в учение Смита. В самом начале сочинения, говоря во вступительной части (кн. I, история науки) об Ад. Смите, он заявляет, что «дополняет» Смита положением, что «потребление есть единственная цель накопления» (I, 51). «Потребление, — говорит он, — определяет воспроизводство» (I, 119 — 120), «национальный расход должен регулировать национальный доход» (I, 113) и тому подобные положения пестрят все сочинение. В непосредственной связи с этим стоят еще две характерные черты доктрины Сисмонди: во-1-х, недоверие к развитию капитализма, непонимание того, как он создает все бóльший и бóльший рост производительных сил, отрицание возможности этого роста, — совершенно так же, как и русские романтики «учат», что капитализм ведет к растрате труда и т. п.

*) И от которых благоразумно воздержались другие экономисты, повторявшие ошибку Ад. Смита.

**) В изд. 1908 г.: «в «Капитале» Маркса». *Ред.*

«Ошибаются те, кто подстрекает к безграничному производству», говорит Сисмонди (I, 121). Избыток производства над доходом вызывает перепроизводство (I, 106). Рост богатства выгоден лишь тогда, «когда он постепенен, когда он пропорционален самому себе, когда ни одна из его частей не развивается непомерно быстро» (I, 409). Добрый Сисмонди думает, что «непропорциональное» развитие не есть развитие (как думают и наши народники), что эта непропорциональность — не закон данного строя общественного хозяйства и его движения, а «ошибка» законодателя и т. п., что это искусственное подражание европейских правительств Англии, которая пошла по ложному пути *). Сисмонди совершенно отрицает то положение, которое выдвинули классики и которое вполне приняла новейшая теория **), именно, что капитализм развивает производительные силы. Мало этого, — он приходит к тому, что всякое накопление считает осуществимым лишь «понемногу», будучи совершенно не в состоянии объяснить процесс накопления. Это вторая в высшей степени характерная черта его воззрений. Он рассуждает о накоплении до последней степени забавно:

«В конце концов сумма производства данного года только обменивается всегда на сумму производства прошлого года» (I, 121). Тут уже накопление совершенно отрицается: выходит, что рост общественного богатства невозможен при капитализме. Русского читателя это положение не очень удивит, ибо он слышал то же и от г. В. В. и от г. Н. —она. Но Сисмонди был все-таки учеником Смита. Он чувствует, что говорит нечто уже совершенно несообразное, и хочет поправиться:

«Если производство возрастает постепенно, — продолжает он, — то обмен каждого года причиняет лишь небольшую потерю каждого года (une petite perte), улучшая в то же время условия для будущего (en même temps qu'elle bonifie la condition future). Если эта потеря легка и хорошо распределена, то каждый перенесет ее не жалуясь... Если же несоответствие между новым производством и предшествующим велико, то капиталы гибнут (sont entamés), получается страдание, и нация идет назад вместо того, чтобы прогрессировать» (I, 121). Трудно рельефнее и прямее высказать основное положение романтизма и мелко-буржуазного воззрения на капитализм, чем это сделано в данной тираде. Чем быстрее идет накопление, *т.-е.* превышение производства над потреблением, — тем лучше, учили классики, которые, хотя и не умели разобраться в процессе общественного производства капитала, хотя и не умели освободиться от ошибки Смита, будто

---

*) См., напр., II, 456—7 и мн. др. места. Ниже мы приведем их образчики, и читатель увидит, что даже способ выражения наших романтиков, в роде г. Н. —она, не отличается ни в чем от Сисмонди.

**) В изд. 1908 г.: «теория Маркса». *Ред.*

общественный продукт состоит из двух частей, но выставляли все же вполне справедливое положение, что производство само создает себе рынок, само определяет потребление. И мы знаем, что такое воззрение на накопление приняла от классиков и новейшая теория *), признав, что, чем быстрее рост богатства, тем полнее развиваются производительные силы труда и обобществление его, *тем лучше положение рабочего,* насколько оно может быть лучше в данной системе общественного хозяйства. Романтики утверждают прямо обратное и возлагают все свои надежды именно на слабое развитие капитализма, взывают к его *задержке.*

Далее, из непонимания того, как производство создает себе рынок, вытекает учение о невозможности реализовать сверхстоимость. «Из воспроизводства проистекает доход, но *производство само по себе не есть еще доход:* оно получает такое название (ce nom! Итак, различие производства, т.-е. продукта, от дохода лишь в слове!), оно является в качестве такового (elle n'opère comme tel) лишь после того, как оно реализовано, после того, как каждая произведенная вещь нашла себе потребителя, имеющего в ней нужду или находящего в ней наслаждение» (qui en avait le besoin ou le désir) (I, 121). Таким образом, из отождествления дохода с «производством» (т.-е. всем тем, что произведено) вытекает отождествление реализации с потреблением *личным.* О том, что реализация таких, напр., продуктов, как железо, уголь, машины и т. п., вообще средств производства, происходит иным путем, — Сисмонди уже забыл, хотя раньше вплотную подошел к этому. Из отождествления реализации с потреблением *личным* естественно вытекает учение, что капиталисты не могут реализовать именно *сверхстоимость,* ибо из двух частей общественного продукта заработную плату реализуют своим потреблением рабочие. И Сисмонди действительно пришел к этому выводу (впоследствии развитому более подробно Прудоном и постоянно повторяемому нашими народниками). В полемике с Мак-Куллохом Сисмонди указывает именно на то, будто последний (излагая Рикардо) не объясняет реализации прибыли. Мак-Куллох говорил, что при разделении общественного труда одно производство есть рынок для другого: производители хлеба реализуют товары в продукте производителей одежды, и наоборот **). «Автор предполагает, — говорит Сисмонди,—труд без прибыли (le travail sans bénéfice), воспроизводство,

*) В изд. 1908 г.: «теория Маркса». *Ред.*

**) См. добавление к «Nouveaux Principes», 2-е издание, т. II: «Eclaircissements relatifs à la balance des consommations avec les productions» («Разъяснения, относящиеся к балансу производства и потребления». *Ред.*), где Сисмонди переводит и оспаривает статью ученика Рикардо (Мак-Куллоха), напечатанную в «Edinburgh Review» («Эдинбургское Обозрение». *Ред.*) под названием: «Исследование вопроса, возрастает ли всегда способность потребления в обществе вместе с способностью производства».

которое возмещает только потребление *рабочих*» (II, 384, курсив Сисмонди)... «он не оставляет ничего на долю хозяина»... «мы исследуем, чем становится излишек производства рабочих над их потреблением» (ib.). Таким образом, у этого первого романтика мы находим уже вполне определенное указание, что капиталисты не могут реализовать именно *сверхстоимости*. Из этого положения Сисмонди делает дальнейший вывод — опять-таки именно тот, который делают и народники,— что по *самым условиям реализации* необходим *внешний рынок для капитализма*. «Так как труд сам по себе составляет важную часть дохода, то нельзя уменьшить спрос на труд, не делая нацию более бедной. Поэтому выгода, ожидаемая от открытия новых приемов производства, почти всегда относится к *иностранной торговле*» (I, 345). «Нация, совершающая впервые какое-либо открытие, в течение долгого времени успевает расширять свой рынок соответственно числу рук, освобождаемых каждым новым изобретением. Она употребляет их тотчас же на увеличение количества продуктов, которые ее изобретение позволяет производить дешевле. Но наступает, наконец, эпоха, когда весь цивилизованный мир образует один рынок и когда нельзя уже будет в какой-либо новой нации приобретать новых покупателей. Спрос на мировом рынке будет тогда величиной неизменной (précise), которую будут оспаривать друг у друга различные промышленные нации. Если одна поставит больше продуктов, то это будет в ущерб другой. Общая продажа не может быть увеличена иначе, как увеличением общего благосостояния или переходом товаров, бывших в исключительном владении богатых, — в потребление бедных» (II, 316). Читатель видит, что Сисмонди представляет именно ту доктрину, которую так хорошо усвоили наши романтики, будто внешний рынок есть *выход из затруднения* по реализации продукта вообще и сверхстоимости в частности.

Наконец, из этой же доктрины о тождестве национального дохода с национальным производством вытекло учение Сисмонди о кризисах. После всего вышеизложенного нам едва ли есть надобность приводить выписки из многочисленных мест сочинения Сисмонди, посвященных этому вопросу. Из учения его о необходимости соразмерять производство с доходом вытекло само собой воззрение, что кризис и есть результат нарушения такого соответствия, результат чрезмерного производства, обогнавшего потребление. Из приведенной сейчас цитаты ясно, что Сисмонди именно это несоответствие производства с потреблением считал основной причиной кризисов, при чем на первое место выдвигал недостаточное потребление масс народа, рабочих. Поэтому теория кризисов Сисмонди (перенятая также Родбертусом) и известна в экономической науке, как образчик теорий, выводящих кризисы из недостаточного потребления (Unterkonsumption).

IV.
В ЧЕМ ОШИБКА УЧЕНИЙ АД. СМИТА И СИСМОНДИ О НАЦИОНАЛЬНОМ ДОХОДЕ?

В чем же состоит основная ошибка Сисмонди, поведшая ко всем этим выводам?

Свое учение о национальном доходе и о распределении его на две части (часть рабочих и часть капиталистов) Сисмонди перенял целиком у Ад. Смита. Сисмонди не только не добавил ничего к его положениям, но даже, сделав шаг назад, опустил попытку Адама Смита (хотя и неудачную) доказать теоретически это представление. Сисмонди не замечает как будто того противоречия, в котором оказалась эта теория к учению о производстве вообще. В самом деле, в стоимость отдельного продукта, по теории, выводящей стоимость из труда, входят три составные части: часть, возмещающая сырой матерьял и орудия труда (постоянный капитал), часть, возмещающая заработную плату или содержание рабочих (переменный капитал) и «сверхстоимость» (mieux-value у Сисмонди). Таков анализ единичного продукта по его стоимости у А. Смита, повторенный и Сисмонди. Спрашивается, каким же образом *общественный* продукт, состоящий из суммы *единичных* продуктов, состоит только из двух последних частей? Куда же девалась первая часть — постоянный капитал? Сисмонди, как мы видели, только ходил кругом да около этого вопроса, но А. Смит дал на него ответ. Он утверждал, что эта часть существует самостоятельно лишь в единичном продукте. Если же рассматривать весь общественный продукт, то она разлагается, в свою очередь, на заработную плату и сверхстоимость — именно тех капиталистов, которые производят этот постоянный капитал.

Давая такой ответ, А. Смит не объяснил, однако, на каком основании в этом разложении стоимости постоянного капитала, ну, хоть машин, отброшен опять-таки постоянный капитал, т.-е. в нашем примере железо, из которого сделаны машины, орудия, употребленные при этом, и т. п.? Если стоимость каждого продукта включает в себе часть, возмещающую постоянный капитал (а это признают все экономисты), то исключение ее из какой бы то ни было области общественного производства является совершенно произвольным. «Когда А. Смит говорит, что орудия труда сами разлагаются на заработную плату и прибыль, то он забывает прибавить (говорит автор «Капитала»): *и на тот постоянный капитал,* который употреблен на их производство. А. Смит просто отсылает нас от Понтия к Пилату, от одного продукта ссылается на другой, от другого на третий», не замечая, что вопрос от этого отодвигания нисколько не изменяется. Этот ответ Смита

(принятый всей последующей политической экономией до Маркса)— простое уклонение от задачи, увертка от затруднения. А затруднение тут действительно есть. Оно состоит в том, что понятие капитала и дохода нельзя перенести прямо с индивидуального продукта на общественный. Экономисты признают это, говоря, что, с общественной точки зрения, «капитал *для* одного становится доходом *для* другого» (см. выше у Сисмонди). Но эта фраза только *формулирует* затруднение, а не разрешает его *).

Разрешение состоит в том, что при рассмотрении этого вопроса с общественной точки зрения нельзя уже говорить о продуктах вообще, без отношения к их материальной форме. В самом деле, речь идет об общественном доходе, т.-е. о продукте, поступающем на потребление. Но ведь не всякий продукт может быть потреблен в смысле *личного потребления:* машины, уголь, железо и т. п. предметы потребляются не лично, а производительно. С точки зрения отдельного предпринимателя это различие было лишнее: если мы говорили, что рабочие потребят переменный капитал,— мы принимали, что они выменяют на рынке предметы потребления за те деньги, которые получены капиталистами за произведенные рабочими машины и уплачены этим рабочим. Тут нас не интересует этот обмен машин на хлеб. Но с общественной точки зрения этот обмен уже нельзя *подразумевать:* нельзя сказать, что весь класс капиталистов, производящих машины, железо и т. п., продает их и этим реализирует. Вопрос здесь именно в том, *как* происходит реализация, *то-есть* возмещение всех частей общественного продукта. Поэтому исходным пунктом в рассуждении об общественном капитале и доходе — или, что то же, о реализации продукта в капиталистическом обществе — должно быть разделение двух совершенно различных видов общественного продукта: *средств производства* и *предметов потребления.* Первые могут быть потреблены только производительно, вторые — только лично. Первые могут служить *только* капиталом, вторые должны стать доходом, т.-е. уничтожиться в потреблении рабочих и капиталистов. Первые достаются целиком капиталистам, вторые — распределяются между рабочими и капиталистами **).

Раз усвоено это разделение и исправлена ошибка А. Смита, выкинувшего из общественного продукта постоянную его часть (т.-е. часть, возмещающую постоянный капитал),— вопрос о реа-

---

*) Мы приводим здесь только *суть* новой теории, давшей это разрешение, предоставляя себе в другом месте изложить ее подробнее. См. «Das Kapital», II Band, III Abschnitt («Капитал», II том, III отдел. *Ред.*). Она изложена у Туган-Барановского в «Промышленных кризисах», ч. II. (В изд. 1908 г. последняя фраза заменена другою: «Более подробное изложение см. в «Развитии капитализма», гл. I». *Ред.*)

**) В изд. 1908 г. две последние фразы набраны курсивом. *Ред.*

лизации продукта в капиталистическом обществе становится уже ясным. Очевидно, нельзя говорить о реализации заработной платы потреблением рабочих, а сверхстоимости — потреблением капиталистов *и только* *). Рабочие могут потребить заработную плату, а капиталисты — сверхстоимость лишь тогда, когда продукт состоит из предметов потребления, т.-е. лишь в одном подразделении общественного производства. «Потребить» же продукт, состоящий из средств производства, они не могут: его *надо обменять на предметы потребления*. Но на какую же часть (по стоимости) предметов потребления могут они обменять свой продукт? Очевидно, только на *постоянную часть* (постоянный капитал), ибо остальные две части составляют фонд потребления рабочих и капиталистов, производящих предметы потребления. Этот обмен, реализуя сверхстоимость и заработную плату в производствах, изготовляющих средства производства, тем самым реализует постоянный капитал в производствах, изготовляющих предметы потребления. В самом деле, у капиталиста, производящего, скажем, сахар, та часть продукта, которая должна возместить постоянный капитал (т.-е. сырье, вспомогательные матерьялы, машины, здания и т. п.), существует в виде *сахара*. Чтобы реализовать эту часть, надо получить вместо этого предмета потребления соответствующие *средства производства*. Реализация этой части будет, следовательно, состоять из обмена *предмета потребления* на продукты, служащие *средствами производства*. Теперь остается необъясненной реализация одной только части общественного продукта, именно: постоянного капитала в подразделении, изготовляющем средства производства. Она реализируется отчасти тем, что часть продукта, в своем натуральном виде, входит опять в производство (напр., часть угля, добываемого каменноугольным предприятием, идет опять на добычу угля; зерно, полученное фермерами, идет опять на посев и т. п.); отчасти же она реализируется обменом между отдельными капиталистами этого же подразделения: напр., в производстве железа необходим каменный уголь, и в производстве каменного угля необходимо железо. Капиталисты, производящие оба продукта, и реализуют взаимным обменом ту часть этих продуктов, которая возмещает их постоянный капитал.

*) А именно так рассуждают наши народники-экономисты, гг. В. В. и Н. —он. Мы намеренно остановились выше с особенной подробностью на блужданиях Сисмонди около вопроса о производительном и личном потреблении, о предметах потребления и средствах производства (А. Смит подходил к различению их еще ближе, чем Сисмонди). Мы хотели показать читателю, что *классические* представители ошибочной теории *чувствовали* неудовлетворительность ее, видели противоречие и делали попытки выбраться из него. Наши же «самобытные» теоретики не только ничего не видят и не чувствуют, но даже не знают ни теории, ни истории вопроса, о котором так усердно разглагольствуют.

Этот анализ (который мы изложили, повторяем, в самом сжатом виде, по причине, указанной выше) разрешил то затруднение, которое сознавали все экономисты, выражая его фразой: «капитал для одного — доход для другого». Этот анализ показал всю ошибочность сведения общественного производства к одному личному потреблению.

Теперь мы можем перейти к разбору тех выводов, которые делал Сисмонди (и другие романтики) из своей ошибочной теории. Но сначала приведем отзыв, сделанный о Сисмонди автором указанного анализа, после подробнейшего и всестороннего разбора теории А. Смита, к которой Сисмонди не сделал ни малейшего дополнения, опустив только попытку Смита оправдать свое противоречие:

«Сисмонди, бившийся над специальным рассмотрением отношения капитала к доходу и на самом деле обративший особую формулировку этого отношения в differentia specifica *) своих «Nouveaux Principes», не сказал *ни одного* (курсив автора) научного слова, не внес ни атома в разрешение проблемы» («Das Kapital», II, S. 385, 1-te Auflage).

V.

НАКОПЛЕНИЕ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ.

Первый ошибочный вывод из ошибочной теории относится к накоплению. Сисмонди абсолютно не понял капиталистического накопления, и в горячем споре, который он вел по этому вопросу с Рикардо, правда оказалась, в сущности, на стороне последнего. Рикардо утверждал, что производство само создает себе рынок, тогда как Сисмонди отрицал это, созидая на таком отрицании свою теорию кризисов. Правда, и Рикардо не сумел исправить вышеуказанной основной ошибки Смита, не сумел поэтому разрешить вопроса об отношении общественного капитала к доходу и о реализации продукта (Рикардо и не ставил себе этих вопросов),— но он инстинктивно характеризовал самую суть буржуазного способа производства, отмечая совершенно бесспорный факт, что накопление есть превышение производства над доходом. С точки зрения новейшего анализа это так и оказывается. Производство, действительно, само создает себе рынок: для производства необходимы средства производства — и они составляют особую область общественной продукции, занимающую известную долю рабочих, дающую особый продукт, реализуемый частью внутри самой этой области, частью в обмене с другой областью — производством предметов потребления. Накопление действительно

*) — отличительный признак. *Ред.*

есть превышение производства над доходом (предметами потребления). Чтобы расширять производство («накоплять» в категорическом значении термина), необходимо произвести сначала средства производства *), а для этого нужно, следовательно, расширение того отдела общественной продукции, который изготовляет средства производства, нужно *отвлечение к нему* рабочих, которые уже *предъявляют спрос и на предметы потребления*. Следовательно, «потребление» развивается *вслед за* «накоплением» или *вслед за* «производством»,— как ни кажется это странным, но иначе и быть не может в капиталистическом обществе. В развитии этих двух отделов капиталистической продукции не только не обязательна, следовательно, равномерность, а, напротив, неизбежна неравномерность. Известно, что закон развития капитала состоит в том, что постоянный капитал возрастает быстрее переменного, т.-е. все большая и большая часть вновь образуемых капиталов обращается к тому отделу общественного хозяйства, который изготовляет средства производства. Следовательно, этот отдел необходимо растет быстрее того отдела, который изготовляет предметы потребления, т.-е. происходит именно то, что объявлял «невозможным», «опасным» и т. д. Сисмонди. Следовательно, продукты личного потребления в общей массе капиталистического производства занимают все меньшее и меньшее место. И это вполне соответствует исторической «миссии» капитализма и его специфической социальной структуре: первая состоит именно в развитии производительных сил общества (производство для производства); вторая исключает утилизацию их массой населения.

Мы можем теперь вполне оценить точку зрения Сисмонди на накопление. Его утверждения, что *быстрое* накопление ведет к бедствиям, совершенно ошибочны и проистекают лишь из непонимания накопления, точно так же, как многократные заявления и требования, чтобы производство не перегоняло потребления, ибо потребление определяет производство. На деле происходит именно обратное, и Сисмонди просто-на-просто отворачивается от действительности в ее особой исторически-определенной форме, подставляя на место анализа мелко-буржуазную мораль. Особенно забавное впечатление производят попытки Сисмонди прикрыть эту мораль «научной» формулой. «Гг. Сей и Рикардо,— говорит он в предисловии ко 2-му изданию «Nouveaux Principes»,— пришли к той доктрине... что потребление не имеет других пределов, кроме пределов производства, тогда как оно ограничено доходом... Они должны были бы предупредить производителей,

*) Напоминаем читателю, как подходил к этому Сисмонди, выделяя отчетливо эти средства производства для отдельной семьи и покушаясь сделать это выделение и для общества. Собственно говоря, «подходил» Смит, а не Сисмонди, только пересказывающий его.

что они должны рассчитывать только на потребителей, имеющих доход» (I, XIII) *). Такая наивность вызывает в настоящее время только улыбку. Но не подобными ли вещами переполнены писания современных наших романтиков в роде гг. В. В. и Н. —она? «Пусть предприниматели банков подумают хорошенько»... найдется ли рынок для товаров? (II, 101 — 102). «Когда принимают рост богатства за цель общества, — всегда жертвуют целью средствам» (II, 140). «Если, вместо того, чтобы ожидать импульса от запроса труда (т.-е. импульса производству от спроса рабочих на продукты), мы будем думать, что его дает предшествующее производство, — то мы сделаем почти то же, что сделали бы с часами, если бы вместо того, чтобы повернуть назад колесо с цепочкой (la roue qui porte la chaînette), отодвинули бы назад другое колесо, — мы сломали бы тогда и остановили всю машину» (II, 454). Это говорит Сисмонди. Теперь послушаем г-на Николая —она. «Мы упустили из виду, на счет чего такое развитие (т.-е. развитие капитализма) происходит, мы забыли и о цели какого бы то ни было производства... заблуждение крайне гибельное...» (Н. —он, «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», 298). Оба эти писателя говорят о капитализме, о капиталистических странах; оба выказывают полное непонимание сущности капиталистического накопления. Но можно ли подумать, что последний пишет 70 лет спустя после первого?

Каким образом непонимание капиталистического накопления связывается с ошибочным сведением всего производства к производству предметов потребления, — это показывает наглядно один пример, приводимый Сисмонди в главе VIII: «Результаты борьбы за удешевление производства» (книга IV: «О коммерческом богатстве»).

Положим, — говорит Сисмонди, — что владелец мануфактуры имеет оборотный капитал в 100.000 франков, приносящий ему 15.000, из коих 6.000 составляют процент на капитал и отдаются капиталисту, а 9.000 составляют предпринимательский барыш фабриканта. Положим, что он употребляет труд 700 рабочих, заработная плата коих составляет 30.000 франков. Далее, пусть произойдет увеличение капитала, расширение производства («накопление»). Вместо 100.000 фр. капитал будет = 200.000 фр., вложенных в основной капитал, и 200.000 — в оборотный, всего 400.000 фр.; прибыль и процент = 32.000 + 16.000 фр., ибо процент понизился с 6% до 4%. Число рабочих возросло вдвое, но заработная плата понизилась с 300 фр. до 200 фр. — всего,

*) Как известно, по этому вопросу (создает ли производство само себе рынок?) новейшая теория вполне примкнула к классикам, отвечавшим на него утвердительно, *против* романтизма, отвечавшего отрицательно. «*Настоящий предел* капиталистического производства это — *сам капитал*» («Das Kapital», III, I, 231).

следовательно, 40.000 фр. Производство возросло, таким образом, вчетверо *). И Сисмонди подсчитывает результаты: «доход» или «потребление» были сначала 45.000 фр. (30.000 заработная плата + 6.000 процент + 9.000 прибыль), а теперь 88.000 фр. (40.000 заработная плата + 16.000 процент + 32.000 прибыль). «Производство учетверилось, — говорит Сисмонди, — а потребление даже не удвоилось. *Не нужно считать потребление тех рабочих, которые изготовили машины. Оно покрыто 200.000 франков,* употребленных на это; оно составляет уже часть расчета другой мануфактуры, где окажутся те же факты» (I, 406 — 8).

Расчет Сисмонди доказывает уменьшение дохода при росте производства. Факт бесспорный. Но Сисмонди не замечает, что своим примером он побивает свою теорию реализации продукта в капиталистическом обществе. Курьезно его замечание, что потребление рабочих, произведших машины, «не нужно считать». Почему же? Потому, во-1-х, что оно *покрыто* 200.000 фр. Значит, капитал перенесен в область, изготовляющую *средства производства,* — этого Сисмонди не замечает. Значит, «внутренний рынок», о «сокращении» которого Сисмонди говорил, не исчерпывается предметами потребления, а состоит также в *средствах производства.* Эти средства производства составляют ведь особый продукт, «реализация» коего состоит *не в личном потреблении,* и чем быстрее идет накопление, тем сильнее развивается, след., та область капиталистической продукции, которая дает продукты не для личного, а для производительного потребления. Во-2-х, — отвечает Сисмонди, — это рабочие другой мануфактуры, где факты окажутся те же самые (où les mêmes faits pourront se représenter). Как видите, это повторение смитовского отсылания читателя «от Понтия к Пилату». Но ведь в этой «другой мануфактуре» тоже употребляется *постоянный капитал,* и производство его тоже дает рынок тому подразделению капиталистической продукции, которое изготовляет средства производства! Сколько бы мы ни отодвигали вопрос от одного капиталиста к другому, от другого к третьему, — от этого указанное подразделение не исчезнет, и «внутренний рынок» не сведется к одним предметам потребления. Поэтому, когда Сисмонди говорит, что «этот расчет опровергает... одну из аксиом, на которой

*) «Первый результат конкуренции, — говорит Сисмонди, — понижение заработной платы и увеличение числа рабочих в то же время» (I, 403). Мы не останавливаемся здесь на неправильностях расчета у Сисмонди: он считает, напр., что прибыль будет 8 процентов на основной капитал и 8% на оборотный, что число рабочих поднимется пропорционально увеличению оборотного капитала (который он не умеет как следует отделить от переменного), что основной капитал целиком входит в цену продукта. В данном случае все это неважно, ибо вывод получается правильный: уменьшение доли переменного капитала в общем составе капитала, как необходимый результат накопления.

всего более настаивали в политической экономии, именно, что наиболее свободная конкуренция определяет наиболее выгодное развитие индустрии» (I, 407), то он не замечает, что «этот расчет» опровергает также и его самого. Бесспорен факт, что введение машин, вытесняя рабочих, ухудшает их положение, и бесспорна заслуга Сисмонди, который был одним из первых, указавших на это. Но это нисколько не мешает его теории накопления и внутреннего рынка быть сплошной ошибкой. Его же расчет показывает наглядно как раз то явление, которое Сисмонди не только отрицал, но превращал даже в довод против капитализма, говоря, что накопление и производство должны соответствовать потреблению, иначе будет кризис. Расчет показывает именно, что накопление и производство *обгоняют* потребление, и что иначе и дело итти не может, ибо накопление совершается, главным образом, на счет средств производства, которые в «потребление» не входят. То, что казалось Сисмонди простой ошибкой, противоречием в доктрине Рикардо — именно, что накопление есть превышение производства над доходом,—это на самом деле вполне соответствует действительности, выражая противоречие, присущее капитализму. Это превышение *необходимо* при всяком накоплении, открывающем новый рынок *для средств производства, без соответственного увеличения рынка на предметы потребления, и даже при уменьшении этого рынка* *). Затем, отбрасывая учение о преимуществах свободной конкуренции, Сисмонди не замечает, что вместе с пустым оптимизмом он выбрасывает за борт несомненную истину, именно, что свободная конкуренция *развивает производительные силы общества,* как это явствует опять-таки из его же расчета. (Собственно, это лишь другое выражение того же факта создания особого подразделения промышленности, изготовляющего средства производства, и особенно быстрого развития его.) Это развитие производительных сил общества без соответственного развития потребления есть, конечно, противоречие, но именно такое противоречие, которое имеет место в действительности, которое вытекает из самой сущности капитализма и от которого нельзя отговариваться чувствительными фразами.

А именно так отговариваются романтики. И чтобы читатель не заподозрил нас в голословном обвинении современных экономистов по поводу ошибок столь «устаревшего» писателя, как Сисмонди, приведем маленький образчик «новейшего» писателя, г. Н.—она. На стр. 242-й своих «Очерков» он рассуждает о развитии капитализма в русском мукомольном деле. Приводя указание на появление крупных паровых мельниц с усовершенство-

*) Из вышеприведенного анализа следует само собою, что возможен и такой случай, в зависимости от того, в какой мере распределяется новый капитал на постоянную и переменную часть и в какой мере уменьшение относительной доли переменного капитала охватывает старые производства.

ванными орудиями производства (на переустройство мельниц затрачено с 70-х г.г. около 100 мильонов рублей) и с производительностью труда, повысившейся более чем вдвое, автор характеризует описываемое явление так: «мукомольное дело не развивалось, а только сосредоточивалось в крупные предприятия»; затем распространяет эту характеристику на *все* отрасли промышленности (с. 243) и делает вывод, что «во всех без исключения случаях масса работников освобождается, не находит занятия» (243) и что «капиталистическое производство развивалось за счет народного потребления» (241). Мы спрашиваем читателя, отличается ли такое рассуждение хоть чем-нибудь от приведенного сейчас рассуждения Сисмонди? Этот «новейший» писатель констатирует два факта, те же самые, которые мы видели и на примере Сисмонди, и отделывается от обоих этих фактов такой же чувствительной фразой. Во-1-х, его пример говорит, что развитие капитализма идет именно на счет средств производства. Это значит, что капитализм развивает производительные силы общества. Во-2-х, его пример говорит, что это развитие идет тем именно специфическим путем противоречий, который присущ капитализму: развивается производство (затрата 100 мильонов рублей — внутренний рынок на продукты, реализуемые неличным потреблением) без соответствующего развития потребления (народное питание ухудшается), т.-е. происходит именно производство ради производства. И г. Н. — он думает, что это противоречие в жизни исчезнет, если он, с наивностью старичка Сисмонди, представит его только противоречием доктрины, только «гибельным заблуждением»: «мы забыли о цели производства»!! Что может быть характернее такой фразы: «не развивалось, а *только* сосредоточивалось»? Очевидно, г-ну Н. — ону известен такой капитализм, в котором бы развитие *могло итти иначе,* как путем *сосредоточения.* Как жаль, что он не познакомил нас с таким «самобытным», неведомым для всей предшествовавшей ему политической экономии капитализмом!

VI.

ВНЕШНИЙ РЫНОК, «КАК ВЫХОД ИЗ ЗАТРУДНЕНИЯ» ПО РЕАЛИЗАЦИИ СВЕРХСТОИМОСТИ.

Следующая ошибка Сисмонди, вытекающая из ошибочной теории об общественном доходе и продукте в капиталистическом обществе, это — учение о невозможности реализовать продукт вообще и сверхстоимость в частности и, как следствие этой невозможности, необходимость внешнего рынка. Что касается до реализации продукта вообще, то вышеприведенный анализ показы-

вает, что «невозможность» исчерпывается ошибочным исключением постоянного капитала и средств производства. Раз исправлена эта ошибка,— исчезает и «невозможность». Но то же самое приходится сказать и в частности о сверхстоимости: этот анализ разъясняет и ее реализацию. Нет решительно никаких разумных оснований выделять сверхстоимость из всего продукта по отношению к ее реализации. Обратное утверждение Сисмонди (и наших народников) — просто результат непонимания основных законов реализации вообще, неумения разделить три (а не две) части продукта по стоимости и два вида продуктов по материальной форме (средства производства и предметы потребления). Положение, что капиталисты не могут потребить сверхстоимость, есть только вульгаризованное повторение недоумений Смита насчет реализации вообще. Только *часть* сверхстоимости состоит из предметов потребления; другая же — из средств производства (напр., сверхстоимость железозаводчика). «Потребление» *этой последней* сверхстоимости совершается *обращением ее на производство;* капиталисты же, производящие продукт в форме средств производства, потребляют сами не сверхстоимость, а вымененный у других капиталистов *постоянный капитал.* Поэтому и народники, толкуя о невозможности реализовать сверхстоимость, логически должны притти к признанию невозможности реализовать и постоянный *капитал,*—и, таким образом, они преблагополучно вернулись бы к Адаму... Разумеется, такое возвращение к «отцу политической экономии» было бы гигантским прогрессом для писателей, преподносящих нам старые ошибки под видом истин, до которых они «своим умом дошли»...

А внешний рынок? Не отрицаем ли мы необходимости внешнего рынка для капитализма? Конечно, нет. Но только вопрос о внешнем рынке не имеет *абсолютно ничего общего с вопросом о реализации,* и попытка связать их в одно целое характеризует лишь романтические пожелания «задержать» капитализм и романтическую неспособность к логике. Теория, разъяснившая вопрос о реализации, показала это с полной точностью. Романтик говорит: капиталисты не могут потребить сверхстоимость и потому должны сбывать ее за границу. Спрашивается, не даром ли уже отдают капиталисты свои продукты иностранцам или не бросают ли они их в море? Продают — значит получают эквивалент; вывозят одни продукты — значит ввозят другие. Если мы говорим о реализации общественного продукта, то мы этим самым устраняем уже денежное обращение и предполагаем лишь обмен продуктов на продукты, ибо вопрос о реализации в том и состоит, чтобы анализировать *возмещение* всех частей общественного продукта по стоимости и по материальной форме. Поэтому, начать рассуждение о реализации и кончить его тем, что «сбудут-де продукт за деньги»,— так же смешно, как если бы

на вопрос о реализации постоянного капитала в предметах потребления был дан ответ: «продадут». Это просто грубый логический промах: люди сбиваются с вопроса о реализации всего общественного продукта на точку зрения единичного предпринимателя, которого, кроме «продажи иностранцу», ничто дальше не интересует. Припутывать внешнюю торговлю, вывоз к вопросу о реализации — это значит увертываться от вопроса, *отодвигая* его лишь на более широкое поле, *но нисколько не выясняя его* *). Вопрос о реализации ни на иоту не подвинется вперед, если мы вместо рынка одной страны возьмем рынок известного комплекса стран. Когда народники уверяют, что внешний рынок есть «выход из затруднения» **), которое ставит себе капитализм по реализации продукта, то они прикрывают этой фразой лишь то печальное обстоятельство, что *для них* «внешний рынок» есть «выход из затруднения», в которое они попадают, благодаря непониманию теории... Мало этого. Теория, связывающая внешний рынок с вопросом о реализации всего общественного продукта, не только показывает непонимание этой реализации, но еще содержит в себе к тому же *крайне поверхностное понимание противоречий, свойственных этой реализации.* «Рабочие потребят заработную плату, а капиталисты не могут потребить сверхстоимости». Вдумайтесь в эту «теорию» с точки зрения внешнего рынка. Откуда знаем мы, что «рабочие потребят заработную плату»? На каком основании можно думать, что продукты, предназначенные всем классом капиталистов данной страны на потребление всех рабочих данной страны, окажутся действительно *равными по стоимости их заработной плате* и возместят ее, что для *этих* продуктов не будет необходимости во внешнем рынке? Нет решительно никаких оснований так думать, и на деле это вовсе не так. Не только продукты (или части продуктов), возмещающие сверхстоимость, но и продукты, возмещающие переменный капитал; не только продукты, возмещающие переменный капитал, но и продукты, возмещающие постоянный капитал (о котором забывают наши «экономисты», не помнящие родства... с Адамом); не только продукты, существующие в форме предметов потребления, но и продукты, существующие в форме средств производства,— все одинаково реализуются лишь среди «затруднений», среди постоян-

*) Это настолько ясно, что даже Сисмонди сознавал необходимость абстрагировать от внешней торговли при анализе реализации. «Чтобы проследить точнее эти расчеты,—говорит он о соответствии производства с потреблением,—и упростить вопрос, мы до сих пор совершенно абстрагировали от внешней торговли; мы предполагали изолированную нацию; человеческое общество само есть такая же изолированная нация, и все, что относится к нации без внешней торговли, относится точно так же и ко всему человеческому роду» (I, 115).

**) Н. —он, «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», с. 205.

ных колебаний, которые становятся все сильнее по мере роста капитализма, среди бешеной конкуренции, которая *принуждает* каждого предпринимателя стремиться к безграничному расширению производства, выходя за пределы данного государства, отправляясь на поиски новых рынков в странах, еще не втянутых в капиталистическое обращение товаров. Мы подошли теперь и к вопросу о том, почему необходим внешний рынок для капиталистической страны? Совсем не потому, что продукт вообще не может быть реализован в капиталистическом строе. Это — вздор. Внешний рынок необходим потому, что капиталистическому производству *присуще* стремление к *безграничному* расширению — в противоположность всем старым способам производства, ограниченным пределами общины, вотчины, племени, территориального округа или государства. Между тем как при всех старых хозяйственных режимах производство возобновлялось каждый раз в том же виде и в тех же размерах, в которых шло раньше,— в капиталистическом строе это возобновление в том же виде становится *невозможным,* и законом производства становится *безграничное* расширение, вечное движение вперед *).

Таким образом, различное понимание реализации (вернее, понимание ее с одной стороны и полное непонимание с другой романтиками) ведет к двум диаметрально противоположным воззрениям на значение внешнего рынка. Для одних (романтиков) — внешний рынок есть показатель того «затруднения», которое *ставит* капитализм общественному развитию. Для других, наоборот, внешний рынок показывает, как капитализм *устраняет* те затруднения общественному развитию, которые поставила история в виде разных перегородок, общинных, племенных, территориальных, национальных **).

Как видите, разница только в «точке зрения»... Да, «только»! Отличие романтических судей капитализма от других состоит вообще «только» в «точке зрения», «только» в том, что одни судят сзади, а другие—спереди, одни—с точки зрения того строя, который капитализмом разрушается, другие—с точки зрения того, который капитализмом создается ***).

Неправильное понимание внешнего рынка соединяется обыкновенно у романтиков с указаниями на «особенности» международного положения капитализма в данной стране, на невозможность найти рынок и т. п.; все эти аргументы стремятся «отклонить» капиталистов от поисков внешнего рынка. Говоря

*) Ср. *Зибер,* «Дав. Рикардо и т. д.». Спб. 1885, стр. 466, примечание.

**) Ср. ниже: «Rede über die Frage des Freihandels» (*К. Маркс,* «Речь о свободе торговли». *Ред.*).

***) Я говорю здесь лишь об оценке капитализма, а не о понимании его. В этом последнем отношении романтики стоят, как мы видели, не выше классиков.

«указания», мы выражаемся, впрочем, неточно, ибо фактического анализа внешней торговли страны, ее поступательного движения в области новых рынков, ее колонизации и т. п. романтик не дает. Его вовсе не интересует изучение действительного процесса и выяснение его; ему нужна лишь *мораль против этого процесса*. Чтобы читатель мог убедиться в полной тождественности этой морали у современных русских романтиков и у французского романтика, приведем образчики рассуждений последнего. Как Сисмонди грозил капиталистам, что они не найдут рынка, это мы уже видели. Но он утверждал не только это. Он утверждал, что «мировой рынок уже достаточно снабжен» (II, 328), доказывая невозможность идти путем капитализма и необходимость избрать иной путь... Он уверял английских предпринимателей, что капитализм не сможет занять всех рабочих, освобождаемых фермерским хозяйством в земледелии (I, 255—256). «Те, кому приносят в жертву земледельцев, найдут ли сами какую-либо выгоду в этом? Ведь земледельцы — самые близкие и самые надежные потребители английских мануфактур. Прекращение их потребления нанесло бы индустрии удар, более гибельный, чем закрытие одного из самых крупных внешних рынков» (I, 256). Он уверял английских фермеров, что им не выдержать конкуренции бедного польского крестьянина, которому хлеб почти ничего не стоит (II, 257), что им грозит еще более страшная конкуренция русского хлеба из портов Черного моря. Он восклицал: «Американцы последовали новому принципу: производить, не взвешивая вопроса о рынке (produire sans calculer le marché), и производить как можно больше», и вот «характеристическая черта торговли Соед. Штатов, с одного края страны до другого, — избыток товаров всякого рода над нуждами потребления... постоянные банкротства суть результат этого излишества торговых капиталов, которые не могут быть обменены на доход» (I, 455—456). Добрый Сисмонди! Что сказал бы он об Америке современной, — об Америке, развившейся так колоссально на счет того самого «внутреннего рынка», который, по теории романтиков, должен был «сокращаться»!

VII.

КРИЗИС.

Третий ошибочный вывод Сисмонди из перенятой им неправильной теории Ад. Смита есть учение о кризисах. Из воззрения Сисмонди, что накопление (рост производства вообще) определяется потреблением, и из неверного объяснения реализации всего общественного продукта (сводимого к доле рабочих и доле капиталистов в доходе) вытекло естественно и неизбежно то уче-

ние, что кризисы объясняются несоответствием между производством и потреблением. Этой теории и держался целиком Сисмонди. Ее перенял и Родбертус, придав ей слегка измененную формулировку: он объяснял кризисы тем, что при росте производства доля рабочих в продукте уменьшается, при чем весь общественный продукт он так же неправильно, как и А. Смит, делил на заработную плату и «ренту» (по его терминологии «рента» есть сверхстоимость, т.-е. прибыль и поземельная рента вместе). Научный анализ накопления в капиталистическом обществе*) и реализации продукта подорвал все основания этой теории, указав также, что именно в эпохи, предшествующие кризисам, потребление рабочих повышается, что недостаточное потребление (объясняющее будто бы кризисы) существовало при самых различных хозяйственных режимах, а кризисы составляют отличительный признак только одного режима — капиталистического. Эта теория объясняет кризисы другим противоречием, именно противоречием между общественным характером производства (обобществленного капитализмом) и частным, индивидуальным способом присвоения. Глубокое различие этих теорий, казалось бы, ясно само собой, но мы должны остановиться подробнее на нем, ибо именно русские последователи Сисмонди стараются *стереть* это различие и спутать дело. Две теории кризисов, о которых мы говорим, дают им совершенно различные объяснения. Первая теория объясняет их противоречием между производством и потреблением рабочего класса, вторая — противоречием между общественным характером производства и частным характером присвоения. Первая, след., видит корень явления *вне* производства (отсюда у Сисмонди, напр., общие нападки на классиков, что они игнорируют потребление, занимаясь только производством); вторая — именно в условиях производства. Говоря кратче, первая объясняет кризисы недостаточным потреблением (Unterkonsumption), вторая — беспорядочностью производства. Итак, обе теории, объясняя кризисы *противоречием* в самом строе хозяйства, совершенно расходятся в указании этого противоречия. Но спрашивается: отрицает ли вторая теория факт противоречия между производством и потреблением, факт недостаточного потребления? *Разумеется, нет.* Она вполне признает этот факт, но отводит ему надлежащее, подчиненное место, как факту, относящемуся лишь к одному подразделению всего капиталистиче-

*) В связи с учением о том, что весь продукт в капиталистическом хозяйстве состоит из двух частей, находится у А. Смита и последующих экономистов ошибочное понимание «накопления единичного капитала». Именно, они учили, что накопляемая часть прибыли целиком расходуется на заработную плату, тогда как на деле она расходуется: 1) на постоянный капитал и 2) на заработную плату. Сисмонди повторяет и эту ошибку классиков.

ского производства. Она учит, что этот факт не может объяснить кризисов, вызываемых другим, более глубоким, основным противоречием современной хозяйственной системы, именно противоречием между общественным характером производства и частным характером *) присвоения. Поэтому, что сказать о тех людях, которые, придерживаясь в сущности первой теории, прикрываются ссылками на то, как представители второй констатируют противоречие между производством и потреблением? Очевидно, эти люди *не вдумались* в основу различия двух теорий и не поняли, как следует, второй теории. К числу этих людей принадлежит, напр., г. Н. —он (не говоря уже о г. В. В.). На принадлежность их к последователям Сисмонди было уже указано в нашей литературе г. Туган-Барановским («Пром. кризисы», с. 477, с странной оговоркой относительно г. Н. —она: «повидимому»). Но г. Н. —он, толкуя о «сокращении внутреннего рынка» и о «понижении народной потребительной способности» (центральные пункты его воззрений), ссылается тем не менее на представителей второй теории, *констатирующих* факт противоречия между производством и потреблением, факт недостаточного потребления. Понятно, что такие ссылки показывают только характерную вообще для этого автора способность приводить неуместные цитаты, и ничего более. Напр., все читатели, знакомые с его «Очерками», помнят, конечно, его «цитату» о том, что «рабочие, как покупатели товара, важны для рынка, но капиталистическое общество имеет стремление ограничить их минимумом цены, как продавцов собственного товара — рабочей силы» («Очерки», с. 178), помнят также, что г. Н. —он хочет выводить отсюда и «сокращение внутреннего рынка» (ib., с. 203 и др.) и кризисы (с. 298 и др.). Но, приводя эту цитату (ничего не доказывающую, как мы разъяснили), наш автор сверх того *опускает конец* той выноски, из которой взята его цитата. Эта цитата представляла из себя *заметку, вставленную в рукопись* II-го отдела II-го тома «Капитала». Заметка эта была вставлена, «чтобы впоследствии развить ее обстоятельнее», и издатель рукописи отнес ее в примечание. *После приведенных слов в этой заметке говорится: «Однако, все это относится только к следующему отделу»* **), — т.-е. к третьему отделу. А что это за третий отдел? Это именно тот отдел, который содержит критику теории А. Смита о двух частях всего общественного продукта (вместе с вышеприведенным отзывом о Сисмонди) и анализ «воспроизводства и обращения всего общественного капитала», т.-е. реализации продукта. Итак, в подтверждение своих воззрений, повторяющих Сисмонди, наш автор цитирует заметку, отно-

*) В изд. 1908 г.: «и индивидуальным способом». *Ред.*
**) «Das Kapital», II Band, S. 304. Рус. пер., с. 232. Курсив наш.

сящуюся «только к отделу», опровергающему Сисмонди: «только к отделу», в котором показано, что капиталисты *могут* реализовать сверхстоимость, и что внесение внешней торговли в анализ реализации есть нелепость...

Другая попытка стереть различие двух теорий и защитить старый романтический хлам ссылкой на новейшие учения содержится в статье Эфруси. Приведя теорию кризисов Сисмонди, Эфруси указывает на ее неверность («Р. Б.» № 7, с. 162). Указания его крайне неотчетливы и противоречивы. С одной стороны, он повторяет доводы противоположной теории, говоря, что предметами непосредственного потребления не исчерпывается национальный спрос. С другой стороны, он утверждает, что объяснение кризисов Сисмонди «указывает лишь на одно из многих обстоятельств, затрудняющих распределение национального производства соответственно спросу населения и его покупательной способности». Читателя приглашают, следовательно, думать, что объяснение кризисов заключается именно в «распределении», и что ошибка Сисмонди ограничивается неполным указанием причин, затрудняющих это распределение! Но главное не в этом... «Сисмонди, — говорит Эфруси, — не остановился на вышеприведенном объяснении. Уже в 1-ом издании «Nouv. Princ.» мы находим глубоко поучительную главу, озаглавленную «De la connaissance du marché» *). В этой главе Сисмонди раскрывает нам основные причины нарушения равновесия между производством и потреблением (это заметьте!) с такой ясностью, какую мы в этом вопросе встречаем лишь у немногих экономистов» (ib.). И, приведя цитаты о том, что фабрикант не может знать рынка, Эфруси говорит: «Почти то же самое говорит Энгельс» (с. 163) — следует цитата о том, что фабрикант не может знать спроса. Приведя затем еще цитаты о «других препятствиях для установления равновесия между производством и потреблением» (с. 164), Эфруси уверяет, что «в них дается то самое объяснение кризисов, которое все более и более становится господствующим»! Даже более: Эфруси находит, что «мы в вопросе о причинах народно-хозяйственных кризисов можем с полным правом смотреть на Сисмонди, как на родоначальника тех взглядов, которые позднее развиваются более последовательно и более ясно» (с. 168).

Но всем этим Эфруси обнаруживает полное непонимание дела! Что такое кризисы? — Перепроизводство, производство товаров, которые не могут быть реализованы, не могут найти спроса. Если товары не могут найти спроса, — значит, фабрикант, производя их, не знал спроса. Спрашивается теперь: неужели указать это условие возможности кризисов значит дать

---

*) — «О познании рынка». *Ред.*

объяснение кризисам? Неужели Эфруси не понимал разницы между указанием возможности и объяснением необходимости явления? Сисмонди говорит: кризисы возможны, ибо фабрикант не знает спроса; они необходимы, ибо в капиталистическом производстве не может быть равновесия производства с потреблением (т.-е. не может быть реализован продукт). Энгельс говорит: кризисы возможны, ибо фабрикант не знает спроса; они необходимы совсем не потому, чтобы вообще не мог быть реализован продукт. Это неверно: продукт может быть реализован. Кризисы необходимы потому, что коллективный характер производства приходит в противоречие с индивидуальным характером присвоения. И вот находится экономист, который уверяет, что Энгельс говорит «почти то же самое»; что Сисмонди дает «то же самое объяснение кризисов»! «Меня удивляет поэтому, — пишет Эфруси, — что г. Туган-Барановский... упустил из виду самое важное и ценное в учении Сисмонди» (с. 168). Но г. Туган-Барановский ничего не упустил из виду *). Напротив, он с полной точностью указал то основное противоречие, к которому сводит дело новая теория (с. 455 и др.), и выяснил значение Сисмонди, который раньше указал на противоречие, проявляющееся в кризисах, но не сумел дать верного объяснения ему (с. 457: Сисмонди до Энгельса указывал на то, что кризисы вытекают из современной организации хозяйства; с. 491: Сисмонди излагал условия возможности кризисов, но «не всякая возможность осуществляется на деле»). А Эфруси совершенно в этом не разобрался и, свалив все в одну кучу, «удивляется», что у него выходит путаница! «Мы, правда, — говорит экономист «Русск. Бог.», — у Сисмонди не находим тех выражений, которые теперь получили всеобщее право гражданства, в роде «анархии производства», «отсутствия планомерности (Planlosigkeit) производства», но сущность, скрывающаяся под этими выражениями, отмечена у него вполне ясно» (с. 168). С какой легкостью романтик новейший реставрирует романтика былых дней! Вопрос сводится к различию в словах! На деле вопрос сводится к тому, что Эфруси не понимает тех слов, которые повторяет. «Анархия производства», «отсутствие планомерности производства» — о чем говорят эти выражения? О противоречии между общественным характером производства и индивидуальным характером присвоения. И мы спрашиваем всякого, знакомого с разбираемой экономической литературой: признавал ли это противоречие Сисмонди или Родбертус? Выводили ли они кризисы из этого противоречия? Нет, не выводили и не могли выводить, ибо *ни один из них совер-*

*) В «Развитии капитализма» (стр. 16 и 19) (стр. 29 и 32 III тома Сочинений. *Ред.*) я уже отметил те неточности и ошибки у г. Туган-Барановского, которые привели его впоследствии к полному переходу в лагерь буржуазных экономистов. (Прим. автора к изданию 1908 г. *Ред.*)

шенно не понимал этого противоречия. Самая идея о том, что критику капитализма нельзя основывать на фразах о всеобщем благополучии *), или о неправильности «обращения, предоставленного самому себе»**), а необходимо основывать на характере эволюции производственных отношений, — была им абсолютно чужда.

Мы вполне понимаем, почему наши российские романтики употребляют все усилия, чтобы стереть различие между двумя указанными теориями кризисов. Это потому, что с указанными теориями самым непосредственным, самым тесным образом связаны принципиально различные отношения к капитализму. В самом деле, если мы объясняем кризисы невозможностью реализовать продукты, противоречием между производством и потреблением, то мы тем самым приходим к отрицанию действительности, пригодности того пути, по которому идет капитализм, объявляем его путем «ложным» и обращаемся к поискам «иных путей». Выводя кризисы из этого противоречия, мы должны думать, что, чем дальше развивается оно, *тем труднее* выход из противоречия. И мы видели, как Сисмонди с величайшей наивностью высказал именно это мнение, говоря, что если капитал накопляется медленно, то это еще можно снести; но если быстро, то это становится невыносимо. — Наоборот, если мы объясняем кризисы противоречием между общественным характером производства и индивидуальным характером присвоения, мы тем самым признаем действительность и прогрессивность капиталистического пути и отвергаем поиски «иных путей», как вздорный романтизм. Мы тем самым признаем, что, чем дальше развивается это противоречие, *тем легче* выход из него, и что выход заключается именно в развитии данного строя.

Как видит читатель, и тут мы встречаем различие «точек зрения»...

Вполне естественно, что наши романтики ищут теоретических подтверждений своим воззрениям. Вполне естественно, что эти поиски приводят их к старому хламу, давным-давно выброшенному западной Европой. Вполне естественно, что они, чувствуя это, пытаются реставрировать этот хлам, то прямо прикрашивая романтиков западной Европы, то провозя романтизм под флагом

*) Cf. Sismondi, l. c., I, 8.

**) Родбертус. Кстати отметим, что Бернштейн, реставрируя вообще предрассудки буржуазной экономии, внес путаницу и по данному вопросу, утверждая, что теория кризисов Маркса не очень-то отличается от Родбертусовской («Die Voraussetzungen etc.». Stuttg. 1899, S. 67) (*Э. Бернштейн*, «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», Штутгарт 1899, стр. 67. *Ред.*) и что Маркс противоречит себе, признавая последней причиной кризисов ограниченность потребления масс. (Прим. автора к изданию 1908 г. *Ред.*)

неуместных и извращенных цитат. Но они жестоко заблуждаются, если думают, что подобная контрабанда будет оставаться нераскрытой.

Заканчивая этим изложение *основной* теоретической доктрины Сисмонди и главнейших теоретических выводов, сделанных им из нее, мы должны сделать маленькое добавление, относящееся опять к Эфруси. В другой своей статье о Сисмонди (продолжение первой) он говорит: «Еще более интересными (сравнительно с учением о доходе с капитала) являются воззрения Сисмонди на различные виды доходов» («Р. Б.» № 8, с. 42). Сисмонди, дескать, так же, как и Родбертус, делит национальный доход на две части: «одна поступает владельцам земли и орудий производства, другая— представителям труда» (ib.). Следуют цитаты, в которых Сисмонди говорит о таком делении не только национального дохода, но и всего продукта: «Годовое производство, или результат всех работ, совершенных народом в течение года, также состоит из двух частей» и т. д. («N. Princ.», I, 105, цит. в «Р. Б.» № 8, с. 43). «Процитированные места, — заключает наш экономист, — ясно доказывают, что Сисмонди вполне усвоил (!) ту самую классификацию народного дохода, которая играет у новейших экономистов такую важную роль, именно деление народного дохода на доход, основанный на труде, и на беструдовой доход — arbeitsloses Einkommen. Хотя, вообще говоря, взгляды Сисмонди по вопросу о доходе не всегда ясны и определенны, но в них все-таки проглядывает сознание различия, существующего между частнохозяйственным и народно-хозяйственным доходом» (с. 43).

Процитированное место,—скажем мы на это,—ясно доказывает, что Эфруси вполне усвоил мудрость немецких учебников, но, несмотря на это (а, может быть, именно благодаря этому), совершенно проглядел теоретическую трудность вопроса о национальном доходе в отличие от индивидуального. Эфруси выражается очень неосторожно. Мы видели, что в первой половине своей статьи он называл «новейшими экономистами» теоретиков одной определенной школы. Читатель в праве будет подумать, что и на этот раз речь идет о них же. На самом же деле автор разумеет тут нечто совершенно иное. В качестве новейших экономистов фигурируют теперь уже немецкие катедер-социалисты. Защита Сисмонди состоит в том, что автор сближает его теорию с их учением. В чем же состоит учение этих «новейших» авторитетов Эфруси? — В том, что национальный доход делится на две части.

Да ведь это учение Ад. Смита, а вовсе не «новейших экономистов»! Разделяя доход на заработную плату, прибыль и ренту (кн. I, гл. VI «Богатства народов»; кн. II, гл. II), А. Смит противополагал два последние первому, именно как беструдовой доход, называя оба их вычетом из труда (кн. I, гл. VIII) и оспаривая

мнение, что прибыль есть та же заработная плата за особого рода труд (кн. I, гл. VI). И Сисмонди, и Родбертус, и «новейшие» авторы немецких учебников просто повторяют это учение Смита. Различие между ними только то, что А. Смит сознавал, что ему не вполне удается выделить национальный доход из национального продукта; сознавал, что он впадает в противоречие, выкидывая из последнего постоянный капитал (по современной терминологии), который им включался однако в единичный продукт. «Новейшие» же экономисты, повторяя ошибку А. Смита, облекали его учение только в более напыщенную форму («классификация национального дохода») и утрачивали сознание того противоречия, перед которым остановился А. Смит. Это — приемы, быть может, ученые, но вовсе не научные.

VIII.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕНТА И КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ.

Продолжаем обзор теоретических воззрений Сисмонди. Все главные его воззрения — те, которые характеризуют его в отличие от всех других экономистов, мы уже рассмотрели. Дальнейшие либо не играют столь важной роли в общем его учении, либо составляют вывод из предыдущих.

Отметим, что Сисмонди точно так же, как и Родбертус, не разделял теории ренты Рикардо. Не выдвигая своей собственной теории, он старался поколебать учение Рикардо соображениями более чем слабыми. Он выступает здесь чистым идеологом мелкого крестьянина; он не столько опровергает Рикардо, сколько отвергает вообще перенесение на земледелие категорий товарного хозяйства и капитализма. В обоих отношениях его точка зрения в высшей степени характерна для романтика. Гл. XIII-я 3-ей книги *) посвящена «теории г. Рикардо о ренте с земель». Заявив сразу

*) Характерна уже и самая система изложения: 3-я книга трактует о «богатстве территориальном» (richesse territoriale), земельном, т.-е. о земледелии. Следующая 4-я книга «о богатстве торговом» (de la richesse commerciale) — о промышленности и торговле. Как будто бы земельный продукт и самая земля не становились тоже товаром при господстве капитализма! Поэтому между двумя этими книгами не оказывается и соответствия. Промышленность трактуется только в ее капиталистической форме, современной Сисмонди. Земледелие же описывается в виде разношерстного перечня всяческих систем эксплуатации земли: эксплуатация патриархальная, рабская, половническая, барщинная, оброчная, фермерская, эмфитевтическая (сдача в вечно-наследственную аренду). В результате полная путаница: автор не дает ни истории земледелия, ибо все эти «системы» между собой не связаны, ни анализа земледелия в капиталистическом хозяйстве, хотя это последнее — настоящий предмет его сочинения и хотя о промышленности он говорит только в ее капиталистической форме.

о полном противоречии доктрины Рикардо его собственной теории, Сисмонди приводит такие возражения: общий уровень прибыли (на котором построена теория Рикардо) никогда не устанавливается, свободного перемещения капитала в земледелии нет. В земледелии надо рассматривать внутреннюю ценность продукта (la valeur intrinsèque), не зависящую от колебаний рынка и предоставляющую владельцу «чистый продукт» (produit net), «труд природы» (I, 306). «Труд природы есть сила, источник чистого продукта земли, рассматриваемого в его внутренней стоимости» (intrinsèquement) (I, 310). «Мы рассматривали ренту (le fermage), или, вернее, чистый продукт, как происходящий непосредственно из земли в пользу собственника; он не отнимает никакой доли ни у фермера, ни у потребителя» (I, 312). И это повторение старых физиократических предрассудков заключается еще моралью: «Вообще в политической экономии следует беречься (se défier) абсолютных предположений, точно так же, как и абстракций» (I, 312)! В такой «теории» нечего даже и разбирать, ибо одного маленького примечания Рикардо против «труда природы» более чем достаточно *). Это просто отказ от анализа и гигантский шаг назад сравнительно с Рикардо. С полной наглядностью сказывается и тут романтизм Сисмонди, который спешит осудить данный процесс, боясь прикоснуться к нему анализом. Заметьте, что он ведь не отрицает того факта, что земледелие развивается в Англии капиталистически, что крестьяне заменяются фермерами и поденщиками, что на континенте дела развиваются в том же направлении. Он просто отворачивается от этих фактов (которые он обязан был рассмотреть, рассуждая о капиталистическом хозяйстве), предпочитая сантиментальные разговоры о предпочтительности системы патриархальной эксплуатации земли. Точь-в-точь так же поступают и наши народники: никто из них и не пытался отрицать того факта, что товарное хозяйство проникает в земледелие, что оно не может не производить радикального изменения в общественном характере земледелия, — но в то же время никто, рассуждая о капиталистическом хозяйстве, не ставит вопроса о росте торгового земледелия, предпочитая отделываться сентенциями о «народном производстве». Так как здесь мы ограничиваемся пока разбором теоретической экономии Сисмонди, то

*) *Рикардо.* Сочинения, пер. Зибера, стр. 35: «Разве природа ничего не делает для человека в мануфактурной промышленности? Разве силы ветра и воды, приводящие в действие наши машины и оказывающие пособие мореплаванию, не имеют никакого значения? Давление атмосферы и упругость пара, посредством которых мы приводим в движение самые удивительные машины, — разве это не дары природы? Не говоря о действии теплоты, размягчающей и расплавляющей металлы, и об участии воздуха в процессах окрашивания и брожения, нет ни одной отрасли мануфактуры, в которой бы природа не оказывала помощи человеку, и притом помощи даровой и щедрой».

более подробное ознакомление с этой «патриархальной эксплуатацией» откладываем до дальнейшего.

Другим теоретическим пунктом, около которого вращается изложение Сисмонди, является учение о населении. Отметим отношение Сисмонди к теории Мальтуса и к излишнему населению, создаваемому капитализмом.

Эфруси уверяет, что Сисмонди согласен с Мальтусом лишь в том, что население может размножаться с чрезвычайной быстротой, служа источником чрезвычайных страданий. «В дальнейшем они являются полнейшими антиподами. Сисмонди ставит весь вопрос о населении на социально-историческую почву» («Р. Б.» № 7, с. 148). И в этой формулировке Эфруси совершенно затушевывает характерную точку зрения Сисмонди (именно мелко-буржуазную) и его романтизм.

Что значит «ставить вопрос о населении на социально-историческую почву»? Это значит исследовать закон народонаселения каждой исторической системы хозяйства отдельно и изучать его связь и соотношение с данной системой. Какую систему изучал Сисмонди? Капиталистическую. Итак, сотрудник «Русск. Богатства» полагает, что Сисмонди изучал капиталистический закон народонаселения. В этом утверждении есть доля истины, но только *доля*. А так как Эфруси и не думал разбирать, чего недоставало Сисмонди в его рассуждениях о народонаселении, и так как Эфруси утверждает, что «Сисмонди является здесь предшественником самых выдающихся новейших экономистов» *) (с. 148), — то в результате получается совершенно такое же подкрашивание мелко-буржуазного романтика, какое мы видели по вопросу о кризисах и о национальном доходе. В чем состояло сходство учения Сисмонди с новой теорией по этим вопросам? В том, что Сисмонди указал на противоречия, свойственные капиталистическому накоплению. Это сходство Эфруси отметил. В чем состояло различие Сисмонди от новой теории? В том, во-1-х, что он ни на иоту не двинул вперед научного анализа этих противоречий и в некоторых отношениях сделал даже шаг назад сравнительно с классиками, — во-2-х, в том, что он прикрывал свою неспособность к анализу (отчасти свое нежелание производить анализ) мелкобуржуазной моралью о необходимости соображать национальный доход с расходом, производство с потреблением и т. п. Этого различия Эфруси ни по одному из указанных пунктов *не отметил* и тем совершенно неправильно представил настоящее значение Сисмонди и его отношение к новейшей теории. Совершенно то же самое видим мы и по данному вопросу. Сходство Сисмонди

*) Оговариваемся, впрочем, что мы не можем наверное знать, кто фигурирует тут у Эфруси в качестве «самого выдающегося новейшего экономиста», представитель ли известной, безусловно чуждой романтизму школы, или автор самого толстого хандбуха?

с новейшей теорией и здесь ограничивается *указанием на противоречие.* Различие и здесь состоит в отсутствии научного анализа и в мелко-буржуазной морали вместо такого анализа. Поясним это.

Развитие капиталистической машинной индустрии с конца прошлого века повело за собой образование излишнего населения, и перед политической экономией встала задача объяснить это явление. Мальтус пытался, как известно, объяснить его естественно-историческими причинами, совершенно отрицая происхождение его из известного, исторически-определенного, строя общественного хозяйства и совершенно закрывая глаза на вскрываемые этим фактом противоречия. Сисмонди указал на эти противоречия и на вытеснение населения машинами. В этом указании его неоспоримая заслуга, ибо в ту эпоху, когда он писал, такое указание было новостью. Но посмотрим, как он отнесся к этому факту.

В 7-ой книге («О населении») 7-ая глава специально говорит «о населении, сделавшемся излишним вследствие изобретения машин». Сисмонди констатирует, что «машины вытесняют людей» (р. 315, II, VII), и сейчас же ставит вопрос, есть ли изобретение машин выгода для нации или несчастье? Понятно, что «решение» этого вопроса для всех стран и времен вообще, а не для капиталистической страны состоит в бессодержательнейшей банальности: выгода — тогда, когда «спрос на потребление превышает средства производства в руках населения» (les moyens de produire de la population) (II, 317), и бедствие — «когда производство вполне достаточно для потребления». Другими словами: констатирование противоречия служит у Сисмонди лишь поводом для рассуждений о каком-то абстрактном обществе, в котором уже нет никаких противоречий, и к которому применима мораль расчетливого крестьянина! Сисмонди и не пытается анализировать это противоречие, разобрать, как оно складывается, к чему ведет и т. д. в данном капиталистическом обществе. Нет, он пользуется этим противоречием, лишь как материалом для своего нравственного негодования против такого противоречия. Все дальнейшее содержание главы не дает абсолютно ничего по данному теоретическому вопросу, исчерпываясь сетованиями, жалобами и невинными пожеланиями. Вытесняемые рабочие были потребителями... сокращается внутренний рынок... что касается внешнего, то мир уже достаточно снабжен... умеренное довольство крестьян лучше гарантировало бы сбыт... нет более поразительного, ужасающего примера, как Англия, которой следуют государства континента — вот какие сентенции дает Сисмонди, вместо анализа явления! Его отношение к предмету точь-в-точь таково, как и отношение наших народников. Народники тоже ограничиваются одним констатированием факта избыточности населения, и утилизируют этот факт лишь для сетований и жалоб на капитализм (ср. Н.—он,

В. В. и т. под.). Как Сисмонди не пытается даже анализировать, в каком отношении к требованиям капиталистического производства находится это излишнее население, — так и народники никогда и не ставили себе подобного вопроса.

Полная неправильность подобного приема была выяснена научным анализом этого противоречия. Этот анализ установил, что избыточное население, представляя из себя несомненно противоречие (рядом с избыточным производством и избыточным потреблением) и будучи необходимым результатом капиталистического накопления, является в то же время *необходимой составной частью* капиталистического механизма *). Чем дальше развивается крупная индустрия, тем большим колебаниям подвергается спрос на рабочих, в зависимости от кризисов или периодов процветания во всем национальном производстве или в каждой отдельной отрасли его. Эти колебания — закон капиталистического производства, которое *не могло бы существовать*, если бы не было избыточного населения (т. е. превышающего *средний* спрос капитализма на рабочих), готового в каждый данный момент доставить рабочие руки для любой отрасли промышленности или для любого предприятия. Анализ показал, что избыточное население образуется во всех отраслях промышленности, куда только проникает капитализм, — и в земледелии точно так же, как в промышленности, — и что избыточное население существует в разных формах. Главных форм три **): 1) *Перенаселение текучее*. К нему принадлежат незанятые рабочие в промышленности. С развитием промышленности необходимо растет и число их. 2) *Перенаселение скрытое*. К нему принадлежит сельское население, теряющее

---

*) Впервые, насколько известно, эта точка зрения на избыточное население была высказана Энгельсом в «Die Lage der arbeitenden Klasse in England» (1845) (*Энгельс*, «Положение рабочего класса в Англии». *Ред.*). Описавши обычный промышленный цикл английской промышленности, автор говорит:

«Отсюда ясно, что английская промышленность должна иметь во всякое время, за исключением кратких периодов высшего процветания, незанятую резервную армию рабочих, — для того, чтобы иметь возможность производить массы товаров, требуемых рынком в наиболее оживленные месяцы. Эта резервная армия расширяется или суживается, смотря по состоянию рынка, дающего занятие большей или меньшей части ее членов. И если в момент наибольшего оживления рынка земледельческие округа и отрасли промышленности, наименее затронутые общим процветанием, дают временно мануфактурам известное количество рабочих, то таковых небольшое меньшинство, и они принадлежат точно также к резервной армии, с тем единственным различием, что именно быстрое процветание требовалось для того, чтобы вскрыть их принадлежность к этой армии».

В последних словах важно отметить отнесение к резервной армии части *земледельческого* населения, временно обращающегося к промышленности. Это именно то, что позднейшая теория назвала *скрытой* формой избыточного населения (см. «Капитал» Маркса).

**) Ср. *Зибера*, «Давид Рикардо и т. д.», с. 552 — 3. Спб. 1885.

свое хозяйство с развитием капитализма и не находящее неземледельческих занятий. Это население всегда готово доставить рабочие руки для любых предприятий. 3) *Перенаселение застойное.* Оно занято «в высшей степени неправильно» при условиях, стоящих ниже обычного уровня. Сюда относятся главным образом работающие дома на фабрикантов и на магазины, как сельские жители, так и городские. Совокупность всех этих слоев населения и составляет *относительно избыточное население, или резервную армию.* Последний термин отчетливо показывает, о каком населении идет речь. Это — рабочие, которые необходимы капитализму для *возможного* расширения предприятий, но которые никогда не могут быть заняты постоянно.

Таким образом, и по данному вопросу теория пришла к выводу, который диаметрально противоположен выводу романтиков. Для последних избыточное население означает невозможность капитализма или «ошибочность» его. На самом же деле, — как раз наоборот: избыточное население, являясь необходимым дополнением избыточного производства, составляет необходимую принадлежность капиталистического хозяйства, *без которой оно не могло бы ни существовать, ни развиваться.* Эфруси и тут совершенно неправильно представил дело, умолчав об этом положении новейшей теории.

Простого сопоставления двух указанных точек зрения достаточно для суждения о том, к какой из них примыкают наши народники. Вышеизложенная глава из Сисмонди могла бы с полнейшим правом фигурировать в «Очерках нашего пореф. общ. хозяйства» г. Н.—она.

Констатируя образование избыточного населения в пореформенной России, народники никогда не ставили вопроса о потребностях капитализма в резервной армии рабочих. Могли ли бы быть построены железные дороги, если бы не образовывалось постоянно избыточное население? Известно ведь, что спрос на такого рода труд сильно колеблется по годам. Могла ли развиться промышленность без этого условия? (В периоды горячки она требует массы строительных рабочих для вновь воздвигаемых фабрик, зданий, складов и т. п. и всякого рода вспомогательной поденной работы, занимающей большую часть так называемых отхожих неземледельческих промыслов.) Могло ли без этого условия создаться капиталистическое земледелие наших окраин, требующее сотен тысяч и миллионов поденщиков, причем колебания спроса на этот труд, как известно, непомерно велики? Могло ли бы иметь место без образования избыточного населения феноменально быстрое сведение лесов предпринимателями-лесопромышленниками на нужды фабрик? (Лесные работы принадлежат тоже к числу наихудше оплачиваемых и наихудше обставленных, как и другие формы труда сельских жителей на пред-

принимателей.) Могла ли без этого условия развиться система раздачи работы на дома в городах и деревнях купцами, фабрикантами, магазинами, составляющая столь распространенное явление в т. наз. кустарных промыслах? Во всех этих отраслях труда (развившихся главным образом после реформы) колебания спроса на наемный труд крайне велики. А ведь размер колебаний такого спроса определяет размер избыточного населения, *требуемого* капитализмом. Экономисты-народники нигде не показали, чтобы им был известен этот закон. Мы не намерены, конечно, входить здесь в разбор этих вопросов по существу *). Это не входит в нашу задачу. Предмет нашей статьи—западно-европейский романтизм и его отношение к русскому народничеству. И в данном случае отношение это оказывается таким же, как во всех предыдущих: по вопросу об избыточном населении народники стоят целиком на точке зрения романтизма, которая диаметрально противоположна точке зрения новейшей теории. Капитализм не занимает освобождаемых рабочих,—говорят они. Значит, он невозможен, «ошибочен» и т. под. Вовсе еще это не «значит». Противоречие не есть невозможность (Widerspruch не то, что Widersinn). Капиталистическое накопление, это настоящее производство ради производства, есть тоже противоречие. Но это не мешает ему существовать и быть законом определенной системы хозяйства. То же самое надо сказать и о всех других противоречиях капитализма. Приведенное народническое рассуждение «значит» только, что в российскую интеллигенцию глубоко въелся порок отговариваться от всех этих противоречий фразами.

Итак, Сисмонди не дал абсолютно ничего *для теоретического анализа* перенаселения. Но как же он смотрел на него? Его взгляд складывается из оригинального сочетания мелко-буржуазных симпатий и мальтузианства. «Великий порок современной социальной организации,—говорит Сисмонди,—тот, что бедный не может никогда знать, на какой спрос труда он может рассчитывать» (II, 261), и Сисмонди вздыхает о тех временах, когда «деревенский сапожник» и мелкий крестьянин точно знали свои доходы. «Чем более бедняк лишен всякой собственности, тем более подвергается он опасности ошибиться насчет своего дохода и содействовать созданию такого населения (contribuer à accroître une population...), которое, не будучи в соответствии со спросом на труд, не найдет средств к жизни» (II, 263—264). Видите: этому идеологу мелкой буржуазии мало того, что он желал бы задержать все общественное развитие, ради сохранения патриархальных отношений полудикого населения. Он готов предпи-

*) Поэтому мы не касаемся здесь того весьма оригинального обстоятельства, что основанием *не считать* всех этих очень многочисленных рабочих служит для народников-экономистов отсутствие регистрации их.

сывать какое угодно калечение человеческой природы, лишь бы оно служило сохранению мелкой буржуазии. Вот еще несколько выписок, которые не оставляют сомнения насчет этого последнего пункта:

Еженедельная расплата на фабрике с полунищим рабочим приучила его не смотреть на будущее дальше следующей субботы: «в нем притупили таким образом нравственные качества и чувство симпатии» (II, 266), состоящие, как мы сейчас увидим, в «супружеском благоразумии»!.. — «его семья будет становиться тем многочисленнее, чем более она в тягость обществу; и нация будет страдать (gémira) под гнетом населения, не приведенного в соответствие (disproportionnée) с средствами его содержания» (II, 267). Сохранение мелкой собственности во что бы то ни стало — вот лозунг Сисмонди — хотя бы даже ценой понижения жизненного уровня и извращения человеческой природы! И Сисмонди, поговоривши, с видом государственного человека, о том, когда «желателен» рост населения, посвящает особую главу нападкам на религию за то, что она не осуждала «неблагоразумных» браков. Раз только затронут его идеал — мелкий буржуа, Сисмонди является более мальтузианцем, чем сам Мальтус. «Дети, рождающиеся лишь для нищеты, — поучает Сисмонди религию, — рождаются также только для порока... Невежество в вопросах социального строя заставило их (представителей религии) вычеркнуть целомудрие из числа добродетелей, свойственных браку, и было одной из тех постоянно действующих причин, которые разрушают соответствие, естественно устанавливающееся между населением и его средствами существования» (II, 294). «Религиозная мораль должна учить людей, что, возобновив семью, они не менее обязаны жить целомудренно со своими женами, чем холостяки с женщинами, им не принадлежащими» (II, 298). И Сисмонди, претендующий вообще не только на звание теоретика-экономиста, но и на звание мудрого администратора, тут же подсчитывает, что для «возобновления семьи» требуется «в общем и среднем три рождения», и дает совет правительству «не обманывать людей надеждой на независимое положение, позволяющее заводить семью, когда это обманчивое учреждение (cet établissement illusoire) оставит их на произвол страданий, нищеты и смертности» (II, 299). «Когда социальная организация не отделяла класса трудящегося от класса, владеющего какой-нибудь собственностью, одного общественного мнения было достаточно для предотвращения бича (le fléau) нищенства. Для земледельца — продажа наследия его отцов, для ремесленника — растрата его маленького капитала всегда заключают в себе нечто постыдное... Но в современном строе Европы... люди, осужденные не иметь никогда никакой собственности, не могут чувствовать никакого стыда перед обращением к нищенству» (II, 306 — 307). Трудно рельефнее выразить тупость и черствость мелкого собственника! Из теоретика Сисмонди

превращается здесь в практического советчика, проповедующего ту мораль, которой, как известно, с таким успехом следует французский крестьянин. Это не только Мальтус, но вдобавок Мальтус, выкроенный нарочито по мерке мелкого буржуа. Читая эти главы Сисмонди, невольно вспоминаешь страстно-гневные выходки Прудона, доказывавшего, что мальтузианство есть проповедь супружеской практики... некоторого противоестественного порока *).

IX.

МАШИНЫ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ.

В связи с вопросом об избыточном населении стоит вопрос о значении *машин* вообще.

Эфруси усердно толкует о «блестящих замечаниях» Сисмонди насчет машин, о том, что «считать его противником технических усовершенствований несправедливо» (№ 7, с. 155), что «Сисмонди не был врагом машин и изобретений» (с. 156). «Сисмонди неоднократно подчеркивал ту мысль, что не машины и изобретения сами по себе вредны для рабочего класса, а они делаются таковыми лишь благодаря условиям современного хозяйства, при котором возрастание производительности труда не ведет ни к увеличению потребления рабочего класса, ни к сокращению рабочего времени» (с. 155).

Все эти указания вполне справедливы. И опять-таки *такая* оценка Сисмонди замечательно рельефно показывает, как народник абсолютно не сумел *понять романтика*, понять свойственную романтизму *точку зрения* на капитализм и ее радикальное отличие от точки зрения научной теории. Народник и не мог этого понять, потому что народничество само не пошло дальше романтизма. Но если указания Сисмонди на противоречивый характер капиталистического употребления машин были крупным прогрессом в 1820-х годах, то в настоящее время ограничиваться подобной примитивной критикой и не понимать ее мелко-буржуазной ограниченности уже совершенно непростительно.

В этом отношении (т.-е. в вопросе о различии учения Сисмонди от новейшей теории) **) Эфруси твердо остается при своем. Он не умеет даже поставить вопроса. Указавши, что Сисмонди видел противоречие, он этим и удовлетворяется, как будто бы история не показывала самые разнородные приемы

*) См. приложение к русскому переводу «Опыта о народонаселении» Мальтуса (Пер. Бибикова. Спб. 1866). Отрывок из сочинения Прудона «О справедливости».

**) А мы видели уже неоднократно, что Эфруси *везде* старался проводить это сравнение Сисмонди с современной теорией.

и способы критиковать противоречия капитализма. Говоря, что Сисмонди считал вредными машины не сами по себе, а вследствие их действия при данном социальном строе, Эфруси и не замечает, какая примитивная, поверхностно-сантиментальная точка зрения сказывается уже в одном этом рассуждении. Сисмонди действительно рассуждал: вредны машины или не вредны? и «решал» вопрос сентенцией: машины полезны лишь тогда, когда производство сообразуется с потреблением (ср. цитаты в «Р. Б.» № 7, с. 156). После всего изложенного выше нам нет надобности доказывать здесь, что подобное «решение» есть не что иное, как подстановка мелко-буржуазной утопии на место научного анализа капитализма. Сисмонди нельзя винить в том, что он не произвел такого анализа. Исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками. Но мы судим здесь уже не о Сисмонди и не о его примитивной, сантиментальной точке зрения, а об экономисте «Р. Б—ва», который до сих пор не понимает отличия такой точки зрения от новейшей. Он не понимает, что для характеристики этого отличия следовало поставить вопрос не о том, был ли Сисмонди врагом машин или нет, а о том, понимал ли Сисмонди значение машин в капиталистическом строе? понимал ли он роль машин *в этом строе, как фактора прогресса?* И тогда экономист «Р. Б—ва» мог бы заметить, что с своей *мелко-буржуазной, утопической* точки зрения Сисмонди и *не мог поставить* такого вопроса, и что в постановке и разрешении его и состоит отличие новой теории. Тогда Эфруси мог бы понять, что, заменяя вопрос об исторической роли машин в данном капиталистическом обществе — вопросом об условиях «выгодности» и «пользы» машин вообще, Сисмонди естественно приходил к учению об «опасности» капитализма и капиталистического употребления машин, взывал о необходимости «задержать», «умерить», «регламентировать» рост капитализма, и становился в силу этого *реакционером.* Непонимание исторической роли машин, как фактора прогресса, и составляет одну из причин, по которой новейшая теория признала учение Сисмонди *реакционным.*

Мы не будем здесь, разумеется, излагать новейшее учение *) о машинном производстве. Отсылаем читателя хоть к вышеназванному исследованию Н. Зибера, гл. X: «Машины и крупная промышленность» и особенно глава XI: «Разбор теории машинного производства» **). Отметим только в самых кратких чер-

*) В изд. 1908 г. добавлено в скобках: «т.-е. учение Маркса». *Ред.*

**) «Сказать по правде, — говорит Зибер в начале этой главы: — излагаемое учение о машинах и о крупной индустрии представляет такой неисчерпаемый источник новых мыслей и оригинальных исследований,

тах ее суть. Она сводится к двум пунктам: во-1-х, к историческому анализу, установившему место машинного производства в ряду других стадий развития капитализма и отношение машинной индустрии к этим предшествующим стадиям (капиталистической простой кооперации и капиталистической мануфактуре); во-2-х, к анализу роли машин в капиталистическом хозяйстве и особенно к анализу того преобразования всех условий жизни населения, которое производит машинная индустрия. По первому пункту теория установила, что машинная индустрия есть только одна стадия (именно высшая) капиталистического производства, и показала ее возникновение из мануфактуры. По второму пункту теория установила, что машинная индустрия является гигантским прогрессом в капиталистическом обществе не только потому, что она в громадной степени повышает производительные силы и обобществляет труд во всем обществе *), но также потому, что она разрушает мануфактурное разделение труда, делает необходимостью переход рабочих от одних занятий к другим, разрушает окончательно отсталые патриархальные отношения, в особенности в деревне **), дает сильнейший толчок прогрессивному движению общества как по указанным причинам, так и вследствие концентрации индустриального населения. Прогресс этот сопровождается, как и все другие прогрессы капитализма, также и «прогрессом» противоречий, т.-е. обострением и расширением их.

Читатель спросит, может быть, какой же интерес имеет разбор взглядов Сисмонди по такому общеизвестному вопросу и такое суммарное указание на новую теорию, с которой все «знакомы», с которой все «согласны»?

А вот, чтобы посмотреть на это «согласие», мы и возьмем теперь наиболее видного народнического экономиста, г. Н. —она, претендующего на строгое применение новейшей теории. В своих «Очерках», как известно, г. Н. —он одной из своих специальных задач поставил изучение капитализации русской текстильной индустрии, которая характеризуется как раз наибольшим приложением машин.

Спрашивается, на какой точке зрения стоит г. Н. —он в этом вопросе: на точке зрения Сисмонди (с которым, как мы видели, он разделяет точку зрения на весьма многие стороны капита-

---

что если бы кто вздумал взвесить относительные достоинства этого учения вполне, ему пришлось бы написать по одному этому предмету чуть не целую книгу» (с. 473).

*) Сравнивая «сочетание труда» в общине и в капиталистическом обществе с машинной индустрией, Зибер вполне справедливо замечает: «Между «слагаемым» общины и «слагаемым» общества с машинной продукцией существует приблизительно такое же различие, как, напр., между *единицей* 10 и *единицей* 100» (с. 495).

**) Зибер, н. с., с. 467.

лизма) или на точке зрения новейшей теории? Является ли он по такому важному вопросу романтиком или... реалистом *)?

Мы видели, что первым отличием новейшей теории является исторический анализ возникновения машинной индустрии из капиталистической мануфактуры. Поставил ли г. Н.—он вопрос о возникновении русской машинной индустрии? Нет. Он дал, правда, указание, что ей предшествовала работа на дому на капиталиста и ручная «фабрика» **), но вопроса об отношении машинной индустрии к предшествующей стадии не только не разъяснил, но даже не «заметил», что *фабрикой* по научной терминологии нельзя было назвать *предшествующую стадию* (ручное производство на дому или в мастерской капиталиста), которая должна быть несомненно характеризована, как *капиталистическая мануфактура* ***).

Пусть не думает читатель, что это «пробел» неважный. Напротив, он имеет громадную важность. Во-1-х, г. Н.—он отождествляет таким образом *капитализм с машинной индустрией*. Это — грубая ошибка. Значение научной теории в том и состоит, что она выяснила настоящее место машинной индустрии, как *одной стадии* капитализма. Если бы г. Н.—он стоял на точке зрения *этой теории*, мог ли бы он изображать рост и победу *машинной индустрии* «*борьбой двух хозяйственных форм*»: какой-то неизвестной «формы, основанной на владении крестьянством орудиями производства» ****), и «капитализма» (стр. 2, 3, 66, 198 и др.), тогда как на деле мы видим *борьбу машинной индустрии с капиталистической мануфактурой?* Об этой *борьбе* г. Н.—он не сказал ни слова, хотя именно в текстильной индустрии, им специально взятой для изучения (стр. 79), по указанию, им же приведенному, происходила именно такая смена *двух форм капитализма*, извращенная г. Н.—оном в смену «народного производства» «капитализмом». Не очевидно ли, что в сущности его нимало не интересовал вопрос о *действительном*

*) Слово «реалист» поставлено здесь вместо слова: *марксист* исключительно по цензурным соображениям. По той же причине ссылки на «Капитал» заменены ссылками на книгу Зибера, пересказавшего «Капитал» Маркса. (Прим. автора к изданию 1908 г. *Ред.*)

**) Стр. 108. Цитата из Сб. ст. св. по Моск. г., т. VII, в. III, с. 32 (статистики излагают здесь Корсака «О формах промышленности»): «Самая организация промысла с 1822 года совершенно изменяется: вместо самостоятельных кустарных производителей крестьяне становятся лишь исполнителями некоторых операций крупного фабричного производства, они ограничиваются лишь получением задельной платы».

***) Зибер вполне справедливо указывал на непригодность обычной терминологии (фабрика, завод и т. п.) для научных исследований и на необходимость выделять машинную индустрию от капиталистической мануфактуры: стр. 474.

****) Н.—он, с. 322. Отличается ли это хоть на иоту от идеализации патриархального крестьянского хозяйства у Сисмонди?

развитии машинной индустрии и что под «народным производством» прячется утопия совершенно во вкусе Сисмонди? Во-2-х, если бы г. Н.—он поставил вопрос об историческом развитии русской машинной индустрии, мог ли бы он говорить о «насаждении капитализма» (331, 283, 323 и др. стр.), основываясь на фактах правительственной поддержки и помощи — фактах, которые имели место и в Европе? Спрашивается, подражает ли он Сисмонди, который ведь совершенно так же говорил о «насаждении»,— или представителю новейшей теории, изучавшему смену мануфактуры машинной индустрией? В-3-х, если бы г. Н.—он поставил вопрос об историческом развитии форм капитализма в России (в текстильной промышленности), мог ли бы он игнорировать существование капиталистической мануфактуры в русских «кустарных промыслах» *)? А если бы он *действительно* следовал теории и попытался прикоснуться научным анализом хоть к маленькому уголку этого тоже «народного производства»,— что сталось бы с его столь суздальски намалеванной картиной русского общественного хозяйства, изображающей какое-то туманное «народное производство» и оторванный от него «капитализм», охватывающий лишь «горсть» рабочих (с. 326 и др.)?

Резюмируем: по первому пункту, составляющему отличие новейшей теории машинной индустрии от романтической, г. Н.—он *ни в каком случае не может быть признан последователем первой,* ибо он не понимает даже необходимости поставить вопрос о возникновении машинной индустрии, как *особой стадии капитализма,* и замалчивает существование капиталистической мануфактуры, этой предшествующей машинам стадии капитализма. Вместо исторического анализа он подсовывает утопию «народного производства».

Второй пункт касается учения новейшей теории о преобразовании общественных отношений машинной индустрией. Г. Н.—он и не пытался разобрать этот вопрос. Он много сетовал на капитализм, оплакивал фабрику (точь-в-точь как оплакивал ее Сисмонди), но он не сделал даже попытки изучить то преобразование общественных условий, которое совершила фабрика **).

*) Мы предполагаем здесь, что нет нужды доказывать этот общеизвестный факт. Стоит вспомнить павловский слесарный промысел, богородский кожевенный, кимрский сапожный, шапочный района Молвитина, гармонный и самоварный тульские, красносельский и рыбнослободский ювелирный, семеновский ложкарный, роговой в «Устьянщине», валяльный в Семеновск. у. Нижег. г. и т. д. Мы цитируем на память: если взять любое исследование кустарной промышленности, можно удлинить список до бесконечности.

**) Мы просим не забывать, что научное значение этого термина не то, что обыденное. Наука ограничивает его применение только крупной машинной индустрией.

Для этого потребовалось бы ведь именно сравнение машинной индустрии с *предшествующими стадиями*, которые у г. Н.—она отсутствуют. Точно также точка зрения новейшей теории на машины, как на фактор прогресса *данного капиталистического общества*, — ему совершенно чужда. Опять-таки он даже и не поставил вопроса об этом *), да *и не мог поставить*, ибо этот вопрос является лишь результатом исторического изучения смены *одной формы капитализма* другою, а у г. Н.—она «капитализм» tout court **) сменяет... «народное производство».

Если бы мы *на основании «исследования» г. Н.—она о капитализации текстильной индустрии в России* задали вопрос: как смотрит г. Н.—он на машины? — то мы не могли бы получить другого ответа, кроме того, с которым знакомы уже по Сисмонди. Г. Н.—он признает, что машины повышают производительность труда (еще бы этого не признавать!), — как и Сисмонди это признавал. Г. Н.—он говорит, что вредны не машины, а капиталистическое употребление их, — как и Сисмонди это говорил. Г. Н.—он полагает, что «мы» упустили из виду, вводя машины, что производство должно соответствовать «народной потребительной способности», — как и Сисмонди это полагал.

И только. Больше г. Н.—он ничего не полагает. О тех вопросах, которые поставила и разрешила новейшая теория, г. Н.—он и знать не хочет, ибо он даже не попытался рассмотреть ни исторической смены разных форм капиталистического производства в России (хотя бы на взятом примере текстильной индустрии), ни роли машин, как фактора прогресса в *данном* капиталистическом строе.

Итак, и по вопросу о машинах — этому крупнейшему вопросу теоретической экономии — г. Н.—он стоит на точке зрения Сисмонди. Г. Н.—он *рассуждает совершенно как романтик*, что нисколько не мешает ему, разумеется, цитировать и цитировать.

Это относится не к одному примеру текстильной индустрии, а ко всем рассуждениям г-на Н.—она. Вспомните хоть вышеприведенный пример мукомольного производства. Указание на введение машин служит г. Н.—ону только поводом к сантиментальным сетованиям о том, что это повышение производительности труда не соответствует «народной потребительной способности». Тех преобразований в общественном строе, которые вносит вообще машинная индустрия (и которые она внесла действительно в России), он и не думал разобрать. Вопрос о том,

---

*) Как поставил его, напр., А. Волгин, «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.)». СПБ. 1896.

**) — попросту. *Ред.*

были ли эти машины прогрессом в данном капиталистическом обществе, ему совершенно непонятен *).

А сказанное о г. Н.—оне *a fortiori* **) относится к остальным экономистам-народникам: народничество в вопросе о машинах до сих пор стоит на точке зрения мелко-буржуазного романтизма, заменяя экономический анализ сантиментальными пожеланиями.

X.

ПРОТЕКЦИОНИЗМ.

Последний теоретический вопрос, интересующий нас в системе воззрений Сисмонди, — вопрос о протекционизме. В «Nouveaux Principes» уделено этому вопросу не мало места, но он разбирается там больше с практической стороны — по поводу движения против хлебных законов в Англии. Этот последний вопрос мы разберем ниже, ибо он включает в себе еще другие более широкие вопросы. Здесь же нас интересует пока лишь *точка зрения* Сисмонди на протекционизм. Интерес этого вопроса заключается не в каком-нибудь еще новом экономическом понятии Сисмонди, не вошедшем в предыдущее изложение, а в понимании им связи между «экономикой» и «надстройкой». Эфруси уверяет читателей «Р. Б—ва», что Сисмонди — «один из первых и самых талантливых предшественников современной исторической школы», что он восстает «против изолирования экономических явлений от всех других социальных факторов». «В трудах Сисмонди проводится тот взгляд, что хозяйственные явления не должны быть изолируемы от других социальных факторов, что они должны изучаться в связи с фактами социально-политического характера» («Р. Б.», № 8, 38—39). Вот мы и посмотрим на взятом примере, как понимал Сисмонди связь хозяйственных явлений с социально-политическими.

«Запрещения ввоза, — говорит Сисмонди в главе «о таможнях» (l. IV, ch. XI), — так же неразумны и так же гибельны, как и запрещения вывоза: они изобретены для того, чтобы подарить нации мануфактуру, которой она еще не имела; и нельзя отрицать, что для начинающей индустрии они равняются самой сильной поощрительной премии. Эта мануфактура производит, может быть, едва сотую часть всего потребляемого нацией количества товаров данного рода: сто покупателей должны будут соперничать друг с другом, чтобы получить товар от единственного продавца, а девяносто девять, которым он откажет, будут вынуждены про-

*) В тексте намечаются, на основании теории Маркса, те задачи критики взглядов г. Н.—она, которые выполнены мною впоследствии в «Развитии капитализма». (Прим. автора к изданию 1908 г. *Ред.*)

**) — тем более. *Ред.*

бавляться контрабандными товарами. В этом случае потеря для нации будет равна 100, а выгода — равна 1. Какие бы выгоды ни давала нации эта новая мануфактура, — нет сомнения, что их слишком мало, чтобы оправдать столь большие жертвы. Всегда можно бы было найти менее расточительные средства для того, чтобы вызвать к деятельности такую мануфактуру» (I, 440—441).

Вот как просто разрешает этот вопрос Сисмонди: протекционизм «неразумен», ибо «нация» от него теряет!

О какой «нации» говорит наш экономист? С какими хозяйственными отношениями он сопоставляет данный социально-политический факт? Он не берет никаких определенных отношений, он рассуждает *вообще*, о нации, какой она *должна бы быть по его представлениям о должном*. А эти представления о должном, как мы знаем, построены на исключении капитализма и на господстве мелкого самостоятельного производства.

Но ведь это же совершенная нелепость — сопоставлять социально-политический фактор, относящийся к данному хозяйственному строю и только к нему, с каким-то воображаемым строем. Протекционизм есть «социально-политический фактор» капитализма, а Сисмонди сопоставляет его не с капитализмом, а с какой-то нацией *вообще* (или с нацией мелких самостоятельных производителей). Он мог бы, пожалуй, сопоставить протекционизм хоть с индийской общиной и получить еще более наглядную «неразумность» и «губительность», но эта «неразумность» относилась бы точно также к его сопоставлению, а не к протекционизму. Сисмонди приводит детский расчетец, чтобы доказать, что покровительство выгодно очень немногим на счет массы. Но это нечего и доказывать, ибо это явствует уже из самого понятия протекционизма (все равно, будет ли это прямая выдача премии или устранение иностранных конкурентов). Что протекционизм выражает собой общественное противоречие, это — бесспорно. Но разве в хозяйственной жизни того строя, который создал протекционизм, нет противоречий? Напротив, она вся полна противоречий, и Сисмонди сам отмечал эти противоречия во всем своем изложении. Вместо того, чтобы *вывести* это противоречие из тех противоречий хозяйственного строя, которые он сам же констатировал, Сисмонди *игнорирует* экономические противоречия, превращая свое рассуждение в совершенно бессодержательное «невинное пожелание». Вместо того, чтобы сопоставить это учреждение, служащее, по его словам, выгоде небольшой группы, с положением этой группы во всем хозяйстве страны и с интересами этой группы, он сопоставляет его с абстрактным положением об «общем благе». Мы видим, следовательно, что, в противоположность утверждению Эфруси, Сисмонди именно *изолирует* хозяйственные явления от остальных

(рассматривая протекционизм вне связи с хозяйственным строем) и совершенно *не понимает связи* между экономическими и социально-политическими фактами. Приведенная нами тирада содержит *все*, что он может дать, как теоретик, по вопросу о протекционизме: остальное — лишь пересказ этого. «Сомнительно, чтобы правительства вполне понимали, какой ценой они покупают эту выгоду (развитие мануфактур) и те страшные жертвы, какие они налагают на потребителей» (I, 442 — 443). «Правительства Европы желали насиловать природу» (faire violence à la nature). Какую природу? Не природу ли капитализма «насилует» протекционизм? «Нацию принудили, так сказать (en quelque sorte), к ложной деятельности» (I, 448). «Некоторые правительства дошли до того, что платят своим купцам, чтобы дать им возможность продавать дешевле; чем более странна эта жертва, чем более она противоречит самым простым расчетам, тем более приписывают ее высшей политике... Правительства платят своим купцам на счет своих подданных» (I, 422), и т. п., и т. п. Вот какими рассуждениями угощает нас Сисмонди! В других местах он, делая как бы вывод из этих рассуждений, называет капитализм «искусственным» и «насажденным» (I, 379 opulence factice), «тепличным» (II, 456) и т. п. Начавши с подстановки невинных пожеланий на место анализа данных противоречий, он приходит к прямому извращению действительности в угоду этих пожеланий. Выходит, что капиталистическая промышленность, которую так усердно «поддерживают», слаба, беспочвенна и т. п., не играет преобладающей роли в хозяйстве страны, что эта преобладающая роль принадлежит, *следовательно*, мелкому производству, и т. д. Тот несомненный и неоспоримый факт, что протекционизм создан лишь определенным хозяйственным строем и определенными противоречиями этого строя, что он выражает реальные интересы реального класса, играющего *преобладающую* роль в народном хозяйстве, — превращен в ничто, даже в свою противоположность посредством нескольких чувствительных фраз! Вот еще образчик (по поводу протекционизма земледельческого, — I, 265, глава о хлебных законах):

«Англичане представляют нам свои крупные фермы единственным средством улучшить агрикультуру, т.-е. доставить себе большее изобилие сельско-хозяйственных продуктов по более дешевой цене, — а на самом деле они, как раз наоборот, производят их дороже»...

Замечательно характерен этот отрывок, так рельефно показывающий те приемы романтических рассуждений, которые усвоены целиком русскими народниками! Факт развития фермерства и технического прогресса, связанного с ним, изображается в виде преднамеренно введенной системы: англичане (т.-е. англий-

ские экономисты) представляют эту систему усовершенствования агрикультуры единственным средством. Сисмонди хочет сказать, что «могли бы быть» и другие средства поднять ее, помимо фермерства, т.-е. опять-таки «могли бы быть» в каком-нибудь абстрактном обществе, а не в том реальном обществе определенного исторического периода, «обществе», основанном на товарном хозяйстве, о котором говорят английские экономисты и о котором должен бы был говорить и Сисмонди. «Улучшение агрикультуры, *то-есть* доставление себе (нации?) большего обилия продуктов». Вовсе не «то-есть». Улучшение агрикультуры и улучшение условий питания массы вовсе не одно и то же; несовпадение того и другого не только возможно, но и необходимо в таком строе хозяйства, от которого Сисмонди с таким усердием хочет отговориться. Напр., увеличение посевов картофеля может означать повышение производительности труда в земледелии (введение корнеплодов) и увеличение сверхстоимости — на-ряду с ухудшением питания рабочих. Это все та же манера народника... то бишь, романтика — отговариваться фразами от противоречий действительной жизни.

«На самом деле, — продолжает Сисмонди, — эти фермеры, столь богатые, столь интеллигентные, столь поддерживаемые (secondés) всяким прогрессом наук, у которых упряжка так красива, изгороди так прочны, поля так чисто вычищены от сорных трав, — не могут выдержать конкуренции жалкого польского крестьянина, невежественного, забитого рабством, ищущего утешения лишь в пьянстве, агрикультура которого находится еще в детском состоянии искусства. Хлеб, собранный в центре Польши, заплатив фрахт за много сот льё и по рекам, и по суше, и по морю, заплатив ввозные пошлины в 30 и 40% своей стоимости, — все-таки дешевле хлеба самых богатых графств Англии» (I, 265). «Английских экономистов смущает этот контраст». Они ссылаются на подати и т. п. Но дело не в этом. «Самая система эксплуатации дурна, основана на опасном базисе... Эту систему недавно все писатели выставляли предметом, достойным нашего восхищения, но мы должны, наоборот, хорошенько ознакомиться с ней, чтобы остеречься подражать ей» (I, 266).

Не правда ли, как бесконечно наивен этот романтик, выставляющий английский капитализм (фермерство) неправильной системой экономистов, воображающий, что «смущение» экономистов, закрывающих глаза на противоречия фермерства, есть достаточный аргумент *против* фермеров? Как поверхностно его понимание, ищущее объяснения хозяйственным процессам не в интересах различных групп, а в заблуждениях экономистов, писателей, правительств! Добрый Сисмонди хочет усовестить и устыдить английских фермеров, а с ними и континентальных, чтобы они не «подражали» таким «дурным» системам!

Не забывайте, впрочем, что это писано 70 лет тому назад, что Сисмонди наблюдал первые шаги этих совершенно еще новых тогда явлений. *Его* наивность еще извинительна, ибо и экономисты-классики (его современники) с неменьшей наивностью считали эти новые явления продуктом вечных и естественных свойств человеческой природы. Но мы спрашиваем, прибавили ли наши народники хоть одно оригинальное словечко к аргументам Сисмонди в своих «возражениях» против развивающегося капитализма в России?

Итак, рассуждения Сисмонди о протекционизме показывают, что ему совершенно чужда историческая точка зрения. Напротив, он рассуждает так же, как и философы и экономисты XVIII-го века, совершенно абстрактно, отличаясь от них лишь тем, что нормальным и естественным объявляет не буржуазное общество, а общество мелких самостоятельных производителей. Поэтому он совершенно не понимает связи протекционизма с определенным хозяйственным строем и отделывается от этого противоречия в социально-политической области такими же чувствительными фразами о «ложности», «опасности», ошибочности, неразумности и т. п., какими он отделывался и от противоречий в жизни хозяйственной. Поэтому он крайне поверхностно изображает дело, представляя вопрос о протекционизме и фритредерстве вопросом о «ложном» и «правильном» пути (т.-е., по его терминологии, вопросом о капитализме или о некапиталистическом пути).

Новейшая теория вполне раскрыла эти заблуждения, показав связь протекционизма с определенным историческим строем общественного хозяйства, с интересами главенствующего в этом строе класса, встречающими поддержку правительств. Она показала, что вопрос о протекционизме и свободе торговли есть вопрос *между* предпринимателями (иногда между предпринимателями разных стран, иногда между различными фракциями предпринимателей данной страны) [4].

Сравнивая с этими двумя точками зрения на протекционизм отношение к нему экономистов-народников, мы видим, что они целиком стоят и в этом вопросе на точке зрения романтиков, сопоставляя протекционизм не с капиталистической, а с какой-то абстрактной страной, с «потребителями» tout court, объявляя его «ошибочной» и «неразумной» поддержкой «тепличного» капитализма и т. д. В вопросе, напр., о беспошлинном ввозе сельско-хозяйственных машин, вызывающем конфликт индустриальных и сельско-хозяйственных предпринимателей, народники, *разумеется,* горой стоят за сельских... предпринимателей. Мы не хотим сказать, чтобы они были неправы. Но это — вопрос факта, вопрос данного исторического момента, вопрос о том, какая фракция предпринимателей выражает более общие интересы раз-

вития капитализма. Если народники и правы, то, конечно, уже не потому, что наложение пошлин означает «искусственную» «поддержку капитализма», а сложение их — поддержку «исконного» народного промысла, а просто потому, что развитие земледельческого капитализма (нуждающегося в машинах), ускоряя вымирание средневековых отношений в деревне и создание внутреннего рынка для индустрии, означает более широкое, более свободное и более быстрое развитие капитализма вообще.

Мы предвидим одно возражение по поводу этого причисления народников к романтикам по данному вопросу. Скажут, пожалуй, что тут необходимо выделить г. Н. —она, который ведь прямо говорит, что вопрос о свободе торговли и протекционизме есть вопрос капиталистический, и говорит это не раз, который даже «цитирует»... Да, да, г. Н. —он даже цитирует! Но если нам приведут это место его «Очерков», то мы приведем *другие места*, где он объявляет поддержку капитализма «насаждением» (и притом в «Итогах и выводах»! стр. 331, 323, также 283), объясняет поощрение капитализма «гибельным заблуждением», тем, что «мы упустили из виду», «мы забыли», «нас омрачили» и т. п. (стр. 298. Сравните Сисмонди!). Каким образом совместить это с утверждением, что поддержка капитализма (вывозными премиями) есть «одно из множества противоречий, которыми кишит наша хозяйственная жизнь *); оно, как и все остальные, обязано существованием форме, принимаемой всем производством» (стр. 286)? Заметьте: *всем производством!* Мы спрашиваем любого беспристрастного человека, на какой точке зрения стоит этот писатель, объясняющий поддержку «*формы, принимаемой всем производством*», — «заблуждением»? На точке зрения Сисмонди или научной теории? «Цитаты» г-на Н. —она и здесь (как и в вышеразобранных вопросах) оказываются сторонними, неуклюжими вставками, ничуть не выражающими действительного убеждения о применимости этих «цитат» к русской действительности. «Цитаты» г-на Н. —она — это вывеска новейшей теории, вводящая лишь в заблуждение читателей. Это — неловко надетый костюм «реалиста», за которым прячется чистокровный романтик **).

---

*) Точно так же, как «Очерки» «кишат» воззваниями к «нам», восклицаниями: «мы» и т. п. фразами, игнорирующими эти противоречия.

**) Мы подозреваем, не считает ли г. Н. —он эти «цитаты» талисманом, защищающим его от всякой критики? Иначе трудно объяснить себе то обстоятельство, что г. Н. —он, зная от гг. Струве и Туган-Барановского о сопоставлении его учения с доктриной Сисмонди, «цитировал» в одной из статей своих в «*Р. Б — ве*» (1894 г. № 6, с. 88) отзыв представителя новой теории, относящего Сисмонди к мелко-буржуазным реакционерам и утопистам[5]). Должно быть, он глубоко уверен, что подобной «цитатой» он «опроверг» сопоставление своей собственной особы с Сисмонди.

XI.

ОБЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ СИСМОНДИ В ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

Мы ознакомились теперь со всеми главнейшими положениями Сисмонди, относящимися к области теоретической экономии. Подводя итоги, мы видим, что Сисмонди остается везде безусловно верен себе, что его точка зрения неизменна. По всем пунктам он отличается от классиков тем, что указывает противоречия капитализма. Это с одной стороны. С другой стороны, ни по одному пункту он не может (да и не хочет) провести дальше анализ классиков и потому ограничивается сантиментальной критикой капитализма с точки зрения мелкого буржуа. Такая замена научного анализа сантиментальными жалобами и сетованиями обусловливает у него чрезвычайную поверхностность понимания. Новейшая теория, восприняв указания на противоречия капитализма, распространила и на них научный анализ и пришла по всем пунктам к выводам, которые коренным образом расходятся с выводами Сисмонди и потому приводят к диаметрально-противоположной точке зрения на капитализм.

В «Критике некоторых положений политической экономии» («Zur Kritik». Рус. пер., М. 1896 г.) общее значение Сисмонди в истории науки охарактеризовано так:

«Сисмонди уже освободился от представления Буагильбера, что труд, составляющий источник меновой ценности, искажается деньгами, но он нападает на крупный промышленный капитал точно так же, как Буагильбер — на деньги» (с. 36).

Автор хочет сказать: как Буагильбер поверхностно смотрел на товарный обмен, как на естественный строй, восставая против денег, в которых он видел «чуждый элемент» (с. 30, ibid.), так и Сисмонди смотрел на мелкое производство, как на естественный строй, восставая против крупного капитала, в котором он видел чуждый элемент. Буагильбер не понимал неразрывной и естественной связи денег с товарным обменом, не понимал, что противополагает, как чуждые элементы, две формы «буржуазного труда» (ibid., 30 — 31). Сисмонди не понимал неразрывной и естественной связи крупного капитала с мелким самостоятельным производством, не понимал, что это — две формы товарного хозяйства. Буагильбер, «восставая против буржуазного труда в одной его форме», «впадая в утопию, возводит его в апофеоз в другой» (ibid.). Сисмонди, восставая против крупного капитала, т.-е. против товарного хозяйства в одной форме, именно наиболее развитой, впадая в утопию, возводил в апофеоз мелкого производителя

(особенно крестьянство), т.-е. товарное хозяйство в другой, только зачаточной форме.

«Если политическая экономия, — продолжает автор «Критики», — в виде Рикардо беспощадно выводит свое последнее заключение и этим завершается, то Сисмонди дополняет этот результат, представляя на себе самом ее сомнения» (с. 36).

Таким образом автор «Критики» сводит значение Сисмонди к тому, что он *выдвинул вопрос* о противоречиях капитализма и таким образом поставил задачу дальнейшему анализу. Все самостоятельные воззрения Сисмонди, который хотел также *ответить* на этот вопрос, признаются цитируемым автором ненаучными, поверхностными и отражающими его реакционную мелкобуржуазную точку зрения (см. вышеприведенные отзывы и один отзыв ниже, в связи с «цитатой» Эфруси).

Сравнивая доктрину Сисмонди с народничеством, мы видим по всем почти пунктам (за исключением отрицания теории ренты Рикардо и мальтузианских наставлений крестьянам) поразительное тождество, доходящее иногда до одинаковости выражений. Экономисты-народники стоят целиком на точке зрения Сисмонди. Мы еще более убедимся в этом ниже, когда перейдем от теории к воззрениям Сисмонди на практические вопросы.

Что касается, наконец, до Эфруси, то он ни по одному пункту не дал правильной оценки Сисмонди. Указывая на подчеркивание противоречий капитализма и осуждение их у Сисмонди, Эфруси совершенно не понял ни резкого отличия его теории от теории научного материализма, ни диаметральной противоположности романтической и научной точки зрения на капитализм. Симпатия народника к романтику, трогательное единодушие их помешало автору статей в «Русск. Богат.» правильно охарактеризовать этого классического представителя романтизма в экономической науке.

Мы привели сейчас отзыв о Сисмонди, что «он в себе самом представлял сомнения» классической экономии.

Но Сисмонди и не думал ограничиваться такой ролью (которая дает ему почетное место среди экономистов). Он, как мы видели, пытался разрешать сомнения и пытался крайне неудачно. Мало того, он обвинял классиков и их науку не за то, что она остановилась перед анализом противоречий, а за то, что она будто бы следовала неверным приемам. «Старая наука не учит нас ни понимать, ни предупреждать» новые бедствия (I, XV), говорит Сисмонди в предисловии ко 2-му изданию своей книги, объясняя этот факт не тем, что анализ этой науки неполон и непоследователен, а тем, что она будто бы «ударилась в абстракции» (I, 55: новые ученики А. Смита в Англии бросились (se sont jetés) в абстракции, забывая о «человеке») — и «идет по ложному пути» (II, 448). В чем же состоят обвинения Сисмонди против классиков, позволяющие ему сделать такой вывод?

«Экономисты, наиболее знаменитые, слишком мало обращали внимания на потребление и на сбыт» (I, 124).

Это обвинение повторялось со времен Сисмонди бесчисленное множество раз. Считали нужным выделять «потребление» от «производства», как особый отдел науки; говорили, что производство зависит от естественных законов, тогда как потребление определяется распределением, зависящим от воли людей, и т. п., и т. п. Как известно, наши народники держатся тех же идей, выделяя на первое место распределение *).

Какой же смысл в этом обвинении? Оно основано лишь на крайне ненаучном понимании самого предмета политической экономии. Ее предмет вовсе не «производство матерьяльных ценностей», как часто говорят (это — предмет технологии), а общественные отношения людей по производству. Только понимая «производство» в первом смысле, и можно выделять от него особо «распределение», и тогда в «отделе» о производстве, вместо категорий исторически определенных форм общественного хозяйства, фигурируют категории, относящиеся к процессу труда вообще: обыкновенно такие бессодержательные банальности служат лишь потом к затушевыванию исторических и социальных условий. (Пример — хоть понятие о капитале.) Если же мы последовательно будем смотреть на «производство», как на общественные отношения по производству, то и «распределение», и «потребление» потеряют всякое самостоятельное значение. Раз выяснены отношения по производству, — *тем самым* выяснилась и доля в продукте, приходящаяся отдельным классам, а, следовательно, «распределение» и «потребление». И наоборот, при невыясненности производственных отношений (напр., при непонимании процесса производства всего общественного капитала в его целом) всякие рассуждения о потреблении и распределении превращаются в банальности или невинные романтические пожелания. Сисмонди — родо-

---

*) Само собою разумеется, что Эфруси также не преминул выхвалять и за это Сисмонди. «В учении Сисмонди важны, — читаем мы в «*Р. Б.*» № 8, с. 56, — не столько отдельные, специальные меры, предлагавшиеся им, сколько общий дух, которым проникнута вся его система. Вопреки классической школе, он выдвигает с особенной силой интересы распределения, а не интересы производства». Вопреки своим повторным «ссылкам» на «новейших» экономистов, Эфруси абсолютно не понял их учения и продолжает возиться с сантиментальным вздором, характеризующим примитивную критику капитализма. Наш народник и здесь хочет спастись тем, что сопоставляет Сисмонди с «многими видными представителями исторической школы»; оказывается, что «Сисмонди ушел дальше» (ibid.), и Эфруси совершенно этим удовлетворяется! «Ушел дальше» немецких профессоров — чего же вам еще надо? Подобно всем народникам, Эфруси старается перенести центр тяжести на то, что Сисмонди критиковал капитализм. О том, что критика капитализма бывает разная, что критиковать капитализм можно и с сантиментальной, и с научной точки зрения, — экономист «*Р. Б — ва*», видимо, не имеет понятия.

начальник подобных толков. Родбертус тоже много говорил о «распределении национального продукта», «новейшие» авторитеты Эфруси созидали даже особые «школы», одним из принципов которых было особое внимание к распределению *). И все эти теоретики «распределения» и «потребления» не сумели разрешить даже основного вопроса об отличии общественного капитала от общественного дохода, все продолжали путаться в противоречиях, перед которыми остановился А. Смит **). — Проблему удалось решить лишь экономисту, никогда не выделявшему особо распределения, протестовавшему самым энергичным образом против «вульгарных» рассуждений о «распределении» (ср. *П. Струве*, «Кр. заметки», с. 129, эпиграф к IV гл.) ***). Мало того. Самое разрешение проблемы состояло в анализе *воспроизводства* общественного капитала. Ни о потреблении, ни о распределении автор и не ставил особого вопроса; но и то, и другое выяснилось вполне само собой после того, как доведен был до конца анализ *производства*.

«Научный анализ капиталистического способа производства доказывает, что... условия распределения, по сущности своей тождественные с условиями производства, составляют оборотную сторону этих последних, так что и те и другие носят одинаково тот же самый исторически преходящий характер». «Заработная плата предполагает наемный труд, прибыль—капитал. Эти определенные формы распределения предполагают, след., определенные общественные черты (Charaktere) условий производства и определенные общественные отношения агентов производства. Определенное отношение распределения есть, следовательно, лишь выражение исторически-определенного отношения производства»... «Каждая форма распределения исчезает вместе с определенной формой производства, которой она соответствует и из которой проистекает».

«То воззрение, которое рассматривает исторически лишь отношения распределения, но не отношения производства, с одной

---

*) Весьма справедливо Ингрем сближает Сисмонди с «катедер-социалистами» (с. 212 «Истории пол. эк.». М. 1891), заявляя наивно: «Мы уже (!!) примкнули к воззрению Сисмонди на государство, как на такую силу, которая должна заботиться... о распространении благ общественного соединения и новейшего прогресса, по возможности, на все классы общества» (215). Какой глубиной отличаются эти «воззрения» Сисмонди, мы уже видели на примере протекционизма.

**) См., напр., статью «Доход» *Р. Мейера* в «Handw. der St.» (рус. пер. в сборнике «Промышленность»), излагающую всю беспомощную путаницу в рассуждениях «новейших» немецких профессоров об этом предмете. Оригинально, что Р. Мейер, опираясь прямо на Ад. Смита и приводя в указании литературы ссылку на *те самые главы* II-го тома «Капитала», в которых содержится полное опровержение Смита, не упоминает об этом в тексте.

***) В изд. 1908 г. слова в скобках заменены следующим образом: «Ср. замечания Маркса на Готскую программу, цитированные у П. Струве в «Кр. заметках», с. 129, эпиграф к IV гл.» [6]). *Ред.*

стороны, есть лишь воззрение зарождающейся, еще робкой (непоследовательной, befangen) критики буржуазной экономии. С другой же стороны, оно основано на смешении и отождествлении общественного процесса производства с простым процессом труда, который должен совершать и искусственно изолированный человек без всякой общественной помощи. Поскольку процесс труда есть лишь процесс между человеком и природой, — его простые элементы остаются одинаковыми для всех общественных форм развития. Но каждая определенная историческая форма этого процесса развивает далее материальные основания и общественные формы его» («Капитал», т. III, 2, стр. 415, 410, 420 немецк. ориг.).

Не более посчастливилось Сисмонди и в другого рода нападках на классиков, занимающих еще больше места в его «Nouveaux Principes». «Новые ученики А. Смита в Англии бросились в абстракции, забывая о человеке»... (I, 55). Для Рикардо «богатство — все, а люди — ничто» (II, 331). «Они (экономисты, защищающие свободу торговли) часто приносят людей и реальные интересы в жертву абстрактной теории» (II, 457) и т. п.

Как стары эти нападки, и в то же время как они новы! Я имею в виду обновление их народниками, поднявшими такой шум по поводу открытого признания капиталистического развития России за настоящее, действительное и неизбежное развитие ее. Не то же ли самое повторяли они на разные лады, крича об «апологии власти денег», о «социал-буржуазности» и т. п. [7])? И к ним *еще в гораздо большей степени*, чем к Сисмонди, приложимо замечание, сделанное по адресу сантиментальной критики капитализма вообще: Man schreie nicht zu sehr über den Zynismus! Der Zynismus liegt in der Sache, nicht in den Worten, welche die Sache bezeichnen! Не кричите очень о цинизме! цинизм заключается не в словах, описывающих действительность, а в самой действительности!

«Еще в гораздо большей степени», — говорим мы. Это — потому, что романтики западно-европейские не имели перед собой научного анализа противоречий капитализма, что они впервые указывали на эти противоречия, что они громили («жалкими словами», впрочем) людей, *не видевших* этих противоречий.

Сисмонди обрушивался на Рикардо за то, что тот с беспощадной откровенностью делал все выводы из наблюдения и изучения буржуазного общества: он формулировал открыто и существование производства ради производства, и превращение рабочей силы в товар, на который смотрят так же, как и на всякий другой товар, — и то, что для «общества» важен только чистый доход, т.-е. только величина прибыли *). Но Рикардо говорил совер-

---

*) Эфрусп, напр., с важным видом повторяет сантиментальные фразы Сисмонди о том, что увеличение чистого дохода предпринимателя не есть

шенную правду: *на деле все обстоит именно так.* Если эта истина казалась Сисмонди «низкой истиной», то он должен бы был искать причин этой низости совсем не в теории Рикардо и нападать совсем не на «абстракции»; его восклицания по адресу Рикардо относятся целиком к области «нас возвышающего обмана».

Ну, а наши современные романтики? Думают ли они отрицать действительность «власти денег»? Думают ли они отрицать, что эта власть всемогуща не только среди промышленного населения, но и среди земледельческого, в какой угодно «общинной», в какой угодно глухой деревушке? Думают ли они отрицать необходимую связь этого *факта* с товарным хозяйством? Они и не пытались подвергать это сомнению. Они просто стараются не говорить об этом. Они боятся назвать вещи их настоящим именем.

И мы вполне понимаем их боязнь: открытое признание действительности отняло бы всякую почву у сантиментальной (народнической) критики капитализма. Неудивительно, что они так страстно бросаются в бой, не успев даже вычистить заржавленное оружие романтизма. Неудивительно, что они не разбирают средств и хотят враждебность к *сантиментальной* критике выставить враждебностью к критике вообще. Ведь они борются за свое право на существование.

Сисмонди пытался даже возвести свою сантиментальную критику в *особый метод социальной науки.* Мы уже видели, что он попрекал Рикардо не тем, что его объективный анализ остановился перед противоречиями капитализма (этот упрек был бы основателен), а именно тем, что это — анализ *объективный.* Сисмонди говорил, что Рикардо «забывает о человеке». В предисловии ко второму изданию «Nouveaux Principes» встречаем такую тираду:

«Я считаю необходимым протестовать против обычных, столь часто легкомысленных, столь часто ложных приемов сужде-

---

выигрыш для народного хозяйства, и т. п., упрекая его лишь в том, что он «сознавал» это «еще не вполне ясно» (с. 43, № 8).

Не угодно ли сравнить с этим результаты научного анализа капитализма:

Валовой доход (Roheinkommen) общества состоит из заработной платы + прибыль + рента. Чистый доход (Reineinkommen) это — сверхстоимость.

«Если рассматривать доход всего общества, то национальный доход состоит из заработной платы, плюс прибыль, плюс рента, т. е. из валового дохода. Однако, такое воззрение является лишь абстракцией в том отношении, что все общество, на основе капиталистического производства, становится на капиталистическую точку зрения и считает чистым доходом лишь доход, состоящий из прибыли и ренты» (III, 2, 375 — 6).

Таким образом, автор вполне примыкает к Рикардо и его определению «чистого дохода» «общества», к тому самому определению, которое вызвало «знаменитое возражение» Сисмонди («*Р. Б.*» № 8, с. 44): «Как? Богатство — все, а люди — ничто?» (II, 331). В современном обществе — конечно, да.

ния о сочинении, касающемся социальных наук. Проблема, подлежащая их разрешению, несравненно сложнее, чем все проблемы наук естественных; в то же время эта проблема обращается к сердцу точно так же, как к разуму (I, XVI). Как знакомы русскому читателю эти идеи о противоположности естественных и социальных наук, об обращении последних к «сердцу»! *). Сисмонди высказывает здесь те самые мысли, которым предстояло через несколько десятилетий быть «вновь открытыми» на дальнем востоке Европы «русской школой социологов» и фигурировать в качестве особого «субъективного метода в социологии»... Сисмонди апеллирует, разумеется,— как и наши отечественные социологи,— «к сердцу так же, как к разуму» **). Но мы видели уже, как по всем важнейшим проблемам «сердце» мелкого буржуа торжествовало над «разумом» теоретика-экономиста.

ПОСТ-СКРИПТУМ ***).

Верность данной здесь оценки сантиментального Сисмонди в отношении его к научно-«объективному» Рикардо вполне подтверждается отзывом Маркса во втором томе «Теорий прибавочной стоимости», вышедшем в 1905 году («Theorien über den Mehrwert», II B., I Th., S. 304 u. ff. «Bemerkungen über die Geschichte der Entdeckung des sogenannten Ricardoschen Gesetzes») ****). Противопоставляя Мальтуса, как жалкого плагиатора, подкуплен-

---

*) «Политическая экономия наука не простого расчета (n'est pas une science de calcul), а наука моральная... Она ведет к цели лишь тогда, когда приняты во внимание чувства, потребности и страсти людей» (I, 313). Эти чувствительные фразы, в которых Сисмонди точно так же, как русские социологи субъективной школы в своих совершенно аналогичных восклицаниях, видит новые понятия о социальной науке, показывают на самом деле, в каком еще детски примитивном состоянии находилась критика буржуазии. Разве научный анализ противоречий, оставаясь строго объективным «расчетом», не дает именно твердой основы для понимания «чувств, потребностей и страстей» и при том страстей не «людей» вообще,— этой абстракции, которую и романтик, и народник наполняет специфически мелко-буржуазным содержанием,— а *людей определенных классов?* Но дело в том, что Сисмонди *не мог теоретически опровергнуть* экономистов и потому ограничивался сантиментальными фразами. «Утопический дилетантизм вынужден делать теоретические уступки всякому более или менее ученому защитнику буржуазного порядка. Чтобы загладить возникающее у него сознание своего бессилия, утопист утешает себя, упрекая своих противников в объективности: положим, дескать, вы ученее меня, но зато я добрее» (*Бельтов*, с. 43) [8].

**) Точно «проблемы», вытекающие из естественных наук, не обращаются тоже к «сердцу»?!

***) Пост-скриптум написан к изданию 1908 г. *Ред.*

****) «Теории прибавочной стоимости», т. II, ч. I, стр. 304 и сл.: «Замечания относительно истории открытия так называемого закона Рикардо». *Ред.*

ного адвоката имущих, бесстыдного сикофанта, — Рикардо, как человеку науки, Маркс говорит:

«Рикардо рассматривает капиталистический способ производства, как самый выгодный для производства вообще, как самый выгодный для создания богатства, и Рикардо вполне прав для своей эпохи. Он хочет *производства для производства* и он прав. Возражать на это, как делали сантиментальные противники Рикардо, указанием на то, что производство, как таковое, не является же самоцелью, значит забывать, что производство ради производства есть не что иное, как развитие производительных сил человечества, т.-е. *развитие богатства человеческой природы, как самоцель.* Если противопоставить этой цели благо отдельных индивидов, как делал Сисмонди, то это значит утверждать, что развитие всего человеческого рода должно быть *задержано* ради обеспечения блага отдельных индивидов, что, следовательно, нельзя вести, к примеру скажем, никакой войны, ибо война ведет к гибели отдельных лиц. Сисмонди прав лишь против таких экономистов, которые *затушевывают* этот антагонизм, отрицают его» (S. 309). С своей точки зрения, Рикардо имеет полное право приравнивать пролетариев к машинам, к товарам в капиталистическом производстве. «Es ist dieses stoisch, objektiv, wissenschaftlich», «это — стоицизм, это объективно, это научно» (S. 313). Понятно, что эта оценка относится лишь к определенной эпохе, к самому началу XIX-го века.

ГЛАВА II.

ХАРАКТЕР КРИТИКИ КАПИТАЛИЗМА У РОМАНТИКОВ.

«Разумом» Сисмонди мы уже достаточно занимались. Посмотрим теперь поближе на его «сердце». Попытаемся собрать воедино все указания на его *точку зрения* (которую мы изучали до сих пор лишь как элемент, соприкасающийся с теоретическими вопросами), на его *отношение* к капитализму, на его общественные симпатии, на его понимание «социально-политических» задач той эпохи, которой он был участником.

I.

САНТИМЕНТАЛЬНАЯ КРИТИКА КАПИТАЛИЗМА.

Отличительной чертой той эпохи, когда писал Сисмонди, было быстрое развитие *обмена* (денежного хозяйства — по современной терминологии), особенно резко сказавшееся после уничтожения остатков феодализма французской революцией. Сисмонди, не обинуясь, осуждал это развитие и усиление обмена, нападал на «роковую конкуренцию», призывая «правительство защищать

население от последствий конкуренции» (ch. VIII, l. VII) и т. п. «Быстрые обмены портят добрые нравы народа. Постоянные заботы о выгодной продаже не обходятся без покушений запрашивать и обманывать, и чем труднее существовать тому, кто живет постоянными обменами, тем более подвергается он искушению пустить в ход обман» (I, 169). Вот какая наивность требовалась для того, чтобы нападать на денежное хозяйство так, как нападают наши народники! «...Богатство коммерческое есть лишь второе по важности в экономическом строе; и богатство территориальное (territoriale — земельное), дающее средства существования, должно возрастать первым. Весь этот многочисленный класс, живущий торговлей, должен получать часть продуктов земли лишь тогда, когда эти продукты существуют; он (этот класс) должен возрастать лишь постольку, поскольку возрастают также и эти продукты» (I, 322—323). Ушел ли хоть на шаг вперед от этого патриархального романтика г. Н. — он, изливающий на целых страницах жалобы на то, что рост торговли и промышленности обгоняет развитие земледелия? Эти жалобы романтика и народника свидетельствуют лишь о совершенном *непонимании* капиталистического хозяйства. *Может ли существовать* такой капитализм, при котором бы развитие торговли и промышленности *не* обгоняло земледелия? Ведь рост капитализма есть рост товарного хозяйства, *то-есть* общественного разделения труда, *отрывающего* от земледелия один за другим вид обработки сырья, первоначально связанный с добыванием сырья, обработкой и потреблением его в *одно* натуральное хозяйство. Поэтому *везде и всегда* капитализм означает *более быстрое* развитие торговли и промышленности сравнительно с земледелием, *более быстрый* рост торгово-промышленного населения, *больший* вес и значение торговли и промышленности в общем строе общественного хозяйства *). Иначе *не может быть.* И г. Н. — он, повторяя подобные жалобы, доказывает этим еще и еще раз, что он в своих экономических воззрениях не пошел дальше поверхностного, сантиментального романтизма. «Этот неразумный дух предпринимательства (esprit d'entreprise), этот излишек всякого рода торговли, который вызывает такую массу банкротств в Америке, обязан своим существованием, без всякого сомнения, увеличению числа банков и той легкости, с которой обманчивый кредит становится на место реального имущества» (fortune réelle) (II, 111), и т. д. без конца. Во имя чего же нападал Сисмонди на денежное хозяйство (и капитализм)? Что он противопоставляет ему? Мелкое самостоятельное

*) Всегда и везде при капиталистическом развитии земледелие остается *позади* торговли и промышленности, всегда оно подчинено им и эксплуатируется ими, всегда оно лишь позднее *втягивается* ими на стезю капиталистического *производства.*

производство, натуральное хозяйство крестьян в деревне, ремесло — в городе. Вот как говорит он о первом в главе «О патрихальном сельском хозяйстве» (ch. III, l. III, «De l'exploitation patriarcale» — о патриархальной эксплуатации земли. Книга 3-я трактует о «территориальном» или земельном богатстве):

«Первые собственники земли сами были пахарями, они исполняли все полевые работы трудом своих детей и своих слуг. Ни одна социальная организация *) не гарантирует большего счастия и больших добродетелей наиболее многочисленному классу нации, большего довольства (opulence) всем, большей прочности общественному порядку... В странах, где земледелец есть собственник (où le fermier est propriétaire), и где продукты принадлежат целиком (sans partage) тем самым людям, которые произвели все работы, т.-е. в странах, сельское хозяйство которых мы называем патриархальным, — мы видим на каждом шагу следы любви земледельца к дому, в котором он живет, к земле, за которой он ухаживает... Самый труд для него удовольствие... В счастливых странах, где земледелие — патриархальное, изучается особая природа каждого поля, и эти познания переходят от отца к сыну... Крупное фермерское хозяйство, руководимое более богатыми людьми, поднимается, может быть, выше предрассудков и рутины. Но познания (l'intelligence, т.-е. познания в сельском хозяйстве) не дойдут до того, кто сам работает, и будут применены хуже... Патриархальное хозяйство улучшает нравы и характер этой столь многочисленной части нации, на которой лежат все земледельческие работы. Собственность создает привычки порядка и бережливости, постоянное довольство уничтожает вкус к обжорству (gourmandise) и к пьянству. .. Вступая в обмен почти с одной только природой, он (земледелец) имеет меньше, чем всякий другой промышленный рабочий, поводов не доверять людям и пускать в ход против них оружие недобросовестности» (I, 165—170). «Первые фермеры были простыми пахарями; они своими руками исполняли большую часть земледельческих работ; они соразмеряли свои предприятия с силами своих семей. .. Они не переставали быть крестьянами: сами ходят за сохой (tiennent eux-mêmes les cornes de leur charrue);

*) Заметьте, что Сисмонди — точь-в-точь, как наши народники, — превращает сразу самостоятельное хозяйство крестьян в «социальную организацию». Явная передержка. Что же связывает вместе этих крестьян разных местностей? Именно разделение общественного труда и товарное хозяйство, заменившее связи феодальные. Сразу сказывается возведение в утопию одного члена в строе товарного хозяйства и непонимание остальных членов. Сравните у г. Н.—она, с. 322: «Форма промышленности, основанная на владении крестьянством орудиями производства». О том, что это владение крестьянством орудиями производства является — и исторически, и логически — *исходным пунктом* именно *капиталистического* производства, г. Н.—он и не подозревает!

сами ухаживают за скотом и в поле, и в конюшне; живут на чистом воздухе, привыкая к постоянному труду и к скромной пище, которые создают крепких граждан и бравых солдат *). Они почти никогда не употребляют, для совместных работ, поденных рабочих, а только слуг (des domestiques), выбранных всегда среди своих равных, с которыми обходятся как с равными, едят за одним столом, пьют то же вино, одеваются в то же платье. Таким образом, земледельцы с своими слугами составляют один класс крестьян, одушевленных теми же чувствами, разделяющих те же удовольствия, подвергающихся тем же влияниям, связанных с отечеством такими же узами» (I, 221).

Вот вам и пресловутое «народное производство»! И пусть не говорят, что у Сисмонди нет понимания необходимости соединить производителей: он говорит прямо (см. ниже), что «он точно так же (как и Фурье, Оуэн, Томпсон, Мупрон) желает ассоциации» (II, 365). Пусть не говорят, что он стоит именно за *собственность:* напротив, центр тяжести у него мелкое хозяйство (ср. II, 355), а не мелкая собственность. Понятно, что эта идеализация мелкого крестьянского хозяйства принимает отличный вид при других исторических и бытовых условиях. Но и романтизм, и народничество возводят в апофеоз именно мелкое крестьянское хозяйство — это не подлежит сомнению.

Точно так же идеализирует Сисмонди и примитивное ремесло, и цехи.

«Деревенский сапожник, который в то же время и купец, и фабрикант, и работник, не сделает ни одной пары сапог, не получив заказа» (II, 262), тогда как капиталистическая мануфактура, не зная спроса, может потерпеть крах. «Несомненно, и с теоретической и с фактической стороны, что учреждение цехов (corps de métier) препятствовало и должно было препятствовать образованию избыточного населения. Точно так же несомненно, что такое население существует в настоящее время, и что оно есть необходимый результат современного строя» (I, 431). Подобных выписок можно было бы привести очень много, но мы откладываем разбор практических рецептов Сисмонди до дальнейшего. Здесь же ограничимся приведенным, чтобы вникнуть в точку зрения Сисмонди. Приведенные рассуждения можно резюмировать так: 1) денежное хозяйство осуждается за то, что оно разрушает обеспеченное положение мелких производителей и их взаимное сближение (в форме ли близости ремесленника к потребителю или земледельца к равным ему земледельцам); 2) мелкое производство превозносится за то,

---

*) Сравните, читатель, с этими сладенькими рассказами бабушки того «передового» публициста конца XIX века, которого цитирует г. Струве в своих «Кр. заметках», с. 17 *).

что обеспечивает самостоятельность производителя и устраняет противоречия капитализма.

Отметим, что эти обе идеи составляют существенное достояние народничества *), и попытаемся вникнуть в их содержание.

Критика денежного хозяйства романтиками и народниками сводится к констатированию порождаемого им индивидуализма **) и антагонизма (конкуренция), а также необеспеченности производителя и неустойчивости ***) общественного хозяйства.

Сначала об «индивидуализме». Обыкновенно противополагают союз крестьян данной общины или ремесленников (или кустарей) данного ремесла — капитализму, разрушающему эти связи, заменяющему их конкуренцией. Это рассуждение повторяет типичную ошибку романтизма, именно: заключение от противоречий капитализма к отрицанию в нем *высшей формы общественности*. Разве капитализм, разрушающий средневековые общинные, цеховые, артельные и т. п. связи, не ставит на их место других? Разве товарное хозяйство не есть уже *связь* между производителями, связь, устанавливаемая *рынком?* ****) Антагонистический, полный колебаний и противоречий характер *этой связи* не дает права отрицать *ее существования*. И мы знаем, что именно развитие противоречий все сильнее и сильнее обнаруживает силу этой связи, *вынуждает* все отдельные элементы и классы общества стремиться к соединению, и при том соединению уже не в узких пределах одной общины или одного округа, а к соединению всех представителей данного класса *во всей нации* и даже в различных государствах. Только романтик с своей реакционной точки зрения может отрицать существование этих связей и их более глубокое значение, основанное на общности ролей в народном хозяйстве, а не на территориальных, профессиональных, религиозных и т. п. интересах. И если подобное рассуждение заслужило название романтика для

---

*) Г. Н.—он и по данному вопросу наговорил такую кучу противоречий, что из нее можно выбрать *какие угодно* положения, ничем между собой не связанные. Не подлежит, однако, сомнению идеализация крестьянского хозяйства посредством туманного термина: «народное производство». Туман — особенно удобная атмосфера для всяких перерядиваний.

**) Ср. Н.—он, с. 321 in f. и др.

***) Ibid., с. 335. С. 184: капитализм «лишает устойчивости». И мн. др.

****) «На самом деле выражения: *общество, ассоциация* это такие наименования, которые можно дать всяческим обществам, как феодальному обществу, так и буржуазному, которое есть ассоциация, основанная на конкуренции. Каким же образом могут существовать писатели, которые считают возможным опровергать конкуренцию одним словом: *ассоциация?*» [Marx. «Das Elend der Philosophie» (Маркс, «Нищета философии». *Ред.*)]. Критикуя со всей резкостью сантиментальное осуждение конкуренции, автор выдвигает прямо ее *прогрессивную сторону*, ее движущую силу, толкающую вперед «прогресс технический и прогресс социальный».

Сисмонди, писавшего в такую эпоху, когда существование этих новых, порождаемых капитализмом, связей было еще в зародыше, то наши народники и подавно подлежат такой оценке, ибо *теперь* громадное значение таких связей могут отрицать лишь совсем слепые люди.

Что касается до необеспеченности и неустойчивости и т. п., то это — все та же старая песенка, о которой мы говорили по поводу внешнего рынка. В подобных нападках и сказывается романтик, осуждающий с боязливостью именно то, что выше всего ценит в капитализме научная теория: присущее ему стремление к развитию, неудержимое стремление вперед, невозможность остановиться или воспроизводить хозяйственные процессы в прежних неизменных размерах. Только утопист, сочиняющий фантастические планы расширения средневековых союзов (в роде общины) на все общество, может игнорировать тот факт, что именно «неустойчивость» капитализма и есть громадный прогрессивный фактор, ускоряющий общественное развитие, втягивающий все бо̀льшие и бо̀льшие массы населения в водоворот общественной жизни, заставляющий их задумываться над ее строем, заставляющий их самих «ковать свое счастье».

Фразы г-на Н. —она о «неустойчивости» капиталистического хозяйства, о непропорциональном развитии обмена, о нарушении равновесия между промышленностью и земледелием, между производством и потреблением, о ненормальности кризисов и т. п. свидетельствуют самым неоспоримым образом о том, что он стоит еще целиком на точке зрения *романтизма*. Поэтому критика европейского романтизма относится и к его теории *от слова до слова*. Вот доказательство:

«Послушаем старика Буагильбера:

«Цена товаров, — говорит он, — должна всегда быть *пропорциональной*, ибо только такое взаимное соглашение дает возможность им в каждый момент быть снова воспроизводимыми... Так как богатство есть не что иное, как этот постоянный обмен между человеком и человеком, между предприятием и предприятием, то было бы ужасным заблуждением искать причины нищеты в чем-либо ином, а не в том нарушении этого обмена, которое вызывается отклонениями от пропорциональных цен».

«Послушаем также одного новейшего *) экономиста:

«Великий закон, который должен быть применен к производству, есть закон *пропорциональности* (the law of proportion), который один только в состоянии удержать постоянство стоимости... Эквивалент должен быть гарантирован... Все нации в различные эпохи пытались посредством многочисленных торговых регламентов и ограничений осуществить этот закон

*) Писано в 1847 г.

пропорциональности, хотя бы до известной степени. Но эгоизм, присущий человеческой природе, довел до того, что вся эта система регулирования была ниспровергнута. Пропорциональное производство (proportionale production) есть осуществление истинной социально-экономической науки» (*W. Atkinson.* «Principles of political economy», London 1840, p. 170 и 195)*).

«Fuit Troja! **) Эта правильная пропорция между предложением и спросом, которая опять начинает становиться предметом столь обильных пожеланий, давным давно перестала существовать. Она пережила себя; она была возможна лишь в те времена, когда средства производства были ограничены, когда обмен происходил в крайне узких границах. С возникновением крупной индустрии эта правильная пропорция должна была необходимо (musste) исчезнуть, и производство должно было с необходимостью законов природы проходить постоянную последовательную смену процветания и упадка, кризиса, застоя, нового процветания и так далее.

«Те, кто, подобно Сисмонди, хочет возвратиться к правильной пропорциональности производства и при этом сохранить современные основы общества, суть реакционеры, так как они, чтобы быть последовательными, должны бы были стремиться к восстановлению и других условий промышленности прежних времен.

«Что удерживало производство в правильных, или почти правильных, пропорциях? Спрос, который управлял предложением, предшествовал ему; производство следовало шаг за шагом за потреблением. Крупная индустрия, будучи уже самым характером употребляемых ею орудий вынуждена производить постоянно все в больших и больших размерах, не может ждать спроса. Производство идет впереди спроса, предложение силой берет спрос.

«В современном обществе, в промышленности, основанной на индивидуальном обмене, анархия производства, будучи источником стольких бедствий, есть в то же время причина прогресса.

«Поэтому одно из двух: либо желать правильных пропорций прошлых веков при средствах производства нашего времени, — и это значит быть реакционером и утопистом вместе в одно и то же время.

«Либо желать прогресса без анархии, — и тогда необходимо отказаться от индивидуального обмена для того, чтобы сохранить производительные силы» («Das Elend der Philosophie», S. 46 — 48).

---

*) — *В. Аткинсон,* «Основания политической экономии», Лондон 1840, стр. 170 и 195. *Ред.*

**) — Не стало Трои! *Ред.*

Последние слова относятся к Прудону, против которого полемизирует автор, характеризуя, следовательно, отличие своей точки зрения и от взглядов Сисмонди, и от воззрения Прудона. Г. Н. —он, конечно, не подошел бы во *всех* своих воззрениях ни к тому, ни к другому *). Но вникните в содержание этого отрывка. В чем состоит основное положение цитированного автора, его основная мысль, ставящая его в непримиримое противоречие с его предшественниками? Бесспорно, в том, что он ставит вопрос о неустойчивости капитализма (которую констатируют *все эти три* писателя) на *историческую* почву и признает эту неустойчивость *прогрессивным фактором*. Другими словами: он признает, во-первых, данное капиталистическое развитие, совершающееся путем диспропорций, кризисов и т. п., *развитием необходимым*, говоря, что уже самый характер средств производства (машины) вызывает безграничное стремление к расширению производства и постоянное предварение спроса предложением. Во-вторых, он признает в этом данном развитии *элементы прогресса*, состоящие в развитии производительных сил, в обобществлении труда в пределах целого общества, в повышении подвижности населения и его сознательности и пр. Этими двумя пунктами исчерпывается его отличие от Сисмонди и Прудона, которые сходятся с ним в указаниях на «неустойчивость» и порожденные ею противоречия и в искреннем стремлении устранить эти противоречия. Непонимание того, что эта «неустойчивость» есть *необходимая* черта всякого капитализма и товарного хозяйства вообще, приводит их к *утопии*. Непонимание элементов прогресса, *присущих* этой неустойчивости, делает их теории *реакционными* **).

И теперь мы предлагаем гг. народникам ответить на вопрос: разделяет ли г. Н. —он воззрения научной теории по двум указанным пунктам? признает ли он неустойчивость, как свойство данного строя и данного развития? признает ли он элементы прогресса в этой неустойчивости? Всякий знает, что нет, что г. Н. —он, напротив, объявляет эту «неустойчивость» капитализма простой ненормальностью, уклонением и т. д. и считает ее упадком, регрессом (ср. выше: «*лишает* устойчивости»), идеали-

---

*) Хотя большой еще вопрос, *отчего* не подошел бы? Не оттого ли только, что эти писатели ставили вопросы шире, имея в виду данный хозяйственный строй вообще, его место и значение в развитии всего человечества, не ограничивая своего кругозора *одной страной*, для которой будто бы можно сочинить *особую* теорию.

**) Этот термин употребляется в *историко-философском* смысле, характеризуя только *ошибку* теоретиков, берущих в *пережитых* порядках образцы своих построений. Он вовсе не относится ни к личным качествам этих теоретиков, ни к их программам. Всякий знает, что реакционерами в обыденном значении слова ни Сисмонди, ни Прудон не были. Мы разъясняем сии азбучные истины потому, что гг. народники, как увидим ниже, до сих пор еще не усвоили их себе.

зируя тот самый экономический застой (вспомните «вековые устои», «освященные веками начала» и т. п.), в разрушении которого и состоит историческая заслуга «неустойчивого» капитализма. Ясно поэтому, что мы были вполне правы, относя его к романтикам, и что никакие «цитаты» и «ссылки» с его стороны не изменят *такого характера его собственных рассуждений.*

Мы остановимся несколько ниже еще раз на этой «неустойчивости» (по поводу враждебного отношения романтизма и народничества к уменьшению земледельческого населения на счет индустриального), а теперь приведем одно место из «Критики некоторых положений политической экономии», посвященное разбору *сантиментальных* нападок на денежное хозяйство.

«Эти определенные общественные роли (именно: роли продавца и покупателя) не вытекают из человеческой индивидуальности вообще, но из меновых отношений между людьми, производящими свои продукты в форме товаров. Отношения, существующие между покупателем и продавцом, настолько не индивидуальны, что они оба вступают в них, лишь поскольку отрицается индивидуальный характер их труда, именно поскольку он, как труд не индивидуальный, становится деньгами. Поэтому, настолько же бессмысленно считать эти экономически-буржуазные роли покупателя и продавца вечными общественными формами человеческого индивидуализма, насколько несправедливо оплакивать эти роли, как причину уничтожения этого индивидуализма.

«Как глубоко поражает добрых людей даже совершенно поверхностная форма антагонизма, проявляющаяся в покупке и продаже, показывает следующее извлечение из книги Исаака Перейры: «Leçons sur l'industrie et les finances». Paris. 1832 *). То обстоятельство, что этот же самый Исаак, в качестве изобретателя и диктатора «Crédit mobilier» **), приобрел печальную славу парижского биржевого волка, показывает, что̀ содержится в названной книге на-ряду с сантиментальной критикой экономии. Г. Перейра, в то время апостол Сен-Симона, говорит: «Вследствие того, что индивидуумы изолированы, отделены друг от друга как в производстве, так и в потреблении, между ними существует обмен продуктов их производства. Из необходимости обмена вытекает необходимость определять относительную ценность предметов. Идеи ценности и обмена, таким образом, тесно связаны между собою, и в своей действительной форме обе они выражают индивидуализм и антагонизм... Определять ценность продуктов можно только потому, что существует продажа и покупка, другими словами, антагонизм между различными членами общества. Заботиться о цене, ценности приходится только там, где проис-

*) — «Лекции о промышленности и финансах». Париж. 1832. *Ред.*

**) — банка для залога движимых имуществ. *Ред.*

ходит продажа и покупка, словом, где каждый индивидуум должен *бороться*, чтобы получить предметы, необходимые для поддержания его существования» (Н. соч., стр. 69).

Спрашивается, в чем состоит тут *сантиментальность* Перейры? Он говорит только об индивидуализме, антагонизме, борьбе, свойственных капитализму, говорит то самое, что говорят на разные лады наши народники, и притом говорят, казалось бы, правду, ибо «индивидуализм, антагонизм и борьба» действительно составляют необходимую принадлежность обмена, товарного хозяйства. Сантиментальность состоит в том, что этот сенсимонист, увлеченный осуждением противоречий капитализма, *просматривает за этими противоречиями* тот факт, что *обмен* тоже выражает особую форму *общественного хозяйства*, что он, следовательно, *не только разъединяет* (это верно лишь по отношению к средневековым союзам, которые капитализм разрушает), *но и соединяет* людей, заставляя их вступать в сношения между собой при посредстве рынка *). Вот эта-то поверхностность понимания, вызванная увлечением «разнести» капитализм (с точки зрения утопической), и дала повод цитированному автору назвать критику Перейры *сантиментальной*.

Но что нам Перейра, давно забытый апостол давно забытого сен-симонизма? Не взять ли лучше новейшего «апостола» народничества?

«Производство... лишилось народного характера и приняло характер индивидуальный, капиталистический» (г. Н.—он, «Очерки», с. 321—2).

Видите, как рассуждает этот костюмированный романтик: «народное производство стало индивидуальным». А так как под «народным производством» автор хочет разуметь общину, то он указывает, следовательно, на упадок *общественного* характера производства, на сужение *общественной* формы производства.

Так ли это? «Община» давала (*если давала;* впрочем, мы готовы сделать какие угодно уступки автору) организацию производству только в одной отдельной общине, разъединенной от каждой другой общины. Общественный характер производства обнимал *только членов одной общины* **). Капитализм же создает общественный характер производства в целом государстве. «Индивидуализм» состоит в разрушении общественных связей, но их разрушает *рынок*, ставя на их место связи между *массами индивидов*, не связанных ни общиной, ни сословием,

*) Заменяя местные, сословные союзы — единством социального положения и социальных интересов, в пределах целого государства и даже всего мира.

**) По данным земской статистики («Сводный Сборник» Благовещенского) средний размер *общины*, по 123 уездам, в 22 губерниях, равняется 53 дворам с 313 душами обоего пола.

ни профессией, ни узким районом промысла и т. п. Так как связь, создаваемая капитализмом, проявляется в форме противоречий и антагонизма, *поэтому* наш романтик не хочет видеть этой связи (хотя и община, как организация производства, никогда не существовала без других форм противоречий и антагонизма, свойственных старым способам производства). Утопическая точка зрения превращает и его критику капитализма в критику *сантиментальную*.

II.

МЕЛКО-БУРЖУАЗНЫЙ ХАРАКТЕР РОМАНТИЗМА.

Идеализация мелкого производства показывает нам другую характерную черту романтической и народнической критики: ее *мелко-буржуазность*. Мы видели, как французский и русский романтик одинаково превращают мелкое производство в «социальную организацию», в «форму производства», *противополагая ее капитализму*. Мы видели также, что подобное противоположение не заключает в себе ничего, кроме крайней поверхностности понимания, что это есть искусственное и неправильное выделение одной формы товарного хозяйства (крупный промышленный капитал) и осуждение ее, при утопической идеализации *другой формы того же* товарного хозяйства (мелкое производство). В том-то и беда как европейских романтиков начала XIX века, так и русских романтиков конца XIX, что они сочиняют себе какое-то абстрактное, вне общественных отношений производства стоящее мелкое хозяйство, и *просматривают* то маленькое обстоятельство, что это мелкое хозяйство в действительности стоит в обстановке *товарного производства*, — как мелкое хозяйство европейского континента 1820-х годов, так и русское крестьянское хозяйство 1890-х годов. *В действительности* мелкий производитель, возводимый в апофеоз романтиками и народниками, есть поэтому *мелкий буржуа*, стоящий в таких же противоречивых отношениях, как и всякий другой член капиталистического общества, отстаивающий себя точно так же борьбой, которая, с одной стороны, постоянно выделяет небольшое меньшинство крупных буржуа, с другой стороны, выталкивает большинство в ряды пролетариата. В действительности, как это всякий видит и знает, нет таких мелких производителей, которые бы не стояли *между* этими двумя противоположными классами, и это срединное положение обусловливает необходимо специфический характер мелкой буржуазии, ее двойственность, двуличность, ее тяготение к меньшинству, счастливо выходящему из борьбы, ее враждебное отношение к «неудачникам», т.-е. большинству. Чем дальше развивается товарное хозяйство, тем сильнее и резче выступают эти качества, тем явственнее

становится, что идеализация мелкого производства выражает лишь реакционную, *мелко-буржуазную* точку зрения.

Не надо заблуждаться на счет значения этих терминов, которые автор «Критики некоторых положений политической экономии» и прилагал именно к Сисмонди. Эти термины вовсе не говорят, что Сисмонди *защищает* отсталых мелких буржуа. *Сисмонди нигде их не защищает:* он хочет стоять на точке зрения трудящихся классов вообще, он выражает свое сочувствие всем представителям этих классов, он радуется, напр., фабричному законодательству, он нападает на капитализм и показывает его противоречия. Одним словом, его точка зрения совершенно та же, что и точка зрения современных народников.

Спрашивается, на чем же основана характеристика его, как мелкого буржуа? Именно на том, что он не понимает связи между мелким производством (которое идеализирует) и крупным капиталом (на который нападает). Именно на том, что он *не видит,* как излюбленный им мелкий производитель, крестьянин, становится, в действительности, мелким буржуа. Не надо никогда забывать следующего разъяснения по поводу сведения теорий различных писателей к интересам и точке зрения различных классов:

«Не следует думать, что мелкая буржуазия принципиально стремится осуществить свои эгоистические классовые интересы. Она верит, напротив, что *специальные* условия ее освобождения суть в то же время те *общие* условия, при которых только и может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба. Равным образом, не следует думать, что все представители демократии — лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение. Таково и вообще отношение между *политическими и литературными представителями* класса и тем классом, который они представляют» (К. Маркс, «Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта», перев. Базарова и Степанова, стр. 179—180) [10].

Поэтому весьма комичны те народники, которые думают, что указания на мелко-буржуазность делаются лишь с целью сказать что-либо особенно ядовитое, что это — простой полемический прием. Таким отношением они показывают непонимание общих воззрений их противников, а, главное, — непонимание самых основ *той* критики капитализма, с которой они все «согласны», и ее *отличия* от сентиментальной и мелко-буржуазной критики. Одно уже усиленное стремление обойти самый вопрос

об этих последних видах критики, о существовании их в Зап. Европе, об отношении их к критике научной показывает наглядно, *почему* народники не хотят понять этого отличия *).

Поясним сказанное примером. В библиографическом отделе «Русск. Мысли» за 1896 г. № 5 (стр. 229 и сл.) [11]) идет речь о том, что «в последнее время выступила и с поразительной быстротой растет группа» среди интеллигенции, относящаяся с принципиальной и безусловной враждебностью к народничеству. Г. рецензент указывает в самых кратких чертах на причины и характер этой враждебности, и нельзя не отметить с признательностью, что он излагает при этом вполне точно *суть* враждебной народничеству точки зрения **). Г. рецензент не разделяет этой точки зрения. Он не понимает, чтобы идеи о классовых интересах и т. д. обязывали нас отрицать «народные идеалы» («просто *народные*, а не народнические»; ibid., с. 229), состоящие-де в благосостоянии, свободе и сознательности крестьянства, т. е. большинства населения.

«Нам возразят, конечно, — говорит г. рецензент, — как возражали и другим, что идеалы автора-крестьянина (речь шла о высказанных одним крестьянином пожеланиях) мелко-буржуазные, и что потому наша литература и являлась до сих пор представительницей и защитницей интересов мелкой буржуазии. Но ведь это же просто жупел, и кого, кроме лиц, обладающих мировоззрением и умственными навыками замоскворецкой купчихи, этим жупелом испугать можно?..»

Сильно сказано! Но послушаем дальше:

«...Основной критерий, как условий человеческого общежития, так и сознательных общественных мероприятий, состоит ведь не в экономических категориях, да при том еще заимствованных из чуждых стран, при иных обстоятельствах сложившихся условий, а в счастьи и благосостоянии, как в материальном, так и в духовном большинства населения. И если известный уклад жизни и известные мероприятия для поддержания и развития

*) Напр., Эфруси написал две статьи о том, «как смотрел на рост капитализма» Сисмонди («Р. Б.», № 7, с. 139), и все-таки *абсолютно не понял* именно того, *как* смотрел Сисмонди. Сотрудник «Русского Богатства» *не заметил* мелко-буржуазной точки зрения Сисмонди. А так как Эфруси, несомненно, знаком с Сисмонди; так как он (как увидим ниже) знаком именно с тем представителем новейшей теории, который так охарактеризовал Сисмонди; так как он хочет тоже быть «согласным» с этим представителем новой теории, — то его непонимание приобретает совершенно определенное значение. Народник и не мог заметить в романтике того, чего он не замечает в себе.

**) Конечно, это звучит очень странно: хвалить человека за то, что он точно передает чужие мысли!! Но что прикажете делать? Среди обычных полемистов «Русского Богатства» и старого «Нов. Слова» гг. Кривенко и Воронцова *такая* полемика действительно является необычайным исключением.

такого уклада ведут к этому счастью, то называйте их мелко-буржуазными или как-нибудь иначе, дело от этого не изменится: они — этот уклад жизни и эти мероприятия — будут все-таки существенно прогрессивными и по тому самому и будут представлять «*высший идеал, доступный для общества при данных условиях и в данном его состоянии*» (ib. 229 — 230 стр., курсив автора).

Неужели г. рецензент не видит, что он, в пылу полемического задора, перепрыгнул через вопрос?

Назвавши с превеликой суровостью обвинение народничества в мелко-буржуазности «просто жупелом», он ничего не приводит в доказательство такого утверждения, кроме следующего, невероятно изумительного положения: «Критерий... состоит не в экономических категориях, а в счастьи большинства». Ведь это все равно, что сказать: критерий погоды состоит не в метеорологических наблюдениях, а в самочувствии большинства! Да что же такое, спрашивается, эти «экономические категории», как не *научная формулировка* условий хозяйства и жизни населения и притом не «населения» вообще, а *определенных* групп населения, занимающих определенное место в *данном* строе общественного хозяйства? Противополагая «экономическим категориям» абстрактнейшее положение о «счастьи большинства», г. рецензент просто вычеркивает все развитие общественной науки с конца прошлого века и возвращается к наивной рационалистической спекуляции, игнорирующей определенные общественные отношения и их развитие. Одним росчерком пера он вычеркивает все, чего добилась ценой столетних поисков человеческая мысль, стремившаяся *понять* общественные явления! И, освободивши себя, таким образом, от всякого научного багажа, г. рецензент *считает уже вопрос решенным*. В самом деле, он прямо заключает: «Если известный уклад... ведет к этому счастью, то, как его ни называйте, дело от этого не изменится». Вот тебе раз! Да ведь вопрос в том именно и состоял, *каков* этот уклад. Ведь автор сам же сейчас указал, что против людей, видящих в крестьянском хозяйстве особый уклад («народное производство» или как там хотите), выступили другие, утверждающие, что это вовсе не особый уклад, а самый обыкновенный *мелко-буржуазный* уклад, такой же, каков уклад и всякого другого мелкого производства в стране товарного хозяйства и капитализма. Ведь, если из первого воззрения само собой следует, что «этот уклад» («народное производство») «ведет к счастью», то из второго воззрения тоже само собою следует, что «этот уклад» (мелко-буржуазный уклад) «ведет» к капитализму и ни к чему иному, ведет к выталкиванию «большинства населения» в ряды пролетариата и превращению меньшинства в сельскую (или промышленную) буржуазию. Не очевидно ли, что г. рецензент выстрелил в воздух и, под шум выстрела, принял за доказанное именно то,

в отрицании чего состоит второе воззрение, столь немилостиво объявленное «просто жупелом»?

Если бы он хотел серьезно разобрать второе воззрение, то должен бы был, очевидно, доказать одно из двух: или что «мелкая буржуазия» есть неправильная научная категория, что можно себе представить капитализм и товарное хозяйство *без* мелкой буржуазии (как и представляют гг. народники, возвращаясь этим вполне к точке зрения Сисмонди); — *или* же, что эта категория *неприложима* к России, т.-е., что у нас нет ни капитализма, ни господства товарного хозяйства, что мелкие производители не превращаются в товаропроизводителей, что в их среде не происходит указанного процесса выталкивания большинства и укрепления «самостоятельности» меньшинства. Теперь же, видя, как он принимает указание на мелко-буржуазность народничества за пустое желание «обидеть» гг. народников, и читая вслед за тем вышеприведенную фразу о «жупеле», мы невольно вспоминаем известное изречение: «Помилуйте, Кит Китыч! кто вас обидит?— Вы сами всякого обидите!»

III.

ВОПРОС О РОСТЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЕЛЕНИЯ НА СЧЕТ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО.

Возвратимся к Сисмонди. На-ряду с идеализацией мелкой буржуазии, на-ряду с романтическим непониманием того, как «крестьянство» превращается при данном общественном строе хозяйства в мелкую буржуазию, у него стоит чрезвычайно характерное воззрение на уменьшение земледельческого населения на счет индустриального. Известно, что это явление — одно из наиболее рельефных проявлений капиталистического развития страны — наблюдается во всех цивилизованных странах, а также и в России*).

Сисмонди, как выдающийся экономист своего времени, не мог, разумеется, не видеть этого факта. Он открыто констатирует его, но совершенно не понимает необходимой связи его с развитием капитализма (даже общее: с разделением общественного труда, с вызываемым этим явлением ростом товарного хозяйства). Он просто *осуждает* это явление, как какой-нибудь недостаток «системы».

---

*) Процент городского населения в Европейской России возрастает в пореформенную эпоху. Мы должны ограничиться здесь указанием на этот наиболее общеизвестный признак, хотя он выражает явление *далеко не вполне*, не охватывая важных особенностей России сравнительно с Зап. Европой. Здесь не место разбирать эти особенности (отсутствие свободы передвижения для крестьян, существование промышленных и фабричных сел, внутренняя колонизация страны и т. д.).

*

Указав на громадный прогресс английского земледелия, Сисмонди говорит:

«Но, восхищаясь этими столь заботливо возделанными полями, надо посмотреть и на население, которое их обрабатывает; оно наполовину меньше того, какое было бы во Франции на такой же территории. В глазах некоторых экономистов это — выигрыш; по-моему — это потеря» (I, 239).

Понятно, почему идеологи буржуазии считали это явление выигрышем (сейчас мы увидим, что *таков* же взгляд и научной критики капитализма): они формулировали этим рост буржуазного богатства, торговли и промышленности. Сисмонди, торопясь *осудить* это явление, забывает подумать о его причинах.

«Во Франции и в Италии, — говорит он, — где, как рассчитывают, четыре пятых населения принадлежат к земледельческому классу, четыре пятых нации будут кормиться национальным хлебом, какова бы ни была цена иностранного хлеба» (I, 264). Fuit Troja! можно сказать по этому поводу. Теперь уже нет таких стран (хотя бы и наиболее земледельческих), которые не находились бы в полной зависимости от *цен на хлеб*, т.-е. от мирового капиталистического производства хлеба.

«Если нация не может увеличить своего торгового населения иначе, как требуя от каждого бóльшего количества труда за ту же плату, то она должна бояться возрастания своего индустриального населения» (I, 322). Как видит читатель, это просто благожелательные советы, лишенные всякого смысла и значения, ибо понятие «нации» построено здесь на искусственном абстрагировании противоречий между теми классами, которые эту «нацию» образуют. Сисмонди, как и всегда, просто *отговаривается* от этих противоречий невинными пожеланиями о том... чтобы противоречий не было.

«В Англии земледелие занимает лишь 770.199 семей, торговля и промышленность — 959.632, остальные состояния общества — 413.316. Столь большая доля населения, существующего торговым богатством, на все число 2.143.147 семей или 10.150.615 человек, поистине ужасна (effrayante). К счастью, Франция еще далека от того, чтобы такое громадное число рабочих зависело от удачи на отдаленном рынке» (I, 434). Здесь Сисмонди как будто забывает даже, что это «счастье» зависит лишь от отсталости капиталистического развития Франции.

Рисуя те изменения в современном строе, которые «желательны» с его точки зрения (о них будет речь ниже), Сисмонди указывает, что «результатом (преобразований в романтическом вкусе) было бы, без сомнения, то, что не одна страна, живущая лишь индустрией, должна бы была закрыть одна за другой много мастерских, и что население городов, которое увеличилось свыше меры, быстро уменьшилось бы, тогда как население деревень начало бы возрастать» (II, 367).

На этом примере беспомощность сентиментальной критики капитализма и бессильная досада мелкого буржуа сказываются особенно рельефно! Сисмонди просто *жалуется* *) на то, что дела идут так, а не иначе. Его грусть по поводу разрушения эдема патриархальной тупости и забитости сельского населения так велика, что наш экономист не разбирает даже причин явления. Он просматривает поэтому, что увеличение индустриального населения находится в необходимой и неразрывной связи с товарным хозяйством и капитализмом. Товарное хозяйство развивается по мере развития общественного разделения труда. А это разделение труда в том и состоит, что одна за другой отрасль промышленности, один за другим вид обработки сырого продукта *отрываются* от земледелия и становятся самостоятельными, образуя, след., индустриальное население. Поэтому рассуждать о товарном хозяйстве и капитализме — и не принимать во внимание закона относительного возрастания индустриального населения, — значит не иметь никакого представления об *основных* свойствах *данного* строя общественного хозяйства.

«По самой природе капиталистического способа производства он уменьшает постоянно земледельческое население сравнительно с неземледельческим, так как в индустрии (в узком значении слова) рост постоянного капитала по отношению к переменному связан с абсолютным возрастанием переменного капитала, несмотря на его относительное уменьшение **). Между тем, в земледелии абсолютно уменьшается переменный капитал, потребный для эксплуатации определенного количества земли; следовательно, этот капитал может возрастать лишь при том условии, что подвергается обработке новая земля ***), а это в свою очередь предполагает еще большее возрастание неземледельческого населения» (III, 2, 177).

Точка зрения новейшей теории и в этом пункте диаметрально противоположна романтизму с его сентиментальными жалобами. Понимание необходимости явления вызывает, естественно, совершенно иное отношение к нему, уменье оценить его различные

---

*) «В дальнейшем своем развитии направление это (именно направление мелко-буржуазной критики, главой которого был Сисмонди) перешло в трусливые жалобы на современное положение дел» [12]).

**) Читатель может судить по этому об остроумии г-на Н. —она, который в своих «Очерках» превращает без стеснения *относительное* уменьшение переменного капитала и числа рабочих в *абсолютное* и делает отсюда кучу самых вздорных выводов о «сокращении» внутреннего рынка и т. п.

***) Вот это-то условие и имели мы в виду, говоря, что внутренняя колонизация России усложняет проявление закона большего роста индустриального населения. Стоит вспомнить различие между давно заселенным центром России, где рост индустриального населения шел не столько на счет городов, сколько на счет фабричных сел и местечек, и хотя бы Новороссией, заселявшейся в пореформенную эпоху, где рост городов сравнивается по быстроте с американским. Подробнее разобрать этот вопрос мы надеемся в другом месте.

стороны. Занимающее нас явление и есть одно из наиболее глубоких и наиболее общих противоречий капиталистического строя. Отделение города от деревни, противоположность между ними и эксплуатация деревни городом — эти повсеместные спутники развивающегося капитализма — составляют необходимый продукт преобладания «торгового богатства» (употребляя выражение Сисмонди) над «богатством земельным» (сельско-хозяйственным). Поэтому преобладание города над деревней (и в экономическом, и в политическом, и в интеллектуальном, и во всех других отношениях) составляет общее и неизбежное явление всех стран с товарным производством и капитализмом, в том числе и России: оплакивать это явление могут только сентиментальные романтики. Научная теория указывает, напротив, ту *прогрессивную* сторону, которую вносит в это противоречие крупный промышленный капитал. «Вместе с постоянно растущим перевесом городского населения, которое скопляет капиталистическое производство в крупных центрах, оно накопляет историческую силу движения общества вперед» (die geschichtliche Bewegungskraft der Gesellschaft)*). Если преобладание города необходимо, то только привлечение населения в города может парализовать (и действительно, как доказывает история, парализует) односторонний характер этого преобладания. Если город выделяет себя необходимо в привилегированное положение, оставляя деревню подчиненной, неразвитой, беспомощной и забитой, то только приток деревенского населения в города, только это смешение и слияние земледельческого и неземледельческого населения может поднять сельское население из его беспомощности. Поэтому в ответ на реакционные жалобы и сетования романтиков новейшая теория указывает на то, как именно это сближение условий жизни земледельческого и неземледельческого населения создает условия для устранения противоположности между городом и деревней.

Спрашивается теперь, на какой точке зрения стоят в этом вопросе наши экономисты-народники? Безусловно на сантиментально-романтической. Они не только не понимают *необходимости* возрастания индустриального населения при данном строе общественного хозяйства, но даже *стараются не видеть* и самого явления, уподобляясь некоей птице, которая прячет голову себе под крыло. Указания П. Струве, что в рассуждениях о капитализме г-на Н. —она грубой ошибкой является утверждение об *абсолютном* уменьшении переменного капитала («Крит. заметки»,

*) Ср. также особенно рельефную характеристику прогрессивной роли индустриальных центров в умственном развитии населения: «Die Lage der arbeit. Klasse in England», 1845. Что признание этой роли не помешало автору «Положения раб. класса в Англии» глубоко понять противоречие, сказывающееся в отделении города от деревни, это доказывает его полемическое сочинение против Дюринга.

стр. 255), что противополагать Россию Западу по меньшему проценту индустриального населения и не принимать во внимание *возрастания* этого процента в силу развития капитализма — нелепо*) (Socialpolitisches Centralblatt, 1893, № 1), остались, как и следовало ожидать, без ответа. Толкуя постоянно об особенностях России, экономисты-народники даже и не сумели поставить вопроса о *действительных* особенностях образования индустриального населения в России**), на которое мы указали вкратце выше. Таково *теоретическое* отношение народников к вопросу. На деле, однако, рассуждая о положении крестьян в пореформенной деревне и нестесненные теоретическими сомнениями, народники признают переселение крестьянства, выталкиваемого из земледелия, в города и в фабричные центры, и ограничиваются при этом только *оплакиванием* явления, точь-в-точь так, как *оплакивал* его Сисмонди***). Тот глубокий процесс преобразования условий жизни масс населения, который происходил в пореформенной России, — процесс, впервые нарушивший оседлость и прикрепленность к месту крестьянства и создавший подвижность его и сближение земледельческих работников с неземледельческими, деревенских с городскими ****), — остался ими совер-

---

*) Пусть вспомнит читатель, что *именно эту ошибку* делал Сисмонди, говоря о «счастьи» Франции с 80% земледельческого населения, как будто это была особенность какого-нибудь «народного производства» и т. п., а не выражение отсталости развития капитализма.

**) Ср. *Волгин*. «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова». Спб. 1896, стр. 215 — 216.

***) Справедливость требует, впрочем, сказать, что Сисмонди, наблюдая рост индустриального населения в нескольких странах и признавая общий характер этого явления, высказывает кое-где понимание того, что это не только какая-нибудь «аномалия» и т. п., а глубокое изменение условий жизни населения — изменение, в котором приходится признать и кое-что хорошее. По крайней мере, следующее рассуждение его о вреде разделения труда показывает гораздо более глубокие взгляды, чем взгляды, напр., г-на Михайловского, сочинившего общую «формулу прогресса» вместо анализа определенных форм, которые принимает разделение труда в различных формациях общественного хозяйства и в различные эпохи развития.

«Хотя однообразие операций, к которым сводится всякая деятельность рабочих на фабрике, должно, повидимому, вредить их развитию (intelligence), однако, справедливость требует сказать, что, по наблюдениям лучших судей (juges, знатоков), мануфактурные рабочие в Англии выше по развитию, по образованию и по нравственности, чем рабочие земледельческие (ouvriers des champs)» (I, 397). И Сисмонди указывает на причины этого: Vivant sans cesse ensemble, moins épuisés par la fatigue, et pouvant se livrer davantage à la conversation, les idées ont circulé plus rapidement entre eux (Благодаря их беспрестанной жизни вместе, меньшему истощению трудом, возможности больше отдаваться собеседованию, идеи среди них распространялись быстрее. *Ред.*). Но — меланхолически замечает он — aucun attachement à l'ordre établi (никакой привязанности к установленному порядку. *Ред.*).

****) Форма этого процесса тоже различна для центральной полосы Евр. России и для окраин. *На окраины* идут, главным образом, *земледель-*

шенно незамечен ни в его экономическом, ни (в еще более важном, пожалуй) в его моральном и образовательном значении, подавая повод лишь к сантиментально-романтическим воздыханиям.

IV.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЖЕЛАНИЯ РОМАНТИЗМА.

Теперь мы постараемся свести воедино общую точку зрения Сисмонди на капитализм (задача, которую поставил себе, как помнит читатель, и Эфруси) и рассмотреть практическую программу романтизма.

Мы видели, что заслуга Сисмонди состояла в том, что он один из первых *указал* на противоречия капитализма. Но, указавши на них, он не только не попытался анализировать их и объяснить их происхождение, развитие и тенденцию, но даже взглянул на них, как на противоестественные или ошибочные уклонения от нормы. Против этих «уклонений» он наивно восставал сентенциями, обличениями, советами устранить их и т. п., как будто бы эти противоречия не выражали *реальных интересов* реальных групп населения, занимающих определенное место в общем строе современного общественного хозяйства. Это — самая рельефная черта романтизма: принимать противоречие интересов (глубоко коренящееся в самом строе общественного хозяйства) за противоречие или ошибку доктрины, системы, даже мероприятий и т. п. Узкий кругозор Kleinbürger'а *), который сам стоит в стороне от развитых противоречий и занимает промежуточное, переходное положение между двумя антиподами, соединяется тут с наивным идеализмом, — мы почти готовы сказать: бюрократизмом, — объясняющим общественный строй мнениями людей (особенно людей, власть имущих), а не наоборот. Приведем примеры всех подобных суждений Сисмонди.

«Забывая людей ради вещей, не принесла ли Англия цель в жертву средствам?

«Пример Англии тем более поразителен, что это нация свободная, просвещенная, хорошо управляемая, и что все ее бед-

---

ческие рабочие из средне-черноземных губерний и отчасти *неземледельческие* из промышленных, разнося свои познания в «рукомесле» и «насаждая» промышленность среди чисто земледельческого населения. *Из промышленной полосы* идут *неземледельческие* рабочие, частью во все концы России, главным же образом в столицы и крупные индустриальные центры, при чем это индустриальное, если так можно выразиться, течение настолько сильно, что получается недостаток в *земледельческих* рабочих, которые и идут *в промышленные губернии* (Московскую, Ярославскую и др.) из средне-черноземных губерний. См. у С. А. Короленко, «Вольнонаемный труд и т. д.».

*) — мелкого буржуа. *Ред.*

ствия происходят единственно оттого, что она последовала *ложному* экономическому направлению» (I, p. IX). У Сисмонди Англия вообще играет роль устрашающего примера для континента, — точь-в-точь так, как у наших романтиков, воображающих, что они дают нечто новое, а не самый старый хлам.

«Обращая внимание моих читателей на Англию, я хотел показать... историю нашего собственного будущего, если мы будем продолжать поступать по тем принципам, которым она следовала» (I, p. XVI).

«...Государства континента считают нужным следовать Англии в ее мануфактурной карьере» (II, 330). «Нет зрелища более поразительного, более ужасающего, чем то, которое представляет Англия» (II, 332) *).

«Не надо забывать, что богатство есть лишь то, что представляет (n'est que la représentation) приятности и удобства жизни» (на место буржуазного богатства здесь уже поставлено богатство вообще!), «и создавать искусственное богатство, осуждая нацию на все то, что на деле представляет бедность и страдания, это значит принимать название вещи за ее сущность» (prendre le mot pour la chose) (I, 379).

«...Пока нации следовали лишь указаниям (велениям, indications) природы и пользовались их преимуществами, доставляемыми климатом, почвой, расположением, обладанием сырыми материалами, они не ставили себя *в неестественное положение* (une position forcée), они не искали *кажущегося богатства* (une opulence apparente), которое превращается для массы народа в реальную нищету» (I, 411). Буржуазное богатство есть только кажущееся!! «Опасно для нации закрывать свои двери от внешней торговли: нацию принуждают этим, так сказать (en quelque sorte), *к ложной деятельности,* которая поведет к ее гибели» (I, 448) **).

---

*) Чтобы показать наглядно отношение *европейского* романтизма к русскому, мы будем приводить под чертой цитаты из г-на Н. —она. «Мы не пожелали воспользоваться уроком, преподанным нам хозяйственным ходом развития западной Европы. Нас до такой степени поразил блеск развития капитализма в Англии и так поражает неизмеримо быстрее происходящее развитие капитализма в Американских Штатах» и т. д. (323).—Как видите, даже выражения г-на Н. —она не блещут новизной! Его «поражает» то же самое, что «поражало» в начале века Сисмонди.

**) «... Неверен тот хозяйственный путь, которым мы шли за последние 30 лет» (281)... «Мы слишком долго отождествляли интересы капитализма с интересами народно-хозяйственными — заблуждение крайне гибельное... *Видимые результаты* покровительства промышленности... до такой степени *нас омрачили,* что мы совсем упустили из виду народно-общественную сторону... мы упустили из виду, на счет чего такое развитие происходит, мы забыли и о цели какого бы то ни было производства» (298) — кроме капиталистического!

«Пренебрежительное отношение к собственному прошлому... насаждение капитализма»... (283)... «Мы... употребили все средства для насаждения капитализма»... (323)... «Мы проглядели»... (ibid.).

«...В заработной плате есть необходимая часть, которая должна поддерживать жизнь, силу и здоровье тех, кто ее получает... Горе тому правительству, которое затронет эту часть, — оно приносит в жертву все (il sacrifie tout ensemble) — и людей, и надежду на будущее богатство... Это различие дает нам понять, насколько является ложной политика тех правительств, которые низвели рабочие классы к заработной плате в обрез, необходимой для увеличения чистых доходов фабрикантов, купцов и собственников» (II, 169)*).

«Пришло наконец время спросить: куда идем?» (où l'on veut aller) (II, 328).

«Разделение их (именно класса собственников и трудящихся), противоположность их интересов есть следствие современной искусственной организации, которую мы дали человеческому обществу... Естественный порядок социального прогресса вовсе не стремился отделить людей от вещей, или богатство от труда; в деревне — собственник мог бы оставаться земледельцем; в городе — капиталист мог бы оставаться ремесленником (artisan); отделение трудящегося класса от праздного класса вовсе не было существенно необходимо для существования общества или для производства; мы ввели его для наибольшей выгоды всех; от нас зависит (il nous appartient) регулировать его, чтобы на самом деле достичь этой выгоды» (II, 348).

«Ставя таким образом производителей в оппозицию друг с другом (т.-е. хозяев к рабочим), их заставили идти путем, *диаметрально противоположным* интересам общества... В этой постоянной борьбе за понижение заработной платы интерес социальный, в котором, однако, каждый участвует, всеми забывается» (II, 359—360). И перед этим тоже воспоминание о завещанных историей путях: «В начале общественной жизни *каждый человек владеет капиталом*, посредством которого он прилагает свой труд, и почти все ремесленники живут доходом, который складывается одинаково из прибыли и заработной платы» (II, 359)**).

Кажется, довольно... Можно быть уверенным, что читатель, не знакомый ни с Сисмонди, ни с г. Н. —оном, затруднится

*) «...Мы не воспрепятствовали развитию капиталистических форм производства, несмотря на то, что они основаны на экспроприации крестьянства» (323).

**) «Вместо того, чтобы твердо держаться наших вековых традиций; вместо того, чтобы развивать принцип тесной связи средств производства с непосредственным производителем... вместо того, чтобы увеличить производительность его *(крестьянства)* труда сосредоточением средств производства в его руках... вместо всего этого мы стали на путь *совершенно противоположный»* (322—3). «Мы приняли развитие капитализма за развитие всего народного производства... мы *проглядели*, что развитие одного... может произойти исключительно на счет другого» (323). Курсив наш.

сказать, у которого из двух романтиков, под чертой или над чертой, точка зрения примитивнее и наивнее.

Вполне соответствуют этому и практические пожелания Сисмонди, которым он уделил так много места в своих «Nouveaux Principes».

Наше отличие от А. Смита, — говорит Сисмонди в 1-й же книге своего сочинения, — состоит в том, что «мы почти всегда призываем то самое вмешательство правительства, которое А. Смит отвергал» (I, 52). «Государство не исправляет распределения» (I, 80)... «Законодатель мог бы обеспечить бедняку некоторые гарантии против всеобщей конкуренции» (I, 81). «Производство должно соразмеряться с социальным доходом, и те, кто поощряет к безграничному производству, не заботясь о том, чтобы узнать этот доход, толкают нацию к гибели, думая открыть ей путь к богатству» (le chemin des richesses) (I, 82). «Когда прогресс богатства постепенен (gradué), когда он соразмерен сам с собой, когда ни одна из его частей не развивается непомерно быстро, тогда он распространяет всеобщее благосостояние... Может быть, обязанность правительств состоит в том, чтобы замедлять (ralentir!!) это движение, для того, чтобы регулировать его» (I, 409—410).

О том громадном историческом значении, которое имеет развитие производительных сил общества, совершающееся именно этим путем противоречий и непропорциональностей, Сисмонди не имеет ни малейшего представления!

«Если правительство оказывает на стремление к богатству действие регулирующее и умеряющее, — оно может быть бесконечно благодетельным» (I, 413). «Некоторые регламентации торговли, осужденные ныне всеобщим мнением, если они и заслуживают осуждения в качестве поощрений промышленности, могут быть оправданы, может быть, как узда» (I, 415).

Уже в этих рассуждениях Сисмонди видна его поразительная историческая бестактность: он не имеет ни малейшей идеи о том, что в освобождении от средневековых регламентаций состоял весь исторический смысл того периода, современником которого он был. Он не чувствует, что его рассуждения — вода на мельницу тогдашних защитников ancien régime'а *), которые были еще так сильны даже во Франции, не говоря о других государствах западно-европейского континента, где они господствовали**).

---

*) — старого порядка. *Ред.*

**) Эфруси усмотрел в этих сожалениях и вожделениях Сисмонди «гражданское мужество» (№ 7, стр. 139). Высказывание сантиментальных пожеланий требует гражданского мужества!! Загляните хоть в любой гимназический учебник истории, вы прочтете там, что западно-европейские государства 1-ой четверти XIX в. были организованы по тому типу, который наука государственного права означает термином: Polizeistaat

Итак, исходная точка практических пожеланий Сисмонди — опека, задержка, регламентация.

Такая точка зрения вполне естественно и неизбежно вытекает из всего круга идей Сисмонди. Он жил как раз в то время, когда крупная машинная индустрия делала первые свои шаги на континенте Европы, когда начиналось то крутое и резкое преобразование всех общественных отношений под влиянием машин (заметьте, именно под влиянием машинной индустрии, а не «капитализма» вообще)*), преобразование, которое принято называть в экономической науке industrial revolution (промышленная революция). Вот как характеризует ее один из первых экономистов, сумевших оценить всю глубину переворота, создавшего на место патриархальных полусредневековых обществ современные европейские общества:

«...История английского промышленного развития в последние 60 лет (писано в 1844 году) не имеет ничего равного себе в летописях человечества. 60 — 80 лет тому назад Англия была страной, похожей на всякую другую, с маленькими городами, с незначительной и простой промышленностью, с редким, но относительно значительным земледельческим населением. Теперь это — страна, непохожая *ни на какую* другую, с столицей в $2^1/_2$ миллиона жителей; с крупными промышленными городами; с индустрией, которая доставляет продукты всему миру и производит почти все посредством чрезвычайно сложных машин; с предприимчивым, интеллигентным, густым населением, две трети которого заняты в промышленности и торговле и состоят из совершенно различных классов; это население с другими обычаями, другими нуждами составляет, на самом деле, совершенно другую нацию сравнительно с Англией того времени. Промышленная революция имеет такое же значение для Англии, как политическая революция — для Франции, как философская революция — для Германии. И различие между Англией 1760 года и Англией 1844 года, по меньшей мере, так же велико, как между Францией при ancien régime и Францией июльской революции» **).

Это была полнейшая «ломка» всех старых, укоренившихся отношений, экономическим базисом которых было мелкое производство. Понятно, что Сисмонди с своей реакционной, мелкобуржуазной точки зрения не мог понять значения этой «ломки».

(полицейское государство. *Ред.*). Вы прочтете там, что историческая задача не только этой, но и следующей четверти века состояла именно в борьбе против него. Вы поймете тогда, что точка зрения Сисмонди так и отдает тупостью мелкого французского крестьянина времен реставрации; что Сисмонди представляет пример сочетания мелко-буржуазного сантиментального романтизма с феноменальной гражданской незрелостью.

*) Капитализм датирует в Англии не с конца XVIII века, а со времен несравненно более ранних.

**) *Engels.* «Die Lage der arbeitenden Klasse in England».

Понятно, что он прежде всего и больше всего желал, приглашал, взывал, требовал «прекратить ломку» *).

Каким же образом «прекратить ломку»? Прежде всего, разумеется, поддержкой народного... то бишь «патриархального производства», крестьянства и мелкого земледелия вообще. Сисмонди посвящает целую главу (l. VII, ch. VIII) тому, «как правительство должно защищать население от последствий конкуренции».

«По отношению к земледельческому населению общая задача правительства состоит в том, чтобы обеспечить работникам (à ceux qui travaillent) часть собственности, или в том, чтобы поддерживать (favoriser) то, что мы назвали патриархальным земледелием предпочтительно перед всяким другим» (II, 340).

«Статут Елизаветы, который не был соблюден, запрещает строить в Англии сельскую хижину *(cottage)* иначе, как на условии наделить ее землей в размере четырех акров. Если бы этот закон был исполнен, ни один брак не мог бы быть заключен между поденщиками без того, чтобы они не получили свою *cottage*, и ни один *cottager* не был бы доведен до последней степени нищеты. Это уже было бы шагом вперед (c'est quelque chose), но этого еще недостаточно; в климате Англии крестьянское население жило бы в нужде с 2 акрами на семью. Теперь коттеры в Англии имеют, большей частью, лишь $1^1/_2$ — 2 акра земли, за которые они платят довольно высокую аренду... Следовало бы обязать законом... помещиков, когда они разделяют свое поле между многими *cottagers*, давать каждому достаточное количество земли, чтобы он мог жить» (II, 342—3) **).

*) Г. Н. —он, смеем надеяться, не посетует на нас за то, что мы заимствуем у него (с. 345) это выражение, которое представляется нам в высшей степени удачным и характерным.

**) «Держаться наших вековых традиций; (это ли не патриотизм?)... развивать принцип тесной связи средств производства с непосредственными производителями, унаследованный нами»... (г. Н. —он, 322). «Мы свернули с пути, которым шли в продолжение многих веков; мы стали устранять производство, основанное на тесной связи непосредственного производителя со средствами производства, на тесной связи земледелия и обрабатывающей промышленности, и положили в основание своей хозяйственной политики принцип развития производства капиталистического, основанного на экспроприации непосредственных производителей от средств производства, со всеми сопровождающими его бедствиями, которыми теперь страдает западная Европа» (281). Пусть читатель сравнит с этим вышеуказанный взгляд самих «западно-европейцев» на эти «бедствия, от которых страдает» и т. д. «Принцип... наделение крестьян землей или... доставление самим производителям орудий труда» (с. 2)... «вековые народные устои» (75)... «В этих цифрах (именно цифрах, показывающих, «как велик minimum того количества земли, какое требуется при существующих хозяйственных условиях, для материального обеспечения сельского населения») мы имеем, следовательно, один из элементов решения хозяйственного вопроса, но только именно *один* из элементов» (65). Западно-европейские романтики, как видите, не менее русских, любили искать в «вековых традициях» «санкции» народного производства.

Читатель видит, что пожелания романтизма совершенно *однородны* с пожеланиями и программами народников: они построены точно так же на игнорировании *действительного* экономического развития и на бессмысленной подстановке в эпоху крупной машинной индустрии, бешеной конкуренции и борьбы интересов — условий, воспроизводящих патриархальные условия седой старины.

V.

РЕАКЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР РОМАНТИЗМА.

Разумеется, Сисмонди не мог не сознавать того, *как* идет действительное развитие. Поэтому, требуя «поощрения мелкого земледелия» (II, 355), он прямо говорит, что следовало бы «дать сельскому хозяйству направление, диаметрально противоположное тому, которым оно идет теперь в Англии» (II, 354—5) *).

«Англия имеет, к счастью, средство сделать многое для своих сельских бедняков, разделив между ними свои громадные общинные земли (ses immenses communaux)... Если бы ее общинные земли были разделены на свободные участки (en propriétés franches) от 20 до 30 акров, то они (англичане) увидели бы, как возродится тот независимый и гордый класс поселян, то *yeomanry*, о полном почти уничтожении которого они жалеют в настоящее время». (II, 357—8).

«Планы» романтизма изображаются очень легко осуществимыми — именно благодаря тому игнорированию реальных интересов, которые составляют сущность романтизма. «Подобное предложение (раздавать земли мелкими участками поденщикам, возложив на землевладельцев обязанность попечения о последних) возмутит, вероятно, крупных землевладельцев, которые в настоящее время одни пользуются в Англии законодательной властью; но, тем не менее, оно справедливо... Крупные землевладельцы одни только имеют надобность в поденщиках; они их создали — пусть они их и содержат» (II, 357).

Читая такие наивности, писанные в начале века, не удивляешься: «теория» романтизма оказывается в соответствии с тем примитивным состоянием капитализма вообще, которое обусловливало столь примитивную точку зрения. Фактическое развитие капитализма — теоретическое понимание его — точка зрения на капитализм, между всем этим в то время существовало еще соответствие, и Сисмонди, во всяком случае, представляется писателем цельным и верным самому себе.

---

*) Сравните народническую программу «тащить историю по другой линии» г. *В. В.* Ср. у Волгина, l. c., стр. 181.

«Мы указали уже, — говорит Сисмонди, — какое покровительство находил некогда этот класс (именно класс ремесленников) в учреждении цехов и корпораций (des jurandes et des maîtrises)... Речь идет не о том, чтобы восстановить их странную и притеснительную организацию... Но законодатель должен поставить себе целью поднять вознаграждение за промышленный труд, вывести промышленников из того неустойчивого (précaire) положения, в котором они живут, и, наконец, облегчить им возможность приобрести то, что они называют *положением**) (un état)... Теперь рабочие родятся и умирают рабочими, тогда как прежде положение рабочего было лишь приготовлением, первой ступенью к более высшему положению. Вот эту-то возможность повышаться (cette faculté progressive) и важно восстановить. Нужно сделать так, чтобы хозяева имели интерес переводить своих рабочих в более высшее положение; чтобы человек, нанимающийся в мануфактуру, начинал действительно с работы за простую наемную плату, но чтобы он всегда имел впереди надежду, при добром поведении, получить часть в прибылях предприятия» (II, 344 — 5).

Трудно рельефнее выразить точку зрения мелкого буржуа! Цехи — идеал Сисмонди, и его оговорка насчет нежелательности восстановления их имеет, очевидно, лишь тот смысл, что следует взять принцип, идею цеха (точно так же, как народники хотят брать принцип, идею общины, а не современный фискальный союз, называемый общиной) и отбросить его средневековые уродливости. Нелепость плана Сисмонди состоит не в том, что он защищал целиком цехи, хотел восстановить их целиком — этой задачи он не ставил. Нелепость заключается в том, что он берет за образец *союз*, возникший из узких, примитивных потребностей в объединении местных ремесленников, а хочет приложить эту мерку, этот образец к капиталистическому обществу, в котором объединяющим, обобществляющим элементом является крупная машинная индустрия, ломающая средневековые перегородки, стирающая местные, земляческие и профессиональные различия. Сознавая необходимость союза, объединения вообще, в той или другой форме, романтик берет за образец союз, удовлетворяющий узким потребностям в объединении в патриархальном, неподвижном обществе, и хочет прикладывать его к обществу, совершенно преобразованному — с подвижным населением, с обобществлением труда не в пределах какой-нибудь общины или какой-нибудь корпорации, а в пределах всего государства и даже вне пределов одного государства **).

---

*) Курсив автора.

**) Совершенно аналогична ошибка народников по отношению к другому союзу *(общине)*, который удовлетворял узким потребностям объединения местных крестьян, связанных единством землевладения, выгона и т. п. (а главное единством помещичьей и чиновничьей власти), но совер-

Вот эта-то ошибка и дает романтику совершенно заслуженную им квалификацию *реакционера*, при чем под этим термином разумеется не желание восстановить просто-на-просто средневековые учреждения, а именно попытка мерить новое общество на старый патриархальный аршин, именно желание искать образца в старых, совершенно несоответствующих изменившимся экономическим условиям порядках и традициях.

Этого обстоятельства абсолютно не понял Эфруси. Характеристика теории Сисмонди, как реакционной, была понята им именно в грубом вульгарном смысле. Эфруси смутился... Как же так, — рассуждал он, — какой же Сисмонди реакционер, когда он говорит ведь прямо, что вовсе не хочет восстановить цехи? И Эфруси решил, что такое «обвинение» Сисмонди «в ретроградстве» несправедливо; что Сисмонди, напротив, смотрел «правильным образом на цеховую организацию» и «вполне оценил ее историческое значение» (№ 7, стр. 147), как это, дескать, выяснено историческими исследованиями таких-то и таких-то профессоров о хороших сторонах цеховой организации.

Quasi-ученые *) писатели обладают нередко поразительной способностью из-за деревьев не видеть леса! Точка зрения Сисмонди на цехи характерна и важна именно потому, что он связывает с ними свои практические пожелания **). *Именно поэтому* с его учением и связана характеристика *реакционного*. А Эфруси принимается, ни к селу ни к городу, толковать о новейших исторических сочинениях о цехах!

Результатом этих неуместных и quasi-ученых рассуждений явилось то, что Эфруси обошел как раз суть вопроса: справедливо или несправедливо характеризовать доктрину Сисмонди реакционной? Он просмотрел именно то, что является самым главным, — *точку зрения* Сисмонди. «Меня выставляли, — говорил Сисмонди, — в политической экономии врагом общественного прогресса, партизаном учреждений варварских и принудительных.

шенно не отвечает потребностям товарного хозяйства и капитализма, ломающего все местные, сословные, разрядные перегородки и вносящего глубокую экономическую рознь интересов *внутри* общины. Потребность в союзе, в объединении в капиталистическом обществе не ослабела, а, напротив, неизмеримо возросла. Но брать старую мерку для удовлетворения этой потребности нового общества совершенно нелепо. Это новое общество требует уже, во-первых, чтоб союз не был местным, сословным, разрядным; во-вторых, чтобы его исходным пунктом было то различие положения и интересов, которое создано капитализмом и разложением крестьянства. Местный же, сословный союз, связывающий вместе крестьян, резко различающихся по своему экономическому положению и по своим интересам, становится теперь, в силу своей *обязательности, вредным* и для самих крестьян, и для всего общественного развития.

*) — мнимо-ученые. *Ред.*

**) См. выше, хотя бы заглавие той главы, из которой мы приводили рассуждения о цехах (приводимые и Эфруси: с. 147).

Нет, я не хочу того, что уже было, но я хочу чего-нибудь лучшего по сравнению с современным. Я не могу судить о настоящем иначе, как сравнивая его с прошлым, и я далек от желания восстановлять старые развалины, когда я доказываю посредством них вечные нужды общества» (II, 433). *Желания* у романтиков весьма хорошие (как и у народников). Сознание противоречий капитализма ставит их выше слепых оптимистов, отрицающих эти противоречия. И реакционером признают Сисмонди вовсе не за то, что он хотел вернуться к средним векам, а именно за то, что в своих практических пожеланиях он «сравнивал настоящее с прошлым», а не с будущим, именно за то, что он «доказывал вечные нужды общества» *) *посредством* «развалин», а не *посредством* тенденций новейшего развития. Вот этой-то мелкобуржуазной точки зрения Сисмонди, выделяющей его резко от других писателей, которые тоже доказывали и одновременно с ним, и после него «вечные нужды общества», и не сумел понять Эфруси.

В этой ошибке Эфруси сказалось это же узкое понимание терминов «мелко-буржуазная», «реакционная» доктрина, о котором мы говорили выше по поводу первого термина. Эти термины вовсе не указывают на эгоистические вожделения мелкого лавочника или на желание остановить общественное развитие, вернуться назад: они говорят лишь об *ошибочности* точки зрения данного писателя, об ограниченности его понимания и кругозора, вызывающего выбор таких средств (для достижения весьма хорошей цели), которые на практике не могут быть действительны, которые могут удовлетворить лишь мелкого производителя или сослужить службу защитникам старины. Сисмонди, напр., вовсе не фанатик мелкой *собственности*. Он понимает необходимость объединения, союза ничуть не менее, чем наши современные народники. Он выражает пожелание, чтобы «половина прибыли» в промышленных предприятиях «распределялась между ассоциированными рабочими» (II, 346). Он высказывается прямо за «систему ассоциации», при которой бы все «успехи производства шли на пользу тому, кто занят им» (II, 438). Говоря об отношении своего учения к известным в то время учениям Оуэна, Фурье, Томпсона, Мюирона (Muiron), Сисмонди заявляет: «Я желал бы так же, как они, чтобы осуществилась ассоциация между теми, кто производит сообща данный продукт, вместо того, чтобы ставить их в оппозицию друг с другом. Но я не думаю, чтобы те средства, которые они предложили для этой цели, могли когда-нибудь привести к ней» (II, 365).

---

*) То обстоятельство, что он *доказывал* существование этих нужд, ставит его, повторяем, неизмеримо выше узких буржуазных экономистов.

Различие между Сисмонди и этими писателями состоит именно в *точке зрения*. Поэтому вполне естественно, что Эфруси, не понявший этой точки зрения, совершенно неверно изобразил отношение Сисмонди к этим писателям.

«Если Сисмонди оказал на своих современников слишком слабое влияние,— читаем мы в «*Русск. Богатстве*» № 8, с. 57,— если предлагавшиеся им социальные реформы не получили осуществления, то это объясняется главным образом тем, что он значительно опередил свою эпоху. Он писал в то время, когда буржуазия праздновала свой медовый месяц... Понятно, что при таких условиях голос человека, требовавшего социальных реформ, должен был оставаться гласом вопиющего в пустыне. Но ведь мы знаем, что и потомство отнеслось к нему не многим лучше. Это объясняется, быть может, тем, что Сисмонди является, как мы уже сказали выше, писателем переходной эпохи; хотя он и желает крупных изменений, он, тем не менее, не может вполне отрешиться от старого. Умеренным людям он казался поэтому слишком радикальным, а на взгляд представителей более крайних направлений он был слишком умеренным».

Во-первых, говорить, что Сисмонди предлагаемыми им реформами «опередил эпоху» — значит абсолютно не понять самой сути доктрины Сисмонди, который сам говорит про себя, что он сравнивал настоящее с прошлым. Требовалась бесконечная близорукость (или бесконечное пристрастие к романтизму), чтобы просмотреть общий дух и общее значение теории Сисмонди из-за того только, что Сисмонди сочувствовал фабричному законодательству *) и т. п.

Во-вторых, Эфруси полагает таким образом, что различие между Сисмонди и другими писателями состоит лишь в *степени решительности* предлагавшихся реформ: они шли дальше, а он не вполне отрешился от старого.

Не в этом дело. Различие между Сисмонди и этими писателями лежит гораздо глубже — вовсе не в том, что одни шли дальше, другие были робки **), а в том, что *самый характер* реформ представлялся им с двух *диаметрально противоположных* точек зрения. Сисмонди доказывал «вечные нужды обще-

*) Да и в этом вопросе Сисмонди не «опередил» эпоху, ибо одобрял лишь то, что уже осуществлялось в Англии, не умея понять связь этих преобразований с крупной машинной индустрией и ее прогрессивной исторической работой.

**) Мы не хотим сказать, что в этом отношении между указанными писателями нет различия, но оно *не объясняет дела* и неправильно представляет отношение Сисмонди к другим писателям: выходит, будто они стояли на одинаковой точке зрения, различаясь лишь решительностью и последовательностью выводов. Не в том дело, что Сисмонди «шел» *не так далеко*, а в том, что он «шел» *назад*, а указанные писатели «шли» *вперед*.

ства», и эти писатели доказывали тоже вечные нужды общества. Сисмонди был утопистом, основывал свои пожелания на абстрактной идее, а не на реальных интересах,— и эти писатели были утопистами, основывали свои планы тоже на абстрактной идее. Но именно *характер* их планов совершенно различен вследствие того, что на новейшее экономическое развитие, поставившее вопрос о «вечных нуждах», они смотрели с *диаметрально противоположных* точек зрения. Указанные писатели предвосхищали будущее, гениально угадывали тенденции той «ломки», которую проделывала на их глазах прежняя машинная индустрия. Они смотрели в ту же сторону, куда шло и действительное развитие; они действительно *опережали* это развитие. Сисмонди же поворачивался к этому развитию *задом;* его утопия не предвосхищала будущее, а реставрировала прошлое; он смотрел не вперед, а назад, мечтая «прекратить ломку»,— ту самую «ломку», *из которой* выводили свои утопии указанные писатели *). Вот почему утопия Сисмонди признается — и совершенно справедливо — реакционной. Основание такой характеристики заключается, повторяем еще раз, *только в том,* что Сисмонди не понимал прогрессивного значения той «ломки» старых, полусредневековых, патриархальных общественных отношений западноевропейских государств, которую с конца прошлого века начала проделывать крупная машинная индустрия.

Эта специфическая точка зрения Сисмонди проглядывает даже среди его рассуждений об «ассоциации» вообще. «Я желаю,— говорит он,— чтобы собственность на мануфактуры (la propriété des manufactures) была разделена между большим числом средних капиталистов, а не соединялась в руках одного человека, владеющего многими миллионами...» (II, 365). Еще рельефнее точка зрения мелкого буржуа сказалась в такой тираде: «Нужно устранить не класс бедных, а класс поденщиков; их следует вернуть в класс собственников» (II, 308). «*Вернуть*» в класс собственников — в этих словах вся суть доктрины Сисмонди!

Разумеется, Сисмонди должен был сам чувствовать неосуществимость своих благопожеланий, чувствовать резкий диссонанс между ними и современной рознью интересов. «Задача соединить снова интересы тех, кто участвует вместе в одном и том же производстве (qui concourrent à la même production)... без сомнения, трудна, но я не думаю, чтобы эта трудность была так велика,

*) «Роберт Оуэн,— говорит один немецкий экономист **),— отец кооперативных фабрик и кооперативных лавок,— который, однако, вовсе не разделял иллюзий своих преемников насчет значения (Tragweite) этих изолированных элементов преобразования,— не только фактически исходил в своих опытах из фабричной системы, но и теоретически объявлял ее исходным пунктом «общественного преобразования»»[13]).

**) В изд. 1908 г.: «говорит Маркс». *Ред.*

как предполагают» (II, 450) *). Сознание этого несоответствия своих пожеланий и чаяний с условиями действительности и их развитием вызывает, естественно, стремление доказать, что «еще не поздно» «вернуться» и т. п. Романтик пытается опереться на *неразвитость* противоречий современного строя, на *отсталость* страны. «Народы завоевали систему свободы, в которую мы вступили (речь шла о падении феодализма); но в то время, когда они разрушили ярмо, которое они так долго носили, трудящиеся классы (les hommes de peine — представители труда) не были лишены всякой собственности. В деревне они, в качестве половников, чиншевиков (censitaires), арендаторов, владели землей (ils se trouvèrent associés à la propriété du sol). В городах, в качестве членов корпораций, ремесленных союзов (métiers), образованных ими для взаимной защиты, они были самостоятельными промышленниками (ils se trouvèrent associés à la propriété de leur industrie). Только в наши дни, только в самое последнее время (c'est dans ce moment même) прогресс богатства и конкуренция ломает все эти ассоциации. Но эта ломка (révolution) еще на половину не закончена» (II, 437).

«Правда, только одна нация находится теперь в этом неестественном положении; только в одной нации мы видим этот постоянный контраст мнимого богатства (richesse apparente) и ужасной нищеты десятой доли населения, вынужденной жить на счет общественной благотворительности. Но эта нация, столь достойная подражания в других отношениях, столь ослепительная даже в своих ошибках, соблазнила своим примером всех государственных людей континента. И если эти размышления не смогут уже принести пользы ей, то я окажу, по крайней мере, думается мне, услугу человечеству и моим соотечественникам, показывая опасности того пути, по которому она идет, и доказывая ее собственным опытом, что основывать политическую экономию на принципе неограниченной конкуренции — это значит приносить в жертву интерес человечества одновременному действию всех личных страстей» (II, 368) **). Так заканчивает Сисмонди свои «Nouveaux Principes».

Общее значение Сисмонди и его теории формулировал отчетливо один немецкий экономист ***) в следующем отзыве, дающем сначала очерк тех условий западно-европейской экономической жизни, которые породили такую теорию (и притом породили

*) «Задача, которую предстоит решить русскому обществу, с каждым днем усложняется. С каждым днем захваты капитализма становятся обширнее»... (ibid.).

**) «Русскому обществу предстоит решение великой задачи, крайне трудной, но не невозможной — развить производительные силы населения в такой форме, чтобы ими могло пользоваться не незначительное меньшинство, а весь народ» (Н. —он, 343).

***) В изд. 1908 г.: «Маркс». *Ред.*

именно в ту эпоху, когда капитализм только еще начинал создавать там крупную машинную индустрию), а затем и оценку ее *).

«Средневековое мещанство и сословие мелких крестьян были предшественниками современной буржуазии. В странах, менее развитых в промышленном и торговом отношениях, класс этот до сих пор еще прозябает рядом с развивающейся буржуазией.

«В тех странах, где развилась современная цивилизация, образовалось — и как дополнительная часть капиталистического общества постоянно вновь образуется — буржуазное среднее сословие (которое колеблется между пролетариатом и буржуазией). Но конкуренция постоянно сталкивает принадлежащих к этому классу лиц в ряды пролетариата, и они начинают даже предвидеть приближение того момента, когда, с развитием крупной промышленности, они совершенно исчезнут, как самостоятельная часть современного общества, и в торговле, мануфактуре и земледелии заменятся надзирателями и наемными служащими.

«В таких странах, как Франция, где крестьянство составляет гораздо более половины всего населения, естественно было появление писателей, которые, становясь на сторону пролетариата, прикладывали к капиталистическим условиям мелко-буржуазную и мелко-крестьянскую мерку и защищали дело рабочих с мелкобуржуазной точки зрения. Так возникло мелко-буржуазное социальное учение. Сисмонди стоит во главе этого рода литературы не только во Франции, но даже и в Англии.

«Это учение прекрасно умело подметить противоречия современных условий производства. Оно разоблачило лицемерный оптимизм экономистов. Оно указало на разрушительное действие машинного производства и разделения труда, на концентрацию капиталов и поземельной собственности, на излишнее производство и кризисы, на неизбежную гибель мелкой буржуазии и крестьянства, на нищету пролетариата, анархию в производстве, вопиющие несправедливости в производстве, на разорительную промышленную войну наций между собой, разложение старых нравов, старых семейных отношений и старых национальностей **).

«Положительная сторона требований этого направления заключается или в восстановлении старых способов производства и обмена, а вместе с ними старых имущественных отношений и старого общественного строя; или же оно стремится насильственно удержать современные способы производства и обмена в рамках старых имущественных отношений, которые они уже разбили и необходимо должны были разбить. В обоих случаях оно является реакционным и утопическим одновременно.

*) Ср. цитаты в «*Р. Б.*» № 8, стр. 57, а также «*Р. Б—во*» 94, № 6, в статье г-на Н. —она.

**) Этот отрывок приводит Эфруси в № 8 «*Р. Б—ва*» на стр. 57 (от последней красной строки).

«Цеховая организация промышленности и патриархальное сельское хозяйство являются последним его словом» *).

Справедливость этой характеристики мы старались показать при разборе каждого отдельного члена в доктрине Сисмонди. Теперь же отметим лишь курьезный прием, употребленный здесь Эфруси в завершение всех промахов в его изложении, критике и оценке романтизма. Читатель помнит, что в самом начале своей статьи (в № 7 «*Р. Б—ва*») Эфруси заявил, что причисление Сисмонди к реакционерам и утопистам «несправедливо» и «неправильно» (l. с., стр. 139). Чтобы доказать такой тезис, Эфруси, во-первых, ухитрился обойти полным молчанием самое главное, именно связь *точки зрения* Сисмонди с положением и интересами особого класса капиталистического общества, мелких производителей; во-вторых, при разборе отдельных положений теории Сисмонди, Эфруси частью представлял его отношение к новейшей теории в совершенно неправильном свете, как мы это показали выше, частью же просто игнорировал новейшую теорию, защищая Сисмонди ссылками на немецких ученых, которые «не ушли дальше» Сисмонди; в-третьих, наконец, Эфруси пожелал резюмировать оценку Сисмонди таким образом: «Наш (!) взгляд на значение Симонда-де-Сисмонди, — говорит он, — мы можем (!!) резюмировать в следующих словах» одного немецкого экономиста («*Р. Б.*» № 8, стр. 57), и дальше цитируется отмеченный выше отрывок, т.-е. *только частичка* характеристики, данной этим экономистом, при чем отброшена именно та часть, где выясняется связь теории Сисмонди с особым классом новейшего общества, и та часть, где окончательный вывод гласит о реакционности и утопизме Сисмонди! Мало этого. Эфруси не ограничился тем, что выхватил *частичку* отзыва, не дающую никакого понятия о *целом* отзыве, и, таким образом, представил в совершенно неверном свете отношение этого экономиста к Сисмонди. Он пожелал еще прикрасить Сисмонди, как будто бы оставаясь лишь передатчиком взглядов того же экономиста.

«Прибавим к этому,— говорит Эфруси,— что по некоторым теоретическим воззрениям Сисмонди является предшественником самых выдающихся новейших экономистов **): вспомним его взгляды на доход с капитала, на кризис, его классификацию национального дохода и т. д.» (ibid.). Таким образом, вместо того, чтобы *прибавить* к указанию заслуг Сисмонди немецким эконо-

---

*) Ср. «*Р. Б—во*», указ. статья, 1894 г., № 6, с. 88. Г. Н.—он делает в переводе этого отрывка две неточности и один пропуск. Вместо «мелко-буржуазный» и «мелко-крестьянский» он переводит «узко-мещанский» и «узко-крестьянский». Вместо «дело рабочих» он переводит «дело народа», хотя в оригинале стоит der Arbeiter. Слова: «необходимо должны были разбить» (gesprengt werden mussten) он пропускает.

**) В роде Адольфа Вагнера? *К. Т.*

мистом указание того же экономиста на мелко-буржуазную точку зрения Сисмонди, на реакционный характер его утопии,— Эфруси *прибавляет* к числу *заслуг* Сисмонди *именно те части его учения* (в роде «классификации национального дохода»), *в которых*, по отзыву все того же экономиста, *нет ни одного научного слова.*

Нам возразят: Эфруси может вовсе не разделять того мнения, что объяснения экономических доктрин следует искать в экономической действительности; он может быть глубоко убежденным в том, что теория А. Вагнера о «классификации национального дохода» есть теория «самая выдающаяся».— Охотно верим. Но какое же право имел он кокетничать с той теорией, о которой гг. народники так любят говорить, что они с ней «согласны», тогда как на деле он не понял абсолютно отношения этой теории к Сисмонди и сделал все возможное (и даже невозможное), чтобы представить это отношение в совершенно неверном виде?

Мы не стали бы уделять так много места этому вопросу, если бы дело касалось одного только Эфруси — писателя, имя которого встречается в народнической литературе едва ли не впервые. Нам важна вовсе не личность Эфруси и даже не его воззрения, а *отношение народников к разделяемой якобы ими теории знаменитого немецкого экономиста вообще.* Эфруси совсем не представляет из себя какого-либо исключения. Напротив, его пример вполне типичен, и, чтобы доказать это, мы и проводили везде параллель между точкой зрения и теорией Сисмонди и точкой зрения и теорией г-на Н. — она *). Аналогия оказалась полнейшая: и теоретические воззрения, и точка зрения на капитализм и характер практических выводов и пожеланий оказались у обоих писателей *однородными.* А так как воззрения г-на Н. —она могут быть названы последним словом народничества, то мы вправе сделать тот вывод, что *экономическое учение народников есть лишь русская разновидность обще-европейского романтизма.*

Понятно само собой, что исторические и экономические особенности России, с одной стороны, и ее несравненно бо̀льшая отсталость, с другой стороны, вызывают особенно крупные отличия народничества. Но эти отличия не выходят, однако, за пределы отличий видовых и потому не изменяют *однородности* народничества и мелко-буржуазного романтизма.

Может быть, самым выдающимся и наиболее обращающим на себя внимание отличием является стремление экономистов-народников прикрыть свой романтизм заявлением «согласия» с новейшей теорией и возможно более частыми *ссылками* на нее, хотя эта теория резко отрицательно относится к романтизму

*) Другой народнический экономист, г. В. В., совершенно солидарен с г. Н. —оном по указанным выше важнейшим вопросам, и отличается лишь еще более примитивной точкой зрения.

и выросла в жестокой борьбе со всеми разновидностями мелкобуржуазных учений.

Разбор теории Сисмонди представляет особенный интерес именно потому, что дает возможность разобрать *общие приемы* такого переодеванья.

Мы видели, что *и* романтизм, *и* новейшая теория *указывают* на *одни и те же* противоречия современного общественного хозяйства. Этим и пользуются народники, *ссылающиеся* на то, что новейшая теория признает противоречия, проявляющиеся в кризисах, в поисках внешнего рынка, в росте производства при понижении потребления, в таможенном покровительстве, во вредном действии машинной индустрии, и т. д., и т. д. И народники совершенно правы: новейшая теория действительно *признает все эти* противоречия, которые признавал и романтизм. Но спрашивается, поставил ли хоть один народник когда-либо вопрос о том, чем отличается научный анализ этих противоречий, сводящий их к различным интересам, вырастающим на почве данного строя хозяйства, от утилизации этих указаний на противоречия лишь для добрых пожеланий? — Нет, ни у одного народника мы не найдем разбора этого вопроса, характеризующего именно отличие новейшей теории от романтизма. Народники утилизируют свои указания на противоречия точно так же лишь для добрых пожеланий.

Спрашивается далее, поставил ли хоть один народник когда-либо вопрос о том, чем отличается сантиментальная критика капитализма от научной, диалектической его критики? — Ни один не поставил этого вопроса, характеризующего второе важнейшее отличие новейшей теории от романтизма. Ни один не считал нужным ставить критерием своих теорий именно данное развитие общественно-хозяйственных отношений (а в применении этого критерия и состоит основное отличие научной критики).

Спрашивается, наконец, поставил ли хоть один народник когда-либо вопрос о том, чем отличается точка зрения романтизма, идеализирующая мелкое производство и оплакивающая «ломку» его устоев «капитализмом»,— от точки зрения новейшей теории, которая считает исходным пунктом своих построений крупное капиталистическое производство посредством машин и объявляет прогрессивным явлением эту «ломку устоев»? (Мы употребляем это общепринятое народническое выражение, рельефно характеризующее тот процесс преобразования общественных отношений под влиянием крупной машинной индустрии, который *везде*, а не в России только, происходил в поражавшей общественную мысль крупной и резкой форме.) — Опять-таки нет. Ни один народник не задавался этим вопросом, ни один не пытался приложить к русской «ломке» тех мерок, которые заставили признать западноевропейскую «ломку» прогрессивной, и все они плачут об

устоях и рекомендуют прекратить ломку, уверяя сквозь слезы, что это-то и есть «новейшая теория»...

Сличение их «теории», которую они выставляли новым и самостоятельным решением вопроса о капитализме, на основании последних слов западно-европейской науки и жизни, с теорией Сисмонди показывает наглядно, к какому примитивному периоду развития капитализма и развития общественной мысли относится возникновение такой теории. Но суть дела не в том, что эта теория стара. Мало ли есть очень старых европейских теорий, которые были бы весьма новы для России! Суть дела в том, что и *тогда, когда эта теория появилась, она была теорией мелкобуржуазной и реакционной.*

VI.

ВОПРОС О ПОШЛИНАХ НА ХЛЕБ В АНГЛИИ В ОЦЕНКЕ РОМАНТИЗМА И НАУЧНОЙ ТЕОРИИ.

Сравнение теории романтизма о главных пунктах современной экономии с новейшей теорией мы дополним сравнением их суждения об одном *практическом* вопросе. Интерес такого сравнения усиливается тем, что этот практический вопрос представляет один из самых крупных, принципиальных вопросов капитализма, с одной стороны; с другой стороны тем, что по этому вопросу высказались оба наиболее видные представители этих враждебных теорий.

Мы говорим о *хлебных законах* в Англии и об отмене их. Вопрос этот глубоко интересовал во второй четверти текущего столетия экономистов не только английских, но и континентальных: все понимали, что это вовсе не частный вопрос таможенной политики, а общий вопрос о свободе торговли, о свободе конкуренции, о «судьбе капитализма». Речь шла именно о том, чтобы увенчать здание капитализма полным проведением свободы конкуренции, о том, чтобы расчистить дорогу для завершения той «ломки», которую начала проделывать в Англии крупная машинная индустрия с конца прошлого века, о том, чтобы устранить препятствия, задерживающие эту «ломку» в *земледелии.* Именно *так* и взглянули на этот вопрос оба континентальные экономиста, о которых мы собираемся говорить.

Сисмонди вставил во второе издание своих «Nouveaux Principes» особую главу «о законах относительно торговли хлебом» (l. III, ch. X).

Он констатирует прежде всего жгучий характер вопроса: «Половина английского народа требует в настоящее время отмены хлебных законов, требует с глубоким раздражением против тех, кто их поддерживает; а другая половина требует сохранения их, испуская крики негодования против тех, кто хочет их отменить» (I, 251).

Разбирая вопрос, Сисмонди указывает, что интересы английских фермеров требуют пошлины на хлеб для обеспечения им *remunerating price* (выгодной или безубыточной цены). Интересы же мануфактуристов требуют отмены хлебных законов, ибо мануфактуры не могут существовать без внешних рынков, а дальнейшее развитие английского вывоза задерживалось законами, стеснявшими ввоз: «Мануфактуристы говорили, что переполнение рынка, которое они встречают на местах сбыта, есть результат тех же хлебных законов,—что богатые люди континента не могут покупать их товаров, так как они не находят сбыта своему хлебу» (I, 254) *).

«Открытие рынков иностранному хлебу разорит, вероятно, английских землевладельцев и уронит до несравненно более низкой цены арендную плату. Это — большое бедствие, без сомнения, но это не было бы несправедливостью» (I, 254). И Сисмонди принимается наивнейшим образом доказывать, что доход землевладельцев должен соответствовать услуге (sic!!), которую они оказывают «обществу» (капиталистическому?) и т. д. «Фермеры,— продолжает Сисмонди,— вынут свой капитал — отчасти, по крайней мере, — из земледелия».

В этом рассуждении Сисмонди (а он этим рассуждением и удовлетворяется) сказывается основной порок романтизма, не обращающего достаточно внимания на тот процесс экономического развития, который имеет место в действительности. Мы видели, что Сисмонди сам указал на постепенное развитие и рост фермерства в Англии. Но он торопится перейти к осуждению этого процесса вместо того, чтобы изучать его причины. Только этой торопливостью, желанием навязать истории свои невинные пожелания и можно объяснить то обстоятельство, что Сисмонди просматривает общую тенденцию развития капитализма в земледелии и неизбежное *ускорение этого процесса* при отмене хлебных законов, т.-е. капиталистический прогресс земледелия вместо упадка, который пророчит Сисмонди.

Но Сисмонди верен себе. Как только он подошел к противоречию этого капиталистического процесса, так немедленно он обращается к наивному «опровержению» его, стремясь во что бы то ни стало доказать ошибочность того пути, которым идет «английское отечество».

«Что будет делать поденщик?.. Работа прекратится, поля превращены будут в пастбища... Что станется с 540.000 семей,

*) Как ни односторонне это объяснение английских фабрикантов, игнорирующих более глубокие причины кризисов и неизбежность их при слабом расширении рынка, но в нем есть несомненно вполне справедливая мысль, что реализация продукта сбытом за границу требует, *в общем и целом,* соответствующего привоза из-за границы. — Рекомендуем это указание английских фабрикантов к сведению тех экономистов, которые от вопроса о реализации продукта в капиталистическом обществе отделываются глубокомысленным замечанием: «сбудут за границу».

которым будет отказано в работе? *). Предположив даже, что они будут годны ко всякой промышленной работе, имеется ли в настоящее время такая индустрия, которая была бы в состоянии принять их?.. Найдется ли такое правительство, которое бы добровольно решилось подвергнуть половину нации, им управляемой, подобному кризису?.. Те, кому принесут, таким образом, в жертву землевладельцев, извлекут ли сами какую-либо пользу из этого? Ведь эти землевладельцы — самые близкие и самые надежные потребители английских мануфактур. Прекращение их потребления нанесло бы индустрии более гибельный удар, чем закрытие одного из самых крупных заграничных рынков» (255—6). Выступает на сцену пресловутое «сокращение внутреннего рынка». «Сколько потеряют мануфактуры от прекращения потребления всего класса английских землевладельцев, который составляет почти половину нации? Сколько потеряют мануфактуры от прекращения потребления богатых людей, землевладельческие доходы которых будут почти уничтожены?» (267). Романтик из кожи лезет, доказывая фабрикантам, что противоречия, свойственные развитию их производства и их богатства, выражают лишь их ошибку, их нерасчетливость. И чтобы «убедить» фабрикантов в «опасности» капитализма, Сисмонди подробно рисует грозящую конкуренцию польского и русского хлеба (р. 257 — 261). Он пускает в ход всяческие аргументы, хочет повлиять даже на самолюбие англичан. «Что станется с честью Англии, если русский император будет в состоянии, лишь только пожелает получить от нее какую-нибудь уступку, уморить ее с голоду, заперев порты Балтийского моря?» (268). Вспомните, читатель, как Сисмонди доказывал ошибочность «апологии власти денег» тем, что при продажах легко бывают обманы... Сисмонди хочет «опровергнуть» теоретических толмачей фермерства, указывая, что богатые фермеры не могут выдержать конкуренции жалких крестьян (цит. выше), и в конце концов приходит-таки к своему любимому выводу, убежденный, видимо, что он доказал «ошибочность» того пути, которым идет «английское отечество». «Пример Англии показывает нам, что эта практика (развитие денежного хозяйства, которому Сисмонди противопоставляет l'habitude de se fournir soi-même, «жизнь трудами рук своих») не лишена опасности» (263). «Самая система хозяйства (именно фермерство) дурна, основывается на опасном базисе, и ее-то следует постараться изменить» (266).

*) Сисмонди для «доказательства» негодности капитализма сочиняет сейчас же примерный расчет (которые так любит, напр., наш русский романтик г. В. В.). 600.000 семей,—говорит он,— заняты в земледелии. При замене полей пастбищами «потребуется» не больше одной десятой этого числа... Чем меньше понимания процесса во всей его сложности обнаруживает писатель, тем охотнее прибегает он к детским расчетам «на глаз».

Конкретный вопрос, вызванный столкновением определенных интересов в определенной системе хозяйства, потоплен, таким образом, в потоке невинных пожеланий! Но вопрос был поставлен самими заинтересованными сторонами так резко, что ограничиться подобным «решением» (как ограничивается им романтизм относительно всех других вопросов) было уже совершенно невозможно.

«Что же делать, однако?— спрашивает в отчаянии Сисмонди,— открыть ли порты Англии или запереть их? осудить ли на голод и смертность мануфактурных или сельских рабочих Англии? Поистине, вопрос ужасный; положение, в котором находится английское министерство,— одно из самых щекотливых, в котором только могли оказаться государственные люди» (260). И Сисмонди паки и паки возвращается к «общему выводу» об «опасности» системы фермерства, об «опасности подчинять все земледелие системе спекуляции». Но «каким образом можно в Англии принять такие меры — серьезные, но в то же время постепенные, которые бы подняли значение (remettraient en honneur) мелких ферм, когда половина нации, занятая в мануфактурах, страдает от голода, а требуемые ею меры угрожают голодом другой половине нации, занятой в земледелии,— я не знаю. Я считаю необходимым подвергнуть законы о торговле хлебом значительным изменениям; но я советую тем, кто требует полной отмены их, тщательно исследовать следующие вопросы» (267), — следуют старые жалобы и опасения насчет упадка земледелия, сокращения внутреннего рынка и т. п.

Таким образом, при первом же столкновении с действительностью, романтизм потерпел полное фиаско. Он принужден был сам себе выдать testimonium paupertatis *) и самолично расписаться в его получении. Вспомните, как легко и просто «разрешал» романтизм все вопросы в «теории»! Протекционизм — неразумен, капитализм — гибельное заблуждение, путь Англии — ошибочен и опасен, производство должно итти в ногу с потреблением, промышленность и торговля—в ногу с земледелием, машины выгодны лишь тогда, когда ведут к повышению платы или сокращению рабочего дня, средства производства не следует отделять от производителей, обмен не должен опережать производство, не должен вести к спекуляции и т. д., и т. д. Каждое противоречие романтизм заткнул соответствующей сентиментальной фразой, на каждый вопрос ответил соответствующим невинным пожеланием и наклеивание этих ярлычков на все факты текущей жизни называл «решением» вопросов. Неудивительно, что эти решения были так умилительно просты и легки: они игнорировали лишь одно маленькое обстоятельство — те реальные инте-

*) — свидетельство о бедности. *Ред.*

ресы, в конфликте которых и состояло противоречие. И когда развитие этого противоречия поставило романтика лицом к лицу перед одним из таких особенно сильных конфликтов, каковым была борьба партий в Англии, предшествовавшая отмене хлебных законов, — наш романтик совсем потерялся. Он прекрасно чувствовал себя в тумане мечтаний и добрых пожеланий, он так мастерски сочинял сентенции, подходящие к «обществу» вообще (но не подходящие ни к какому исторически-определенному строю общества), — а когда попал из своего мира фантазий в водоворот действительной жизни и борьбы интересов, — у него не оказалось в руках даже критерия для разрешения конкретных вопросов. Привычка к отвлеченным построениям и абстрактным решениям свела вопрос к голой формуле: какое население следует разорить, земледельческое или мануфактурное? — И романтик не мог, конечно, не заключить, что никакого не следует разорять, что нужно «свернуть с пути»... но реальные противоречия обступили его уже так плотно, что не пускают его подняться опять в туман добрых пожеланий, и романтик вынужден *дать ответ*. Сисмонди дал даже целых два ответа: первый — «я не знаю»; второй — «с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой стороны, надо признаться».

9-го января 1847 года в Брюсселе один немецкий экономист *) говорил в публичном собрании «речь о свободе торговли» **). В противоположность романтизму, заявлявшему, что «политическая экономия не наука расчета, а наука морали», он поставил исходным пунктом своего изложения именно простой трезвый *подсчет интересов*. Вместо того, чтобы взглянуть на вопрос о хлебных законах как на вопрос «системы», избираемой нацией, или как на вопрос законодательства (так смотрел Сисмонди), оратор начал с того, что представил этот вопрос столкновением интересов фабрикантов и землевладельцев, и показал, каким образом английские фабриканты пытались выставить вопрос общенародным делом, пытались уверить рабочих в том, что они действуют в интересах народного блага. В противоположность романтику, излагавшему вопрос в форме соображений, которые должен иметь в виду законодатель при осуществлении реформы, — оратор свел вопрос к столкновению реальных интересов различных классов английского общества. Он показал необходимость удешевления сырых материалов для фабрикантов, как основание всего вопроса. Он охарактеризовал недоверчивое отношение английских рабочих, видевших «в людях, полных самоотвержения,

---

*) В изд. 1908 г.: «Карл Маркс». *Ред.*

**) «Discours sur le libre échange». Мы пользуемся немецким переводом: «Rede über die Frage des Freihandels» (*К. Маркс*, «Речь о свободе торговли». *Ред.*).

в каком-нибудь Боуринге (Bowring), Брайте (Bright) и их сотоварищах — своих величайших врагов».

«Фабриканты строят с большими издержками дворцы, в которых Anti-corn-law-league (лига против хлебных законов) [14]) устраивает в некотором роде свою резиденцию, они рассылают во все пункты Англии целую армию апостолов для проповеди религии свободной торговли. Они печатают в тысячах экземпляров брошюры и раздают их даром, чтобы просветить работника насчет его собственных интересов. Они тратят громадные суммы, чтобы привлечь на свою сторону прессу. Чтобы руководить фритредерским движением, они организуют величественный административный аппарат и на публичных митингах развертывают все дары своего красноречия. На одном из таких митингов один рабочий воскликнул: «Если бы землевладельцы продавали наши кости, то вы, фабриканты, первые купили бы их, чтобы отправить на паровую мельницу и сделать из них муку!» Английские работники прекрасно поняли значение борьбы между землевладельцами и фабрикантами. Они прекрасно знают, что цену хлеба хотят понизить для того, чтобы понизить заработную плату, и что прибыль на капитал поднимется на столько же, на сколько упадет рента».

Таким образом, уже самая *постановка вопроса* дается совсем иначе, чем у Сисмонди. Задачей ставится, во-1-х, объяснить отношение к вопросу различных классов английского общества с точки зрения их интересов; во-2-х, осветить значение реформы в общей эволюции английского общественного хозяйства.

По этому последнему пункту взгляды оратора сходятся с взглядами Сисмонди в том отношении, что он точно также видит тут не частный, а *общий вопрос* о развитии капитализма вообще, о «свободной торговле», как системе. «Отмена хлебных законов в Англии была величайшим триумфом, которого добилась свободная торговля в XIX веке». «С отменой хлебных законов свободная конкуренция, современный строй общественного хозяйства доводится до своего крайнего развития» *). Данный вопрос представляется, следовательно, для этих авторов вопросом о том,

---

*) «Die Lage der arbeitenden Klasse in England» (1845). Это сочинение писано с совершенно такой же точки зрения *до* отмены хлебных законов (1846), тогда как излагаемая в тексте речь относится к периоду *после* их отмены. Но различие во времени не имеет для нас значения: достаточно сравнить вышеприведенные рассуждения Сисмонди, относящиеся к 1827-му году, с этой речью 1849 года, чтобы видеть полное тождество *элементов вопроса* у обоих авторов. Самая идея сравнить Сисмонди с позднейшим немецким экономистом заимствована нами из «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», B. V, Art. «Sismondi» von *Lippert*, Seite 679. Параллель оказалась представляющей такой животрепещущий интерес, что изложение г. Липперта сразу потеряло всю свою деревянность... то бишь «объективность» и стало интересным, живым и даже страстным.

следует ли желать дальнейшего развития капитализма или же задержки его, поисков «иных путей» и т. п. И мы знаем, что утвердительный ответ их на этот вопрос был именно решением общего принципиального вопроса о «судьбах капитализма», а не частного вопроса о хлебных законах в Англии, ибо установленная здесь точка зрения применялась и гораздо позже по отношению к другим государствам. Авторы держались таких воззрений в 1840-х годах и относительно Германии, и относительно Америки *), объявляя прогрессивность свободной конкуренции для этой страны; по отношению к Германии еще в 60-х годах один из них писал, что она страдает не только от капитализма, но и от недостаточного развития капитализма.

Возвратимся к излагаемой речи. Мы указали на принципиально иную точку зрения оратора, сведшего вопрос к интересам различных классов английского общества. Такое же глубокое различие видим мы и в постановке им чисто-теоретического вопроса о значении отмены хлебных законов в общественном хозяйстве. Для него это не абстрактный вопрос о том, какой *системе* должна следовать Англия, какой путь ей избрать (как ставит вопрос Сисмонди, забывая о том, что у Англии есть прошлое и настоящее, которые уже определяют этот путь). Нет, он ставит вопрос сразу на почву *данного общественно-хозяйственного строя;* он спрашивает себя, каков *должен быть следующий шаг* в развитии этого строя после отмены хлебных законов.

Трудность этого вопроса состояла в определении того, как повлияет отмена хлебных законов на *земледелие*,— ибо относительно промышленности влияние это было для всех ясно.

Чтобы доказать пользу такой отмены и для земледелия, Anti-corn-law-league назначила премии за три лучшие сочинения о благотворном влиянии уничтожения хлебных законов на английское земледелие. Оратор излагает вкратце взгляды всех трех лавреатов, Гопа (Hope), Морза (Morse) и Грега (Greg), и сразу выделяет последнего, сочинение которого наиболее научно, наиболее строго проводит принципы, установленные классической политической экономией.

Грег, сам крупный фабрикант, писавший преимущественно для крупных фермеров, доказывает, что отмена хлебных законов вытолкнет из земледелия мелких фермеров, которые обратятся к индустрии, но послужит к выгоде крупных фермеров, которые получат возможность снимать землю на более долгие сроки, вкладывать в землю больше капитала, употреблять больше машин, обходясь меньшим количеством труда, который должен подеше-

*) Ср. в «Neue Zeit» [15]) открытые недавно статьи Маркса в «Westphälisches Dampfboot» [16]).

веть с удешевлением хлеба. Землевладельцам же придется довольствоваться более низкой рентой, вследствие изъятия из обработки земель худшего качества, неспособных выдержать конкуренции дешевого привозного хлеба.

Оратор оказался вполне прав, признав наиболее научными это предсказание и открытую защиту капитализма в земледелии. История оправдала предсказание. «Отмена хлебных законов дала английскому земледелию громадный толчок... Абсолютное уменьшение сельского рабочего населения шло рука об руку с расширением обработанной площади, с интенсификацией культуры, с неслыханным накоплением капитала, вкладываемого в землю и посвящаемого ее обработке, с увеличением земельного продукта, не имеющим параллели в истории английской агрономии, с увеличением ренты землевладельцев, с ростом богатства капиталистических арендаторов... Основным условием новых методов была большая затрата капитала на акр земли, а, следовательно, ускоренная концентрация ферм» *).

Но оратор не ограничился, разумеется, этим признанием наибольшей правильности рассуждений Грега. Это рассуждение было в устах Грега доводом фритредера, толкующего об английском земледелии вообще, стремящегося доказать общую выгоду для нации от отмены хлебных законов. После изложенного нами выше ясно, что не таков был взгляд оратора.

Он разъяснил, что понижение цены хлеба, столь прославляемое фритредерами, означает неминуемое сокращение заработной платы, удешевление товара «труд» (точнее: рабочей силы); что удешевление хлеба никогда не в состоянии будет уравновесить для рабочего это понижение платы, во-первых, потому, что при понижении цены хлеба работнику труднее будет сделать сбережение на употреблении хлеба, с целью доставить себе возмож-

*) Писано в 1867 г.— Что касается до увеличения ренты, то для объяснения этого явления надо принять во внимание закон, установленный новейшим анализом дифференциальной ренты, именно, что *повышение ренты возможно на-ряду с понижением цены хлеба.* «Когда английские хлебные пошлины были отменены в 1846 г., то английские фабриканты думали, что они превратили этим землевладельческую аристократию в пауперов. Вместо этого, она стала еще богаче, чем была когда-либо прежде. Как это случилось? Очень просто. Во-первых, от фермеров стали требовать по контракту, чтобы они вкладывали по 12 ф. стерл. вместо 8 ф. стерл. на акр в год, а во-2-х, землевладельцы, имея очень много представителей в нижней палате, добились себе крупной государственной субсидии для дренирования своих земель и для других прочных улучшений. Так как полного вытеснения даже самой худшей земли нигде не было, а случалось — самое большее — лишь употребление ее для других целей, да и то в большинстве случаев только временное,— то ренты поднялись пропорционально увеличенным вложениям капитала в землю, и землевладельческая аристократия оказалась еще в лучших условиях, чем прежде» («Das Kapital», III, 2, 259).

ность купить другие предметы; во-вторых, потому, что прогресс индустрии удешевляет предметы потребления, заменяя пиво водкой, хлеб — картофелем, шерсть и лен — хлопчатой бумагой, понижая всем этим уровень потребностей и жизни работника.

Таким образом, мы видим, что оратор устанавливает элементы вопроса, *повидимому,* так же, как и Сисмонди: он *тоже* признает неизбежным последствием свободной торговли разорение мелких фермеров, нищету рабочих в промышленности и в земледелии. Наши народники, отличающиеся также неподражаемым искусством «цитировать», вот тут-то и останавливают обыкновенно свои «выписки», заявляя с полным удовлетворением, что они вполне «согласны». Но такие приемы показывают лишь, что они не понимают, во-первых, громадных различий в постановке вопроса, на которые мы указали выше; что они просматривают, во-вторых, то обстоятельство, что коренное отличие новой теории от романтизма *тут только и начинается:* романтик поворачивает от конкретных вопросов действительного развития к мечтаниям, реалист же берет установленные факты за критерий для определенного решения конкретного вопроса.

Указав на предстоящее улучшение положения рабочих, оратор продолжал:

«Экономисты возразят нам на это:

«Ну, хорошо, мы согласны, что конкуренция между работниками, которая, наверное, не уменьшится при господстве свободной торговли, очень скоро приведет заработную плату в соответствие с более низкой ценой товаров. Но, с другой стороны, понижение цены товаров поведет к большему потреблению; большее потребление потребует усиленного производства, которое повлечет за собою усиление спроса на рабочую силу; результатом этого усиления спроса на рабочую силу будет повышение заработных плат.

«Вся эта аргументация сводится к следующему: *свободная торговля увеличивает производительные силы.* Если промышленность возрастает, если богатство, производительные силы, одним словом, производительный капитал повышает спрос на труд, то цена труда, а, след., и заработная плата повышаются. *Возрастание капитала является обстоятельством, наиболее благоприятным для рабочего. С этим необходимо согласиться* *). Если капитал останется неподвижным, то промышленность не останется неподвижной, а станет падать, и работник в этом случае окажется первой жертвой ее падения. Работник погибнет раньше капиталиста. Ну, а в том случае, когда капитал возрастает, то-есть, как уже сказано, в *лучшем* для работника случае, какова будет его судьба? Он точно также погибнет...» И оратор подробно объяснил, пользуясь данными английских экономистов, как кон-

*) Курсив наш

центрация капитала усиливает разделение труда, удешевляющее рабочую силу, благодаря замене искусного труда простым, как машины вытесняют рабочих, как крупный капитал разоряет мелких промышленников и мелких рантье и ведет к усилению кризисов, увеличивающих еще более число безработных. Вывод из его анализа был тот, что свобода торговли означает не что иное, как свободу развития капитала.

Итак, оратор сумел найти критерий для разрешения вопроса, приводящего на первый взгляд к той же безвыходной дилемме, перед которой остановился Сисмонди: и свободная торговля, и задержка ее одинаково ведут к разорению рабочих. *Критерий этот — развитие производительных сил.* Постановка вопроса на историческую почву сразу проявила себя: вместо сравнения капитализма с каким-то абстрактным обществом, каковым оно должно быть (т.-е. в сущности с утопией), автор сравнил его с *предшествовавшими стадиями* общественного хозяйства, сравнил разные стадии капитализма в их последовательной смене и констатировал факт *развития производительных сил общества, благодаря развитию капитализма.* Отнесшись к аргументации фритредеров с научной критикой, он сумел избежать обычной ошибки романтиков, которые, отрицая за ней всякое значение, «выплескивают из ванны вместе с водой и ребенка», сумел выделить ее здоровое зерно, т.-е. не подлежащий сомнению факт гигантского технического прогресса. Наши народники с свойственным им остроумием заключили бы, конечно, что этот автор, становящийся так открыто *на сторону крупного капитала против мелкого производителя,*—«апологет власти денег», тем более, что он говорил перед лицом континентальной Европы, что он распространял выводы из английской жизни и на свою родину, в которой крупная машинная индустрия делала в то время свои первые, еще робкие шаги. А между тем именно на этом примере (как и на массе подобных примеров из западно-европейской истории) они могли бы изучить то явление, которого они никак не могут (может быть, не хотят?) понять, именно, что признание прогрессивности крупного капитала против мелкого производства очень и очень далеко еще от «апологии».

Достаточно вспомнить вышеизложенную главу из Сисмонди и данную речь, чтобы убедиться в превосходстве последней и в теоретическом отношении, и в отношении враждебности к какой бы то ни было «апологии». Оратор охарактеризовал противоречия, сопровождающие развитие крупного капитала, гораздо точнее, полнее, прямее, откровеннее, чем это делали когда-либо романтики. Но он нигде не опустился ни до одной сантиментальной фразы, оплакивающей это развитие. Он нигде не проронил ни словечка о какой бы то ни было возможности «свернуть с пути». Он понимал, что подобной фразой люди при-

крывают лишь то обстоятельство, что они сами «сворачивают» в сторону от вопроса, который ставит перед ними жизнь, т.-е. данная экономическая действительность, данное экономическое развитие, данные, вырастающие на его почве, интересы.

Вышеуказанный, вполне научный, критерий дал ему возможность разрешить этот вопрос, оставаясь последовательным реалистом.

«Не думайте, однако, господа,— говорил оратор,— что, критикуя свободную торговлю, мы намерены защищать покровительственную систему». И оратор указал на одинаковое основание свободной торговли и протекционизма в современном строе общественного хозяйства, указал вкратце на тот процесс «ломки» старой хозяйственной жизни и старых полупатриархальных отношений в западно-европейских государствах, который совершал капитализм в Англии и на континенте, указал на тот общественный факт, что, при известных условиях, свободная торговля *ускоряет* эту «ломку» *). «И вот, господа,— заключил оратор,—только в этом смысле и подаю я свой голос за свободу торговли».

---

*) На это прогрессивное значение отмены хлебных законов указывал ясно и автор «Die Lage» *еще до этой отмены* (l. c., p. 179), подчеркивая особенно влияние ее на самосознание производителей.

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ГАЗЕТНОЙ ЗАМЕТКИ

Написано в ссылке в середине сентября 1897 г.
Напечатано в журнале «Новое Слово», кн. 1, октябрь 1897 г. Подпись: К. Т — н

Печатается по тексту журнала «Новое Слово»

В № 239 «Русских Ведомостей»[17]) (от 30 августа) помещена статейка г. Н. Левитского: «О некоторых вопросах, касающихся народной жизни». «Живя в деревне и имея постоянное общение с народом», автор «давно натолкнулся» на некоторые вопросы народной жизни, разрешение которых путем соответственных «мероприятий» представляет собой «неотложную необходимость», «настоятельную потребность». Автор выражает уверенность, что его «краткие заметки» о предмете такой важности «найдут себе отклик в среде лиц, интересующихся народными нуждами», и выражает желание вызвать обмен мыслей по поводу предложенных им вопросов.

«Высокий слог», которым писана статейка г-на Н. Левитского, и обилие высоких слов заставляют уже наперед ожидать, что речь идет о каких-нибудь действительно важных, неотложных, насущных вопросах современной жизни. На самом же деле, предложения автора дают лишь еще один, и чрезвычайно рельефный, пример того поистине Маниловского прожектерства, к которому приучили русскую публику публицисты народничества. Вот почему мы и сочли небесполезным подать свой голос о поднятых г-ном Н. Левитским вопросах.

«Вопросов» исчислено г-ном Н. Левитским пять (по пунктам), при чем на каждый «вопрос» автор дает не только «ответ», но и указывает с полной определенностью соответствующее «мероприятие». Первый вопрос — «дешевый и доступный» кредит, устранение произвола ростовщиков, «кулаков и всякого рода мироедов и хищников». Мероприятие — «выработка более упрощенного типа деревенских крестьянских касс», и автор проектирует выдачу сберегательных книжек из касс госуд. банка не на отдельных лиц, а на специально устроенные товарищества, делающие чрез посредство одного казначея взносы и получающие ссуды.

Итак, вот к какому выводу привело автора давнее «общение с народом» по столь избитому вопросу о кредите: «выработка» нового типа касс! Автор полагает, очевидно, что у нас слишком мало бумаги и чернил изводится на выработку бесконечных «типов», «образцов», «уставов», «образцовых уставов», «нормальных уставов» и т. д. и т. д. «Живя в деревне», наш практик

не заметил никаких более важных вопросов, вызываемых желанием заменить «кулака» «дешевым и доступным кредитом». Мы не станем, конечно, говорить здесь о значении кредита: мы берем *за данное* цель автора и рассматриваем с чисто практической стороны те средства, о которых с такой помпой говорит автор. Кредит есть учреждение развитого товарного обращения. Спрашивается, возможно ли такое учреждение в нашем крестьянстве, которое поставлено бесчисленными остатками сословных законов и запрещений в условия, *исключающие* правильное, свободное, широкое и развитое товарное обращение? Не смешно ли, говоря о насущных и неотлагательных народных нуждах, сводить вопрос о кредите к выработке нового типа «уставов», умалчивая совершенно о необходимости *отмены* целой массы «уставов», препятствующих правильному товарному обращению в крестьянстве, препятствующих свободному обороту имуществ, движимых и недвижимых, свободному переходу крестьян с места на место и от одного занятия к другому, свободному доступу в крестьянские общества лиц из других классов и сословий? Бороться с «кулаками, ростовщиками, мироедами, хищниками» посредством усовершенствования «уставов» кредитных касс, что может быть комичнее этого? Ростовщичество в худших видах сильнее всего держится в нашей деревне именно благодаря ее сословной замкнутости, благодаря наличности тысячи пут, связывающих развитие товарного обращения, — и вот наш практический автор не упоминает ни словом об этих путах и насущным вопросом деревенского кредита объявляет выработку *новых* уставов. По всей вероятности, развитые капиталистические страны, в которых деревня давно поставлена в условия, соответствующие торговому обороту, и в которых кредит получил широкое развитие, по всей вероятности, эти страны достигли такого успеха благодаря обильным «уставам», составленным благожелательными чиновниками!

Второй вопрос — «беспомощность положения крестьянской семьи в случае смерти главы ее», а также «настоятельная необходимость» «сберегать и охранять всеми возможными мерами и способами крестьянское рабочее земледельческое население». Как видите, чем дальше, тем «вопросы» г. Н. Левитского становятся шире, величественнее! Если первый вопрос касался самого дюжинного буржуазного учреждения, пользу которого мы могли бы признать лишь с весьма большими оговорками, то здесь перед нами ставят уже вопрос такой гигантской важности, что «в принципе» мы вполне признаем его насущность и не можем отказать автору в нашей симпатии за то, что он *ставит* подобный вопрос. Но гигантскому вопросу соответствует у народника и «мероприятие» гигантской... как бы это помягче выразиться?.. неумности. Слушайте: «...является неотложная необходимость организации и введения обязательного (sic!) *массового, удешевленного до возмож-*

*ного минимума, взаимного страхования жизни всего крестьянского населения**) (обществами, товариществами, артелями и т. д.). При этом необходимо выяснить роль и участие в этом деле а) частных страховых обществ, б) земства и в) государства».

Ведь этакие наши мужики недогадливые! Не думают о том, что вот умрет хозяин, — придется семье идти по миру; не уродится хлеб, — придется умирать с голоду, а иногда и уродится да все-таки не миновать идти по миру, возвращаясь с неудачных поисков за «заработками»! Не соображают эти глупые мужики, что существует на свете «страхование жизни», которым уже давно многие хорошие господа пользуются и от которого другие хорошие господа (владетели акций страховых обществ) деньги наживают. Не соображает голодный «Сысойка», что стоит ему с таким же голодным «Митяем» устроить общество для взаимного страхования жизни (с минимальным, самым минимальным взносом!) — и их семьи будут обеспечены на случай смерти хозяев! К счастью, за этих недогадливых мужиков думает наша просвещенная народническая интеллигенция, один из представителей которой, «живя в деревне и имея постоянное общение с народом», «давно натолкнулся» на этот грандиозный, до умопомрачения грандиозный «проект»!

Вопрос третий. «В связи с этим вопросом необходимо выдвинуть и обсудить вопрос об образовании *общеимперского капитала по страхованию жизни крестьянского населения***), подобно тому, как существуют общеимперские капиталы продовольственный и пожарный». Само собою разумеется, что для страхования надо обсудить вопрос о капитале. Но нам кажется, что высокопочтенный автор допустил здесь один существенный пробел. Разве не «необходимо выдвинуть и обсудить» также вопрос о том, к какому министерству и к какому департаменту относится проектируемое учреждение? С одной стороны, без сомнения, им должно заведывать м-во внутренних дел по хозяйственному департаменту. С другой стороны, ближайше заинтересован и земский отдел м-ва вн. дел. С третьей стороны, заведывать страхованием должно также м-во финансов. Не целесообразнее ли ввиду этого проектировать учреждение особого «главного управления государственным обязательным взаимным страхованием жизни всего крестьянского населения», ну, например, на подобие *главного управления государственного коннозаводства?*

Вопрос четвертый. «Ввиду, далее, огромной распространенности в России всякого рода артелей, а также ввиду несомненной пользы и значения их для народного хозяйства, назрела настоятельная потребность 4) в организации отдельного специаль-

---

*) Курсив автора.
**) Курсив автора.

ного *Общества для содействия земледельческим и другим артелям*». Что всякого рода артели приносят пользу тем классам населения, которые их устраивают, это несомненно. Несомненно также, что и для всего народного хозяйства объединение представителей разных классов принесет великую пользу. Автор напрасно только чересчур увлекается, говоря об «огромной распространенности в России всякого рода артелей». Всякий знает, что, по сравнению с любой из западно-европейских стран, в России *невероятно мало, феноменально мало* «всякого рода артелей»... «Всякий знает»... кроме мечтающего Манилова. Знает это, напр., и редакция «Русских Ведомостей», поместившая *перед* статьей г. Н. Левитского очень интересную и содержательную статью «Синдикаты во Франции», и г. Н. Левитский мог бы узнать из этой статьи, как бесконечно широко развиты в капиталистической Франции (по сравнению с некапиталистической Россией) «артели *всякого рода*». Я подчеркиваю «всякого рода», ибо из этой же статьи легко видеть, напр., что во Франции синдикаты бывают четырех родов: 1) синдикаты рабочих (2.163 синдиката с 419.172 участниками); 2) синдикаты хозяев (1.622 с 130.752 участниками); 3) сельско-хозяйственные синдикаты (1.188 с 398.048 членами) и 4) смешанные синдикаты (173 с 31.126 членами). Прикиньте-ка сумму, г. Левитский! Вы получите почти миллион лиц (979 тыс.), объединенных «артелями всякого рода», и скажите теперь, положа руку на сердце, неужели вам не стыдно соскользнувшей у вас фразы об «огромной распространенности в России всякого рода (sic!!!) артелей»? Неужели вы не замечаете, какое комичное, грустно-комичное впечатление производит ваша статья, помещенная рядом с голыми цифрами о «синдикатах во Франции»! Эти бедные французы, которых, видно, язва капитализма лишила «огромной распространенности артелей всякого рода», вероятно, гомерически расхохотались бы над предложением устроить «отдельное специальное общество»... для содействия устройству всяких обществ! Но этот смех, само собою разумеется, был бы только проявлением известного французского легкомыслия, неспособного понять российскую основательность. Эти легкомысленные французы не только устраивают «всякого рода артели», не устроив предварительно «общества для содействия артелям», но даже — horribile dictu! *) — не вырабатывают предварительно «образцовых», «нормальных» уставов и «упрощенных типов» различных обществ!

Пятый вопрос... (назрела настоятельная необходимость) «в издании при этом обществе (или отдельно) *специального органа... посвященного исключительно изучению кооперативного дела в России и за границей*»... Да, да, г. Левитский! Когда

*) — страшно сказать! *Ред.*

испорченный желудок мешает человеку как следует есть, тогда ему ничего не остается, кроме чтения о том, как другие люди едят. Но только больному до такой степени человеку, пожалуй, ведь, и доктора не позволили бы читать о чужих обедах: подобное чтение может пробудить неумеренные аппетиты, не соответствующие диэте... Доктора были бы в этом случае вполне последовательны.

Мы изложили небольшую заметку г. Н. Левитского с достаточной подробностью. Читатель спросит, пожалуй, стоило ли останавливаться так долго на беглой газетной заметке, стоило ли посвящать ей такой длинный комментарий? Что за важность, что человеку (полному, вообще говоря, самых благих пожеланий) случилось взболтнуть вздор о каком-то обязательном взаимном страховании жизни всего крестьянского населения? Нам случалось слышать совершенно такие же мнения по аналогичным поводам. Мнения эти более чем неосновательны. Уж не случайность ли это, в самом деле, что наших «передовых публицистов» нет-нет да и стошнит таким феноменально-диким «проектом» в духе «крепостного социализма», что остается только руками развести? Не случайность ли это, что даже такие органы, как «Русское Богатство» и «Русские Ведомости»,— органы, которые отнюдь не принадлежат к ультра-народническим, которые всегда протестуют против крайностей народничества и против выводов из народничества à la г. В. В., органы, которые не прочь даже прикрыть лохмотья своего народничества нарядом нового ярлыка вроде какой-нибудь «этико-социологической школы», что даже такие органы периодически с превеликой регулярностью преподносят российской публике то какую-нибудь «просветительную утопию» г-на С. Южакова [18]), проект обязательного среднего образования в земледельческих гимназиях с отработками неимущих крестьян за свое образование, то вот этакий проект г-на Н. Левитского об обязательном взаимном страховании жизни всего крестьянского населения *).

Было бы слишком наивно объяснять это явление случайностью. Манилов сидит в каждом народнике. Пренебрежение к реальным условиям действительности и действительной экономической эволюции, нежелание разбирать реальные интересы отдельных классов русского общества в их взаимоотношении, привычка *сверху* судить и рядить о «нуждах» и «судьбах» отечества, чванство теми жалкими остатками средневековых союзов, которые имеются в русских общинах и артелях, в связи с пренебрежительным отношением к несравненно более развитым союзам,

---

*) Сравнивая этих двух прожектеров народнической публицистики, нельзя не отдать предпочтения г-ну Н. Левитскому, проект которого *немножко умнее*, чем проект г-на С. Южакова.

свойственным более развитому капитализму, — все эти черты вы найдете в той или другой степени в *каждом* из народников. Поэтому-то и бывает так поучительно наблюдать, когда какой-нибудь не очень умный, но очень наивный писатель с неустрашимостью, достойной лучшей участи, доводит эти черты до полного логического развития и воплощает в яркой картине какого-нибудь «проекта». Такие проекты выходят всегда яркими, до того яркими, что достаточно *показать* их читателю, чтобы *доказать* тот вред, который приносит нашей общественной мысли и нашему общественному развитию современное мелко-буржуазное народничество. В таких проектах всегда много комичного; при поверхностном чтении вы не выносите даже бо̀льшею частью никакого другого впечатления, кроме желания посмеяться. Но попробуйте разобраться в них — и вы скажете: «все это было бы смешно, когда бы не было так грустно!»

НОВЫЙ ФАБРИЧНЫЙ ЗАКОН

Написано в ссылке во второй половине 1897 г. [19]

Приложение написано в октябре 1897 г.

Напечатано отдельной брошюрой в издании «Союза русских соц.-демократов» Женева 1899 г.

Печатается по изданию 1899 г.

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

НОВЫЙ
Фабричный Законъ

Изданіе Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи

ЖЕНЕВА
Типографія „Союза Русскихъ Соціалъ-демократовъ“
1899

Обложка брошюры В. И. Ленина:
«Новый фабричный закон» — 1899 г.

I.

ЧЕМ ВЫЗВАНО ИЗДАНИЕ НОВОГО ФАБРИЧНОГО ЗАКОНА?

Второго июня 1897 года издан новый фабричный закон о сокращении рабочего дня на фабриках и заводах и об установлении праздничного отдыха. Петербургские рабочие давно уже ждали этого закона, который правительство обещало еще в 1896 году, напуганное массовой стачкой рабочих весной 1896 г. Вслед за этой массовой стачкой рабочих на бумаго-прядильных и бумаго-ткацких фабриках последовали другие стачки, и везде рабочие требовали сокращения рабочего дня. Правительство отвечало на стачки дикими преследованиями, хватало и высылало без суда массы рабочих; правительство пыталось с перепугу повлиять на рабочих глупенькими фразами о христианской любви фабрикантов к рабочим (циркуляр министра Витте фабр. инспекторам, изданный в 1895—96 г.) [20]. Но на эти фразы рабочие отвечали только смехом, и никакие преследования не могли остановить движения, охватившего десятки и сотни тысяч рабочих. Правительство поняло тогда, что необходимо уступить и исполнить хоть часть требований рабочих. Кроме зверской травли стачечников и лживо ханжеских фраз, петербургские рабочие получили в ответ обещание правительства издать закон о сокращении рабочего дня. Это обещание было заявлено рабочим с небывалой торжественностью в особых объявлениях, расклеенных на фабриках от министра финансов. Рабочие с нетерпением ждали исполнения обещания, ждали закона к 19 апреля 1897 г., готовы были уже думать, что и это правительственное обещание, подобно массе правительственных заявлений, было грубой ложью. Но на этот раз правительство сдержало обещание: закон издан; но *каков* этот закон,—мы увидим ниже. Теперь же нам надо рассмотреть те обстоятельства, которые заставили правительство исполнить обещание.

Вопросом о сокращении рабочего дня наше правительство занялось не с 96 г., а гораздо раньше. Вопрос возбужден был 15 лет тому назад: еще в 1883 г. петербургские фабриканты ходатайствовали об издании подобного закона. Такие же ходатайства повторялись несколько раз и другими фабрикантами

(именно польскими), но все эти ходатайства клались под сукно, подобно массе других проектов об улучшении положения рабочих. С такими проектами русское правительство не торопится; они лежат под сукном десятки лет. Вот, когда дело идет о том, чтобы сделать подачку в несколько миллионов рублей гг. русским благонамеренным землевладельцам, «ходатайствовавшим» о милостыньке из народных денег, или о том, чтобы назначить субсидию или премию «угнетенным» гг. фабрикантам, — вот тогда русское правительство торопится и колеса чиновнических и министерских канцелярий вертятся очень быстро, как бы «подмазанные» каким-то особым «маслом». Относительно же рабочих не только проекты законов лежат под сукном годы и десятилетия (напр., проект об ответственности предпринимателей вот уже, кажется, второе десятилетие все еще «изготовляется»), но даже изданные уже законы не применяются, ибо чиновники императорского правительства совестятся беспокоить гг. фабрикантов (напр., закон 1886 г. об устройстве больниц фабрикантами до сих пор в громадном большинстве случаев не применяется). Отчего же, спрашивается, на этот раз давно поднятый вопрос сразу получил движение? сразу был разрешен и проведен не в очередь чрез министерство и Государственный Совет? сразу получил вид законопроекта и сделался законом? Очевидно, была какая-то сила, которая толкала чиновников, которая встряхнула их, поборола их упорное нежелание «привязываться» с новыми требованиями к отечественным фабрикантам. Этой силой были петербургские рабочие и те громадные стачки, которые устроены были ими в 95—96 г.г. и которые сопровождались, благодаря помощи рабочим со стороны социал-демократов (в виде «Союза борьбы»), предъявлением определенных требований к правительству и распространением среди рабочих социалистических прокламаций и листков. Правительство поняло, что никакая полицейская травля не сломит рабочих масс, сознавших свои интересы, объединившихся для борьбы и руководимых партией социал-демократов, защищающих рабочее дело. Правительство вынуждено было пойти на уступки. Новый фабричный закон точно так же *вынужден* рабочими у правительства, точно так же *отвоеван* рабочими у их злейшего врага, как и изданный 11 лет тому назад закон 3 июня 1886 г. о правилах внутреннего распорядка, о штрафах, о расценке и т. д. Тогда борьба рабочих проявилась всего сильнее в Московской и Владимирской губерниях. Проявилась она тоже массой стачек, рабочие тоже предъявляли тогда прямые и точные требования к правительству, и во время знаменитой Морозовской стачки из толпы рабочих были переданы инспектору условия, составленные самими рабочими. В этих условиях говорится, напр., о том, что рабочие требуют сокращения штрафов. Изданный вскоре после этого закон 3 июня 1886 г. прямо

отвечал на эти требования рабочих и содержал в себе правила о штрафах *).

Так и теперь. Рабочие требовали в 1896 году сокращения рабочего дня, поддерживали свое требование громадными стачками. Правительство *отвечает* теперь на требование изданием закона о сокращении рабочего дня. Тогда, в 1886 году, правительство уступило рабочим под давлением рабочих восстаний и старалось свести уступки к наименьшим размерам, старалось оставить лазейки фабрикантам, задержать введение новых правил, оттянуть у рабочих, что только можно из их требований. Теперь, в 1897 году, правительство уступает точно так же только давлению рабочих восстаний и точно так же стремится всеми силами уменьшить уступки рабочим, стремится *выторговать*, оттянуть часик-другой, увеличивая даже тот рабочий день, который предложен фабрикантами, стремится оттягать в пользу фабрикантов несколько больше праздников, не вводя их в число дней обязательного отдыха, стремится затянуть введение новых порядков, откладывая главные правила до будущих распоряжений министров. Законы 3 июня 1886 г. и 2 июня 1897 года, эти главные фабричные законы в России, оба являются таким образом вынужденной уступкой, отвоеванной русскими рабочими у полицейского правительства. Оба они показывают, *как* относится русское правительство к самым законным требованиям рабочих.

II.

ЧТО СЛЕДУЕТ СЧИТАТЬ РАБОЧИМ ВРЕМЕНЕМ?

Рассмотрим подробно закон 2 июня 1897 г. **). Как мы уже сказали, новый закон, во-1-х, ограничивает рабочий день для всех рабочих; во-2-х, устанавливает обязательный воскресный и праздничный отдых. Прежде чем постановлять правила о количестве рабочего времени, закон должен определить, что собственно следует понимать под рабочим временем. Новый закон постановляет после этого такое правило: «Рабочим временем или числом рабочих часов в сутки для каждого рабочего считается то время, в течение которого, согласно договору найма, рабочий обязан находиться в помещении заведения и в распоряжении заведывающего оным для исполнения работы». Итак, все то время, когда рабочий по расписанию или по требованию управляющего находится в фабрике, должно считаться рабочим временем.

---

*) См. об этом брошюру «О штрафах» (см. I том Сочинений. *Ред.*).
**) Вводится он в действие с ноября 1898 г.

Занят ли рабочий в это время своей настоящей или обыкновенной работой, или управляющий заставляет его работать что-либо другое, или даже заставляет его просто *ждать*, — это безразлично: все время, проведенное рабочим на фабрике, должно считаться рабочим временем. Например, на некоторых фабриках после звонка в субботу рабочие чистят машины; по закону, чистка машин должна тоже считаться *частью рабочего времени*. Следовательно, если фабрикант ничего не платит рабочему за чистку машин, то это значит, что фабрикант *даром пользуется рабочим временем нанятого рабочего*. Если фабрикант, нанявши рабочего по сдельной плате, заставляет его ждать или отвлекает его от работы каким-нибудь сторонним делом без особой платы за это дело (всякий рабочий знает, что это случается нередко), то это значит, что фабрикант *даром пользуется рабочим временем* нанятого работника. Рабочим следует запомнить это определение рабочего времени в новом законе и, опираясь на него, давать отпор всякой попытке дарового употребления хозяином рабочей силы. Понятно, что такое определение рабочего времени должно вытекать само собой из договора найма: иному рабочему покажется, что это так ясно, что тут и говорить не о чем. Но правительство, прислуживаясь к капиталистам, нарочно затемняет многое такое, что для каждого рабочего само собой ясно. Так и тут правительство постаралось дать маленькую лазейку господам фабрикантам. В законе сказано, что рабочим временем считается то время, в течение которого рабочий *по договору найма обязан* находиться на фабрике. А как быть в таком случае, когда в договоре найма ничего не сказано об обязанностях рабочего находиться столько-то часов в день на фабрике? Бывает ведь нередко, напр., на механических заводах, что договор рабочих с хозяином состоит только в том, что рабочие берутся за такую-то плату производить такую-то вещь (какую-нибудь принадлежность машины, известное число винтов или гаек и т. п.), а о времени, которое рабочий должен употребить на работу, *не говорится ничего*. Применим ли в таком случае новый закон о числе рабочих часов в сутки? По здравому смыслу, конечно, применим, ведь рабочий работает на фабрике, — как же не считать это рабочим временем. Но «здравый смысл» у гг. капиталистов и поддерживающего их правительства совсем особый. По букве выписанной нами статьи, к таким случаям легко могут не применить закон о сокращении рабочего времени. Сошлется фабрикант на то, что в договоре он не *обязывал* рабочего находиться на фабрике — и баста. А так как не всякий фабрикант такой искусный кляузник, чтобы заметить эту уловку, то чиновники министерства финансов поспешили заранее указать всероссийскому купечеству на эту полезную для них дырочку в новом законе. Министерство финансов давно уже издает особую газетку:

«Вестник Финансов, Промышленности и Торговли»,— одну из тех официальных газет, которые, сверх объявления распоряжений правительства, стараются восхвалять успехи русских капиталистов и превозносить заботы правительства о кошельке банкиров, фабрикантов, купцов и землевладельцев под флагом забот о народе. Вскоре после выхода нового закона, эта газетка поместила статью о новом законе (№ 26 «Вестника Финансов» за 1897 г.)[21]), подробно разъясняющую его значение и доказывающую, что роль именно правительства заботиться о здоровьи рабочих. Вот в этой-то статье чиновники и постарались указать фабрикантам на возможность лазейки в обход нового закона. В этой статье прямо разъясняется, что новый закон нельзя будет применить к тем случаям, когда в договоре не сказано ничего о рабочем времени, ибо при подряде рабочего на определенную работу *«он является уже не нанимаемым рабочим, а лицом, принимающим заказ»*. Фабриканту, значит, не очень трудно избавиться от неприятного закона: стоит только назвать рабочего не рабочим, а «лицом, принимающим заказ»! Вместо того, чтобы сказать, что рабочим временем считается время, в течение которого *рабочий находится на фабрике* в распоряжении хозяина, закон, следовательно, *намеренно* выразился менее точно, сказав о том времени, в течение которого рабочий *по договору обязан* находиться на фабрике. Казалось бы, что это все равно, но на самом деле и тут не побрезговали пустить в ход умышленную неясность в ущерб рабочим!

III.

НА СКОЛЬКО СОКРАЩАЕТ РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ НОВЫЙ ЗАКОН?

Рабочее время, при дневной работе, ограничено законом 2-го июня 1897 г. $11^1/_2$ ч. в сутки. По субботам же и в кануны праздников — 10-ью часами в сутки. Сокращение рабочего дня, по новому закону, следовательно, самое ничтожное. Есть не мало рабочих, и в Петербурге их, вероятно, даже большинство — для которых такой закон не приносит *никакого сокращения* рабочего времени и скорее даже грозит удлинением его. На С.-Петербургских заводах обычное рабочее время 10 — $10^1/_2$ часов. Установление законом такого непомерно длинного рабочего дня ясно показывает, что этот закон был ответом на требования петербургских рабочих на бумаго-прядильных и бумаго-ткацких фабриках. *Для этих* рабочих новый закон, может быть, дает сокращение рабочего дня, ибо они работали большей частью 12—14 часов в день. (Мы ниже объясним, почему мы говорим «может быть».) 10-тичасовый рабочий день назначен по закону для ремесленников и установлен для заводов, находящихся в ведении военного

министерства. Правительство решило, однако, что фабричных рабочих можно еще заставить работать больше! Даже петербургские фабриканты ходатайствовали перед правительством о сокращении рабочего дня до 11 часов! Правительство решило накинуть еще полчасика в угоду московским фабрикантам, которые заставляют рабочих работать в две смены круглые сутки и которых рабочие еще недостаточно проучили, как видно. Русское правительство, хвастливо заявляющее о своей заботливости к рабочим, оказалось на деле прижимистым, как мелкий торгаш. Оно оказалось более прижимистым, чем сами фабриканты, выбивающие с рабочих лишние тысячи из каждого лишнего получасика работы. На этом примере рабочие ясно могут видеть, как правительство не только защищает интересы фабрикантов, но притом интересы *худших* фабрикантов; как правительство является гораздо более злым врагом рабочих, чем класс капиталистов. Петербургские рабочие добились бы *более короткого рабочего дня* и для себя и для всех русских рабочих, если бы *не помешало правительство.* Объединенные рабочие принудили фабрикантов к уступкам; петербургские фабриканты готовы были удовлетворить рабочие требования; правительство запрещает фабрикантам уступать, чтобы не подать примера рабочим. Затем большинство фабрикантов в Петербурге убеждается в необходимости уступить рабочим и обращается к правительству с ходатайством о сокращении рабочего дня до 11 часов. Правительство защищает, однако, интересы не одних петербургских, но всероссийских фабрикантов, и так как на святой Руси есть фабриканты гораздо более прижимистые, чем петербургские, то поэтому правительство, желая быть «справедливым», не может дозволить, чтобы петербургские фабриканты *слишком мало* грабили своих рабочих: петербургские фабриканты не должны очень забегать вперед перед остальными русскими фабрикантами; и правительство накидывает полчасика к тому рабочему дню, за который ходатайствовали капиталисты. Очевидно, что из такого поведения правительства для рабочих вытекает три урока:

Первый урок: передовые русские рабочие должны изо всех сил стараться втянуть в движение более отсталых работников. Не втягивая в борьбу за рабочее дело всей массы русских рабочих, передовые, столичные рабочие немногого добьются, даже если принудят к уступкам *своих* фабрикантов, ибо правительство отличается такой высокой степенью «справедливости», что не позволяет лучшим фабрикантам делать существенные уступки рабочим. Второй урок: русское правительство гораздо более злой враг русских рабочих, чем русские фабриканты, ибо правительство не только защищает интересы фабрикантов, не только прибегает для этой защиты к зверской травле рабочих, к арестам, высылкам, к нападениям с войском на безоружных рабочих, но, сверх того,

оно защищает интересы *самых прижимистых* фабрикантов, восставая против стремления лучших фабрикантов уступать рабочим. Третий урок: для того, чтобы завоевать себе *человеческие* условия работы и добиться 8-мичасового рабочего дня, к которому стремятся теперь рабочие всего мира, русские рабочие должны полагаться только на силу своего объединения и неуклонно отвоевывать у правительства уступку за уступкой. Правительство словно торгуется с рабочими, пробуя, нельзя ли набавить еще полчасика — рабочие покажут ему, что они умеют стоять на своих требованиях. Правительство точно испытывает терпение рабочих: нельзя ли, дескать, отделаться уступочкой подешевле — рабочие покажут ему, что у них хватит терпения на самую упорную борьбу, ибо это для них — борьба за свою жизнь, борьба против полного принижения и угнетения рабочего народа.

IV.

ЧТО СЧИТАЕТ ЗАКОН «НОЧНЫМ ВРЕМЕНЕМ» ДЛЯ РАБОЧИХ?

«Ночным временем считается: при работе одной сменой — время между 9 час. вечера и 5 час. утра, а при работе двумя и более сменами — время между 10 часами вечера и 4 часами утра». Так гласит новый закон. «Ночь» для черного народа, который должен всю жизнь работать для других, и «ночь» для чистых господ, которые могут жить чужим трудом — это по «закону» совсем различные вещи. И в С.-Петербурге, и в Москве в 4 час. утра бо́льшую часть года еще совсем темно, совсем ночь. Но русский закон постановляет, что рабочий должен сообразоваться всю жизнь с интересами капитала, рабочий должен верить, что в пятом часу *обязательно* начинается день, хотя бы до восхода солнца оставалось еще несколько часов. А ведь если рабочий живет не на фабрике, то ему придется вставать в *три* часа, а, может быть, и раньше, чтобы поспеть к четырем на фабрику! Для петербургских чиновников «день» начинается с 12 часов дня, даже с 1 часу, но ведь чиновники — это совсем особые люди... Кончается «день» для рабочих только в 10 часов вечера и, выходя с фабрики на совершенно темную улицу, рабочий не должен смущаться этой темнотой: он должен помнить и верить, что только-только кончился «день», ибо так постановляет закон. Почему бы уж не постановить в законе, что «день» для рабочего начинается тогда, когда фабричный свисток зовет его на фабрику, и кончается тогда, когда тот же свисток зовет другую смену — ведь это было бы откровеннее и справедливее! В Швейцарии уже есть закон о том, что следует считать ночным временем для рабочего, но где же

швейцарцам додуматься до всех хитростей русских полицейских чиновников: у этих страшных швейцарцев для рабочего человека «ночь» оказывается такая же, как и для остальных людей, именно с 8 часов вечера до 5 (или до 6) час. утра. Единственное ограничение «ночной работы» в новом законе состоит в том, что рабочие, занятые хотя бы отчасти ночью, не должны работать более 10 часов в сутки. И только. Запрещения ночных работ в законе нет. Закон и в этом отношении остался позади *ходатайств* петербургских фабрикантов, которые 14 лет тому назад (1883 г.) ходатайствовали о запрещении ночной работы взрослым рабочим. Петербургские рабочие и в этом отношении добились бы, следовательно, бо́льшего от фабрикантов, *если бы не помешало правительство,* которое вступилось за интересы наиболее отсталых русских фабрикантов. Правительство не послушалось петербургских фабрикантов, ибо не желало обидеть московских фабрикантов, которые большею частью заставляют рабочих работать по ночам. Свое прислужничанье интересам *худших* фабрикантов правительство постаралось, как водится, прикрыть лживыми фразами и уверениями. «Вестник Финансов», издаваемый министерством финансов, в объяснительной статье по поводу нового закона, указал, что в других государствах (напр., Франции) ночная работа воспрещена. Но в нашем законе нельзя было, по его словам, этого сделать. «Ограничение суточной работы заведения не всегда возможно: есть целый ряд производств, требующих, по своим свойствам, непрерывности».

Очевидно, что это совсем пустая отговорка. Ведь речь идет не о тех особых производствах, которые требуют непрерывности, а о всех производствах вообще. Непрерывность и по теперешнему закону невозможна при 2-х сменах, без сверхурочной работы, так как дневная работа определена в $11^1/_2$ часов, а ночная в 10 часов, вместе $21^1/_2$ ч. Поэтому насчет производств, требующих непрерывности, все равно в новом законе предусмотрены исключения (т.-е. особые министерские правила, о которых мы скажем ниже). Значит, ровно никакой «невозможности» запретить ночные работы не было. Мы уже сказали, что правительство хочет выставить себя заботящимся о здоровьи рабочих; вот как говорит министерство финансов о ночной работе: «Ночные работы, бесспорно, более утомительны, вредны для здоровья и вообще менее естественны, нежели работы при дневном свете; вред этой работы тем больше, чем она продолжительнее и постояннее. Казалось бы, что, ввиду вредности ночных работ, лучше всего запретить их и взрослым рабочим (как это воспрещается женщинам и подросткам обоего пола в некоторых производствах, а малолетним безусловно), но для этого нет никаких оснований даже с точки

зрения общего благосостояния рабочего; умеренный ночной труд безвреднее для него, нежели слишком продолжительная, но одинаково оплачиваемая дневная работа». Вот как хорошо умеют отводить глаза народу чиновники русского правительства! Даже защита интересов худших из фабрикантов выставляется заботой о «благосостоянии рабочего». И как бесстыдно то оправдание, которое придумано министерством: «умеренный ночной труд», изволите видеть, «безвреднее, чем слишком продолжительная, но оплачиваемая одинаково, дневная работа». Министерство хочет сказать, что рабочего вынуждает идти на ночную работу низкая заработная плата, такая низкая плата, при которой *рабочему* нельзя обойтись без непомерно длинной работы. И вот министерство, уверенное, что это всегда так останется, что рабочему не добиться лучшей платы, цинично объявляет: если рабочему приходится работать безобразно долго, чтобы прокормить семью, то не все ли ему равно уж, днем работать лишние часы или ночью? Конечно, если останутся прежние нищенские заработки у большинства русских рабочих, то нужда заставит их работать лишние часы, но какое же нахальство нужно, чтобы объяснять разрешение ночной работы забитым положением рабочего! «Оплачиваться труд будет одинаково» — вот в чем суть для прислужников капитала, — «а при теперешней оплате труда рабочему не обойтись без лишних часов». И подобные чиновники, сочиняющие кулацкие доводы для прижимистых фабрикантов, смеют еще говорить о «точке зрения общего благосостояния рабочего». Не напрасно ли только они надеются на то, что рабочий всегда будет таким забитым? всегда станет соглашаться на «одинаковую оплату», именно прежнюю нищенскую оплату его труда? Низкая плата и длинный рабочий день всегда идут рядом и одно без другого невозможно. Если плата низка, то рабочему необходимо придется работать лишние часы, работать и по ночам, чтобы выработать себе на прокормление. Если рабочее время непомерно длинно, то плата всегда будет низка, потому что при длинном рабочем времени рабочий вырабатывает в каждый час изделий меньше и гораздо хуже, чем при коротком рабочем дне; — потому что рабочий, задавленный непомерной работой, всегда будет оставаться забитым и бессильным против гнета капитала. Поэтому, если министерство русских фабрикантов предполагает сохранение в неизменности теперешней безобразно низкой заработной платы русских рабочих и в то же время толкует о «благосостоянии рабочих», — то это яснее ясного показывает лицемерие и ложь его фраз.

V.

КАК ДОКАЗЫВАЕТ МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ, ЧТО ОГРАНИЧИТЬ СВЕРХУРОЧНЫЕ РАБОТЫ БЫЛО БЫ «НЕСПРАВЕДЛИВО» ПО ОТНОШЕНИЮ К РАБОЧЕМУ?

Мы назвали новый закон законом о сокращении рабочего дня. Мы говорили выше, что новый закон ограничил рабочий день 11-ю с половиною часами (10 часов при ночной работе). Но все это на деле обстоит не так, а гораздо хуже. Закон постановляет все ограничения только относительно обычной, нормальной, урочной работы, не касаясь работы *сверхурочной*. На деле поэтому фабрикант *нисколько не стеснен* в своем «праве» заставлять рабочих работать бесконечно долгое время, хотя бы по 24 часа в сутки. Вот как говорит закон о сверхурочных работах: «Сверхурочною считается работа, производимая рабочим в промышленном заведении в такое время, когда по правилам внутреннего распорядка ему не полагается работы. Сверхурочная работа допускается не иначе, как по особому соглашению заведующего промышленным заведением с рабочим. В договор найма могут быть включены условия только о таких сверхурочных работах, которые оказываются необходимыми по техническим условиям производства». Это — чрезвычайно важная статья в новом законе и вся она направлена целиком против рабочих и дает полный простор произволу фабриканта. До сих пор сверхурочные работы велись по обычаю; закон о них не говорил. Теперь правительство *узаконило* эти сверхурочные работы. Добавление закона, что для этих работ требуется «особое соглашение» рабочего с хозяином, есть пустая и совершенно бессмысленная фраза. Все работы производятся рабочими «по соглашению» с хозяевами; рабочие ведь не крепостные (хотя очень многие из русских чиновников и желали бы всеми силами превратить их в крепостных); они работают по найму, т.-е. по соглашению. Не к чему было и говорить, что для сверхурочных работ требуется соглашение. Правительство вставило в закон эту пустую фразу, чтобы сделать вид, будто оно хочет ограничить сверхурочные работы. На самом же деле тут нет ровно никакого ограничения их; как прежде хозяин говорил рабочему: «хочешь — работай сверх срока; не хочешь — получай расчет!», так и теперь будет говорить. Только до сих пор это делалось по обычаю, а теперь будет делаться на основании *закона*. Прежде фабрикант, рассчитывая рабочего за несогласие на сверхурочные работы, не мог опереться на закон, а теперь закон прямо подсказывает ему, как он может теснить рабочих. Вместо ограничения сверхурочных работ, эта статья закона легко

может привести к еще большему употреблению их. Закон дает даже право хозяину включать в договор требование сверхурочных работ, когда эти работы «необходимы по техническим условиям производства». Оговорка эта нисколько не стеснит фабриканта. Как разобрать, какие работы «необходимы по техническим условиям производства», какие — не необходимы? Кто будет это разбирать? Как можно опровергнуть заявление хозяина, который говорит, что работа, на которую он поставил рабочего сверх урока, «необходима по техническим условиям производства»? Никто этого разбирать не будет, проверить заявление хозяина некому. Закон только *укрепил* произвол хозяев, подсказав им *особо надежный* способ притеснять рабочих.

Теперь, стоит только хозяину внести в условия договора правило, что рабочий не вправе отказываться от сверхурочной работы, «необходимой по техническим условиям производства», и дело фабриканта в шляпе! Попробует рабочий не пойти на сверхурочную работу, — его прогонят. А там (подумает фабрикант) пусть находится рабочий, который станет доказывать, что эта работа не была «необходима по техническим условиям производства»! Смешно и представить себе возможность подобной жалобы со стороны рабочего. Нечего и говорить, что никогда таких жалоб не будет и никогда бы они ни к чему не повели. Таким образом, правительство вполне узаконило произвол фабрикантов по отношению к сверхурочной работе. До какой степени торопится министерство финансов прислужить фабрикантам и научить их пользоваться пошире сверхурочными работами, прикрываясь новыми законами, — это особенно видно из следующего рассуждения «Вестника Финансов»: «Сверхурочные работы необходимы также при срочных заказах, которых вовсе не может предвидеть фабрикант или заводчик *) в производствах, приуроченных к определенным, кратким периодам времени, если для владельца заведения невозможно или затруднительно увеличить число рабочих».

Видите, как успешно «толкуют» закон ретивые лакеи фабрикантов, сидящие в министерстве финансов! В законе говорится только о сверхурочных работах, необходимых по техническим условиям, а министерство финансов спешит признать «необходимыми» сверхурочные работы и по условиям «непредвиденных» (?!) заказов и даже при «затруднительности» для фабриканта увеличить число рабочих! Это уж просто какое-то издевательство над рабочими! Ведь всякий ловкий фабрикант *всегда* может сказать,

*) Старая песенка! Каждый год русские фабрики — особенно центрального района — получают перед нижегородской ярмаркой срочные заказы, и каждый год они торжественно уверяют всех дураков, которые им верят или притворяются верующими, что они не могли предвидеть этого!..

что ему «затруднительно». Увеличить число рабочих — значит, нанять новых, — значит, уменьшить число толпящихся у ворот безработных, — значит, уменьшить соперничество между рабочими, сделать рабочих более требовательными, согласиться, пожалуй, на более высокую плату. Само собой разумеется, что нет ни одного фабриканта, который бы не нашел это для себя «затруднительным». Подобный произвол фабриканта в назначении сверхурочной работы уничтожает всякое значение закона о сокращении рабочего дня. Никакого сокращения для целой массы рабочих не произойдет, ибо они попрежнему будут работать по 15—18 часов и более, оставаясь на фабрике и по ночам для сверхурочной работы. Нелепость закона о сокращении рабочего дня без запрещения (или, по крайней мере, ограничения) сверхурочных работ до того очевидна, что во всех предварительных проектах закона было предположено ограничить сверхурочные работы. С.-петербургские фабриканты (сами фабриканты!) еще в 1883 г. ходатайствовали о том, чтобы ограничить сверхурочные работы *одним часом* в день. Когда правительство, напуганное петербургскими стачками 1895—96 г.г., назначило немедленно комиссию для составления закона о сокращении рабочего дня, то эта комиссия предложила тоже ограничить сверхурочные работы, именно 120-ью часами сверхурочной работы в году*). Откинув все предположения о каком бы то ни было ограничении сверхурочной работы, правительство прямо взяло на себя этим поступком защиту интересов худших фабрикантов, прямо узаконило полное подчинение рабочих и с полной ясностию выразило свое намерение оставить все по-старому, отделавшись ничего не говорящими фразами. Министерство финансов, распинаясь за интересы фабрикантов, дошло до того, что принялось доказывать, будто бы ограничить сверхурочные работы было бы «несправедливо по отношению к самому рабочему». Вот эти рассуждения, над которыми полезно подумать каждому рабочему. «Лишение рабочего права работать на фабрике свыше определенного числа часов в сутки было бы трудно осуществимо на практике» (почему? потому что фабричные инспектора прескверно исполняют свои обязанности, боясь пуще огня обидеть гг. фабрикантов? потому что при бесправии и безгласности русского рабочего все реформы в его пользу трудно осуществимы? Министерство финансов, само того не ведая, сказало правду: действительно, покуда русские рабочие, как и весь русский народ, остаются бесправными перед полицейским правительством, покуда они не имеют политических прав, — никакие реформы не будут действительны)... «и являлось

*) Даже само министерство финансов, объясняя новый закон, не могло не признать, что «допущение сверхурочной работы является как бы неуместным» («В. Ф.»).

бы несправедливым по отношению к рабочему: нельзя преследовать человека за то, что он изыскивает средства к существованию, напрягает свои силы иногда даже свыше того предела, за которым его труд может оказаться вредным для здоровья». Вот как гуманно и человеколюбиво русское правительство! Кланяйся и благодари, русский рабочий! Правительство так милостиво, что «не лишает» тебя «права» работать хоть по 18, хоть по 24 ч. в сутки, правительство так справедливо, что не хочет тебя преследовать за то, что фабрикант заставляет тебя надрываться над работой! Во всех других странах *преследуют* за работу на фабрике сверх указанного срока не рабочего, а фабриканта... наши чиновники позабыли об этом. Да и как могут русские чиновники решиться *преследовать* гг. фабрикантов! Помилуйте, как это возможно! Мы сейчас увидим, что даже за нарушения всего этого нового закона гг. фабрикантов не будут преследовать. Во всех других странах рабочие имеют право для «изыскания средств к существованию» устраивать союзы, кассы, открыто сопротивляться фабриканту, предлагать ему свои условия, устраивать стачки. У нас этого не полагается. Но зато у нас рабочим даровано «право» работать «свыше» какого угодно числа часов в сутки. Отчего же не добавили эти гуманные чиновники, что справедливое правительство «не лишает» также русских рабочих «права» попасть в тюрьму без суда или быть избитым любым полицейским башибузуком за всякую попытку отстоять себя от гнета капиталистов.

VI.

КАКИЕ ПРАВА ДАЕТ НОВЫЙ ЗАКОН МИНИСТРАМ?

Мы показали выше, что по самым существенным пунктам новый закон не установил никаких общеобязательных, точных и неизменных правил: правительство предпочло предоставить побольше прав администрации (именно министрам), чтобы они могли вводить всякие постановления и льготы для фабрикантов, могли тормозить применение нового закона и т. д. Права, которые дает новый закон министрам, чрезвычайно широки и велики. Министрам (именно министру финансов или министру путей сообщения и т. п. по соглашению с министром внутренних дел) «предоставлено» издавать подробные правила о применении нового закона. На полное усмотрение министров предоставлена целая масса вопросов, касающихся всех статей нового закона во *всех* и *всяческих* отношениях. Права министров так велики, что они в сущности являются полными распорядителями нового закона; хотят — издают такие правила, чтобы закон действительно применялся; хотят — делают так, что закон никакого почти применения не получит. В самом деле, посмотрите, какие именно пра-

вила могут издавать министры «в развитие настоящего узаконения» (так выражается закон; мы уже видели, как остроумно умеет «развивать» закон министерство финансов — так разовьет, что рабочим же приходится, по его мнению, благодарить правительство за то, что оно не преследует их за чрезмерную работу и не «лишает их права» работать хоть по 24 часа в сутки). Мы перечислили бы все разряды этих правил, если бы это было возможно, но дело в том, что кроме указанных в законе вопросов, подлежащих разрешению в министерских правилах, закон дает им право издавать и *другие правила*, без всякого ограничения. Министрам предоставлено издавать правила о продолжительности работы. Значит, закон о продолжительности работы одно дело, а там еще будут министерские правила о том же. Министры могут издавать правила о порядке смен, а могут, конечно, и не издавать, чтобы не стеснять фабрикантов. Министрам предоставлено издавать правила о числе комплектов (т.-е. о числе смен, о том, сколько смен может быть в сутки); о перерывах и т. п. Это *закон* добавляет: и т. п. *(и тому подобные)*, т.-е. что хотите, то и издавайте. Не захотят министры — не будет никаких правил о перерывах, и фабриканты будут так же, как теперь, притеснять рабочих, не давая им возможности сходить домой пообедать или матерям — накормить детей. Министрам предоставлено издавать правила о сверхурочных работах, именно: об их производстве, об их распределении и об их учете. Министры, следовательно, имеют тут полный простор. Министры могут прямо *изменять* требования закона, т.-е. и усиливать их и *уменьшать* (закон нарочно оговорил именно право министров уменьшать требования нового закона относительно фабрикантов) в трех случаях: во-1-х, «когда сие будет признано необходимым по свойству производства (непрерывность и проч.)». Это «и прочее» опять добавляет закон, давая министрам право ссылаться на какие угодно «свойства производства». Во-2-х, «по свойству работ (уход за паровыми котлами, приводами, ремонт текущий и экстренный и т. п.)». Опять-таки «и тому подобные»! В-3-х, «и в других особо важных исключительных случаях». Затем министры могут определять, какие производства особенно вредны для здоровья рабочих (а могут и не определять: закон их не обязывает это сделать, а только предоставляет им право..., хотя это право они и раньше имели, но не желали им пользоваться!) и издавать для этих производств особые правила. Рабочие видят теперь, почему мы сказали, что нельзя перечислить те вопросы, разрешить которые предоставлено министрам: в законе везде наставлено здесь: «и т. п.» да «и пр.». Русские законы можно вообще разделить на два разряда: одни законы, которыми предоставлены какие-нибудь права рабочим и простому народу вообще, другие законы, которые запрещают что-либо и позво-

ляют чиновникам запрещать. В первых законах все, самые мелкие права рабочих *перечислены с полной точностью* (даже, напр., право рабочих не являться на работу по уважительным причинам) и *ни малейших* отступлений не полагается под страхом самых свирепых кар. В таких законах никогда уже вы не встретите ни одного «и т. п.» или «и пр.». В законах второго рода *всегда* даются только общие запрещения *без всякого точного перечисления,* так что администрация может запретить *все, что ей угодно;* в этих законах всегда есть маленькие, но очень важные добавления: «и т. п.», «и пр.». Такие словечки наглядно показывают всевластие русских чиновников, полное бесправие народа перед ними; бессмысленность и дикость той поганой канцелярщины и волокиты, которая пронизывает насквозь все учреждения императорского русского правительства. Любой закон, от которого может быть хоть крупица пользы, всегда опутывается до такой степени этой канцелярщиной, что применение закона бесконечно затягивается; и мало того: применение закона оставляется на полное усмотрение чиновников, которые, как всякий знает, готовы от души «услужить» всякой набитой мошне и напакостить, как только возможно, простому народу. Ведь все эти правила «в развитие настоящего узаконения» министрам только предоставлено издавать, т.-е. они могут издать, а могут и не издавать. Закон их ни к чему не обязывает. Закон не назначает срока: могут издать теперь же, а могут и через десять лет. Понятно, что тот перечень *некоторых* правил, которые указаны в законе, теряет при этом всякий смысл и всякое значение: это — пустые слова, только прикрывающие желание правительства обессилить закон в его практическом применении. Громадные права предоставляются нашим министрам почти всяким законом, касающимся рабочего быта. И мы вполне понимаем, почему правительство так делает: оно хочет как можно больше прислужиться гг. фабрикантам. На чиновника, применяющего закон, фабриканту ведь гораздо легче повлиять, чем на самое издание закона. Всякий знает, как легко попадают наши тузы-капиталисты в гостиные гг. министров для приятных бесед друг с другом, как приятельски угощаются они на своих обедах; как любезно подносят продажным чиновникам императорского правительства подачки в десятки и сотни тысяч рублей (делается это и прямо, в виде взяток, и косвенно, в виде предоставления акций «учредителям» обществ или в виде предоставления почетных и доходных мест в этих обществах). Таким образом, чем больше прав предоставит новый закон чиновникам относительно применения этого закона, тем выгоднее и для *чиновников,* и для *фабрикантов*: для чиновников выгода в том, что можно еще хапнуть; для фабрикантов в том, что можно легче добиться льгот и поблажек. Напомним рабочим для примера два случая, показывающих,

к чему приводят на деле эти министерские правила, издаваемые «*в развитие* закона». Закон 3 июня 86 г. постановлял, что штрафы — это деньги рабочих, которые должны расходоваться на их нужды. Министр «развил» этот закон так, что в С.-Петербурге, напр., он не применялся целых 10 лет, а когда стал применяться, то все дело отдали в руки фабриканта, от которого рабочий должен просить свои деньги как подачку. Другой пример. Тот же закон (3 июня 86 г.) постановляет, что расплата должна производиться не реже двух раз в месяц, а министр «развил» этот закон так, что фабриканты имеют право полтора месяца задерживать плату новопоступившему рабочему. Всякий рабочий прекрасно понимает после этого, для чего и на этот раз предоставлено министрам право «развивать» закон. Фабриканты тоже это прекрасно понимают и уже пустили в ход свои средства. Мы видели выше, что министрам «предоставлено» издавать правила о сверхурочных работах. Фабриканты уже начали давить на правительство, чтобы оно *не ограничивало* сверхурочной работы. Газета «Московские Ведомости», которая так ретиво защищает всегда интересы худших фабрикантов, так настойчиво подуськивает правительство на самые зверские и жестокие поступки и которая пользуется таким громадным влиянием «в высших сферах» (т.-е. в среде высших чиновников, министров и т. п.), — эта газета открыла уже целый поход, настаивая на том, что не следует ограничивать сверхурочной работы. У фабрикантов есть тысячи способов давить на правительство: у них есть свои общества и учреждения, фабриканты заседают во многих правительственных комиссиях и коллегиях (напр., фабричном присутствии и т. п.), фабриканты имеют лично доступ к министрам, фабриканты могут сколько угодно печатать о своих желаниях и требованиях, а печать имеет громадное значение в настоящее время. У рабочих же нет *никаких* законных средств давить на правительство. Рабочим остается только одно: соединяться вместе, распространять сознание своих интересов, как одного класса, среди всех рабочих и давать соединенными силами отпор правительству и фабрикантам. Всякий рабочий видит теперь, что применение нового закона целиком зависит от того, кто сильнее будет давить на правительство: фабриканты или рабочие. Только борьбой, сознательной и стойкой борьбой добились рабочие *издания* этого закона. Только борьбой могут они добиться того, чтобы этот закон действительно применялся и применялся в интересах рабочих. Без упорной борьбы, без стойкого отпора объединенных рабочих каждому притязанию фабрикантов, новый закон остается пустой бумажкой, одной из тех нарядных и лживых вывесок, которыми наше правительство старается подкрасить прогнившее насквозь здание полицейского произвола, бесправия и угнетения рабочих.

VII.

КАК НАШЕ «ХРИСТИАНСКОЕ» ПРАВИТЕЛЬСТВО УРЕЗЫВАЕТ ПРАЗДНИКИ ДЛЯ РАБОЧИХ.

Кроме правила о рабочем времени новый закон содержит также правило об обязательном воскресном и праздничном отдыхе фабричных и заводских рабочих. Пресмыкающиеся писаки, которых так много среди русских газетчиков и журналистов, поспешили уже восхвалить за это правило превыше небес наше правительство и его гуманность. Мы увидим сейчас, что на деле этот гуманный закон стремится *урезать* праздники для рабочих. Но сначала рассмотрим общие правила о воскресном и праздничном отдыхе. Заметим прежде всего, что об установлении воскресного и праздничного отдыха законом ходатайствовали петербургские фабриканты 14 лет тому назад (в 1883 г.). Значит, русское правительство и тут только тормозило и тянуло дело, *сопротивляясь* реформе, доколе было возможно. По закону, в расписание праздников, в которые не полагается работы, обязательно включаются все воскресенья и затем еще 14 праздников, о которых мы еще будем говорить подробно ниже. Работу в праздник закон запрещает не безусловно, но допущение ее ограничено следующими условиями: необходимо, во-1-х, «взаимное соглашение» фабриканта и рабочих; во-2-х, работа в праздничный день допускается «взамен буднего»; в-3-х, о состоявшемся соглашении насчет замены праздника будней необходимо сообщить немедленно фабричной инспекции. Таким образом, работа в праздники ни в каком случае не должна, по закону, уменьшить число дней отдыха, ибо фабрикант обязан заменить рабочий праздник нерабочим буднем. Рабочим следует всегда иметь это в виду, а также то, что закон требует для такой замены взаимного соглашения фабриканта и рабочих. Значит, рабочие всегда могут на вполне законном основании *отказаться* от такой замены, и фабрикант их принуждать *не вправе*. На деле, конечно, фабрикант и тут будет принуждать рабочих посредством такого приема: они станут спрашивать рабочих по одиночке об их согласии, и каждый рабочий побоится отказаться, опасаясь, как бы несогласного не рассчитали; такой прием фабриканта будет, конечно, незаконен, ибо закон требует *соглашения рабочих*, т.-е. всех рабочих вместе. Но каким же образом могут все рабочие одного завода (их иногда несколько сот, даже тысяч, разбросанных по многим местам) заявить о своем общем согласии? Закон этого не указал и этим опять-таки дал в руки фабриканта средство прижать рабочих. Чтобы не допустить такой прижимки, у рабочих есть одно средство: требовать в каждом таком случае выбора депутатов от рабочих

для передачи хозяину *общего* решения всех рабочих. Такое требование рабочие могут основывать на законе, ибо закон говорит о соглашении всех *рабочих,* а все рабочие не могут же говорить сразу с хозяином. Учреждение выборных депутатов от рабочих будет для них, вообще, очень полезно и пригодится для всяких других сношений с фабрикантом и с конторой, так как отдельному рабочему очень трудно и часто даже вовсе невозможно заявлять требования, претензии и т. п. Далее, про рабочих «инославных исповеданий» закон говорит, что для них «разрешается» не вносить в список праздников те дни, которые не чтутся их церковью. Но ведь зато есть другие праздники, которые чтутся католиками и которых нет у православных. Закон об этом умолчал, попытавшись, следовательно, несколько прижать неправославных рабочих. Еще сильнее прижимка рабочих не-христиан: для них, по закону, «допускается» вносить в праздники другие дни недели вместо воскресенья. Только «допускается»! Наше христианское правительство так дико травит лиц, не принадлежащих к господствующей религии, что возможна, пожалуй, и здесь попытка притеснить не-христиан посредством неясности закона. Закон же выразился тут очень темно. Надо понимать его так, что один день в неделе обязательно должен быть днем отдыха и допускается лишь замена воскресенья другим днем. Но и «господствующая» религия дает поблажку только «господам», а для рабочего человека она тоже не упустит случая придумать всякую каверзу. Посмотрим-ка, *какие праздники* требует закон вносить обязательно в расписание. Хорошо ведь это говорить об установлении воскресного и праздничного отдыха; на деле и до сих пор рабочие не работали обыкновенно, в большинстве случаев, ни в воскресенья, ни в праздники. Закон может ведь так установить праздничный отдых, что число *обязательных* праздников окажется гораздо ниже *обычных* праздников. *Именно так и сделало в новом законе наше христианское правительство.* Обязательных праздников новый закон установил 66 в году, 52 воскресенья, 8 праздников в числах (1 и 6 января, 25 марта, 6 и 15 августа, 8 сентября, 25 и 26 декабря) и 6 праздников передвижных (пятница и суббота страстной недели, понедельник и вторник пасхи, вознесение и сошествие святого духа). А сколько было до сих пор на наших фабриках *обычных* праздничных дней в году? Точные сведения об этом имеются в нашем распоряжении по Московской и Смоленской губерниям, да и то только для некоторых фабрик. Но так как различия между отдельными фабриками и даже между обеими губерниями очень не велики, то эти сведения вполне пригодны для суждения о настоящем значении нового закона. По Московской губернии сведения собраны были о 47 крупных фабриках, имеющих вместе свыше 20 тысяч рабочих. Оказалось, что для ручных фабрик обычное число праздников

в году 97, а для механических 98. Самое меньшее число праздников в году оказалось 78: эти 78 дней празднуются во всех *без исключения* исследованных фабриках. По Смоленской губернии сведения есть о 15 фабриках, имеющих около 5—6 тысяч рабочих. Среднее число праздников в году — 86, т.-е. почти столько же, сколько и в Московской губернии; самое меньшее число праздников найдено было на одной фабрике с 75 праздниками. Этому *обычному* на русских фабриках числу праздничных дней в году соответствовало и число праздников, установленных в заводах, подчиненных военному ведомству; именно, там установлено 88 праздников в году. Почти столько же дней признается по нашим законам неприсутственными (87 дней в году). Следовательно, *обычное* число праздников в году было до сих пор у рабочих такое же, как и у остальных граждан. Наше «христианское правительство», заботясь о здоровье рабочих, выкинуло из этих обычных праздников четвертую часть, целых 22 дня, оставив только 66 обязательных праздников. Перечислим эти откинутые правительством в новом законе обычные праздники. Из праздников в числах откинуты: 2 февраля — Сретение; 9 мая — Николин день; 29 июня — Петров день; 8 июля — Казанской; 20 июля — Ильин день; 29 августа — Ивана крестителя; 14 сентября — Воздвижение; 1 октября — Покров (даже этот праздник правительство сочло излишним и необязательным. Можно быть уверенным, что из фабрикантов не найдется ни одного, который бы решился заставить рабочих работать в этот день. Правительство и здесь опять-таки защищает интересы и прижимки худших фабрикантов); 21 ноября—Введение во храм; 6 декабря — Николин день. Итого откинуто 10 праздников в числах *). Далее из передвижных праздников откинуты суббота масленой недели и среда последней недели, т.-е. два праздника. Всего, значит, откинуто 12 праздников из *самого меньшего* числа праздников, которые давались до сих пор на отдых рабочим по господствовавшему обычаю. Правительство так любит называть себя «христианским» правительством; обращаясь к рабочим, министры и другие чиновники услащают свою речь фразами о «христианской любви» и «христианских чувствах» фабрикантов к рабочим, правительства к рабочим и т. д. Но как только вместо фраз начинается дело, так все эти лицемерные и ханжеские слова летят к чорту, и правительство превращается в торгаша, стремящегося где только можно оттягать что-нибудь у рабочих. Давным давно сами фабриканты, именно лучшие из них, ходатайствовали об установлении законом воскресного и

*) Мы перечислили только те праздники, которые праздновались до сих пор на *всех* фабриках. Есть и еще много праздников, общих *для громадного большинства* фабрик, напр., запусты, пятница масленой недели, четверг, пятница и суббота пасхальной недели и мног. друг.

праздничного отдыха. Правительство, после 15-тилетней проволочки, издает наконец такой закон, установляет *обязательность* воскресного и праздничного отдыха, но за эту уступку рабочим не упускает случая еще прижать их, выкидывая из числа обязательных праздников четвертую часть обычных праздников. Правительство поступает, следовательно, как настоящий ростовщик: делая одну уступку, оно старается наверстать ее на какой-нибудь другой прижимке. После такого закона очень легко может быть, что на некоторых фабриках хозяева попробуют *уменьшить* число дней отдыха для рабочих, попробуют заставить рабочих работать в те праздники, которые до сих пор праздновались, но не включены законом в число обязательных. Чтобы не допустить ухудшить свое положение, рабочие и в этом отношении должны быть всегда готовы дать отпор всякой попытке уменьшения числа праздников. Закон указывает только обязательные праздники; но рабочие имеют право требовать, кроме них, и других праздников. Необходимо только добиваться, чтобы все праздники были внесены в правила внутреннего распорядка, и не доверять словесным обещаниям. Рабочие только тогда могут быть уверены, что их не заставят работать в праздник, когда этот праздник внесен в правила внутреннего распорядка. Точно так же, как насчет праздников, — новый закон и насчет полупраздников попытался оставить дело попрежнему и даже отчасти ухудшить его. Полупраздник установлен в законе только один — именно канун Рождества: в этот день работы должны быть окончены не позже полудня. Так было и до сих пор на большинстве фабрик, а если на какой-нибудь фабрике и не освобождали рабочих в полдень в сочельник, то давали им по большей части полупраздник в канун какого-нибудь другого большого праздника. Вообще один полупраздник в год был и до сих пор установлен на большинстве фабрик. Затем в субботы и в канун праздников рабочий день ограничен новым законом 10-ью часами, т.-е. на $1^1/_2$ часа меньше обычного рабочего дня. В этом отношении закон тоже не внес улучшения в положение рабочих, и возможно даже, что ухудшил его: до сих пор, *почти на всех фабриках,* работы по субботам оканчивались раньше обыкновенного. Один исследователь, собравший много сведений по этому вопросу и вообще близко ознакомившийся с фабричным бытом, утверждал: в среднем выводе можно безошибочно принять, что по субботам работа заканчивается за 2 часа до урочного времени. Значит, закон и тут не упустил случая, превращая *обычный* отдых в *обязательный,* оттягать за эту уступку у рабочих еще хоть полчасика. Полчасика в каждую неделю, это составит в год (положим 46 рабочих недель) — 23 часа, т.-е. два дня лишней работы на хозяина... Не дурной подарок нашим бедным неимущим фабрикантам! Можно быть уверенным, что эти рыцари денежного мешка не постеснятся принять и такой

подарок и приложат все усилия, чтобы вознаградить себя таким образом за «жертвы», наложенные на них новым законом (как они любят выражаться), и в этом отношении, следовательно, рабочим приходится рассчитывать только на себя, на силу своего объединения. Без упорной борьбы рабочему классу и в этом отношении не дождаться, несмотря на новый закон, улучшения своего положения.

VIII.

ЧЕМ ОБЕСПЕЧЕНО ИСПОЛНЕНИЕ НОВОГО ЗАКОНА?

Чем обеспечивается вообще исполнение законов? Во-1-х, надзором за исполнением закона. Во-2-х, наказанием за неисполнение закона. Посмотрим же, как обстоит дело по отношению к новому фабричному закону. Надзор за исполнением законов поручен фабричным инспекторам. До сих пор правила о надзоре за фабричными заведениями, изданные в 1886 г., распространялись далеко не на всю Россию, а только на некоторые губернии, именно на самые промышленные. Расширение области надзора за фабричными заведениями шло постоянно вслед за расширением рабочего движения и стачек рабочих. Теперь, одновременно с законом о сокращении рабочего дня, издан (того же 2/VI 1897 г.) закон о распространении надзора за фабричными заведениями на всю Россию и все Царство Польское. Это распространение на всю Россию правил о надзоре и учреждение фабричных инспекторов, конечно, есть шаг вперед. Рабочие воспользуются этим, чтобы ознакомить большее число своих товарищей с их положением, с законами о рабочих, с тем, как относится правительство и его чиновники к рабочим и т. д. Подчинение всех русских фабрично-заводских рабочих одинаковым правилам с передовыми рабочими (губерний Петербургской, Московской, Владимирской и т. п. губ.) поможет, конечно, и рабочему движению охватить быстрее всех русских рабочих. Что касается до того, насколько *действителен* надзор за исполнением закона посредством фабричных инспекторов, то мы не будем подробно рассматривать этого. Для этого надо бы написать особую книжку (настолько широк этот предмет) и, может быть, нам удастся в другой раз поговорить с рабочими о фабричной инспекции. Заметим только вкратце, что фабричных инспекторов назначается в России так мало, что они очень редко появляются на фабриках. Фабричные инспектора вполне подчинены министерству финансов, которое превращает их в прислужников фабрикантов, заставляет их доносить полиции о стачках и волнениях, заставляет их преследовать рабочих за уход с фабрики, даже тогда, когда их не преследует фабрикант, одним словом, превращает фабричных инспекторов в каких-то полицейских служителей, в каких-то фабричных урядников. Фабрикант имеет тысячи

способов влиять на фабричных инспекторов и заставлять их делать по своему. У рабочих же нет никаких средств повлиять на фабричную инспекцию, да и не может быть у рабочих таких средств, покуда рабочие не пользуются правами свободно собираться, устраивать союзы, печатать о своих делах, издавать свои рабочие газеты. При отсутствии этих прав никакой надзор чиновников за фабрикантами не может быть и никогда не будет серьезным и действительным. Но одного надзора недостаточно для того, чтобы закон исполнялся. Для этого еще необходимо установить строгие наказания за неисполнение закона. Иначе какой же толк будет от того, что фабричный инспектор укажет фабриканту неправильность его действий? Фабрикант не обратит внимания на это и будет делать по-прежнему. Поэтому при издании нового закона определяют всегда, каким наказаниям подвергается тот, кто его не исполняет. *Но в новом законе 2 июня 1897 года о сокращении рабочего времени и о праздничном отдыхе никакого наказания за неисполнение его не установлено.* Рабочие могут видеть отсюда, как различно относится правительство к фабрикантам и рабочим. Когда издают закон, напр., о том, что рабочие не вправе уходить с фабрики до срока, то сейчас же назначают и наказание за уход и даже такое свирепое наказание, как арест. За стачку, напр., рабочим грозит закон арестом или даже тюрьмой, а фабриканту за неисполнение правил, вызвавшее стачку, только штрафом. Так и теперь. Требование закона, чтобы фабрикант давал рабочим воскресный и праздничный отдых и не занимал их более 11 с половиною часов в сутки, не ограждено никакими наказаниями за неисполнение его. Чем же ответит фабрикант, нарушивший этот закон? Самое большее, что его притянут к мировому, который не может назначить штрафа более 50 р., или фабричное присутствие само наложит наказание тоже в виде штрафа. Но разве штраф в 50 руб. испугает фабриканта? Ведь он не 50 руб. прибыли получит, заставив всех рабочих проработать ему ночь или праздник! Фабриканту прямо выгоднее будет нарушать закон и платить штраф. Отсутствие в законе особого наказания за неисполнение его фабрикантом есть вопиющая несправедливость, прямо указывающая на то, что наше правительство хочет как можно дольше оставить закон без применения, что правительство не желает строго требовать от фабрикантов подчинения закону. И в других странах бывало в давно прошедшие времена так, что правительство издавало фабричные законы, не назначая за неисполнение их наказания. Такие законы на деле и не исполнялись вовсе, оставаясь пустой бумажкой. Поэтому в других странах давно уже бросили этот нелепый обычай писать законы, не обеспечивая их исполнения. Теперь русское правительство повторяет эту старую уловку, надеясь, что рабочие не заметят ее. Но эта надежда неосновательная.

Как только рабочим станет известен новый закон, они сами станут строго следить за его исполнением, не допуская ни малейших отступлений от него, отказываясь от работы, покуда не исполнены требования закона. Этот надзор самих рабочих будет подействительнее надзора каких-нибудь фабричных урядников. Без такого надзора закон исполняться не будет.

IX.

УЛУЧШИТ ЛИ НОВЫЙ ЗАКОН ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ?

На первый взгляд может даже показаться странным, что мы спрашиваем об этом. Закон сокращает рабочее время и устанавливает обязательность воскресного и праздничного отдыха,— как же это не улучшение положения рабочих? Но мы уже подробно показали выше, как неточны и неопределенны правила нового закона, как часто закон, вводя правило, улучшающее положение рабочих, обессиливает это правило тем, что оставляет в силе произвол хозяина или ограничивает число обязательных праздников гораздо меньшим числом, чем число обычных праздников.

Попробуем подсчитать, сократится ли рабочее время от введения нового закона, если число дней отдыха будет не больше установленного законом, т.-е. если отдых будет даваться рабочим только в обязательные, законом установленные праздники, а в остальные обычные праздники фабрикантам удастся принудить рабочих к работе. Удастся ли это им или нет,—это, конечно, вопрос. Это зависит от сопротивления рабочих. Но что фабриканты будут стараться вознаградить себя за сокращение рабочего дня уменьшением праздников,— это несомненно. Что закон всеми силами помогает этому благородному стремлению капиталистов притеснять рабочих, это тоже несомненно. Вот и посмотрим, что вышло бы в этом случае. Чтобы сравнить рабочее время при старых порядках и при новых (т.-е. по закону 2 июня 1897 г.), надо взять *число рабочих часов в год:* только при таком расчете можно учесть и все праздничные дни и сокращения работы в кануны праздников. Сколько же рабочих часов в год бывает обыкновенно у русского фабрично-заводского рабочего теперь, т.-е. перед введением в действие закона 2 июня 1897 г.? Само собою разумеется, что вполне точных сведений об этом нет, потому что нельзя подсчитать числа часов работы у каждого рабочего. Надо пользоваться данными, забранными по *нескольким* фабрикам: предполагается, что на остальных фабриках число часов приблизительно таково же, как и на исследованных. Возьмем данные, собранные по Московской губернии. Число рабочих дней в году было подсчитано с точностью по 45 крупным фабрикам. Оказалось, что на всех этих 45 фабриках вместе рабочих дней в году 12.010, т.-е. в среднем на одну фабрику

267 рабочих дней в году *). Число рабочих часов в неделю составляет в среднем (по данным о нескольких стах фабриках) — 74, т.-е. $12^1/_3$ часов в день. В год, значит, всего было $267 \times 12^1/_3 =$ 3.292 рабочих часа, или для круглого счета 3.300 рабочих часов. По городу Одессе мы подсчитали данные по 54 крупным фабрикам, о которых нам известно и число рабочих дней в году и число часов. Оказалось, что среднее число рабочих часов в год на всех этих фабриках равняется 3.139 часам, т.-е. значительно меньше, чем в Московской губернии. В Одессе короче рабочий день: самый обычный — $10^1/_2$ часов, а в среднем для этих 54 фабрик — 10,7 часов. Поэтому число рабочих часов в году оказывается меньше, несмотря на меньшее число праздничных дней. Посмотрим, сколько рабочих часов выйдет по новому закону. Прежде всего определим число рабочих дней в году. Для этого из 365 надо вычесть, во-1-х, 66 праздников; во-2-х, $^1/_2$ дня сочельника; в-3-х, надо вычесть то свободное время, которое рабочий получает от окончания работы перед праздником на $1^1/_2$ часа раньше. Предпраздничных дней будет 60 (а не 66, потому что около 6 праздничных дней сложены с другими праздничными днями). Значит, от сокращения праздничной работы получится $60 \times 1^1/_2 =$ $= 90$ рабочих часов или 8 рабочих дней. Итого надо вычесть из 365—$74^1/_2$ праздничных дня ($66 + {}^1/_2 + 8 = 74^1/_2$). Получим $290^1/_2$ рабочих дней, или — $290^1/_2 \times 11^1/_2 = 3.340$ рабочих часов. Выходит, стало быть, что если число праздников будет уменьшено до числа обязательных по закону праздников, *то положение рабочих от введения нового закона не только не улучшится, а скорее даже ухудшится:* в общем и целом их рабочее время в году останется прежним или даже *увеличится!* Конечно, это расчет только приблизительный: с полной точностью рассчитать этого нельзя. Но этот расчет основан на вполне пригодных данных и показывает нам ясно, какую хитрую уловку пустило в ход правительство для прижимки рабочих, сократив число обязательных праздников сравнительно с числом обычных праздников. Этот расчет показывает ясно, что если рабочие не будут крепко стоять друг за друга и давать сообща отпор фабрикантам, то их положение может ухудшиться от введения нового закона! И заметьте притом, что ведь весь этот расчет касается только *дневной* работы, именно *урочной* работы. А сверхурочная работа? Насчет нее ведь закон никаких ограничений не постановил и неизвестно, введут ли какие-нибудь ограничения гг. министры в тех правилах, которые им «предоставлено» издать. Это отсутствие ограничений сверх-

*) Если рабочих дней в году 267, значит нерабочих, праздничных дней 98. Выше мы говорили, что число праздников равно 89, но это мы брали, во-1-х, одни механические фабрики, а во-2-х, не среднее число праздников во всех фабриках, а то число праздников, которое чаще всего встречается.

урочной работы и есть главная причина, которая заставляет сомневаться в том, улучшит ли новый закон положение рабочих? Если заработная плата при сокращении нормального (урочного) рабочего дня останется у большинства русских рабочих так же безобразно низка, как и теперь, *тогда рабочему из нужды придется согласиться на сверхурочную работу, и положение его не улучшится.* Для рабочего надо то, чтобы он работал не более 8 часов в сутки, имея время для отдыха, для своего развития, для пользования своими правами, как человека, как семьянина, как гражданина. Для рабочего надо то, чтобы он получал не нищенскую плату, а достаточную для того, чтобы жить по-человечески, чтобы рабочий пользовался сам теми усовершенствованиями, которые вводятся в работы, а не отдавал всю прибыль своим эксплуататорам. Если же придется работать за ту же плату столько же часов, сколько и прежде, то не все ли равно рабочему, как будет называться его чрезмерная работа, урочной или сверхурочной? Закон о сокращении рабочего дня останется тогда *мертвым,* окажется *пустой бумажкой.* Фабрикантов тогда новый закон нисколько не затронет, ничего не заставит их уступить рабочему народу. И чиновники министерства финансов, подслуживаясь капиталистам, *намекают уже видимо на это:* в той же статье «Вестника Финансов» они успокоительно говорят гг. фабрикантам следующее: «Новый закон, ограничивая свободу договора найма на обычные работы, не устраняет возможности для фабриканта вести работы в заведении в любое время дня и ночи, и даже, в случаях нужды» (да! да! наши бедные, угнетенные фабриканты ведь так часто испытывают «нужду» в даровом труде русских рабочих!) ... «и в праздничные дни, входя для этого в особые соглашения (на сверхурочные работы) с рабочими».

Видите, как распинаются эти лакеи денежного мешка! Вы, дескать, не извольте очень беспокоиться, гг. фабриканты: вы можете «вести работы в любое время дня и ночи», только тогда надо будет назвать работу, которая раньше считалась урочной, — *сверхурочной. Измените только название работ, и больше ничего!*

Удивительнее всего в этом заявлении нахальство чиновников; они наперед уверены, что никакого ограничения сверхурочной работы не будет (если сверхурочные работы будут ограничены, тогда фабрикант не может вести работ в любое время дня и ночи!). Они наперед уверены, что до рабочих не дойдут их циничные и откровенные советы фабрикантам не церемониться! На этот счет и чиновники министерства финансов, кажется, отличились! Рабочим будет очень поучительно узнать, *как* беседуют чиновники с фабрикантами и *что* они им советуют. Узнав это, рабочие поймут, что под кровом нового закона против них выступают старые враги с прежними стремлениями закабалить рабочего на самом «*законном основании*».

X.

КАКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМЕЕТ НОВЫЙ ЗАКОН?

Мы познакомились теперь во всех подробностях с новым законом. Остается рассмотреть еще, *какое значение* для рабочих и для рабочего движения в России имеет этот закон.

Значение нового фабричного закона состоит в том, что он, с одной стороны, является вынужденной уступкой правительства, что он *отвоеван* у полицейского правительства соединенными и сознательными рабочими. Издание этого закона показывает *успех* рабочего движения в России, показывает, какую громадную силу заключает в себе сознательное и стойкое требование рабочих масс. Никакие преследования, ни массовые аресты и высылки, ни грандиозные политические процессы, ни затравливания рабочих — ничто не помогло. Правительство пустило в ход все свои средства и силы. Оно обрушилось на петербургских рабочих всей тяжестью той громадной власти, которую оно имеет. Оно преследовало и травило рабочих без всякого суда с невиданной жестокостью, стараясь во что бы то ни стало *выбить* из рабочих дух протеста, борьбы, стараясь *подавить* начинающееся социалистическое движение рабочих против фабрикантов и против правительства. Ничего не помогло, и правительству пришлось убедиться, что никакие преследования отдельных рабочих не искоренят *рабочего движения* и что приходится идти на уступки. Неограниченное правительство, которое считается всемогущим и независимым от народа, должно было уступить требованиям нескольких десятков тысяч петербургских рабочих. Мы видели, как незначительны, как двусмысленны эти уступки. Но ведь это только первый шаг. Рабочее движение давно уже вышло за пределы С.-Петербурга; оно развивается все шире, охватывая все глубже массы промышленных рабочих *во всей стране*, и когда все эти массы, руководимые одной партией социалистов, предъявят сообща свои требования, — тогда уже правительство не отделается такой ничтожной уступкой!

С другой стороны, значение нового закона состоит в том, что он необходимо и неизбежно *дает новый толчок* русскому рабочему движению. Мы видели, как закон постарался везде оставить лазейки фабрикантам, постарался оставить в неопределенности самые важные вопросы. Борьба между фабрикантами и рабочими из-за применения этого закона возникнет повсюду; эта борьба охватит гораздо более широкий район, ибо закон распространяется на всю Россию. И рабочие сумеют вести эту борьбу сознательно и твердо, сумеют настаивать на своих требованиях, сумеют обходить те ловушки, которые расставляют им

наши полицейские законы против стачек. Введение новых фабричных порядков, изменение в громадном большинстве фабрик по всей России обычного, урочного дня принесет громадную пользу: оно встряхнет самые отсталые слои рабочих; оно пробудит везде самый живой интерес к вопросам и правилам фабричного быта; оно послужит прекрасным, удобным, *законным* поводом для рабочих предъявлять свои *требования*, отстаивать *свое понимание закона*, отстаивать *старые обычаи*, когда они выгоднее для рабочих (напр., отстаивать *обычные праздники*, отстаивать окончание работ по субботам не за $1^1/_2$ часа, а за 2 и более), добиваться более выгодных условий при *новых соглашениях* о сверхурочных работах, добиваться *более высокой платы*, чтобы сокращение рабочего дня принесло действительную пользу рабочим без всякого ущерба для них.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

I.

Книжка о новом фабричном законе (закон 2-го июня 1897 г.) была уже написана, когда были опубликованы в начале октября *правила о применении* этого закона, утвержденные министерством финансов по соглашению с министерством внутренних дел 20 сентября 1897 года. О том, какое громадное значение должны иметь для всего закона эти правила, мы уже говорили раньше. На этот раз министерство поторопилось издать правила до введения нового закона, потому что в правилах (как сейчас увидим)указаны те случаи, когда дозволяется отступить от требований нового закона, т.-е. дозволяется фабрикантам «вести работы» сверх определенного в законе времени. Не будь эти правила настоятельно необходимы для фабрикантов, — рабочим, конечно, долго еще пришлось бы ждать их издания. Вскоре после «правил» опубликована также «инструкция чинам фабричной инспекции» по применению закона 2 июня 1897 г. под видом того, чтобы *разъяснить* только фабричным инспекторам способ применения закона; эта инструкция узаконяет полный произвол чиновников и направлена целиком *против рабочих,* дозволяя фабрикантам всячески обходить закон. Императорское правительство очень любит писать хорошие слова в законах, а затем позволять обходить эти законы, заменяя их *инструкциями.* При подробном разборе правил мы увидим, что именно такова новая инструкция. Также отметим, что «инструкция» эта в значительной части *слово в слово списана* с той статьи «Вестника Финансов», на которую мы не раз указывали в книжке о новом законе. Напр., мы указали там, как «Вестник Финансов» подсказал одну кляузу фабрикантам: именно, «Вестник Финансов» разъяснил, что новый закон не применим к тем случаям, когда в договоре рабочего с фабрикантом не сказано ничего о рабочем времени, так как рабочий, дескать, является в этом случае «не нанимаемым рабочим, а лицом, принимающим заказ». Это кляузное разъяснение повторяет буквально «инструкция». Правила состоят из 22 статей, из которых, однако, многие просто повторяют целиком статьи закона 2 июня 1897 г.

Заметим, что правила эти относятся только к фабрикантам, «состоящим в ведении министерства финансов»; ни к горным заводам, ни к железнодорожным мастерским, ни к казенным заводам они не относятся. Правила эти надо строго отличать от самого закона: правила изданы только *в развитие* закона, и министры, издавшие их, могут дополнить их, изменить, издать новые. Правила говорят о следующих пяти вопросах: 1) о перерывах; 2) о воскресном и праздничном отдыхе; 3) об отступлениях от нового закона; 4) о сменах, и 5) о сверхурочной работе. Рассмотрим подробно правила по каждому вопросу, а в связи с ними укажем, как советует министерство финансов в своей инструкции применять эти правила.

II.

О перерывах постановлены такие правила: во-1-х, что перерывы не входят в число рабочих часов, что рабочий свободен на время перерыва; перерывы должны быть указаны в правилах внутреннего распорядка; во-2-х, что перерыв должен быть обязательно установлен только в том случае, когда рабочее время более 10 ч. в сутки и что перерыв должен быть не менее одного часа. Это правило нисколько не улучшает положения рабочих. Скорее напротив. Часовой перерыв крайне мал: на большинстве фабрик установлен $1^1/_2$ час. перерыв на обед и иногда еще полчаса перерыва на завтрак. Министры постарались взять самый меньший срок! В час рабочему сплошь да рядом не успеть даже сходить домой пообедать.

Разумеется, рабочие не дозволят установить такого короткого перерыва и будут требовать большего. Другая оговорка насчет обязательности перерыва тоже грозит притеснить рабочих: перерыв *обязателен* по правилам министров только тогда, когда рабочий день более 10-ти часов! Значит, когда рабочий день 10 часов, то фабрикант вправе не давать перерыва рабочим! Опять-таки придется уже самим рабочим позаботиться о том, чтобы фабриканты не могли и не смели пользоваться подобным правом. Рабочие могут не соглашаться на такие правила (когда они вводятся в правила внутреннего распорядка) и требовать перерыва чаще. Министрам показалось мало даже этих прижимок. В «примечании» к этому правилу сказано еще, что «в случаях значительных препятствий *допускаются* отступления от этого требования», т.-е. *допускается,* чтобы гг. фабриканты вовсе не давали рабочим перерыва! Министры-то это допускают, но рабочие вряд ли *допустят.* Кроме того, министры *допускают* отступления еще тогда, когда требование перерыва будет признано обременительным для рабочих. О, заботливые

гг. министры! О том, что рабочим «обременительно» будет перерывать работы, наши министры подумали, а о том, что рабочим «обременительно» в час успеть пообедать, или что еще более «обременительно» работать *по 10 часов* без перерыва,— об этом гг. министры не заикнулись! Третье правило насчет перерыва требует, чтобы рабочему была предоставлена возможность принятия пищи не реже, как через каждые 6 часов. Но *перерывов* через каждые 6 часов правила не требуют; какой же смысл такого правила? Как же может рабочий принимать пищу без перерыва? Гг. министры на этот счет не затруднились. Если нет перерыва (говорится в правилах), то рабочему «должна быть предоставлена возможность принятия пищи в течение рабочего времени, при чем в правилах внутреннего распорядка должно быть обозначено место приема пищи». Все это правило — такая глупость, что можно только развести руками! Одно из двух: *или* это «место приема пищи» будет обозначено *не там, где рабочий работает;* тогда неизбежен *перерыв.* Или это место будет обозначено там же, *где рабочий работает;* тогда какой смысл в надобности обозначения места? Перерывать работу рабочий не вправе, — как же может он, *не перерывая* работы, принимать пищу? Гг. министры смотрят на рабочего как на машину: машину можно ведь на ходу покормить маслом, так отчего же (думают наши «заботливые» прихвостни капитала, министры) нельзя и рабочему напихать в себя пищу во время работы? Рабочим остается одна надежда, что такое глупое правило только в русских чиновничьих канцеляриях и могли выдумать, а на деле оно применяться не будет. Рабочие будут требовать, чтобы «местом для принятия пищи» *обозначено было не то место, где они работают:* рабочие будут требовать *перерыва* через каждые 6 часов. Вот и все правила о перерывах. Министры развили закон так, что он может только ухудшить положение рабочих, если рабочие сами себя не отстоят и не настоят сообща на своих, а не на министерских правилах.

III.

О воскресных и праздничных отдыхах постановлено только одно небольшое правило, именно, что в воскресные и праздничные дни рабочие должны быть свободны от работы в продолжение не менее 24-х часов сряду. Это — *самое меньшее,* что можно было постановить «в развитие» закона о воскресном и праздничном отдыхе. Меньше нельзя было назначить. А о том, чтобы назначить рабочим побольше (напр., 36 часов, как принято в некоторых других странах), министры и не подумали. Насчет не-христиан ничего в правилах не сказано.

IV.

Насчет отступлений от закона постановлено много правил, очень много и очень подробных. Напомним рабочим, что закон предоставил министрам допускать в правилах отступления от закона, *увеличивая* требования закона (т.-е. требуя от фабрикантов большего для рабочих) и *уменьшая* требования закона (т.-е. требуя от фабрикантов *меньшего для* рабочих). Посмотрим, как поступили министры. Первое правило. Отступления от закона допускаются тогда, когда «рабочие заняты работами *непрерывными*, т.-е. такими, которые не могут быть прерываемы в произвольное время без порчи приборов, материалов или изделий». В этих случаях можно гг. фабрикантам «вести работы» и свыше определенного в законе времени. Правило требует только в этом случае, во-1-х, чтобы число рабочих часов в течение двух последовательных суток не превосходило для рабочего 24-х часов (а при ломке смен — тридцати часов). Почему сказано: 24 часа в двое суток, а не 12 часов в сутки,—мы увидим в §-фе о сменах. Во-2-х, правило требует, чтобы при непрерывной работе каждый рабочий был освобожден от работы в месяц на четверо суток, если рабочий день его больше 8-ми часов. Значит, для рабочих в *непрерывных* производствах число дней отдыха *сильно уменьшено:* 4 в месяц, в год 48, тогда как *даже* закон (при всем урезывании праздников) оставил 66 обязательных праздников в году. Какое разумное основание имели министры для того, чтобы уменьшить это число праздников? Ровно никакого; *непрерывность* все равно нарушается и при 4-х праздниках в месяц, т.-е. фабриканты все равно должны нанимать других рабочих на время праздников (если производство *действительно* непрерывно, т.-е. его нельзя *остановить).* Значит, гг. министры урезали еще рабочие праздники *ради того только,* чтобы поменьше «стеснить» фабрикантов, чтобы уменьшить случаи найма *других* рабочих! Мало того, «инструкция» разрешает даже фабричным инспекторам утверждать и такие правила внутреннего распорядка, в которых назначается *еще меньший отдых рабочим!* Фабричный инспектор должен только донести об этом департаменту торговли и промышленности. Это самый наглядный пример, показывающий, почему наше правительство любит ничего не говорящие законы и подробные правила и инструкции: чтобы переделать неприятное правило, достаточно попросить об этом в департаменте... безгрешных доходов!! Точно также фабричный инспектор может (согласно инструкции!) разрешить отнесение к непрерывным и таких работ, которые не указаны в списке, приложенном к инструкции: достаточно донести департаменту... Примечание

к этому правилу говорит, что непрерывные работы должны быть *особо обозначены* в правилах внутреннего распорядка. «Отступления от этого закона допускаются лишь постольку, поскольку это действительно необходимо» (так говорит правило министров). А кому следить за тем, *действительно ли* необходимо или нет? Кроме рабочих некому: они должны не дозволять вносить в правила внутреннего распорядка оговорки насчет непрерывных работ без *действительной* надобности. Второе правило. Отступления от закона допускаются тогда, когда рабочие заняты работами вспомогательными при различных производствах (текущий ремонт, уход за котлами, двигателями и приводами, отопление, освещение, водоснабжение, сторожевая и пожарная служба и т. п.). Отступления эти тоже должны быть *особо обозначены* в правилах внутреннего распорядка. Насчет дней отдыха для этих рабочих *правила не говорят ни слова.* Рабочим опять-таки остается самим понаблюсти за тем, чтобы иметь отдых, т.-е. не соглашаться на такие правила внутреннего распорядка, в которых не назначены дни отдыха для таких рабочих. Третье правило. Отступления от правил о рабочем дне и о воскресном и праздничном отдыхе и от правил внутреннего распорядка допускаются еще в двух случаях: во-1-х, в случаях внезапной порчи механизмов, орудий и т. п., вызвавшей прекращение работ всей фабрики или отдела ее. Необходимый *ремонт* в этих случаях допускается производить вне правил. Во-2-х, вне правил разрешается производить «временные работы в каком-либо отделе заведения в тех случаях, когда, вследствие пожара, поломки и т. п. непредвиденных обстоятельств, работы того или иного отдела заведения были на некоторое время сокращены или совсем приостановлены и когда то необходимо для полного хода других отделов заведения». (В этом случае фабрикант должен в тот же день известить фабричного инспектора, который и *разрешает* такие работы.) Это последнее правило показывает громадную «заботливость» министров о том, чтобы фабриканты не израсходовали лишнего рубля. В одном отделе фабрики был пожар. Работа остановилась. Сделав исправления, фабрикант хочет наверстать потерянное время. *Поэтому* министр разрешает ему выжимать из рабочих сколько угодно лишнего труда, заставляя их работать хоть по 18 часов в сутки. Да при чем же тут рабочие? Когда фабрикант получает лишнюю прибыль, разве он делится с рабочими? разве он сокращает тогда рабочий день? С какой же стати рабочим *удлинять* рабочий день, когда фабрикант терпит убыток? Ведь это значит: прибыль себе беру, а убыток на рабочих валю. Если нужно наверстать потерянное, почему же не нанять других рабочих? Удивительно, как «заботливы» русские министры о кармане гг. фабрикантов! Четвертое правило. Отступления от нового закона могут быть и «в других особо важных, исключи-

тельных случаях». (Какие это еще случаи? Да столько уже перечислено особо важных, исключительных случаев, что, кажется, других не осталось?) Такие отступления на каждый случай отдельно разрешают министры финансов и внутренних дел. Значит, попросит фабрикант, — разрешат министры — и ладно. Рабочих и не спрашивают: статочное ли это дело, чтобы «господа» стали спрашивать мнение черного народа! Подлый народ должен работать на капиталистов, а не рассуждать о том, «исключительный» ли случай заставил фабриканта попрошайничать или самая обыкновенная страсть к наживе. Таковы правила министров об отступлениях от нового закона. Как видим, все эти правила говорят о том, как и когда можно не исполнять закона, можно уменьшить то, что требует закон от фабрикантов для рабочих. О том, чтобы увеличить требования закона от фабрикантов в пользу рабочих, министры не говорят *ни единого словечка*. Пусть вспомнят рабочие, что было сказано в книжке о новом фабричном законе по вопросу о том, для чего закон предоставляет такие большие права министрам!

V.

Насчет смен постановлено только одно небольшое правило, которое позволяет при 18-тичасовой работе в две смены *увеличивать* число рабочих часов в сутки до 12-ти, с тем, чтобы в среднем, по расчету за две недели, рабочее время для каждого рабочего не превосходило 9 часов в сутки. Это правило опять-таки, след., дозволяет *увеличивать* рабочий день. Сколько уже правил об *увеличении* рабочего дня, об уменьшении не было ни одного — и не будет! По этому правилу, можно заставить рабочих работать целую неделю по 12 часов в сутки, и «инструкция» опять-таки добавляет, что фабричные инспектора могут разрешать и другие отступления от закона, донося директору... Затем к сменам же относится вышеприведенное правило, определяющее рабочее время непрерывной работы в *24 часа в двое суток*. Инструкция поясняет, почему сказано 24 часа в двое суток, а не 12 часов в сутки. Это сказано для того, чтобы оставить неизменным принятый на некоторых фабриках безобразный порядок непрерывной работы 2-х *смен через 8 часов:* при таких сменах рабочий работает один день 16 часов, другой день 8 часов, не имея никогда ни правильного отдыха, ни правильного сна. Безобразнее этих смен трудно себе что-либо представить; но министры не только не сделали ничего для ограничения этих безобразий, но даже имели наглость сказать в «инструкции», что подобные смены при многих условиях удобнее для рабочих!! Вот как заботятся министры об *удобстве рабочих!*

VI.

О сверхурочных работах в правилах даны, на первый взгляд, наиболее точные определения. Ограничения сверхурочной работы— самое главное не только в министерских правилах, но и во всем новом законе. Мы уже говорили выше о полной неопределенности самого закона по этому вопросу, о первоначальном намерении министерства финансов оставить сверхурочные работы без всяких добавочных правил. Теперь оказалось, что министры все-таки ограничили сверхурочные работы, ограничили именно так, как предполагала это сделать комиссия, составлявшая новый закон, т.-е. 120-ью часами в год. Но зато министр финансов в «инструкции» повторил в назидание фабричным инспекторам все те уловки и кляузы *против рабочих*, которые мы привели в книге о новом законе из «Вестника Финансов»: «инструкция», повторяем, списана с «Вестника Финансов».

Первое правило относится к тому положению нового закона, по которому фабрикант может вносить в договор с рабочим условие о сверхурочных работах, необходимых по техническим условиям производства. Мы уже говорили о неопределенности этого. А между тем эта статья закона имеет громадную важность: если условие о сверхурочных работах внесено в правила внутреннего распорядка, то сверхурочные работы *обязательны* для рабочего, и *весь закон при этом остается без применения.* Теперь в министерских правилах это выражение поясняется так: «необходимыми по техническим условиям производства» можно считать только такие работы, которые вызываются «исключительно случайными и при том зависящими от свойств самого производства отклонениями от нормального его хода». Значит, напр., такие отклонения, которые вызываются усиленными заказами, сюда не относятся (так как они от свойств производства не зависят). Отклонения, вызванные пожаром, поломкой и т. п., тоже сюда не относятся, так как они тоже не зависят от свойств самого производства. *По здравому смыслу* надо бы понимать правило именно так. Но тут на помощь фабрикантам приходит «инструкция». «Инструкция» так блестяще развивает те случаи, когда сверхурочные работы можно делать обязательными для рабочих, внося их в условия найма, т.-е. в правила внутреннего распорядка,— что к этим случаям можно отнести *буквально что угодно.* В самом деле, пусть вспомнят рабочие, как *развивала* закон статья в «Вестнике Финансов», и теперь сличат с ней «инструкцию». Сначала «инструкция» говорит о работах, «необходимых по техническим условиям производства», — затем она незаметно подставляет другое выражение: «работы безусловно необходимые» (вот как! а кто судит о необходимости?), — а еще дальше инструкция приводит

и примерчики «безусловной необходимости»: оказывается, что сюда подходят и те случаи, когда фабриканту «невозможно или затруднительно (старый знакомый!) увеличить число рабочих», когда работа идет очень спешно и срочно (напр., при сезонных работах); когда требуется выпускать газету из типографии ежедневно; когда работы нельзя было предвидеть заранее и т. д. Одним словом, чего хочешь, того просишь. Бесстыдные прихвостни капиталистов, заседающие в министерстве финансов, так *развили* закон, что фабрикант *вправе* вносить в правила внутреннего распорядка требование *каких угодно сверхурочных работ. А раз такое требование внесено в правила внутреннего распорядка, то весь новый закон идет к черту, и все остается по старому.* Рабочие должны не допускать внесения этих требований в правила внутреннего распорядка, иначе их положение не только не улучшится, но даже ухудшится. Рабочие могут видеть на этом примере, как фабриканты и чиновники сговариваются о том, как им опять закабалить рабочих на законном основании. «Инструкция» ясно показывает этот сговор, это прислужничество министерства финансов интересам капиталистов.

Второе правило о сверхурочных работах постановляет, что число сверхурочных работ на каждого рабочего не должно превышать 120 часов в год, при чем в это число *не включаются*, во-1-х, те сверхурочные работы, которые условлены в договоре, как обязательные для рабочего «по техническим условиям производства», а мы сейчас видели, что под это выражение министры разрешили подводить *какие угодно* случаи, не имеющие ничего общего с «техническими условиями производства»; во-2-х, не включаются те сверхурочные работы, которые происходят по случаю пожара или поломки и проч., или по случаю бывшей в каком-нибудь отделении остановки для наверстания потерянного.

Взятые вместе, все эти правила о сверхурочной работе удивительно напоминают известную басню о том, как лев делил «поровну» добычу между своими товарищами по охоте: первую часть он берет себе по праву; вторую часть за то, что он царь зверей; третью — за то, что он всех сильнее; а к четвертой — кто лапу протянет, тот с места жив не встанет. Вот совершенно так и у нас будут теперь рассуждать фабриканты по поводу сверхурочных работ. Во-1-х, они «по праву» будут выжимать из рабочих сверхурочную работу, «необходимую по техническим условиям производства», т.-е. какую угодно работу, лишь бы занести ее в правила внутреннего распорядка. Во-2-х, они будут выжимать из рабочих работу в «особых случаях», т.-е. когда они хотят свалить на рабочих свои убытки. В-3-х, они будут выжимать с них еще 120 часов в год на том основании, что они богаты, а рабочие — нищие. В-4-х, в «исключитель-

ных случаях», они получат особые льготы у министров. Ну, а затем, что после всего этого останется из 24 часов в сутки,— тем рабочие могут «свободно» пользоваться, памятуя крепко, что справедливое правительство отнюдь не «лишает их права» работать и по 24 часа в сутки... Чтобы это выжимание из рабочих сверхурочной работы шло *по закону,*— для этого постановлено, чтобы фабриканты завели особые *книги* обо всех этих видах сверхурочной работы. В одну книгу будут записывать то, что они дерут с рабочих «по праву»; в другую книгу то, что дерут в «особых случаях»; в третью — то, что дерут по «особому соглашению» (не более 120 часов в год); в четвертую—то, что дерут в «исключительных случаях». Вместо улучшения положения рабочих получится одна волокита и канцелярская переписка (как это и всегда бывает в результате всех реформ неограниченного русского правительства). Фабричные урядники будут приезжать на фабрики и «надзирать»... за этими книгами (в которых сам чорт ногу сломит), а в свободное от этого полезного занятия время будут доносить директору торговли и мануфактур о новых подачках фабрикантам, а департаменту полиции о стачках рабочих. И ловкие же люди, эти торгаши, в компании с башибузуками, которые составляют наше правительство! За сходную цену они теперь наймут еще заграничного представителя, который будет свистать на всех перекрестках перед «Европой», что вот, дескать, какие есть у нас заботливые о рабочих законы.

VII.

Бросим, в заключение, общий взгляд на министерские правила. Вспомним, какие правила предоставил новый закон гг. министрам? Правила трех разрядов: 1) правила в разъяснение закона; 2) правила, увеличивающие или уменьшающие требования нового закона от фабрикантов; 3) правила об особо вредных для рабочих производствах. Как же воспользовались министры предоставленным им законом правом?

По первому разряду они ограничились самым необходимым, самым меньшим, без чего нельзя было уж обойтись. Сверхурочную работу они допустили в очень большом и растяжимом объеме,— 120 часов в год, введя при этом посредством инструкций такую уйму исключений, что они уничтожают всякое значение правил. Перерывы для рабочих они постарались урезать, смены со всеми их безобразиями оставили по старому, если не ухудшили.

По второму разряду правил министры *сделали все,* чтобы уменьшить требования нового закона от фабрикантов, т.-е. *все сделали для фабрикантов* и *ровно ничего не сделали для рабочих:*

в правилах нет ни одного увеличения требований нового закона от фабрикантов в пользу рабочих.

По третьему разряду правил (т.-е. в пользу рабочих, вынужденных работать в самых вредных производствах) министры не сделали ровно ничего, не обмолвились об этом ни единым словом. Только в инструкции помянуто, что фабричные инспектора могут доносить в департамент об особо вредных производствах! «Доносить»-то фабричные инспектора и раньше могли о чем угодно. Только по какой-то непонятной причине фабричные урядники до сих пор «доносили» о рабочих стачках, о способах травли, а не о защите рабочих в особенно вредных производствах.

Рабочие сами могут видеть отсюда, чего им ждать от чиновников полицейского правительства. Для того, чтобы добиться 8-мичасового рабочего дня и полного запрещения сверхурочных работ, русским рабочим предстоит еще много упорной борьбы.

ЗАДАЧИ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ

Написано в ссылке в конце 1897 г. [22]
Напечатано отдельной брошюрой в издании «Союза русских соц.-демократов», Женева 1898 г.

Печатается по рукописи, сверенной с изданиями 1902 и 1905 гг.

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЗАДАЧИ
РУССКИХЪ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТОВЪ

съ предисловіемъ П. АКСЕЛЬРОДА.

Изданіе Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

ЖЕНЕВА
Типографія „Союза Русскихъ Соціальдемократовъ"
1898

Обложка 1-го издания брошюры В. И. Ленина:
«Задачи русских социал-демократов»
1898 г.

Вторая половина 90-х годов характеризуется замечательным оживлением в постановке и разрешении русских революционных вопросов. Появление новой революционной партии народоправцев, растущее влияние и успехи социал-демократов, внутренняя эволюция народовольчества,— все это вызвало оживленное обсуждение программных вопросов как в кружках социалистов — интеллигентов и рабочих,—так и в нелегальной литературе. Стоит указать в последней области на «Насущный вопрос» и «Манифест» (1894) партии «Народного Права» [23]), на «Летучий Листок группы Народной Воли» [24]), на заграничный «Работник» [25]), издаваемый «Союзом русских социал-демократов» [26]), на усиливающуюся деятельность по изданию революционных брошюр, главным образом для рабочих, в России, на агитационную деятельность социал-демократического «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в Спб. в связи с знаменательными петербургскими стачками 1896 г. и т. д.

В настоящее время (конец 1897 г.) наиболее животрепещущим вопросом является, с нашей точки зрения, вопрос о *практической* деятельности социал-демократов. Мы подчеркиваем *практическую* сторону социал-демократизма, ибо теоретическая сторона его пережила уже, повидимому, наиболее острый период упорного непонимания противников, усиленных стремлений подавить новое направление при самом его появлении, с одной стороны, и горячей самозащиты оснований социал-демократизма— с другой. Теперь теоретические воззрения социал-демократов представляются *в главных и основных своих чертах* достаточно выясненными. Нельзя сказать того же о *практической* стороне социал-демократизма, о его политической *программе*, о его приемах деятельности, его тактике. Именно в этой области господствует, кажется нам, больше всего недоразумений и взаимного непонимания, препятствующего полному сближению с социал-демократизмом тех революционеров, которые в теории отрешились вполне от народовольчества, а на практике — либо приходят самой силой вещей к пропаганде и агитации среди рабочих, даже более: к постановке своей деятельности среди рабочих на почву *клас-*

совой борьбы;—либо стремятся выделить *демократические* задачи в основу всей программы и всей революционной деятельности. Если мы не ошибаемся, последняя характеристика подходит к тем двум революционным группам, которые действуют в настоящее время в России на-ряду с социал-демократами, именно: к народовольцам и народоправцам.

Поэтому нам кажется особенно своевременной попытка разъяснить *практические* задачи социал-демократии и изложить те основания, по которым мы считаем их программу наиболее рациональной из трех наличных программ, а возражения против нее основанными в значительной степени на недоразумении.

Практическая деятельность социал-демократов ставит себе, как известно, задачей руководить классовой борьбой пролетариата и организовать эту борьбу в ее обоих проявлениях: социалистическом (борьба против класса капиталистов, стремящаяся к разрушению классового строя и организации социалистического производства)[27]) и демократическом (борьба против абсолютизма, стремящаяся к завоеванию для России политической свободы и демократизации политического и общественного строя России). Мы сказали: *как известно.* И действительно, с самого своего появления, в качестве особого социально-революционного направления, русские социал-демократы всегда с полной определенностью указывали на такую задачу своей деятельности, всегда подчеркивали двоякое проявление и содержание классовой борьбы пролетариата, всегда настаивали на неразрывной связи своих социалистических и демократических задач,—связи, наглядно выраженной в названии, принятом ими. Тем не менее, и до сих пор вы встречаете зачастую социалистов, которые имеют самые превратные представления о социал-демократах, обвиняя их в игнорировании политической борьбы и т. п. Остановимся же несколько на характеристике обеих сторон практической деятельности русской социал-демократии.

Начнем с социалистической деятельности. С тех пор, как с.-д. «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» в Спб. проявил свою деятельность среди петербургских рабочих, характер социал-демократической деятельности в этом отношении, казалось бы, должен быть вполне ясен. Социалистическая работа русских социал-демократов состоит в *пропаганде* учений научного социализма, в распространении среди рабочих правильного понятия о современном общественно-экономическом строе, его основаниях и его развитии, о различных *классах* русского общества, об их взаимоотношении, о борьбе этих классов между собой, о роли рабочего класса в этой борьбе, его отношении к падающим и развивающимся классам, к прошлому и будущему капитализма, об исторической задаче международной

социал-демократии и русского рабочего класса. В неразрывной связи с пропагандой стоит *агитация* среди рабочих, выдвигаясь естественно на первый план при современных политических условиях России и при уровне развития рабочих масс. Агитация среди рабочих состоит в том, что социал-демократы принимают участие во всех стихийных проявлениях борьбы рабочего класса, во всех столкновениях рабочих с капиталистами из-за рабочего дня, рабочей платы, условий труда и проч. и проч. Наша задача— слить свою деятельность с практическими, бытовыми вопросами рабочей жизни, помогать рабочим разбираться в этих вопросах, обращать внимание рабочих на важнейшие злоупотребления, помогать им формулировать точнее и практичнее свои требования к хозяевам, развивать в рабочих сознание своей солидарности, сознание общих интересов и общего дела всех русских рабочих, как единого рабочего класса, составляющего часть всемирной армии пролетариата. Организация кружков среди рабочих, устройство правильных и конспиративных сношений между ними и центральной группой социал-демократов, издание и распространение рабочей литературы, организация корреспонденций из всех центров рабочего движения, издание агитационных листков и прокламаций и распространение их, подготовление контингента опытных агитаторов, — таковы, в общих чертах, проявления социалистической деятельности русской социал-демократии.

Наша работа прежде всего и больше всего направлена на фабрично-заводских, городских рабочих. Русская социал-демократия не должна раздроблять свои силы, она должна сосредоточиться на деятельности среди промышленного пролетариата, наиболее восприимчивого для социал-демократических идей, наиболее развитого интеллектуально и политически, наиболее важного по своей численности и по концентрированности в крупных политических центрах страны. Создание прочной революционной организации среди фабрично-заводских, городских рабочих является поэтому первой и насущной задачей социал-демократии, задачей, отвлекаться от которой в настоящее время было бы в высшей степени неразумно. Но, признавая необходимость сосредоточить свои силы на фабрично-заводских рабочих, осуждая раздробление сил, мы вовсе не хотим сказать, чтобы русская социал-демократия игнорировала остальные слои русского пролетариата и рабочего класса. Ничего подобного. Русский фабричный рабочий по самым условиям своей жизни вынужден сплошь да рядом становиться в самые тесные отношения к кустарям — этому промышленному пролетариату, разлитому вне фабрики в городах и деревнях и поставленному в гораздо худшие условия. Русский фабричный рабочий приходит в непосредственное соприкосновение и с сельским населением (нередко фабричный рабочий имеет

семью в деревне) и, след., не может не сближаться и с сельским пролетариатом, с многомиллионной массой профессиональных батраков и поденщиков, а также с тем разоренным крестьянством, которое, держась за мизерные клочки земли, занято отработками и всякими случайными «заработками», т.-е. той же работой по найму. Русские социал-демократы считают несвоевременным *направлять* свои силы в среду кустарей и сельских рабочих, но они вовсе не намерены оставлять без внимания эту среду и будут стараться просвещать передовых рабочих и по вопросам быта кустарей и сельских рабочих, чтобы эти рабочие, приходя в соприкосновение с более отсталыми слоями пролетариата, заносили и в них идеи классовой борьбы, социализма и политических задач русской демократии вообще и русского пролетариата в частности. Непрактично посылать агитаторов к кустарям и сельским рабочим, покуда остается такая масса работы среди фабрично-заводских, городских рабочих, но в массе случаев социалист-рабочий, помимо своей воли, соприкасается с этой средой и он должен уметь пользоваться этими случаями и понимать общие задачи социал-демократии в России. Поэтому глубоко заблуждаются те, кто обвиняет русскую социал-демократию в узости, в стремлении игнорировать массу трудящегося населения из-за одних фабрично-заводских рабочих. Напротив, агитация среди передовых слоев пролетариата есть вернейший и единственный путь к пробуждению (по мере расширения движения) и всего русского пролетариата. Распространение социализма и идеи классовой борьбы среди городских рабочих неминуемо разольет эти идеи и по более мелким, более раздробленным каналам: необходимо для этого, чтобы указанные идеи пустили глубокие корни в более подготовленной среде и насытили этот авангард русского рабочего движения и русской революции. Направляя все свои силы на деятельность среди фабрично-заводских рабочих, русская социал-демократия готова поддерживать тех русских революционеров, которые приходят на практике к постановке социалистической работы на почву классовой борьбы пролетариата, не скрывая при этом нисколько, что никакие практические союзы с другими фракциями революционеров не могут и не должны вести к компромиссам или уступкам в теории, в программе, в знамени. Убежденные в том, что революционной теорией, служащей знаменем для революционного движения, может быть в настоящее время только учение научного социализма и классовой борьбы, русские социал-демократы будут всеми силами распространять его, охранять от лжетолкований, восставать против всяких попыток связать еще молодое рабочее движение в России с менее определенными доктринами. Теоретические соображения *доказывают*, а практическая деятельность социал-демократов *пока-*

зывает, что все *социалисты* в России должны стать *социал-демократами.*

Переходим к *демократическим* задачам и к демократической работе социал-демократов. Повторяем еще раз, что эта работа *неразрывно* связывается с социалистической. *Пропагандируя* среди рабочих, социал-демократы *не могут* обходить вопросы политические и сочли бы всякую попытку обойти их или даже отодвинуть их глубокой ошибкой и отступлением от основных положений всемирного социал-демократизма. На-ряду с пропагандой научного социализма, русские социал-демократы ставят своей задачей пропаганду в рабочих массах и *демократических идей*, распространять понятие об абсолютизме во всех проявлениях его деятельности, о его классовом содержании, о необходимости свержения его, о невозможности успешной борьбы за рабочее дело без достижения политической свободы и демократизации политического и общественного строя России. *Агитируя* среди рабочих на почве ближайших *экономических* требований, социал-демократы неразрывно связывают с этим и агитацию на почве ближайших политических нужд, бедствий и требований рабочего класса, — агитацию против полицейского гнета, проявляющегося в каждой стачке, в каждом столкновении рабочих с капиталистами, — агитацию против стеснения прав рабочих, как русских граждан вообще и как наиболее угнетенного и наиболее бесправного класса в частности, — агитацию против каждого выдающегося представителя и лакея абсолютизма, приходящего в ближайшее соприкосновение с рабочими и наглядно показывающего рабочему классу его политическое рабство. Если нет такого вопроса рабочей жизни в области экономической, который бы не подлежал утилизации его для экономической агитации, то точно также нет и такого вопроса в области политической, который бы не служил предметом политической агитации. Эти два рода агитации неразрывно связаны в деятельности социал-демократов, как две стороны одной медали. И экономическая и политическая агитация равно необходимы для развития классового самосознания пролетариата, и экономическая и политическая агитация равно необходимы как руководство классовой борьбой русских рабочих, ибо всякая классовая борьба есть борьба политическая. И та и другая агитация, пробуждая сознание рабочих, организуя, дисциплинируя их, воспитывая их для солидарной деятельности и для борьбы за социал-демократические идеалы, даст возможность рабочим пробовать свои силы на ближайших вопросах, ближайших нуждах, даст возможность им добиваться частичных уступок у своего врага, улучшая свое экономическое положение, заставляя капиталистов считаться с силой организованных рабочих, заставляя правительство расширять права рабочих, прислушиваться к их требованиям, держа прави-

тельство в постоянном страхе перед враждебно настроенными рабочими массами, руководимыми прочной социал-демократической организацией.

Мы указали на нераздельную близость *социалистической* и *демократической* пропаганды *и* агитации, на полную параллельность революционной работы в той и другой сфере. Но есть и крупная разница между обоими видами деятельности и борьбы. Эта разница состоит в том, что в борьбе экономической пролетариат стоит совершенно одиноко, имея против себя и землевладельцев-дворян, и буржуазию, пользуясь разве (и то далеко не всегда) помощью тех элементов мелкой буржуазии, которые тяготеют к пролетариату. Между тем, в демократической, *политической* борьбе русский рабочий класс стоит не одиноко; на-ряду с ним становятся все политически оппозиционные элементы, слои населения и классы, поскольку они враждебны абсолютизму и ведут против него борьбу в тех или иных формах. *Рядом* с пролетариатом стоят здесь и оппозиционно настроенные элементы буржуазии или образованных классов или мелкой буржуазии или преследуемых абсолютизмом народностей, или религий и сект и т. д. и т. д. Является естественно вопрос, в какие отношения должен стать рабочий класс к этим элементам (1). И — (2) — не должен ли он соединиться с ними для общей борьбы против абсолютизма? Ведь социал-демократы все признают, что политическая революция в России должна предшествовать социалистической революции; не следует ли, соединившись со всеми политически оппозиционными элементами для борьбы против абсолютизма, отодвинуть пока социализм, не обязательно ли это для усиления борьбы против абсолютизма?

Разберемся в обоих вопросах.

Что касается до отношения рабочего класса, как борца против абсолютизма, ко всем остальным политически оппозиционным общественным классам и группам, то оно вполне точно определено основными принципами социал-демократизма, изложенными в знаменитом «Коммунистическом Манифесте». Социал-демократы поддерживают прогрессивные общественные классы против реакционных, буржуазию против представителей привилегированного и сословного землевладения и против чиновничества, крупную буржуазию против реакционных вожделений мелкой буржуазии. Эта поддержка не предполагает и не требует никакого компромисса с не-социал-демократическими программами и принципами, это — поддержка союзника против *данного* врага, при чем социал-демократы оказывают эту поддержку, чтобы ускорить падение общего врага, но они ничего не ждут *для себя* от этих временных союзников и ничего не уступают им. Социал-демократы поддерживают всякое революционное движение против современного общественного строя, всякую угнетенную народ-

ность, преследуемую религию, приниженное сословие и т. под. в их борьбе за равноправность.

Поддержка всех политически оппозиционных элементов выразится в пропаганде социал-демократов тем, что, доказывая враждебность рабочему делу абсолютизма, социал-демократы будут указывать и на враждебность абсолютизма тем или другим общественным группам, будут указывать на солидарность рабочего класса с этими группами *в тех или других вопросах, в тех или других задачах* и т. п. В агитации эта поддержка выразится тем, что социал-демократы будут пользоваться каждым проявлением полицейского гнета абсолютизма и указывать рабочим, как падает этот гнет на всех русских граждан *вообще,* на представителей особо угнетенных сословий, народностей, религий, сект и т. д. в частности и как отражается этот гнет на *рабочем классе* в особенности. Наконец, на практике эта поддержка выражается тем, что русские социал-демократы готовы заключать союзы с революционерами других направлений ради достижения тех или других частных целей, и эта готовность не раз была доказана на деле.

Тут мы подходим и ко второму вопросу. Указывая на солидарность с рабочими тех или других оппозиционных групп, социал-демократы всегда будут выделять рабочих, всегда будут разъяснять временный и условный характер этой солидарности, всегда будут подчеркивать классовую обособленность пролетариата, который завтра может оказаться противником своих сегодняшних союзников. Нам скажут: «такое указание *ослабит* всех борцов за политическую свободу в настоящее время». Такое указание *усилит* всех борцов за политическую свободу, — ответим мы. Сильны только те борцы, которые опираются на *сознанные* реальные интересы известных *классов,* и всякое затушевывание этих классовых интересов, играющих уже доминирующую роль в современном обществе, только ослабит борцов. Это во-1-х. А во-2-х, в борьбе против абсолютизма рабочий класс должен выделять себя, ибо *только* он является до конца последовательным и безусловным врагом абсолютизма, *только* между ним и абсолютизмом невозможны компромиссы, *только* в рабочем классе демократизм может найти сторонника без оговорок, без нерешительности, без оглядки назад. Во всех других классах, группах, слоях населения вражда к абсолютизму *не безусловна,* демократизм их всегда оглядывается назад. Буржуазия не может не сознавать задержку промышленного и общественного развития абсолютизмом, но она боится полной демократизации политического и общественного строя и всегда может вступить в союз с абсолютизмом против пролетариата. Мелкая буржуазия двулична по самой своей природе, и тяготея, с одной стороны, к пролетариату и к демократизму, она, с другой стороны, тяготеет к реакционным классам, пытается задержать

историю, способна поддаться на эксперименты и заигрывания абсолютизма (хотя бы в форме «народной политики» Александра III-го), способна заключить союз с правящими классами против пролетариата *ради* укрепления своего положения, как *мелких собственников*. Образованные люди, вообще «интеллигенция» не может не восставать против дикого полицейского гнета абсолютизма, травящего мысль и знание, но материальные интересы этой интеллигенции привязывают ее к абсолютизму, к буржуазии, заставляют ее быть непоследовательной, заключать компромиссы, продавать свой оппозиционный и революционный пыл за казенное жалованье или за участие в прибылях или дивидендах. Что касается до демократических элементов в угнетенных народностях и в преследуемых вероучениях, то всякий знает и видит, что классовые противоречия внутри этих категорий населения гораздо глубже и сильнее, чем солидарность всех классов подобной категории против абсолютизма и за демократические учреждения. Только один пролетариат может быть — и, по своему классовому положению, не может не быть — последовательным до конца демократом, решительным врагом абсолютизма, неспособным ни на какие уступки, компромиссы. Только один пролетариат может быть *передовым борцом* за политическую свободу и за демократические учреждения, ибо, во-1-х, на пролетариате политический гнет отражается всего сильнее, не находя никаких коррективов в положении этого класса, не имеющего ни доступа к верховной власти, ни даже доступа к чиновникам, ни влияния на общественное мнение. А во-2-х, только пролетариат способен *до конца* довести демократизацию политического и общественного строя, ибо такая демократизация отдала бы этот строй в руки рабочих. Вот почему *слияние* демократической деятельности рабочего класса с демократизмом остальных классов и групп *ослабило* бы силу демократического движения, *ослабило* бы политическую борьбу, сделало бы ее менее решительной, менее последовательной, более способной на компромиссы. Наоборот, *выделение* рабочего класса, как передового борца за демократические учреждения, *усилит* демократическое движение, *усилит* борьбу за политическую свободу, ибо рабочий класс будет *подталкивать* все остальные демократические и политически оппозиционные элементы, будет толкать либералов к политическим радикалам, будет толкать радикалов на бесповоротный разрыв со всем политическим и социальным строем современного общества. Мы сказали выше, что все *социалисты* в России должны стать *социал-демократами*. Мы добавляем теперь: все истинные и последовательные *демократы* в России должны стать *социал-демократами*.

Поясним нашу мысль примером. Возьмем учреждение чиновничества, бюрократии, как особого слоя лиц, специализиро-

вавшегося на управлении и поставленного в привилегированное положение перед народом. Начиная от абсолютистской, полуазиатской России до культурной, свободной и цивилизованной Англии, мы везде видим это учреждение, составляющее необходимый орган буржуазного общества. Отсталости России и ее абсолютизму соответствует *полное бесправие* народа перед чиновничеством, *полная* бесконтрольность привилегированной бюрократии. В Англии есть могучий контроль народа над управлением, но и там этот контроль *далеко не полон,* и там бюрократия сохраняет не мало привилегий, является нередко господином, а не слугой народа. И в Англии мы видим, что сильные общественные группы поддерживают привилегированное положение бюрократии, препятствуют полной демократизации этого учреждения. Отчего это? Оттого, что *полная* демократизация его лежит в интересах одного лишь пролетариата: самые передовые слои буржуазии защищают некоторые прерогативы чиновничества, восстают против выборности всех чиновников, против совершенной отмены ценза, против непосредственной ответственности чиновников перед народом и т. п., ибо эти слои чувствуют, что подобной окончательной демократизацией воспользуется пролетариат *против* буржуазии. Так и в России. Против всевластного, безответственного, подкупного, дикого, невежественного и тунеядствующего русского чиновничества восстановлены весьма многочисленные и самые разнообразные слои русского народа. Но кроме пролетариата *ни один* из этих слоев не допустил бы полной демократизации чиновничества, потому что у всех других слоев (буржуазии, мелкой буржуазии, «интеллигенции» вообще) есть нити, связывающие его с чиновничеством, потому что все эти слои — *родня* русскому чиновничеству. Кто не знает, как легко совершается на святой Руси превращение интеллигента-радикала, интеллигента-социалиста в чиновника императорского правительства, — чиновника, утешающегося тем, что он приносит «пользу» в пределах канцелярской рутины, — чиновника, оправдывающего этой «пользой» свой политический индифферентизм, свое лакейство перед правительством кнута и нагайки? Только *пролетариат* безусловно враждебен абсолютизму и русскому чиновничеству, только у *пролетариата* нет никаких *нитей,* связывающих его с этими органами дворянско-буржуазного общества, только пролетариат способен на непримиримую вражду и решительную борьбу с ними.

Доказывая, что пролетариат, руководимый в его классовой борьбе социал-демократией, является передовым борцом русской демократии, мы встречаем тут крайне распространенное и крайне странное мнение, будто русская социал-демократия отодвигает назад политические вопросы и политическую борьбу. Как видим, это мнение — диаметрально противоположно истине. Чем же объяснить такое поразительное непонимание принципов социал-

*

демократии, излагавшихся много раз и изложенных уже в первых русских социал-демократических изданиях, — в заграничных брошюрах и книгах Группы «Освобождение Труда» [28])? Нам кажется, что объяснение этого изумительного факта заключается в следующих трех обстоятельствах:

Во-первых, в общем непонимании принципов социал-демократизма представителями старых революционных теорий, привыкшими к построению программ и планов деятельности на основании абстрактных идей, а не на основании учета действующих в стране реальных классов, поставленных историей в такое-то взаимоотношение. Именно отсутствие этого реалистического обсуждения тех *интересов,* которые поддерживают русскую демократию, и могло лишь вызвать мнение, будто русская социал-демократия оставляет в тени демократические задачи русских революционеров.

Во-вторых, в непонимании того, что соединение экономических и политических вопросов, социалистической и демократической деятельности в одно целое, во единую *классовую борьбу пролетариата* не ослабляет, а усиливает демократическое движение и политическую борьбу, приближая ее к реальным интересам народных масс, вытаскивая политические вопросы из «тесных кабинетов интеллигенции» на улицу, в среду рабочих и трудящихся классов, разменивая абстрактные идеи политического гнета на те реальные проявления его, от которых страдает всего больше пролетариат и на почве которых ведет свою агитацию социал-демократия. Русскому радикалу нередко кажется, что социал-демократ, который вместо того, чтобы прямо и непосредственно звать передовых рабочих на политическую борьбу, вместо этого указывает на задачу развития рабочего движения, организации классовой борьбы пролетариата, — что социал-демократ таким образом *отступает* от своего демократизма, отодвигает назад политическую борьбу. Но если здесь и есть *отступление,* то разве такое, о котором говорит французская поговорка: «il faut reculer pour mieux sauter!» (нужно отступить, чтобы сильнее прыгнуть).

В-третьих, недоразумение вызвано тем, что самое понятие «политическая борьба» имеет различное значение для народовольца и народоправца, с одной стороны, и для социал-демократа — с другой. Социал-демократы иначе понимают политическую борьбу, они понимают ее *гораздо шире,* чем представители старых революционных теорий. Наглядную иллюстрацию к этому положению, которое может показаться парадоксом, дает нам «Летучий Листок группы Народной Воли» № 4 от 9-го декабря 1895 г. Приветствуя от всей души это издание, свидетельствующее о глубокой и плодотворной работе мысли, которая идет в среде современных народовольцев, мы не можем не отметить статьи П. Л. Лаврова «О программных вопросах» (стр. 19 — 22), которая рельефно

показывает иное понимание политической борьбы народовольцами старого толка *). «...Здесь, — пишет П. Л. Лавров, говоря об отношении программы народовольческой к программе социал-демократической, — существенно одно и только одно: возможна ли организация сильной рабочей партии при абсолютизме и помимо организации революционной партии, направленной против абсолютизма?» (стр. 21, столб. 2); то же самое несколько выше (столб. 1-ый): «...организовать русскую рабочую партию при господстве абсолютизма, не организуя в то же время революционной партии против этого абсолютизма». Нам совершенно непонятны эти различия, для П. Л. Лаврова столь кардинально существенные. Как это? «Рабочая партия *помимо* революционной партии, направленной против абсолютизма»?? Да разве сама рабочая партия не есть революционная партия? Разве она не направлена против абсолютизма? Разъяснение этой странности дает следующее место статьи П. Л. Лаврова: «Организацию русской рабочей партии приходится создавать при условиях существования абсолютизма со всеми его прелестями. Если социал-демократам удалось бы сделать это, не организуя в то же время политического *заговора* **) против абсолютизма со всеми условиями подобного *заговора*, то, конечно, их политическая программа была бы надлежащей программой русских социалистов, так как освобождение рабочих силами самих рабочих совершалось бы. Но оно весьма сомнительно, если не невозможно» (стр. 21, ст. 1). Вот в чем суть-то! Для народовольца понятие политической борьбы тождественно с понятием политического *заговора!* Надо сознаться, что в этих словах П. Л. Лаврову удалось действительно с полной рельефностью указать основное различие в тактике политической борьбы у народовольцев и у социал-демократов. Традиции бланкизма [29]), заговорщичества страшно сильны у народовольцев, до того сильны, что они не могут себе представить политической борьбы иначе, как в форме политического заговора. Социал-демократы же в подобной узости воззрений не повинны; в заговоры они не верят; думают, что время заговоров давно миновало, что сводить политическую борьбу к заговору значит непомерно суживать ее, с одной стороны, а с другой — выбирать самые неудачные приемы борьбы. Всякий понимает, что слова П. Л. Лаврова, будто «деятельность Запада служит для русских социал-демократов

*) Статья П. Л. Лаврова, напечатанная в № 4, есть лишь «выдержка» из обширного письма П. Л. Лаврова, предназначенного для «Материалов». Мы слышали, что нынешним летом (1897) вышли за границей и это письмо П. Л. Лаврова в полном виде и ответ Плеханова, но мы не могли видеть ни того, ни другого. Точно также неизвестно нам, вышел ли № 5-ый «Летучего Листка группы Народной Воли», в котором редакция обещала редакционную статью по поводу письма П. Л. Лаврова. См. № 4, стр. 22, столбец 1-ый, примечание [30]).

**) Курсив наш.

безусловным образцом» (стр. 21, ст. 1), являются не больше, как полемической выходкой, а что на самом деле никогда русские социал-демократы не забывали о наших политических условиях, никогда не мечтали о возможности создать в России открыто рабочую партию, никогда не отделяли задачи борьбы за социализм от задачи борьбы за политическую свободу. Но они думали всегда и продолжают думать, что эту борьбу должны вести не заговорщики, а революционная партия, опирающаяся на рабочее движение. Они думают, что борьба против абсолютизма должна состоять не в устройстве заговоров, а в воспитании, дисциплинировании и организации пролетариата, в политической агитации среди рабочих, клеймящей всякое проявление абсолютизма, прибивающей к позорному столбу всех рыцарей полицейского правительства и вынуждающей у этого правительства уступки. Разве не такова именно деятельность С.-Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»? Разве эта организация не представляет из себя именно зачатка революционной партии, которая опирается на рабочее движение, руководит классовой борьбой пролетариата, борьбой против капитала и против абсолютного правительства, не устраивая никаких заговоров и почерпая свои силы именно из *соединения* социалистической и демократической борьбы в одну нераздельную классовую борьбу петербургского пролетариата? Разве деятельность «Союза», при всей ее краткости, не доказала уже, что руководимый социал-демократией пролетариат представляет из себя крупную политическую силу, с которой вынуждено уже считаться правительство, которой оно спешит делать уступки? Закон 2-го июня 1897 г. и торопливостью его проведения, и своим содержанием наглядно показывает свое значение, как вынужденной уступки пролетариату, как отвоеванной позиции у врага русского народа. Эта уступка весьма миниатюрна, позиция очень незначительна, но ведь и та организация рабочего движения, которой удалось вынудить эту уступку, тоже не отличается ни широтой, ни прочностью, ни давностью, ни богатством опыта или средств: «Союз борьбы» основался, как известно, лишь в 1895—96 году, и его обращения к рабочим ограничивались лишь гектографическими и литографскими листками. Возможно ли отрицать, что подобная организация, объединяющая по крайней мере крупнейшие центры рабочего движения в России (округа Спб-ий, М.-Владимирский, южный и важнейшие города, как Одесса, Киев, Саратов и т. д.), располагающая революционным органом и пользующаяся таким же авторитетом в среде русских рабочих, каким пользуется «Союз борьбы» среди спб-их рабочих, — что подобная организация была бы крупнейшим политическим фактором в современной России, — фактором, с которым правительство не могло бы не считаться во всей своей и внутренней и внешней политике? Руководя классовой борьбой

пролетариата, развивая организацию и дисциплину среди рабочих, помогая им бороться за свои ближайшие экономические нужды и отвоевывать у капитала одну позицию за другой, политически воспитывая рабочих и систематически, неуклонно преследуя абсолютизм, травя каждого царского башибузука, дающего почувствовать пролетариату тяжелую лапу полицейского правительства, — подобная организация была бы, в одно и то же время, и приспособленной к нашим условиям организацией рабочей партии и могучей революционной партией, направленной против абсолютизма. Рассуждать же наперед о том, к какому средству прибегнет эта организация для нанесения решительного удара абсолютизму, предпочтет ли она, например, восстание или массовую политическую стачку или другой прием атаки, — рассуждать об этом наперед и решать этот вопрос в настоящее время было бы пустым доктринерством. Это было бы похоже на то, как если бы генералы устроили военный совет раньше, чем они собрали войско, мобилизовали его, повели в поход на неприятеля. А когда армия пролетариата будет неуклонно и под руководством крепкой социал-демократической организации бороться за свое экономическое и политическое освобождение, — тогда эта армия сама укажет генералам приемы и средства действия. Тогда и только тогда можно будет решить вопрос о нанесении окончательного удара абсолютизму, ибо решение вопроса зависит именно от состояния рабочего движения, от широты его, от выработанных движением приемов борьбы, от свойств руководящей движением революционной организации, от отношения к пролетариату и к абсолютизму других общественных элементов, от условий внешней и внутренней политики, — одним словом, от тысячи условий, предугадывать которые наперед и невозможно, и бесполезно.

Поэтому в высшей степени несправедливо также и следующее суждение П. Л. Лаврова.

«Если же им (социал-демократам) придется, так или иначе, группировать не только рабочие силы для борьбы с капиталом, но сплачивать революционных личностей и группы для борьбы с абсолютизмом, то русские социал-демократы *фактически* (курсив автора) примут программу своих противников, народовольцев, как бы они себя ни называли. Разница во взглядах на общину, на судьбы капитализма в России, на экономический материализм суть частности, весьма маловажные для действительного дела и способствующие или мешающие решению частных задач, частных приемов подготовления основных пунктов, но — не более» (стр. 21, ст. 1).

Странно даже оспаривать это последнее положение, будто разница во взглядах на основные вопросы русской жизни и развития русского общества, на основные вопросы понимания истории могут касаться лишь «частностей»! Давно уже сказано,

что без революционной теории не может быть и революционного движения, и *в настоящее время* вряд ли есть надобность доказывать подобную истину. Теория классовой борьбы, материалистическое понимание русской истории и материалистическая оценка современного экономического и политического положения России, признание необходимости сводить революционную борьбу к определенным интересам определенного класса, анализируя его отношения к другим классам — называть эти крупнейшие революционные вопросы «частностями», — до такой степени колоссально неверно и неожиданно со стороны ветерана революционной *теории*, что мы почти готовы считать это место просто lapsus'ом *). Что же касается до первой половины выписанной тирады, то ее несправедливость еще поразительнее. Заявлять печатно, что русские социал-демократы только группируют рабочие силы для борьбы с капиталом (т.-е. для одной экономической борьбы!), не сплачивая революционных личностей и групп для борьбы с абсолютизмом — это значит либо не знать, либо не хотеть знать общеизвестных фактов о деятельности русских социал-демократов. Или, может быть, П. Л. Лавров не считает практически работающих в России социал-демократов «революционными личностями» и «революционными группами»?! Или (это, пожалуй, вернее) под «борьбой» с абсолютизмом он разумеет только заговоры против абсолютизма? (Ср. стр. 21, столб. 2: «...дело идет об... организации революционного *заговора*»; курсив наш.) Может быть, по мнению П. Л. Лаврова, тот, кто не устраивает политических заговоров, не ведет и политической борьбы? Повторяем еще раз: такое воззрение вполне соответствует старинным традициям старинного народовольчества, но оно совершенно не соответствует ни современным представлениям о политической борьбе, ни современной действительности.

Нам остается еще сказать несколько слов о народоправцах. П. Л. Лавров вполне прав, по нашему мнению, говоря, что социал-демократы «рекомендуют народоправцев, как более откровенных, и готовы их поддерживать, впрочем, не сливаясь с ними» (стр. 19, ст. 2); надо бы только добавить: как более откровенных *демократов* и *поскольку* народоправцы выступают, как последовательные демократы. К сожалению, это условие — скорее желательное будущее, чем действительное настоящее. Народоправцы выразили желание освободить демократические задачи от народничества и вообще от связи с устарелыми формами «русского социализма», но они оказались сами далеко не освободившимися от старых предрассудков и далеко непоследовательными, когда назвали свою партию исключительно политических преобразований — партией «социально (??!)-революционной» (см. «Манифест» их, датиро-

*) — обмолвкой. *Ред.*

ванный 19 февраля 1894 года) и заявили в своем «манифесте», что «в понятие народного права входит организация народного производства» (мы вынуждены цитировать на память), вводя таким образом под сурдинкой те же предрассудки народничества. Поэтому, пожалуй, П. Л. Лавров был не совсем не прав, назвав их «маскарадными политиками» (стр. 20, ст. 2). Но, может быть, более справедливо смотреть на народоправство, как на переходное учение, которому нельзя не поставить в заслугу того, что оно устыдилось самобытности народнических доктрин и открыто вступило в полемику с теми отвратительнейшими реакционерами народничества, которые перед лицом полицейски классового абсолютизма позволяют себе говорить о желательности экономических, а не политических преобразований (см. «Насущный вопрос», издание партии Народного Права). Если в партии народоправцев нет действительно никого, кроме бывших социалистов, прячущих свое социалистическое знамя в видах тактических, надевающих только маску политиков не-социалистов (как предполагает П. Л. Лавров, стр. 20, ст. 2),— тогда, конечно, эта партия не имеет никакой будущности. Но если в этой партии есть и не маскарадные, а настоящие политики не-социалисты, демократы не-социалисты,— тогда эта партия может принести не малую пользу, стараясь сблизиться с политически оппозиционными элементами нашей буржуазии, стараясь пробудить политическое самосознание класса нашей мелкой буржуазии, мелких торговцев, мелких ремесленников и т. д.,— этого класса, который везде в Западной Европе сыграл свою роль в демократическом движении, который у нас в России сделал особенно быстрые успехи в культурном и других отношениях за пореформенную эпоху и который не может не чувствовать гнета полицейского правительства с его циничной поддержкой крупных заводчиков, финансовых и промышленных тузов-монополистов. Для этого необходимо только, чтобы народоправцы поставили своей задачей именно сближение с различными слоями населения, а не ограничивались все той же «интеллигенцией», бессилие которой при оторванности от реальных интересов масс признает и «Насущный вопрос». Для этого необходимо, чтобы народоправцы оставили всякие претензии на слияние разнородных общественных элементов и отстранение социализма перед политическими задачами, чтобы они оставили ложный стыд, препятствующий сближению с буржуазными слоями народа, т.-е. чтобы они не только говорили о программе политиков не-социалистов, но и поступали сообразно с этой программой, пробуждая и развивая классовое самосознание тех общественных групп и классов, для которых социализм вовсе не нужен, но которые чем дальше, тем сильнее чувствуют гнет абсолютизма и необходимость политической свободы.

Русская социал-демократия еще очень молода. Она только-только выходит из того зародышевого состояния, когда преобладающее место занимали вопросы теоретические. Она только начинает развивать свою практическую деятельность. На место критики социал-демократических теорий и программ революционеры других фракций должны, в силу необходимости, выступать с критикой *практической деятельности* русских социал-демократов. И надо признать, что эта последняя критика отличается самым резким образом от критики теоретической, отличается до того, что оказалось возможным сочинить комический слух, будто спб-ий «Союз борьбы» есть организация не-социал-демократическая. Самая возможность подобного слуха показывает уже неправильность ходячих обвинений социал-демократов в игнорировании политической борьбы. Самая возможность такого слуха свидетельствует уже о том, что многие революционеры, которых не могла убедить *теория* социал-демократов, начинают убеждаться их *практикой*.

Перед русской социал-демократией еще громадное, едва начатое поле работы. Пробуждение русского рабочего класса, его стихийное стремление к знанию, к объединению, к социализму, к борьбе против своих эксплуататоров и угнетателей проявляется с каждым днем все ярче и шире. Гигантские успехи, которые делает русский капитализм в последнее время, ручаются за то, что рабочее движение будет безостановочно расти вширь и вглубь. В настоящее время мы переживаем, видимо, тот период капиталистического цикла, когда промышленность «процветает», торговля идет бойко, фабрики работают во-всю и, как грибы после дождя, появляются бесчисленные новые заводы, новые предприятия, акционерные общества, железнодорожные сооружения и т. д. и т. д. Не надо быть пророком, чтобы предсказать неизбежность краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим «процветанием» промышленности. Такой крах разорит массу мелких хозяйчиков, бросит массы рабочих в ряды безработных и поставит, таким образом, перед всеми рабочими массами в острой форме те вопросы социализма и демократизма, которые давно уже встали перед каждым сознательным, каждым думающим рабочим. Русские социал-демократы должны позаботиться о том, чтобы этот крах застал русский пролетариат более сознательным, более объединенным, понимающим задачи русского рабочего класса, способным дать отпор классу капиталистов, пожинающих ныне гигантские барыши и стремящихся всегда сваливать убытки на рабочих,— способным вступить во главе русской демократии в решительную борьбу против полицейского абсолютизма, связывающего по рукам и по ногам русских рабочих и весь русский народ.

Итак, за работу же, товарищи! Не будем терять дорогого времени! Русским социал-демократам предстоит масса дела по

удовлетворению запросов пробуждающегося пролетариата, по организации рабочего движения, по укреплению революционных групп и их взаимной связи, по снабжению рабочих пропагандистской и агитационной литературой, по объединению разбросанных по всем концам России рабочих кружков и социал-демократических групп в единую *социал-демократическую рабочую партию!*

К ПЕТЕРБУРГСКИМ РАБОЧИМ И СОЦИАЛИСТАМ ОТ «СОЮЗА БОРЬБЫ» [31]).

Тяжелое время переживают петербургские революционеры. Правительство точно собрало все свои силы, чтобы раздавить недавно зародившееся и проявившее себя с такой силой рабочее движение. Аресты приняли необычайные размеры, тюрьмы переполнены. Хватают интеллигентов, мужчин и женщин, хватают и массами высылают рабочих. Едва ли не каждый день приносит известия о новых и новых жертвах полицейского правительства, в бешенстве набросившегося на своих врагов. Правительство задалось задачей не дать окрепнуть и встать на ноги новому течению русского революционного движения. Прокуроры и жандармы хвастают уже, что им удалось разгромить «Союз борьбы».

Эта похвальба — ложь. «Союз борьбы» цел, несмотря на все преследования. С полным удовлетворением мы констатируем, что массовые аресты служат свою службу, являясь могучим орудием агитации среди рабочих и среди интеллигентов-социалистов, что на место погибших революционеров выдвигаются новые, готовые с свежими силами встать в ряды борцов за русский пролетариат и весь русский народ. Без жертв не может быть борьбы, и на зверскую травлю царских башибузуков мы отвечаем спокойно: революционеры погибли — да здравствует революция!

Усиление преследований в состоянии было до сих пор вызвать лишь временное ослабление отдельных функций «Союза борьбы», временный недостаток в агентах и агитаторах. Именно такой недостаток ощущается теперь и заставляет нас обратиться с воззванием ко всем сознательным рабочим и ко всем интеллигентам, желающим отдать свои силы на службу революционному делу. «Союзу борьбы» нужны агенты. Пусть все кружки и все отдельные лица, желающие работать в какой бы то ни было, хотя бы самой узкой сфере революционной деятельности, заявят об этом тем, кто имеет сношения с «Союзом борьбы». (В случае, если бы какая-нибудь группа не могла найти таких лиц, — что очень маловероятно, — она может обратиться через заграничный «Союз русских социал-демократов».) Работники

нужны для всякого рода работы, и чем строже специализируются революционеры на отдельных функциях революционной деятельности, чем строже обдумают они конспиративные приемы и прикрытия своего дела, чем самоотверженнее замкнутся в маленькой, невидной, частичной работе,— тем надежнее будет все дело, тем труднее будет открыть революционеров жандармам и шпионам. Правительство опутало уже заранее сетью своих агентов не только настоящие, но и возможные, вероятные очаги антиправительственных элементов. Правительство неуклонно развивает и вширь и вглубь деятельность своих слуг, травящих революционеров, изобретает новые приемы, ставит новых провокаторов, старается давить на арестованных посредством запугиваний, предъявления ложных показаний, поддельных подписей, подбрасывания фальшивых записок и т. п. средствами. Без усиления и развития революционной дисциплины, организации и конспирации невозможна борьба с правительством. А конспирация прежде всего требует специализации отдельных кружков и лиц на отдельных функциях работы и предоставления объединяющей роли самому незначительному по числу членов центральному ядру «Союза борьбы». Отдельные функции революционной работы бесконечно разнообразны: нужны агитаторы легальные, умеющие говорить среди рабочих так, чтобы их *нельзя было* привлечь к суду за это, умеющие говорить только *a*, предоставляя другим сказать *b* и *c*. Нужны распространители литературы, листков. Нужны организаторы рабочих кружков и групп. Нужны корреспонденты со всех фабрик и заводов, доставляющие сведения о всех происшествиях. Нужны люди, следящие за шпионами и провокаторами. Нужны устроители конспиративных квартир. Нужны люди для передачи литературы, для передачи поручений, для сношений всякого рода. Нужны сборщики денег. Нужны агенты в среде интеллигенции и чиновничества, соприкасающиеся с рабочими, с фабрично-заводским бытом, с администрацией (с полицией, фабричной инспекцией и т. д.). Нужны люди для сношений с различными городами России и других стран. Нужны люди для устройства разных способов механического воспроизведения всякой литературы. Нужны люди для хранения литературы и других вещей и т. д. и т. д. Чем дробнее, мельче будет то дело, которое возьмет на себя отдельное лицо или отдельная группа,— тем больше шансов, что ему удастся обдуманно поставить это дело и наиболее гарантировать его от краха, обсудить все конспиративные частности, применив всевозможные способы обмануть бдительность жандармов и ввести их в заблуждение, тем надежнее успех дела, тем труднее для полиции и жандармов проследить революционера и связь его с организацией, тем легче будет для революционной партии заменять погибших агентов и членов другими без ущерба для всего дела. Мы знаем, что такая специали-

зация — очень трудная вещь, трудная потому, что она требует наиболее выдержки и наиболее самоотвержения от человека, требует отдачи всех сил на невидную работу, однообразную, лишенную сношений с товарищами, подчиняющую всю жизнь революционера сухой и строгой регламентации. Но только при этих условиях удавалось корифеям революционной практики в России приводить в исполнение самые грандиозные предприятия, затрачивая годы на всестороннюю подготовку дела, и мы глубоко уверены, что у социал-демократов окажется не меньше самоотвержения, чем у революционеров предыдущих поколений. Мы знаем также, что по предлагаемой нами системе многим лицам, рвущимся приложить свои силы к революционной работе, будет очень тяжел тот подготовительный период, покуда «Союз борьбы» соберет надлежащие сведения о предлагающем свои услуги лице или группе и испытает его способность на отдельных поручениях. Но без такого предварительного искуса невозможна революционная деятельность в современной России.

Предлагая такую систему деятельности своим новым товарищам, мы высказываем положения, к которым привел нас продолжительный опыт, глубоко убежденные, что успешность революционной работы наиболее гарантирована при этой системе.

Владиміръ Ильинъ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ
ЭТЮДЫ И СТАТЬИ.

Къ характеристикѣ экономическаго романтизма. — Пермская кустарная перепись. — Перлы народническаго прожектерства. — Отъ какого наслѣдства мы отказываемся? — Къ вопросу о нашей фабрично-заводской статистикѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія А. Лейферта. Бол. Морская. 65.
1899.

Обложка сборника статей В. Ильина (В. И. Ленина): «Экономические этюды и статьи» — 1899 г.

КУСТАРНАЯ ПЕРЕПИСЬ 189$^{4}/_{5}$ ГОДА В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ И ОБЩИЕ ВОПРОСЫ «КУСТАРНОЙ» ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Написано в 1897 г.
Напечатано в 1899 г. в сборнике: Владимир Ильин — «Экономические этюды и статьи»

Печатается по тексту сборника

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

(I. Общие данные. — II. «Кустарь» и наемный труд. — III. «Общинно-трудовая преемственность».)

Пермские ученые общества предприняли, при участии земства, обширный труд к выставке 1896 года в Нижнем-Новгороде, носящий общее заглавие: «Обзор Пермского края». Материалов собрано более чем на 200 листов; все издание должно составить восемь томов. К выставке его, как водится, не успели закончить, и пока издан только первый том, содержащий очерк кустарной промышленности губернии *). «Очерк» представляет выдающийся интерес по новизне, богатству и полноте положенного в его основание материала. Материал собран был специальной *кустарной переписью*, произведенной на земские средства в $189^{4}/_{5}$ году, при чем перепись была подворная, опрашивался каждый домохозяин в отдельности. Сведения собирались земскими начальниками. Программа подворного исследования была очень обширная, обнимая и личный состав семей кустарей-хозяев, и наемный труд, употребляемый кустарями, и сельское хозяйство, и сведения о заготовке сырья, о технике производства, о распределении работ по месяцам года, о сбыте продуктов, о времени возникновения заведений, о задолженности кустарей. Насколько нам известно, столь богатые сведения опубликовываются в нашей литературе едва ли не впервые. Но кому много дано, с того много и спросится. Богатство материала дает нам право предъявлять к исследователям требование обстоятельной разработки этого материала, а этим требованиям «Очерк» удовлетворяет далеко не вполне. И в табличных данных, и в способе группировки

---

*) «Обзор Пермского края. Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губернии». Издано на средства Перм. губ. земства. Пермь. 1896. Стр. II + 365 + 232 страницы таблиц, 16 диаграмм и карта Пермской губернии. Ц. 1 р. 50 коп.

и обработки их есть много пробелов, восполнять которые приходилось отчасти автору посредством выборки из книги и подсчета соответственных данных.

Мы намерены познакомить читателей с материалом, собранным переписью, с приемами его обработки, с выводами, которые следуют из данных относительно *экономической действительности* наших «кустарных промыслов». Мы подчеркиваем слова: «экономической действительности», ибо мы ставим вопрос только о том, что есть в действительности, и почему эта действительность именно такова, а не иная. Что же касается до распространения выводов из данных о Пермской губернии на все «наши кустарные промыслы» вообще, то читатель убедится из нижеследующего в законности такого распространения, ибо в Пермской губернии виды «кустарничества» чрезвычайно разнообразны и охватывают *всевозможные* виды его, о каких только сообщалось когда-либо в литературе кустарных промыслов.

Усиленно просим только читателя — как можно строже различать две стороны дальнейшего изложения: изучение и обработку фактических данных, с одной стороны, и оценку народнических воззрений авторов «Очерка», с другой.

I.

ОБЩИЕ ДАННЫЕ.

Кустарная перепись $189^4/_5$ года охватила во всех уездах губернии 8.991 семью кустарей (не считая семей наемных рабочих), т.-е. около $72^0/_0$ всего числа пермских кустарей, как полагают исследователи, насчитывая по другим данным еще 3.484 семьи. Основное подразделение кустарей по типам их, принятое в «Очерке», состоит в различении двух *групп* кустарей (в таблицах группы означены римскими цифрами I и II), именно имеющих земледельческое хозяйство (I) и не имеющих его (II); затем трех *подгрупп* каждой группы (арабские цифры: 1, 2, 3), именно: 1) кустари, работающие на вольную продажу; 2) кустари, работающие на заказчиков-потребителей, и 3) кустари, работающие на заказчиков-скупщиков. В двух последних подгруппах сырье преимущественно дается кустарю заказчиком. Остановимся несколько на этой группировке. Деление кустарей на земледельцев и неземледельцев, разумеется, вполне основательно и необходимо. Обилие безземельных кустарей в Пермской губернии, сосредоточенных часто в заводских селениях, заставило авторов произвести эту группировку систематически и ввести ее в таблицы. Мы узнаем таким образом, что $^1/_3$ всего числа кустарей (в 8.991 заведении 19.970 семейных и наемных рабочих) именно 6.638 человек при-

надлежат к неимеющим земледельческого хозяйства *). Уже отсюда видна, след., неточность обычных предположений и утверждений о связи кустарной промышленности с земледелием, как общем явлении, — связи, возводимой иногда даже в особенность России. Если исключить из числа «кустарей» неправильно причисляемых к ним сельских (и городских) ремесленников, то из остальных 5.566-ти семей — безземельных 2.268, т.-е. более $^2/_5$ всего числа работающих на рынок промышленников. К сожалению, и эта основная группировка не выдержана в «Очерке» последовательно. Во-1-х, она приведена лишь относительно кустарей-хозяев, относительно же наемных рабочих нет таких данных. Этот пробел — результат того, что кустарная перепись вообще обошла наемных рабочих и их семьи, регистрируя только заведения, только хозяев. В «Очерке» очень неточно употребляется вместо этих слов выражение: «занимающиеся кустарными промыслами семейства», ибо семейства, отпускающие наемных рабочих к кустарям, разумеется, не менее «занимаются кустарными промыслами», чем семейства, нанимающие рабочих. Отсутствие подворных данных о семьях наемных рабочих (число их равно $^1/_4$ всего числа рабочих) — важный пробел переписи. Пробел этот весьма характерен для народников, становящихся сразу на точку зрения мелкого производителя и оставляющих в тени наемный труд. Ниже мы встретим еще не раз пробелы в сведениях о наемных рабочих, а пока ограничимся замечанием, что хотя отсутствие данных о семьях наемных рабочих и составляет обычное явление в литературе кустарных промыслов, но есть и исключения. В трудах московской земской статистики встречаются иногда данные, систематически собранные о семьях наемников; еще больше таких данных в известном исследовании гг. Харизоменова и Пругавина: «Промыслы Владимирской губернии», где есть и подворные переписи, регистрирующие семьи наемных рабочих наравне с семьями хозяев. Во-2-х, включив в число кустарей массу безземельных промышленников, исследователи, естественно, подорвали основание обычного, совершенно неправильного, приема — исключать из числа «кустарей» *городских* промышленников. И мы видим, действительно, что в кустарную перепись $189^4/_5$ года вошел один город Кунгур (с. 33 таблиц), но *только один*. Никаких пояснений в «Очерке» нет, и остается неизвестным, почему в перепись вошел только один и именно этот город, случайно или по каким-либо основаниям. Получается немалая путаница, сильно портящая общие данные. В общем и целом, кустарная перепись повторяет, след., обычную народническую ошибку выделения деревни («кустаря») и города, хотя известный промышленный

*) На деле больше чем треть промышленников безземельных, ибо в перепись вошел лишь один город. Об этом ниже.

район сплошь да рядом обнимает город и окрестные селения. Давно бы пора отбросить это выделение, основанное на предрассудке и на преувеличении отживших свое время сословных перегородок.

Мы упоминали уже не раз о ремесленниках, сельских и городских, то выделяя их из кустарей, то включая в число их. Дело в том, что эти колебания свойственны всей литературе «кустарных» промыслов, доказывая негодность такого термина, как «кустарь», для научных исследований. Общепринятым считается мнение, что к кустарям следует относить только работающих на рынок, только товаропроизводителей, но на деле нелегко найти такое исследование кустарных промыслов, где бы в число кустарей не попадали и ремесленники, т.-е. работающие на заказчиков-потребителей (2-ая подгруппа, по «Очерку»). И в «Трудах комиссии по исследованию кустарной промышленности» и в «Промыслах Московской губернии» вы встретите ремесленников в числе «кустарей». Мы считаем бесполезным спорить о смысле слова «кустарь», ибо, как увидим ниже, *нет той формы промышленности* (кроме разве машинной индустрии), которая бы не включалась под этот традиционный термин, абсолютно негодный для научных исследований. Несомненно, что надо строго отличать товаропроизводителей, работающих на рынок (1-ая подгруппа) от ремесленников, работающих на потребителей (2-ая подгруппа), ибо эти формы промышленности представляют совершенно разнородные типы по своему общественно-хозяйственному значению. Очень неудачны попытки «Очерка» сгладить эти различия (ср. стр. 13, 177); гораздо правильнее было замечено в другом земско-статистическом издании о пермских кустарях, что «у ремесленников очень мало точек соприкосновения с областью кустарной промышленности, — менее, чем у этой последней с промышленностью фабричной» *). И фабричная промышленность и 1-ая подгруппа «кустарей» относится к *товарному производству,* которого нет во 2-й подгруппе. Так же строго надо отличать 3-ю подгруппу, кустарей, работающих на скупщиков (и фабрикантов), которые *существенно* различаются от «кустарей» двух первых подгрупп. Нельзя не пожелать, чтобы все исследователи так называемой «кустарной» промышленности строго выдерживали это деление и употребляли точные политико-экономические термины вместо подкладывания произвольного смысла под термины разговорные.

---

*) «Кустарная промышленность Пермской губернии на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в гор. Екатеринбурге в 1887 г.» Е. Красноперова. 3 выпуска. Пермь 1888 — 9. Вып. I, с. 8. Мы будем цитировать это полезное издание, означая кратко: «Куст. пром.», выпуск и страница.

Приведем данные о распределении «кустарей» по группам и подгруппам:

	Группа I				Группа II				Итого
	Подгруппы			Всего	Подгруппы			Всего	
	1	2	3		1	2	3		
Число заведений	2.285	2.821	1.013	6.119	935	604	1.333	2.872	8.991
	37,3	46,1	16,6	100	32,6	21,0	46,4	100	—
Число рабоч. Семейных	4.201	4.146	1.957	10.304	1.648	881	2.233	4.762	15.066
Наемных	1.753	681	594	3.028	750	282	844	1.876	4.904
Всего. . .	5.954	4.827	2.551	13.332	2.328	1.163	3.077	6.638	19.970
Число заведений с наемными рабочими.	700	490	251	1.441	353	148	482	983	2.424

Прежде чем делать выводы из этих данных, напомним, что город Кунгур вошел во II-ую группу, содержащую таким образом смешанные данные о сельских и городских промышленниках. Мы видим из таблицы, что земледельцы (I группа), преобладая значительно в числе *сельских* промышленников и ремесленников, являются более отсталыми в развитии форм промышленности, чем неземледельцы (II группа). У земледельцев гораздо больше развито примитивное ремесло сравнительно с производством на рынок. Большее развитие капитализма среди неземледельцев выражается бо̀льшим процентом наемных рабочих, заведений с наемными рабочими и кустарей, работающих на скупщиков. Можно заключить, след., что связь с земледелием задерживает более отсталые формы промышленности и, наоборот, что развитие капитализма в промышленности ведет к разрыву с земледелием. К сожалению, точных сведений по этому предмету мы не имеем и должны довольствоваться такими наводящими указаниями. Напр., мы не узнаем из «Очерка», как распределяется вообще сельское население Пермской губернии между земледельцами и безземельными, и потому не можем сравнить, в каком из этих разрядов сильнее развиты промыслы. Остался в пренебрежении также крайне интересный вопрос о районах промышленности (данные об этом были у исследователей самые точные, о каждом селении отдельно), о концентрации промышленников в неземледельческих, заводских, вообще торгово-промышленных селениях, о центрах каждой отрасли промышленности, о распространении промыслов из этих центров на окрестные селения. Если добавить к этому, что подворные данные о времени возник-

новения заведений (о них ниже, § III) давали возможность определить характер развития промыслов, т.-е. распространяются ли они от центров к окрестным селениям или наоборот, распространяются ли сильнее среди земледельцев или среди неземледельцев и т. д., то нельзя будет не пожалеть о недостаточной разработке данных. Все, что мы можем получить по этому вопросу, это — сведения о размещении промыслов по уездам. Для ознакомления читателя с этими сведениями воспользуемся разделением уездов на группы, предложенным в «Очерке» (с. 31): 1) «уезды с наибольшим процентом кустарей, работающих на рынок, и, вместе с тем, с относительно высоким уровнем развития кустарной промышленности» — 5 уездов. 2) «Уезды с относительно слабой степенью развития кустарных промыслов, но с преобладающим числом кустарей, работающих на рынок» — 5 уездов и 3) «уезды также с невысоким уровнем развития кустарной промышленности, но в которых частенько преобладают кустари, работающие по заказу потребителей» — 2 уезда. Сводя важнейшие данные по этим группам уездов, получаем следующую таблицу: *)

Эта таблица дает нам следующие интересные выводы: чем более развита сельская промышленность в группе уездов, тем 1) меньше процент сельских ремесленников, т.-е. тем более ремесло оттесняется товарным производством; 2) тем больший процент кустарей принадлежит к неземледельческому населению; 3) тем сильнее развиваются капиталистические отношения, тем больше процент зависимых кустарей. В третьей группе уездов преобладают сельские ремесленники (77,7% всех кустарей); рядом с этим здесь преобладают земледельцы (только 5,8% неземледельцев) и капитализм развит ничтожно: всего 7,2% наемных рабочих и 2,7% кустарей-семьян, работающих на скупщиков, т.-е. всего 9,9% зависимых кустарей. Во второй группе уездов преобладает, наоборот, товарное производство, которое уже оттесняет ремесло: только 32,1% ремесленников. Процент кустарей земледельцев понижается с 94,2% до 66,2%; процент наемных рабочих возрастает более чем в четыре раза: с 7,2% до 32,1%; повышается, хотя не так значительно, и процент семьян, работающих на скупщиков, так что общий процент зависимых кустарей составляет 38,4% — почти $^2/_5$ всего числа. Наконец, в первой группе уездов ремесло еще более оттесняется товарным производством, занимая лишь $^1/_5$ всего числа «кустарей» (21,8%), и рядом с этим число неземледельцев промышленников повышается до 42,4%; процент наемных рабочих несколько понижается (с 32,1% до 26%), но зато в громадных размерах возрастает процент зависимых от скупщиков семьян, именно с 6,3%

*) См. стр. 201. *Ред.*

ГРУППЫ УЕЗДОВ	ЧИСЛО КУСТАРЕЙ работающих: На вольную продажу			На скупщиков			На потребителей			ВСЕГО			Процент кустарей		Число лиц об. п. в семьях кустарей		
	Семейных	Наемных	Всего	Семейных	Наемных	Всего	Семейных	Наемных	Всего	Семейных	Наемных	Всего	Работающих на рынок	Зависимых (см. прим.)	Имеющих свое земледел. хозяйство	Не имеющих запашки	Всего
1) Наибольшее развитие кустарной промышленности 5 уездов . .	4.160	1.702	5.862	3.930	1.397	5.327	2.501	623	3.124	10.591	3.722	14.313	78,2	53,4	21.320	15.483	36.803
	—	—	—	27,4	—	—	—	—	21,8	—	26,0	100	—	—	57,6	42,4	100
2) Более слабое развитие кустарной промышленности 5 уездов . .	1.436	904	2.340	259	158	417	1.077	252	1.329	2.772	1.314	4.086	67,5	38,4	7.335	3.740	11.075
	—	—	—	6,3	—	—	—	—	32,5	—	32,1	100	—	—	66,2	33,8	100
3) Преобладание ремесла . . . 2 уезда . . .	340	59	399	56	—	56	1.499	88	1.587	1.895	147	2.042	22,3	9,9	5.998	364	6.362
	—	—	—	2,7	—	—	—	—	77,7	—	7,2	100	—	—	94,2	5,8	100
Итого. .	5.936	2.665	8.601	4.245	1.155	5.800	5.077	963	6.040	15.258	5.183	20.441	70,5	46,1	34.653	19.587	54.240
	—	—	—	20,8	—	—	—	—	29,5	—	25,3	100	—	—	63,9	36,1	100

1) В 1-й группе уезды Шадринский, Кунгурский, Красноуфимский, Екатеринбургский и Осинский; во 2-й — Верхотурский, Пермский, Ирбитский, Оханский и Чердынский; в 3-й — Соликамский и Камышловский.

2) «Зависимыми» кустарями мы называем: а) наемных рабочих и б) семьян, работающих на скупщиков.

3) Число кустарей здесь не то, что было приведено выше, ибо поуездные цифры в «Очерке» (с. 30 — 31) отличаются от итогов таблицы, помещенной в приложении.

до 27,4%, так что всего зависимых кустарей оказывается более половины — 53,4%. Район наибольшего (абсолютно и относительно) числа «кустарей» оказывается районом наибольшего развития капитализма: рост товарного производства оттесняет на задний план ремесло, ведет к развитию капитализма и к переходу промысла в руки неземледельцев, т.-е. к отделению промышленности от земледелия (или, быть может, к концентрации промыслов в неземледельческом населении). У читателя может возникнуть сомнение, правильно ли считать более развитым капитализм в первой группе уездов, где меньше наемных рабочих, чем во второй, но больше работающих на скупщиков. Работа на дому, — могут возразить, — есть низшая форма капитализма. Мы увидим, однако, ниже, что из этих скупщиков многие состоят фабрикантами, владеют крупными капиталистическими заведениями. Работа на дому является здесь *придатком фабрики,* означая большую концентрацию производства и капитала (на некоторых скупщиков работает 200 — 500, до тысячи и более человек), большее разделение труда и будучи, след., более высокой по степени развития формой капитализма. Эта форма относится к мелкой мастерской хозяйчика с наемными рабочими, как капиталистическая мануфактура относится к капиталистической простой кооперации.

Приведенные данные достаточно опровергают попытки составителей «Очерка» противопоставить принципиально «кустарную форму производства» — «капиталистической», — рассуждение, повторяющее традиционные предрассудки всех российских народников с гг. В. В. и Н. —оном во главе. «Основное различие» между этими двумя формами пермские народники полагают в том, что в первой «труду принадлежат орудия и материалы производства и вместе с тем все результаты труда в виде продуктов производства» (с. 3). Мы теперь уже можем совершенно определенно констатировать, что это — фальшь. Даже если мы включим в число кустарей и ремесленников, все-таки *большая часть «кустарей» не подходит под эти условия:* не подходят, во-1-х, наемные рабочие, а их 25,3%; не подходят, во-2-х, семьяне, работающие на скупщиков, ибо ни материалы производства, ни результаты труда им не принадлежат и они получают лишь задельную плату; таких 20,8%; не подходят, в-3-х, семьяне 1-ой и 2-ой подгруппы, держащие наемных рабочих, ибо им принадлежат «результаты» не одного только своего труда. Таких, вероятно, около 10% (из 6.645 заведений 1-ой и 2-ой подгруппы 1.691, т.-е. 25,4% держит наемных рабочих; в 1.691 заведении, вероятно, не менее 2.000 семьян). Итого вот уже 25,3% + 20,8% + + 10 = 56,1% «кустарей», т.-е. более половины не подходят под эти условия. Другими словами, даже в такой глухой и отсталой в хозяйственном отношении губернии, как Пермская, *уже теперь*

преобладает «кустарь», либо нанимающийся в наймы, либо занимающий других, либо эксплуатирующий, либо эксплуатируемый. Но гораздо правильнее для такого расчета исключить ремесло и взять одно товарное производство. Ремесло — настолько архаическая форма промышленности, что даже среди отечественных народников, не раз изрекавших, что отсталость есть счастье России (à la гг. В. В., Южаков и К^0), не находилось человека, который бы открыто и прямо решился защищать ее и выставлять «залогом» своих идеалов. В Пермской губернии ремесло еще очень развито, сравнительно с центральной Россией: достаточно сослаться на такой промысел, как синильный (или красильный). Это — исключительно ремесленное окрашивание домашних тканей крестьян, которые в менее захолустных местах России давно уже уступили место фабричным ситцам. Но и в Пермской губернии ремесло оттеснено уже далеко на второй план: даже в сельской промышленности только 29,5%, т.-е. менее трети, принадлежат к ремесленникам. Исключая же ремесленников, мы получаем 14.401 работающих на рынок; из них 29,3% наемных рабочих, да 29,5% семьян, работающих на скупщиков, т.-е. 58,4% зависимых «кустарей» да процентов 7—8 хозяйчиков с наемными рабочими, т.-е. всего около 66%, *две трети* «кустарей», имеющих *два* основных *сходства,* а не различия с капитализмом, именно: во-1-х, они все товаропроизводители, а капитализм есть лишь развитое до конца товарное хозяйство; во-2-х, из них *большая часть* стоит в свойственных капитализму отношениях купли-продажи рабочей силы. Составители «Очерка» усиливаются уверить читателя, что наемный труд в «кустарном» производстве имеет особое значение и объясняется, будто бы, «уважительными» причинами; мы рассмотрим в своем месте (§ VII) эти уверения и приводимые ими примеры. Здесь же достаточно констатировать, что там, где господствует товарное производство, и наемный труд употребляется не случайно, а систематически, на-лицо есть все признаки капитализма. Можно говорить о его неразвитости, зачаточности, об особых формах его, но полагать «основное различие» между тем, что на деле обнаруживает *основное сходство,* значит извращать действительность.

Отметим кстати еще одно извращение. На стр. 5-ой в «Очерке» говорится, что «произведения кустаря... приготовляются из материалов, приобретаемых главным образом на месте же». Как раз по этому пункту имеются в «Очерке» данные для проверки, именно сопоставление того, как распределяются по уездам губернии кустари, обрабатывающие животные продукты, сравнительно с продуктами скотоводства и земледелия; кустари, обрабатывающие растительные продукты, сравнительно с распределением леса; кустари, обрабатывающие металлы, сравнительно с распределением чугуна и железа, добываемого в губернии. Оказывается из этого

сопоставления, что по обработке животных продуктов в трех уездах сосредоточено 68,9% кустарей этого рода, между тем как голов скота в этих же уездах только 25,1%, а десятин посева только 29,5%, т.-е. оказывается как раз обратное, и в «Очерке» тут же констатируется, что «высокая степень развития производств, основанных на переработке животных продуктов, обеспечивается главным образом ввозным сырьем, напр., в Кунгурском и Екатеринбургском уездах — сырыми кожами, обрабатываемыми местными кожевенными заводами и кустарными кожевнями, откуда собственно и получается матерьял для чеботарного производства, — главнейшего из кустарных промыслов этих уездов» (24 — 5). Кустарничество основано здесь, след., не только на крупных оборотах местных капиталистов по торговле кожами, но и на приобретении от заводчиков полуфабриката, т.-е. кустарничество явилось результатом, придатком развитого товарного обращения и капиталистических кожевенных заведений. «В Шадринском уезде ввозным сырьем является шерсть, дающая материал для главного промысла уезда — пимокатного». Далее, по обработке растительных продуктов 61,3% кустарей сосредоточено в 4-х уездах. Между тем в этих же 4-х уездах всего 20,7% общего в губернии количества десятин леса. Наоборот, в 2-х уездах, в которых сосредоточено 51,7% леса, находится всего 2,6% кустарей, обрабатывающих растительные продукты (с. 25), т.-е. и здесь оказывается как раз обратное, и здесь «Очерк» констатирует, что сырье — ввозное (с. 26) *). Мы наблюдаем, след., весьма интересный факт, что развитию кустарных промыслов предшествует (являясь условием этого развития) пустившее уже глубокие корни *товарное обращение*. Это обстоятельство весьма важно, ибо оно, во-1-х, указывает, как давно уже сложилось товарное хозяйство, в котором кустарничество является лишь одним из членов, и как нелепо поэтому изображать нашу кустарную промышленность в виде какой-то tabula rasa **), которая будто бы «может» пойти еще разными путями. Исследователи сообщают, напр., что пермская «кустарная промышленность попрежнему отражает на себе влияние тех путей сообщения, которые определяли торгово-промышленную физиономию края не только в дожелезнодорожную, но даже и в дореформенную эпоху» (с. 39). Действительно, город Кунгур был узлом путей сообщения в Доуральи: через него идет сибирский тракт, связывающий Кунгур с Екатеринбургом, а ветвями и с Шадринском; через Кунгур же идет другой коммерческий тракт — гороблагодатский, соединяю-

*) Эти два рода кустарей, т.-е. обрабатывающие животные продукты и растительные материалы, составляют 33% + 28% = 61% всего числа кустарей. Обработкой металлов занято 25% кустарей (с. 20).

**) — чистое место. *Ред.*

щий Кунгур с Осой. Наконец, бирский тракт соединяет Кунгур с Красноуфимском. «Таким образом мы видим, что кустарная промышленность губернии концентрировалась в районах, определяемых узлами путей сообщения: в Доуральи — в уездах Кунгурском, Красноуфимском и Осинском; а в Зауральи — в уездах Екатеринбургском и Шадринском» (с. 39). Напомним читателю, что именно эти 5 уездов составляют первую по развитию кустарной промышленности группу уездов и что в них сосредоточено 70% всего числа кустарей. Во-2-х, это обстоятельство указывает нам, что та «организация обмена» в кустарной промышленности, о которой так легкомысленно болтают кустарные радетели мужичка, в действительности *уже создана* и создана никем иным, как всероссийским купечеством. Ниже мы увидим еще не мало подтверждений этому. Только по третьему разряду кустарей (обрабатывающие металлы) оказывается соответствие в распределении добычи сырья и его обработки кустарями: в 4-х уездах, в которых добывают 70,6% чугуна и железа, сосредоточено 70% кустарей этого разряда. Но здесь сырье является уже само продуктом крупной горнозаводской промышленности, имеющей, как увидим, «свои взгляды» на «кустаря».

II.

«КУСТАРЬ» И НАЕМНЫЙ ТРУД.

Перейдем к изложению данных о наемном труде в кустарных промыслах Пермской губернии. Не повторяя приведенных выше абсолютных цифр, ограничимся указанием на наиболее интерес ные процентные отношения: *)

Мы видим, след., что процент наемных рабочих *больше* у неземледельцев, чем у земледельцев, и что различие это *главным образом* зависит от 2-ой подгруппы: у ремесленников-земледельцев процент наемных рабочих — 14%, а у неземледельцев — 29,3%, т.-е. более чем в два раза больше. По остальным двум подгруппам процент наемных рабочих немногим выше во II-ой группе сравнительно с I-й. Было уже замечено, что это явление есть результат большей неразвитости капитализма в земледельческом населении. Пермские народники, как и все другие народники, объявляют это, разумеется, преимуществом земледельцев. Не вступая здесь в спор по общему вопросу, можно ли неразвитость и отсталость данных общественно-хозяйственных отношений считать преимуществом, мы заметим лишь, что из данных,

---

*) См. таблицу на стр. 206. *Ред.*

приводимых ниже, будет видно, что это преимущество земледельцев состоит в получении низкого заработка.

	Группа I				Группа II				Итого
	Подгруппы			Всего	Подгруппы			Всего	
	1	2	3		1	2	3		
Проценты заведений: С наемными рабочими	30,6	17,4	24,1	23,6	37,8	24,4	36,1	34,2	26,9
Проценты заведений: Только с наемными рабочими	1,3	1,2	0,7	1,1	1,6	1,4	0,3	1,0	1,1
Проценты заведений: С 6 и более наемными рабочими	2,0	0,1	1,4	1,1	1,3	0,8	0,4	0,8	0,9
Наемных рабочих	29,4	14,1	23,2	22,7	31,2	29,3	27,4	28,3	24,5
Число рабочих в средн. на 1 заведение: Семейных	1,8	1,5	1,9	1,6	1,7	1,4	1,6	1,6	1,6
Число рабочих в средн. на 1 заведение: Наемных	0,75	0,23	0,57	0,48	0,78	0,43	0,63	0,63	0,52
Число рабочих в средн. на 1 заведение: Всего	2,6	1,7	2,5	2,1	2,5	1,8	2,2	2,2	2,1
Процент заведений, имеющих 3 и более семейных рабочих	20,3	7,8	20,9	15,1	18,5	8,6	14,3	14,6	14,9

приводимых ниже, будет видно, что это преимущество земледельцев состоит в получении низкого заработка.

Интересно отметить, что разница *между группами* по употреблению наемного труда оказывается меньше, чем разница *между подгруппами одной группы*. Другими словами, экономический строй промышленности (ремесленники — товаропроизводители — рабочие скупщиков) сильнее влияет на степень употребления наемного труда, чем связь с земледелием или отсутствие этой связи. Напр., мелкий товаропроизводитель-земледелец более походит на мелкого товаропроизводителя-неземледельца, чем на земледельца-ремесленника. Процент наемных рабочих в 1-ой подгруппе равен для I-ой группы — 29,4%, а для II-ой — 31,2%, тогда как во 2-ой подгруппе I-ой группы только 14,1%. Точно так же работающий на скупщика земледелец более походит на неземледельца, работающего на скупщика (23,2% наемных рабочих и 27,4%), чем на земледельца-ремесленника. Это указывает нам на то, как общее господство в стране товарно-капиталистических отношений нивелирует земледельца и неземледельца,

участвующих в промышленности. Данные о доходах кустарей укажут эту нивелировку еще рельефнее. 2-ая подгруппа является, как уже замечено, исключением; но если вместо данных о проценте наемных рабочих взять данные о числе наемных рабочих, приходящемся в среднем на 1 заведение, то мы увидим, что ремесленники-земледельцы ближе стоят к ремесленникам-неземледельцам (0,23 и 0,43 наемных рабочих на 1 заведение), чем к земледельцам других подгрупп. Средний состав одного заведения у ремесленников в обеих группах почти одинаков (1,7 и 1,8 человек на заведение), тогда как по подгруппам каждой группы этот состав колеблется очень сильно (I: 2,6 и 1,7; II: 2,5 и 1,8).

Данные о среднем составе заведения в каждой подгруппе указывают также на тот интересный факт, что у ремесленников обеих групп этот состав наименьший: 1,7 и 1,8 рабочих на мастерскую. Среди ремесленников, значит, преобладает наиболее раздробленное производство, наибольшая обособленность единичных производителей, наименьшее применение кооперации в производстве. На первом месте в этом отношении стоят в обеих группах первые подгруппы, т.-е. хозяйчики, работающие на вольную продажу. Состав мастерской здесь наибольший (2,6 и 2,5 чел.); многосемейных кустарей здесь всего больше (именно с 3-мя и более семейными рабочими 20,3% и 18,5%; маленькое исключение 3-я подгруппа I-й группы с 20,9%); рядом с этим употребление наемного труда всего больше (0,75 и 0,78 наемников на мастерскую); крупных заведений всего больше (2,0% и 1,3% заведений с 6 и более наемн. раб.). След., кооперация в производстве применяется здесь в наиболее обширных размерах, и достигается это наибольшим употреблением наемного труда при наибольшем семейном составе (1,8 и 1,7 семейных рабочих на заведение; небольшое исключение 3-я подгруппа I-й группы с 1,9 чел.).

Это последнее обстоятельство подводит нас к весьма важному вопросу о взаимоотношении семейного и наемного труда у «кустарей», заставляя усомниться в правильности господствующих народнических доктрин, будто наемный труд в кустарном производстве только «восполняет» семейный. Пермские народники поддерживают это мнение, рассуждая на стр. 55-й, что «отождествление интересов кустарничества и кулачества» опровергается тем, что самые зажиточные кустари (I-я группа) имеют наибольший семейный состав, тогда как, «если бы кустарь тяготел только к наживе, единственному импульсу кулачества, а не к упрочению и развитию своего производства, пользуясь всеми силами своей семьи, то мы вправе были бы ожидать в этой подгруппе заведений наименьшего процента, определяющего число семьян, отдавших свой труд производству» (?!). Странное заключение! Как же можно делать выводы о роли «личного трудового участия» (с. 55), не касаясь данных о наемном труде? Если бы зажиточность многосемейных

кустарей не выражала кулаческих тенденций, тогда мы видели бы у них *наименьший* процент наемных рабочих, *наименьший* процент заведений с наемными рабочими, *наименьший* процент заведений с крупным числом рабочих (более пяти), *наименьшее* число рабочих, приходящееся в среднем на одно заведение. На самом деле самые зажиточные кустари (1 подгруппа) занимают *во всех этих отношениях первое* место, *а не последнее*, и это при наибольшем составе семей и семейных рабочих, при наибольшем проценте кустарей с 3-мя и более семейными рабочими! Ясно, что факты говорят как раз обратное тому, что̀ хочет навязать им народник: кустарь стремится именно к наживе путем кулачества; он пользуется большой зажиточностью (одним из условий которой является многосемейность) *для бо̀льшего* употребления наемного труда. Будучи поставлен лучше других кустарей по числу семейных рабочих, он пользуется этим для вытеснения остальных, прибегая к *наибольшему* найму рабочих. «Семейная кооперация», о которой так елейно любят говорить гг. В. В. и другие народники (ср. «Куст. пром.», I, с. 14), является залогом развития капиталистической кооперации. Это покажется, конечно, парадоксом для читателя, привыкшего к народническим предрассудкам, но это — факт. Чтобы иметь точные данные по этому вопросу, надо бы знать не только распределение заведений по числу семейных и по числу наемных рабочих (что̀ дано в «Очерке»), но также *комбинацию* семейного и наемного труда. Подворные сведения давали полную возможность произвести такую комбинацию, подсчитать число заведений с 1, 2 и т. д. наемными рабочими в каждом разряде заведений по числу семейных рабочих. К сожалению, этого не сделано. Чтобы восполнить хотя несколько этот пробел, обратимся к вышеуказанному сочинению: «Куст. пром. и т. д.». Здесь приведены именно комбинационные таблицы заведений по числу семейных и наемных рабочих. Таблицы даны по 5 промыслам, обнимая всего 749 заведений с 1.945 рабочими (н. соч., I, с. 59, 78, 160; III, с. 87 и 109). Чтобы проанализировать эти данные по интересующему нас вопросу о взаимоотношении семейного и наемного труда, мы должны разбить все заведения на группы по общему числу рабочих (ибо именно общее число рабочих показывает величину мастерской и степень применения кооперации в производстве) и определить роль семейного и наемного труда в каждой группе. Берем 4 группы: 1) заведения с 1 рабочим; 2) с 2—4 раб.; 3) с 5—9 раб.; 4) с 10 и более рабочими. Такое деление, по общему числу рабочих, тем более необходимо, что заведения, напр., с 1 рабочим и с 10 представляют из себя, очевидно, совершенно различные экономические типы; соединять их вместе и выводить «средние» было бы совершенно нелепым приемом, как это мы увидим ниже на данных «Очерка». Указанная группировка дает такие данные:

Группы заведений по общему числу рабочих	Число заведений	Число рабочих			Число заведен. с наемн. рабоч.	% их	На 1 заведение приходится рабочих		
		Семейных	Наемных	Всего			Семейных	Наемных	Всего
Заведения с 1 рабоч.	345	34[illegible]	2	345	2	0,5	0,995	0,005	1,00
» » 2—4 »	319	559	251	810	143	44,8	1,76	0,78	2,54
» » 5—9 »	59	111	249	360	53	89,8	1,88	4,22	6,10
» с 10 и бол. »	26	56	374	430	26	100	2,15	14,38	16,53
Всего. .	749	1.069	876	1.945	224	29,9	1,43	1,16	2,59

Таким образом, эти детальные данные вполне подтверждают высказанное выше, парадоксальное с первого взгляда, положение: чем больше размер заведения по общему числу рабочих, тем больше семейных рабочих приходится на 1 заведение, тем шире, след., «семейная кооперация», но вместе с тем расширяется и капиталистическая кооперация и расширяется несравненно быстрее. Более зажиточные кустари, несмотря на обладание большим числом семейных рабочих, нанимают еще помногу наемных рабочих: «семейная кооперация» является залогом и основанием *капиталистической кооперации.*

Посмотрим на данные переписи $189^{4}/_{5}$ года о семейном и наемном труде. По числу семейных рабочих заведения распределяются так:

		В %
Заведений с 0 семейных рабочих	97	1,1
» » 1 » »	4.787	53,2
» » 2 » »	2.770	30,8
» » 3 » »	898	10,0
» » 4 » »	279	3,1
» » 5 и больше »	160	1,8
Всего	8.991	100

Надо отметить здесь преобладание одиночек: их более половины. Если бы мы допустили даже, что все заведения, соединяющие семейный и наемный труд, имеют не более одного семейного рабочего, то и тогда оказалось бы, что полных одиночек $2^{1}/_{2}$ тысячи. Это — представители самых разрозненных производителей, представители наибольшего разобщения мелких мастерских, — разобщения, свойственного вообще хваленому «народному производству».

Посмотрим на противоположный полюс, на самые крупные мастерские:

		В %	Число наемных рабочих *)	На 1 заведение наемных рабочих
Заведения с 0 наемн. рабочих	6.567	73,1	—	—
» » 1 » »	1.537	17,2	1.537	1
» » 2 » »	457	5,1	914	2
» » 3 » »	213	2,3	639	3
» » 4 » »	88	0,9	352	4
» » 5 » »	44	0,5	220	5
» » 6—9 »	41 } 85	0,4 } 0,9	290 } 1.242	7,7 } 14,6
» » 10 и более »	44	0,5	952	21,7
Всего	8.991	100	4.904	0,5

Таким образом, «мелкие» заведения кустарей достигают иногда внушительных размеров: в 85 наиболее крупных заведениях сосредоточена почти четвертая часть всего числа наемных рабочих; в среднем одно такое заведение имеет по 14,6 частных рабочих. Это уже фабриканты, владельцы капиталистических заведений **). Кооперация на капиталистических началах находит себе здесь солидное применение: при 15-ти рабочих на заведение возможно и разделение труда в более или менее значительном размере, достигается большая экономия в помещении и инструментах при более богатом и разнообразном количестве их. Заготовка сырья и сбыт продукта необходимо совершается здесь в крупных размерах, что в значительной степени удешевляет сырые материалы, расходы на доставку, облегчает сбыт, дает возможность правильных коммерческих сношений. Ниже, приводя сведения о доходах, мы увидим подтверждение этого переписью $189^4/_5$ года. Здесь же достаточно указать на эти общеизвестные теоретические положения. Понятно отсюда, что и техническая и экономическая физиономия таких заведений радикально отличается от мастерских одиночек, и нельзя не надивиться тому, что пермские статистики решились тем не менее *соединять* их вместе и выводить общие «средние». Уже a priori ***) можно сказать, что такие средние будут совершенно фиктивны, и что разработка подворных данных необходимо должна была, помимо разделения кустарей на группы и подгруппы, привести разделение их на категории по числу рабочих в заведении (и семейных и наемных вместе). Без такого разделения немыслимо получить точные данные ни о доходах, ни об условиях закупки сырья и сбыта продуктов,

*) Вычислено по данным «Очерка» (стр. 54 и общее число наемн. рабоч.).

**) Из наших «фабрик и заводов» (так называемых в официальной статистике) громадное большинство имеет менее 16 рабочих, именно 15 тыс. из 21 тыс. См. «Указатель фабрик и заводов за 1890 г.».

***) — заранее, без фактического обследования. *Ред.*

ни о технике производства, ни о положении наемных рабочих сравнительно с одиночками, ни о соотношении крупных и мелких мастерских, — а это всё важнейшие вопросы по изучению экономики «кустарничества». Пермские исследователи пытаются, разумеется, ослабить значение капиталистических мастерских. Если есть заведения с 5 и более семейными рабочими, — рассуждают они, — значит, конкуренция «капиталистической» и «кустарной формы производства» (sic!) может иметь значение лишь тогда, когда в заведении более пяти наемных рабочих, а таких заведений всего 1%. Рассуждение чисто искусственное: во-1-х, заведения с 5 сем. и с 5 наемн. рабочими — пустая абстракция, обязанная своим существованием недостаточной разработке данных, ибо наемный труд комбинируется с семейным. Заведение с 3 сем. рабочими, нанимая еще 3-х рабочих, будет иметь более 5 рабочих и стоять совсем в особых условиях конкуренции сравнительно с одиночками. Во-2-х, если статистики действительно желали исследовать вопрос о «конкуренции» отдельных заведений, различающихся по употреблению наемного труда, то отчего бы им не обратиться к данным подворной переписи? отчего бы не сгруппировать заведения по числу рабочих и привести цифры доходности? не уместнее ли было бы со стороны статистиков, имеющих в руках богатейший матерьял, фактическое изучение вопроса, чем преподнесение читателю всякой отсебятины и торопливость перейти от фактов к «сражению» врагов народничества?

...«С точки зрения сторонников капитализма этот процент, быть может, будет признан достаточным для предсказаний о неминуемом вырождении кустарной формы в капиталистическую, но в действительности он никакого в данном отношении угрожающего симптома не представляет, в особенности ввиду следующих обстоятельств» (с. 57)...

Не правда ли, как это мило! Вместо того, чтобы потрудиться выбрать из имеющегося под руками материала точные данные *о капиталистических* заведениях, авторы *сложили* эти заведения вместе с одиночками и пускаются возражать каким-то «предсказателям»! — Не знаем, что стали бы «предсказывать» какие-то неприятные для пермских статистиков «сторонники капитализма», а мы, с своей стороны, скажем лишь, что все эти фразы только прикрывают попытку отвернуться от фактов. А факты говорят, что никакой особой «кустарной формы производства» нет (это вымысел «кустарных» экономистов), что из мелких товаропроизводителей вырастают крупные капиталистические заведения (в таблицах мы встретили кустаря с 65 наемными рабочими! стр. 169), что обязанностью исследователей было так группировать данные, чтобы мы могли исследовать этот процесс, сравнить различные заведения *по мере приближения их к капиталистическим.* Пермские статистики не только сами этого не сделали,

но и нас лишили возможности это сделать, ибо в таблицах все заведения данной подгруппы сложены вместе, и выделить фабриканта от одиночки нельзя. Свой пробел составители прикрывают пустяковинными сентенциями. Крупных заведений, изволите видеть, всего 1%, и за исключением их выводы, сделанные на основании 99%, не изменятся (с. 56). — Но ведь этот один процент, эта одна сотая не равна другим сотым! Одно крупное заведение покрывает более 15-ти заведений тех одиночек, которые дают более 30-ти «сотых» (от всего числа заведений)! Это расчет по числу рабочих. А если бы взять данные о валовом производстве или о чистой доходности, то оказалось бы, что одно крупное заведение покрывает не 15, а, может быть, 30 заведений *). В этой «одной сотой» заведений сосредоточена *четверть* всех наемных рабочих, что дает в среднем на 1 заведение 14,6 рабочих. Чтобы иллюстрировать несколько для читателя эту последнюю цифру, возьмем цифры «Свода данных о фабрично-заводской промышленности в России» (издание департамента торговли и мануфактур) по Пермской губернии. Так как цифры сильно колеблются по годам, то берем среднее за 7 лет (1885—1891). Получаем цифру «фабрик и заводов» (в смысле нашей официальной статистики) в Пермской губернии 885 с производством на сумму 22.645 тыс. р. и с 13.006 рабочими, что дает в «среднем» на 1 фабрику именно 14,6 рабочих.

В подтверждение своего мнения, что крупные заведения не имеют важного значения, составители «Очерка» ссылаются на то, что из числа наемных рабочих у кустарей очень немного годовых рабочих (8%), большинство же задельщики (37%), сроковые (30%) и поденные (25%, стр. 51). Задельщики «обыкновенно работают у себя на дому, своими собственными инструментами, на своих харчах», а поденщики приглашаются «временно», подобно сельско-хозяйственным рабочим. При таких условиях, «относительно большое число наемных рабочих не служит еще для нас несомненным признаком капиталистического типа этих заведений» (56)... «Ни задельщик, ни поденщик вообще, по нашему убеждению, не создают кадров рабочего класса, подобного западноевропейскому пролетариату; такими кадрами могут быть только постоянные годовые рабочие».

Мы не можем не похвалить пермских народников за то, что они интересуются вопросом об отношении русских наемных рабочих к «западно-европейскому пролетариату». Вопрос интересный, что и говорить! Но мы все-таки предпочли бы слышать от статистиков утверждения, основанные на фактах, а не на

*) Ниже будут приведены данные о распределении заведений по чистой доходности. По этим данным, в 2.376 заведениях с минимальным доходом (до 50 руб.) чистый доход = 77.900 руб., а в 80 заведениях с максимальным доходом = 83.150 руб. На 1 «заведение» это дает 32 р. и 1.039 р.

«убеждении». Не всегда ведь заявление своего «убеждения» может убедить других... Не лучше ли было бы, вместо того, чтобы рассказывать читателю об «убеждении» гг. NN и MM, сообщить побольше фактов? А то вот фактов о положении наемных рабочих, об условиях труда, о рабочем дне в заведениях разной величины, о семьях наемных рабочих и т. д. сообщено в «Очерке» до невероятия мало. Если бы рассуждения об отличии русских рабочих от западно-европейского пролетариата служили только для прикрытия этого пробела, то нам пришлось бы взять назад свою похвалу...

Все, что мы знаем из «Очерка» о наемных рабочих, это — деление их на 4 категории: годовые, сроковые, задельщики и поденщики. Для ознакомления с этими категориями приходится обратиться к данным, разбросанным по книге. По 29 промыслам (из 43) указано число рабочих каждой категории и заработок их. В этих 29 промыслах 4.795 наемных рабочих с заработком в 233.784 рубля. Во всех же 43 промыслах 4.904 наемных рабочих с заработком в 238.992 руб. Значит, наша сводка обнимает 98% наемных рабочих и их заработка. Вот, en regard *), цифры «Очерка» **) и нашей сводки:

	Число наемных рабочих по «Очерку»	%	Цифры сводки: Число наемн. рабочих	%	Заработок их: всего руб.	на 1-го рабочего	% ***
Годовые	379	8	351	7,4	26.978	76,8	100
Сроковые	1.496	30	1.432	29,8	40.958	28,6	37
Задельные	1.812	37	1.577	32,9	92.357	58,5	76,1
Поденные	1.217	25	1.435	29,9	73.491	51,2	66,7
Всего	4.904	100	4.795	100	233.784	48,7	

Оказывается, что в сводке «Очерка» есть либо ошибки, либо опечатки. Но это — мимоходом. Главный интерес — данные о заработке. Заработок задельщиков, про которых в «Очерке» говорится, что «задельный труд в сущности есть ближайшая стадия на пути к хозяйской самостоятельности» (с. 51 — тоже, вероятно, «по нашему убеждению»?), — оказывается *значительно ниже* заработка годового рабочего. Если утверждение статистиков, что годовой рабочий обыкновенно живет на хозяйских харчах, а задельщик на своих, основано не только на их «убеждении», но и на фактах, то эта разница будет еще больше. Странным же

*) — для сличения. *Ред.*

**) с. 50. В «Очерке» не сведены данные о величине заработка.

***) Заработок годового рабочего принят за 100.

образом пермские кустари-хозяева обеспечивают своим рабочим «путь к самостоятельности»! Это обеспечение состоит в *понижении заработной платы*... Колебания рабочего периода, как увидим, не так велики, чтобы объяснить эту разницу. Далее, весьма интересно отметить, что заработок поденщика составляет 66,7% заработка годового рабочего. След., каждый поденщик занят, в среднем, около 8 месяцев в году. Очевидно, что тут гораздо правильнее было бы говорить о «временном» отвлечении от промышленности (если поденщики действительно сами отвлекаются от промышленности, а не хозяин оставляет их без работы), чем о «господствующем временном элементе наемного труда» (с. 52).

III.

«ОБЩИННО-ТРУДОВАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ».

Большой интерес представляют собранные кустарною переписью почти о всех исследованных заведениях сведения о времени возникновения их. Вот общие данные об этом:

Число заведений, основанных до	1845 года	640
в	1845—55 г.г.	251
»	1855—65 »	533
»	1865—75 »	1.339
»	1875—85 »	2.652
»	1885—95 »	3.469
Всего		8.884

Мы видим, след., что пореформенная эпоха вызвала особое развитие кустарной промышленности. Условия, благоприятствующие этому развитию, действовали и действуют, видимо, чем дальше, тем сильнее, ибо в каждое последующее десятилетие открывается все больше и больше заведений. Это явление наглядно свидетельствует о той силе, с которой идет в крестьянстве развитие товарного производства, отделение земледелия от промышленности, рост торговли и промышленности вообще. Мы говорим: «отделение земледелия от промышленности», ибо это отделение начинается раньше, чем отделение земледельцев от промышленников: всякое предприятие, производящее продукты на рынок, вызывает обмен между земледельцами и промышленниками. Следовательно, появление такого предприятия означает прекращение домашней выделки продукта земледельцами и покупку его на рынке, а эта покупка требует продажи крестьянином сельско-хозяйственных продуктов. Рост числа торгово-промышленных предприятий знаменует таким образом растущее обще-

ственное разделение труда, это общее основание товарного хозяйства и капитализма *).

В народнической литературе высказывалось мнение, что быстрое развитие после реформы *мелкого производства* в промышленности означает явление не капиталистического характера. Рассуждали так, что рост мелкого производства доказывает его силу и жизненность по сравнению с крупным (г. В. В.). Рассуждение это совершенно неправильно. Рост мелкого производства в крестьянстве означает появление новых производств, выделение новых отраслей обработки сырья в самостоятельные сферы промышленности, прогресс в общественном разделении труда, начальный процесс капитализма, тогда как поглощение мелких заведений крупными означает уже дальнейший шаг капитализма, ведущий к победе высших форм его. Распространение мелких заведений в крестьянстве расширяет товарное хозяйство, подготовляет почву для капитализма (создавая мелких хозяйчиков и наемных рабочих), а поглощение мелких заведений мануфактурой и фабрикой есть утилизация крупным капиталом этой подготовленной почвы. Совмещение в одной стране в одно время двух этих, повидимому, противоречивых, процессов на самом деле не заключает в себе никакого противоречия: вполне естественно, что капитализм в более развитой области страны или в более развитой области промышленности прогрессирует тем, что стягивает мелких кустарей на механическую фабрику, тогда как в захолустных местностях или в отсталых отраслях промышленности процесс развития капитализма только начинается, проявляясь в возникновении новых производств и промыслов. Капиталистическая мануфактура «овладевает национальным производством лишь очень постепенно, основываясь всегда на городском ремесле и сельских домашних побочных промыслах, как на широком базисе (Hintergrund). Уничтожая эти побочные промыслы в одной их форме, в известных отраслях промышленности, на известных пунктах, она вызывает их снова к жизни на других» («Das Kapital», I², S. 779).

В «Очерке» данные о времени возникновения заведений разработаны тоже недостаточно: даны лишь поуездные сведения, а по группам и подгруппам сведений о времени возникновения заведений не сообщено; нет также и других группировок (по размеру заведений, по месту нахождения заведений в центре промысла или в окрестных селениях и т. п.). Не разработав данных переписи даже по принятым ими самими группам и подгруппам, пермские народники и здесь сочли нужным преподнести читателю сентенции, поражающие своей ультра-народнической

*) Поэтому, если бы нападки г-на Н. —она на «отделение промышленности от земледелия» не были платоническими воздыханиями романтика, то он должен бы был оплакивать и появление каждого кустарного заведения.

слейностью и... вздорностью. Пермские статистики сделали открытие, что в «кустарной форме производства» существует особая «форма преемственности» заведений, именно «общинно-трудовая», тогда как в капиталистической промышленности господствует «наследственно-имущественная преемственность», что «общинно-трудовая преемственность органически превращает наемного рабочего в самостоятельного хозяина» (sic!), выражаясь в том, что когда умирает хозяин заведения, не оставляя среди наследников семейных рабочих, то промысел переходит в другую семью, «быть может, наемному рабочему в том же заведении», а также в том, что «общинное землевладение и хозяину кустарно-промышленного предприятия и его наемному рабочему одинаково гарантирует трудовую промышленную самостоятельность» (с. 7, 68 и др.).

Мы не сомневаемся, что это сочиненное пермскими народниками «общинно-трудовое начало преемственности кустарных промыслов» займет надлежащее место в будущей истории литературы рядом с такой же сладенькой теорией гг. В. В., Н. —она и пр. о «народном производстве». Обе теории — одного пошиба, обе подкрашивают и извращают действительность посредством маниловских фраз. Всякий знает, что и у кустарей заведения, матерьялы, орудия и проч. составляют находящееся в частной собственности *имущество*, переходящее по *наследству*, а вовсе не по какому-то общинному праву, что община нисколько не гарантирует самостоятельности не только в промышленности, но даже в земледелии, что внутри общины идет такая же хозяйственная борьба и эксплуатация, как и вне ее. В особую теорию «общинно-трудового начала» превращен тот простой факт, что мелкий хозяйчик, при небольшом капитальце, должен трудиться и сам, что наемный рабочий *может* сделаться хозяином (конечно, если будет бережлив и воздержен), чему и бывают примеры, сообщаемые в «Очерке» на стр. 69... Все теоретики мещанства всегда утешались тем, что в мелком производстве рабочий *может* стать хозяином, и все они никогда не шли в своих идеалах дальше того, чтобы превратить рабочих в хозяйчиков. В «Очерке» делается даже попытка указать «статистические данные, констатирующие начало общинно-трудовой преемственности» (45). Данные относятся к кожевенному промыслу. Из 149 заведений 90 (т.-е. 70%) основаны после 1870 года, между тем в 1869 г. кустарных кожевен считалось 161 (по «списку населенных мест»), а в 1895 — 153. Значит, промысел переходил из одних семей в другие, в чем и усматривается «принцип общинно-трудовой преемственности». Само собою разумеется, что смешно и спорить против этого желания видеть особый «принцип» в том, что мелкие заведения легко открываются и закрываются, легко переходят из рук в руки и т. д. Добавим только в частности о кожевенном промысле, что, во-1-х, данные о времени возникновения заведений в нем

показывают, что он развивался во времени значительно *медленнее*, чем остальные промыслы; во-2-х, совершенно ненадежно сравнение 1869-го и 1895-го годов, так как понятие «кустарной кожевни» постоянно путают с понятием «кожевенный завод». В 1860-х годах громадное большинство «дубильных заводов» (по статистике фабрик и заводов) имели в Пермской губернии сумму производства менее 1.000 р. (См. «Ежегодник М-ва Финансов». Вып. I, Спб. 1869. Таблицы и примечания), тогда как в 1890-х годах, с одной стороны, заведения с производством менее 1.000 р. исключались из числа фабрик и заводов; с другой стороны, в число «кустарных кожевен» попало много заведений с производством более 1.000 р., попали заводы с производством в 5—10 тыс. руб. и более (стр. 70 «Очерка». Стр. 149, 150 таблиц). При такой абсолютной неопределенности различия между кустарной и заводской кожевней какое значение может иметь сравнение данных 1869-го и 1895-го года? В-3-х, если бы даже верно было, что число кожевен уменьшилось, разве это не могло бы значить, что позакрывалось много мелких заведений, взамен которых пооткрывалися постепенно более крупные? Неужели подобная «смена» тоже подтвердила бы «принцип общинно-трудовой преемственности»?

И в довершение курьеза, все эти сладенькие фразы об «общиннотрудовом принципе», о «гарантии общинной трудовой самостоятельности» и т. д. говорятся как раз о том кожевенном промысле, в котором земледельцы-кустари представляют из себя чистейший тип мелких буржуа (см. ниже) и который гигантски концентрирован в *трех* крупных заведениях (заводах), попавших в число кустарей на-ряду с одиночками-кустарями и ремесленниками. Вот данные об этой концентрации:

Всего в промысле 148 заведений. Рабочих 267 семейных + 172 наемных = 439. Сумма производства = 151.022 р. Чистый доход = = 26.207 р., в том числе — 3 заведения, в коих рабочих 0 семейных + 65 наемных = 65. Сумма производства = 44.275 р. Чистый доход = 3.391 р. (стр. 70 текста и стр. 149 и 150 таблиц).

То-есть *три* заведения из 148 («только 2,1%», как успокоительно говорится в «Очерке», стр. 76) концентрируют *почти треть* всего производства «кустарного кожевенного промысла», давая своим хозяевам тысячные доходы без всякого участия их в производстве. Мы увидим ниже много примеров таких курьезов и по другим промыслам. Но в описании этого промысла авторы «Очерка», в виде исключения, остановились на указанных трех заведениях. Об одном из них сообщается, что хозяин (земледелец!) «занят, очевидно, только торговыми операциями, имея свои кожевенные лавки в селе Белоярском и г. Екатеринбурге» (с. 76). Примерчик того, как капитал, вложенный в производство, соединяется с капиталом, вложенным в торговлю. К сведению авторов «Очерка»,

изображающих «кулачество» и торговые операции как нечто наносное, оторванное от производства! В другом заведении семья состоит из 5 человек мужчин, но ни один из них не работает: «отец занят торговыми операциями по своему производству, а сыновья (в возрасте от 18 до 53 лет), все грамотные, пошли, очевидно, по другим колеям, более привлекательным, чем перекладывание кож из чана в чан и переполаскивание их» (с. 77). Авторы великодушно соглашаются, что эти заведения «характер имеют капиталистический», «но на вопрос о том, в какой степени будущность этих предприятий обеспечена на началах наследственно-имущественной передачи, решительный ответ может дать только само будущее» (76). О, глубокомыслие! «На вопрос о будущем может дать ответ только будущее». Святая истина! Но неужели это — достаточное основание для того, чтобы извращать настоящее?

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

(IV. Земледелие «кустарей». — V. Крупные и мелкие заведения. — Доходы кустарей.)

IV.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ «КУСТАРЕЙ».

Подворная перепись кустарей-хозяев и хозяйчиков собрала интересные данные о земледелии их. Вот эти данные, сведенные в «Очерке» по подгруппам:

Подгруппы:	Приходится на 1 двор десятин посева	лошадей *)	коров *)	Процент дворов безлошадн.	бескоровных
1. (Товаропроизводители) . . .	7,1	2,1	2,2	7,4	5
2. (Ремесленники)	6,2	1,9	2,1	9,0	6
3. (Работающие на скупщик.) .	4,5	1,4	1,3	61,0	13
Всего. . . .	6,3	1,8	2,0	9,5	6

Итак, чем зажиточнее кустари, как промышленники, тем состоятельнее они, как земледельцы. Чем ниже они стоят по роли в производстве, тем ниже они, как земледельцы. Данные кустарной переписи вполне подтверждают, следовательно, высказанное уже в литературе мнение, что разложение кустарей в промышленности идет рука об руку с разложением тех же крестьян, как земледельцев (*А. Волгин.* Обоснование народничества и т. д. Стр. 211 и сл.). Так как наемные рабочие у кустарей стоят еще ниже (или не выше), чем работающие на скупщиков кустари, то мы вправе заключить, что среди них еще больше разоренных земледельцев. Подворная перепись, как уже было замечено, не коснулась наемных рабочих. Во всяком случае и приведенные данные наглядно показывают, как забавно утверждение «Очерка», будто «общинное землевладение одинаково гарантирует трудовую промышленную самостоятельность и хозяину кустарно-промышленного заведения, и его наемному рабочему».

*) В «Очерке» в этих цифрах, видимо, опечатка (см. стр. 58), исправленная нами.

Отсутствие детальных данных о земледелии одиночек, мелких и крупных хозяев сказывается на разбираемых данных особенно резко. Чтобы пополнить хотя отчасти этот пробел, мы должны обратиться к данным по отдельным промыслам; иногда попадаются сведения о числе земледельческих рабочих у хозяев *), но общей сводки этих сведений в «Очерке» нет.

Вот кожевники-земледельцы — 131 хозяйство. У них 124 земледельческих наемных работника; 16,9 дес. посева на двор и 4,6 лошадей; коров по 4,1 (стр. 71). Наемные рабочие (73 годовых и 51 срочный) получают 2.494 руб. заработной платы, т.-е. по 20,7 руб. на одного, тогда как средняя плата рабочему в кожевенном промысле составляет 52 руб. И здесь, след., наблюдается общее всем капиталистическим странам явление более низкого положения рабочих в земледелии, чем в промышленности. «Кустари»-кожевники, очевидно, чистейший тип крестьянской буржуазии, и пресловутое, столь расхваленное народниками, «соединение промысла с земледелием» состоит в том, что зажиточные хозяева торгово-промышленных заведений переносят *капитал* из торговли и промышленности в земледелие, платя своим батракам неимоверно низкие платы **).

Вот кустари-маслобойщики. Земледельцев из них 173. На одно хозяйство приходится 10,1 дес. посева, 3,5 лошади и 3,3 коровы. Безлошадных и бескоровных дворов нет. Земледельческих рабочих 98 (годовых и сроковых) с платою 3.438 руб., т.-е. по 35,1 руб. на одного. «Выбой или жмыхи, получаемые при маслобойном производстве как отбросы, служат лучшим кормом для скота, благодаря чему является возможность вести унавоживание полей в более широких размерах. Таким образом, от промысла для хозяйства получается тройная выгода: доход непосредственно от промысла, доход от скота и лучшие урожаи в полях» (164). «Земледелие ведется у них (маслобойщиков) в широких размерах, причем многие не довольствуются душевыми наделами, но арендуют еще землю у малосильных хозяйств» (168). Данные о распространении по уездам посевов льна и конопли показывают «некоторую связь между величиной посевов льна и конопли и распространением маслобойного промысла по уездам губернии» (170).

---

*) Известно, что у крестьян нередко и промышленные рабочие принуждаются исполнять земледельческие работы. Ср. «Куст. пром. и т. д.», III, с. 7.

**) Сроковой рабочий в земледелии получает всегда больше половины годовой платы. Положим, что здесь сроковые рабочие получают лишь половину платы годового рабочего. Тогда плата годового рабочего будет $\left(2.492 : (73 + \frac{51}{2}\right) = 25{,}5$ руб. По данным д-та земледелия, средняя за 10 лет (1881—1891) зараб. плата сельскому годовому рабочему на хозяйских харчах составляет в Пермской губернии 50 руб.

Торгово-промышленные предприятия являются здесь, след., т.-наз. техническими сельско-хозяйственными производствами, развитием которых всегда характеризуется прогресс торгового и капиталистического земледелия.

Вот мельники-хозяева. Большинство из них — земледельцы: 385 из 421. На один двор приходится 11,0 дес. посева, 3,0 лошади и 3,5 коровы. Земледельческих наемных рабочих 307 человек с платою 6.211 руб. Подобно маслобойному, «мукомольное производство является для хозяев мельниц орудием рыночного сбыта продуктов их собственного хозяйства в форме наиболее для них выгодной» (178).

Кажется, этих примеров вполне достаточно, чтобы показать, как нелепо понимать под «кустарем-земледельцем» нечто однородное, само себе равное. Все приведенные земледельцы — представители мелкого буржуазного земледелия, и соединять такие типы с остальным крестьянством, в том числе и с разоренными хозяйствами, значит затушевывать самые характерные черты действительности.

В заключении описания маслобойного промысла составители пытаются возражать против «капиталистической доктрины», объявляющей расслоение крестьян эволюцией капитализма. Такое положение основывается, будто бы, на «совершенно произвольном утверждении, что указываемое расслоение есть факт позднейшего времени и представляет собой очевидный признак быстрого роста в крестьянской среде капиталистического режима de facto *), несмотря на существование общинного землевладения de jure» **) (176). Составители возражают, что община никогда не исключала и не исключает имущественных расслоений, но она «не закрепляет их, не создает классов»; «эти переходящие расслоения с течением времени не обострялись, а, напротив, постепенно сглаживались» (177). Разумеется, подобное утверждение, в доказательство которого приводятся артели (о них ниже, § VII), семейные разделы (sic!) и земельные переделы (!), может вызвать только улыбку. Называть «произвольным» положение о росте и увеличении крестьянской дифференциации, значит игнорировать общеизвестные факты массового обезлошадения крестьян и забрасывания земли на-ряду с фактами «технического прогресса в крестьянском хозяйстве» (ср. «Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве» г-на В. В.), развитие сдачи и заклада наделов на-ряду с ростом аренды, увеличение числа торгово-промышленных предприятий на-ряду с увеличением числа отхожих промышленников, этих бродячих наемных рабочих и т. д. и т. д.

---

*) — на деле, фактически. *Ред.*
**) — по праву, юридически. *Ред.*

Подворная перепись кустарей должна была дать богатый материал по крайне интересному вопросу об отношении доходов и заработков кустарей-земледельцев к доходам кустарей-неземледельцев. Все данные этого рода в таблицах есть, но сводки в «Очерке» не дано, и нам пришлось самим предпринять эту сводку по данным книги. Такая сводка основывалась, во-1-х, на сводках «Очерка» по отдельным промыслам. Нам оставалось лишь складывать данные о разных промыслах. Но эта сводка дана в табличной форме не по всем промыслам. Иногда приходилось убеждаться, что в нее вкрались ошибки или опечатки, — естественный результат отсутствия проверочных итогов. Во-2-х, сводка основывалась на выборке числовых данных из описаний некоторых промыслов. В-3-х, при отсутствии и того и другого источника, приходилось обращаться прямо к таблицам (напр., по последнему промыслу: «добыча ископаемых»). Понятно само собой, что подобная разнохарактерность материала в нашей сводке не могла не вести к ошибкам и неточностям. Мы полагаем, однако, что хотя общие итоги нашей сводки и не могли сойтись с итогами таблицы, тем не менее выводы из сводки вполне могут служить цели, ибо средние величины и отношения (которыми мы только и пользуемся для выводов) изменились бы при всяком исправлении крайне незначительно. Напр., по итогам таблиц в «Очерке» размер валового дохода на 1 рабочего равен 134,8 руб., а по нашей сводке — 133,3 руб. Чистый доход на 1 семейного рабочего 69,0 руб. и 68,0 руб. Заработок 1 наемного рабочего 48,7 руб. и 48,6 руб.

Вот результаты этой сводки, определяющие величину валового дохода, чистого дохода и заработка наемных рабочих по группам и подгруппам (см. таблицу на следующей странице).

Вот главные результаты этой таблицы:

1) Неземледельческое промышленное население принимает несравненно большее участие в промысле (по сравнению с своей численностью), чем земледельческое. По числу рабочих, неземледельцев вдвое меньше, чем земледельцев. По валовому же производству, они составляют почти половину, давая 1.276.772 руб. из 2.645.007, т.-е. 48,1%. По доходу же от производства, т.-е. по размеру чистого дохода хозяев плюс заработная плата наемных рабочих, неземледельцы даже преобладают над земледельцами, давая 647.666 руб. из 1.260.335, т.-е. 51,4%. Оказывается, следовательно, что, будучи в меньшинстве по числу, неземледельцы-промышленники не уступают земледельцам по величине производства. Факт этот весьма важен для оценки традиционного народнического учения о земледелии, как «главном устое» т.-наз. кустарной промышленности.

Из этого факта естественно следуют и другие выводы:

2) Валовое производство неземледельцев (валовой доход), по расчету на 1 рабочего, значительно выше, чем земледельцев:

Группы	Подгруппы	Число заведений	Число рабочих			Валовой доход в руб.		Чистый доход хозяйст. в руб.		Заработная плата в руб.		Чистый доход и заработная плата вместе	Число задолжен. хозяйств
			Семейных	Наемных	Всего	Всего	На 1 рабочего	Всего	На 1 семейного раб.	Всего	На 1 наемного раб.		
I......	1......	2.239	4.122	1.726	5.848	758.493	129,7	204.004	49,5	74.558	43,2	278.562	225
»......	2......	2.841	4.249	712	4.961	383.441	77,3	186.719	43,9	34.937	49,0	221.656	93
»......	3......	1.016	1.878	586	2.464	236.301	95,9	91.916	48,9	20.535	35,0	112.451	304
Итого по I группе..		6.096	10.249	3.024	13.273	1.378.235	103,8	482.639	47,1	130.030	43,0	612.669	622
II......	1......	959	1.672	738	2.410	605.509	251,2	220.713	132,0	45.949	62,2	266.662	176
»......	2......	595	876	272	1.148	178.916	155,0	90.203	102,9	18.404	67,6	108.607	51
»......	3......	1.320	2.231	852	3.083	492.347	159,0	229.108	102,7	43.289	50,8	272.397	262
Итого по II группе..		2.874	4.779	1.862	6.641	1.276.772	192,2	540.024	113,0	107.642	57,8	647.666	489
ВСЕГО........		8.970	15.028	4.886	19.914	2.655.007	133,3	1.022.663	68,0	237.672	48,6	1.260.335	1.111

192,2 руб. против 103,8, т.-е. без малого *вдвое* больше. Как увидим ниже, рабочий период неземледельцев длиннее, чем земледельцев, но эта разница далеко не так велика, так что большая производительность труда у неземледельцев не может подлежать сомнению. Меньше всего эта разница в 3-й подгруппе, у кустарей, работающих на скупщиков, что вполне естественно.

3) Чистый доход хозяев и хозяйчиков у неземледельцев *более чем вдвое* выше, чем у земледельцев: 113,0 руб. против 47,1 руб. (почти в $2^1/_2$ раза). Различие это проходит по всем подгруппам, но всего выше оно в 1-й подгруппе, у кустарей, работающих на вольную продажу. Само собою разумеется, что эта разница тем менее может быть объяснена различием рабочих периодов. Не может подлежать сомнению, что эта разница зависит от того, что *связь с землей понижает доход промышленников;* рынок учитывает доход кустарей от земледелия, и земледельцы вынуждены довольствоваться низшим заработком. Сюда присоединяются, вероятно, и бóльшие потери на сбыте у земледельцев, и бóльшие расходы на закупку материалов, и бóльшая зависимость от торговцев. Факт во всяком случае тот, что *связь с землей понижает заработок кустаря.* Нам нечего распространяться о громадном значении этого факта, выясняющего истинное значение «власти земли» в современном обществе. Стоит вспомнить, какое громадное значение имеет низкий размер заработка в удержании кабальных и примитивных способов производства, в задержке употребления машин, в понижении жизненного уровня рабочих *).

4) Заработная плата наемных рабочих тоже везде выше у неземледельцев, чем у земледельцев, но разница эта далеко не так велика, как в доходе хозяев. Вообще по всем трем подгруппам наемный рабочий у хозяина-земледельца зарабатывает 43,0 руб., а у неземледельца — 57,8 р., т.-е. на $^1/_3$ больше. Эта разница *может* в значительной степени *(но и то не вполне)* зависеть от различий работ периода. Об отношении же этой разницы к связи с землей мы не можем судить, ибо не имеем данных о наемных рабочих земледельцах и неземледельцах. Кроме влияния рабочего периода сказывается, конечно, и тут влияние разного уровня потребностей.

---

*) Заметим по поводу этого последнего (по важности первого) пункта, что в «Очерке», к сожалению, нет данных об уровне жизни земледельцев и неземледельцев. Но другие исследователи отметили и для Пермской губ. обычное явление несравненно более высокого уровня жизни у промышленников-неземледельцев сравнительно с «серыми» земледельцами. Ср. «Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России», изд. М-ва З. и Г. Им., т. III, статья Егунова. Автор указывает на совершенно «городской» уровень жизни в некоторых безземельных селах, на стремление кустаря-неземледельца одеваться и жить «по-людски» (европейская одежда до крахмальной сорочки включительно; самовар; большое потребление чая, сахара, белого хлеба, говядины и т. д.). Автор опирается на бюджеты земско-статистических изданий.

5) Разница между величиной дохода хозяев и заработной платой наемным рабочим несравненно больше у неземледельцев, чем у земледельцев: по всем трем подгруппам у неземледельцев доход хозяина почти вдвое выше заработка наемника (113 руб. против 57,8), тогда как у земледельцев доход хозяина выше на незначительную сумму *4,1 рубля* (47,1 и 43,0)! Если эти цифры поразительны, то еще более приходится сказать это о ремесленниках земледельцах (I, 2), у которых доход хозяев *ниже* заработной платы наемных рабочих! Однако, это явление станет вполне понятным, когда мы приведем ниже данные о громадных различиях величины дохода в крупных и мелких заведениях. Повышая производительность труда, крупные заведения дают возможность платить наемную плату, превосходящую доход бедноты, — одиночек кустарей, «самостоятельность» которых оказывается, при подчинении их рынку, совершенно фиктивной. Эта громадная разница между доходами крупных и мелких заведений сказывается в обеих группах, но у земледельцев гораздо сильнее (вследствие бо̀льшего принижения мелких кустарей). Ничтожная разница между доходом хозяйчика и заработком наемника показывает наглядно, что доход *мелкого* кустаря-земледельца, не держащего наемников, *не выше, а зачастую и ниже* заработной платы наемному рабочему. В самом деле, величина чистого дохода хозяина (47,1 руб. на 1 семейного рабочего) есть *средняя* величина для всех заведений, крупных и мелких, для фабрикантов и одиночек. Понятно, что у крупных хозяев разница между чистыми доходами хозяина и заработком наемника составляет не 4 рубля, а в 10—100 раз больше, а это означает, что доход мелкого кустаря, одиночки, значительно ниже 47-ми рублей, т.-е. этот доход *не выше, а часто и ниже* заработной платы наемному рабочему. Данные кустарной переписи о распределении заведений по чистой доходности (см. ниже, § V) вполне подтверждают этот, повидимому, парадоксальный вывод. Но эти данные касаются всех заведений вообще, без различения земледельцев и неземледельцев, и вот почему для нас особенно важен данный результат вышеприведенной таблицы: мы узнали, что самые низкие заработки принадлежат именно земледельцам, что «связь с землей» громадно понижает заработки.

Говоря о различии доходов у земледельцев и неземледельцев, мы уже упомянули, что нельзя объяснить его различием рабочих периодов. Посмотрим же на данные кустарной переписи по этому вопросу. В программу переписи, как мы узнали из «введения», вошло исследование «напряженности производства в течение года, на основании числа семьян и наемных рабочих, занятых производством по месяцам» (с. 14). Так как перепись была подворная, т.-е. каждое заведение исследовалось отдельно (к сожалению, к «Очерку» не приложена форма подворного бланка), то надо

предположить, что о каждом заведении собирались данные о числе рабочих по месяцам или о продолжительности рабочих месяцев в году в каждом заведении. Эти данные сведены в «Очерке» в одну таблицу (с. 57, 58), в которой для каждой подгруппы обеих групп указано число рабочих (семьян и наемных вместе), *занятых в каждый месяц года.*

Попытка кустарной переписи 1894/5 года определить с такой точностью число рабочих месяцев у кустарей чрезвычайно поучительна и интересна. Действительно, без таких сведений данные о доходах и заработках были бы не полны, и статистические выкладки были бы лишь приблизительны. Но, к сожалению, данные о рабочем периоде обработаны весьма недостаточно: кроме этой общей таблицы даны лишь сведения для некоторых промыслов о числе рабочих по месяцам, иногда с разделением по группам, иногда без такого разделения; разделения же по подгруппам нет ни по одному промыслу. Выделение крупных заведений было бы по этому вопросу особенно важно, ибо мы вправе предположить, — и a priori, и по данным других исследователей кустарной промышленности, — что рабочие периоды у крупных и мелких кустарей не одинаковы. Кроме того, самая таблица на стр. 57 составлена, видимо, не без ошибок или опечаток (напр., в месяцах: февраль, август, ноябрь; столбец 2-ой и 3-ий во II-ой группе, видимо, перепутаны, ибо число рабочих в 3-й подгруппе больше, чем во второй). Даже по исправлении этих неточностей (исправлении, иногда приблизительном), эта таблица возбуждает не мало сомнений, которые делают пользование ею рискованным. В самом деле, рассматривая данные этой таблицы по подгруппам, мы видим, что в подгруппе 3-й (гр. I) maximum занятых рабочих приходится на декабрь, составляя 2.911 рабочих. Между тем, всего в 3-й подгрупне «Очерк» считает 2.551 рабочего. То же в 3-й подгруппе II-й группы: maximum — 3.221, а действительное число рабочих — 3.077. Наоборот, по подгруппам *maxima* занятых в один из месяцев рабочих *меньше* действительного числа рабочих. Как объяснить это явление? Тем ли, что по данному вопросу собраны сведения не о всех заведениях? Это очень вероятно, но в «Очерке» ни слова об этом. По 2-й подгруппе II-й группы не только maximum рабочих (февраль) больше действительного числа рабочих (1.882 против 1.163), но и *среднее число* рабочих, занятых в один месяц (т.-е. частное, полученное от деления суммы рабочих, занятых в 12 месяцев, на 12), *больше* действительного числа рабочих (1.265 против 1.163)!! Спрашивается, какое же число рабочих регистраторы считали действительным: среднее ли за год, среднее ли за какой-нибудь период (напр., за зиму), или наличное число в один определенный месяц года? Рассмотрение данных о помесячном числе рабочих в отдельных промыслах не помогает разрешить все эти недоумения. По

большинству из тех 23-х промыслов, о которых даны эти сведения, maximum занятых в один из месяцев года рабочих *ниже* действительного числа рабочих. По 2-м промыслам этот maximum *выше* действительного числа рабочих: по медноиздельному (239 против 233) и кузнечному (II-я группа — 1.811 против 1.269). По двум промыслам maximum равен действительному числу рабочих (веревочный и маслобойный, II-ые группы).

При таких условиях пользоваться данными о помесячном распределении рабочих для сравнения их с суммами заработка, с действительным числом рабочих и т. п. оказывается невозможным. Остается только брать эти данные безотносительно к другим, сравнивать maxima и minima занятых по месяцам рабочих. Так и делается в «Очерке», но при этом сравниваются отдельные месяца. Мы находим более правильным сравнивать зиму и лето: тогда мы можем проследить, насколько земледелие отвлекает рабочих от промысла. Мы брали среднее число рабочих, занятых зимой (октябрь — март), за норму и, прилагая эту норму к числу рабочих, занятых летом, получали число летних рабочих месяцев. Сумма зимних и летних месяцев давала число рабочих месяцев в году. Поясним примером. В 1-й подгруппе I-й группы в шесть зимних месяцев занято 18.060 рабочих; значит, в один зимний месяц занято в среднем (18.060 : 6 =) 3.010 рабочих. Летом занято 12.345 рабочих, т.-е. рабочий период летом составляет (12.345:3.010) 4,1 месяца. След., рабочий период в 1-й подгруппе I-й группы составляет 10,1 месяцев в году.

Такой прием обработки данных казался нам и самым правильным и самым удобным. Самым правильным — потому что он основан на сравнении зимних и летних месяцев, след., на точном определении того, насколько отвлекает рабочих от промысла земледелие. Что зимние месяцы взяты правильно, это подтверждается тем, что именно с октября и именно по март по обеим группам число рабочих выше среднего в году. Именно с сентября по октябрь число рабочих всего сильнее повышается, именно с марта по апрель оно всего сильнее падает. Впрочем, выбор других месяцев изменил бы выводы весьма незначительно. Самым удобным мы считаем взятый прием потому, что он выражает рабочий период точным числом, позволяя сравнивать в этом отношении группы и подгруппы.

Вот полученные по этому способу данные:

	Группа I Подгруппы 1	2	3	Всего	Группа II Подгруппы 1	2	3	Всего	По обеим группам
Рабочий период в месяцах . .	10,1	9,6	10,5	10,0	10,0	10,4	10,9	10,5	10,2

Эти данные приводят к выводу, что разница в рабочем периоде у земледельцев и неземледельцев *крайне мала:* у неземле-

*

дельцев рабочий период всего на 5% длиннее. Ничтожность этой разницы вызывает сомнение в правильности цифр. Мы предприняли некоторые вычисления и сводки разбросанного в книге материала для проверки их и пришли к следующим выводам:

Из 43-х промыслов по 23-м даны в «Очерке» сведения о помесячном распределении рабочих, причем по 12 (13) *) промыслам эти сведения проведены по группам, а по 10 не проведены. Оказывается, что по трем промыслам (смоло-дегтярному, синильному и кирпичному) число рабочих летом больше, чем зимой: в шесть зимних месяцев занято всего 1.953 человека по всем этим трем промыслам, а в 6 летних — 4.918 человек. Число земледельцев в этих промыслах громадно преобладает над неземледельцами, составляя 85,9% всего числа рабочих. Понятно, что соединение в общих итогах по группам этих летних, так сказать, промыслов с остальными было совершенно неправильно, ибо это значило соединять разнородные вещи и искусственно повышать число летних рабочих во всех промыслах. Чтобы исправить происходящую от этого ошибку, есть два средства. Первое — вычесть данные по этим трем промыслам из итогов «Очерка» по I-й и II-й группам **). Получаем рабочий период для I-й группы 9,6 месяцев, для II-й — 10,4 месяца. Здесь разница между обеими группами больше, но все-таки она очень невелика: 8,3%. Второе средство исправить ошибку состоит в сводке данных по тем 12-ти промыслам, для которых даны в «Очерке» сведения о помесячном распределении рабочих в I-й и во II-й группе отдельно. Такая сводка охватит 70% всего числа кустарей, причем сравнение между I-й и II-й группой будет правильнее. Оказалось, что по этим 12-ти промыслам рабочий период для I-й группы равен лишь 8,9 месяцам, а для II-й — 10,7 месяцам, а по обеим группам вместе 9,7 месяцев. Здесь рабочий период у неземледельцев на 20,2% длиннее, чем у земледельцев. Земледельцы прекращают работы летом на 3,1 месяца, а неземледельцы только на 1,3 месяца. Если мы возьмем максимальное отношение рабочих периодов во II-й и I-й группе за норму, то и тогда окажется, что не только различий в валовом производстве рабочих I-й и II-й группы или в чистой доходности их заведений, но даже различий в заработной плате наемных рабочих у земледельцев и неземледельцев *нельзя объяснить различием рабочих периодов*. След., сделанный выше вывод, что связь с землей понижает заработки кустарей, остается в полной силе.

Поэтому следует признать ошибкой мнение составителей «Очерка», желающих объяснить различие в заработке земледель-

*) Роговой промысел имеет лишь одну I-ю группу.

**) Распределение рабочих этих трех промыслов между I и II группой делается приблизительно, взяв за норму 85,9% для I.

цев и неземледельцев различием рабочих периодов. Ошибка их произошла оттого, что они не пытались выразить различий рабочих периодов точными цифрами, и потому впали в заблуждение. Напр., на стр. 106-й в «Очерке» говорится, что различие заработков скорняков-земледельцев и скорняков-неземледельцев «определяется главным образом количеством рабочих дней, которые посвящаются промыслу». Между тем доходы неземледельцев превышают доходы земледельцев по этому промыслу в 2—4 раза (на одного семейного рабочего в 1-й подгруппе 65 и 280 руб.; во 2-й — 27 и 62 руб.), а рабочий период у неземледельцев длиннее всего на 28,7% (8,5 месяцев против 6,6).

Факт понижения заработка вследствие связи с землей не мог ускользнуть и от составителей «Очерка», которые однако выразили его обычной народнической формулой о «преимуществе» кустарной формы перед капиталистической: «соединяя земледелие с промыслом, кустарь... может продавать свои изделия дешевле фабричных» (с. 4), может, другими словами, довольствоваться меньшим заработком. Только в чем же тут «преимущество» связи с землей, если рынок настолько уже владычествует над всем производством страны, что учитывает эту связь, понижая заработок кустаря-земледельца? если капитал умеет пользоваться этой «связью» для большего давления кустаря-земледельца, менее способного к самозащите, к выбору другого хозяина, другого покупателя, другого занятия? Понижение заработной платы (и промышленного заработка вообще) при наличности у рабочего (и мелкого промышленника) клочка земли есть явление, общее всем капиталистическим странам, явление, прекрасно известное всем предпринимателям, давным-давно оценившим громадные «преимущества» привязанных к земле рабочих. Только на гнилом Западе вещи прямо и называют их именем, а у нас понижение заработка, понижение жизненного уровня трудящихся, задержку введения машин, укрепление всяческой кабалы называют «преимуществом» «народного производства», «соединяющего земледелие с промыслом»...

В заключение обзора данных кустарной переписи $189^4/_5$ года о рабочем периоде нельзя опять-таки не выразить сожаления по поводу необработанности полученных данных и не пожелать, чтобы эта неудача не смутила других исследователей этого интересного вопроса. Прием исследования — определение помесячного распределения рабочих сил — нельзя не признать выбранным весьма удачно. Выше мы привели данные о рабочем периоде по группам и подгруппам. Данные по группам мы могли еще несколько проверить. Данные по подгруппам совершенно не проверимы, ибо в книге нет еще абсолютно никаких сведений о различии в рабочем периоде по разным подгруппам. Поэтому, излагая эти данные, оговоримся, что нельзя ручаться за полную надежность их, и если мы делаем дальнейшие выводы, то лишь для того, чтобы

поставить вопрос и обратить на него внимание исследователей. Важнейший вывод тот, что наименьшая разница в рабочих периодах I-й и II-й группы оказывается в 1-й подгруппе (всего на 1%: 10,1 и 10,0 месяцев), т.-е. *всего меньше отвлекаются от земледелия* самые зажиточные кустари и самые крупные и *состоятельные земледельцы*. Всего больше различие у ремесленников (2-я подгруппа: 9,5 и 10,4 месяца), т.-е. у наименее затронутых товарным хозяйством промышленников и *средних* земледельцев. Выходит, как будто, что у зажиточных земледельцев малое отвлечение от земледелия зависит либо от бо̀льшего состава их семей, либо от бо̀льшей эксплуатации наемного труда в промысле, либо от найма ими земледельческих работников, и что наибольшее отвлечение от земледелия ремесленников стоит в связи с наименьшим разложением их как земледельцев, с наибольшим сохранением патриархальных отношений и непосредственной работы на потребителей-земледельцев, которые сокращают свои заказы летом *).

— «Связь с земледелием», по данным переписи, отражается чрезвычайно рельефно на *грамотности* кустарей; — грамотность наемных рабочих, *к сожалению*, не исследована. Оказывается, что неземледельческое население **) *значительно грамотнее* земледельческого, причем это отношение наблюдается без исключения по всем подгруппам и для мужчин, и для женщин. Вот in extenso ***) данные переписи по этому вопросу в процентных отношениях (стр. 62):

		Группа I (земледельцы)				Группа II (неземледельцы)				По обеим группам
		Подгруппы			Итого	Подгруппы			Итого	
		1	2	3		1	2	3		
«Процентное отношение грамотных к наличному числу лиц».	муж. п. . .	32	33	20	31	41	45	33	39	33
	жен. п. . .	9	6	4	7	17	22	14	17	9
«Процент грамотных из числа тех, которые принимают личное трудовое участие в производстве».	муж. п. . .	39	37	26	36	44	57	51	49	40
	жен. п. . .	13	17	4	10	53	21	23	30	19
Процент семей с грамотными		49	43	34	44	55	63	50	55	47

Интересно отметить, что в неземледельческом населении грамотность гораздо быстрее распространяется среди женщин, чем среди

*) Есть исключение: синильный промысел — исключительно ремесленный, и в нем преобладает летняя работа над зимней.

**) Напомним, что город (и то уездный) вошел сюда лишь один по исключению: из числа 4.762 семейных рабочих II-й группы горожан только 1.412, т.-е. 29,6%.

***) — в полном объеме. *Ред.*

мужчин. Процент грамотных мужчин во II-ой группе в $1^1/_2$ — 2 раза больше, чем в I-ой, а процент грамотных женщин в $2^1/_2$ — $5^3/_4$ раза.

Резюмируя те выводы, которые дала кустарная перепись $189^4/_5$ года о «земледелии в связи с промыслом», мы можем констатировать, что связь с земледелием:

1) задерживает наиболее отсталые формы промышленности и тормозит экономическое развитие;

2) понижает заработки и доходы кустарей, так что *наиболее* обеспеченные подгруппы земледельцев-хозяев получают, в общем и среднем, меньше, чем *наихудше* поставленные подгруппы *наемных рабочих* у неземледельцев, не говоря уже о неземледельцах-хозяевах. Даже сравнительно с наемными рабочими в I-ой группе хозяев этой же группы получаются весьма низкие доходы, лишь очень немногим превышающие заработки наемных рабочих, а иногда даже спускающиеся ниже их;

3) задерживает культурное развитие населения, имеющего более низкий уровень потребностей и далеко отстающего в грамотности от неземледельцев.

Эти выводы пригодятся нам ниже, при оценке народнической программы промышленной политики.

4) Среди кустарей-земледельцев констатируется разложение, параллельное разложению промышленников. При этом высшие (по обеспеченности) категории земледельцев представляют из себя чистый тип крестьянской буржуазии, основывающей свое хозяйство на найме сельских батраков и поденщиков.

5) Рабочий период у земледельцев короче, чем у неземледельцев, но разница эта очень невелика (5% — 20%).

V.

КРУПНЫЕ И МЕЛКИЕ ЗАВЕДЕНИЯ.—ДОХОДЫ КУСТАРЕЙ.

На данных кустарной переписи $189^4/_5$ года о *доходах* кустарей необходимо остановиться поподробнее. Попытка собрать подворные данные о доходах слишком поучительна, и ограничиться общими «средними» по подгруппам (приведенными выше) было бы совершенно неправильным приемом. Мы уже говорили не раз о фиктивности «средних», выводимых из сложения вместе одиночек-кустарей и хозяев крупных заведений и деления суммы на число слагаемых. Постараемся же собрать имеющиеся в «Очерке» данные по этому вопросу, чтобы наглядно показать и доказать эту фиктивность, доказать необходимость при научных исследованиях и при обработке данных подворных переписей группировать кустарей на разряды по числу рабочих (и семейных, и наемных) в мастерской и приводить все данные переписи по эти разрядам.

Составители «Очерка» не могли не заметить бросающегося в глаза факта большей доходности крупных заведений и постарались ослабить его значение. Вместо точных данных переписи о крупных заведениях (выделить эти данные было бы не трудно), они опять ограничились общими рассуждениями, соображениями, доводами против неприятных для народничества выводов. Посмотрим на эти доводы.

«Если в подобных (крупных) заведениях мы встречаем непропорционально больший, сравнительно с мелкими, доход семьи, то не должны упускать из виду, что значительная часть этого дохода есть, главным образом, воспроизведение стоимости, во-1-х, некоторой части основного капитала, перешедшей в продукты, во-2-х, труда и издержек торгово-транзитного характера, непричастных производству, и, в-3-х, стоимости пищевого довольствия тех наемных рабочих, которые содержатся на хозяйских харчах. Этими фактами (! хороши факты!) ограничивается возможность некоторых иллюзий относительно преувеличенного представления о выгодах в кустарном производстве наемного труда или, что то же, капиталистического элемента» (с. 15). Что «ограничить» возможность иллюзий весьма желательно для исследования, в этом, конечно, никто не усомнится, но для этого нужно «иллюзиям» противопоставить именно *факты*, собранные подворной переписью, а не свои соображения, которые иногда целиком относятся к «иллюзиям». В самом деле, не иллюзия ли рассуждение авторов о торгово-транзитных расходах? Кто же не знает, что для крупного промышленника эти расходы на единицу продукта неизмеримо ниже, чем для мелкого *), что первый закупает матерьял дешевле, продает продукт дороже, умея (и будучи в состоянии) выбирать время и место? Кустарная перепись дает тоже указания на эти общеизвестные факты: ср., напр., стр. 204 и 263, и нельзя не пожалеть, что в «Очерке» нет *фактов* о расходах на закупку сырья и сбыт продукта у промышленников крупных и мелких, у кустарей и скупщиков. Далее, что касается до снашиваемой части основного капитала, то авторам опять пришлось впасть в иллюзию, воюя против иллюзии. Известно из теории, что крупные расходы на основной капитал понижают снашиваемую и переходящую на продукт часть стоимости по расчету на единицу продукта. «Сравнительный анализ цен ручных или мануфактурных товаров и тех же товаров, произведенных машинами, дает в общем тот результат, что в машинном продукте часть стоимости, переходящая от орудий труда, относительно возрастает, но абсолютно уменьшается. То-есть ее абсолютная величина уменьшается, но ее величина

*) Само собой разумеется, что сравнивать можно только кустарей *одной подгруппы*, а не товаропроизводителя с ремесленником или с работающим на скупщика.

в отношении ко всей стоимости продукта, напр., фунта пряжи, увеличивается» («Das Kapital», I², S. 406). Перепись считала и расходы производства, в число которых входит (с. 14, п. 7-й) «ремонт инструментов и приспособлений». Где основания думать, что пробелы в регистрации этого пункта чаще встречаются у крупных, чем у мелких хозяев? Не скорее ли наоборот? Что касается до содержания наемных рабочих, то *фактов* по этому вопросу в «Очерке» нет никаких: мы не знаем, сколько именно рабочих получают хозяйское содержание, как часты пробелы переписи по этому пункту, как часто хозяева-земледельцы содержат наемников продуктами своего хозяйства, как часто хозяева заносили содержание рабочих в расходы производства. Точно также нет никаких *фактов* о неодинаковой продолжительности рабочих периодов в крупных и мелких заведениях. Мы нисколько не отрицаем, что рабочий период в крупных заведениях по всей вероятности длиннее, чем в мелких, но, во-1-х, различия в доходности несравненно больше различий рабочего периода; во-2-х же, остается констатировать, что против точных *фактов* подворной переписи (которые приводятся ниже) пермские статистики не сумели привести ни одного веского, основанного на точных данных, возражения в защиту народнических «иллюзий».

Данные о крупных и мелких заведениях мы получали таким образом: просматривались таблицы, приложенные к «Очерку», отмечались крупные заведения (когда их можно выделить, т.-е. когда они не слиты с массой заведений в общий итог) и сравнивались с общими итогами «Очерка» о всех заведениях *той же* группы и подгруппы. Вопрос так важен, что, мы надеемся, читатели не посетуют на нас за обилие табличек, приводимых ниже: в табличках данные выступают рельефнее и компактнее:

Пимокатный промысел:

Группа I Подгруппа 1	Число заведений	Число рабочих			Валовой доход		Зараб. плата наем. рабоч.		Чистый доход		Ссылки на стр. «Очерка»
		Семейных	Наемных	Всего	Всего	На 1 рабочего	Всего	На 1 наемного рабочего	Всего	На 1 семейного рабочего	
					Рублей						
Всего	58	99	95	194	22.769	117,3	4.338	45,6	7.410	75,0	Стр. 112 текста.
Крупные заведения...	10	14	65	79	13.291	168,0	3.481	53,5	3.107	222,0	Стр. 214, 215 и 154 табл.
Остальные заведения без этих крупных	48	85	30	115	9.478	82,4	857	28,5	4.303	41,2	

Итак, «средний» доход на одного семейного рабочего в 75 р. получился из сложения доходов в 222 р. и в 41 р. Оказывается, что за вычетом 10-ти крупных заведений *) с 14-ю семейными рабочими, остальные заведения дают *чистый доход, уступающий* заработной плате наемному рабочему (41,2 р. против 45,6), а в крупных заведениях заработная плата еще повышается. Производительность труда в крупных заведениях более чем вдвое выше (168,0 и 82,4), заработная плата наемному рабочему почти вдвое (53 и 28), чистый доход впятеро (222 и 41). Ясно, что ни различиями рабочего периода, ни другими какими-либо соображениями нельзя устранить того факта, что крупные заведения имеют высшую производительность труда **) и высшую доходность, а мелкие кустари — получают меньше наемных рабочих при всей своей «самостоятельности» (1-ая подгруппа: самостоятельно работают на рынок) и связь с землей (I группа).

В столярном промысле в 1-й подгруппе I-й группы «чистый доход» семей равен «в среднем» 37,4 руб. на 1 семейного работника, тогда как средний заработок одного наемного рабочего в этой же подгруппе равен 56,9 р. (с. 131). Выделить крупные заведения по таблицам нельзя, но вряд ли можно сомневаться, что эта «средняя» величина дохода на 1 семейного рабочего есть результат сложения высоко-доходных заведений с наемными рабочими (которым платят же за что-нибудь по 56 рублей) и крохотных мастерских мелких «самостоятельных» кустарей, получающих много меньше наемного рабочего.

Далее, рогожный промысел:

Группа I Подгруппа 1	Число заведений	Число рабочих			Валовой доход		Заработная плата		Чистый доход		Ссылки на стр. «Очерка»
		Семейных	Наемных	Всего	Всего	На 1 рабочего	Всего	На 1 наемного рабочего	Всего	На 1 семейного рабочего	
Всего . . .	99	206	252	458	38.681	84,4	6.664	26,4	10.244	49,7	Стр. 151 текста
Крупные заведения . . .	11	11	95	106	18.170	171,4	2.520	26,5	3.597	327,0	Стр. 95, 97 и 136 таблиц
Остальные . .	88	195	157	352	20.511	58,2	4.144	26,4	6.647	34,0	

*) Это однако далеко еще не самые крупные заведения. Из распределения заведений по числу наемных рабочих (с. 113) можно подсчитать, что в 3-х заведениях — 163 наемных рабочих, т.-е. в среднем по 54 наемных работника на заведение. И это «кустари», которых складывают с одиночками (одиночек в промысле не менее 460) и выводят общие «средние»!

**) «В одном из заведений» отмечено введение шерстобитной машины (с. 119).

Итак, 11 заведений из 99 концентрируют почти половину всего производства. Производительность труда в них выше более чем вдвое; заработная плата наемным рабочим также; чистый доход более чем вшестеро выше «среднего» и почти вдесятеро выше дохода остальных, т.-е. более мелких кустарей. Доходы этих последних уже немногим выше заработка наемников (34 и 26).

Веревочно-канатный промысел *):

Группа I Подгруппа 1	Число заведений	Число рабочих			Валовой доход		Заработная плата		Чистый доход		Ссылки на стр. «Очерка»
		Семейных	Наемных	Всего	Всего	На 1 рабочего	Всего	На 1 наемного рабочего	Всего	На 1 семейного рабочего	
Всего	58	179	106	285	81.672	286	6.946	65,6	16.127	90,1	Стр. 158 текста*)
Крупные заведения	4	5	56	61	48.912	800	4.695	83,8	5.599	1119,0	Стр. 40 и 188 таблиц
Остальные . .	54	174	50	224	32.760	146	2.251	45,0	10.528	60,5	

Итак, общие «средние» и здесь показывают высшие доходы у семейных рабочих против наемных (90 против 65,6). Но из 58 заведений 4 концентрируют *больше половины* всего производства. В этих заведениях (капиталистических мануфактурах чистого типа) **) производительность труда почти втрое выше среднего (800 и 286) и более чем впятеро выше, чем у остальных, т.-е. более мелких заведений (800 и 146). Заработная плата наемным рабочим на фабриках значительно выше, чем у мелких хозяйчиков (84 и 45). Чистый доход фабрикантов составляет выше

---

*) В таблице на стр. 158, видимо, опечатка или ошибка, ибо в Ирбитском уезде чистый доход больше показанных в итоге 9.827 рублей. Пришлось переделать эту табличку по данным приложенных к «Очерку» таблиц.

**) Ср. «Куст. пром.», с. 46—47, а также описание производства в «Очерке», стр. 162 и сл. Прехарактерно, что «эти предприниматели были когда-то действительными кустарями, почему они всегда... любили и любят называть себя кустарями».

1.000 руб. на семью против 90 р. «в среднем» и 60,5 р. у мелких кустарей. Мелкие кустари получают таким образом доход, уступающий заработной плате наемникам (60,5 и 65,6).

Смолодегтярный промысел:

Группа I Подгруппа 1	Число заведений	Число рабочих			Валовой доход		Заработная плата		Чистый доход		Ссылки на стр. «Очерка»
		Семейных	Наемных	Всего	Всего	На 1 рабочего	Всего	На 1 наемного рабочего	Всего	На 1 семейного рабочего	
Всего . .	167	319	80	399	22.076	55,3	2.150	26,8	10.979	34,4	Стр. 189 текста
Крупные заведения	9	10	16	26	4.440	170,7	654	40,8	2.697	269,7	Стр. 100, 101, 137, 160, 161 и 220 таблиц
Остальные	158	309	64	373	17.636	47,3	1.496	23,2	8.282	26,8	

Итак, и в этом производстве, вообще очень мелком, с очень небольшим числом наемных рабочих (20%), в земледельческой группе, у самостоятельных кустарей наблюдается то же чисто капиталистическое явление превосходства крупных (сравнительно) заведений. А смолодегтярное производство типичный крестьянский, «народный» промысел! В крупных заведениях производительность труда более чем втрое выше, заработная плата наемных рабочих раза в полтора выше, чистый доход раз в восемь выше «среднего» и вдесятеро выше заработка остальных кустарей-семьян, которые зарабатывают не больше среднего наемного рабочего и *меньше наемного рабочего в более крупных заведениях.* Отметим, что смолодегтярное производство ведется главным образом летом, так что различия в рабочем периоде не могут быть значительны *).

*) Из «Очерка» видно, что в смолодегтярном производстве употребляются и первобытные *ямные* способы гонки смолы и более совершенные — *казанное* и даже *с цилиндрическими котлами* (с. 195). Подворная перепись дала матерьял о распределении тех и других, но матерьял этот не утилизирован, ибо не выделены крупные заведения.

Пекарный промысел:

Группа I Подгруппа 1	Число заведений	Число рабочих			Валовой доход		Заработная плата		Чистый доход		Ссылки на стр. «Очерка»
		Семейных	Наемных	Всего	Всего	На 1 рабочего	Всего	На 1 наемного рабочего	Всего	На 1 семейного рабочего	
Всего . .	27	63	55	118	44.619	378,1	2.497	45,4	7.484	118,8	Стр. 215 текста
Крупные заведения	4	7	42	49	25.740	525	2.050	48,8	4.859	694	Стр. 68 и 229 таблиц
Остальные	23	56	13	69	18.879	273	447	34,4	2.625	46,8	

То-есть опять-таки средние для всей подгруппы цифры оказываются совершенно фиктивными. Крупные заведения (мелких капиталистов) концентрируют большую половину всего производства, дают чистую доходность вшестеро выше среднего и в 14 раз больше, чем у мелких хозяйчиков, и выплачивают наемным рабочим *заработную плату, превышающую доход мелких кустарей*. Мы не говорим о производительности труда, в 3 — 4 крупных заведениях производят более ценный продукт — патоку.

Гончарное производство. Опять типичный мелкий крестьянский промысел, с ничтожным числом наемных рабочих (13%), с весьма мелкими заведениями (менее 2 рабочих на заведение), с преобладающим числом земледельцев. И здесь видим мы то же самое:

Группа I Подгруппа 1	Число заведений	Число рабочих			Валовой доход		Заработная плата		Чистый доход		Ссылки на стр. «Очерка»
		Семейных	Наемных	Всего	Всего	На 1 рабочего	Всего	На 1 наемного рабочего	Всего	На 1 семейного рабочего	
Всего . .	97	163	31	194	12.414	63,9	1.830	59	6.657	41	Стр. 291 текста
Крупные заведения	7	9	17	26	4.187	161,0	1.400	80,2	1.372	152	Стр. 168 и 206 таблиц
Остальные	90	154	14	168	8.227	48,9	430	30,0	5.285	34,3	

Здесь, след., сразу оказывается, что по «средним» цифрам заработок наемного рабочего *выше* дохода семейного рабочего. Выделение крупных заведений разъясняет это противоречие, которое мы констатировали уже выше на массовых данных. В крупных заведениях несравненно выше и производительность труда, и заработная плата, и доход хозяев, мелкие же кустари получают меньше наемных рабочих *и более чем вдвое меньше против наемных рабочих в наилучше поставленных мастерских.*

Кирпичное производство:

Группа I Подгруппа 1	Число заведений	Число рабочих			Валовой доход		Заработная плата		Чистый доход		Ссылки на стр. «Очерка»
		Семейных	Наемных	Всего	Всего	На 1 рабочего	Всего	На 1 наемного рабочего	Всего	На 1 семейного рабочего	
Всего . .	229	558	218	776	17.606	22,6	4.560	20,9	10.126	18,1	Стр. 299 текста
Крупные заведения	8	9	45	54	3.130	57,9	1.415	31,4	1.298	144	Стр. 46, 120, 169 и 183 таблиц
Остальные	221	549	173	722	14.476	20,0	3.145	18,2	8.828	16,0	

Итак, и здесь «средний» доход одного семейного рабочего оказывается ниже заработной платы наемника. И здесь объяснение этого явления заключается в соединении крупных заведений, отличающихся несравненно большей производительностью труда, высшей платой наемным рабочим и очень высокой (сравнительно) доходностью, — с мелкими заведениями, хозяйчики которых получают доход почти вдвое меньший против заработной платы наемных рабочих в крупных мастерских.

Мы могли бы привести данные еще и по другим промыслам *), но думаем, что и этих более чем достаточно.

Сведем теперь те выводы, которые следуют из рассмотренных данных:

---

*) Ср. экипажный промысел, с. 308 текста и с. 11 и 12 таблиц; сундучный промысел, с. 335; портняжный промысел, с. 344 и др.

1) Соединение крупных и мелких заведений вместе дает совершенно фиктивные «средние» цифры, не дающие никакого понятия о действительности, затушевывающие кардинальные различия, изображающие однородным нечто совершенно разнородное, разносоставное.

2) Данные по целому ряду промыслов свидетельствуют о том, что крупные (по общему числу рабочих) заведения отличаются от средних и мелких:

а) несравненно более высокой производительностью труда;

б) более высокой платой наемным рабочим;

в) несравненно более высокой чистой доходностью.

3) Все без исключения выделенные нами крупные заведения употребляют в несравненно больших размерах наемный труд (сравнительно с средними заведениями данного промысла), который значительно превосходит по своей роли семейный. Производительность их достигает десятка тысяч рублей, а число наемных рабочих — десяти и свыше человек на заведение. Эти крупные заведения представляют из себя таким образом капиталистические мастерские. Данные кустарной переписи доказывают, след., в пресловутом «кустарном» производстве *наличность чисто капиталистических законов и отношений;* доказывают полное превосходство капиталистических мастерских, основанных на кооперации наемных рабочих, над одиночками и вообще мелкими кустарями, — превосходство и по производительности труда и по оплате труда даже наемных рабочих.

4) По целому ряду промыслов заработок мелких *самостоятельных* кустарей оказывается не выше, а зачастую даже ниже заработка наемных рабочих в том же промысле. Эта разница должна еще усилиться, если к заработку наемников прибавить получаемое некоторыми из них содержание.

Этот последний вывод мы выделяем от первых трех в том отношении, что те выводы выражают явления всеобщие и обязательные по законам товарного производства, тогда как здесь мы не можем видеть общеобязательного явления. Мы формулируем, след., так: при более низкой производительности труда мелких заведений и при беззащитном положении их хозяйчиков (особенно земледельцев) на рынке, вполне возможно такое явление, что заработок самостоятельного кустаря оказывается ниже заработной платы наемника, и данные говорят, что это явление очень часто имеет место в действительности.

Доказательное значение приведенных выкладок не может подлежать сомнению, ибо мы взяли целый ряд промыслов, выбрали их не случайно, а приводили все, по которым только таблицы позволяли выделить крупные заведения, брали не отдельные заведения, а все заведения данного рода, сравнивая с ними всегда по нескольку крупных заведений из различных уездов. Но жела-

тельно было бы дать описываемым явлениям более общее и более точное выражение. К счастью, в «Очерке» есть данные, позволяющие осуществить *отчасти* такое желание. Это — данные *о распределении заведений по чистой доходности их*. По отдельным промыслам в «Очерке» указано, сколько заведений имеют чистый доход до 50 р., до 100 р., до 200 р. и т. п. Вот эти-то данные мы и свели вместе. Оказалось, что имеются они по 28 промыслам *), охватывая 8.364 заведения, т.-е. 93,2% всего числа (8.991). Всего в этих 28-ми промыслах 8.377 заведений (13 заведений не распределены по доходности) с 14.135 семейными + + 4.625 наемными рабочими, всего с 18.760 рабочими, что составляет 93,9% всего числа рабочих. Понятно, что по этим данным о 93% кустарей мы имеем полное право заключать обо всех, ибо нет никаких оснований предполагать несходство остальных семи процентов с этими 93-мя. Прежде, чем приводить данные нашей сводки, необходимо заметить следующее:

1) Составители «Очерка», приводя эту группировку, не всегда строго выдерживали одинаковость и однородность наименований каждой группы. Напр., говорят: «до 100 р.», «менее 100 р.», иногда даже «по 100 р.». Не всегда указывают начальный и конечный предел разряда, т.-е. иногда начинают группировать с разряда «до 100 р.», иногда с разряда «до 50 р.», «до 10 р.» и т. п.; иногда заканчивают группировку разрядом «1.000 р. и более», иногда приводят разряды «2.000 — 3.000 р.» и т. п. Все эти неточности никакого серьезного значения иметь не могут. Мы свели все разряды, приводимые в «Очерке» (их 15: до 10 р., до 20 р., до 50 р., до 100 р., до 200 р., до 300 р., до 400 р., до 500 р., до 600 р., до 700 р., до 800 р., до 900 р., до 1.000 р., 1.000 р. и более, 2.000 — 3.000 р.), и все маленькие неточности и недоумения разрешали подведением под один из этих разрядов.

2) В «Очерке» дано только *число заведений*, имеющих доходы таких-то и таких-то разрядов, но не указана *величина дохода*, приходящаяся на долю всех заведений каждого разряда. А между тем для нас именно последние данные и необходимы. Мы приняли поэтому, что величина дохода в заведениях данного разряда определится с достаточной точностью умножением числа заведений в разряде на среднюю величину дохода, т.-е. арифметическую среднюю из maximum'а и minimum'а в разряде (напр., 150 р. в разряде 100 — 200 р. и т. д.). Только для двух низших разрядов (до 10 р. и до 20 р.) приняли вместо средних максимальные величины дохода (10 р. и 20 р.). Проверка показала,

*) По промыслам кружевному, слесарному и гармонному тоже есть эти сведения, но мы опустили эти промыслы, ибо по ним нет данных о распределении заведений по числу семейных рабочих.

что подобный прием (вообще допустимый в статистических вычислениях) дает весьма близкие к действительности цифры. Именно, весь чистый доход кустарных семей в этих 28 промыслах составляет, по данным «Очерка», 951.653 р., а по нашим приблизительным данным, основанным на разрядах по доходности, получилось 955.150 р., т.-е. больше на 3.497 р. = 0,36%. Разница или ошибка, след., меньше четырех копеек на 10 рублей.

3) Из нашей сводки мы узнаем среднюю величину дохода на семью (в каждом разряде), а не на одного семейного рабочего. Для определения последней величины пришлось опять-таки сделать примерный расчет. Зная распределение семей по числу семейных рабочих (и отдельно — по числу наемных рабочих), мы предположили, что, чем меньше величина дохода на семью, тем меньше семейный состав (т.-е. число семейных рабочих на 1 заведение) и тем меньше заведений с наемными рабочими. Наоборот, чем выше доход на 1 семью, тем больше заведений с наемными рабочими, тем больше семейный состав, т.-е. число семейных рабочих на 1 заведение. Очевидно, что это предположение — самое благоприятное с точки зрения того, кто пожелал бы опровергать наши выводы. Другими словами: если бы было сделано *какое угодно* другое предположение, то наши выводы от этого только усилились бы.

Приводим теперь сводку данных о распределении кустарей по доходности заведений (стр. 242).

Эти данные слишком дробны, так что надо свести их в более простые и ясные рубрики. Возьмем пять категорий кустарей по доходности: а) бедных с доходом до 50 р. на семью; б) малосостоятельных — с доходом 50 — 100 р. на семью; в) средних — с доходом 100 — 300 р. на семью; г) зажиточных — с доходом 300 — 500 р. на семью и д) богатых — с доходом более 500 р. на семью.

По данным о доходности заведений к этим категориям присоединим примерное распределение заведений по числу семейных и наемных рабочих *). Получаем такую таблицу (стр. 243).

Эти данные приводят к очень интересным выводам, которые мы и рассмотрим по категориям кустарей:

а) Более четверти кустарных семей (28,4%) принадлежат к *бедноте*, получающей на семью в среднем около 33-х рублей дохода. Допустим, что весь этот доход достается одному семейному работнику, что в этой категории все — одиночки. Во всяком

*) 8.377 заведений в 28 промыслах так распределяются по числу семейных и наемных рабочих: с 0 сем. рабочих — 95 заведений; с 1 раб. — 4.362 заведения; с 2 раб. — 2.632; с 3 — 870; с 4 — 275; с 5 и более — 143. Заведений с наемными рабочими — 2.228, в том числе с 1 наемн. раб. — 1.359; с 2 — 447; с 3 — 201; с 4 — 96; с 5 и более — 125. Всего наемных рабочих 4.625 с заработком в 212.096 руб. (на одного — 45,85 руб.).

РАЗРЯДЫ	Число заведений	Средний доход одного заведения (Примерно)	Доход всех заведений (Примерно)	РАЗРЯДЫ	Число заведений	Средний доход одного заведения (Примерно)	Доход всех заведений (Примерно)	РАЗРЯДЫ	Число заведений	Средний доход одного заведения (Примерно)	Доход всех заведений (Примерно)
До 10 р. . .	127	10	1.270	До 300 р. .	602	250	150.050	До 800 р.	22	750	16.500
» 20 » . .	139	20	2.780	» 400 » .	208	350	72.800	» 900 » . . .	20	850	17.000
» 50 » . .	2.110	35	73.850	» 500 » .	112	450	50.400	» 1.000 » . . .	17	950	16.150
» 100 » . .	3.494	75	262.050	» 600 » .	40	550	22.000	1.000 р. и более . .	19	1.500	28.500
» 200 » . .	1.414	150	212.100	» 700 » .	38	650	24.700	2.000 — 3.000 р. . .	2	2.500	5.000
Всего заведений									8.364	—	955.150

Категории кустарей по величине дохода	Число		Чистый доход		Средний доход		Примерное распределение семей										
							по числу семейных рабочих						по числу наемн. рабочих				
	Семей	%	У них руб.	%	На 1 семью	На 1 семейн. рабоч. (прибл.)	По 1	По 2	По 3	По 4	По 5 и бол.	0	По 1	По 2	По 3	По 4	По 5 и бол.
а) Бедные . . .	2.376	28,4	77.900	8,2	32,7	32,7	2.376	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
б) Малосостоятельные . .	3.494	41,8	262.050	27,4	75,0	50	1.986	1.508	—	—	—	—	—	—	—	—	—
в) Средние . .	2.016	24,1	362.150	37,9	179,6	72,0	—	1.124	870	22	—	—	1.359	392	—	—	—
г) Зажиточные .	320	3,8	123.200	12,9	385,0	100,0	—	—	—	253	67	—	—	55	201	64	—
д) Богатые . .	158	1,9	129.850	13,6	821,8	348	—	—	—	—	76	82	—	—	—	32	125
Всего . . .	8.364	100	955.150	100	114,2	67,5	4.362	2.632	870	275	143	82	1.359	447	201	96	125

*

случае заработки этих кустарей оказываются *значительно ниже* средних заработков наемных рабочих у кустарей (45 р. 85 к.). Если большинство этих одиночек принадлежит к низшей (3-й) подгруппе, т.-е. работает на скупщиков, то это значит, что «хозяева» платят работающим на дому меньше, чем наемным рабочим в мастерской. Если мы даже примем, что эта категория кустарей имеет наименьший рабочий период, все-таки заработок их представляется совершенно нищенским.

б) Более двух пятых всего числа кустарей (41,8%) принадлежат к малосостоятельным, имея в среднем по 75 р. дохода на семью. Эти кустари уже не все — одиночки (если предъидущая категория состояла только из одиночек): в ней примерно до половины семей имеют по 2 семейных работника, и, следов., средний заработок одного семейного работника составляет лишь около 50 руб., *т.-е. не больше или даже меньше заработка наемного рабочего у кустаря* (кроме денежной платы, 45 р. 85 к., часть наемных рабочих получает содержание от хозяев). *Итак, семь десятых всего числа кустарей стоят, по своим заработкам, на уровне наемных рабочих у кустарей, отчасти даже ниже их.* Как ни поразителен этот вывод, но он вполне соответствует вышеприведенным данным о превосходстве крупных заведений над мелкими. До какой степени низок уровень дохода этих кустарей, можно судить по тому, что средняя заработная плата земледельческого годового работника в Пермской губернии составляет 50 руб. на хозяйских харчах *). След., семь десятых «самостоятельных» кустарей стоят, по жизненному уровню, не выше земледельческих батраков!

Народники скажут, конечно, что это лишь подсобный заработок при земледелии, но, во-1-х, не установлено ли давнымдавно, что лишь меньшинству крестьян земледелие может дать необходимое на содержание семьи, за вычетом платежей, да арендных денег, да расходов по хозяйству? А ведь мы сравниваем заработок кустаря с платой батраку на хозяйских харчах. Во-2-х, в семь десятых всего числа кустарей должны были войти и неземледельцы. В-3-х, если бы и оказалось, что земледелие оплачивает содержание кустарей-земледельцев этих категорий, то все-таки остается вне сомнения факт чрезвычайного понижения заработков благодаря связи с землей.

Еще сравнение: в Красноуфимском уезде средний заработок одного наемного рабочего у кустаря равен 33,2 руб. (стр. 149 таблиц), а средний заработок одного лица, имеющего работу у себя на заводе, т.-е. горнозаводского рабочего из заводских

*) Стоимость харчей 45 р. в год. Данные — средние за 10 лет (1881—91), по сведениям департамента земледелия. (См. С. А. Короленко, «Вольнонаемный труд» и т. д.)

крестьян, земская статистика определила в 78,7 руб. (по «Материалам для статистики Пермской губернии. Красноуфимский уезд. Заводский район». Пермь 1894 г.), т.-е. в два слишком раза больше. А заработки горнозаводских мастеровых, имеющих работу у себя на заводе, как известно, всегда ниже заработка «вольных» рабочих на фабриках и заводах. Можно судить поэтому, каким понижением потребностей, понижением жизненного уровня до нищенского состояния покупается пресловутая «самостоятельность» русского кустаря «на началах органической связи промысла с земледелием»!

в) К «средним» кустарям отнесены нами семьи, владеющие доходами от 100 до 300 р., в среднем около 180 руб. на семью. Таких около четверти всего числа кустарей (24,1%). И их доход абсолютно очень и очень невелик: считая по $2^1/_2$ семейных работника на заведение, это составит около 72 руб. на одного семейного работника — сумма очень недостаточная, которой не позавидует ни один фабрично-заводский рабочий. Но по сравнению с массой кустарей эта сумма представляется довольно значительной! Оказывается, что и этот столь скудный «достаток» приобретается лишь на чужой счет: в этой категории кустарей большинство уже держат наемных рабочих (примерно около 85% хозяев имеют наемников, и в среднем на каждое из 2.016 заведений придется более одного наемного работника). Чтобы выбиться из массы задавленных бедностью кустарей, приходится, след., на почве данных товарно-капиталистических отношений, отвоевывать себе «достаток» у других, вступать в экономическую борьбу, оттеснять еще более назад массу мелких промышленников, превращаться в мелкого буржуа. Либо нищета и понижение до nec plus ultra жизненного уровня, — либо *(для меньшинства)* созидание своего (абсолютно крайне скудного) благополучия на чужой счет, — вот какова дилемма, которую ставит перед мелким промышленником товарное производство. Так говорят факты.

г) К категории зажиточных кустарей относятся лишь 3,8% семей с средним доходом около 385 рублей и ок. 100 р. на одного семейного работника (считая, что сюда относятся хозяева с 4 и 5 семейными работниками на заведение). Этот доход, превышающий раза в два денежный доход наемного рабочего, основан уже на значительном употреблении наемного труда: все заведения этой категории держат наемных рабочих, в среднем около 3-х человек на заведение.

д) Богатых кустарей, с средним доходом на семью в 820 р., всего 1,9%. Сюда приходится отнести частью заведения с 5 семейными рабочими, частью заведения вовсе без семейных рабочих, т.-е. основанные исключительно на наемном труде. По расчету на одного семейного работника это дает ок. 350 р. дохода. Получаемый этими «кустарями» высокий доход зависит от боль-

шего числа наемных рабочих, которых приходится в среднем на 1 заведение около 10 человек *). Это уже мелкие фабриканты, владельцы капиталистических мастерских, включение которых в число «кустарей» на-ряду с одиночками-промышленниками, с сельскими ремесленниками и даже с работающими у себя дома на фабрикантов (иногда, как увидим ниже, на этих же самых богатых кустарей!) — показывает только, как уже замечено, полную неопределенность и расплывчатость термина «кустарь».

В заключение изложения данных кустарной переписи о доходах кустарей необходимо заметить еще следующее. Могут сказать, что концентрация доходов оказывается в кустарных промыслах не очень значительной: 5,7% заведений имеют 26,5% дохода, 29,8% заведений имеют 64,4% дохода. Мы ответим на это, во-1-х, что и такая концентрация доказывает полную непригодность и ненаучность огульных суждений о «кустаре» и «средних» цифр о нем. Во-2-х, нельзя упускать из виду, что в эти данные *не вошли скупщики*, отчего распределение доходов представлено крайне неточно. Мы видели, что 2.346 семей и 5.628 рабочих работают на скупщиков (3-я подгруппа), след., главные доходы получают здесь скупщики. Выделение их из числа промышленников есть совершенно искусственный и ничем не оправдываемый прием. Как изображение экономических отношений в крупной фабрично-заводской промышленности было бы неправильно без указания на размер доходов фабрикантов, так изображение экономики «кустарной» промышленности неправильно без указания на доходы скупщиков, — доходы, получаемые от того же самого производства, которым заняты и кустари; доходы, составляющие часть стоимости тех продуктов, которые изготовляются кустарями. Мы вправе, след., и обязаны заключить, что действительное распределение доходов в кустарной промышленности несравненно более неравномерно, чем вышепоказанное, ибо в последнем отсутствуют категории самых крупных промышленников.

---

*) Из 2.228 заведений с наемными рабочими в этих 28 промыслах 46 заведений имеют по 10 и более наемных рабочих, всего 887 наемных рабочих, т.-е. в среднем по 19,2 наемных рабочих на заведение.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

(VI. Что такое скупщик? — VII. «Отрадные явления» в кустарной промышленности. — VIII. Народническая программа промышленной политики.)

VI.
ЧТО ТАКОЕ СКУПЩИК?

Мы назвали выше скупщиков самыми крупными промышленниками. С обычной народнической точки зрения это — ересь. Скупщика у нас привыкли изображать, как нечто вне производства стоящее, нечто наносное, чуждое самой промышленности, зависящее «только» от обмена.

Здесь не место подробно останавливаться на теоретических неверностях этого взгляда, основанного на непонимании общей и основной подкладки, базиса, фона современной промышленности (и кустарной в том числе), именно *товарного хозяйства,* в котором торговый капитал есть необходимая составная часть, а не случайная и сторонняя вставка. Здесь мы должны держаться фактов и данных кустарной переписи, и наша задача теперь будет состоять в том, чтобы рассмотреть и проанализировать эти данные о скупщиках. Благоприятным условием для этого рассмотрения является выделение кустарей, работающих на скупщиков, в особую подгруппу (3-ью). Но гораздо больше по этому вопросу есть пробелов и неисследованных пунктов, что делает рассмотрение его довольно затруднительным. Нет данных о числе скупщиков, о крупных и мелких скупщиках, о связи их с зажиточными кустарями (связь по происхождению; связи торговых операций скупщика с производством в своей мастерской и т. п.), о *хозяйстве* скупщиков. Народнические предрассудки, выделяющие скупщика, как нечто внешнее, помешали большинству исследователей кустарной промышленности поставить вопрос о хозяйстве скупщиков, а между тем очевидно, что для экономиста это — первый и главный вопрос. Необходимо подробно и тщательно изучить, как *хозяйничает* скупщик, как складывается его капитал,

как оперирует этот капитал в сфере закупки сырья, сбыта продукта, каковы условия (общественно-хозяйственные) деятельности капитала в этих сферах, как велики расходы скупщика на организацию закупки и сбыта, как применяются эти расходы в зависимости от размеров торгового капитала и от размеров закупки и сбыта, какие условия вызывают иногда частичную обработку сырья в мастерских скупщика и отдачу затем рабочим на дом для дальнейшей обработки (причем окончательная отделка иногда делается опять скупщиком) или продажу сырья мелким промышленникам с тем, чтобы купить у них потом изделия на рынке. Необходимо сравнить стоимость производства продукта у мелкого кустаря, у крупного промышленника в мастерской, объединяющей несколько наемных рабочих, и у скупщика, раздающего матерьял на выделку по домам. Необходимо взять за единицу исследования каждое *предприятие*, т.-е. каждого отдельного скупщика, определить размер его оборотов, число работающих на него в мастерской или в мастерских и на дому, число рабочих, занятых им в заготовке сырья, хранении его и продукта и в сбыте. Необходимо сравнить технику производства (количество и качество инструментов и приспособлений, *разделение труда* и т. д.) у мелкого хозяйчика, у хозяина мастерской с наемными рабочими и у скупщика. Только такое *экономическое исследование* может дать точный научный ответ на вопрос о том, что такое скупщик, на вопрос о значении его в хозяйстве, о значении его в историческом развитии форм промышленности товарного производства. Отсутствие таких данных в итогах подворной переписи, подробно исследовавшей все эти вопросы относительно каждого кустаря, нельзя не признать крупным пробелом. Даже если бы регистрация и исследование хозяйства каждого скупщика оказались (по разным причинам) невозможными, — большое количество намеченных сведений можно бы извлечь из подворных данных о кустарях, работающих на скупщиков. Вместо этого мы находим в «Очерке» только избитые народнические фразы о том, что «кулак» «чужд по существу самому производству» (стр. 7), причем к кулакам отнесены и скупщики и сборные мастерские, с одной стороны, и ростовщики, с другой; что «наемным трудом владеет не техническая его концентрация, на подобие фабрики (?), а денежная зависимость кустарей... один из видов кулачества» (309 — 310), что «источник эксплуатации труда... заключается не в функции производства, а в функции мены» (101), что в кустарных промыслах встречается часто не «капитализация производства», а «капитализация менового процесса» (265). Мы, конечно, не думаем обвинять исследователей «Очерка» в самостоятельности: они просто заимствовали целиком те сентенции, которые в таком обилии разбросаны, напр., по сочинениям «нашего известного» г. В. В.

Чтобы оценить настоящее значение таких фраз, стоит вспомнить, хотя бы, что в одной из главных отраслей нашей промышленности, именно в текстильной промышленности, «скупщик» был непосредственным предшественником, отцом крупного фабриканта, ведущего крупное машинное производство. Раздача пряжи на дом кустарям для обработки — таков был вчерашний день всех наших текстильных производств; это была, след., работа на «скупщика», на «кулака», который, не имея своей мастерской («был чужд производства»), «только» раздавал пряжу, да принимал готовые изделия. Наши добрые народники и не пытались исследовать происхождение этих скупщиков, их преемственную связь с владельцами небольших мастерских, их роль как организаторов закупки сырья и сбыта продукта, роль их капитала, концентрирующего средства производства, собирающего во-едино массы раздробленных мелких кустарей, вводящего разделение труда и подготовляющего элементы тоже крупного, но уже машинного производства. Добрые народники ограничивались нытьем и сетованием об этом «печальном», «искусственном» и пр. и пр. явлении, утешались тем, что это «капитализация» не производства, а «только» менового процесса, разговаривали сладенькие разговоры об «иных путях для отечества», — а в это время «искусственные» и «беспочвенные» «кулаки» шли себе да шли своим старым путем, продолжали концентрировать капитал, «собирать» средства производства и производителей, расширять размер закупки сырья, углублять разделения производства на отдельные операции (снование, тканье, окраска, отделка и т. п.) и преобразовывать раздробленную, технически отсталую, основанную на ручном труде и кабале *капиталистическую мануфактуру* в *капиталистическую машинную индустрию.*

Совершенно такой же процесс происходит теперь в массе наших т.-н. «кустарных» промыслов, и народники так же точно отворачиваются от исследования действительности в ее развитии, так же точно заменяют вопрос о происхождении данных отношений и эволюции их вопросом о том, что могло *бы* быть (если *бы* не было того, что есть), так же точно утешают себя тем, что это пока «только» скупщики, так же точно идеализируют и подкрашивают самые худшие виды капитализма, худшие и в смысле технической отсталости, и экономического несовершенства, и социального и культурного положения трудящихся масс.

Обратимся к данным Пермской кустарной переписи. Вышеуказанные пробелы в этих данных постараемся восполнять, по мере надобности, материалом выше цитированной книги «Куст. промышленность Пермской губернии и т. д.». Выделим прежде всего те промыслы, которые дают главную массу кустарей, работающих на скупщиков (3-я подгруппа). При этом нам придется

обратиться к нашей собственной сводке, результаты которой (как замечено выше) не сходятся с цифрами «Очерка».

Промыслы:	Число семей, работ. на скупщик. I группа	II группа	Итого
Чеботарный	31	605	636
Пимокатный	607	12	619
Кузнечный	70	412	482
Рогожный	132	10	142
Меб.-столярный	38	49	87
Экипажный	32	28	60
Портняжный	4	42	46
Всего по 7 промыслам	914	1.158	2.072
А всего кустарей 3-й подгруппы	1.016	1.320	2.336

Итак, около $^{9}/_{10}$ кустарей, работающих на скупщиков, сосредоточены в перечисленных семи промыслах. К этим промыслам мы прежде всего и обратимся.

Начнем с чеботарного промысла. Громадное большинство работающих на скупщиков чеботарей сосредоточено в Кунгурском уезде, который является центром кожевенного производства в Пермской губернии. Масса кустарей работает на кожевенных заводчиков: на стр. 87 «Очерка» указано 8 скупщиков, на которых работает 445 заведений *). Все эти скупщики — «исконные» кожевенные заводчики, имена которых можно найти и в «Указателе фабрик и заводов» за 1890 и за 1879 год и в примечаниях к «Ежегоднику м-ва финансов. Вып. I» за 1867 год. Кожевенные заводчики кроят кожи и отдают их в кроеном виде на шитье «кустарям». Вытяжка передков исполняется особо, по заказу заводчиков, несколькими семействами. Вообще с заводским кожевенным производством связан целый ряд «кустарных» промыслов, т.-е. целый ряд операций производится на дому. Таковы 1) отделка кож; 2) шитье обуви; 3) клейка кожаной стружки в пласты для подборов; 4) мытье шурупов для сапогов; 5) приготовление шпильки для сапогов; 6) приготовление колодок для сапогов; 7) приготовление золы для кожевенных заводов; 8) приготовление «дуба» (ивовой коры) для них же. Отбросы кожевенного производства обрабатывают промыслы войлокатный и клееваренный («Куст. пром.», III, с. 3—4 и др.). Помимо детального разделения труда (т.-е. разделения производства одной вещи на несколько операций, исполняемых разными лицами) в этом производстве развилось и потоварное разделение труда: каждая семья (иногда даже каждая улица кустарного села) производит один род обуви. Как курьез, отметим, что в книге «Куст. пром. и т. д.» «Кунгурское кожевенное производство»

*) В том числе на 2 скупщиков (Пономарева и Фоминского) — 217 заведений. Всего в Кунгурском уезде 470 заведений чеботарей работает на скупщиков.

объявляется «типичным выразителем идеи органической связи фабричной и кустарной промышленности к обоюдной выгоде» (sic!)... фабрика вступает в правильный (sic!) союз с кустарной промышленностью, имея целью в своих интересах (именно!) не подавление..., а развитие ее сил (III, с. 3). Напр., заводчик Фоминский получил на Екатеринбургской выставке 1887 года золотую медаль не только за отличную выделку кож, но и «за большое производство, *доставляющее заработок окрестному населению*» (ibid., с. 4, курсив автора). Именно, из 1.450 его рабочих 1.300 работают на дому; у другого заводчика, Сартакова, 100 чел. из 120 работают на дому и т. д. Пермские заводчики, след., весьма успешно состязаются с народнической интеллигенцией в деле насаждения и развития кустарных промыслов...

Совершенно аналогична организация чеботарного промысла в Красноуфимском уезде («Куст. пром.», I, 148—9): кожевенные заводчики тоже перешивают кожи в сапоги, частью в своих швальнях, частью раздавая на дома; один из крупных владельцев кожевенно-чеботарных заведений имеет до 200 постоянных рабочих.

Теперь мы можем с достаточной ясностью представить себе экономическую организацию чеботарного и многих других, связанных с ним, «кустарных» промыслов. Это — не что иное, как *отделения* крупных капиталистических мастерских («фабрик» по терминологии нашей официальной статистики), не что иное, как *частичные операции* крупных капиталистических операций по обработке кож. Предприниматели организовали в широких размерах закупку матерьяла, устроили заводы для выработки кож и завели целую систему дальнейшей переработки их, — систему, основанную на разделении труда (как условии техническом) и работе по найму (как условии экономическом): они производят одни операции в своих мастерских (кройку обуви), другие операции производятся у себя на дому «кустарями», работающими на них; предприниматели определяют размер производства, размеры задельной платы, виды изготовляемых товаров и количество изделий каждого вида. Они же организовали и оптовый сбыт продукта. Очевидно, что по научной терминологии это — одна *капиталистическая мануфактура*, отчасти переходящая уже в высшую форму, в *фабрику* (именно поскольку к производству применяются машины и системы машин: крупные кожевенные заводы имеют паровые двигатели). Выделение некоторых частей этой мануфактуры в особую «кустарную» форму производства есть очевидная нелепость, затушевывающая основной факт господства наемного труда и подчинения *всего* кожевенно-чеботарного дела крупному капиталу. Вместо комичных рассуждений о желательности для этого промысла «кооперативной организации обмена» (с. 93 «Очерка») не мешало бы пообстоятельнее изучать

действительную организацию производства, изучать те условия, которые заставляют заводчиков предпочесть раздачу работы на дома. Заводчики находят это, несомненно, более выгодным для себя, и выгодность эта будет понятна для нас, если мы вспомним низкие заработки кустарей вообще, особенно кустарей-земледельцев и кустарей 3 подгруппы. Раздавая матерьял на дома, предприниматели удешевляют таким образом заработную плату, сберегают расходы на помещение, отчасти на орудия, на надзор, освобождаются от не всегда приятных требований к фабрикантам (они не фабриканты, а торговцы!), приобретают рабочих более разрозненных, раздробленных, менее способных к самозащите, приобретают бесплатных погонщиков для этих рабочих—своего рода «заглодов» или «мастерков» (термины нашей текстильной промышленности при системе раздачи пряжи на дома) в лице тех работающих на них кустарей, которые *от себя нанимают еще наемных рабочих* (в 636 семьях чеботарей, работающих на скупщиков, сочтено 278 наемных рабочих). Мы видели уже по общей таблице, что эти наемные рабочие (в 3 подгруппе) получают самые низкие заработки. Это и неудивительно, ибо они подвергаются двойной эксплуатации: эксплуатации своего нанимателя, который выжимает себе «пользицу» из рабочего, и эксплуатации кожевника-заводчика, раздающего матерьял хозяйчикам. Известно, что эти мелкие мастерки, хорошо знающие местные условия и личные особенности рабочих, особенно неистощимы в изобретении разных прижимок, в практиковании кабального найма, truck-system *) и т. д. Известна чрезмерная продолжительность рабочего дня в подобных мастерских и «кустарных избах», и нельзя не пожалеть, что кустарная перепись 1894/5 года не дала почти вовсе материалов по этим важнейшим вопросам для освещения нашей самобытной Sweating-system **) с массой посредников, усиливающих давление на рабочих, с самой бесконтрольной и беззастенчивой эксплуатацией.

Об организации пимокатного промысла (второй по абсолютному количеству семей, работающих на скупщиков) «Очерк» не дает, к сожалению, почти никаких сведений. Мы видели, что в этом промысле есть кустари с десятками наемных рабочих, но раздают ли они работу на дома, производят ли часть операций вне своей мастерской ***) — осталось неразъясненным. Отметим только констатируемый исследователями факт, что гигиенические условия пимокатного промысла крайне неудовлетворительны

*) — системы выплаты заработка товарами. *Ред.*

**) — системы выжимания пота. *Ред.*

***) Такова организация валяльного промысла в Арзамасском и Семеновском уездах Нижегородской губернии. См. «Труды Комиссии по исследованию кустарных промыслов» и «Материалы» Нижегородской земской статистики.

(«Очерк», с. 119 «Куст. пром.» III, 16) — невыносимая жара, масса пыли, удушливая атмосфера. И это в жилых избах кустарей! Естественным результатом является то, что кустари выдерживают не более 15 лет работы и кончают чахоткой. И. И. Моллесон, исследовавший санитарные условия работы, говорит: «Рабочие от 13 до 30 лет составляют главный контингент пимокатов. И почти все они резко выделяются бледностью, матовым цветом кожи и своим вялым, *как бы истощенным болезнию видом*» (III, с. 145, курсив автора). Практический вывод исследователя таков: «Необходимо поставить в обязанность хозяевам строить мастерскую (пимокатню) значительно больших размеров, так, чтобы на каждого рабочего приходился заранее определенный постоянный объем воздуха»; «мастерская должна быть назначена исключительно для работы. Ночевки рабочих в ней должны быть безусловно запрещены» (ibid.). Итак, санитарные врачи требуют для этих кустарей устройства фабрик, запрещения работы на дому. Нельзя не пожелать осуществления этой меры, которая двинула бы вперед технический прогресс, устранив массу посредников, расчистила дорогу для регулирования рабочего дня и условий труда, одним словом, устранила бы наиболее вопиющие злоупотребления в нашей «народной» промышленности.

В рогожном промысле в числе скупщиков фигурирует осинский купец Бутаков, который, по сведениям за 1879 год, имел в гор. Осе рогожную фабрику с 180 рабочими *). Неужели этот фабрикант должен быть признан «чуждым самому производству» за то, что он нашел более выгодным раздавать работу на дома? Интересно бы также знать, чем отличаются скупщики, изгнанные из числа кустарей, от тех «кустарей», которые, не имея семейных рабочих, «закупают мочало и передают его на выделку задельщикам, которые и перерабатывают его в рогожи и кули на своих станках» («Очерк», 152)? — наглядный пример той путаницы, в которую завели исследователей народнические предрассудки. Гигиенические условия в этом промысле тоже ниже всякой критики — теснота, грязь, пыль, сырость, вонь, продолжительный рабочий день (12 — 15 часов в сутки) — все это делает из центров промысла настоящие «источники голодного тифа» **), который и возникал здесь нередко.

Об организации работы на скупщиков в кузнечном промысле мы опять-таки ничего не узнаем из «Очерка» и должны обратиться к книге «Куст. пром. и т. д.», дающей весьма интересное описание Нижне-Тагильского кузнечного промысла. Производство подносов и др. изделий разделено между несколькими заведениями:

*) «Указатель фабрик и заводов» за 1879 год. Рогожники, работающие на скупщиков, сосредоточены всего более в Осинском уезде.

**) «Очерк», с. 158.

клепальные мастерские куют железо, *лудильные* лудят его, *красильные* — окрашивают. Некоторые кустари-хозяева имеют заведения всех этих видов, будучи, след., чистого типа мануфактуристами. Другие — производят в своей мастерской одну из операций, раздавая затем изделия в полуду и окраску кустарям на дом. Здесь, след., с особенной рельефностью выступает однородность экономической организации промысла при раздаче работы на дома и при принадлежности хозяину нескольких детальных мастерских. Кустари-скупщики, раздающие работу на дома, принадлежат к самым крупным хозяевам (их 25 человек), организовавшим наиболее выгодно закупку сырья и сбыт продукта в широких размерах: эти 25 кустарей (и только они) ездят на ярмарку или имеют свои лавки. Кроме них скупщиками являются уже крупные «фабриканты-торговцы», экспонировавшие свои изделия на Екатеринбургской выставке в фабрично-заводском отделе: их автор книги относит к «фабрично-кустарной (sic!) промышленности» («Куст. пром.», I, с. 98 — 99). В общем и целом мы получим таким образом чрезвычайно типичную картину капиталистической мануфактуры, самыми разнообразными и причудливыми способами переплетающуюся с мелкими заведениями. Чтобы показать наглядно, как мало помогает разобраться в этих сложных отношениях деление промышленников на «кустарей» и «фабрикантов», на производителей и «скупщиков», воспользуемся приводимыми в названной книге цифрами и изобразим экономические отношения промысла в виде таблицы:

Самостоятельное производство на рынок					Работа на скупщиков			
	Рабочих					Рабочих		
Заведений	Семейных	Наемных	Всего	Сумма производства в тыс. руб.	Заведений	Семейных	Наемных	Всего
А. «Фабрично-кустарная промышленность»								
?	?	?	?	60 + 7				
(«фабриканты-торговцы»)					a) 29	51	39	90
Б. «Кустарная промышленность»					b) 39	53	79	132
25	(кустари-скупщики)			95 + 30	68	104	118	222
16	88	161	249	8				
				163 37				

200 тыс. р. = сумма производства всего Н.-Тагильского промысла

a) кустари, зависимые в сбыте.
b) кустари, зависимые и в сбыте и в производстве.

И теперь нам будут говорить, что скупщики так же, как и ростовщики, «чужды самому производству», что господство их означает *лишь* «капитализацию менового процесса», а не «капитализацию производства»!

Весьма типичным примером капиталистической мануфактуры является также сундучный промысел («Очерк», с. 334—339, «Куст. пром.» I, с. 31—40). Организация его такова: несколько крупных хозяев, имеющих мастерские с наемными рабочими, закупают матерьялы, изготовляют *отчасти* изделия у себя, но главным образом раздают матерьял мелким детальным мастерским, а в своих мастерских собирают части сундука и, по окончательной отделке, отправляют товар на рынок. Разделение труда — это типическое условие и техническое основание мануфактуры — применяется в производстве в широких размерах: изготовление целого сундука делится на 10—12 операций, исполняемых каждая в отдельности детальщиками-кустарями. Организация промысла — объединение детальных рабочих (Theilarbeiter, как они называются в «Капитале») под командой *капитала*. Почему капитал предпочитает раздачу на дома работе наемных рабочих в мастерской, на это ясный ответ дают данные кустарной переписи 1894—5 года о заведениях Невьянского завода Екатеринбургского уезда (один из центров промысла), где мы встречаем *рядом* и сборные мастерские, и детальщиков-кустарей. Сравнение между теми и другими, след., вполне возможно. Приводим сравнительные данные в табличке (стр. 173 таблиц):

Сундучники Невьянского завода	Группы	Подгруппы	Число заведений	Число рабочих			Валовой доход		Заработная плата		Чистый доход	
				Семейных	Наемных	Всего	Всего	На 1 рабочего	Всего	На 1 наемн. рабочего	Всего	На 1 семейн. рабочего
«Скупщики» .	II	1	2	1	13	14	5.850	418	1.300	100	1.617	808 *)
«Кустари» . .	II	3	8	11	8	19	1.315	70,3	351	44	984	89,4

Рассмотрим эту табличку, оговорившись сначала, что, если бы мы взяли вместо одного Невьянского завода данные о всей

*) На 1 заведение.

1-й и 3-й подгруппе (стр. 335 «Очерка»), то выводы получились бы те же самые. Величина валового дохода в обеих подгруппах, очевидно, несравнима, ибо один и тот же матерьял проходит через руки разных детальных рабочих и через сборные мастерские. Но характерны данные о доходе и заработной плате. Оказывается, что заработная плата наемным рабочим в сборных мастерских выше дохода зависимых кустарей (100 р. и 89 р.), несмотря на то, что последние эксплуатируют тоже наемных рабочих. Заработная же плата этих последних *более чем вдвое ниже* заработка рабочих в сборных мастерских. Ну, как же не предпочитать нашим предпринимателям «кустарную» промышленность перед фабричной, когда первая дает им такие существенные «преимущества»! Совершенно аналогична организация работы на скупщика в экипажном промысле («Очерк», с. 308 и сл. «Куст. пром.», I, с. 42 и сл.); те же сборные мастерские, хозяева которых являются «скупщиками» (и раздатчиками, давальцами работы) по отношению к детальщикам-кустарям, то же превышение заработной платы наемнику в мастерской над доходом зависимого кустаря (не говоря уже о его наемном рабочем). Это превышение констатируется и для земледельцев (I группа) и для неземледельцев (II группа). В мебельно-столярном промысле скупщиками являются мебельные магазины гор. Перми («Очерк», 133, «Куст. пром.», II, 11), которые снабжают кустарей, при заказах, образцами, чем, между прочим, они «постепенно подняли технику производства».

В портняжном промысле магазины готового платья в Перми и Екатеринбурге раздают кустарям матерьял на выделку. Известно, что совершенно однородная организация портняжного и конфекционного промысла существует и в других капиталистических странах З. Европы и Америки. Отличие «капиталистического» Запада от России с ее «народным производством» состоит в том, что на Западе называют такие порядки Schwitz-system *) и изъискивают меры борьбы с этой худшей системой эксплуатации, напр., германские портные добиваются от своих хозяев устройства фабрик (т.-е. «искусственно насаждают капитализм», как заключил бы российский народник), тогда как у нас эту «систему вышибания пота» благодушно называют «кустарной промышленностью» и обсуждают преимущества ее перед капитализмом.

Мы рассмотрели теперь все промыслы, дающие громадное большинство кустарей, работающих на скупщиков. Какие же результаты этого обзора? Мы убедились в полнейшей несостоятельности народнического положения, будто скупщики и даже сборные мастерские — те же ростовщики, чуждые производству элементы и т. п. Несмотря на указанную выше недостаточность

*) — системой выжимания пота. *Ред.*

данных «Очерка», несмотря на отсутствие в программе переписи вопросов о хозяйстве скупщиков, нам удалось по большинству промыслов констатировать самую неразрывную связь скупщиков с производством, — даже прямое участие их в производстве, «участие» как хозяев мастерских с наемными рабочими. Нет ничего нелепее мнения, будто работа на скупщиков есть лишь результат какого-то злоупотребления, какой-то случайности, какой-то «капитализации менового процесса», а не производства. Напротив, работа на скупщика есть именно *особая форма производства*, особая организация экономических отношений в производстве,— организация, которая непосредственно выросла из мелкого товарного производства («мелкого народного производства», как принято говорить в нашей прекраснодушной литературе) и посейчас связана с ним тысячью нитей, ибо наиболее зажиточные хозяйчики, наиболее передовые «кустари» и кладут начало этой системе, расширяя свои обороты посредством раздачи работы на дома. Непосредственно примыкая к капиталистической мастерской с наемными рабочими, составляя зачастую лишь продолжение ее или одно из ее отделений, работа на скупщика является просто *придатком фабрики*, понимая это последнее выражение не в научном, а в разговорном значении его. По научной же классификации форм промышленности, в их последовательном развитии, работа на скупщика принадлежит большей частью к *капиталистической мануфактуре*, ибо она: 1) основана на ручном производстве и на широком базисе мелких заведений; 2) вводит между этими заведениями разделение труда, развивая его и внутри мастерской; 3) ставит во главе производства торговца, как это и всегда бывает в мануфактуре, предполагающей производство в широких размерах, оптовую закупку сырья и сбыт продукта; 4) низводит трудящихся на положение наемных рабочих, занятых в мастерской хозяина или у себя на дому. Именно этими признаками, как известно, характеризуется научное понятие мануфактуры, как особой ступени развития капитализма в промышленности (смотри «Das Kapital», I, Kapitel XII). Эта форма промышленности означает уже, как известно, глубокое господство капитализма, будучи непосредственной предшественницей последней и высшей формы его, т.-е. крупной машинной индустрии. Работа на скупщика есть, следовательно, отсталая форма капитализма, и в современном обществе эта отсталость ведет в ней к особому ухудшению положения трудящихся, эксплуатируемых целым рядом посредников (sweating-system), раздробленных, вынужденных довольствоваться самой низкой заработной платой, работать при условиях крайне антигигиенической обстановки и чрезмерно длинного рабочего дня, — а главное, при условиях, крайне затрудняющих возможность общественного контроля за производством.

Мы закончили теперь обзор данных кустарной переписи 189$^{4}/_{5}$ года. Этот обзор вполне подтвердил вышесделанное замечание о полной бессодержательности понятия: «кустарничество». Мы видели, что под это понятие подводились самые разнообразные формы промышленности, мы вправе даже сказать: *почти все формы промышленности, какие только знает наука.* В самом деле, сюда вошли и патриархальные ремесленники, работающие по заказу потребителей из их (потребителей) материала, получающие вознаграждение иногда натурой, иногда деньгами. Сюда вошли, далее, представители совсем иной формы промышленности — мелкие товаропроизводители, работающие своей семьей. Сюда вошли владельцы капиталистических мастерских с наемными рабочими и эти наемные рабочие, число которых достигает нескольких десятков на заведение. Сюда вошли предприниматели-мануфактуристы с крупным капиталом, господствующие над целой системой детальных мастерских. Сюда вошли и работающие на капиталистов домашние рабочие. По всем этим подразделениям «кустарями» одинаково считались и земледельцы и неземледельцы, и крестьяне и горожане. Такая путаница — вовсе не особенность данного исследования о пермских кустарях. Ничуть не бывало. Она повторяется *везде* и *всегда,* когда и где говорят и пишут о «кустарной» промышленности. Всякий, кто знаком, напр., с «Трудами комиссии по исследованию кустарной промышленности», знает, что там в число кустарей попали точно также все эти разряды. И вот излюбленный прием нашей народнической экономии состоит в том, чтобы свалить в кучу все это бесконечное разнообразие форм промышленности, назвать эту кучу «кустарной», «народной» промышленностью, и — risum teneatis, amici! *) — *противопоставить* эту бессмыслицу «капитализму» — «фабрично-заводской промышленности». «Обоснование» этого восхитительного приема, свидетельствующего о замечательной глубине мысли и познаниях его инициатора, принадлежит, если мы не ошибаемся, г-ну В. В., который на первых же страницах своих «Очерков кустарной промышленности» берет официальные числа «фабрично-заводских» рабочих Московской, Владимирской и др. губерний и сравнивает с ними числа «кустарей», причем оказывается, конечно, что «народная промышленность» гораздо сильнее развита на святой Руси, чем «капитализм», а о том факте, многократно установленном исследователями **), что громадное большинство этих «кустарей» *работает на тех же самых фабрикантов,* наш «авторитетный» экономист благоразумно умалчивал. Строго следуя народническим предрассудкам, составители «Очерка»

*) — удержите смех, друзья! *Ред.*

**) См. хотя бы статью г. Харизоменова «Значение кустарной промышленности» в «Юр. Вестнике» за 1883 г., №№ 11 и 12, дающую сводку статистического материала, имевшегося тогда.

повторяют тот же самый прием. Хотя сумма годового производства «кустарной» промышленности составляет в Пермской губернии лишь 5 милл. руб. *), а «фабрично-заводской» — 30 милл. рубл., но «число рабочих рук, занятых фабрично-заводской промышленностью, определяется в 19 тыс. чел., а кустарною — в 26 тыс. человек» (с. 364). Классификация, как видите, простая до умилительности:

а) фабрично-заводские рабочие	19.000
б) кустари	26.000
Всего	45.000

Понятно, что такая классификация открывает настежь двери для рассуждений о «возможности иного пути для отечества»!

Но зачем же нибудь имеем мы перед собой данные подворной кустарной переписи, исследовавшей формы промышленности. Попытаемся дать классификацию, *соответствующую* данным переписи (над которыми народническая классификация является просто насмешкой) и соответствующую различным формам промышленности. Те процентные отношения, которые дала перепись о 20 тыс. рабочих, мы приложим и к увеличенному авторами на основании других источников числу — 26 тыс.

А. Товарное производство.	Число рабочих.	
I. Капиталистически употребляемые рабочие.		
(1) «Фабрично-заводские» рабочие (в среднем, по данным, за 7 лет, 1885—1891, приходится по 14,6 рабочих на одно заведение)	19.000 42,2%	30.700 68,2%
(2) Наемные рабочие у «кустарей» (25% всего числа). (Из них четверть в заведениях, имеющих, в среднем, по 14,6 рабочих на 1 заведение) . .	6.500 14,4%	
(3) Работающие дома на скупщиков, т.-е. кустари-семьяне 3-ей подгруппы 20%. (Из них многие работают *на тех же самых фабрикантов,* на которых работают рабочие пунктов 1 и 2)	5.200 11,6%	

*) Мы не говорим уже о курьезном определении этой цифры. Напр., крупнейшую сумму дает мукомольный промысел (1,2 милл. руб.), ибо сюда зачислили стоимость всего хлеба, перемалываемого мельниками! В таблицах, и в описании «Очерка», взят был лишь валовой доход 143 тыс. руб. (см. с. 358 и прим.). Чеботарный промысел дает 930 тыс. руб., из которых изрядная часть составляет оборот кунгурских *заводчиков*. И т. д., и т. д.

*

	Число рабочих.
II. Мелкие товаропроизводители, т.-е. кустари-семьяне 1-ой подгруппы 30%.	
(Из них около 1/3 держат наемных рабочих).	7.800 17,6%
Б. Ремесло.	
Сельские (отчасти городские) ремесленники, т.-е. кустари-семьяне 2-ой подгруппы 25%. (Из них небольшая часть тоже держит наемных рабочих)	6.500 14,4%
Всего	45.000 100%

Мы прекрасно понимаем, что и в этой классификации есть ошибки: в ней нет фабрикантов и заводчиков, но есть кустари с десятками наемных рабочих; в нее вошли случайно одни мануфактуристы, не выделенные, однако, особо, и не вошли другие, изгнанные в качестве «скупщиков»; в нее попали городские ремесленники из одного города и не попали из 11 городов и т. п. Но во всяком случае эта классификация основана на *данных* кустарной переписи о *формах промышленности,* и указанные ошибки суть ошибки этих данных, а не ошибки классификации *). Во всяком случае эта классификация дает точное представление о действительности, разъясняет действительные общественно-экономические отношения между различными участниками промышленности, а, следовательно, и их положение, и их интересы,— а в таком разъяснении и состоит высшая задача всякого научно-экономического исследования.

VII.

«ОТРАДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ» В КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Нас могли бы обвинить в односторонности, в выставлении одних темных сторон кустарной промышленности, если бы мы обошли молчанием приводимые в «Очерке» факты, которые должны выставить «светлую сторону» и «отрадные явления» кустарной промышленности.

---

*) Возразят, может быть, что наемные рабочие у кустарей-ремесленников (20% всего числа наемных рабочих у кустарей) должны быть отнесены не к товарному производству, а к ремеслу. Но рабочая сила здесь сама является товаром, и купля-продажа ее есть существенный признак капитализма.

Нам говорят, напр., что наемный труд в кустарном производстве имеет некоторое особое значение, ибо наемный рабочий здесь отличается «бытовой близостью» к хозяину, и сам «может» сделаться хозяином. К «отрадным явлениям» здесь отнесено, след., доброе пожелание превратить всех рабочих в хозяйчиков *)! Впрочем, нет, не всех, а только некоторых, ибо «тенденция эксплуатировать чужой труд свойственна, без сомнения, всем людям вообще, в том числе и кустарю» («Очерк», с. 6). Эта фраза просто неподражаема по той наивности, с которой «все люди», без дальних околичностей, отождествлены с мелкими буржуа! Неудивительно, что тот, кто смотрит на весь мир через очки мелкого буржуа, открывает такие замечательные истины. На стр. 268-ой «предприятием по трудовой обстановке (sic!) в строгом значении слова кустарным» объявляется мелкая фабричка с 8 наемными рабочими, с производством в 10 тыс. р. На стр. 272 — 274 рассказывается, как другой мелкий фабрикантик (с 7 наемными рабочими и 5 учениками; производство на 7 тыс. р.) устроил доменную печь на арендованной у общества крестьян земле и попросил в кустарном банке ссуду в 5.000 р. на устройство вагранки, объясняя, что «все его предприятие имеет чисто местный интерес, так как добыча руд будет производиться в наделах общества местными же крестьянами». Банк отклонил просьбу по формальным основаниям. И «Очерк» рисует нам по этому поводу увлекательную картину превращения этого предприятия в кооперативное, общественное: хозяину это, «без сомнения, будет по душе, как радетелю интересов не только производства, но и окружающих его однообщественников». Предприятие «захватывает массу трудовых интересов сочленов общества, которые будут добывать и свозить на завод руду, лесные материалы». «Домохозяева будут носить на завод руды, уголь и пр. на подобие того, как домохозяйки несут на общественную сыроварню молоко. Конечно, здесь предполагается организация более сложная, чем на общественных сыроварнях, в особенности при условии пользования местными же мастерами и чернорабочими в ведении самого дела, т.-е. выплавки чугуна из руд». О, идиллия! Чернорабочие («сочлены общества») будут «носить на завод» руду, дрова и пр. на подобие того, как крестьянки несут молоко на сыроварню!! Мы не станем отрицать, что кустарный банк может (если не помешает его бюрократическая организация) сослужить такую же службу, как и другие банки, развивая товарное хозяйство и капитализм, но было бы очень грустно, если бы он продолжал, на-ряду с этим, развивать фарисейство

*) О том, как отражается «бытовая близость» на системе и правильности расплаты, способах найма, на кабале рабочего, на truck-system, — нам не сообщают ничего.

и маниловское празднословие предпринимателей, ходатайствующих о ссуде.

До сих пор мы видели, как предприятия с большим числом наемных рабочих объявлялись «кустарными» на том основании, что хозяева сами трудятся. Но это условие было бы для мелких буржуа несколько стеснительно, и вот «Очерк» старается расширить его: оказывается, что и предприятие, которое «ведется исключительно наемным трудом», может быть кустарным, если «успех» предприятия зиждется на «личном участии» хозяина (с. 295), или даже если хозяева «вынуждены ограничить свое участие разнообразными хлопотами по ведению промысла» (с. 301). Не правда ли, как успешно «прогрессируют» пермские народники? «Личный труд» — «личное участие» — «разнообразные хлопоты». Mein Liebchen, was willst du noch mehr? *) Наемный труд в кирпичном промысле приносит, оказывается, «особенные выгоды» (302) наемным рабочим, находящим «подсобный заработок» в кирпичных заводах; между тем хозяева этих заводов часто испытывают «надобность в деньгах на наем рабочих». «Очерк» заключает, что таким хозяевам следует разрешать кредит из кустарного банка, «относя такие предприятия, по примеч. к п. 3 ст. 7 уст. куст. банка, к случаям особо уважительным» (с. 302). Это сказано не очень грамотно, но зато очень внушительно и многозначительно! «В заключение мы находим достаточные основания высказать, — читаем в конце описания кирпичного промысла, — что в кирпичном промысле среди крестьян интересы хозяев и наемных рабочих до такой степени обобщаются, что хотя формально артелей в этом промысле и не зарегистрировано, но фактически в нем существует крепкая товарищеская связь между хозяевами и их наемными рабочими» (305). Отсылаем читателя к выше данной статистической картинке этих «товарищеских связей». Курьезно также, — как образчик путаницы в народнических экономических понятиях, — что «Очерк» в одно и то же время защищает и подкрашивает наемный труд, утверждая, что кулаком является отнюдь не хозяин с наемными рабочими, а обладатель денежного капитала, который «эксплуатирует труд в лице хозяина-кустаря и его наемных рабочих» (!), и наряду с этим пускается самым неразумным и неумеренным образом защищать кулачество: «кулачество тем не менее, в каких бы мрачных красках его ни малевали, есть необходимое пока колесо в механизме обмена кустарного производства... Кулачество по отношению к успехам кустарной промышленности, без сомнения, следует признать благом, сравнительно с тем положением, когда без кулака, без всяких денежных средств, кустарь вынужден

*) — Милая моя, чего же ты еще хочешь? *Ред.*

оставаться без работы» (с. 8) *). Доколе же это пока? Если бы было сказано, что торговый и ростовщический капитал есть необходимый момент в развитии капитализма, необходимое колесо в механизме *малоразвитого* капиталистического общества (как наше), тогда это было бы верно. При таком толковании слово «пока» надо понимать так: *пока* бесчисленные стеснения свободы промышленности и свободы конкуренции (особенно в крестьянстве) поддерживают у нас самые отсталые и самые худшие формы капитализма. Боимся только, что это толкование не понравится пермским, да и другим народникам!

Перейдем к артелям, этим ближайшим и важнейшим выразителям тех якобы общинных принципов, которые народники хотят непременно видеть в кустарных промыслах. Интересно посмотреть на данные *подворной* переписи кустарей в целой губернии, переписи, прямо ставившей в программу регистрацию и изучение артелей (стр. 14, п. 2). Мы можем, след., не только познакомиться с разными типами артелей, но и узнать, как широко они распространены.

Маслобойный промысел. «Бытовая артель в строгом значении этого слова»: в с. Покровском и в дер. Гаврятах двумя маслобойнями владеют пятеро братьев, которые разделились между собой, но маслобойнями пользуются по очереди. Эти факты представляют «глубокий интерес», потому что «ими освещаются контрактные условия общинно-трудовой преемственности кустарных промыслов». Очевидно, что подобные бытовые «артели представляют значительный прецедент в вопросе о распространении в среде кустарничества на кооперативных началах производств заводского типа» (с. 175—176). Итак, артель в строгом значении слова, как прецедент кооперации, как выражение общинности, состоит в *общей собственности неразделенных наследников!!* Очевидно, настоящим палладиумом «общинности» и «кооперации» является, если так, римское гражданское право и наш X том с институтами condominium'а **), общей собственности наследников и не-наследников!

«В мукомольном производстве... всего ярче выразилась в своеобразных бытовых формах артельная предприимчивость

*) Те же мысли находим в книге «Куст. пром.», I, 39 и сл., где полемизируют против газеты «Деловой Корреспондент» [32]), писавшей, что кулаков (хозяев сборных мастерских в сундучном промысле) не надо бы пускать в кустарный отдел. «Вся наша кустарная промышленность, — читаем в ответ на это, — находится в узах частных капиталов, а поэтому если бы в кустарный отдел допускались только те кустари, которые сами торгуют своими изделиями, то наш кустарный отдел был бы пуст, хоть шаром покати». Не правда ли, прехарактерное признание? Мы показали выше, на основании данных переписи, эти «узы частных капиталов», держащих в своих руках кустарные промыслы.

**) — совместного владения. *Ред.*

крестьян». Много мельниц находится в общем пользовании товариществ или даже целых селений. Способы пользования мельницами: самый распространенный — по очереди; затем деление чистого дохода на паи пропорционально затрате каждого совладельца; в «подобных случаях хозяева-товарищи редко принимают личное трудовое участие в производстве, которое и ведется обыкновенно наемным трудом» (с. 181; то же самое об артельных смолокурнях — стр. 197). Удивительная своеобразность и артельность в самом деле — общая собственность хозяйчиков, которые сообща нанимают рабочих! Тот факт, что кустари *по очереди* пользуются мельницами, смолокурнями, кузницами, свидетельствует, наоборот, о поразительной раздробленности производителей, которых даже общая собственность не в силах побудить к кооперации.

«Один из видов артельной организации» — «артельные кузницы» (239). Кузнецы-хозяева для экономии в топливе собираются в одну кузницу, нанимая одного поддувальщика (экономия в рабочих!) и арендуя у хозяина кузницы как помещение, так и молоток за особую плату. — Итак, отдача вещи, принадлежащей одному лицу на праве частной собственности, другому лицу в аренду за плату есть «артельная организация»! Положительно римское право надо назвать кодексом «артельной организации»!.. «В артельной организации... мы находим новое указание на отсутствие классовой кристаллизации в производстве среди кустарей, — указание на то же слияние расслоений в земледельческой и кустарной среде, какое мы видели и в артельных мельницах» (239). И смеют еще какие-то злые люди говорить после этого о разложении крестьянства!

До сих пор, следовательно, ни одного случая *соединения* кустарей для закупки сырья, сбыта продукта, не говоря уже о соединении в самом производстве! Есть однако и такие соединения. Подворная перепись кустарей Пермской губернии зарегистрировала их *целых четыре,* причем *все* устроились при содействии кустарного банка: три в экипажном промысле и одна в производстве земледельческих машин. Одна из артелей имеет наемных рабочих (2 ученика и 2 наемных «подсобных» работника), в другой двое товарищей пользуются кузницей и мастерской, принадлежащей третьему товарищу, за особую плату. Сообща закупают сырье и сбывают продукт, работают же по отдельным мастерским (кроме отмеченного случая найма за плату кузницы и мастерской). Все эти четыре артели объединили 21 семейного работника. Пермский кустарный банк действует уже несколько лет. Допустим, что он будет теперь «объединять» (для найма соседской кузницы) *в один год* не по 20-ти семейных рабочих, а по 50-ти. Тогда все 15.000 семейных рабочих кустарей будут «объединены» «артельной организацией» ровно через

300 лет. А покончив с этим делом, начнут уже «объединять» и наемных рабочих у кустарей... И пермские народники торжествуют: «Столь важные экономические концепции, созданные самостоятельною работой мысли кустарной среды, служат прочным залогом экономического прогресса производства в этой среде на началах независимости труда от капитала, так как в данных фактах сказывается не стихийное только стремление кустарей к трудовой самостоятельности, но и в полной мере сознательное» (с. 353). Помилосердствуйте, господа! Конечно, нельзя себе и представить народничества без маниловских фраз, но ведь надо же знать и меру! *Ни одна* из артелей, как мы видели, не выражает «начала независимости труда от капитала»: все — артели хозяев и хозяйчиков, многие — с наемными рабочими. Кооперации в этих артелях нет, даже общая заготовка сырья и продажа продукта встречается до смешного редко, объединяя поразительно ничтожное число хозяев. Можно с уверенностью сказать, что не найдется ни одной капиталистической страны, в которой бы регистрация почти 9-ти тысяч мелких заведений с 20-ю тысячами рабочих обнаружила *такую поразительную раздробленность и одичалость* производителей, среди которых нашлось лишь несколько десятков случаев *общей собственности* и *менее десятка* случаев объединения 3 — 5 хозяйчиков для закупки сырья и сбыта продукта! Эта раздробленность служила бы *вернейшим залогом беспросветного экономического и культурного застоя,* если бы мы не видели, к счастью, как капитализм с каждым днем подрезывает под корень патриархальное ремесло с его местной ограниченностью самодовлеющих хозяйчиков, с каждым днем разрушает мелкие местные рынки (которыми держится мелкое производство), заменяя их национальным и всемирным рынком, *заставляя* производителей не одной какой-нибудь деревни Гаврята, а производителей целой страны и даже разных стран вступать в союзы между собой, выводя эти союзы за пределы одних только хозяев и хозяйчиков, ставя перед этими союзами вопросы более широкие, чем вопрос о более дешевой закупке лесного материала и железа, или вопрос о более выгодной продаже гвоздей и телег.

VIII.

НАРОДНИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ.

Так как практические предположения и мероприятия стоят всегда в связи с тем, что находят «отрадного» и обнадеживающего в действительности, то понятно уже a priori, какие пожелания насчет кустарной промышленности имеются в «Очерке», который

свел все «отрадные явления» к подкрашиванию наемного труда в мелком хозяйстве и к превознесению весьма малочисленных и односторонних соединений мелких хозяев. Повторяя собой обычные народнические рецепты, эти пожелания поражают своей противоречивостью, с одной стороны, и безмерным преувеличением дюжинных «мероприятий», превращенных посредством фраз в решение великих вопросов, — с другой. В самом начале «Очерка», во введении, еще до изложения данных переписи, мы встречаем велеречивые рассуждения о «задаче кустарного кредита» — «устранить (sic!) безденежье», о «кооперативной организации обмена между производством и потреблением» (с. 8), о «распространении артельных организаций», устройстве кустарных складов, технических консультаций, технических школ и т. п. (с. 9). Эти рассуждения повторяются много раз в книге. «Нужно реорганизовать экономику промысла так, чтобы у кустаря завелись деньги; проще сказать, освободить кустаря от кулака» (119). «Задача нашего времени» совершить «кустарную эмансипацию путем кредита» и т. д. (267). «Необходимо рационализировать меновые процессы», заботиться «о проведении в недра крестьянского земледельческого хозяйства рациональных основ кредита, обмена и производства» (362), необходима «экономическая организация труда» (sic!! с. 363), «рациональное устроение экономики народного хозяйства» и т. д. и т. п. Как видите, это — знакомая народническая панацея, приклеенная к данным переписи. И как бы для окончательного подтверждения своего народнического правоверия, составители не преминули осудить денежное хозяйство вообще, поучая читателя, что ремесло «составляет важную услугу народному хозяйству, обеспечивая ему возможность избежать превращения натурального хозяйства в денежное». «Насущные интересы народного хозяйства требуют того, чтобы производимое им сырье перерабатывалось на месте, по возможности без денежного вмешательства в меновые процессы» (с. 360).

Народническая программа изложена здесь со всей полнотой и откровенностью, которые не оставляют желать ничего лучшего! Мы сказали: «народническая программа», ибо нас интересует не то, что отличает составителей «Очерка» от других народников, а, напротив, именно то, что у них общего. Нас интересует практическая народническая программа относительно кустарных промыслов вообще. Легко видеть, что в «Очерке» выпукло выставлены как раз основные черты этой программы: 1) осуждение денежного хозяйства и симпатии к натуральному хозяйству и примитивному ремеслу; 2) различные мероприятия для поддержки мелкого крестьянского производства, в роде кредита, развития техники и т. д.; 3) насаждение всякого рода соединений и союзов между хозяевами и хозяйчиками — товариществ сырьевых, складочных, ссудо-сберегательных, кредитных, потребительных, производительных;

4) «организация труда» — ходячая фраза во всех и всяческих народнических благопожеланиях. Посмотрим же на эту программу.

Что касается прежде всего до осуждения денежного хозяйства, то по отношению к промышленности оно носит уже вполне платонический характер. Ремесло даже в Пермской губернии оттеснено уже далеко на задний план товарным производством и находится в положении столь жалком, что в том же самом «Очерке» мы читаем о желательности «освободить кустаря от зависимости», именно устранить зависимость ремесленника от заказчика-потребителя «изысканием средств к расширению самого района сбыта за пределы спроса для местного потребления» (с. 32). Другими словами: осуждение денежного хозяйства в теории и стремление превратить ремесло в товарное хозяйство — на практике! И это противоречие вовсе не составляет исключительного достояния «Очерка», а свойственно всем народническим прожектам: как ни упираются они против товарного (денежного) хозяйства, но действительность, изгнанная в дверь, влетает в окно, и мероприятия, за которые они высказываются, развивают именно товарное хозяйство. Пример — кредит. В своих планах и пожеланиях народники не устраняют самого товарного хозяйства. «Очерк», например, ни слова не говорит о том, что предлагаемые реформы должны быть основаны не на почве товарного хозяйства. Напротив, он желает лишь рациональных основ *обмена*, кооперативной организации *обмена*. Товарное хозяйство остается, оно должно быть лишь реформировано по *рациональным* основаниям. Утопия далеко не новая, имевшая в старой экономической литературе крупнейших выразителей. Теоретическая несостоятельность ее обнаружена уже давно, так что останавливаться на этом вопросе не приходится. Не лучше ли было бы вместо того, чтобы говорить нелепые фразы о необходимости «рационализировать» экономику, — «рационализировать» сначала свои представления о *действительной* экономике, о действительных общественно-экономических отношениях в той крайне разнородной, разносоставной массе «кустарей», судьбы которой так бюрократически-легкомысленно хотят решать сверху наши народники? Не показывает ли нам действительность сплошь да рядом, как практические мероприятия народников, сочиненные по рецептам «чистых» якобы идей об «организации труда» и т. п., приводят на деле лишь к помощи и содействию «хозяйственному мужичку», мелкому фабрикантику или скупщику, вообще всем представителям мелкой буржуазии? Это вовсе не случайность, не результат несовершенства или неудачности отдельных мероприятий. Напротив, на общей основе товарного хозяйства кредитом, складами, банками, техническими советами и т. д. неизбежно и необходимо пользуются прежде всего и больше всего мелкие буржуа.

Но если так, — возразят нам, если народники в своих практических мероприятиях, бессознательно и против своей воли, служат развитию мелкой буржуазии, а, след., и капитализма вообще, то зачем же нападать на их программы людям, принципиально признающим развитие капитализма прогрессивным процессом? Резонно ли из-за ошибочности, или — скажем мягче — спорности идеологических облачений, нападать на практически полезные программы, ибо никто ведь не станет отрицать «пользы» технического образования, кредита, союзов и соединений между производителями?

Это возражения не вымышленные. То в той, то в другой форме, то по тому, то по другому поводу они постоянно слышатся в ответ на полемику против народничества. Мы не будем здесь говорить о том, что такие возражения, будь они даже справедливы, нисколько не опровергают того, что одно уже это облачение мелко-буржуазных прожектов в возвышеннейшие социальные панацеи приносит глубокий общественный вред. Мы намерены поставить вопрос на практическую почву ближайших и насущных нужд современности и с этой, *умышленно* суженной, точки зрения оценить народническую программу.

Несмотря на то, что многие народнические мероприятия приносят практическую пользу, служа развитию капитализма, тем не менее в общем и целом эти мероприятия оказываются: 1) в высшей степени непоследовательными, 2) доктринерски-безжизненными и 3) мелочными по сравнению с действительными задачами, которые ставит перед нашей промышленностью развивающийся капитализм. Поясним это. Мы указали, во-1-х, на непоследовательность народников, как *практических* людей. Наряду с указанными выше мероприятиями, которые обыкновенно характеризуются, как либеральная экономическая политика, которые всегда выставлялись на знамени вожаков буржуазии на Западе, народники ухитряются сохранять намерение *задержать* данное экономическое развитие, *помешать* прогрессу капитализма, *поддержать* мелкое производство, изнемогающее в борьбе с крупным. Они защищают законы и учреждения, стесняющие свободу мобилизации земли, свободу передвижения, удерживающие сословную замкнутость крестьянства и т. п. Есть ли, спрашивается, какие-либо разумные основания *задерживать* развитие капитализма и крупной промышленности? Мы видели, из данных переписи, что пресловутая «самостоятельность» кустарей нисколько не гарантирует от подчинения торговому капиталу, от эксплуатации в ее худшей форме, что *на деле* положение громадной массы этих «самостоятельных» кустарей зачастую *более жалкое*, чем положение наемных рабочих у кустарей, что заработки их поразительно ничтожны, условия труда (по санитарной обстановке и длине рабочего дня) крайне неудовлетворительны, производство раздроблено, технически первобытно и неразвито. Есть ли, спра-

шивается, какие-либо разумные основания удерживать полицейские законы, укрепляющие «связь с землей», *запрещающие* разрывать эту связь, умиляющую народников *)? Данные «кустарной переписи» 1894/5 года в Пермской губернии ясно свидетельствуют о полной бессмысленности искусственных прикреплений к земле крестьян. Это прикрепление только понижает их заработки, которые при «связи с землей» оказываются более чем вдвое ниже, чем у неземледельцев, понижает жизненный уровень, усиливает разрозненность и раздробленность производителей, разбросанных по деревням, усиливает их беспомощность перед каждым скупщиком и мастерком. Прикрепление к земле задерживает в то же время развитие земледелия, не будучи однако в состоянии помешать появлению класса мелкой сельской буржуазии. Народники избегают ставить вопрос таким образом: задерживать или не задерживать развитие капитализма? Они предпочитают рассуждать о «возможности иных путей для отечества». Но ведь раз речь идет о ближайших практических мероприятиях, то уже этим самым всякий деятель становится на почву *данного пути* **). Делайте себе все, что угодно, для того, чтобы «стащить» отечество на иной путь! Такая деятельность никакой критики (кроме критики смеха) не вызовет. Но не защищайте того, что искусственно *задерживает* данное развитие, не заглушайте фразами «об ином пути» вопроса об устранении препятствий с данного пути.

Другое обстоятельство, которое необходимо иметь в виду при оценке практической народнической программы, состоит в следующем. Мы видели уже, что народники стараются как можно отвлеченнее формулировать свои пожелания, выставить их абстрактными, отвлеченными требованиями «чистой» науки, «чистой» справедливости, а не реальными нуждами реальных классов, имеющих определенные интересы. Кредит — эту насущную потребность каждого хозяина и хозяйчика в капиталистическом обществе — народник выставляет каким-то элементом в системе организации труда; союзы и соединения хозяев изображаются зачаточным выражением идеи кооперации вообще, идеи «кустарной эманципации» и т. д., тогда как всякий знает, что все такие союзы преследуют на самом деле цели, ничего общего не имеющие с такими высокими материями, а просто связанные с раз-

*) «Очерк» тоже говорит с большим пафосом о пользе общины и о вреде «свободы мобилизации» землевладения, которая повела бы, дескать, к появлению «пролетариата» (с. 6). Это противоположение общине — свободы мобилизации прекрасно оттеняет именно самую реакционную и вредную черту «общины». — Интересно бы знать, нашелся ли бы хоть в одной капиталистической стране такой «пролетарий», который бы не был отнесен к *пауперам* при заработке 33 и 50 руб. в год?

**) А что этот данный путь состоит в развитии капитализма, этого, насколько мы знаем, не отрицали и сами народники, ни г. Н. —он, ни г. В. В., ни г. Южаков и т. д., и т. д.

мером дохода этих хозяйчиков, с укреплением их положения, увеличением их прибыли. Это превращение дюжинных буржуазных и мелко-буржуазных пожеланий в какие-то социальные панацеи лишь *обессиливает* эти пожелания, отнимает от них их жизненный нерв, гарантию их насущности и осуществимости. Насущные вопросы каждого хозяина, скупщика, торговца (кредит, союзы, техническая помощь) народник усиливается ставить как общие вопросы, возвышающиеся над отдельными интересами. Народник воображает, что он этим усиливает их значение, возвышает их, — а на самом деле он превращает этим живое дело, *заинтересовывающее* такие-то и такие-то группы населения, в филистерское пожелание, кабинетное умствование, бюрократическое рассуждение «о пользах». С этим непосредственно связывается и третье обстоятельство. Не понимая того, что такие практические мероприятия, как кредит и артель, технические пособия и т. п., выражают потребности развивающегося капитализма, народник не умеет выразить общих и основных потребностей такого развития, заменяя мелкими, случайно выхваченными, половинчатыми мероприятиями, которые, отдельно взятые, неспособны оказать никакого серьезного действия и осуждены неизбежно на неуспех. Если бы народник открыто и последовательно встал на точку зрения выразителя потребностей общественного развития по капиталистическому пути, то он сумел бы заметить *общие условия, общие требования* такого развития, он увидел бы, что все его маленькие прожекты и мероприятия при наличности этих общих условий (главное из них в интересующем нас случае — свобода промышленности) осуществились бы сами собой, т.-е. деятельностью самих заинтересованных лиц, тогда как игнорирование этих общих условий и выставление одних практических мероприятий совершенно частного свойства не может не вести к толчению воды. Остановимся, для примера, на этом вопросе о свободе промышленности. С одной стороны, это настолько общий и основной вопрос из вопросов промышленной политики, что разбор его особенно уместен. С другой стороны, бытовые особенности Пермского края дают интересные подтверждения кардинальной важности этого вопроса.

Как известно, главным явлением экономической жизни края является горнозаводская промышленность, которая сообщила ему совершенно особый отпечаток. С положением и интересами уральской горнопромышленности связаны и история колонизации, и настоящее положение края. «Крестьяне вообще были населены на Урале с целью работать заводовладельцам», — читаем мы в письме обывателя Н.-Сергинского завода, Бабушкина, в «Трудах комиссии по иссл. куст. пр.» *). И эти бесхитростные слова очень верно выражают громадную роль заводовладельцев в жизни

*) Вып. XVI, стр. 594 — 5. Цитировано в книге «Куст. пр.», I, 140.

края, их значение, как помещиков и заводчиков вместе, их привычку к безраздельному и неограниченному господству, к положению монополистов, основывающих свою промышленность на своем владельческом праве, а не на капитале и конкуренции. Монопольные начала горнозаводской промышленности Урала выразились в законе известной статьей 394-й т. VII св. зак. (устав горный), — статьей, о которой так много говорилось и говорится в литературе об Урале. Закон этот, изданный в 1806 году, требует, во-1-х, разрешения горного начальства на открытие горными городами всяких фабрик, а, во-2-х, запрещает открытие в заводских округах «всех тех мануфактур и фабрик, которых все производство главнейше основывается на огненном действии, требующем угля и дров». Уральские горнозаводчики в 1861-м году особенно настаивали на том, чтобы такой закон внести в условия освобождения крестьян, и статья 11-я полож. о горнозав. мастеров. повторяет однородное запрещение *). Отчет правления кустарно-промышленного банка за 1895 год говорит между прочим: «Чаще всего однако же поступают жалобы на запрещение чинами горного ведомства и владельцами посессионных заводов *открывать* огнедействующие заведения в черте подведомственных им районов и на всякого рода стеснения в производстве промыслов по обработке металлов» («Очерк», с. 223). Таким образом Урал и по сю пору сохраняет незыблемые традиции «доброго старого времени», и отношение к мелкой крестьянской промышленности стоит здесь в полной гармонии с той «организацией труда», которая обеспечивала заводы прикрепленным к месту заводским рабочим населением. С полной рельефностью охарактеризованы эти традиции в следующем сообщении «Пермских Губ. Ведомостей», № 183 за 1896 год, которое приводится в «Очерке» и справедливо называется «многозначительным». Вот оно: «М-во Земледелия и Гос. Им. предложило уральским горнопромышленникам обсудить вопрос о возможности принятия горными заводами мер к развитию кустарных промыслов на Урале. Горнопромышленники уведомили мин-во, что развитие на Урале кустарной промышленности послужит во вред крупной промышленности, так как даже теперь, при слабом развитии кустарных промыслов на Урале, население его не может давать заводам необходимого числа рабо-

*) См. «Куст. пром.», I, 18—19. — «Очерк», 222, 223, 244. — «Отчеты и исследования по куст. пром.» изд. М-ва Г. И. и З., статья Егунова в III т. Помещая статью Егунова, мин-во оговаривается в примечании, что взгляды автора «существенно расходятся с воззрениями и данными горного ведомства». — В Красноуфимском уезде, напр., было закрыто, на основании приведенных законов, до 400 кузниц. — Ср. «Труды ком. по иссл. куст. пром.», вып. XVI, ст. В. Д. Белова: «Кустарная промышленность Урала в связи с горнозаводским делом». Автор рассказывает, что кустари, боясь суровых законов, прячут свои машины. Один кустарь устроил печь, для отливки изделий, *на колесах*, чтобы легче спрятать ее! (стр. 18 цит. ст.).

чих *); когда же население найдет заработок дома, заводы рискуют остаться совсем без работы» («Очерк», с. 244). Это сообщение вызвало у составителей «Очерка» следующее восклицание: «Конечно, первое, необходимое условие всякого рода промышленности, *крупной*, *средней* и *мелкой*, есть свобода промышленности... Во имя свободы промышленности *все ее отрасли* должны быть юридически равноправными... Металлоизделъные кустарные промыслы на Урале должны быть освобождены от всяких *исключительных* уз, созданных заводской регламентацией с целью ограничения *естественного* их развития» (ibid. Курсив наш). Читая эту прочувствованную и глубоко справедливую тираду в защиту «свободы промышленности», мы вспомнили известную басню о метафизике, который медлил вылезать из ямы, вопрошая, что такое веревка, брошенная ему, — «вервие простое»! Вот и пермские народники по отношению к свободе промышленности, свободе развития капитализма, свободе конкуренции вопрошают пренебрежительно, что такое свобода промышленности — простое буржуазное требование! Они возносятся гораздо выше в своих пожеланиях; они хотят не свободы конкуренции (какое низменное, узкое, буржуазное пожелание!), а «организации труда»... Но стоит только этим маниловским мечтаниям столкнуться «лицом к лицу» с неподкрашенной и прозаической действительностью, — и от этой действительности пахнёт сразу такой «*организацией труда*», что народник забывает про «вред» и «опасность» капитализма, про «возможность иных путей для отечества» и взывает о «*свободе промышленности*».

Повторяем, мы считаем это пожелание глубоко справедливым и думаем, что такая точка зрения (разделяемая не одним «Очерком», а едва ли не всеми авторами, писавшими по этому вопросу) делает честь народникам. Но... — Что прикажете делать! Никак нельзя похвалить народников без того, чтобы не поставить сейчас же большущее «но», — но мы имеем сделать по этому поводу два существенных замечания.

Первое. Можно быть уверенным, что громадное большинство народников с негодованием отвергнет правильность нашего отождествления «свободы промышленности» со «свободой капитализма». Они скажут, что устранение монополий и остатков крепостного права есть «просто» требование равноправности, интерес «всего» народного хозяйства вообще и крестьянского в особенности, а вовсе не капитализма. Знаем мы, что народ-

---

*) Заметим в пояснение читателю, что статистика нашей горнозаводской промышленности много раз уже констатировала тот факт, что на Урале число занятых рабочих в пропорции к получаемому продукту неизмеримо выше, чем в южном или польском горном районе. Низкая заработная плата — результат прикрепления рабочих к земле — держит Урал на несравненно более низком уровне техники по сравнению с югом и Польшею.

ники это скажут. Но это будет неверно. С тех пор, когда на «свободу промышленности» смотрели так идеалистически-абстрактно, видя в ней основное и естественное (ср. подчеркнутое слово в «Очерке») «право человека», прошло уже более ста лет. Требование «свободы промышленности» и осуществления этого требования обошли с тех пор несколько стран, и везде это требование являлось выражением несоответствия растущего капитализма с остатками монополий и регламентаций, везде оно служило лозунгом передовой буржуазии, везде оно вело лишь к полному торжеству капитализма. Теория разъяснила с тех пор вполне всю наивность иллюзии, будто «свобода промышленности» есть требование «чистого разума», требование отвлеченной «равноправности», и показала, что вопрос о свободе промышленности есть вопрос капиталистический. Осуществление «свободы промышленности» отнюдь не является «юридическим» только преобразованием; это — глубокая экономическая реформа. Требование «свободы промышленности» означает всегда несоответствие между юридическими нормами (отражающими производственные отношения, отжившие уже свой век) и *новыми производственными отношениями*, которые развились вопреки старым нормам, выросли из них и требуют их отмены. Если уральские порядки вызывают теперь всеобщий клич о «свободе промышленности», то это значит, что те регламентации, монополии и привилегии, которые унаследованы были в пользу помещиков-заводовладельцев, стесняют *данные хозяйственные отношения, данные* экономические силы. Каковы же эти отношения и эти силы? Это — *отношения товарного хозяйства*. Эти силы — силы руководящего товарным хозяйством *капитала*. Вспомните хоть выше цитированное «признание» пермского народника: «вся наша кустарная промышленность находится в узах частных капиталов». Да и без этого признания данные кустарной переписи говорят достаточно красноречиво сами за себя.

Второе замечание. Мы приветствуем защиту народниками свободы промышленности. Но мы ставим это приветствие в зависимость от *последовательного проведения* такой защиты. Разве «свобода промышленности» состоит только в устранении уральских запрещений открывать огнедействующие заведения? Разве отсутствие у крестьянина права выйти из общины, права заняться любым промыслом или делом не представляет собой гораздо более существенного ограничения «свободы промышленности»? Разве отсутствие свободы передвижения, непризнание законами права каждого гражданина выбирать для жительства любую городскую или сельскую общину в государстве не ограничивает свободу промышленности? Разве сословная замкнутость крестьянской общины, невозможность проникнуть в нее лицам торгово-промышленного класса не ограничивает свободу промыш-

ленности? и т. д. и т. д. Мы назвали гораздо более важные, более общие, более распространенные стеснения свободы промышленности, проявляющие свое влияние на всей России и более всего на всей крестьянской массе. Если «крупная, средняя и мелкая» промышленность должны быть равноправны, то разве не должна последняя получить те же права по отчуждению земель, какими пользуются первые? Если уральские горные законы суть «исключительные узы, стесняющие естественное развитие», то разве круговая порука, неотчуждаемость наделов, особые сословные законы и правила о переселениях, перечислениях, промыслах и занятиях не составляют «исключительных уз»? Разве они не «стесняют естественного развития»?

Вот в том-то и дело, что народничество и по данному вопросу обнаружило ту же половинчатость и двуличность, которые так характерны для всякой идеологии Kleinbürger'ства. С одной стороны, народники не отрицают, что в нашей жизни есть масса остатков такой «организации труда», происхождение которой относится ко временам удельщины и которая находится в самом вопиющем противоречии с современным экономическим строем, со всем хозяйственным и культурным развитием страны. С другой стороны, они не могут не видеть, что этот экономический строй и это развитие грозят погубить мелкого производителя и, устрашенные за участь этого палладиума своих «идеалов», народники стараются задержать историю, остановить развитие, упрашивают и умоляют «запретить», «не дозволять» и прикрывают этот жалкий реакционный лепет фразами об «организации труда», — фразами, которые не могут не звучать горькой насмешкой.

Для читателя ясно уже, конечно, теперь, какое главное и основное возражение сделаем мы против *практической* народнической программы в вопросах современной промышленности. Поскольку народнические мероприятия входят как часть или совпадают с преобразованием, которое со времен Адама Смита называется *свободой промышленности* (в широком значении слова), постольку они прогрессивны. Но, во-1-х, в них нет тогда ничего «народнического», ничего поддерживающего специально мелкое производство и «особые пути» отечества. Во-2-х, эта положительная часть народнической программы обессиливается и извращается подстановкой частных и мелочных проектов и мероприятий на место общего и основного вопроса о свободе промышленности. Поскольку же народнические пожелания идут против свободы промышленности, стараясь задержать современное развитие, постольку они реакционны и бессмысленны, и осуществление их, кроме вреда, ничего принести не может. Возьмем примеры. Кредит. Кредит есть учреждение наиболее развитого товарного обращения, наиболее развитого гражданского оборота. Осуществление «свободы промышленности» ведет неиз-

бежно к созданию кредитных учреждений, как коммерческого дела, к устранению сословной замкнутости крестьян, к сближению их с классами, наиболее пользующимися кредитом, к самостоятельному образованию заинтересованными лицами кредитных обществ и т. п. Наоборот, какое значение могут иметь кредитные мероприятия, преподносимые «мужичкам» земцами и прочей «интеллигенцией», покуда законы и учреждения ставят крестьянство в положение, *исключающее* правильное и развитое товарное обращение, — в положение, при котором вместо имущественной ответственности (основа кредита) гораздо легче, осуществимее, доступнее и употребительнее... *отработки!* Кредитные мероприятия останутся при таких условиях всегда наносными, чуждыми растениями, посаженными извне на совершенно неподходящую почву, окажутся мертворожденным детищем, которое могли породить только мечтательные интеллигенты-Маниловы и благожелательные чиновники, и над которым смеются и будут смеяться настоящие *торговцы денежным капиталом*. Чтобы не быть голословным, приведем мнение Егунова (цит. статья), которого никто не заподозрит в... «материализме». О кустарных складах он говорит: «даже при самой благоприятной местной обстановке неподвижный склад, да еще единственный на целый уезд, никогда не заменит да и не может заменить вечно подвижного и лично заинтересованного торговца». О пермском кустарном банке мы читаем: чтобы получить ссуду, кустарь должен подать заявление или в банк, или агенту его и назвать поручителей. Агент приезжает, проверяет заявление кустаря, собирает подробные сведения о производстве и т. п. «и весь этот ворох бумаг за счет кустаря отсылает в правление банка». Разрешив ссуду, банк присылает (через агента или через волостное правление) долговое обязательство. Когда должник подпишет его (с засвидетельствованием подписи волостным начальством) и отошлет в банк, — тогда только посылают ему деньги. Если ссуду берет артель, то требуется копия товарищеского договора. Агенты должны наблюдать, чтобы ссуды расходовались именно на то, на что они выданы, чтобы дела клиентов не расстраивались и т. д. «Очевидно, что банковского кредита никоим образом нельзя признать доступным для кустарей; с уверенностью можно сказать, что гораздо охотнее предпочтет кустарь поискать кредит у местного богача, нежели подвергнуться всем описанным мытарствам, оплачивать почтовые, нотариальные и волостные расходы, ждать целые месяцы со дня возникшей потребности в ссуде до дня ее получения и на весь срок этой ссуды оставаться в поднадзорном положении» (стр. 170 цит. ст.). Насколько нелепо народническое мнение о каком-то антикапиталистическом кредите, настолько же несуразны, неуклюжи и малопроизводительны подобные покушения (с негодными средствами) сделать силами «интеллигентов»

и чиновников то, что составляет везде и повсюду настоящее дело торговцев. — Техническое образование. Кажется, об этом можно уже и не говорить... Напомним разве заслуживающий «вечного поминовения» проект нашего известного прогрессивного писателя г. Южакова насадить в России земледельческие гимназии с тем, чтобы неимущие крестьяне и крестьянки *отрабатывали* стоимость своего учения, служа, напр., поварами и прачками *)... Артели. Но кто же не знает, что основные препятствия к их распространению заключаются в традициях той же самой «организации труда», которая отразилась и в уральских горных законах? Кто не знает, что проведение свободы промышленности в полном объеме повело везде и повсюду к невиданному расцвету и развитию всяких союзов и соединений? Чрезвычайно комично бывает видеть, когда народник пытается выставить своего противника врагом артельности, союзности и т. п. вообще. Вот уж поистине с больной головы да на здоровую! Дело только в том, что за поисками идеи союзности и средств ее осуществления надо смотреть не назад, не в прошлое, не на патриархальное ремесло и мелкое производство, порождающие крайнюю обособленность, раздробленность и одичалость производителей, — а вперед, в будущее, в сторону развития крупного промышленного капитализма.

Мы прекрасно знаем, с каким величественным пренебрежением отнесется народник к этой, противопоставляемой его собственной, программе промышленной политики. «Свобода промышленности»! Какое старое, узкое, манчестерское **), буржуазное пожелание! Народник уверен, что для него это überwundener Standpunkt ***), что он сумел подняться выше тех преходящих и односторонних интересов, которые лежат в основе такого пожелания, что он сумел возвыситься до более глубоких и более чистых идей об «организации труда»... А на самом деле он только *опустился* от прогрессивной буржуазной к реакционной мелко-буржуазной идеологии, беспомощно колеблющейся между стремлениями ускорить современное экономическое развитие и задержать его, между интересами хозяйчиков и интересами труда. Эти последние совпадают, по данному вопросу, с интересами крупного промышленного капитала.

---

*) См. следующую статью.

**) Найдутся, пожалуй, люди, которые подумают, что «свобода промышленности» исключает такие меры, как фабричные законы и т. п. Под «свободой промышленности» разумеется устранение *оставшихся от старины* препятствий к развитию капитализма. Фабричное же законодательство, как и другие меры современной т.-наз. Socialpolitik (социальной политики. *Ред.*), *предполагает* глубокое развитие капитализма и, в свою очередь, *толкает вперед* это развитие.

***) — превзойденная точка зрения. *Ред.*

ПЕРЛЫ НАРОДНИЧЕСКОГО ПРОЖЕКТЕРСТВА

(С. Н. ЮЖАКОВ. ВОПРОСЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ. ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ. — РЕФОРМА СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ. — СИСТЕМЫ И ЗАДАЧИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ. — ГИМНАЗИЧЕСКИЕ УЧЕБНИКИ. — ВОПРОС ВСЕНАРОДНОГО ОБУЧЕНИЯ. — ЖЕНЩИНА И ПРОСВЕЩЕНИЕ. СПБ. 1897. СТР. VIII + 283. ЦЕНА 1 Р. 50 К.)

Написано в конце 1897 г. [33]

Напечатано в 1899 г. в сборнике: Владимир Ильин — «Экономические этюды и статьи»

Печатается по тексту сборника

I.

Под таким заглавием г. Южаков выпустил собрание своих статей, печатавшихся в «Русском Богатстве» в 1895—97 годах. Автор полагает, что его статьи «охватили главнейшие из этих вопросов», т.-е. из «вопросов просвещения», и «вместе составили нечто в роде обзора наиболее назревших и наболевших, но все еще мало удовлетворенных потребностей нашей умственной культуры». (Предисловие, стр. V.) На стр. 5-ой еще раз подчеркивается, что автор намерен остановиться «преимущественно на вопросах принципа». Но все эти фразы показывают только любовь г-на Южакова к широкому размаху мысли, и даже не мысли, а пера. И заглавие книги чересчур широко: на самом деле, — как видно и из списка статей в подзаголовке сочинения, — автор трактует вовсе не «вопросы просвещения», а только вопросы школы, да и то только средней и высшей школы. Из всех статей книги самая дельная статья о гимназических учебниках в наших гимназиях. Автор подробно разбирает здесь ходячие учебники русского языка, географии и истории, показывая полную их негодность. Эта статья читалась бы с еще бо̀льшим интересом, если бы не утомляла тоже свойственным автору многословием. Мы намерены остановить внимание читателя только на двух статьях книги, именно на статье о среднеучебной реформе и о всенародном обучении, ибо эти статьи затрагивают действительно принципиальные вопросы и представляются особенно характерными для освещения излюбленных идей «Р. Богатства». Ведь это вот господам Гриневичам и Михайловским приходится — для того, чтобы найти примеры чудовищно-глупых выводов из враждебной доктрины — копаться в навозной куче российской стихотворной макулатуры. Нам не нужно для соответствующей цели предпринимать столь невеселые раскопки: достаточно обратиться к журналу «Рус. Богатство», и в нем к одному из несомненных «столпов».

II.

Параграф II статьи об «Основах среднеучебной реформы» озаглавлен г-ном Южаковым так: «Задачи средней школы. Классовые интересы и классовая школа» (см. Оглавление). Тема, как видите, представляет захватывающий интерес, обещая разъяснить нам один из важнейших вопросов не только просвещения, но и всей общественной жизни вообще, и при том именно тот вопрос, который вызывает одно из главнейших разногласий между народниками и «учениками». Посмотрим же, какие представления имеет сотрудник «Р. Богатства» о «классовых интересах и классовой школе».

Автор совершенно справедливо говорит, что формула: «школа должна готовить человека для жизни» совершенно бессодержательна, что вопрос в том, что надобно для жизни и «кому надобно» (6). «Кому надобно среднее образование — это значит: в чьих интересах, ради чьих блага и пользы дается образование воспитанникам средней школы?» (7). Прекрасная постановка вопроса, и мы бы от души приветствовали автора, если бы... если бы все эти прелюдии не оказались в дальнейшем изложении пустыми фразами: «Это могут быть интересы блага и пользы государства, нации, того или другого общественного класса, самого образуемого индивида». Начинается путаница: приходится заключить, что общество, расчлененное на классы, совместимо с неклассовым государством, с неклассовой нацией, с стоящими вне классов индивидами! Сейчас увидим, что это вовсе не обмолвка г-на Южакова, что он именно такого абсурдного мнения и держится. «Если при выработке школьной программы имеются в виду классовые интересы, то не может быть, следовательно, и речи об одном общем типе государственной средней школы. Учебные заведения в таком случае по необходимости являются сословными и при том не только образовательными, но и воспитательными, потому что они должны дать не только образование, приспособленное к специальным интересам и задачам сословия, но и сословные навыки и сословный корпоративный дух» (7). Первый вывод из этой тирады тот, что г. Южаков не понимает различия между сословиями и классами и поэтому безбожно смешивает эти совершенно различные понятия. В других местах его статьи (см., напр., стр. 8) обнаруживается такое же непонимание, и это тем удивительнее, что г. Южаков в этой же статье подошел почти вплотную к существенному различию этих понятий. «Надо помнить,—повествует г. Южаков на стр. 11,—что часто (отнюдь не необходимо, однако) организации политическая, экономическая и духовная составляют иногда юридическую привилегию, иногда фактическую принадлежность особых груп

населения. В первом случае это — сословия; во втором — классы». Тут верно указано *одно* из отличий класса от сословия, именно что классы отличаются один от другого не юридическими привилегиями, а фактическими условиями, что, следовательно, классы современного общества предполагают *юридическое равенство*. И другое различие между сословиями и классами г. Южаков как будто бы не игнорирует: «...Мы... отказались тогда (т.-е. после отмены крепостного права)... от крепостного и сословного строя национальной жизни, в том числе и от системы сословной закрытой школы. В настоящее время внедрение капиталистического процесса дробит русскую нацию не столько на сословия, сколько на экономические классы...» (8). Тут верно указан и другой признак, отличающий сословия от классов в истории Европы и России, именно что сословия — принадлежность крепостного, а классы — капиталистического общества *). Если бы г. Южаков подумал хоть немножко над этими различиями и не отдавался с такою легкостью во власть своего бойкого пера и своего Kleinbürger'ского **) сердца, то он бы не написал ни вышеприведенной тирады, ни других пустяков в роде того, что классовые программы школ должны дробить программы для богатых и бедных, что на Западе Европы классовые программы не имеют успеха, что классовая школа предполагает классовую замкнутость и пр. и пр. Все это яснее ясного показывает, что, несмотря на многообещающее заглавие, несмотря на велеречивые фразы, г. Южаков совершенно не понял, в чем сущность классовой школы. Сущность эта, почтеннейший г. народник, состоит в том, что образование одинаково организовано и одинаково доступно для всех *имущих*. Только в этом последнем слове и заключается сущность классовой школы в отличие от школы сословной. Поэтому чистейший вздор сказал г. Южаков в вышецитированной тираде, будто при классовых интересах школы «не может быть и речи об одном общем типе государственной средней школы». Как раз наоборот: классовая школа, — если она проведена последовательно, т.-е. если она освободилась от всех и всяких остатков сословности, — необходимо предполагает один общий тип школы. Сущность классового общества (и классового образования, следовательно) состоит в полном юридическом *равенстве*, в полной равноправности всех граждан, в полной равноправности и доступности образования для имущих. Сословная школа требует от ученика принадлежности к известному сословию. Классовая школа не знает сословий, она знает только

---

*) Сословия предполагают деление общества на классы, будучи одной из форм классовых различий. Говоря о классах просто, мы разумеем всегда бессословные классы капиталистического общества.

**) — мелко-буржуазного. *Ред.*

граждан. Она требует от всех и всяких учеников *только одного:* чтобы он заплатил за свое обучение. Различие программ для богатых и для бедных вовсе не нужно классовой школе, ибо тех, у кого нет средств для оплаты обучения, расходов на учебные пособия, на содержание ученика в течение всего учебного периода, — тех классовая школа просто не допускает к среднему образованию. Классовой замкнутости вовсе не предполагает классовая школа: напротив, в противоположность сословиям, классы оставляют всегда совершенно свободным переход отдельных личностей из одного класса в другой. Классовая школа не замыкается ни от кого, имеющего средства учиться. Что в Западной Европе «эти опасные программы полуобразования и классового морально-интеллектуального отчуждения разных народных слоев не имеют успеха» (9), — это совершенное извращение действительности, ибо всякий знает, что и на Западе, и в России средняя школа, по сущности своей, — классовая и что служит она интересам лишь очень и очень небольшой части населения. Ввиду той невероятной путаницы понятий, которую обнаруживает г. Южаков, мы считаем даже нелишним сделать для него еще следующее добавочное разъяснение: в современном обществе и та средняя школа, которая не берет никакой платы за обучение, нисколько не перестает быть классовой школой, ибо расходы на содержание ученика в течение 7—8 лет неизмеримо выше, чем плата за учение, а доступны эти расходы лишь для ничтожного меньшинства. Если г. Южаков хочет быть практическим советником современных реформаторов средней школы, если он хочет ставить вопрос на почве современной действительности (а он именно так его и ставит), — то он должен был бы говорить только о смене сословной школы школой классовою, *только* об этом, или уже вовсе промолчать об этом щекотливом вопросе «классовых интересов и классовой школы». И то сказать: невелика связь этих принципиальных вопросов с той заменой древних языков новыми, которую рекомендует г. Южаков в этой статье. Ограничься он этой рекомендацией, — мы бы не стали ему возражать и даже готовы были бы простить ему его невоздержанное красноречие. Но раз он *сам же* поставил вопрос о «классовых интересах и классовой школе», — то пусть уже и несет ответственность за все свои вздорные фразы.

Фразы г-на Южакова на данную тему далеко не ограничиваются однако вышеприведенным. Верный основным идеям «субъективного метода в социологии», г. Южаков, затронув вопрос о классах, поднимается на «широкую точку зрения» (12, ср. 15), такую широкую, с которой он может величественно игнорировать классовые различия, такую широкую, которая позволяет ему говорить не об отдельных классах (фи, какая узость!), а о всей нации вообще. Достигается эта великолепная «широта» точки

зрения истасканным приемом всех моралистов и моралистиков, особенно моралистов-Kleinbürger'ов. Г. Южаков жестоко осуждает это разделение общества на классы (и отражение этого разделения на образовании), говоря с превеликим красноречием и с несравненным пафосом об «опасности» (9) этого явления; о том, что «классовая система образования во всех видах и формах, в основе своей, противоречит интересам государства, нации и образуемых личностей»*) (8); о «нецелесообразности и опасности с точки зрения и государственной, и национальной» (9) классовых программ в школе; о том, что примеры истории показывают лишь «то исключительное антинациональное развитие классового строя и классовых интересов, о котором мы говорили выше и которое уже признали опасным для национального блага и для самого государства» (11); о том, что «повсеместно классовое устройство управления так или иначе отменено» (11); о том, что это «опасное» дробление на классы вызывает «антагонизм между разными группами населения» и постепенно вытравляет «чувство национальной солидарности и общегосударственного патриотизма» (12); о том, что «широко, правильно и дальновидно понимаемые интересы нации, как целого, государства и отдельных граждан вообще не должны противоречить друг другу (по крайней мере, в современном государстве)» (15) и т. д. и т. д. Все это — одна сплошная фальшь, одни пустые фразы, затушевывающие самую суть современной действительности посредством лишенных всякого смысла «пожеланий» Kleinbürger'а, пожеланий, незаметно переходящих и в характеристику того, что есть. Чтобы найти аналогию для подобного миросозерцания, из которого вытекают такие фразы, надо обратиться к представителям той «этической» школы на Западе, которая явилась естественным и неизбежным выражением теоретической трусости и политической растерянности тамошней буржуазии.

Мы же ограничимся сопоставлением с этим великолепным красноречием и прекраснодушием, с этой замечательной прозорливостью и дальновидностью следующего маленького факта. Г. Южаков затронул вопрос о сословной и классовой школе. По первому вопросу можно найти точные статистические данные, по крайней мере, о мужских гимназиях и прогимназиях и о реальных училищах. Вот эти данные, заимствуемые нами из издания

*) Одно из двух, почтеннейший г. Kleinbürger: либо вы говорите об обществе, расчлененном на классы, либо о нерасчлененном. В первом случае не может быть и не-классового образования. В последнем случае не может быть ни классового государства, ни классовой нации, ни принадлежащих к одному из классов личностей. В обоих случаях фраза лишена смысла и содержит лишь невинное пожелание Kleinbürger'а, трусливо закрывающего глаза от самых резких черт современной действительности.

м-ва Фин.: «Производительные силы России» (Спб. 1896. Отд. XIX. Народное Образование. Стр. 31):

«Сословное распределение учащихся (в %% к общему числу их) видно из следующей таблицы:

Детей	В мужских гимназиях и прогимназиях м-ва нар. просвещения			В реальных училищах		
	1880	1884	1892	1880	1884	1892
Потомственных и личных дворян и чиновников	47,6	49,2	56,2	44,0	40,7	38,0
Духовного звания	5,1	5,0	3,9	2,6	1,8	0,9
Городских сословий	33,3	35,9	31,3	37,0	41,8	43,0
Сельских сословий (с инородческ. и нижн. чинами)	8,0	7,9	5,9	10,4	10,9	12,7
Иностранцев	2,0	2,0	1,9	3,0	4,8	5,4
Других сословий	2,0	Вместе с предыд.		3,0	Вместе с предыд.	
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Эта табличка наглядно показывает нам, как неосторожно выразился г. Южаков, сказав, будто мы сразу и решительно (??) «отказались от сословной школы». Напротив, сословность и теперь преобладает в наших средних школах, если даже в гимназиях (не говоря уже о привилегированных дворянских заведениях и т. п.) 56% учащихся — дети дворян и чиновников. Единственный серьезный конкурент их — городские сословия, достигшие преобладания в реальных училищах. Участие же сельских сословий — особенно если принять во внимание их громадное численное преобладание над остальными сословиями — совершенно ничтожно. Эта табличка наглядно показывает, следовательно, что тот, кто хочет говорить о характере современной нашей средней школы, должен твердо усвоить себе, что речь может идти только о сословной и о классовой школе и что, поскольку «мы» отказываемся действительно от сословной школы, — это делается исключительно для классовой школы. Само собою разумеется, что мы вовсе не хотим сказать этим, чтобы вопрос о замене сословной школы классовою и об улучшении последней был вопрос неважный или безразличный для тех классов, которые не пользуются и не могут пользоваться средней школой: напротив, и для них это не безразличный вопрос, ибо сословность и в жизни, и в школе ложится на них особенно тяжело, ибо смена сословной школы классовою есть лишь одно из звеньев в процессе общей и всесторонней европеизации России. Мы хотим только показать, как извратил дело г. Южаков и как его якобы «широкая» точка зрения на самом деле стоит неизмеримо ниже даже буржуазной точки зрения на вопрос. Кстати, о буржуазности. Вот г. А. Мануилов никак не может понять, зачем это П. Б. Струве, так определенно охарактеризовавший односторонность Шульце-Геверница, тем не менее «пропагандирует его

буржуазные идеи» («Р. Богатство», № 11, стр. 93). Непонимание г-на А. Мануилова происходит всецело и исключительно от непонимания им основных воззрений не только русских, но и всех западно-европейских «учеников», не только учеников, но и учителя. Или, может быть, г. Мануилов захочет отрицать, что к числу основных воззрений «учителя» — воззрений, красной нитью проходящих чрез всю его теоретическую, литературную и практическую деятельность,—принадлежит бесповоротная вражда к тем любителям «широких точек зрения», которые затушевывают посредством сладеньких фраз классовое расчленение современного общества? что к числу основных его воззрений принадлежит решительное признание прогрессивности и предпочтительности открытых и последовательных «буржуазных идей» по сравнению с идеями тех Kleinbürger'ов, которые жаждут задержки и остановки капитализма? Если г-ну Мануилову это неясно, то пусть он подумает хоть над произведениями своего товарища по журналу, г-на Южакова. Пусть он представит себе, что по интересующему нас теперь вопросу мы видим рядом с г. Южаковым открытого и последовательного представителя «буржуазных идей», который отстаивает именно классовый характер современной школы, доказывая, что это — лучшее, что можно себе представить, и стремясь к полному вытеснению сословной школы и к расширению доступности классовой школы (в вышеуказанном значении этой доступности). Право же, подобные идеи были бы несравненно выше идей г. Южакова; внимание направлялось бы при этом на реальные нужды современной школы, именно на устранение ее сословной замкнутости, а не на расплывчатую «широкую точку зрения» Kleinbürger'а. Открытое выяснение и защита одностороннего характера современной школы правильно бы характеризовало действительность и уже самой своей односторонностью просвещало бы сознание другой стороны *). А «широкие» разглагольствования г-на Южакова, наоборот, развращают только общественное сознание. Наконец, практическая сторона вопроса... но ведь и г. Южаков не выходит ни чуточки за пределы классовой школы не только в этой статье, но и в своей «утопии», к которой мы и переходим.

*) Мы прекрасно чувствуем, что сотрудникам «Р. Богатства» очень и очень трудно понять аргумент такого характера. Опять-таки, это зависит от непонимания ими не одних «учеников», но и «учителя».

Вот как доказывал, напр., один из «учителей», еще в 1845 году, пользу для английских рабочих от отмены хлебных законов. Эта отмена,— писал он, — превратит фермеров в «либералов, т.-е. сознательных буржуа», а этот рост сознательности на одной стороне необходимо ведет к такому же росту сознания и другой стороны (*Fr. Engels.* «The condition of the working class in England in 1844». New York. 1886, p. 179) (*Ф. Энгельс.* «Положение рабочего класса в Англии в 1844 г.». Нью-Иорк. 1886, стр. 179. *Ред.*). Отчего же это вы, гг. сотрудники «Р. Богатства», только расшаркиваетесь перед «учителями», а не изобличаете их в «пропаганде буржуазных идей»?

III.

Статья г-на Южакова, рассматривающая «вопрос всенародного обучения» (см. заглавие книги), называется так: «Просветительная утопия. План всенародного обязательного среднего образования». Уже из названия видно, что эта в высшей степени поучительная статья г-на Южакова обещает очень многое. Но на самом деле «утопия» г-на Южакова обещает еще несравненно больше. «Никак не меньше этого, дорогие читатели, без всякой уступки или компромисса»...— так начинает автор свою статью.—«Полное гимназическое образование для всего населения обоего пола, обязательное для всех и без всяких затрат со стороны государства, земства и народа,— такова моя огромная просветительная утопия»! (201). Добрый г. Южаков полагает, очевидно, что гвоздь этого вопроса заключается в «затратах»; на этой же странице он повторяет еще раз, что всенародное начальное образование требует затрат, а всенародное среднее образование по его «плану» никаких затрат не требует. Мало того, что план г-на Южакова не требует никаких затрат: он обещает гораздо большее, чем среднее образование для всего народа. Чтобы показать полный объем того, что обещает нам сотрудник «Р. Богатства», надо забежать вперед и привести собственные торжествующие восклицания автора, когда он изложил уже весь свой план и любуется им. План г-на Южакова состоит в том, что с гимназическим образованием соединяется производительный труд «гимназистов», которые сами содержат себя: «...Обработка участка земли... обеспечивает обильное, вкусное и здоровое продовольствие всего молодого поколения от рождения до окончания курса гимназии, а также продовольствие молодежи, отрабатывающей цену учения (об этом институте Южаковского Zukunftsstaat'а *) подробнее ниже), и всего персонала администраторов, преподавателей и хозяев. При этом все они обеспечиваются и обувью, а также шитьем одежды. К тому же попутно получается с указанного участка около 20 тыс. рублей, именно 15 т. от излишков молока и ярового хлеба... и около 5 т. р. от продажи шкур, щетины, перьев и прочих побочных продуктов» (216). Подумайте только, читатель, содержание *всего* молодого поколения до окончания курса гимназии, т.-е. до 21—25 лет (стр. 203)! Ведь это значит содержание *половины* всего населения страны **). Содержание и образование десятков миллионов населения,— да это уже настоящая «организация труда»! Очевидно, г. Южаков сильно рассер-

*) — государства будущего. *Ред.*

**) По возрастному составу населения России, по Буняковскому, на 1.000 жителей приходится 485 в возрасте 0—20 лет и 576 в возрасте 0—25 лет.

дился на тех злых людей, которые утверждают, что народнические проекты «организации труда» — пустые фразы пустых говорунов, и решился совсем уничтожить этих злых людей обнародованием целого «плана» такой «организации труда», осуществляемой «без всяких затрат»... Но и это еще не все: «...По пути мы расширили задачу; мы взяли на ту же организацию содержание всего детского населения; мы озаботились обеспечить молодых людей серьезным для деревни приданым при выходе; мы нашли возможным определить на те же средства в каждую гимназию, т. е. в каждую волость, по врачу, ветеринару, ученому агроному, ученому садовнику, технологу и по шести мастеров, не менее (которые поднимут культуру и удовлетворят соответственные потребности всей местности)... И все эти задачи находят себе финансовое и экономическое разрешение при осуществлении нашего плана...» *). Как посрамлены будут теперь те злые языки, которые говорили, что знаменитое народническое «мы», это — «таинственный незнакомец», это — еврей с двумя ермолками и т. п.! Какая недостойная клевета! Отныне достаточно будет сослаться на «план» г-на Южакова, чтобы доказать всесилие этих «мы» и осуществимость «наших» проектов.

Может быть, у читателя явится сомнение по поводу этого слова: осуществимость? Может быть, читатель скажет, что, назвав свое творение утопией, г. Южаков тем самым отстранил вопрос об осуществимости?—Это было бы так, если бы г. Южаков не сделал сам в высшей степени существенных оговорок по поводу слова «утопия», если бы он не подчеркивал неоднократно во всем своем изложении осуществимости своего плана. «Я имею смелость думать, — заявляет он в самом начале статьи, — что такое всенародное среднее образование кажется утопией только с первого взгляда» (201)... Что же вам еще надо?.. «Я имею еще большую смелость утверждать, что такое образование для всего населения гораздо осуществимее всенародного начального образования, уже осуществленного однако Германией, Францией, Англией, Соедин. Штатами и весьма близкого к осуществлению и в некоторых губерниях России» (201). Г. Южаков до такой степени убежден в этой осуществимости своего плана (очевидно, после вышесказанного, что выражение «план» правильнее, чем утопия), что он не пренебрегает даже самыми мелкими «практическими удобствами» при разработке этого плана, нарочно оставляя, напр., систему двух гимназий, мужской и женской, из уважения к «предубеждению на континенте Европы против совместного обучения» обоих полов, — усиленно подчеркивая, что

*) Стр. 237. Оба многозначительные многоточия в этой тираде принадлежат г-ну Южакову. Мы не дерзнули бы пропустить здесь ни единой буквы.

его план «дозволяет не нарушать установившиеся учебные планы мужских и женских гимназий, дает больше занятия, а, след., и вознаграждения преподавательскому персоналу»... «Все это имеет немаловажное значение при желании не ограничиться одним опытом, но достигнуть действительно всенародного образования» (205—206). Много было на свете утопистов, соперничавших заманчивостью, стройностью своих утопий,— но вряд ли найдется среди них хоть один, столь внимательный к «установившимся учебным планам» и к вознаграждению преподавательского персонала. Мы уверены, что потомство долго еще будет указывать на г-на Южакова, как на истинно-практичного и истинно-деловитого «утописта».

Очевидно, что при таких обещаниях автора его план всенародного обучения заслуживает самого внимательного разбора.

IV.

Принцип, из которого исходит г. Южаков, состоит в том, что гимназия должна быть вместе с тем и земледельческим хозяйством, должна летним трудом своих учеников обеспечить собственное существование. Такова основная мысль его плана. «В том, что эта мысль правильна, сомневаться едва ли возможно» (237), — полагает г. Южаков. И мы согласны с ним, что тут есть действительно правильная мысль, которую нельзя только припутывать ни непременно к «гимназиям», ни к возможности «окупить» гимназии трудом учеников. Эта правильная мысль заключается в том, что нельзя себе представить идеала будущего общества без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения: ни обучение и образование без производительного труда, ни производительный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту высоту, которая требуется современным уровнем техники и состоянием научного знания. Эту мысль высказали еще старые великие утописты; ее вполне разделяют и «ученики», которые именно по этой причине, между прочими, не восстают принципиально против промышленного труда женщин и подростков, считают реакционными попытки запретить совершенно этот труд и настаивают лишь на постановке его в условия вполне гигиенические. Напрасно поэтому выражается г. Южаков таким образом: «Я хотел только дать мысль» (237)... Мысль эта давно дана, и мы не решаемся допустить (пока не доказано противное), чтобы г. Южаков мог быть незнаком с нею. Сотрудник «Рус. Бог.» хотел дать и дал совершенно самостоятельный *план осуществления* этой мысли. Только в этом отношении его следует признать оригинальным, но зато уже тут оригинальность его доходит до... до геркулесовых столбов.

Для того, чтобы соединить всеобщий производительный труд с всеобщим обучением, необходимо, очевидно, возложить на *всех* обязанность принимать участие в производительном труде. Казалось бы, что это само собою ясно?— Оказывается, однако, что нет. Наш «народник» решает этот вопрос так, что обязанность физического труда действительно должна быть установлена как общий принцип, *но вовсе не для всех, а только для несостоятельных.*

Читатель подумает, может быть, что мы шутим! Ей-богу, нет.

«Чисто городские гимназии для состоятельных людей, готовых деньгами оплатить полную цену образования, могли бы удержать нынешний тип» (229). На стр. 231-ой «состоятельные» вообще прямо включены в число тех «категорий населения», которые не привлекаются к обязательному образованию в «земледельческих гимназиях». Обязательный производительный труд является, следовательно, у нашего народника не условием всеобщего и всестороннего человеческого развития, а просто платой за обучение в гимназии. Именно так. В самом начале своей статьи г. Южаков рассматривает вопрос о зимних рабочих, необходимых для земледельческой гимназии. Всего «логичнее» кажется ему такой способ обеспечения гимназии зимними рабочими. Ученики младших классов не работают и, следовательно, безвозмездно пользуются содержанием и учением, не платя ничего за затраты на это со стороны гимназии. «Если же это так, то не является ли его прямою обязанностью отработать эти затраты по окончании курса? Эта обязанность, тщательно соображенная и твердо установленная для всякого, *кто не может уплатить стоимости учения*, доставит гимназическому хозяйству необходимый контингент зимних рабочих и дополнительный контингент летних... Теоретически это очень просто, удобопонятно и вполне неоспоримо» (205, курсив наш). Помилуйте, что может быть «проще» этого? Есть деньги, так заплати, а нет денег, так работай! — всякий лавочник согласится, что это в высшей степени «удобопонятно». И притом, как это замечательно практично! — Только... только при чем же тут «утопия»? И зачем пачкает г. Южаков подобными планами ту великую основную мысль, которую он хотел положить в основу своей утопии?

Отработки несостоятельных учеников — основание всего плана г-на Южакова. Он допускает, правда, и другой способ приобретения зимних рабочих — наем *), но отодвигает его на

*) «Гимназическое хозяйство, руководимое опытным и ученым хозяином, снабженное всеми усовершенствованиями и обладающее контингентом искусных образованных рабочих, должно быть доходным хозяйством и должно оправдать наем необходимого контингента рабочих, из которых некоторые заслуженные (sic!) могли бы приобщаться к доходам. В некотором числе, вероятно, и пришлось бы это практиковать, особенно относительно безземельных, окончивших курс в этой же гимназии» (204).

второй план. Отработки же обязательны на три года (а в случае надобности и на четыре) для всех, не поступающих в военную службу, т.-е. для $^2/_3$ учеников и для всех девушек. «Только эта система, — прямо заявляет г. Южаков, — дает ключ к разрешению задачи всенародного образования, и не начального даже, а среднего» (207 — 8). «Небольшой контингент постоянных рабочих, совсем оставшихся при гимназии и к ней приобщившихся (!?), дополняет эти рабочие силы гимназического хозяйства. Таковы возможные и отнюдь не утопические рабочие силы нашей земледельческой гимназии» (208). Ну, разумеется, и другие работы — мало ли по хозяйству? — они же сделают: «Дополнительный персонал при поварах и прачках, а равно письмоводители легко могут быть выбраны из состава трехгодичных рабочих, окончивших гимназию» (209). Гимназии нужны будут и мастера: портные, сапожники, столяры и пр. Конечно, можно будет «давать им помощников из отбывающих трехгодичную отработку» (210).

Что же будут получать за свой труд эти батраки (или земледельческие гимназисты? не знаю уж право, как и назвать их)? Они будут получать все необходимое для жизни, «обильное и вкусное пропитание». Г. Южаков точно рассчитывает все это, кладя нормы продуктов, «обыкновенно отпускаемых сельскому рабочему». Правда, он «не предполагает кормить гимназию таким способом» (210), но все-таки оставляет эти нормы, ибо ведь гимназисты соберут еще со своей земли картофеля, гороха, чечевицы, посеют себе конопли и подсолнечника для постного масла, затем будут получать мяса в скоромные дни по полуфунту и молока по 2 стакана. Не думайте, читатель, чтоб г. Южаков это лишь слегка затронул, лишь для примера перечислил. Нет, он все рассчитал подробно — и количество телят, годовалых и двухлеток, и содержание больных, и корм для птиц. Он не забыл ни помоев с кухни, ни требухи, ни шелухи от овощей (212). У него ничего не пропущено. Затем одежду и обувь можно в гимназии сделать собственными средствами. «Но бумажной материи для белья носильного, постельного и столового и для летней одежды, более плотной материи для зимнего платья и мех, хотя бы овечий, для верхнего зимнего платья нужно, конечно, купить. Конечно, весь персонал педагогов и служащих с семействами сам себя должен обеспечивать материалом, хотя и можно предоставить пользоваться мастерскими. Собственно же для учащихся и для 3-годичных рабочих этот расход, не скупясь, можно определить рублей в 50 в год или около 60.000 руб. на все заведение ежегодно» (213).

Мы положительно начинаем умиляться от практичности нашего народника. Представьте только себе: «мы», «общество», вводим такую грандиозную организацию труда, даем народу всеобщее среднее образование, и все это без всяких затрат, и с какими

громадными моральными приобретениями! Какой прекрасный урок будет дан «нашим» теперешним сельским рабочим, которые при всей своей невежественности, дерзости и дикости не соглашаются работать дешевле 61 рубля в год на хозяйском содержании *),— когда они увидят, как образованные батраки из гимназии будут работать за 50 рублей в год! Можно быть уверенным, что даже сама Коробочка согласится теперь с г. Южаковым, что теоретические основания его плана чрезвычайно «удобопонятны».

V.

Как же будет вестись хозяйство гимназий и управление ими? Хозяйство будет, как мы уже видели, смешанное: отчасти натуральное, отчасти денежное. Г. Южаков дает, разумеется, весьма подробные указания по этому важному вопросу. На стр. 216-ой он с точностью, по статьям, рассчитывает, что каждой гимназии понадобится денег 160—170 тыс. р., так что для всех 15—20 тысяч гимназий — эдак до трех миллионов рублей. Ну, разумеется, продавать будут земледельческие продукты и за них деньги выручать. Наш автор так предусмотрителен, что принимает при этом во внимание общие условия современного товарно-капиталистического хозяйства: «Гимназии, расположенные под городом или вблизи жел.-дор. станций, на линиях, не удаленных от крупных центров, должны бы получить совершенно другой тип. Огородничество, садоводство, молочное хозяйство и ремесла здесь могут вполне заменить полеводство» (228). Торговля, значит, будет уже не шуточная. Кто будет ею заниматься — автор не сообщает. Надо полагать, что педагогические советы гимназии сделаются отчасти и коммерческими советами. — Скептики, пожалуй, пожелали бы знать, как быть в случаях банкротства гимназий и сумеют ли вообще вести они торговое дело? — Но, разумеется, это были бы неосновательные придирки: если теперь необразованные купцы ведут торговлю, то можно ли сомневаться в успехе, когда за это дело возьмутся представители нашего интеллигентного общества?

Для хозяйства гимназиям понадобится, натурально, земля. Г. Южаков пишет: «Думаю..., что если бы этой мысли суждено было получить практическое испытание, то для опыта первые такие земледельческие гимназии должны бы были получить надел от 6 до 7 тыс. дес.» (228). На 109 милл. населения — 20.000 гимназий — потребовалось бы ок. 100 милл. десятин, но ведь не надо забывать, что земледельческим трудом заняты лишь 80 милл. «Только их дети и должны быть проводимы чрез земледельческие гимназии».

*) По данным д-та земледелия и сельской промышленности, средняя для Европейской России заработная плата годовому сельскому рабочему составляет 61 р. 29 к. (за 10 лет 1881—91), да содержание — 46 рублей.

А потом еще ок. 8 милл. надо выкинуть на разные категории населения *), — останется 72 милл. Для них надо только 60—72 милл. дес. «И это, конечно, много» (231), но г. Южаков не смущается. У казны ведь тоже много земли, только расположенной не совсем удобно. «Так, в северном Полесье их расположено 127,6 милл. дес., и здесь, особенно усвоив систему обмена, где нужно, частных и даже крестьянских земель на казенные, с целью предоставить первые школам, вероятно, было бы не трудно даром обеспечить землею наши земледельческие гимназии. Так же хорошо обстоит дело»... на юго-востоке (231). Гм... «хорошо»! отправить их, значит, в Архангельскую губернию! — Правда, до сих пор она служила больше местом ссылки, и казенные леса там в громадном большинстве даже не устроены», — но это ничего не значит. Как только отправят туда гимназистов с просвещенными преподавателями, они все эти леса вырубят, землю расчистят и насадят культуру!

А в центральной области можно устроить выкуп земли: не больше ведь миллионов 80-ти десятин. Выпустить «гарантированные облигации», а платежи по ним, само собою разумеется, разложить «на гимназии, получившие даровой надел» (232) — и дело в шляпе! Г. Южаков уверяет, что нечего пугаться «грандиозности финансовой операции. Она не представляется химерою и утопией» (232). Это будет «в сущности отлично обеспеченная ипотека». Чего уж не обеспеченная! Только еще раз при чем же тут «утопия»? И неужели г. Южаков серьезно считает наших крестьян настолько уж забитыми и неразвитыми, чтобы получить от них согласие на подобный план?? И выкупные платежи извольте платить за землю, и «платежи по займу для первоначального обзаведения» **), и содержать извольте всю гимназию, и жалованье платите всем преподавателям, а в довершение всего извольте-ка еще за все это (т.-е. за то, что за плату наняли преподавателей?) отработать по три годика! Не слишком ли уж жирно будет, просвещенный г. «народник»? Подумали ли вы, перепечатывая в 1897 году свое творение, появившееся в журнале «Р. Богатство» в 1895 году, —

*) Вот полный список этих категорий счастливцев, освобождаемых от земледельческих гимназий: «состоятельные, исправляемые, магометанские девочки, мелкие инородцы, фанатические сектанты, слепые, глухонемые, идиоты, сумасшедшие, хроники, заразные, преступники» (231). Когда мы прочли этот список, наше сердце болезненно сжалось: господи, подумали мы, удастся ли хоть присных своих зачислить в число освобожденных! — По первой категории? — финансов, пожалуй, не хватит! Ну, еще женский пол авось удастся хитростью причислить к магометанским девочкам, а мужской-то как? Одна надежда на 3-ью категорию. Сотрудник г-на Южакова по журналу, г. Михайловский, зачислил уже, как известно, П. Б. Струве просто к инородцам, так авось уж он и нас всех соблаговолит зачислить хоть к «мелким инородцам» для освобождения наших присных от земледельческих гимназий!

**) Стр. 216. 10.000 р. с гимназии.

куда заводит вас свойственная всем народникам любовь к разным финансовым операциям и выкупам? Вспомните, читатель, что было обещано всенародное образование «без всяких затрат со стороны государства, земства и народа». И наш гениальный финансист, действительно, ни рубля не требует ни от государства, ни от земства. А от «народа»? Или, точнее говоря, от *несостоятельных крестьян?* *) На их деньги и земля покупается, и гимназии заводятся (ибо они платят проценты и погашения по употребленным на это капиталам), они же и преподавателям платят и все гимназии содержат. И еще отработки. Да за что же?—За то,—отвечает неумолимый финансист,—что в младших классах гимназисты за свое образование и содержание не платили (204). Но, во-1-х, к нерабочим возрастам отнесены только «приготовительные и два первые гимназические классы» (206), а дальше уже идут полу-рабочие. А, во-2-х, ведь содержат этих детей их же старшие братья, они же и преподавателям платят за обучение младших. Нет, г. Южаков, не только теперь, но и в Аракчеевские времена подобный план был бы совершенно *неосуществим,* ибо это действительно «утопия» *крепостническая.*

Что касается до управления гимназиями, то г. Южаков дает об этом очень мало сведений. Преподавательский персонал он, правда, с точностью перечислил и назначил всем им жалованье «сравнительно невысокое» (ибо готовая квартира, содержание детей, «половина расхода на одежду»)—вы думаете, может быть, по 50 руб. в год? Нет, несколько побольше: «директору, директрисе и главному агроному по 2.400, инспектору» и т. д. по чину глядя, спускаясь по иерархической лестнице до 200 рублей низшим служащим (214). Как видите, недурная карьера для тех представителей просвещенного общества, которые «предпочли» платную городскую школу земледельческой гимназии! Обратите внимание на эту «половину расхода на одежду», обеспеченную гг. преподавателям: по плану нашего народника, они будут пользоваться мастерскими (как мы уже видели), т.-е. отдавать «гимназистам» чинить и шить себе платье. Не правда ли, как заботлив г. Южаков... о гг. преподавателях? Впрочем, он и о «гимназистах» заботится,—так, как добрый хозяин заботится о скотине: ее надо накормить, напоить, поместить и... и случить. Не угодно ли:

«Если... будут разрешены браки между окончившими курс и оставшимися на три года при гимназии молодыми людьми..., то такое 3-хлетнее пребывание при гимназии будет далеко менее обременительно воинской повинности» (207). «Если будут разре-

---

*) Ибо состоятельные ведь исключаются. Г. Южаков сам подозревает, что «из числа и сельско-хозяйственных населений некоторый процент предпочтет отдавать своих детей в платные городские средние школы» (230). Еще бы не предпочесть!

шены браки»!!. Значит, могут и не разрешить? Но ведь для этого нужен новый закон, почтенный г. прогрессист, закон, *ограничивающий* гражданские права *крестьян*. Можно ли однако удивляться подобной «обмолвке» (?) г-на Южакова, если он во всей своей «утопии», среди подробнейшего разбора вопросов о жалованьи преподавателей, об отработках гимназистов и т. п., и не вспомнил ни разу, что не грех бы — в «утопии»-то по крайней мере — предоставить некоторые права по управлению «гимназией» и по ведению хозяйства самим «ученикам», которые ведь сами содержат все заведение и кончают ее 23 — 25 лет, что ведь это не только «гимназисты», но и *граждане*. Об этой мелочи совсем забыл наш народник! Зато вот вопрос об «учениках» дурного поведения он разработал тщательно. «Четвертый тип (гимназий) надо было бы создать для учащихся, удаляемых из обыкновенных гимназий за дурное поведение. Обязывая все молодое поколение пройти курс среднего образования, было бы нерационально освободить от него за дурное поведение. Для старших классов это могло бы явиться соблазном и поощрением к дурному поведению. (Ей-богу, так и напечатано, на стр. 229!!) Учреждение особых гимназий для удаленных за дурное поведение явилось бы логическим дополнением всей системы». Они назывались бы «исправительные гимназии» (230).

Не правда ли, как бесподобна эта «просветительная утопия» в русском вкусе с исправительными гимназиями для тех злодеев, которые пожалуй «соблазнились» бы перспективой «освободиться»... от просвещения!?

VI.

Читатели не забыли, быть может, один проект руководства промышленностью, справедливо охарактеризованный как возрождение меркантилизма, как проект «буржуазно-бюрократически-социалистической организации отечественной промышленности» (стр. 238) [34]). Для характеристики «плана» г-на Южакова приходится употребить еще более сложный термин. Приходится назвать этот план *крепостнически-бюрократически-буржуазно-социалистическим* экспериментом. Довольно-таки неуклюжий 4-хэтажный термин, а что прикажете делать? И план-то ведь неуклюжий. Зато этот термин *точно* передает все характерные черты «утопии» г-на Южакова. Начнем разбор с 4-го этажа. «Один из основных признаков *научного* понятия социализма — планомерное регулирование общественного производства» — справедливо говорит цитированный сейчас автор *). В «утопии» есть этот признак, ибо хозяйство десятков миллионов рабочих орга-

*) «Новое Слово». Апрель 1897 г. Вн. Обозр.

низуется наперед по одному общему плану. Буржуазный характер утопии не подлежит сомнению: во-1-х, средняя школа по «плану» г-на Южакова *остается классовой школой.* И это после всех тех пышных фраз, которые извергал г. Южаков «против» классовой школы в своей первой статье!! Для состоятельных — одна школа, для несостоятельных — другая; есть деньги — плати за учение, а нет — так работай. Мало того: для состоятельных оставлен, как мы видели, «нынешний тип». В нынешних средних школах, напр., м-ва нар. просв., плата за учение покрывает лишь 28,7% всей суммы расходов, 40,0% — дает казна; 21,8% — пособия от лиц, учреждений и обществ; 3% — проценты с капитала и 6,4% — прочие источники («Произв. силы», отд. XIX, с. 35). След., г. Южаков *еще усилил против нынешнего* классовый характер средней школы: по его «плану» состоятельные люди будут оплачивать лишь 28,7% стоимости своего учения, а несостоятельные — *всю* стоимость своего учения, да еще отработки в придачу! Недурно для «народнической» утопии? Во-2-х, в плане предположен наем гимназией зимних рабочих — особенно из безземельных крестьян. В-3-х, оставлена противоположность между городом и деревней — это основание общественного разделения труда. Раз г. Южаков вводит планомерную организацию общественного труда, раз он пишет «утопию» о соединении обучения с производительным трудом, — сохранение этой противоположности есть абсурд, показывающий, что наш автор понятия не имеет о том предмете, который берется рассматривать. Не только «учителя» теперешних учеников писали против этого абсурда, но и старые утописты, и даже наш русский великий утопист [35]. Г-ну Южакову до этого дела нет! В-4-х, — и это самое глубокое основание, чтобы назвать «утопию» буржуазной, — в ней оставлено *рядом* с попыткой планомерной организации общественного производства и товарное производство. Гимназии производят продукты *на рынок.* Следовательно, общественным производством будут управлять законы рынка, которым должны будут подчиняться и «гимназии»! Г-ну Южакову до этого дела нет! И с чего вы взяли — скажет он, пожалуй, — что управлять производством будут какие-то законы рынка? Пустяки все это! Управлять производством будут не законы рынка, а распоряжения гг. директоров земледельческих гимназий. Voilà tout *). — О чисто бюрократическом устройстве утопических гимназий г-на Южакова мы уже говорили. «Просветительная Утопия», позволительно надеяться, сослужит полезную службу для читающей русской публики, показывая ей, насколько глубок «демократизм» современных народников. — Крепостнической чертой в «плане» г-на Южакова являются отработки несостоятельных за учение. Если бы проект подоб-

*) — вот и все. *Ред.*

ного рода писал последовательный буржуа, то у него ни 1-го, ни 2-го этажа не было бы, и проект был бы неизмеримо выше и неизмеримо полезнее подобной народнической утопии. Отработки — хозяйственная сущность крепостного строя. В капиталистическом строе несостоятельный человек должен продать свою рабочую силу, чтобы купить средства к жизни. В крепостном строе несостоятельный должен отработать те средства к жизни, которые он получил от помещика. Отработки необходимо требуют принуждения к работе, неполноправности отработчика, того, что̀ автор «Капитала» назвал «aussergökonomischer Zwang» *) (III, 2, 234). Поэтому и в России, поскольку сохранились и сохраняются отработки, — необходимым дополнением их является гражданская неполноправность крестьянина, прикрепление к земле, телесные наказания, право отдачи в работу. Г. Южаков этой связи между отработками и неполноправностью не понимает, но чутье «практичного» человека подсказало ему, что при отработках гимназистов не мешает ввести исправительные гимназии для тех, кто дерзнул бы уклониться от просвящения; что великовозрастные «гимназисты»-рабочие должны остаться на положении мальчишек-учеников.

И спрашивается, зачем понадобились нашему утописту три первые этажа его творения? Оставил бы один четвертый этаж, — тогда никто не мог бы возразить ни единого слова, ибо человек сам же прямо и наперед сказал, что пишет «утопию»! Но вот тут-то его Kleinbürger'ская природа и выдала. С одной стороны, и «утопия» — хорошая вещь, а с другой стороны, и преподавательские гонорары для госпожи интеллигенции — тоже недурная вещь. С одной стороны — «без всяких затрат для народа», а с другой стороны — нет, ты, братец мой, процентики-то да погашение целиком уплати, да вот еще отработай три годика. С одной стороны — напыщенные декламации об опасности и вреде классового дробления, а с другой стороны — чисто классовая «утопия». В этих вечных колебаниях между старым и новым, в этих курьезных претензиях перепрыгнуть через собственную голову, т.-е. стать выше всяких классов, и состоит сущность всякого Kleinbürger'ского миросозерцания.

* *
*

Знакомы ли вы, читатель, с произведением г-на Сергея Шарапова: «Русский сельский хозяин. Несколько мыслей об устройстве хозяйства в России на новых началах» (Бесплатное приложение к журналу «Север» за 1894 г.), Спб. 1894 г. Сотрудникам «Р. Богатства» вообще и г-ну Южакову в частности мы бы очень рекомендовали познакомиться с ней. Первая глава ее

*) — внеэкономическое принуждение. *Ред.*

озаглавлена: «Нравственные условия русского хозяйства». Автор разжевывает здесь очень близко стоящие к «народничеству» идеи о коренном отличии России от Запада, о преобладании на Западе голого коммерческого расчета, об отсутствии всяких нравственных вопросов для тамошних хозяев и рабочих. Наоборот, в России благодаря наделению крестьян землею в 1861 г. «для их существования определилась совсем иная цель, чем на Западе» (8). «У нашего крестьянина, получившего землю, явилась самостоятельная цель бытия». Ну, одним словом, было санкционировано народное производство, — как выразился гораздо рельефнее г. Николай —он. Помещик у нас, — продолжает развивать свою мысль г. Шарапов, — заинтересован в благосостоянии крестьянина, ибо этот же крестьянин своим инвентарем обрабатывает помещичьи земли. «В его (помещика) расчеты, кроме соображений частной выгодности предприятия, входит и *элемент нравственный, вернее психологический*» (12. Курс. авт.). И г. Шарапов с пафосом (который не уступил бы пафосу г-на Южакова) говорит о невозможности у нас капитализма. У нас возможен и нужен вместо капитализма «союз барина и мужика» (заглавие II-й главы книги г. Шарапова). «Хозяйство должно быть построено на тесной солидарности барина и мужика» (25): барин должен насаждать культуру, а мужик... ну, мужик, конечно, должен работать! И вот он, г. Сергей Шарапов, «после долгих и мучительных ошибок», осуществил наконец в своем имении «упомянутое единение барина и мужика» (26). Он ввел рациональный севооборот и пр. и пр., а с крестьянами заключил такой договор: крестьяне получают от помещика луга, выгон и пашню плюс семена на столько-то десятин и т. п. Обязуются же крестьяне сделать все работы по хозяйству помещика (вывезти навоз, рассыпать фосфорит, вспахать, посеять, убрать, свезти «в мой амбар», обмолотить и пр. и пр. столько-то десятин каждого хлеба) и затем еще уплатить сначала 600 р., затем 800, 850, 1.100, наконец 1.200 рублей (т.-е. прибавка ежегодно). Платеж этих денег рассрочен... применительно к взносам процентов в Дворянский Банк (36 и сл.). Автор, само собою разумеется, «убежденный сторонник сельской общины» (37). Мы говорим: «разумеется», ибо при отсутствии законов о прикреплении крестьян к наделу и о сословной замкнутости крестьянской общины подобные типы хозяйства были бы невозможны. Обеспечение платежей от крестьян состоит у г-на Шарапова «в неразрешении без своего участия продажи готовых продуктов, вследствие чего является неизбежным ссыпать и складывать все это в своем амбаре» (36). Так как платежи от бедноты было бы крайне трудно получать, то г. Шарапов устроил так, что он получает их от богатых крестьян: эти богатые крестьяне сами подбирают себе группу слабосильных, становятся во главе этой артели (38) и вносят помещику деньги беспрекословно,

потому что с бедняка они всегда получат при продаже продуктов (39). «Для многих бедняков, особенно малосемейных, очень тяжело работать мою работу. Им приходится очень и очень напрягаться, но уклониться нельзя, крестьяне не примут в стадо скота уклонившегося домохозяина. Я тоже не приму, этим меня обязывают крестьяне, и бедняк волей-неволей работает. Это, конечно, насилие своего рода, но знаете, что получается в результате? Год или два аренды — и у бедняка казенные недоимки заплачены, вещи из заклада выкуплены, являются свободные деньжонки, перестраивается хата... глядь! уж он вышел из бедности» (39). И г. Шарапов «с гордостью указывает», что «его» крестьяне (он не раз говорит «мои крестьяне») процветают, что он насаждает культуру, вводит и клевер, и фосфорит, и т. п., тогда «как крестьяне сами ничего не сделают» (35). «Все работы должны при этом производиться по моему распоряжению и указанию. Я выбираю дни посева, вывозки навоза, покоса. Все лето у нас почти восстановляется крепостное право, кроме, конечно, зуботычин и экзекуций на конюшне» (стр. 29).

Как видите, прямодушный хозяин г. Шарапов немножко откровеннее, чем просвещенный публицист г. Южаков. А велика ли разница между типами хозяйства в имении первого и в утопии второго? И там, и здесь вся суть в отработках; и там, и здесь мы видим — *принуждение* либо давлением распоряжающихся «общиной» богатеев, либо угрозой отдать в исправительную гимназию. — Читатель возразит, что г. Шарапов хозяйничает ради выгоды, а чиновники в утопии г-на Южакова хозяйничают из рвения к общему благу? — Извините. Г. Шарапов прямо говорит, что он хозяйничает из нравственных мотивов, что он отдает половину дохода крестьянам и т. д. — и мы не имеем ни права, ни основания верить ему меньше, чем г-ну Южакову, который ведь тоже обеспечил своих утопических преподавателей вовсе не утопическим «доходным местом». А если иной помещик последует совету г-на Южакова и отдаст свою землю под земледельческую гимназию, получая с «гимназистов» проценты для платежа в Дворянский Банк — («отлично обеспеченная ипотека», по словам самого г-на Южакова), — то разница совсем почти исчезнет. Остается, конечно, громадная разница в «вопросах просвещения», но скажите, бога ради, неужели и г. Сергей Шарапов не предпочел бы нанимать образованных батраков за 50 руб., чем необразованных за 60 руб.?

И вот, если г. Мануилов и теперь не понимает, почему русские (да и не одни русские) ученики считают необходимым, в интересах труда, поддерживать последовательных буржуа и последовательные буржуазные идеи *против* тех остатков старины, которые порождают хозяйства господ Шараповых и «утопии» господ Южаковых, — тогда, признаемся, нам трудно даже

объясняться с ним, ибо мы говорим, очевидно, на разных языках. Г. Мануилов рассуждает, должно быть, по знаменитому рецепту знаменитого г-на Михайловского: надо взять хорошее и оттуда и отсюда, — наподобие того, как гоголевская невеста хотела взять нос одного жениха и приставить к подбородку другого. А нам кажется, что подобное рассуждение есть лишь комичная претензия Kleinbürger'а подняться выше определенных классов, вполне сложившихся в нашей действительности и занявших вполне определенное место в процессе исторического развития, происходящем перед нашими глазами. «Утопии», естественно и неизбежно вырастающие из подобного рассуждения, уже не комичны, а вредны, особенно когда они ведут к до-нельзя разнузданным бюрократическим измышлениям. В России такое явление наблюдается, по вполне понятным причинам, особенно часто, но оно не ограничивается Россией. Недаром Антонио Лабриола в своей превосходной книге: «Essais sur la conception matérialiste de l'histoire» (Paris, Giard et Brière, 1897) *) говорит, имея в виду Пруссию, что к тем вредным формам утопий, с которыми боролись полвека тому назад «учителя», присоединилась теперь еще одна: «утопия бюрократическая и фискальная, утопия кретинов» (l'utopie bureaucratique et fiscale, l'utopie des crétins. Page 105, note)

VII.

В заключение вернемся еще раз к вопросам просвещения, — но не к книге г-на Южакова, носящей это заглавие. Было уже замечено, что заглавие это слишком широко, ибо вопросы просвещения вовсе не покрываются вопросами школы, просвещение вовсе не ограничивается школой. Если бы г. Южаков действительно ставил «вопросы просвещения» принципиально и разбирая отношения между различными классами, то он не мог бы обойти вопроса о роли капиталистического развития России в вопросе просвещения трудящихся масс. Этот вопрос затронул другой сотрудник «Рус. Богатства», г. Михайловский, в № 11 за 1897 г. [36]). По поводу слов г. Novus'а [37]), что Маркс не боялся, и с полным правом не боялся, писать об «идиотизме деревенской жизни», и видел заслугу капитализма и буржуазии «в разрушении этого идиотизма», г. Михайловский пишет:

«Я не знаю, где именно у Маркса написаны эти грубые (?) слова»... Характерное признание в незнакомстве с одним из важнейших произведений Маркса (именно «Манифестом»)! Но еще характернее дальнейшее: «...но давно известно, что если Александр

*) «Опыты материалистического понимания истории». Париж, изд. Жиар и Бриера, 1897. *Ред.*

Македонский был великий герой, то стульев все-таки ломать не следует. Маркс был вообще неразборчив в выражениях, и, конечно, подражать ему в этом отношении, по малой мере, не умно. Но и то я уверен (слушайте!), что приведенное выражение у Маркса простая бутада. И если поколение, вместе с г. Златовратским мучившееся над сложными вопросами деревенской жизни, приняло много напрасного горя, то горе — хотя и иное — и тому поколению, которое воспитается на презрительном отношении к «идиотизму деревенской жизни»»... (стр. 139).

В высшей степени характерно для г-на Михайловского, объявлявшего не раз, что он согласен с экономической доктриной Маркса, полное непонимание этой доктрины, позволяющее ему «уверенно» заявлять, что цитированные Novus'ом слова Маркса — результат простого увлечения, простой неразборчивости в выражениях, простая бутада! Нет, г. Михайловский, вы жестоко ошибаетесь. Эти слова Маркса — не бутада, а выражение одной из самых основных и самых важных черт всего его миросозерцания, и теоретического и практического. В этих словах ясно выражено признание *прогрессивности* того процесса отвлечения населения от земледелия к промышленности, от деревень к городам, который служит одним из характернейших признаков капиталистического развития, который наблюдается и на Западе, и в России. В статье: «К характеристике экономического романтизма» я говорил уже о том, какое важное значение имеет это воззрение Маркса, принятое всеми «учениками», как резко противоречит оно всем и всяческим романтическим теориям, начиная от старика Сисмонди и кончая г-ном Н. —оном. Там же было указано (стр. 81) *), что это воззрение вполне определенно выражено Марксом и в «Капитале» (I Band, 2-te Aufl., S. 527 — 8), а также Энгельсом в сочинении: «Положение рабочего класса в Англии». Можно добавить сюда и сочинение Маркса: «Der Achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte» (Hamb. 1885. Cf. S. 98 **)) ***). Оба эти писателя так подробно изложили свои взгляды по данному вопросу, так часто повторяли их по самым различным пово-

*) Стр. 86 — 87 настоящего тома. *Ред.*

**) «18 Брюмера Луи Бонапарта». Гамбург. 1885. Ср. стр. 98. *Ред.*

***) Г. Novus, конечно, не предполагал, что г. Михайловский настолько незнаком с сочинениями Маркса, а то бы он процитировал всю фразу последнего: Die Bourgeoisie hat das Land der Herrschaft der Stadt unterworfen. Sie hat enorme Städte geschaffen, sie hat die Zahl der städtischen Bevölkerung gegenüber der ländlichen in hohem Grade vermehrt und so einen bedeutenden Theil der Bevölkerung dem Idiotismus des Landlebens entrissen. (Буржуазия подчинила деревню господству города. Она вызвала к жизни огромные города, в высокой степени увеличила городское население, сравнительно с сельским, и освободила таким образом значительную часть населения от идиотизма деревенской жизни. — «Манифест Коммун. партии». *Ред.*)

дам, что только человеку, совершенно незнакомому с их учением, могла придти в голову идея объявить слово «идиотизм» в приведенной цитате просто «грубостью» и «бутадой». Наконец, г. Михайловский мог бы вспомнить также и тот факт, что все последователи этих писателей высказывались всегда по целому ряду практических вопросов в духе этого учения, защищая, напр., полную свободу передвижения, восставая против проектов наделить рабочего кусочком земли или собственным домиком и т. п.

Далее г. Михайловский в выписанной тираде обвиняет Novus'а и его единомышленников в том, что они будто бы воспитывают современное поколение «на презрительном отношении к идиотизму деревенской жизни». *Это неправда.* «Ученики» заслуживали бы, конечно, порицания, если бы «презрительно» относились к задавленному нуждой и темнотой жителю деревни, но ни у одного из них г. Михайловский не мог бы доказать подобного отношения. Говоря об «идиотизме деревенской жизни», ученики в то же время показывают, какой выход из этого положения открывает развитие капитализма. Повторим сказанное выше в статье об экономическом романтизме: «Если преобладание города необходимо, то только привлечение населения в города может парализовать (и действительно, как доказывает история, парализует) односторонний характер этого преобладания. Если город выделяет себя необходимо в привилегированное положение, то только приток деревенского населения в города, только это смешение и слияние земледельческого и неземледельческого населения может поднять сельское население из его беспомощности. Поэтому в ответ на реакционные жалобы и сетования романтиков новейшая теория указывает на то, как именно это сближение условий жизни земледельческого и неземледельческого населения создает условия для устранения противоположности между городом и деревней» *).

Это вовсе не презрительное отношение к «идиотизму деревенской жизни», а желание найти выход из него. Из таких воззрений следует только «презрительное отношение» к тем учениям, которые предлагают «искать путей для отечества» — вместо того, чтобы искать выхода в *данном* пути и его дальнейшем ходе.

Различие между народниками и «учениками» по вопросу о значении процесса отвлечения населения от земледелия к промышленности состоит не только в принципиальном теоретическом разногласии и в различной оценке фактов русской истории и действительности, но и в разрешении *практических вопросов,* связанных с этим процессом. «Ученики», естественно, настаивают на необходимости отмены всех устаревших стеснений передвижения

*) Стр. 86 настоящего тома. *Ред.*

и переселения крестьян из деревень в города, а народники либо прямо защищают эти стеснения, либо осторожно обходят вопрос об них (что на практике сводится к такой же защите). Г. Мануилов мог бы и на этом примере уяснить себе то удивительное для него обстоятельство, что «ученики» выражают солидарность с представителями буржуазии. Последовательный буржуа всегда будет стоять за отмену указанных стеснений передвижения, а для рабочего — этой отмены требует самый насущный интерес его. Следовательно, солидарность между ними вполне естественна и неизбежна. Наоборот, аграриям (крупным и мелким, до хозяйственных мужичков включительно) невыгоден этот процесс отвлечения населения к промышленности, и они усердно стараются задержать его, споспешествуемые теориями гг. народников.

Заключаем: по крупнейшему вопросу об отвлечении капитализмом населения от земледелия г. Михайловский выказал полное непонимание учений Маркса, а соответствующее разногласие русских «учеников» и народников как по теоретическим, так и по практическим пунктам он обошел ничего не говорящими фразами.

ОТ КАКОГО НАСЛЕДСТВА МЫ ОТКАЗЫВАЕМСЯ?

Написано в конце 1897 г. [38]
Напечатано в 1899 г. в сборнике: Владимир Ильин — «Экономические этюды и статьи»

Печатается по тексту сборника

В № 10 «Русского Богатства» за 1897 год г. Михайловский пишет [39]), пересказывая отзыв г-на Минского о «диалектических материалистах»: «ему (г-ну Минскому) должно быть известно, что эти люди не желают состоять ни в какой преемственной связи с прошлым и решительно отказываются от наследства» (стр. 179), т.-е. от «наследства 60—70 годов», от которого торжественно отказывался в 1891 г. г-н В. Розанов в «Московских Ведомостях» (стр. 178) [40]).

В этом отзыве г-на Михайловского о «русских учениках» масса фальши. Правда, г. Михайловский — не единственный и не самостоятельный автор этой фальши об «отказе русских учеников от наследства», — ее повторяют уже давно чуть ли не все представители либерально-народнической прессы, воюя против «учеников». В начале своей ярой войны с «учениками» г. Михайловский, сколько помнится, еще не додумался до этой фальши, и ее раньше него придумали другие. Потом он счел нужным подхватить и ее. Чем дальше развивали свои воззрения в русской литературе «ученики», чем подробнее и обстоятельнее высказывались они по целому ряду и теоретических, и практических вопросов, — тем реже можно было встретить во враждебной прессе возражение по существу против основных пунктов нового направления, против взгляда на прогрессивность русского капитализма, на вздорность народнической идеализации мелкого производителя, на необходимость искать объяснения течениям общественной мысли и юридико-политическим учреждениям в материальных интересах различных классов русского общества. Эти основные пункты замалчивались, о них предпочитали и предпочитают не говорить, — но зато тем больше сочинялось выдумок, долженствующих дискредитировать новое направление. К числу таких выдумок, «плохих выдумок», относится и эта ходячая фраза об «отказе русских учеников от наследства», о разрыве их с лучшими традициями лучшей, передовой части русского общества, о перерыве ими демократической нити и т. п., и т. д., и как там еще это ни выражалось. Чрезвычайная распространенность

подобных фраз побуждает нас остановиться на подробном рассмотрении и опровержении их. Чтобы наше изложение не показалось голословным, — мы начнем с одной историко-литературной параллели между двумя «публицистами деревни», взятыми для характеристики «наследства». Оговариваемся, что мы ограничиваемся исключительно вопросами экономическими и публицистическими, рассматривая из всего «наследства» только эти вопросы и оставляя в стороне вопросы философские, литературные, эстетические и т. п.

I.

ОДИН ИЗ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ «НАСЛЕДСТВА».

Тридцать лет тому назад, в 1867-м году, в журнале: «Отеч. Записки» начали печататься публицистические очерки Скалдина под заглавием: «В захолустьи и в столице». Очерки эти печатались в течение трех лет, 1867 — 1869. В 1870-м году автор собрал их вместе и издал отдельной книгой под тем же заглавием *). Ознакомление с этой книгой, почти совсем забытой в настоящее время, чрезвычайно поучительно по интересующему нас вопросу, т.-е. по вопросу об отношении представителей «наследства» к народникам и к «русским ученикам». Заглавие книги неточно. Автор сам заметил это и объясняет в предисловии к своей книге, что его тема — отношение «столицы» к «деревне», т.-е. публицистические очерки деревни, и что особо о столице он говорить не намерен. Т.-е. пожалуй и был бы намерен, да находит это неудобным: ὡς δύναμαι — οὐ βούλομαι, ὡς δὲ βούλομαι — οὐ δύναμαι (так, как я мог бы, я не хочу, а так, как хотел бы, не могу) — цитирует Скалдин, в пояснение этого неудобства, выражение одного греческого писателя.

Дадим вкратце изложение взглядов Скалдина.

Начнем с крестьянской реформы, — этого исходного пункта, к которому неизбежно должен восходить и по сю пору каждый, желающий изложить свои общие воззрения по экономическим и публицистическим вопросам. В книге Скалдина крестьянской реформе уделено очень много места. Скалдин был едва ли не первым писателем, систематически, на основании обширных фактов и подробного рассмотрения всей жизни деревни, показавшим бедственное положение крестьян *после* проведения реформы, ухудшение их быта, новые формы их экономической, юридиче-

---

*) *Скалдин.* «В захолустьи и в столице», Спб. 1870 (стр. 451). Мы не имели возможности достать «Отеч. Зап.» за указанные годы и пользовались только этой книгой.

ской и бытовой зависимости, — одним словом, показавшим все то, что с тех пор так обстоятельно и детально было показано и доказано многочисленными исследованиями и описаниями. Теперь все эти истины — не новость. Тогда — они были не только новы, но и возбуждали недоверие в либеральном обществе, которое боялось, не скрывается ли за этими указаниями на т.-наз. «недостатки реформы» осуждения ее и скрытого крепостничества. Интерес воззрений Скалдина усиливается еще тем, что автор был современником реформы (а, может быть, даже и участником ее. Мы не имеем в своем распоряжении никаких историко-литературных сведений и биографических данных о Скалдине). Его воззрения основаны, следовательно, на непосредственном наблюдении и тогдашней «столицы», и тогдашней «деревни», а не на кабинетном изучении книжного матерьяла.

В воззрениях Скалдина на крестьянскую реформу прежде всего обращает внимание современного читателя, привыкшего к народническим слащавым россказням на эту тему, чрезвычайная *трезвость* автора. Скалдин смотрит на реформу без всяких самообольщений, без всякой идеализации, смотрит как на сделку между двумя сторонами, помещиками и крестьянами, которые пользовались до сих пор сообща землею на известных условиях, и теперь вот разделились, причем с этим разделом изменилось и юридическое положение обеих сторон. Фактором, определившим способ этого раздела и величину доли, полученной каждою стороною, были интересы сторон. Эти интересы определяли стремления обеих сторон, а возможность для одной стороны принимать непосредственное участие в самой реформе и в практическом развитии различных вопросов ее осуществления определила, между прочим, преобладание одной стороны. Именно таково понимание реформы у Скалдина. На главном вопросе реформы, наделах и платежах, Скалдин останавливается особенно подробно, возвращаясь к ним неоднократно в своих очерках. (Книга Скалдина разделяется на 11 очерков, которые имеют самостоятельное содержание, напоминая по форме отдельные письма из деревни. Первый очерк помечен 1866-ым годом, последний — 1869-ым.) О так называемых «малоземельных» крестьянах в книге Скалдина, разумеется, нет ничего нового для современного читателя, но для конца 60-х годов его доказательства были и новы, и ценны. Мы не станем, конечно, повторять их, и отметим лишь особенность той характеристики явления, которую дает Скалдин, — особенность, выгодно отличающую его от народников. Скалдин говорит не о «малоземельи», а о «слишком значительной отрезке от крестьянских наделов» (стр. 213, то же 214 и мн. др.; ср. заглавие III-го очерка), о том, что высшие наделы, определенные положениями, оказались ниже действительных наделов (стр. 257), приводя, между прочим, чрезвычайно характерные и типичные

отзывы крестьян об этой стороне реформы *). Разъяснения и доказательства этого факта у Скалдина чрезвычайно обстоятельны, сильны и даже резки для писателя вообще чрезвычайно умеренного, трезвого и по общим своим воззрениям, несомненно, буржуазного. Значит, сильно бросилось в глаза это явление, если даже такой писатель, как Скалдин, говорит об этом так энергично. О тяжести платежей Скалдин говорит тоже чрезвычайно энергично и обстоятельно, доказывая свои положения массою фактов. «Непомерные налоги» — читаем в подзаголовке II-го очерка (1867) — «суть главная причина их (крестьян) бедности», и Скалдин показывает, что налоги выше дохода крестьян от земли, приводит из «Трудов податной комиссии» данные о распределении русских налогов на взимаемые с высших и с низших классов, причем, оказывается, на последние классы падает 76% всех налогов, а на первые — 17%, тогда как в Западной Европе отношения везде несравненно благоприятнее для низших классов. В подзаголовке VII-го очерка (1868) читаем: «Чрезмерные денежные повинности составляют одну из главных причин бедности крестьян», и автор показывает, как новые условия жизни сразу потребовали от крестьянина денег, денег и денег, как в «Положении» было принято за правило вознаграждать помещиков и за крепостное право (252), как высота оброка определена была «из подлинных сведений помещиков, их управляющих и старост, т.-е. из данных совершенно произвольных и не представлявших ни малейшей достоверности» (255), вследствие чего средние оброки, выведенные комиссиями, оказались выше действительных средних оброков. «К тягости оброков прибавилась для крестьян еще потеря земли, которою они пользовались века» (258). «Если бы оценка земли для выкупа сделана была не по капитализации оброка, а по ее действительной стоимости в эпоху освобождения, то выкуп мог бы совершиться весьма легко и не потребовал бы даже содействия правительства, ни выпуска кредитных бумаг» (264). «Выкуп, долженствовавший, по мысли Положения 19-го февраля, облегчить крестьян и завершить собою дело улучшения их быта, в действительности нередко обращается еще к большему их стеснению» (269). Мы приводим все эти выписки — сами по себе мало интересные и отчасти устаревшие, — чтобы показать, с какой энергией высказывался за интересы крестьян писатель, враждебно относящийся к общине и высказавшийся по целому ряду вопросов как настоящий манчестерец. Весьма поучительно отметить полное совпа-

*) «Землю-то нашу *он* (курсив автора) так обрезал, что нам без этой отрезной земли жить нельзя; со всех сторон окружил нас своими полями, так что нам скотины выгнать некуда; вот и плати ты за надел особо, да за обрезную землю еще особо, сколько потребует». «Какое же это улучшение быта!» — говорил мне один грамотный и бывалый мужик из прежних оброчных, — «оброк-то на нас оставили прежний, а землю обрезали».

дение почти всех полезных и нереакционных положений народничества с положениями этого манчестерца. Само собою разумеется, что при таких взглядах Скалдина на реформу он никак не мог предаваться той сладенькой идеализации ее, которой предавались и предаются народники, говоря, что она санкционировала народное производство, что она была выше западно-европейских крестьянских реформ, что она сделала из России как бы tabula rasa *) и т. д. Скалдин не только ничего подобного не говорил и не мог говорить, но даже прямо говорил, что у нас крестьянская реформа состоялась на условиях менее выгодных для крестьян, что она принесла меньше пользы, чем на Западе. «Вопрос будет поставлен прямо», — писал Скалдин, — «если мы спросим себя: почему благие последствия освобождения не обнаруживаются у нас с такою же быстротою и прогрессивным возрастанием, как обнаружились они, напр., в Пруссии и Саксонии в первой четверти нынешнего столетия?» (221). «В Пруссии, как и во всей Германии, выкупались не наделы крестьян, давно уже признанные законом их собственностию, но крестьянские обязательные повинности помещикам» (272).

От экономической стороны реформы в оценке Скалдина перейдем к юридической. Скалдин — ярый враг круговой поруки, паспортной системы и патриархальной власти «мира» в крестьянстве (и мещанского общества) над их членами. В III-м очерке (1867) он настаивает на отмене круговой поруки, подушной подати и паспортной системы, на необходимости уравнительного поимущественного налога, на замене паспортов бесплатными и бессрочными свидетельствами. «Налога на паспорты внутри отечества не существует ни в одном другом цивилизованном государстве» (109). Известно, что этот налог отменен лишь в 1897 году. В заглавии IV-го очерка читаем: «произвол сельских обществ и градских дум при высылке паспортов и взимании налогов с отсутствующих плательщиков»... «Круговая порука, это — тяжелое ярмо, которое должны тянуть исправные и домовитые хозяева для гуляк и лентяев» (126). Замечавшееся уже и тогда разложение крестьянства Скалдин хочет объяснить личными качествами поднимающихся и опускающихся. — Автор описывает подробно те затруднения, с которыми крестьяне, живущие в С.-Петербурге, получают паспорты и отсрочивают их, и отвергает возражение тех, которые скажут: «слава богу, что вся эта масса безземельных крестьян не приписалась к городам, не увеличила собою количества городских жителей, не имеющих недвижимой собственности» (130)... «Варварская круговая порука»... (131)... «Спрашивается, можно ли назвать граждански свободными людей, поставленных в подобное положение? Не

*) — чистое место. *Ред.*

те же ли это — glebae adscripti *)?» (132). Винят крестьянскую реформу. «Но разве крестьянская реформа виновна в том, что законодательство, освободив крестьянина от крепости помещику, не придумало ничего для избавления его от крепости обществу и месту приписки... Где же признаки гражданской свободы, когда крестьянин не может располагать ни своим местопребыванием, ни родом своих занятий?» (132). Нашего крестьянина Скалдин в высшей степени верно и метко называет «оседлым пролетарием» (231) **). В заглавии очерка VIII-го (1868 г.) читаем: «прикрепление крестьян к их обществам и наделам препятствует улучшению их быта... Препятствие к развитию отхожих промыслов». «После невежества крестьян и подавленности их прогрессивно возрастающими налогами, одною из причин, задерживающих развитие крестьянского труда и, следовательно, крестьянского благосостояния, служит прикрепление крестьян к их обществам и наделам. Привязывать рабочие руки к одному месту и оковывать поземельную общину нерасторжимыми узами — это есть условие само по себе уже крайне невыгодное для развития труда, личной предприимчивости и мелкой поземельной собственности» (284). «Крестьяне, прикованные к своим наделам и обществам, лишенные возможности употреблять свой труд там, где он оказывается производительнее и для них выгоднее, как бы застыли в той скученной, стадообразной, непроизводительной форме быта, в которой они вышли из рук крепостного права» (285). Автор смотрит, след., на эти вопросы крестьянского быта с чисто буржуазной точки зрения, но, несмотря на это (вернее: именно благодаря этому), он чрезвычайно правильно оценивает вред прикрепления крестьян для всего общественного развития и для самих крестьян. С особенной силой (добавим от себя) вред этот сказывается на самых низших группах крестьянства, на сельском пролетариате. Очень метко говорит Скалдин: «превосходна заботливость закона о том, чтобы крестьяне не остались безземельны; но не надобно забывать, что у самих крестьян заботливость о том же предмете несравненно сильнее, чем у какого бы то ни было законодателя» (286). «Кроме прикрепления крестьян к их наделам и обществам, даже временные отлучки их для заработков сопряжены для них со множеством стеснений и расходов, вслед-

*) В древнем Риме крестьяне, приписанные к наделам, от которых они не могли уходить, как бы эти наделы ни были убыточны. *Ред.*

**) Скалдин очень подробно показал правильность не только первой, но и второй части этого определения (пролетарий). Он много места в своих очерках уделил описанию зависимого положения крестьян и их нищеты, описанию тяжелого положения батраков, «описанию голода 1868 г.» (заглавие очерка V) и всяческих форм кабалы и принижения крестьянина. И в 60-х годах были, как и в 90-х, люди, замалчивавшие и отрицавшие голод. Скалдин горячо восстает против них. Разумеется, было бы лишним приводить подробные выписки по этому предмету.

ствие круговой поруки и паспортной системы» (298). «Для множества крестьян был бы, по моему мнению, открыт выход из теперешнего затруднительного положения, если бы были приняты... меры, облегчающие крестьянам отказ от земли» (294). Здесь Скалдин выражает пожелание, резко противоречащее народническим проектам, которые все сводятся к обратному: к закреплению общины, неотчуждаемости наделов и т. п. Многочисленные факты вполне доказали с тех пор, что Скалдин был вполне прав: охранение прикрепления крестьян к земле и сословной замкнутости крестьянской общины только ухудшает положение сельского пролетариата и задерживает экономическое развитие страны, не будучи нисколько в силах защитить «оседлого пролетария» от худших видов кабалы и зависимости, от самого низкого падения заработной платы и жизненного уровня.

Из вышеприведенных выписок читатель мог уже заметить, что Скалдин — враг общины. Он восстает против общины и переделов с точки зрения личной собственности, предприимчивости и т. д. (стр. 142 и сл.). Защитникам общины Скалдин возражает, что «вековое обычное право» отжило свой век: «Во всех странах, по мере сближения сельских жителей с цивилизованною средою, обычное право их теряло свою первобытную чистоту, подвергалось порче и искажениям. У нас замечается то же самое явление: власть мира мало-по-малу обращается во власть мироедов и сельских писарей и вместо того, чтобы охранять личность крестьянина, ложится на него тяжелым ярмом» (143) — замечание очень верное, которое за эти 30 лет подтвердилось бездною фактов. «Патриархальная семья, общинное владение землею, обычное право», по мнению Скалдина, безвозвратно осуждены историею. «Те, которые желали бы навсегда удержать для нас эти почтенные памятники прожитых веков, тем самым доказывают, что они более способны увлекаться идеею, чем проникать действительность и разуметь неудержимый ход истории» (162), и Скалдин прибавляет к этому, фактически верному, замечанию — горячие манчестерские филиппики. «Общинное пользование землею», — говорит он в другом месте, — «ставит каждого крестьянина в рабскую зависимость от всего общества» (222). Итак, безусловная вражда к общине с точки зрения чисто буржуазной соединяется у Скалдина с выдержанной защитой интересов крестьян. С враждою к общине Скалдин вовсе не соединяет тех глупеньких проектов насильственного уничтожения общины и насильственного введения такой же другой системы владения землей, — проектов, которые сочиняют обыкновенно современные противники общины, стоящие за грубое вмешательство в крестьянскую жизнь и высказывающиеся против общины вовсе не с точки зрения интересов крестьян. Скалдин, напротив, усиленно протестует против причисления его к сторонникам «насильственного уничтожения общинного поль-

зования землею» (144). «Положение 19 февраля», — говорит он, — «весьма мудро предоставило самим крестьянам... перейти... от общинного пользования к посемейному. Действительно, никто, кроме самих крестьян, не может решить основательно вопроса о времени такого перехода». Следовательно, Скалдин — противник общины только в том смысле, что она стесняет экономическое развитие, выход крестьян из общества, отказ от земли, т.-е. в том же смысле, в каком враждебны к ней теперь «русские ученики»; с защитой своекорыстных интересов помещиков, с защитой остатков и духа крепостного права, с защитой вмешательства в жизнь крестьян, — эта вражда не имеет ничего общего. Различие это весьма важно иметь в виду, ибо современные народники, привыкшие видеть врагов общины лишь в лагере «Московских Ведомостей» и т. п., весьма охотно прикидываются непонимающими *иной* вражды к общине.

Общая точка зрения Скалдина на причины бедственного положения крестьян сводится к тому, что все эти причины лежат в остатках крепостного права. Описав голод 1868 года, Скалдин замечает, что на этот голод злорадно указывали крепостники, видя причину голода в распущенности крестьян, в отмене помещичьей опеки и т. п. Скалдин горячо восстает против этих взглядов. «Причины обеднения крестьян, — говорит он, — *унаследованы от крепостного права* (212), а не результат его отмены; это — те общие причины, которые держат большинство наших крестьян на степени близкой к пролетариату», и Скалдин повторяет вышеприведенные отзывы о реформе. Нелепо нападать на семейные разделы: «Если разделы и наносят временный ущерб материальным выгодам крестьян, зато они спасают их личную свободу и нравственное достоинство крестьянской семьи, т.-е. те высшие блага человека, без которых невозможны никакие успехи гражданственности» (217), и Скалдин справедливо указывает истинные причины похода против разделов: «многие помещики слишком преувеличивают вред, проистекающий от разделов, и сваливают на них, равно как и на пьянство, все последствия тех или других причин крестьянской бедности, признать которые помещикам так нежелательно» (218). Тем, кто говорит, что теперь много пишут о крестьянской бедности, тогда как прежде не писали, значит, положение крестьян ухудшилось, — Скалдин отвечает: «Чтобы чрез сравнение нынешнего положения крестьян с прежним можно было судить о результатах освобождения из-под власти помещиков, для этого следовало бы, еще при господстве крепостного права, обрезать крестьянские наделы так, как они теперь обрезаны, обложить крестьян всеми теми повинностями, которые явились уже после освобождения, и потом посмотреть, как выносили бы крепостные крестьяне такое положение» (219). Это — в высшей степени характерная и важная черта воззрений Скалдина, что он

все причины ухудшения положения крестьян сводит к остаткам крепостного права, оставившего в наследство отработки, оброки, обрезки земель, личную бесправность и оседлость крестьян. Того, что в самом строе новых общественно-экономических отношений, в самом строе пореформенного хозяйства могут заключаться причины крестьянского обеднения, — этого Скалдин не только не видит, но и абсолютно не допускает подобной мысли, глубоко веря, что с полной отменой всех этих остатков крепостного права наступит всеобщее благоденствие. Его точка зрения — именно отрицательная: устраните препятствия свободному развитию крестьянства, устраните унаследованные от крепостного права путы, — и все пойдет к лучшему в сем лучшем из миров. «Со стороны государственной власти», — говорит Скалдин, — «здесь (т.-е. по отношению к крестьянству) может быть только один путь: постепенно и неослабно *устранять те причины*, которые довели нашего крестьянина до его настоящего притупления и бедности и не дают ему возможности подняться и стать на ноги» (224, курс. мой). Крайне характерен в этом отношении ответ Скалдина тем, кто защищает «общину» (т.-е. прикрепление крестьян к обществам и наделам), указанием, что иначе «образуется сельский пролетариат». «Это возражение»,—говорит Скалдин,—«само собою падает, когда мы вспомним, какие необъятные пространства земли лежат у нас впусте, не находя для себя рабочих рук. Если закон не будет стеснять у нас естественного распределения рабочих сил, то в России действительными пролетариями могут быть только люди, нищенствующие по ремеслу, или неисправимо порочные и пьянствующие» (144) — типичная точка зрения экономистов и «просветителей» XVIII века, веривших, что отмена крепостного права и всех его остатков создает на земле царство всеобщего благополучия. — Народник, вероятно, свысока взглянул бы на Скалдина и сказал, что это просто — буржуа. — Да, конечно, Скалдин — буржуа, но он представитель прогрессивной буржуазной идеологии, на место которой у народника является мелко-буржуазная, по целому ряду пунктов реакционная. А те практические и реальные интересы крестьян, которые совпадали и совпадают с требованиями всего общественного развития, этот «буржуа» умел защищать еще лучше народника! *).

Чтобы закончить характеристику воззрений Скалдина, добавим, что он — противник сословности, защитник единства суда

*) И наоборот: все те прогрессивные практические мероприятия, которые мы встречаем у народников, по своему содержанию *вполне буржуазны*, т.-е. идут на пользу именно капиталистическому, а не другому какому развитию. Только мелкие буржуа и могли сочинить теорию, будто расширение крестьянского землевладения, уменьшение податей, переселения, кредит, подъем техники, упорядочение сбыта и т. п. мероприятия служат какому-то «народному производству».

для всех сословий, сочувствует «в теории» бессословной волости, горячий сторонник народного образования, особенно общего, сторонник самоуправления и земских учреждений, сторонник широкого поземельного кредита, особенно мелкого, ибо на покупку земли сильный спрос у крестьян. «Манчестерец» сказывается и тут: Скалдин говорит, напр., что земские и городские банки — «патриархальная или первобытная форма банков», которая должна уступить место банкам частным, имеющим «все преимущества» (80). Придание земле ценности «может быть достигнуто оживлением промышленной и коммерческой деятельности в наших провинциях» (71) и т. п.

Подведем итоги. По характеру воззрений Скалдина можно назвать буржуа-просветителем. Его взгляды чрезвычайно напоминают взгляды экономистов XVIII века (разумеется, с соответственным преломлением их через призму русских условий), и общий «просветительный» характер «наследства» 60-х годов выражен им достаточно ярко. Как и просветители западно-европейские, как и большинство литературных представителей 60-х годов, Скалдин одушевлен горячей враждой к крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области. Эта первая характерная черта «просветителя». Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям, — горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта «просветителя» это — отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние, и искреннее желание содействовать этому. Эти три черты и составляют суть того, что у нас называют «наследством 60-х годов», и важно подчеркнуть, что *ничего народнического в этом наследстве нет.* Есть не мало в России писателей, которые по своим взглядам подходят под указанные черты и которые не имели никогда ничего общего с народничеством. При наличности в миросозерцании писателя указанных черт, его всегда и все признают «сохранившим традиции 60-х годов», совершенно независимо от того, как он относится к народничеству. Никто не вздумает, конечно, сказать, что, напр., г. М. Стасюлевич, юбилей которого недавно праздновался, «отрекся от наследства», — на том основании, что он был противником народничества или относился безразлично к выдвинутым народничеством вопросам. Мы взяли в пример Скалдина *)

*) Нам возразят, пожалуй, что Скалдин не типичен *для* 60-х годов по своей вражде к общине и по своему тону. Но дело тут вовсе не в одной общине. Дело в общих всем просветителям воззрениях, которые разделяет и Скалдин. Что же касается до его тона, то он действительно, пожалуй,

именно потому, что, будучи *несомненным* представителем «наследства», он в то же время и безусловный враг тех учреждений старины, которые взяло под свою защиту народничество.

Мы сказали выше, что Скалдин — буржуа. Доказательства этой характеристики были в достаточном количестве приведены выше, но необходимо оговориться, что у нас зачастую крайне неправильно, узко, анти-исторично понимают это слово, связывая с ним *(без различия исторических эпох)* своекорыстную защиту интересов меньшинства. Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, *все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного. Скалдин не даром цитирует в одном месте своей книги Адама Смита: мы видели, что и воззрения его и характер его аргументации во многом повторяют тезисы этого великого идеолога передовой буржуазии.

И вот, если мы сопоставим практические пожелания Скалдина, с одной стороны, с взглядами современных народников, а с другой стороны, с отношением к ним «русских учеников», то мы увидим, что «ученики» всегда будут стоять за поддержку пожеланий Скалдина, ибо эти пожелания выражают интересы прогрессивных общественных классов, насущные интересы всего общественного развития по данному, т.-е. капиталистическому, пути. То же, что изменили народники в этих практических пожеланиях Скалдина, или в его постановке вопросов, — является *минусом* и отвергается «учеником». Ученики «накидываются» не на «наследство» (это — вздорная выдумка), а на романтические и мелкобуржуазные прибавки к наследству со стороны народников. К этим прибавкам мы теперь и перейдем.

не типичен по своей спокойной рассудительности, умеренности, постепеновщине и т. д. Не даром Энгельс назвал Скалдина *liberalkonservativ* (либеральным консерватором. *Ред.*) [41]. Однако, взять представителя наследства с более типичным тоном было бы, во-1-х, неудобно по разным причинам, а, во-2-х, могло бы породить недоразумение при параллели с современным народничеством [42]. По самому характеру нашей задачи, *тон* (в противоположность пословице) *не делает музыки*, и не типичный тон Скалдина тем резче выделяет его «музыку», т.-е. содержание его взглядов. А нас только это содержание и интересует. Только по содержанию взглядов (отнюдь не по тону писателей) мы и намерены провести параллель между представителями наследства и народниками современной эпохи.

II.

ПРИБАВКА НАРОДНИЧЕСТВА К «НАСЛЕДСТВУ».

От Скалдина перейдем к Энгельгардту. Его письма «Из деревни» — тоже публицистические очерки деревни, так что и содержание и даже форма его книги очень похожи на книгу Скалдина. Энгельгардт гораздо талантливее Скалдина, его письма из деревни написаны несравненно живее, образнее. У него нет длинных рассуждений солидного автора «В захолустьи и в столице», но зато у него гораздо больше метких характеристик и других образов. Неудивительно, что книга Энгельгардта пользуется такой прочной симпатией читающей публики и недавно еще была переиздана вновь, тогда как книга Скалдина почти совсем забыта, хотя письма Энгельгардта начали печататься в «Отечеств. Записках» всего через два года спустя после выхода книги Скалдина. Поэтому нам нет никакой надобности знакомить читателя с содержанием книги Энгельгардта, а мы ограничимся лишь краткой характеристикой двух сторон его воззрений: во-1-х, воззрений, свойственных «наследству» вообще и в частности общих Энгельгардту и Скалдину; во-2-х, воззрений специфически народнических. Энгельгардт — *уже народник*, но в его взглядах так много еще черт, общих всем просветителям, так много того, что отброшено или изменено современным народничеством — что затрудняешься, куда отнести его: к представителям ли «наследства» вообще без народнической окраски, или к народникам.

С первыми Энгельгардта сближает прежде всего замечательная трезвость его взглядов, простая и прямая характеристика действительности, беспощадное вскрывание всех отрицательных качеств, «устоев» вообще и крестьянства в частности,— тех самых «устоев», фальшивая идеализация и подкрашивание которых является необходимой составной частью народничества. Народничество Энгельгардта, будучи выражено чрезвычайно слабо и робко, находится поэтому в прямом и вопиющем противоречии с той картиной *действительности* деревни, которую он нарисовал с такой талантливостью, и если бы какой-нибудь экономист или публицист взял за основание своих суждений о деревне те *данные* и *наблюдения*, которые приведены Энгельгардтом *), то народнические

*) Мимоходом сказать: это было бы не только чрезвычайно интересно и поучительно, но и вполне законным приемом экономиста-исследователя. Если ученые доверяют материалу анкет — ответам и отзывам многих хозяев, сплошь и рядом пристрастных, малосведущих, не выработавших цельного воззрения, не продумавших своих взглядов, — то отчего не доверять наблюдениям, которые целые 11 лет собирал человек замечательной наблюдательности, безусловной искренности, человек, превосходно изучивший то, о чем он говорит.

выводы из такого материала были бы невозможны. Идеализация крестьянина и его общины — одна из необходимых составных частей народничества, и народники всех оттенков, начиная от г-на В. В. и кончая г-ном Михайловским, принесли обильную дань этому стремлению идеализации и подкрашивания «общины». У Энгельгардта нет и следа такого подкрашивания. В противоположность ходячим фразам об общинности нашего крестьянина, ходячим противопоставлениям этой «общинности» — индивидуализму городов, конкуренции в капиталистическом хозяйстве и т. д., Энгельгардт вскрывает поразительный *индивидуализм* мелкого земледельца с полной беспощадностью. Он подробно показывает, что наши «крестьяне в вопросах о собственности самые крайние собственники» (стр. 62, цит. по изд. 1885 г.), что они терпеть не могут «огульной работы», ненавидя ее по мотивам узко-личным и эгоистическим: при огульной работе каждый «боится переработать» (стр. 206). Эта боязнь переработать доходит до высшей степени комизма (пожалуй, даже трагикомизма), когда автор рассказывает, как живущие в одном доме и связанные общим хозяйством и родством бабы моют каждая отдельно свою дольку стола, за которым обедают, или поочередно доят коров, собирая молоко *для своего* ребенка (опасаются утайки молока) и приготовляя отдельно каждая для своего ребенка кашу (стр. 323). Энгельгардт так подробно выясняет эти черты, подтверждает их такой массой примеров, что не может быть и речи о случайности этих фактов. Одно из двух: или Энгельгардт — никуда не годный и не заслуживающий доверия наблюдатель, или россказни об общинности и общинных качествах нашего мужика — пустая выдумка, переносящая на *хозяйство* черты, отвлеченные от формы *землевладения* (причем от этой формы землевладения отвлечены еще все ее фискально-административные стороны). Энгельгардт показывает, что тенденция мужика в его хозяйственной деятельности — кулачество: «известной дозой кулачества обладает каждый крестьянин» (стр. 491), «кулаческие идеалы царят в крестьянской среде»... «Я не раз указывал, что у крестьян крайне развит индивидуализм, эгоизм, стремление к эксплуатации»... «Каждый гордится быть щукой и стремится пожрать карася». Тенденция крестьянства — вовсе не к «общинному» строю, вовсе не к «народному производству», а к самому обыкновенному, всем капиталистическим обществам свойственному, мелко-буржуазному строю — показана Энгельгардтом превосходно. Стремления зажиточного крестьянина пускаться в торговые операции (363), раздавать под работу хлеб, покупать работу мужика бедного (стр. 457, 492 и др.), т.-е., говоря экономическим языком, превращение хозяйственных мужичков в сельскую буржуазию Энгельгардт описал и доказал бесповоротно. «Если крестьяне не перейдут к артельному хозяйству, — говорит Энгельгардт, — и будут хозяйничать

каждый двор в одиночку, то и при обилии земли между земледельцами-крестьянами будут и безземельные и батраки. Скажу более: полагаю, что разница в состояниях крестьян будет еще значительнее, чем теперь. Несмотря на общинное владение землей, рядом с «богачами» будет много обезземеленных фактически батраков. Что же мне или моим детям в том, что я имею право на землю, когда у меня нет ни капитала, ни орудий для обработки? Это все равно, что слепому дать землю — ешь ее!» (стр. 370). «Артельное хозяйство» с какой-то грустной иронией одиноко стоит здесь, как доброе, невинное пожелание, не только не вытекающее из данных о крестьянстве, но даже прямо опровергаемое и исключаемое этими данными.

Другая черта, сближающая Энгельгардта с представителями наследства без всякой народнической окраски, это — его вера в то, что главная и коренная причина бедственного положения крестьянства лежит в остатках крепостного права и в свойственной ему регламентации. Устраните эти остатки и эту регламентацию — и дело наладится. Безусловно отрицательное отношение Энгельгардта к регламентации, его едкое высмеивание всяких попыток путем регламентации сверху облагодетельствовать мужика — стоят в самой резкой противоположности с народническими упованиями на «разум и совесть, знания и патриотизм руководящих классов» (слова г-на Южакова в «*Р. Б — ве*», 1896, № 12, стр. 106), с народническим прожектерством насчет «организации производства» и т. п. Напомним, как саркастически обрушивался Энгельгардт на правило о том, что на мельнице нельзя продавать водку, правило, имеющее в виду «пользу» мужика; с каким негодованием говорит он об обязательном постановлении нескольких земств в 1880 г. не сеять рожь раньше 15 августа, об этом — вызванном тоже соображениями о пользе мужика — грубом вмешательстве кабинетных «ученых» в хозяйство «миллионов земледельцев-хозяев» (424). Указав на такие правила и распоряжения, как запрещение курить в хвойном лесу, стрелять щук весной, рубить березки на «май», разорять гнезда и т. п., Энгельгардт саркастически замечает: ... «забота о мужике всегда составляла и составляет главную печаль интеллигентных людей. Кто живет для себя? Все для мужика живут!.. Мужик глуп, сам собою устроиться не может. Если никто о нем не позаботится, он все леса сожжет, всех птиц перебьет, всю рыбу выловит, землю попортит и сам весь перемрет» (398). Скажите, читатель, мог ли бы этот писатель сочувствовать хотя бы излюбленным народниками законам о неотчуждаемости наделов? Мог ли бы он сказать что-либо подобное вышевыписанной фразе одного из столпов «Рус. Богатства»? Мог ли бы он разделить точку зрения другого столпа того же журнала, г. Н. Карышева, упрекающего наши губернские земства (в 90-х годах!) в том, что они «не находят

места» «для систематических крупных, серьезных трат на организацию земледельческого труда»? *)

Укажем еще одну черту, сближающую Энгельгардта с Скалдиным: это — бессознательное отношение Энгельгардта к многим чисто буржуазным пожеланиям и мероприятиям. Не то чтобы Энгельгардт старался подкрашивать мелких буржуа, сочинять какие-нибудь отговорки (à la г. В. В.) против применения к тем или другим предпринимателям этой квалификации, — совсем нет. Энгельгардт просто, будучи практиком-хозяином, увлекается всякими прогрессами, улучшениями в хозяйстве, совершенно не замечая того, что общественная форма этих улучшений дает лучшее опровержение его же собственных теорий о невозможности у нас капитализма. Напомним, напр., как увлекается он успехами, достигнутыми им в своем хозяйстве благодаря системе *сдельной платы* рабочим (за мятье льна, за молотьбу и т. п.). Энгельгардт и не подозревает как будто, что замена повременной платы штучною есть один из самых распространенных приемов развивающегося капиталистического хозяйства, которое достигает этим приемом усиления интенсификации труда и увеличения нормы сверхстоимости. Другой пример. Энгельгардт высмеивает программу «Земледельческой Газеты» [43]): «прекращение сдачи полей кругами, устройство батрачного хозяйства, введение усовершенствованных машин, орудий, пород скота, многопольной системы, улучшение лугов и выгонов и проч. и проч.». — «Но ведь это все только общие фразы!» — восклицает Энгельгардт (128). И однако именно эту программу и осуществил Энгельгардт в своей хозяйственной практике, достигши технического прогресса в своем хозяйстве именно на основании батрачной организации его. Или еще: мы видели, как откровенно и как верно разоблачил Энгельгардт настоящие тенденции хозяйственного мужика; но это нисколько не помешало ему утверждать, что «нужны не фабрики и не заводы, а *маленькие* (курс. Энгельгардта) деревенские винокурни, маслобойни» и пр. (стр. 336), т.-е. «нужен» переход сельской буржуазии к техническим сельско-хозяйственным производствам, — переход, который везде и всегда служил одним из важнейших симптомов земледельческого капитализма. Тут сказалось то, что Энгельгардт был не теоретиком, а практиком-хозяином. Одно дело — рассуждать о возможности прогресса без капитализма, другое дело — хозяйничать самому. Задавшись целью рационально поставить свое хозяйство, Энгельгардт *вынужден* был силою окружающих обстоятельств достигать этого приемами чисто капиталистическими и оставить в стороне все свои теоретические и отвлеченные сомнения насчет «батрачества». Скалдин в теории

*) «Русское Богатство», 1896 г., № 5, май. Статья г-на Карышева о затратах губернских земств на экономические мероприятия. Стр. 20.

рассуждал как типичный манчестерец, совершенно не замечая ни этого характера своих рассуждений, ни соответствия их с нуждами капиталистической эволюции России. Энгельгардт на практике вынужден был действовать как типичный манчестерец, вопреки своему теоретическому протесту против капитализма и своему желанию верить в особые пути отечества.

А у Энгельгардта была эта вера, которая и заставляет нас назвать его народником. Энгельгардт уже ясно видит *действительную* тенденцию экономического развития России и начинает *отговариваться* от противоречий этого развития. Он силится доказать невозможность в России земледельческого капитализма, доказать, что «у нас нет кнехта» (стр. 556), — хотя сам же подробнейшим образом опроверг россказни о дороговизне наших рабочих, сам же показал, за какую мизерную цену работает у него скотник Петр с семьей, которому остается кроме содержания 6 рублей в год «на покупку соли, постного масла, одежду» (стр. 10). «А и то ему завидуют, и откажи я ему, сейчас же найдется 50 охотников занять его место» (стр. 11). Указывая на успех своего хозяйства, на умелое обращение с плугом рабочих, Энгельгардт победоносно восклицает: «и кто же пахари? Невежественные, недобросовестные русские крестьяне» (стр. 225).

Опровергнув своим собственным хозяйничаньем и своим разоблачением крестьянского индивидуализма всякие иллюзии насчет «общинности», Энгельгардт однако не только «верил» в возможность перехода крестьян к артельному хозяйству, но и высказывал «убеждение», что это так и будет, что мы, русские, именно совершим это великое деяние, введем новые способы хозяйничанья. «В этом-то и заключается самобытность, оригинальность нашего хозяйства» (стр. 349). Энгельгардт-реалист превращается в Энгельгардта-романтика, возмещающего полное отсутствие «самобытности» в способах своего хозяйства и в наблюденных им способах хозяйства крестьян — «*верою*» в грядущую «самобытность»! От этой веры уже рукой подать и до ультранароднических черт, которые — хотя и совсем единично — попадаются у Энгельгардта, до узкого национализма, граничащего с шовинизмом («И Европу расколотим», «и в Европе мужик будет за нас» (стр. 387) — доказывал Энгельгардт по поводу войны одному помещику), и даже до идеализации отработков! Да, тот самый Энгельгардт, который посвятил так много превосходных страниц своей книги описанию забитого и униженного положения крестьянина, забравшего в долг денег или хлеба под работу и вынужденного работать почти задаром при самых худших условиях личной зависимости *) — этот самый Энгельгардт договорился

*) Вспомните картинку, как староста (т.-е. управляющий помещика) зовет крестьянина на работу, когда у мужика свой хлеб сыпется, и его заставляет идти лишь упоминание о «спускании портков» в волости.

до того, что «хорошо было бы, если б доктор (речь шла о пользе и надобности врача в деревне. *В. И.*) имел свое хозяйство, так, чтобы мужик мог отработать за леченье» (стр. 41). Комментарии излишни.

— В общем и целом, сопоставляя охарактеризованные выше положительные черты миросозерцания Энгельгардта (т.-е. общие ему с представителями «наследства» без всякой народнической окраски) и отрицательные (т.-е. народнические), мы должны признать, что первые безусловно преобладают у автора «Из деревни», тогда как последние являются как бы сторонней, случайной вставкой, навеянной извне и не вяжущейся с основным тоном книги.

III.

ВЫИГРАЛО ЛИ «НАСЛЕДСТВО» ОТ СВЯЗИ С НАРОДНИЧЕСТВОМ?

— Да что же разумеете вы под народничеством?—спросит, вероятно, читатель.— Определение того, какое содержание вкладывается в понятие «наследства», было дано выше, а понятию «народничество» не дано никакого определения.

— Под народничеством мы разумеем систему воззрений, заключающую в себе следующие три черты: 1) *Признание капитализма в России упадком, регрессом.* Отсюда стремления и пожелания «задержать», «остановить», «прекратить ломку» капитализмом вековых устоев и т. п. реакционные вопли. 2) *Признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т. п. в частности.* К русским экономическим отношениям не считают нужным применять выработанные современной наукой понятия о различных общественных классах и их конфликтах. Общинное крестьянство рассматривается как нечто высшее, лучшее сравнительно с капитализмом; является идеализация «устоев». Среди крестьянства отрицаются и затушевываются те же противоречия, которые свойственны всякому товарному и капиталистическому хозяйству, отрицается связь этих противоречий с более развитой формой их в капиталистической промышленности и в капиталистическом земледелии. 3) *Игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов.* Отрицание этой связи, отсутствие материалистического объяснения этих социальных факторов заставляет видеть в них силу, способную «тащить историю по другой линии» (г. В. В.), «свернуть с пути» (г. Н. —он, г. Южаков и т. д.) и т. п.

Вот что мы разумеем под «народничеством». Читатель видит, след., что мы употребляем этот термин в широком смысле слова,

как употребляют его и все «русские ученики», выступающие против целой системы воззрений, а не против отдельных представителей ее. Между этими отдельными представителями, конечно, есть различия, иногда немалые. Никто этих различий не игнорирует. Но приведенные черты миросозерцания общи всем различнейшим представителям народничества, начиная от... ну, хоть скажем, г. Юзова и кончая г-м Михайловским. Гг. Юзовы, Сазоновы, В. В. и т. п. к указанным отрицательным чертам своих воззрений присоединяют еще другие отрицательные черты, которых, напр., нет ни в г-не Михайловском, ни в других сотрудниках теперешнего «Рус. Богатства». Отрицать эти различия народников в тесном смысле слова от народников вообще было бы, конечно, неправильно, но еще более неправильно было бы игнорировать, что *основные* социально-экономические взгляды всех и всяких народников совпадают по вышеприведенным главным пунктам. А так как «русские ученики» отвергают именно эти основные воззрения, а не только «печальные уклонения» от них в худшую сторону, то они имеют, очевидно, полное право употреблять понятие «народничество» в широком значении слова. Не только имеют право, но и не могут поступать иначе.

Обращаясь к вышеочерченным основным воззрениям народничества, мы должны прежде всего констатировать, что «наследство» *совершенно не при чем в этих воззрениях.* Есть целый ряд несомненных представителей и хранителей «наследства», которые не имеют ничего общего с народничеством, вопроса о капитализме вовсе и не ставят, в самобытность России, крестьянской общины и т. п. вовсе не верят, в интеллигенции и в юридико-политических учреждениях никакого фактора, способного «свернуть с пути», не усматривают. Мы назвали выше для примера издателя-редактора «Вестника Европы» [44]), которого в чем другом, а в нарушении традиций наследства обвинять нельзя. Наоборот, есть люди, подходящие по своим воззрениям под указанные основные принципы народничества и при этом прямо и открыто «отрекающиеся от наследства», — назовем хоть того же г-на Я. Абрамова, которого указывает и г. Михайловский, или г. Юзова. Того народничества, против которого воюют «русские ученики», даже и не было вовсе в то время, когда (выражаясь юридическим языком) «открывалось» наследство, т. е. в 60-х годах. Зародыши, зачатки народничества были, конечно, не только в 60-х годах, но и в 40-х и даже еще раньше *), — но история народничества нас вовсе теперь не занимает. Нам важно только, повторяем еще раз, установить, что «наследство» 60-х годов в том смысле, как мы очертили его выше, не имеет ничего общего

---

*) Ср. теперь книгу Туган-Барановского: «Русская фабрика» (Спб. 1898 г.).

с народничеством, т.-е. по существу воззрений между ними нет общего, они ставят разные вопросы. Есть хранители «наследства» не-народники, и есть народники, «отрекшиеся от наследства». Разумеется, есть и народники, хранящие «наследство» или претендующие на хранение его. Поэтому-то мы и говорим о связи наследства с народничеством. Посмотрим же, что дала эта связь.

Во-первых, народничество сделало крупный *шаг вперед* против наследства, *поставив* перед общественной мыслью на разрешение вопросы, которых хранители наследства частью еще не могли (в их время) поставить, частью же не ставили и не ставят по свойственной им узости кругозора. *Постановка* этих вопросов есть крупная *историческая* заслуга народничества, и вполне естественно и понятно, что народничество, дав (какое ни на есть) решение этим вопросам, заняло *тем самым* передовое место среди прогрессивных течений русской общественной мысли.

Но решение этих вопросов народничеством оказалось никуда не годным, основанным на отсталых теориях, давно уже выброшенных за борт Зап. Европой, основанным на романтической и мелко-буржуазной критике капитализма, на игнорировании крупнейших фактов русской истории и действительности. Покуда развитие капитализма в России и свойственных ему противоречий было еще очень слабо, эта примитивная критика капитализма могла держаться. Современному же развитию капитализма в России, современному состоянию наших знаний о русской экономической истории и действительности, современным требованиям от социологической теории народничество безусловно не удовлетворяет. Бывши в свое время явлением прогрессивным, как первая постановка вопроса о капитализме, народничество является теперь теорией *реакционной* и *вредной*, сбивающей с толку общественную мысль, играющей на руку застою и всяческой азиатчине. Реакционный характер народнической критики капитализма придал народничеству в настоящее время даже такие черты, которые ставят его *ниже* того миросозерцания, которое ограничивается верным хранением наследства *). Что это так, — мы постараемся показать сейчас на разборе каждой из отмеченных выше трех основных черт народнического миросозерцания.

Первая черта — признание капитализма в России упадком, регрессом. Как только вопрос о капитализме в России был поставлен, очень скоро выяснилось, что наше экономическое раз-

*) Я уже имел случай заметить выше в статье об экономическом романтизме, что наши противники проявляют поразительную близорукость, понимая термины: *реакционный, мелко-буржуазный* как полемические выходки, тогда как эти выражения имеют совершенно определенный историко-философский смысл. (См. стр. 76 настоящего тома. *Ред.*)

витие есть капиталистическое, и народники объявили это развитие регрессом, ошибкой, уклонением с пути, предписываемого якобы всей исторической жизнью нации, от пути, освященного якобы вековыми устоями и т. п. и т. д. Вместо горячей веры просветителей в данное общественное развитие явилось недоверие к нему, вместо исторического оптимизма и бодрости духа — пессимизм и уныние, основанные на том, что чем дальше пойдут дела так, как они идут, тем хуже, тем труднее будет решить задачи, выдвигаемые новым развитием; являются приглашения «задержать» и «остановить» это развитие, является теория, что отсталость есть счастье России и т. д. С «наследством» все эти черты народнического миросозерцания не только не имеют ничего общего, но прямо противоречат ему. Признание русского капитализма «уклонением с пути», упадком и т. п. ведет к извращению всей экономической эволюции России, к извращению той «смены», которая происходит перед нашими глазами. Увлеченный желанием задержать и прекратить ломку вековых устоев капитализмом, народник впадает в поразительную историческую бестактность, забывает о том, что *позади* этого капитализма нет ничего, кроме такой же эксплуатации в соединении с бесконечными формами кабалы и личной зависимости, отягчавшей положение трудящегося, ничего кроме рутины и застоя в общественном производстве, а, следовательно, и во всех сферах социальной жизни. Сражаясь с своей романтической мелко-буржуазной точки зрения против капитализма, народник выбрасывает за борт всякий исторический реализм, сопоставляя всегда *действительность* капитализма с *вымыслом* до-капиталистических порядков. «Наследство» 60-х годов с их горячей верой в прогрессивность данного общественного развития, с их беспощадной враждой, всецело и исключительно направленной против остатков старины, с их убеждением, что стоит только вымести до чиста эти остатки, и дела пойдут как нельзя лучше, — это «наследство» не только не при чем в указанных воззрениях народничества, но прямо противоречит им.

Вторая черта народничества — вера в самобытность России, идеализация крестьянина, общины и т. п. Учение о самобытности России заставило народников хвататься за устарелые западно-европейские теории, побуждало их относиться с поразительным легкомыслием к многим приобретениям западно-европейской культуры: народники успокаивали себя тем, что если мы не имеем тех или других черт цивилизованного человечества, то зато «нам суждено» показать миру новые способы хозяйничанья и т. п. Тот анализ капитализма и всех его проявлений, который дала передовая западно-европейская мысль, не только не принимался по отношению к святой Руси, а, напротив, все усилия были направлены на то, чтобы придумать отго-

ворки, позволяющие о русском капитализме не делать тех же выводов, какие сделаны относительно европейского. Народники расшаркивались пред авторами этого анализа и... и продолжали себе преспокойно оставаться такими же романтиками, против которых всю жизнь боролись эти авторы. Это общее всем народникам учение о самобытности России опять-таки не только не имеет ничего общего с «наследством», но даже прямо противоречит ему. «60-ые годы», напротив, стремились европеизировать Россию, верили в приобщение ее к общеевропейской культуре, заботились о перенесении учреждений этой культуры и на нашу, вовсе не самобытную, почву. Всякое учение о самобытности России находится в полном несоответствии с духом 60-х годов и их традицией. Еще более не соответствует этой традиции народническая идеализация, подкрашивание деревни. Эта фальшивая идеализация, желавшая во что бы то ни стало видеть в нашей деревне нечто особенное, вовсе непохожее на строй всякой другой деревни во всякой другой стране в период докапиталистических отношений, — находится в самом вопиющем противоречии с традициями трезвого и реалистического наследства. Чем дальше и глубже развивался капитализм, чем сильнее проявлялись в деревне те противоречия, которые общи всякому товарно-капиталистическому обществу, тем резче и резче выступала противоположность между сладенькими россказнями народников об «общинности», «артельности» крестьянина и т. п., с одной стороны, — и фактическим расколом крестьянства на деревенскую буржуазию и сельский пролетариат, с другой; тем быстрее превращались народники, продолжавшие смотреть на вещи глазами крестьянина, из сентиментальных романтиков в идеологов мелкой буржуазии, ибо мелкий производитель в современном обществе превращается в товаропроизводителя. Фальшивая идеализация деревни и романтические мечтания насчет «общинности» вели к тому, что народники с крайним легкомыслием относились к действительным нуждам крестьянства, вытекающим из данного экономического развития. В теории можно было, сколько угодно, говорить о силе устоев, но на практике каждый народник прекрасно чувствовал, что устранение остатков старины, остатков дореформенного строя, опутывающих и по сю пору с ног до головы наше крестьянство, откроет дорогу именно капиталистическому, а не какому другому развитию. Лучше застой, чем капиталистический прогресс — такова, в сущности, точка зрения каждого народника на деревню, хотя, разумеется, далеко не всякий народник с наивной прямолинейностью г-на В. В. решится открыто и прямо высказать это. «Крестьяне, прикованные к наделам и обществам, лишенные возможности употреблять свой труд там, где он оказывается производительнее и для них выгоднее, как бы застыли в той скученной, стадо-

образной, непроизводительной форме быта, в которой они вышли из рук крепостного права». Так смотрел один из представителей «наследства» с своей характерной точки зрения «просветителя».— «Пускай лучше крестьяне продолжают застывать в своей рутинной, патриархальной форме быта, чем расчищать дорогу для капитализма в деревне» — так смотрит, в сущности, каждый народник. В самом деле, не найдется, вероятно, ни одного народника, который бы решился отрицать, что сословная замкнутость крестьянской общины с ее круговой порукой и с запрещением продажи земли и отказа от надела стоит в самом резком противоречии с современной экономической *действительностью*, с современными товарно-капиталистическими отношениями и их развитием. Отрицать это противоречие невозможно, но вся суть в том, что народники как огня боятся такой постановки вопроса, такого сопоставления юридической обстановки крестьянства с экономическою действительностью, с данным экономическим развитием. Народник упорно хочет верить в несуществующее и романтически сфантазированное им развитие без капитализма, и поэтому... поэтому он готов задерживать данное развитие, идущее путем капиталистическим. К вопросам о сословной замкнутости крестьянской общины, о круговой поруке, о праве крестьян продавать землю и отказываться от надела народник относится не только с величайшей осторожностью и боязливостью за судьбу «устоев» (устоев рутины и застоя); мало того, народник падает даже до такой степени низко, что приветствует полицейское запрещение крестьянам продавать землю. «Мужик глуп»,— можно сказать такому народнику словами Энгельгардта, — «сам собою устроиться не может. Если никто о нем не позаботится, он все леса сожжет, всех птиц перебьет, всю рыбу выловит, землю попортит и сам весь перемрет». Народник здесь уже прямо «отказывается от наследства», становясь реакционным. И заметьте притом, что это разрушение сословной замкнутости крестьянской общины, по мере экономического развития, становится все более и более настоятельной необходимостью для сельского пролетариата, тогда как для крестьянской буржуазии неудобства, проистекающие отсюда, вовсе не так значительны. «Хозяйственный мужичек» легко может арендовать землю на стороне, открыть заведение в другой деревне, съездить куда угодно на любое время по торговым делам. Но для «крестьянина», живущего главным образом продажей своей рабочей силы, прикрепление к наделу и к обществу означает громадное стеснение его хозяйственной деятельности, означает невозможность найти более выгодного нанимателя, означает необходимость продавать свою рабочую силу именно местным покупателям ее, дающим всегда дешевле и изыскивающим всяческие способы кабалы.— Поддавшись раз во власть романтическим мечтаниям, задавшись

целью поддержать и охранить устои вопреки экономическому развитию, народник незаметно для самого себя скатился по этой наклонной плоскости до того, что очутился рядом с аграрием, который от всей души жаждет сохранения и укрепления «связи крестьянина с землей». Стоит вспомнить хотя бы о том, как эта сословная замкнутость крестьянской общины породила особые способы наемки рабочих: рассылку хозяевами заводов и экономий своих приказчиков по деревням, особенно недоимочным, для наиболее выгодного найма рабочих. К счастью, развитие земледельческого капитализма, разрушая «оседлость» пролетария (таково действие так-наз. отхожих земледельческих промыслов), постепенно вытесняет эту кабалу вольным наймом.

Другое, пожалуй, не менее рельефное подтверждение нашего положения о вреде современных народнических теорий дает тот факт, что среди народников обычное явление — *идеализация отработков*. Мы выше привели пример того, как Энгельгардт, совершивши свое народническое грехопадение, дописался до того, что «хорошо было бы» развивать в деревне отработки! То же самое находили мы в знаменитом проекте г. Южакова о земледельческих гимназиях («Русское Богатство» 1895 № 5) *). Такой же идеализации предавался в серьезных экономических статьях сотрудник Энгельгардта по журналу, г. В. В., который утверждал, что крестьянин одержал победу над помещиком, желавшим будто бы ввести капитализм; но беда состояла в том, что крестьянин брался обработать земли помещика, получая за это от него землю «в аренду»,—т.-е. восстановлял совершенно тот же самый способ хозяйства, который был и при крепостном праве. Это — самые резкие примеры реакционного отношения народников к вопросам нашего земледелия. В менее резкой форме вы встретите эту идею у каждого народника. Каждый народник говорит о вреде и опасности капитализма в нашем земледелии, ибо капитализм, изволите видеть, заменяет самостоятельного крестьянина батраком. *Действительность* капитализма («батрак») противопоставляется *вымыслу* о «самостоятельном» крестьянине: основывается этот вымысел на том, что крестьянин до-капиталистической эпохи владеет средствами производства, причем скромно умалчивается о том, что за эти средства производства надо платить вдвое против их стоимости; что эти средства производства служат для отработков; что жизненный уровень этого «самостоятельного» крестьянина так низок, что в любой капиталистической стране его отнесли бы к пауперам; что к беспросветной нищете и умственной инертности этого «самостоятельного» крестьянина прибавляется

*) См. статью «Перлы народнического прожектерства», стр. 277 настоящего тома. *Ред.*

еще личная зависимость, неизбежно сопровождающая докапиталистические формы хозяйства.

Третья характерная черта народничества — игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с матерьяльными интересами определенных общественных классов — находится в самой неразрывной связи с предыдущими: только это отсутствие реализма в вопросах социологических и могло породить учение об «ошибочности» русского капитализма и о возможности «свернуть с пути». Это воззрение народничества опять-таки не стоит ни в какой связи с «наследством» и традициями 60-х годов, а, напротив, *прямо противоречит этим традициям.* Из этого воззрения естественно вытекает такое отношение народников к многочисленным остаткам дореформенной регламентации в русской жизни, которое ни в каком случае не могли бы разделить представители «наследства». Для характеристики этого отношения мы позволим себе воспользоваться прекрасными замечаниями г. В. Иванова в статье «Плохая выдумка» («Новое Слово», сент. за 1897 г.). Автор говорит об известном романе г. Боборыкина «По другому» и изобличает непонимание им спора народников с «учениками». Г. Боборыкин вкладывает в уста героя своего романа, народника, такой упрек по адресу «учеников», что они-де мечтают «о казарме с нестерпимым деспотизмом регламентации». Г. В. Иванов замечает по поводу этого:

«О нестерпимом деспотизме «регламентации» в качестве «мечты» своих противников они (народники) не только не говорили, *но и говорить, оставаясь народниками, не могут и не будут.* Суть их спора с «экономическими материалистами» *в этой области* заключается именно в том, что сохранившиеся у нас остатки старой регламентации могут, по мнению народников, послужить основанием для дальнейшего развития регламентации. Нестерпимость этой старой регламентации заслоняется от их глаз, с одной стороны, представлением, будто сама «крестьянская душа (единая и нераздельная) эволюционирует» в сторону регламентации,—с другой, убеждением в существующей или имеющей наступить нравственной красоте «интеллигенции», «общества» или вообще «руководящих классов». Экономических материалистов они обвиняют в пристрастии не к регламентации, а, наоборот, к западно-европейским порядкам, основанным на отсутствии регламентации. И экономические материалисты действительно утверждают, что остатки старой регламентации, выросшей на основе натурального хозяйства, становятся с каждым днем все «нестерпимее» в стране, перешедшей к денежному хозяйству, вызывающему бесчисленные изменения как в фактическом положении, так и в умственной и нравственной физиономии различных слоев ее населения. Они убеждены поэтому, что условия, необходимые для возникновения новой благодетельной «регла-

ментации» экономической жизни страны, могут развиться не из остатков регламентации, приноровленной к натуральному хозяйству и крепостному праву, а лишь в атмосфере такого же широкого и всестороннего отсутствия этой старой регламентации, какое существует в передовых странах Западной Европы и Америки. В таком положении находится вопрос о «регламентации» между народниками и их противниками» (стр. 11—12, l. c.). Это отношение народников к «остаткам старой регламентации» представляет из себя самое, пожалуй, резкое отступление народничества от традиций «наследства». Представители этого наследства, как мы видели, отличались бесповоротным и ярым осуждением всех и всяческих остатков старой регламентации. Следовательно, с этой стороны «ученики» стоят несравненно ближе к «традициям» и «наследству» 60-х годов, чем народники.

Отсутствие социологического реализма, кроме указанной в высшей степени важной ошибки народников, ведет также у них к той особой манере мышления и рассуждения об общественных делах и вопросах, которую можно назвать узко-интеллигентным самомнением или, пожалуй, бюрократическим мышлением. Народник рассуждает всегда о том, какой путь для отечества должны «мы» избрать, какие бедствия встретятся, если «мы» направим отечество на такой-то путь, какие выходы могли бы «мы» себе обеспечить, если бы миновали опасностей пути, которым пошла старуха-Европа, если бы «взяли хорошее» и из Европы, и из нашей исконной общинности и т. д. и т. п. Отсюда полное недоверие и пренебрежение народника к самостоятельным тенденциям отдельных общественных классов, творящих историю сообразно с их интересами. Отсюда то поразительное легкомыслие, с которым пускается народник (забыв об окружающей его обстановке) во всевозможное социальное прожектерство, начиная от какой-нибудь «организации земледельческого труда» и кончая «обмирщением производства» стараниями нашего «общества». «Mit der Gründlichkeit der geschichtlichen Action wird der Umfang der Masse zunehmen, deren Action sie ist» *) — в этих словах выражено одно из самых глубоких и самых важных положений той историко-философской теории, которую никак не хотят и не могут понять наши народники. По мере расширения и углубления исторического творчества людей должен возрастать и размер той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем. Народник же всегда рассуждал о населении вообще и о трудящемся населении в частности, как об объекте тех или других более или менее разумных мероприятий, как о материале,

*) *Marx*, «Die heilige Familie», 120. По Бельтову, стр. 235. («Вместе с основательностью исторического действия, будет расти объем массы, делом которой оно является». — *Маркс*, «Святое семейство». *Ред.*)

подлежащем направлению на тот или иной путь, и никогда не смотрел на различные классы населения, как на самостоятельных исторических деятелей при данном пути, никогда не ставил вопроса о тех условиях данного пути, которые могут развивать (или, наоборот, парализовать) самостоятельную и сознательную деятельность этих творцов истории.

Итак, хотя народничество сделало крупный шаг вперед против «наследства» просветителей, *поставив* вопрос о капитализме в России, но данное им *решение* этого вопроса оказалось настолько неудовлетворительным, вследствие мелко-буржуазной точки зрения и сантиментальной критики капитализма, что народничество по целому ряду важнейших вопросов общественной жизни оказалось *позади* по сравнению с «просветителями». Присоединение народничества к наследству и традициям наших просветителей оказалось в конце концов *минусом:* тех новых вопросов, которые поставило перед русской общественной мыслью пореформенное экономическое развитие России, народничество не решило, ограничившись по поводу их сантиментальными и реакционными ламентациями, а те старые вопросы, которые были поставлены еще просветителями, народничество загромоздило своей романтикой и задержало их полное разрешение.

IV.

«ПРОСВЕТИТЕЛИ», НАРОДНИКИ И «УЧЕНИКИ».

Мы можем теперь подвести итоги нашим параллелям. Попытаемся охарактеризовать вкратце отношения каждого из указанных в заголовке течений общественнной мысли друг к другу.

Просветитель верит в данное общественное развитие, ибо не замечает свойственных ему противоречий. Народник боится данного общественного развития, ибо он заметил уже эти противоречия. «Ученик» верит в данное общественное развитие, ибо он видит залоги лучшего будущего лишь в полном развитии этих противоречий. Первое и последнее направление стремится поэтому поддержать, ускорить, облегчить развитие по данному пути, устранить все препятствия, мешающие этому развитию и задерживающие его. Народничество, наоборот, стремится задержать и остановить это развитие, боится уничтожения некоторых препятствий развитию капитализма. Первое и последнее направление характеризуется тем, что можно бы назвать историческим оптимизмом: чем дальше и чем скорее дела пойдут так, как они идут, тем лучше. Народничество, наоборот, естественно ведет к историческому пессимизму: чем дальше дела пойдут так, тем хуже. «Просветители» вовсе не ставили вопросов о характере пореформенного развития, ограничиваясь исключительно войной против остатков

дореформенного строя, ограничиваясь отрицательной задачей расчистки пути для европейского развития России. Народничество поставило вопрос о капитализме в России, но решило его в смысле реакционности капитализма и потому не могло целиком воспринять наследства просветителей: народники всегда вели войну против людей, стремившихся к европеизации России вообще, с точки зрения «единства цивилизации»; вели войну не потому только, что они не могли ограничиться идеалами этих людей (такая война была бы справедлива), а потому, что они не хотели идти так далеко в развитии данной, т.-е. капиталистической, цивилизации. «Ученики» решают вопрос о капитализме в России в смысле его прогрессивности и потому не только могут, но и должны целиком принять наследство просветителей, дополнив это наследство анализом противоречий капитализма с точки зрения бесхозяйных производителей. Просветители не выделяли, как предмет своего особенного внимания, ни одного класса населения, говорили не только о народе вообще, но даже и о нации вообще. Народники желали представлять интересы труда, не указывая однако определенных групп в современной системе хозяйства; на деле они становились всегда на точку зрения мелкого производителя, которого капитализм превращает в товаропроизводителя. «Ученики» не только берут за критерий интересы труда, но при этом указывают совершенно определенные экономические группы капиталистического хозяйства, именно бесхозяйных производителей. Первое и последнее направление соответствуют, по содержанию своих пожеланий, интересам тех классов, которые создаются и развиваются капитализмом; народничество по своему содержанию соответствует интересам класса мелких производителей, мелкой буржуазии, которая занимает промежуточное положение среди других классов современного общества. Поэтому противоречивое отношение народничества к «наследству» вовсе не случайность, а необходимый результат самого содержания народнических воззрений: мы видели, что одна из основных черт воззрений просветителей состояла в горячем стремлении к европеизации России, а народники никак не могут, не переставая быть народниками, разделить вполне этого стремления.

В конце концов мы получили, следовательно, тот вывод, который не раз был уже нами указан по частным поводам выше, именно, что *ученики — гораздо более последовательные, гораздо более верные хранители наследства, чем народники.* Не только они не отрекаются от наследства, а, напротив, одной из главнейших своих задач считают опровержение тех романтических и мелко-буржуазных опасений, которые заставляют народников по весьма многим и весьма важным пунктам отказываться от европейских идеалов просветителей. Но само собою разумеется, что «ученики» хранят наследство не так, как архивариусы хранят

старую бумагу. Хранить наследство — вовсе не значит еще ограничиваться наследством, и к защите общих идеалов европеизма «ученики» присоединяют анализ тех противоречий, которые заключает в себе наше капиталистическое развитие, и оценку этого развития с вышеуказанной специфической точки зрения.

V.

Г. МИХАЙЛОВСКИЙ ОБ ОТКАЗЕ «УЧЕНИКОВ» ОТ НАСЛЕДСТВА.

В заключение вернемся опять к г-ну Михайловскому и рассмотрению его утверждения по интересующему нас вопросу. Г. Михайловский заявляет не только то, что эти люди (ученики) «не желают состоять ни в какой преемственной связи с прошлым и решительно отказываются от наследства» (l. c., 179), но к тому же еще, что «они» (на-ряду с другими лицами самых различных направлений, до г. Абрамова, г. Волынского, г. Розанова включительно) «накидываются на наследство с чрезвычайною злобностью» (180).— О каком наследстве говорит г. Михайловский? — О наследстве 60 — 70 годов, о том наследстве, от которого торжественно отказывались и отказываются «Московские Ведомости» (178).

Мы уже показали, что если говорить о «наследстве», которое досталось современным людям, то надо различать *два наследства:* одно наследство — просветителей вообще, людей, безусловно враждебных всему дореформенному, людей, стоящих за европейские идеалы и за интересы широкой массы населения. Другое наследство — народническое. Мы уже показали, что смешивать две эти различные вещи было бы грубой ошибкой, ибо всякий знает, что были и есть люди, хранящие «традиции 60-х годов» и не имеющие ничего общего с народничеством. Все замечания г-на Михайловского всецело и исключительно основаны на смешении этих совершенно различных наследств. А так как г. Михайловский не может не знать этого различия, то его выходка приобретает совершенно определенный характер не только вздорной, но и клеветнической выходки. Накидывались ли «Моск. Ведомости» специально на народничество? — Вовсе нет: они не менее, если не более, накидывались на просветителей вообще, и совершенно чуждый народничеству «Вестник Европы» — не меньший враг для них, чем народническое «Русское Богатство». С теми народниками, которые отказывались от наследства с наибольшей решительностью, напр., с Юзовым, «Моск. Ведомости», конечно, в очень многом не сошлись бы, но с злобностью накидываться на него они бы вряд ли стали, и уж во всяком случае похвалили бы его за то, чем он отличается от народников, желающих хранить наследство. — Накидывался ли г. Абрамов или г. Волынский на

народничество? — Вовсе нет. Первый из них сам народник; оба они накидывались на просветителей вообще. — Накидывались ли «русские ученики» на русских просветителей? Отказывались ли они когда-нибудь от наследства, завещавшего нам безусловную вражду к дореформенному быту и его остаткам? — Не только не накидывались, а, напротив, народников изобличали в стремлении поддержать некоторые из этих остатков ради мелко-буржуазных страхов перед капитализмом. — Накидывались ли они когда-нибудь на наследство, завещавшее нам европейские идеалы вообще? — Не только не накидывались, а, напротив, народников изобличали, что они вместо общеевропейских идеалов сочиняют по многим весьма важным вопросам всякие самобытные благоглупости. — Накидывались ли они когда-либо на наследство, завещавшее нам заботу об интересах трудящихся масс населения? — Не только не накидывались, а, напротив, народников изобличали в том, что их забота об этих интересах непоследовательна (ибо они усиленно смешивают крестьянскую буржуазию и сельский пролетариат); что польза от этих забот обессиливается мечтаниями о том, что могло бы быть, вместо обращения своего внимания на то, что есть; что их заботы крайне узки, ибо они никогда не умели оценить по достоинству условия (хозяйственные и другие), облегчающие или затрудняющие для этих лиц возможность самим заботиться о себе.

Г. Михайловский может не соглашаться с правильностью этих изобличений и, будучи народником, он, разумеется, не согласится с ними, — но говорить о «злобных» нападках на «наследство 60—70-х годов» людей, которые на самом деле «злобно» нападают *только на народничество,* нападают за то, что оно не сумело решить новых, выдвинутых пореформенной историей, вопросов *в духе этого наследства и без противоречий ему,* — говорить подобную вещь значит прямо извращать дело.

Г. Михайловский презабавно негодует на то, что «ученики» охотно смешивают «нас» (т.-е. публицистов «Русск. Богатства») с «народниками» и другими лицами, к «Р. Б — ву» непричастными (стр. 180). Ничего, кроме смеха, эта курьезная попытка выделить себя из числа «народников», сохраняя в то же время все основные воззрения народничества, вызвать не может. Всякий знает, что все «русские ученики» употребляют слова «народник» и «народничество» в широком смысле. Что между народниками есть не мало различных оттенков, этого никто не забывал и не отрицал: ни П. Струве, ни Н. Бельтов, напр., в своих книгах не «смешивали» г-на Н. Михайловского не только с г. В. В., но даже и с г. Южаковым, т.-е. не затушевывали различия в их воззрениях, не приписывали одному воззрений другого. П. Б. Струве даже прямо указывал на отличие взглядов г. Южакова от взглядов г. Михайловского. Одно дело — смешивать вместе различные воз-

зрения; другое дело — обобщать и подводить под одну категорию писателей, которые, несмотря на различия по многим вопросам, солидарны по тем основным и главным пунктам, против которых и восстают «ученики». Для «ученика» важно вовсе не то, чтобы показать, напр., негодность воззрений, отличающих какого-нибудь г. Юзова от других народников: для него важно опровергнуть воззрения, *общие и г. Юзову и г. Михайловскому и всем народникам вообще,* т.-е. их отношение к капиталистической эволюции России, их обсуждение вопросов экономических и публицистических с точки зрения мелкого производителя, их непонимание социального (или исторического) материализма. *Эти черты* составляют общее достояние целого течения общественной мысли, сыгравшего крупную историческую роль. В этом широком течении есть самые различные оттенки, есть правые и левые фланги, есть люди, опускавшиеся до национализма и антисемитизма и т. п., и есть люди, неповинные в этом; есть люди, с пренебрежительностью относившиеся ко многим заветам «наследства», и есть люди, старавшиеся, елико возможно, охранять эти заветы (т.-е. елико возможно для народника). Ни один из «русских учеников» не отрицал этих различий между оттенками, ни одного из них г. Михайловский не мог бы уличить в том, что он приписывал взгляды народника одного оттенка народнику другого оттенка. Но раз мы выступаем против основных воззрений, *общих* всем этим различным оттенкам, то с какой же стати нам говорить о частных различиях общего течения? Ведь это совершенно бессмысленное требование! Общность воззрений на русский капитализм, на крестьянскую «общину», на всесилие так-называемого «общества» у писателей, далеко не во всем солидарных, отмечалась не раз нашей литературой задолго еще до появления «учеников», и не только отмечалась, но и восхвалялась как счастливая особенность России. Термин «народничество» в широком смысле употреблялся опять-таки в нашей литературе задолго до появления «учеников». Г. Михайловский не только сотрудничал много лет в одном журнале с «народником» (в узком смысле) г. В. В., но и разделял с ним указанные выше основные черты воззрений. Возражая в 80-х и в 90-х годах против отдельных выводов г-на В. В., отвергая правильность его экскурсий в область отвлеченной социологии, г. Михайловский однако и в 80-х и в 90-х годах оговаривался, что его критика вовсе не направляется против экономических трудов г-на В. В., что он солидарен с ними в основных воззрениях на русский капитализм. Поэтому, если теперь столпы «Русского Богатства», так много сделавшие для развития, укрепления и распространения народнических (в широком смысле) воззрений, думают избавиться от критики «русских учеников» простым заявлением, что они не «народники» (в узком смысле), что они совсем особая «этико-социальная школа», — то,

разумеется, подобные уловки вызывают только справедливые насмешки над людьми, столь храбрыми и в то же время столь дипломатичными.

На стр. 182-й своей статьи г. Михайловский выдвигает против «учеников» еще следующий феноменальный довод. Г. Каменский ядовито нападает на народников [45]; это, изволите видеть, «свидетельствует, что он сердится, а это ему не полагается (sic!!). Мы, «субъективные старики», равно как и «субъективные юноши», не противореча себе, разрешаем себе эту слабость. Но представители учения, «справедливо гордого своею неумолимою объективностью» (выражение одного из «учеников»), находятся в ином положении».

Что это такое?! Если люди требуют, чтобы взгляды на социальные явления опирались на неумолимо объективный анализ *действительности* и действительного развития, — так из этого следует, что им не полагается сердиться?! Да ведь это просто галиматья, сапоги в смятку! Не слыхали ли Вы, г. Михайловский, о том, что одним из замечательнейших образцов неумолимой объективности в исследовании общественных явлений справедливо считается знаменитый трактат о «Капитале»? Целый ряд ученых и экономистов видят главный и основной недостаток этого трактата именно в неумолимой объективности. И однако в редком научном трактате вы найдете столько «сердца», столько горячих и страстных полемических выходок против представителей отсталых взглядов, против представителей тех общественных классов, которые, по убеждению автора, тормозят общественное развитие. Писатель, с неумолимой объективностью показавший, что воззрения, скажем, Прудона являются естественным, понятным, неизбежным отражением взглядов и настроения французского petit bourgeois *), — тем не менее с величайшей страстностью, с горячим гневом «накидывался» на этого идеолога мелкой буржуазии. Не полагает ли г. Михайловский, что Маркс тут «противоречит себе»? Если известное учение требует от каждого общественного деятеля неумолимо объективного анализа действительности и складывающихся на почве той действительности отношений между различными классами, — то каким чудом можно отсюда сделать вывод, что общественный деятель не должен симпатизировать тому или другому классу, что ему это «не полагается»? Смешно даже и говорить тут о долге, ибо ни один живой человек *не может не становиться на сторону* того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчиться его неудачами, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу, на тех, кто мешает его развитию распространением отсталых воззрений и т. д. и т. д.

*) — мелкого буржуа. *Ред.*

Пустяковинная выходка г-на Михайловского показывает только, что он до сих пор не разобрался в весьма элементарном вопросе о различии детерминизма от фатализма.

«Капитал идет»! — это несомненно», — пишет г. Михайловский, — «но (sic!!) вопрос в том, как его встретить» (стр. 189).

Г. Михайловский открывает Америку, указывает «вопрос», над которым «русские ученики» вовсе, очевидно, и не задумывались! Вовсе не по этому вопросу, должно быть, разошлись «русские ученики» с народниками! «Встретить» развивающийся в России капитализм можно только двояко: либо признать его прогрессивным явлением, либо регрессивным; либо — шагом вперед по настоящему пути, либо уклонением с истинного пути; либо оценивать его с точки зрения класса мелких производителей, разрушаемого капитализмом, либо — с точки зрения класса бесхозяйных производителей, создаваемого капитализмом. Середины тут нет *). След., если г. Михайловский отвергает правильность того отношения к капитализму, на котором настаивают «ученики», то он принимает, значит, отношение народническое, которое он много раз в прежних своих статьях выражал с полной определенностью. Никаких ни дополнений, ни изменений в своих старых взглядах на этот вопрос г. Михайловский не давал и не дает, оставаясь попрежнему народником. — Ничуть не бывало! Он — не народник, боже упаси! Он — представитель «этико-социологической школы»...

«Пусть не говорят», — продолжает г. Михайловский, — «о тех грядущих (??) благах, которые принесет (?) с собой дальнейшее развитие капитализма».

Г. Михайловский — не народник. Он только повторяет целиком ошибки народников и неправильные приемы их рассуждений. Сколько раз уже твердили народникам, что подобная постановка вопроса о «грядущем» неправильна, что речь идет не о «грядущих», а о действительных, уже имеющих место, прогрессивных изменениях до-капиталистических отношений, — изменениях, которые приносит (а не принесет) развитие капитализма в России. Перенося вопрос в область «грядущего», г. Михайловский тем самым признает в сущности за доказанные именно те положения, которые «учениками» и оспариваются. Он признает за доказанное, что, в действительности, в том, что происходит у нас перед глазами, никаких прогрессивных изменений в старых общественно-экономических отношениях развитие капитализма *не приносит*. Именно в этом-то и состоит народническое воззрение, и именно

*) Мы не говорим, разумеется, о той встрече, которая вовсе не считает нужным руководиться интересами труда, или для которой самое обобщение, выражаемое термином «капитализм», непонятно и неразумительно. Как ни важны в русской жизни относящиеся сюда течения общественной мысли, но в споре между народниками и их противниками они совершенно не при чем, и припутывать их не доводится.

против него полемизируют «русские ученики», доказывая обратное. Нет ни одной книжки, выпущенной «русскими учениками», в которой бы не говорилось и не показывалось, что замена отработков вольно-наемным трудом в земледелии, замена так-наз. «кустарной» промышленности фабричною есть действительное явление, происходящее (и притом с громадной быстротой) перед нашими глазами, а вовсе не «грядущее» только; что эта замена — во всех отношениях явление прогрессивное, что она разрушает рутинное, отличавшееся вековой неподвижностью и застоем, раздробленное, мелкое, ручное производство; что она повышает производительность общественного труда и тем самым создает возможность повышения жизненного уровня трудящегося; что она же создает условия, превращающие эту возможность в необходимость, именно: превращающие заброшенного «в захолустьи» «оседлого пролетария», оседлого и в физическом, и в моральном смысле, в подвижного, превращающие азиатские формы труда с бесконечно развитой кабалой, со всяческими формами личной зависимости — в европейские; что «европейский образ мыслей и чувствования не менее необходим (заметьте: необходим. *В. И.*) для успешной утилизации машин, чем пар, уголь и техника» *) и т. д. Все это говорится и доказывается, повторяем, каждым «учеником», но все это не имеет, должно быть, никакого отношения к г-ну Михайловскому «с товарищами»: все это пишется только против «народников», «непричастных» «Русскому Богатству». «Русское Богатство», ведь, это — «этико-социологическая школа», сущность которой состоит в том, чтобы под новым флагом провозить старый хлам.

Как мы уже заметили выше, задача нашей статьи — опровержение весьма распространенных в либерально-народнической прессе выдумок, будто «русские ученики» отрекаются от «наследства», порывают с лучшими традициями лучшей части русского общества и т. п. Небезынтересно будет отметить, что г. Михайловский, повторяя эти избитые фразы, сказал в сущности совершенно то же самое, что гораздо раньше и гораздо решительнее заявил «непричастный» «Р. Богатству» «народник» г. В. В. Знакомы ли вы, читатель, с теми статьями в «Неделе», которые поместил этот писатель три года тому назад, в конце 1894 года, в ответ на книгу П. Б. Струве [47])? Должен признаться, что, по моему мнению, вы ровно ничего не потеряли, если не познакомились с ними. Основная мысль этих статей состоит в том, что «русские ученики» обрывают будто бы демократическую нить, тянущуюся через все прогрессивные течения русской общественной мысли. Не то же ли самое только в несколько иных выражениях,

*) Слова Шульце-Геверница в «Schmollers Jahrbuch» [46]) 1896 в его статье о московско-владимирской хлопчатобумажной промышленности.

повторяет теперь г. Михайловский, обвиняя «учеников» в отречении от «наследства», на которое злобно накидываются «Московские Ведомости»? На самом деле, как мы видели, сочинители этой выдумки валят с больной головы на здоровую, утверждая, будто бесповоротный разрыв «учеников» с *народничеством* знаменует разрыв с лучшими традициями лучшей части русского общества. Не наоборот ли, господа? Не знаменует ли такой разрыв *очищение* этих лучших традиций *от народничества*?

К ВОПРОСУ О НАШЕЙ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ СТАТИСТИКЕ

(НОВЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ПОДВИГИ ПРОФ. КАРЫШЕВА)

Написано в середине 1898 г.
Напечатано в 1899 г. в сборнике: Владимир Ильин — «Экономические этюды и статьи»

Печатается по тексту сборника

Русская читающая публика довольно живо интересуется вопросом о нашей фабрично-заводской статистике и о главнейших выводах из нее. Этот интерес вполне понятен ввиду связи этого вопроса с более широким вопросом о «судьбах капитализма в России». К сожалению, однако, разработанность нашей фабрично-заводской статистики не находится ни в каком соответствии с общим интересом к ее данным. Поистине плачевно то состояние, в котором обретается у нас эта отрасль экономической статистики, и еще, пожалуй, плачевнее тот факт, что люди, пишущие о ней, проявляют зачастую удивительное непонимание характера обрабатываемых ими цифр, их достоверности и пригодности для тех или других выводов. Именно такой отзыв приходится сделать о новейшей работе г-на Карышева, напечатанной сначала в «Известиях Московского Сельско-Хозяйственного Института» (год IV, кн. 1), а затем вышедшей и отдельной брошюрой под громким заглавием: «Материалы по русскому народному хозяйству. I. Наша фабрично-заводская промышленность в половине 90-х годов» (Москва, 1898). Г. Карышев пытается в этой работе сделать выводы из новейшего издания д-та торговли и мануфактур о нашей фабрично-заводской промышленности *). Мы намерены подвергнуть подробному разбору как выводы г. Карышева, так и особенно его приемы. Нам кажется, что такой разбор будет иметь значение не только для определения того, как обрабатывает материал г. профессор такой-то (об этом достаточно бы сказать в нескольких строках рецензии), но и для определения того, насколько достоверны данные нашей фабрично-заводской статистики, к каким выводам они пригодны и к каким непригодны, каковы главнейшие нужды нашей фабрично-заводской статистики и задачи лиц, изучающих ее.

Источник, которым пользовался г. Карышев, содержит, как видно и из названия, перечень фабрик и заводов в Империи за 189⁴/₅ год. Издание полного списка всех фабрик и заводов

---

*) «М-во Финансов. Д-т торговли и мануфактур. Фабрично-заводская промышленность России. *Перечень фабрик и заводов*». СПБ. 1897, стр. 63 + VI + 1047.

(т.-е. *сравнительно* более крупных промышленных заведений, — с различным пониманием того, какие заведения считать крупными) не составляет новости в нашей литературе. Гг. Орлов и Будагов составляли уже с 1881 года «Указатель фабрик и заводов», последнее (3-ье) издание которого вышло в 1894 году. Гораздо раньше, еще в 1869 г., в 1-м выпуске «Ежегодника м-ва финансов» был напечатан список фабрик в примечаниях к статистическим ведомостям о промышленности. Материалом для всех этих изданий служили те ведомости, которые фабриканты и заводчики обязаны, по закону, ежегодно доставлять в министерство. Новое издание д-та торговли и мануфактур, отличаясь от прежних изданий этого рода несколько большим количеством сведений, имеет в то же время и громадные недостатки, которых не было в прежних изданиях и которые до последней степени затрудняют пользование им, как материалом по фабрично-заводской статистике. В введении к «Перечню» указывается именно на неудовлетворительное состояние этой статистики в прежнее время, и таким образом ясно определяется цель издания — служить не справочной только книгой, а именно материалом для статистики. Но, как статистическое издание, «Перечень» поражает абсолютным отсутствием каких бы то ни было сводных, итоговых цифр. Позволительно надеяться, что подобное издание, будучи первым в своем роде, будет и последним статистическим изданием без итогов. А для справочной книги является лишним балластом громадная масса сырого материала в виде груды цифр. Введение к «Перечню» резко критикует прежние ведомости, доставлявшиеся фабрикантами в м-во, говоря, что они «заключали в себе все одни и те же, из года в год повторявшиеся, сбивчивые сведения, не позволявшие определить точно даже количество выработанных товаров. Между тем, возможно полные и достоверные данные о производствах настоятельно необходимы» (стр. 1). Уж, конечно, мы не скажем ни одного слова в защиту совершенно устарелой, чисто дореформенной и по устройству, и по качеству, прежней системы нашей фабрично-заводской статистики. Но, к сожалению, улучшения в ее состоянии *почти не заметно* и поныне. Только что изданный громадный «Перечень» не дает еще права говорить о каких бы то ни было серьезных переменах в этой старой, всеми признанной за негодную, системе. Ведомости «не позволяли определить точно даже количество выработанных товаров»... Да, а вот в новейшем «Перечне» так и совсем никаких нет сведений о количестве товаров, хотя, напр., «Указатель» г. Орлова давал эти сведения по весьма многим фабрикам, по некоторым производствам даже о всех почти фабриках, так что и в итоговой табличке есть сведения о количестве продукта (производства кожевенное, винокуренное, кирпичное, крупяное, мукомольное,

восковое, салотопенное, льнотрепальное, пивоваренное). А материал «Указателя» состоял именно из этих старых ведомостей. В «Перечне» нет никаких сведений об исполнительных механизмах, хотя «Указатель» давал для некоторых производств эти сведения. «Введение» так описывает происшедшую перемену в нашей фабрично-заводской статистике: прежде фабриканты доставляли сведения «по краткой и недостаточно ясной программе» через полицию, и никто этих сведений не проверял. «Получался материал, на котором нельзя было основать никаких более или менее точных выводов» (стр. 1). Теперь программа составлена новая, гораздо более подробная, а собирание и проверка статистических сведений о фабриках и заводах возложены на фабричных инспекторов. С первого взгляда можно бы подумать, что мы вправе ожидать теперь действительно сносных данных, ибо правильная программа и обеспечение проверки данных, это — два важнейшие условия успешной статистики. На самом же деле оба эти условия и по сю пору находятся в том же первобытно-хаотическом виде, в каком они были и раньше. Подробная программа с ее разъяснениями не напечатана во «введении» к «Перечню», хотя статистическая методология требует опубликования той программы, по которой собраны сведения. Из последующего разбора материала «Перечня» мы увидим, что *основные* программные вопросы фабрично-заводской статистики остаются совершенно невыясненными. Что касается до проверки данных, то вот отзыв лица, практически применявшего эту проверку, именно старшего фабричного инспектора Херсонской губ., г. Микулина, издавшего книгу, которая содержит обработку статистических данных, собранных по новой системе в Херсонской губернии.

«Проверить фактически все цифровые данные, сообщенные владельцами промышленных заведений в доставленных ведомостях, не представлялось возможным, а потому ведомости были отсылаемы обратно для исправления лишь в тех случаях, когда в них оказывалась явная несообразность в ответах, по сравнению с данными других подобных заведений или же со сведениями, полученными при осмотрах заведений. *Во всяком случае ответственность за правильность цифровых данных, приведенных в списках для каждого заведения, лежит на лицах, их сообщавших*» («Фабрично-заводская и ремесленная промышленность Херсонской губ.». Одесса, 1897, предисловие. Курсив наш). Итак, ответственность за точность данных лежит по старому на самих фабрикантах. Представители фабричной инспекции не только не могли проверить всех данных, но и не обеспечили даже (как увидим ниже) их однородности и сравнимости.

Все недостатки «Перечня» и его материала мы перечислим подробно ниже. Основной же недостаток его, как мы уже ска-

зали, — полное отсутствие итогов (частные лица, составлявшие «Указатель», приводили итоги и с каждым изданием расширяли их). Г. Карышев, пользовавшийся сотрудничеством еще двух лиц, возымел благую мысль пополнить хоть отчасти этот пробел и подсчитать итоги нашей фабрично-заводской промышленности по «Перечню». Предприятие это очень полезное, и за осуществление его все были бы благодарны, если бы... если бы г. Карышев, во-первых, привел хоть некоторые полученные им итоги в полном виде, и, во-вторых, если бы он не проявил в обращении с материалом отсутствия критики, граничащего с бесцеремонностью. Невнимательно отнесшись к материалу и не обработав его статистически сколько-нибудь «обстоятельно» *), г. Карышев поспешил делать «выводы», при чем и впал, естественно, в целый ряд самых курьезных ошибок.

Начнем с первого, основного вопроса промышленной статистики: какие заведения следует относить к «фабрикам и заводам»? Г. Карышев даже и не ставит этого вопроса; он полагает, должно быть, что «фабрика и завод», это — нечто вполне определенное. Относительно «Перечня» он, со смелостью, достойной лучшего применения, утверждает, что это издание, в отличие от прежних, регистрирует не одни только *крупные*, а *все* фабрики. Утверждение это, повторенное автором дважды (стр. 23 и 34), *прямо неверно*. На самом деле, как раз наоборот, «Перечень» регистрирует лишь *более крупные* заведения сравнительно с прежними изданиями по фабрично-заводской статистике. Мы сейчас объясним, как мог г. Карышев «не заметить» подобной «мелочи», но сначала приведем одну историческую справку. До половины 80-х годов в нашей фабрично-заводской статистике не было *никаких* определений и правил, ограничивающих понятие фабрики более крупными промышленными заведениями. В статистику «фабрик и заводов» попадали все и всякие промышленные (и ремесленные) заведения, производя, разумеется, превеликий хаос в данных, так как полная регистрация всех подобных заведений абсолютно немыслима при наличных силах и средствах (т.-е. без правильной промышленной переписи), и в одних губерниях или производствах считали сотни и тысячи самых мелких заведений, а в других — лишь более крупные «фабрики». Естественно поэтому, что лица, впервые попытавшиеся научно разработать данные нашей фабрично-заводской статистики (в 60-х годах), обратили все внимание на этот вопрос и направили все усилия на то, чтобы выделить производства с более или менее достоверными данными от производств с абсолютно недостовер-

*) В противность мнению рецензента «Русских Ведомостей» (1898 г., № 144), который, видимо, столь же мало способен был критически отнестись к выводам г-на Карышева, как г. Карышев — к цифрам «Перечня».

ными данными, чтобы выделить заведения, настолько крупные, что об них возможно получить удовлетворительные данные, от заведений, настолько мелких, что об них невозможно получить удовлетворительных данных. Бушен *), Бок **) и Тимирязев ***) дали такие ценные указания по всем этим вопросам, что если бы эти указания были тщательно соблюдены и развиты составителями нашей фабрично-заводской статистики, то мы имели бы теперь, вероятно, очень сносные данные. На деле же все эти указания остались, как водится, гласом вопиющего в пустыне, и фабрично-заводская статистика осталась в прежнем хаотическом виде. С 1889 года департамент торговли и мануфактур начал издавать «Своды данных о фабрично-заводской промышленности в России» (за 1885 и след. годы). В этом издании был сделан маленький шаг вперед: были выбрасываемы мелкие заведения, т.-е. имеющие сумму производства менее 1.000 рублей. Само собою разумеется, что эта норма была слишком низка и слишком груба: *о полной* регистрации *всех* промышленных заведений с производством выше этой суммы смешно было бы и думать при собирании сведений через полицию. По-прежнему одни губернии и одни производства включали массы мелких заведений с 2—5 тыс. рублей производства, а другие губернии и другие производства — опускали их. Примеры мы увидим ниже. Наконец, новейшая система нашей фабрично-заводской статистики ввела совершенно новый признак для определения понятия «фабрики и завода». Признаны были подлежащими регистрации «все промышленные заведения» (из «*находящихся в заведывании» фабричной инспекции*), «имеющие не менее 15 рабочих, а равно и те, которые, при числе рабочих менее 15, имеют паровой котел, паровую машину *или другие механические двигатели и машины или заводские и фабричные устройства*»****). Мы должны подробно остановиться на этом определении (особенно неясные пункты его нами подчеркнуты), но сначала отметим, что устанавливаемое здесь понятие «фабрики и завода» является совершенной новостью в нашей фабрично-заводской статистике: до сих пор никогда не делалось попыток

*) «Ежегодник Министерства Финансов». Вып. I. Спб. 1869.

**) «Статистический Временник Российской Империи». Серия II, вып. 6. Спб. 1872. Материалы для статистики фабрично-заводской промышленности в Европейской России, разработанные под ред. *И. Бока*.

***) «Статистический атлас главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской России с поименным списком фабрик и заводов». 3 выпуска. Спб. 1869, 1870 и 1873.

****) Циркуляр от 7 июня 1895 г. у Кобеляцкого («Справочная книга для чинов фабричной инспекции и т. д.». 4-е изд. Спб. 1897, стр. 35. Курсив наш). В «введении» к «Перечню» этот циркуляр не перепечатан, и г. Карышев, обрабатывая материал «Перечня», не позаботился разузнать, что разумеет «Перечень» под «фабриками и заводами»!!

ограничить понятие «фабрики» заведениями с определенным числом рабочих или с паровым двигателем и т. п. Вообще говоря, строго ограничить понятие «фабрики и завода» безусловно необходимо, но приведенное сейчас определение страдает, к сожалению, крайней неточностью, неясностью и расплывчатостью. В нем указаны следующие признаки заведений, подлежащих регистрации в «фабрично-заводской» статистике: 1) Нахождение заведения в заведывании фабричной инспекции. Этим исключаются, повидимому, заведения, принадлежащие казне и пр., заводы горные и т. д. Но в «Перечень» вошло много казенных и правительственных фабрик (см. Алфавитный список, стр. 1—2), и мы не знаем, во всех ли губерниях они регистрировались, подлежали ли данные об них проверке фабричной инспекции, и т. д. Вообще необходимо заметить, что пока наша фабрично-заводская статистика не высвободится из паутины различных «ведомств», к которым принадлежат различные промышленные заведения, — до тех пор она *не может быть* удовлетворительной: границы ведомств часто сливаются, подвергаются изменениям; применение даже одинаковых программ разными ведомствами никогда не будет одинаково. Рациональная постановка дела необходимо требует сосредоточения всех сведений о всех промышленных заведениях в одном чисто-статистическом учреждении, тщательно наблюдающем за одинаковостью приемов собирания и обработки данных. Пока этого нет, необходимо с крайней осторожностью относиться к данным фабрично-заводской статистики, то включающим, то выключающим (в разное время и в разных губерниях) заведения «другого ведомства». Напр., горные заводы давно уже исключаются из нашей фабрично-заводской статистики, но тем не менее «Указатель» Орлова считал и в последнем издании немало горных заводов (почти все рельсовое производство, заводы Ижевский и Воткинский Вятской губ. и пр.), которых не считает «Перечень», регистрирующий однако в некоторых других губерниях горные заводы, которые раньше не считались в «фабрично-заводской» статистике (напр., медноплавильный завод Сименса в Елисаветпольской губ., стр. 330). В «введении» к «Перечню» указаны в отделе VIII производства железоделательное, чугунноплавильное, чугунно- и меднолитейное и пр. (стр. III), но не указано совершенно, как отделялись заводы горные от заводов, «подведомственных» департаменту торговли и мануфактур. 2) Регистрации подлежат лишь *промышленные* заведения. Этот признак вовсе не так ясен, как кажется с первого взгляда: выделение ремесленных и сельско-хозяйственных заведений требует подробных и тщательных правил, составленных применительно к каждому производству. Примеры путаницы, порождаемой их отсутствием, мы увидим в изобилии ниже. 3) Число рабочих в заведении должно

быть не менее 15-ти. Неясно, считаются ли лишь рабочие в заведении или также и рабочие на стороне; не разъяснено, как выделять тех и других (это тоже нелегкий вопрос), считать ли рабочих вспомогательных и т. д. Г. Микулин в своей вышецитированной книге приводит примеры проистекающей из этой неясности путаницы. «Перечень» приводит не мало заведений, имеющих рабочих *только* на стороне, вне заведения. Само собою разумеется, что попытка обнять *все* заведения этого рода (т.-е. все магазины, раздающие работы, всех давальцев работы в так называемых кустарных промыслах и т. д.) при современной системе собирания сведений может вызвать лишь улыбку, а отрывочные данные по некоторым губерниям и некоторым производствам лишены значения и вносят только путаницу. 4) К «фабрикам и заводам» относятся все заведения, имеющие паровой котел или паровую машину. Признак наиболее точный и наиболее удачно выбранный, так как применение пара действительно характерно для развития крупной машинной индустрии. 5) К «фабрикам и заводам» относятся заведения, имеющие «другие» (не паровые) «механические двигатели». Признак очень неточный и непомерно широкий: на основании этого признака можно отнести к числу фабрик заведения с водяным, конным, ветряным, даже топчаковым двигателем. Так как о полной регистрации всех подобных заведений не может быть и речи, то неизбежно должна произойти путаница, примеры которой мы сейчас увидим. 6) К «фабрикам и заводам» отнесены заведения, имеющие «заводские и фабричные устройства». Этот последний, абсолютно неопределенный и расплывчатый признак, уничтожает значение всех предыдущих и делает неизбежными хаотичность и несравнимость данных. В различных губерниях это определение неизбежно будут понимать различно, да и какое же это определение? Фабрикой или заводом называется заведение, имеющее фабричные или заводские устройства... Таково последнее слово новейшей системы нашей фабрично-заводской статистики. Неудивительно, что эта статистика так неудовлетворительна. Приведем примеры из *всех* отделов «Перечня», чтобы показать, как в отдельных губерниях и в отдельных производствах регистрируются самые мелкие заведения, вносящие путаницу в фабрично-заводскую статистику, так как о перечислении всех подобных заведений не может быть и речи. Вот отдел I: «обработка хлопка». На стр. 10—11 встречаем пять «фабрик», находящихся в селах Владимирской губернии и окрашивающих за плату чужую пряжу и холст (sic!). Вместо суммы производства указана плата за окраску от 10 руб. (?) до 600 р., при числе рабочих от 0 (значит ли это, что нет сведений о числе рабочих или что нет *наемных* рабочих, неизвестно) до 3-х. Двигателей никаких нет. Это — крестьянские красильни, т.-е. самые примитивные ремес-

ленные заведения, случайно зарегистрированные в одной губернии и опущенные, разумеется, в других. В отделе II (обработка шерсти) находим в той же Владимирской губернии ручные «фабрики», перебивающие чужую шерсть за плату 12—48 руб. в год, при 0—1 рабочих. Вот шелковая фабрика (отд. III, № 2517) в деревне, с 3 рабочими, с производством на 660 руб., ручная. Вот опять деревенские красильни в той же Владимирской губ., с 0—3 рабочими, ручные, с платой за обработку холста в 150—550 руб. (отд. IV, обработка льна, стр. 141). Вот рогожная «фабрика» (отд. V) с 6-ю рабочими, с производством на 921 р., ручная (№ 3936), в Пермской губ. В других губерниях (напр., Костромской) подобных заведений тоже, разумеется, не мало, но они не считались фабриками. Типография (отд. VI) с 1 раб., с производством на 300 руб. (№ 4167): в других губерниях считали только крупные типографии, в третьих — вовсе не считали типографий. Лесопильный «завод» с 3 раб., с платой 100 руб. за выделку клепок (отд. VII, № 6274). Вот завод по обработке металлов (VIII отд.) с 3 рабоч., ручной, с производством на 575 р. (№ 8962). В IX отделе (обработка минеральных продуктов) очень много самых мелких заведений, особенно кирпичных заводов, напр., с 1 рабочим, с производством на 48—50 руб. и т. п. В X отделе (обработка животных продуктов) — мелкие свечно-сальные, овчинные, кожевенные и т. д. заведения, ручные, с 0—1—2 рабоч., с производством в несколько сот рублей (стр. 489, 507 и др.). Но всего больше мелких заведений чисто ремесленного типа в отд. XI (обработка питательных веществ), в производстве маслобойном и особенно мукомольном. Именно в этом последнем производстве всего важнее строгое разграничение «заводов» от мелких заведений, но до сих пор этого не сделано, и во всех изданиях по нашей фабрично-заводской статистике царит полный хаос. Попытка упорядочить статистику мукомольной промышленности фабрично-заводского типа, сделанная первым съездом секретарей губернских статистических комитетов (в мае 1870 г.) *), — так и осталась втуне, и с тех пор составители нашей фабрично-заводской статистики как бы и не думают вовсе о полной негодности печатаемых ими данных. В число «фабрик и заводов» «Перечень» включил, напр., ветряные мельницы с 1 рабоч., с платой за работу от 0 до 52 руб. и т. д. (стр. 587, 589 и мн. др.), водяные мельницы с одним колесом, с 1 рабоч., с платой за работу 34—80 руб. и т. д. (стр. 589 и мн. др.) и т. п. Разумеется, такая «статистика» просто смешна, ибо

*) По составленному съездом проекту правил о собирании сведений о промышленности — из числа фабрик исключались все мельницы, имеющие менее 10 поставов, но не крупчатки. «Стат. Врем.». Серия II, вып. 6, введение, стр. XIII.

перечнем подобных мельниц можно бы наполнить еще один и даже несколько томов и все же не дать полного перечня. Даже в отделе химических производств (XII) попали мелкие заведения, напр., деревенские смолокурни с 1—3 рабоч., с производством на 15—300 руб. (стр. 995 и др.). При таких приемах можно бы дойти и до той «статистики», которую дал в 1860-х годах известный «Военно-Статистический Сборник», насчитавший в Евр. России 3.086 смоляных и дегтярных «заводов», в том числе 1.450 в Архангельской губернии (с 4.202 рабоч. и с производством в 156.274 руб., т.-е. в среднем на «завод» меньше 3-х рабочих и немного более 100 руб.). Как нарочно, именно Архангельской губернии и нет вовсе в «Перечне» по этому отделу: должно быть, крестьяне не гонят там теперь смолы и не изготовляют дегтя! Заметим, что во всех указанных нами примерах зарегистрированы заведения, не подходящие под определения циркуляра от 7 июня 1895 г. Поэтому регистрация их *чисто случайна:* в одних губерниях (может быть даже уездах) они считались, в большинстве опускались. По статистике прежней (с 1885 года) подобные заведения исключались, как имеющие менее 1.000 руб. производства.

Не разобравшись совершенно в этом основном вопросе фабрично-заводской статистики, г. Карышев не постеснялся однако делать «выводы» из полученных им при подсчете цифр. Первый из этих выводов гласит, что число фабрик в России уменьшается (стр. 4 и др.). Для получения этого вывода г. Карышев поступил очень просто: взял число фабрик за 1885 год по данным департамента торговли и мануфактур (17.014) и вычел из него число фабрик в Европ. России по «Перечню» (14. 578). Оказывается уменьшение на 14,3% — г. профессор подсчитывает даже величину процента, не смущаясь тем, что данные 1885 года не включают акцизных заводов; он ограничивается замечанием, что прибавление акцизных заведений усилило бы «сокращение» числа фабрик. И автор принимается рассматривать, в какой части России этот «процесс сокращения числа заведений» (стр. 5) происходит «быстрее». На самом деле *никакого процесса сокращения не происходит, число фабрик в России не уменьшается, а увеличивается,* а сочиненный г-ном Карышевым вывод получился оттого, что ученый профессор сравнивает совершенно несравнимые данные *). И несравнимость эта происходит вовсе

*) В 1889 г. г-н Карышев брал («Юр. В.», № 9) за 1885 г. данные, извлеченные из всеподданнейших отчетов гг. губернаторов, данные, включающие тысячи самых мелких мельниц, маслобоек, кирпичных, гончарных, кожевенных, овчинных и прочих кустарных заведений, и определял число «фабрик» в Европ. России в *62.801!* Удивляемся, отчего это он не вычислил процента «сокращения» числа фабрик в настоящее время по сравнению с этим числом.

не оттого, что за 1885 г. отсутствуют данные об акцизных заводах. Г. Карышев мог бы взять и такие цифры, которые включают акцизные заводы (из цитированного уже «Указателя» Орлова, составленного по тем же ведомостям департамента торг. и мануф.), мог бы таким образом определить число «фабрик» в Европ. России в *27.986* для 1879 г., в *27.235* для 1884 г., в *21.124* для 1890 г., и «уменьшение» к 1894—95 г. (14.578) оказалось бы несравненно более сильным. Беда только в том, что все эти числа непригодны для сравнения потому, во-1-х, что понятие «фабрика» неодинаково в старых и в теперешних изданиях по фабричной статистике, и потому, во-2-х, что в число «фабрик» попадают случайно и беспорядочно (по некоторым губерниям, за некоторые годы) самые мелкие заведения, о полной регистрации которых при наличных средствах нашей статистики было бы смешно и думать. Если бы, напр., г. Карышев потрудился разобрать определение «фабрики» «Перечнем», то он увидел бы, что для сравнения числа фабрик по этому изданию с числом фабрик по другим изданиям *необходимо взять одни только заведения с 15 и более рабочими*, так как *только этого рода* заведения «Перечень» регистрировал вполне и без всяких ограничений по всем губерниям и по всем производствам. Так как подобные заведения принадлежат к числу сравнительно крупных, то регистрация их наиболее удовлетворительна и в прежних изданиях. Обеспечив таким образом однородность сравнимых данных, подсчитаем число фабрик с 16-ю *) и более рабочими по «Указателю» за 1879 год и по «Перечню» за 1894—95 г. для Европ. России. Получаем следующие поучительные цифры:

Источники	Годы	Число фабрик и заводов Евр. России: Всего	Имеющих 16 и более рабочих	Имеющих менее 16 рабочих
«Указатель», 1-е издание.	1879	27.986**)	4.551	23.435
» 3-е »	1890	21.124	6.013	15.111
«Перечень»	1894/5	14.578	6.659,а без типографий 6.372	7.919

Таким образом, сравнение тех чисел, которые только и могут быть признаны приблизительно однородными, сравнимыми и полными, показывает, что *число фабрик в России увеличивается*

*) Мы берем 16, а не 15 рабочих отчасти потому, что подсчет фабрик с 16 и более рабочими сделан уже в «Указателе» за 1890 г. (3-е изд., с.X), отчасти потому, что разъяснения министерства финансов берут иногда эту норму (см. Кобеляцкий, l. с., с. 14).

**) Некоторые недостающие сведения пополнены приблизительно: см. «Указатель», стр. 695.

и притом довольно быстро: за 15 — 16 лет (1879 — 1894/5) с 4,5 тыс. до 6,4 тыс., т.-е. на 40% (типографии в 1879 и 1890 г.г. не считались в числе фабрик). Что же касается до числа заведений, имеющих менее 16-ти рабочих, то сравнивать их за указанные годы было бы *нелепо*, потому что во всех этих изданиях приняты разные определения «фабрики», разные системы исключения мелких заведений. В 1879 г. *никакие* мелкие заведения не исключались; *от этого* в производствах, соприкасающихся с сельским хозяйством и крестьянскими промыслами (мукомольное, маслобойное, кирпичное, кожевенное, гончарное и пр.), считалась масса самых мелких заведений, отброшенных в позднейших изданиях. В 1890 г. отбрасывались уже некоторые мелкие заведения (с суммой производства менее 1.000 руб.); от этого и мелких «фабрик» меньше. Наконец, в 1894/5 г. отбрасывалась масса заведений, имеющих менее 15-ти рабочих, вследствие чего число мелких «фабрик» и упало сразу почти вдвое против 1890 года. Числа фабрик за 1879 и 1890 г.г. можно сделать сравнимыми еще иным способом, выделяя заведения с производством не менее 2-х тыс. руб. Дело в том, что итоги «Указателя», приведенные нами выше, относятся ко всем регистрируемым заведениям, тогда как в *поименный список* фабрик «Указатель» вносил лишь заведения с производством не менее 2-х тыс. руб. Число заведений этого рода можно признать приблизительно сравнимым (хотя полным список таких заведений при современном состоянии нашей статистики никогда не может быть), за исключением однако мукомольного производства. В этом производстве регистрация носит совершенно случайный характер и в «Указателе» и в «Своде» департамента торговли и мануфактур по разным губерниям и за разные годы. В одних губерниях к «фабрикам» относят только паровые мельницы, в других — присоединяют крупнейшие водяные, в третьих считают сотни ветрянок, в четвертых даже конные и топчаковые мельницы и т. п. Ограничение суммы производства нисколько не устраняет хаоса в статистике мельниц заводского типа, потому что вместо суммы производства здесь берут количество муки, которое и в очень мелких мельницах часто составляет более 2-х тыс. пудов в год. Поэтому число мельниц, попадающих в фабрично-заводскую статистику, делает невероятные скачки по годам, вследствие неоднородности приемов регистрации. Напр., «Свод» за 1889, 1890 и 1891 г.г. считал в Европ. России 5.073, 5.605 и 5.201 мельницу. В Воронежской губ. число мельниц с 87 в 1889 г. сразу поднялось до 285 в 1890 г. и 483 в 1892 г. вследствие случайного причисления ветрянок. В Донской области число мельниц с 59 в 1887 г. поднялось до 545 в 1888 г., до 976 в 1890 г., и затем упало до 685 в 1892 г. (ибо ветрянки то считались, то не считались) и т. д. и т. д. Понятно, что поль-

зоваться такими данными непозволительно. Поэтому мы берем лишь паровые мельницы и, присоединяя к ним заведения остальных производств с суммой производства не менее 2-х тыс. руб., получаем число фабрик в Евр. России в 1879 г. около $11^1/_2$ тысяч, а в 1890 г. — около $15^1/_2$ тысяч *). Опять-таки, следовательно, мы видим *увеличение числа фабрик*, а не сочиненное г-ном Карышевым уменьшение. Теория г. Карышева о «процессе сокращения числа заведений» в фабрично-заводской промышленности России есть чистая басня, основанная на более чем недостаточном знакомстве с материалом, который он взялся обрабатывать. Г. Карышев говорил о числе фабрик в России еще в 1889 году («Юр. В.», № 9), сравнивая совершенно непригодные цифры, взятые из всеподданнейших отчетов гг. губернаторов и напечатанные в «Сборнике сведений по России за $188^1/_5$ г.» (Спб. 1887, табл. XXXIX) с курьезными цифрами «Военно-Статистического Сборника» (вып. IV. Спб. 1871), который считал в числе «фабрик» тысячи самых мелких ремесленных и кустарных заведений, тысячи табачных плантаций (sic! см. стр. 345 и 414 «В.-Стат. Сборника» о табачных «фабриках» Бессарабской губернии), тысячи сельско-хозяйственных мельниц и маслобоек и пр. и пр. Неудивительно, что «В.-Стат. Сборн.» насчитал таким образом свыше 70 тыс. «фабрик» в Европ. России в 1866 г. Удивительно, что нашелся человек, до того невнимательно и без критики относящийся ко всякой напечатанной цифре, чтобы взять ее за основание для выкладок **).

Здесь необходимо маленькое отступление. Из своей теории уменьшения числа фабрик г. Карышев выводит наличность процесса концентрации промышленности. Само собою разумеется, что, отвергая его теорию, мы отнюдь не отрицаем этого вывода, который только неправильно доказывается г-ном Карышевым. Для доказательства этого процесса необходимо выделить крупнейшие заведения. Возьмем, напр., заведения, имеющие 100 и более рабочих. Сопоставляя число таких заведений, число рабочих и сумму производства в них сравнительно с данными обо всех заведениях, получим такую табличку:

---

*) Получить соответствующую цифру по данным «Перечня» невозможно, во-1-х, потому, что им отброшена масса заведений с производством в 2 тыс. руб. и свыше вследствие нахождения в них менее 15 рабочих. Во-2-х, потому, что «Перечень» считал сумму производства без акциза (в отличие от прежней статистики). В-3-х, потому, что «Перечень» считал иногда не сумму производства, а плату за обработку сырого материала.

**) Г. Туган-Барановский показал уже, на вопросе о числе фабрично-заводских рабочих, полную негодность данных «В.-Стат. Сборн.» (См. его книгу «*Фабрика* и т. д.». Спб. 1898, стр. 336 и след. и «*Мир Божий*» [48], 1898, № 4), и гг. Н. — он и Карышев отвечают на его прямой вызов молчанием. Им и в самом деле ничего не остается, как молчать.

См. примечание *)	1879 год			1890 год			1894/5 год		
	Число		Сумма производства в тыс. руб.	Число		Сумма производства в тыс. руб.	Число		Сумма производства в тыс. руб.
	Фабрик	Рабочих		Фабрик	Рабочих		Фабрик	Рабочих	
Все «фабрики и заводы» . . .	27.986	763.152	1.148.134	21.124	875.764	1.500.871	14.578	885.555	1.345.346
Заведения, имеющие 100 и более рабочих .	1.238	509.653	629.926	1.431	623.146	858.578	1.4[illegible]8	655.670	955.233
% к итогу . .	—	66,8%	54,8%	—	71,1%	57,2%	—	74%	70,8%

*) Источники те же. За 1879 г., как уже указано, некоторые данные пополнены приблизительно. Общие данные «Указателей» и «Перечня» несравнимы, но мы сравниваем здесь *лишь проценты* к общему числу рабочих и к общей сумме производства, а эти данные в итогах гораздо достовернее (как мы скажем ниже), чем данные об общем числе фабрик. Подсчет крупных заведений взят из сочинения о «Капитализме в России», которое пишущий эти строки подготовляет к печати (см. III том Сочинений В. И. Ленина. *Ред.*).

Из этой таблички видно, что число очень крупных заведений возрастает, а равно и число рабочих на них и сумма производства, составляя все большую и большую часть из всего числа рабочих и всей суммы производства на официально регистрируемых «фабриках и заводах». Нам могут заметить, пожалуй, что если происходит концентрация промышленности, то, значит, крупные заведения вытесняют мелкие и число последних уменьшается, а, следовательно, и число всех заведений. Но, во-1-х, этот последний вывод относится уже не к «фабрикам и заводам», *а ко всем промышленным заведениям,* о которых мы не имеем права говорить, так как никакой мало-мальски достоверной и полной статистики промышленных заведений у нас нет. Во-2-х, и с чисто теоретической точки зрения, а priori *), нельзя сказать, чтобы в развивающемся капиталистическом обществе непременно и всегда должно было происходить сокращение числа промышленных заведений, ибо на-ряду с процессом концентрации промышленности идет процесс отвлечения населения от земледелия, процесс роста мелких промышленных заведений в отсталых частях страны вследствие разложения полунатурального крестьянского хозяйства и т. д. **).

Возвратимся к г-ну Карышеву. На наименее достоверные данные (именно данные о числе «фабрик и заводов») он обращает едва ли не больше всего внимания. Он делит губернии на группы по числу «фабрик», составляет картограмму с обозначением этих групп, составляет особую таблицу губерний с наибольшим числом «фабрик» по каждому отделу производств (стр. 16 — 17); вычисляет массу процентов погубернского числа фабрик к общему числу их (стр. 12 — 15). Г. Карышев забыл при этом мелочь: он забыл поставить вопрос, *сравнимы ли числа фабрик по разным губерниям?* Вопрос этот должен быть разрешен отрицательно, и, следовательно, бо̀льшая часть вычислений, сопоставлений и рассуждений г-на Карышева должна быть отнесена к области невинных статистических упражнений. Если бы г. профессор ознакомился с определением «фабрики и завода» по циркуляру 7 июня 1895 г., то он легко бы догадался, что столь неясное определение *не может* одинаково применяться в различных губерниях, и к такому же выводу его могло бы привести более внимательное ознакомление с самим «Перечнем». Приведем примеры. По числу заведений в XI отделе (обработка питательных продуктов; в этой группе наибольшее число фабрик) г. Кары-

*) — заранее, без фактического обследования. *Ред.*

**) Напр., «кустарная перепись» 1894/5 г. в Пермской губ. показала, что в деревнях основывается в пореформенную эпоху с каждым десятилетием все больше и больше мелких промышленных заведений. См. «Обзор Пермского края. Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губ.». Пермь, 1896.

шев выделяет губернии Воронежскую, Вятскую, Владимирскую (стр. 12). Но обилие «фабрик и заводов» в этих губерниях объясняется прежде всего *чисто случайной* регистрацией именно в этих губерниях таких мелких заведений, которые не считались в других губерниях. Напр., в Воронежской губ. много «заводов» оказалось просто потому, что здесь считаны мелкие мельницы (из 124 мельниц только 27 паровых; много водяных с 1 — 2 — 3 колесами. Подобные мельницы в других губерниях не считались, да и нельзя было бы пересчитать их вполне), мелкие маслобойни (большею частью с конным двигателем), которые в других губерниях не считались. В Вятской губ. из 116 мельниц только 3 паровые, во Владимирской сосчитан десяток ветрянок и 168 маслобоек, большая часть которых с ветряным или конным двигателем или ручные. Если в других губерниях меньше заведений, то это, конечно, не значит, чтобы там не было ветрянок, мелких водяных мельниц и т. п. Там их только не считали. В целом ряде губерний считаны почти только одни паровые мельницы (Бессарабская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская и др.), а мукомольное производство дает 2.308 «фабрик» из 6.233 в Европейской России по XI отделу. Нелепо было говорить о погубернском распределении фабрик, не выяснивши *неоднородности* данных. Возьмем IX отдел, обработку минералов. Вот, напр., во Владимирской губ. 96 кирпичных заводов, а в Донской — 31, т.-е. более чем втрое меньше. По «Указателю» (за 1890 г.) было наоборот: во Владимирской — 16, а в Донской — 61 завод. Оказывается, что во Владимирской губ., по «Перечню», из 96 заводов только 5 имеют 16 и более рабочих, а в Донской 26 (из 31). Ясно, что дело объясняется просто тем, что в Донской области не так щедро зачисляли мелкие кирпичные заведения в «заводы», как во Владимирской, вот и все (мелкие кирпичные заводы во Владимирской губ. все ручные). Г. Карышев ничего этого не видит (стр. 14). Об отделе X (обработка животных продуктов) г. Карышев говорит, что число заведений почти во всех губерниях невелико, но «резким исключением служит Нижегородская с ее 252 фабриками» (с. 14). Происходит это прежде всего от того, что в этой губернии считано очень много мелких ручных заведений (иногда с конным и ветряным двигателем), которые не считались в других губерниях. Например, в Могилевской губернии «Перечень» считает только 2 фабрики в этом отделе; в каждой более 15-ти рабочих. Мелких же заводов по обработке животных продуктов в Могилевской губ. тоже можно было насчитать десятки, как и насчитал «Указатель» за 1890 г., показывающий в ней 99 заводов по обработке животных продуктов. Спрашивается, какой смысл имеют после этого расчеты г-на Карышева о процентном распределении «фабрик», столь различно понимаемых?

Чтобы нагляднее показать различное понимание термина «фабрика» в различных губерниях, возьмем две соседние губернии: Владимирскую и Костромскую. В первой, по «Перечню», 993 «фабрики», — во второй — 165. В первой во всех производствах (отделах) есть самые мелкие заведения, которые подавляют крупные своей численностью (только 324 заведения имеют по 16 и более рабочих). Во второй — очень немного мелких заведений (112 фабрик из 165 имеют по 16 и более рабочих), хотя всякий понимает, что и в ней можно бы насчитать не мало ветряных мельниц, маслобоек, мелких крахмальных, кирпичных, смолокуренных заводов и пр. и пр. *).

Беззаботность г-на Карышева насчет достоверности употребляемых им цифр доходит до геркулесовых столбов, когда он сравнивает погубернские числа «фабрик» за 189⁴/₅ г. (по «Перечню») и за 1885 г. (по «Своду»). С самым серьезным видом ведется здесь рассуждение о том, что в Вятской губернии число фабрик увеличилось, в Пермской — «значительно уменьшилось», в Владимирской — существенно увеличилось и пр. (с. 6 — 7). «И в этом можно видеть, — глубокомысленно заключает наш автор, — что указанный процесс уменьшения числа фабрик менее касается местностей с более развитой, более старой индустрией, чем тех, где она моложе» (с. 7). Подобный вывод звучит очень «по ученому»; жаль только, что он совершенно вздорный. Цифры, употребляемые г-ном Карышевым, совершенно случайные. Например, в Пермской губернии число «фабрик» по «Своду» было в 1885 — 90 г.г.: 1.001, 895, 951, 846, 917 и 1.002, а затем к 1891-му году это число вдруг падает до 585. Одна из причин этих скачков — зачисление в «фабрики» то 469 мельниц (1890 г.), то 229 (1891). Если «Перечень» считает в этой губернии лишь 362 фабрики, то надо принять во внимание, что в число «фабрик» он включает уже всего 66 мельниц. Если в Владимирской губернии число «фабрик» увеличилось, то надо вспомнить о регистрации «Перечнем» мелких заведений в этой губернии. В Вятской губернии «Свод» считал с 1887 по 1892 год 1 — 2 — 2 — 30 — 28 — 25 мельниц, а «Перечень» насчитал 116. Одним словом, предпринятое г-ном Карышевым сравнение доказывает только паки и паки его полное неумение разбираться в цифрах разных источников.

---

*) Вот еще пример произвольного определения числа «фабрик» в нашей «новейшей» системе фабрично-заводской статистики. За 189⁴/₅ г. «Перечень» считает в Херсонской губернии 471 фабрику (г. Карышев, цит. соч., с. 5), а за 1896 г. г. Микулин насчитывает уже вдруг 1.249 «фабрично-заводских заведений» (цит. соч., стр. XIII), в том числе 773 с механическим двигателем и 109 без механического двигателя при числе рабочих больше 15-ти. При неясности понятия «фабрики» подобные скачки всегда будут неизбежны.

Приводя число фабрик по разным отделам (группам производств) и вычисляя проценты этих чисел к общему числу фабрик, г. Карышев опять-таки не замечает, что в разных отделах попадали неодинаковые количества мелких заведений (например, в текстильной и в металлургической промышленности их всего меньше, около $^1/_3$ общего числа по Европейской России, а в промышленности по обработке животных и питательных продуктов их до $^2/_3$ общего числа). Понятно, что у него получается таким образом сравнение неоднородных величин, и процентные вычисления (с. 8) лишены всякого смысла. Одним словом, во всем вопросе о числе «фабрик» и распределении их г. Карышев проявил полное непонимание характера употребляемых им данных и степени их достоверности.

Переходя от числа фабрик к числу рабочих, мы должны прежде всего сказать, что общие числа рабочих в нашей фабрично-заводской статистике гораздо достовернее, чем числа фабрик. Путаницы, конечно, и здесь немало, а также пропусков и уменьшений действительного числа. Но здесь нет такой разнокалиберности данных, а непомерные колебания в числе мелких заведений, то включаемых в число фабрик, то исключаемых, отражаются очень мало на итоге рабочих по той простой причине, что даже очень значительный процент самых мелких заведений дает очень небольшой процент общего числа рабочих. Мы видели выше, что за $189^4/_5$ год на 1.468 фабриках (10% всего числа) сосредоточено 74% рабочих. Число мелких фабрик (имеющих менее 16-ти рабочих) составляет 7.919 из 14.578, т.-е. более половины, а рабочих на них будет примерно (считая даже по 8 рабочих в среднем на заведение) каких-нибудь 7%. От этого и происходит такое явление, что при громадном различии в числе фабрик за 1890 г. (по «Указателю») и за $189^4/_5$ — различие в числе рабочих оказывается незначительным: в 1890 г. их было 875.864 в 50 губерниях Европейской России, а в $189^4/_5$ г. 885.555 (мы считаем только рабочих в заведении). Вычитая из первого числа рабочих в рельсовом (24.445) и солеварном (3.704) производствах, не считанных «Перечнем», а из второго числа рабочих в типографиях (16.521), не считанных «Указателем», получаем за 1890 г. — 847.615 рабочих, а за $189^4/_5$ г. — 869.034, т.-е. больше на 2,5%. Разумеется, этот процент не может выразить действительного увеличения, так как в $189^4/_5$ г. не считаны многие мелкие заведения, но вообще близость этих цифр показывает сравнительную пригодность общих данных о всем числе рабочих и сравнительную достоверность их. Г. Карышев, у которого мы взяли общую цифру рабочих, не разбирает с точностью, какие именно производства считаны в $189^4/_5$ г. сравнительно с прежними изданиями, и не указывает на опущение в «Перечне» многих заведений, считавшихся раньше в числе фабрик. Для сравне-

ния с прежним он берет всё те же нелепые данные «Военно-Статистического Сборника» и повторяет тот же вздор о сокращении будто бы числа рабочих сравнительно с населением, опровержение которого дал уже г. Туган-Барановский (см. выше). В виду большей достоверности данных о числе рабочих, данные эти заслуживали более тщательной обработки, чем данные о числе фабрик, но у г-на Карышева вышло наоборот. Он не дает даже группировки фабрик по числу рабочих, что́ было бы особенно необходимо в виду того, что «Перечень» принял число рабочих за существенный признак фабрики. Из приведенных нами выше данных видно, что концентрация рабочих очень велика.

Вместо группировки фабрик по числу рабочих г. Карышев занялся более простыми расчетами: определением среднего числа рабочих на 1 фабрику. Так как данные о числе фабрик, как мы видели, особенно недостоверны, случайны и неоднородны, то все эти расчеты полны ошибок. Г. Карышев сравнивает среднее число рабочих на 1 фабрику в 1886 и в 189⁴/₅ г. и выводит, что «средний тип фабрики крупнеет» (с. 23 и 32—33), не зная того, что в 189⁴/₅ г. и считались-то одни более крупные заведения, так что сравнение неправильно. Совсем курьезно сопоставление среднего числа рабочих на 1 фабрику в разных губерниях (с. 26); г. Карышев получает, например, тот вывод, что в Костромской губернии «оказывается наиболее крупный средний тип промышленности из всех прочих губерний» — 242 рабочих на 1 фабрику против 125, например, во Владимирской губернии. Ученому профессору и в голову не приходит, что это зависит просто от различных приемов регистрации, как было уже объяснено выше. Упустив из виду различие между числом крупных и мелких заведений в различных губерниях, г. Карышев придумал очень простой прием для *обхода* трудностей этого вопроса. Именно, он множит среднее число рабочих, *приходящееся на 1 фабрику во всей Европейской России* (а затем и в Польше и на Кавказе),— на число фабрик в каждой губернии и наносит полученные группы на особую картограмму (№ 3). Это ведь так просто, в самом деле! К чему группировать фабрики по числу рабочих, к чему рассматривать сравнительное количество крупных и мелких заведений в разных губерниях, когда мы можем таким простым способом *искусственно приравнять* «средние» размеры фабрик в разных губерниях к одной общей норме? К чему разбирать, много или мало мелких и мельчайших заведений попало в число фабрик Владимирской или Костромской губернии, когда мы можем «просто» взять среднее число рабочих на 1 фабрику по *всей* Европейской России и помножить на число фабрик *каждой* губернии? Что за беда, если такой прием приравнивает сотни случайно зарегистрированных ветряных мель-

ниц и маслобоек к крупным фабрикам? — ведь читатель не заметит этого и, чего доброго, поверит в сочиняемую г-ном профессором «статистику»!

Кроме рабочих в заведении «Перечень» имеет еще особую графу для рабочих «вне заведения, на стороне». Сюда попадали не только работающие по заказу фабрик на дому (Карышев, с. 20), но и вспомогательные рабочие и т. п. На число этих рабочих по «Перечню» (66.460 в Империи) никак нельзя смотреть, как «на показатель того, насколько далеко подвинулось у нас развитие так называемого внешнего отделения фабрики» (Карышев, с. 20), ибо о сколько-нибудь полной регистрации подобных рабочих не может быть и речи при современной системе фабрично-заводской статистики. Очень легкомысленно говорит г. Карышев: «66½ тысяч на всю Россию с ее миллионами кустарей и ремесленников — немного» (ibid.). Прежде чем написать это, надо было забыть, что из этих «миллионов кустарей», как констатируют все источники, если не бо̀льшая, то очень большая часть работают на скупщиков, т.-е. составляют таких же «рабочих на стороне». Стоит заглянуть в те страницы «Перечня», которые относятся к районам известных «кустарных» промыслов, чтобы убедиться в совершенной случайности и отрывочности регистрации «рабочих на стороне». Например, в отделе II (обработка шерсти) «Перечень» считает в Нижегородской губ. только 28 рабочих на стороне в городе Арзамасе и в подгородной Выездной Слободе (с. 89), тогда как из «Трудов комиссии по исследованию кустарной промышленности в России» (вып. V и VI) известно, что здесь много сотен (до тысячи) «кустарей» работает на хозяев. В Семеновском уезде «Перечень» вовсе не показывает рабочих на стороне, тогда как из земской статистики известно, что здесь свыше 3-х тысяч «кустарей» работают на хозяев в валяльном и стелечном промысле. В гармонном промысле Тульской губ. «Перечень» считает только одну «фабрику» с 17-ью рабочими на стороне (с. 395), тогда как те же «Труды комиссии и т. д.» считали еще в 1882 г. 2 — 3 тысячи кустарей, работавших на гармонных фабрикантов (вып. IX). Ясно поэтому, что считать цифру — 66½ тысяч рабочих на стороне — хоть сколько-нибудь достоверной и толковать о распределении ее по губерниям и по производствам, как это делает г. Карышев, составляя даже картограмму, — просто смешно. Действительное значение этих цифр — вовсе не определение размеров капиталистической работы на дому (такое определение возможно только при полной промышленной переписи, учитывающей все магазины и другие заведения или отдельные лица, раздающие работу на дом), а отделение рабочих в заведении, т.-е. фабричных рабочих в строгом смысле, от рабочих на стороне. До сих пор эти виды рабочих очень часто смешивались: даже в «Указателе» за 1890 г. встречаются неодно-

кратно примеры этого смешения. Теперь в «Перечне» делается первая попытка положить конец этому смешению.

Цифры «Перечня», относящиеся к годовой производительности фабрик, разработаны у г. Карышева всего удовлетворительнее, главным образом потому, что здесь автор привел наконец группировку фабрик по величине производства вместо обычных «средних». Правда, от этих «средних» (величин производства на 1 фабрику) автор все же не может избавиться и даже сравнивает средние за 1894/5 г. со средними за 1885 г. — прием, как мы уже не раз говорили, совершенно неправильный. Заметим, что общие цифры годовой производительности фабрик несравненно достовернее, чем общие цифры числа фабрик по указанной уже причине малой роли мелких заведений. Например, по «Перечню» в Европейской России фабрик с производством более 1 миллиона рублей всего 245, т.-е. 1,9%, но они концентрируют 45,6% всего годового производства всех фабрик Европейской России (Карышев, с. 38), тогда как фабрики с производством ниже 5 тысяч рублей — 30,8% всего их числа, но они дают лишь 0,6% всей производительности, т.-е. самую ничтожную долю. Надо оговориться однако, что г. Карышев при этих расчетах упускает из виду различие между суммой производства (= стоимостью продукта) и платой за обработку сырья. Это весьма важное различие впервые в нашей фабрично-заводской статистике проводится в «Перечне» *). Понятно, что обе эти величины совершенно несравнимы, и их следовало разделить. Г. Карышев этого не делает, и можно думать, что такой низкий процент годовой производительности мелких заведений получался отчасти оттого, что сюда вошли заведения, показавшие не стоимость обрабатываемого ими продукта, а лишь плату за обработку его. Мы приведем ниже пример ошибки, в которую впал г. Карышев вследствие игнорирования этого обстоятельства. Это различение платы за обработку от стоимости продукта в «Перечне», а также невключение им суммы акциза в цену производства делает его цифры несравнимыми с цифрами прежних изданий. По «Перечню» производство всех фабрик Европейской России составляет 1.345 миллионов рублей, а по «Указателю» за 1890 г. — 1.501 миллион, но если бы мы вычли сумму акциза из второй цифры (по одному винокуренному производству около 250 миллионов рублей), то первая цифра оказалась бы значительно больше.

*) Мы не имеем только, к сожалению, никаких гарантий того, что «Перечень» проводил это различие строго и последовательно, т.-е. что стоимость продукта показана *лишь* у тех фабрик, которые действительно продают свой продукт, а плата за обработку сырья — лишь у тех, которые обрабатывают чужой материал. Возможно, напр., что в мукомольном производстве (в нем всего чаще встречается указанное различие) владельцы показывали то ту, то другую цифру совершенно случайно. Этот вопрос требует специального разбора.

В «Указателе» (2-е и 3-ье изд.) было приводимо распределение фабрик и заводов на группы по размеру годового производства (без указания доли каждой группы в общем производстве), но это распределение несравнимо с данными «Перечня» вследствие указанных выше различий в приемах регистрации и определения величины годового производства.

Нам остается рассмотреть еще одно ошибочное рассуждение г-на Карышева. Приводя погубернские данные о сумме годового производства фабрик и заводов, он не удержался и тут от сравнений с данными 1885 — 91 годов, т.-е. с данными «Свода». В этих последних данных нет сведений об акцизных производствах, и потому г. Карышев выискивает лишь, нет ли губерний, в которых сумма выработки в $1894/_5$ г. *меньше*, чем в прежние годы. Таких губерний находится 8 (стр. 39 — 40), и г. Карышев рассуждает по этому поводу о «понятном движении в промышленности» в «наименее индустриальных» губерниях, о том, что это «может служить указанием на затруднительное положение мелких заведений в их конкуренции с крупными» и пр. Все эти рассуждения были бы, может быть, очень глубокомысленны, если бы... если бы они не были все сплошь совершенно неверны. Г. Карышев и здесь не заметил, что сравнивает совершенно несравнимые и неоднородные данные. Покажем эту несравнимость на данных о каждой из указываемых г-ном Карышевым губерний *). В Пермской губернии сумма выработки в 1890 г.— 20,3 милл. руб. («Указ.»), а в $1894/_5$ г. — 13,1 милл.; в том числе мукомольное производство 1890 г. 12,7 милл. (на 469 мельницах!), а в $1894/_5$ г. — 4,9 милл. (на 66 мельницах). Кажущееся «уменьшение» зависит, следовательно, просто от случайной регистрации различного числа мельниц. Число же паровых, например, мельниц возросло с 4 в 1890 и 1891 г. до 6 в $1894/_5$ г. Так же объясняется «уменьшение» выработки и по Симбирской губернии (1890: 230 мельниц — 4,8 милл. руб.; $1894/_5$: 27 мельниц и 1,7 милл. руб. Паровых мельн. — 10 и 13). В Вятской губернии сумма выработки 1890 г.—8,4 милл., $1894/_5$—6,7 милл., меньше на 1,7 милл. р. Но в 1890 г. считались здесь два горных завода, Воткинский и Ижевской, производство которых (вместе взятых) равняется именно 1,7 милл.; в $1891/_5$ г. эти заводы не считались, как «подведомственные» горному департаменту. Астраханская губерния — в 1890 г. — 2,5 милл. руб., в $1894/_5$ г. — 2,1 милл. Но в 1890 г. считалось солеваренное производство (346 тыс. руб.), а в $1894/_5$ г.

*) Мы берем при этом данные не «Свода», а «Указателя» за 1890 г., *вычитая акцизные производства.* За исключением этих производств данные «Указателя» почти не отличаются от данных «Свода», ибо они основаны на тех же ведомостях д-та торг. и мануф. А для обнаружения ошибки г-на Карышева нам необходимы детальные данные не только об отдельных производствах, но и об отдельных фабриках.

оно не считалось, как относящееся к числу «горных». Псковская губерния — 1890 : 2,7 милл. руб., а в $189^4/_5$ г. — 2,3 милл. руб., но в 1890 г. считались 45 льнотрепальных заведений с суммой производства 1,2 милл. р., а $189^4/_5$ г. только 4 *льнопрядильные* заведения с 248 тыс. р. Само собою разумеется, что льнотрепальные заведения в Псковской губернии не исчезли, а просто не вошли в список (может быть, потому, что большинство из них ручные, с числом рабочих менее 15). В Бессарабской губернии различным образом регистрировалось производство мукомольных мельниц, хотя число их и в 1890 и в $189^4/_5$ г. было сосчитано одинаковое (по 97); в 1890 г. считалось количество перемолотой муки — 4,3 милл. пуд. = 4,3 милл. руб., а в $189^4/_5$ г. большинство мельниц показало *лишь плату за помол*, так что общая сумма их выработки (1,8 милл. руб.) несравнима с цифрой 1890-го года. Вот парочка примеров, иллюстрирующих это различие. 2 мельницы Левензона считали в 1890 г. производство в 335 тыс. руб. («Указ.», с. 424), а в $189^4/_5$ г. только 69 тыс. руб. *платы за помол* («Перечень», № 14.231 — 2). Наоборот, мельница Шварцберга считала в 1890 г. стоимость продукта — 125 тыс. руб. («Указ.», с. 425), и в $189^4/_5$ г. — 175 тыс. руб. («Пер.», № 14.214); из всей суммы производства по мукомольной промышленности $189^4/_5$-го года 1,4 милл. руб. приходится на стоимость продукта, а 0,4 милл. руб. — на плату за помол. То же и по Витебской губернии: в 1890 г. — 241 мельница, суммой произ. 3,6 милл. руб., а в $189^4/_5$ г. — 82 мельницы и суммой — 120 тыс. руб., причем большинство мельниц показали лишь плату за помол (число паровых мельниц было 37 в 1890 г., 51 в 1891 г. и 64 в $189^4/_5$ г.), так что из этих 120 тыс. руб. *больше половины* составляет не стоимость продукта, а плата за помол. Наконец, в последней, Архангельской губернии, открытое г-ном Карышевым «понятное движение в промышленности» объясняется просто странной ошибкой в его вычислениях: на деле сумма производства архангельских фабрик, по «Перечню», не 1,3 милл. руб., как дважды показывает г. Карышев (стр. 40 и 39; против 3,2 милл. руб. в 1885 — 91 г.г.), а *6,9 милл. руб.*, в том числе $6^1/_2$ милл. руб. на 18 лесопильных заводах («Перечень», с. 247).

Сводя вместе сказанное выше, мы приходим к тому выводу, что г. Карышев отнесся к обрабатываемому им материалу с поразительной невнимательностью и отсутствием критики и потому сделал целый ряд самых грубых ошибок. Относительно же тех подсчетов цифр «Перечня», которые он произвел вместе с своими сотрудниками, следует сказать, что их статистическая ценность много теряет от того, что г. Карышев не напечатал полных итогов, т.-е. числа фабрик, рабочих, суммы производства по всем губерниям и отделам производств (хотя эти подсчеты, видимо,

были им сделаны, и полное напечатание их, с одной стороны, давало бы возможность поверки, а с другой стороны, принесло бы большую пользу всем, кто пользуется «Перечнем»). Таким образом, чисто-статистическая обработка материала оказалась крайне отрывочной, неполной, несистематичной, а выводы, к которым поспешил перейти г. Карышев, служат большей частью примером того, как не следует обращаться с цифрами.

Переходя к поставленному выше вопросу о современном состоянии нашей фабрично-заводской статистики, мы должны сказать прежде всего, что, если «настоятельно необходимы» «полные и достоверные статистические данные о производствах» (так говорит «введение» к «Перечню» и с этим нельзя не согласиться), то для получения их необходима правильно поставленная промышленная перепись, регистрирующая все и всякие промышленные заведения, предприятия и работы и повторяемая через известные промежутки времени. Если данные первой народной переписи 28 января 1897 г. о занятиях населения окажутся удовлетворительными и будут обстоятельно разработаны, то они сильно облегчат производство промышленной переписи. До тех пор, покуда таких переписей нет, речь может идти только о регистрации некоторых крупных промышленных заведений. Современная система собирания и обработки статистических сведений о таких крупных заведениях («фабриках и заводах», по господствующей терминологии) должна быть признана в высшей степени неудовлетворительной. Первым недостатком ее является раздробление фабрично-заводской статистики между различными «ведомствами» и отсутствие специального, чисто-статистического учреждения, централизирующего собирание, проверку и обработку всех сведений о всех фабриках и заводах. Обрабатывая данные современной фабрично-заводской статистики в России, находишься на территории, пересеченной во всех направлениях границами разных «ведомств» (имеющих особые приемы и способы регистрации и пр.). Бывает даже так, что эта граница проходит через известную фабрику или завод, так что одно отделение завода (например, чугунно-литейное) подведомственно горному департаменту, а другое (например, выделка железных изделий) — департаменту торговли и мануфактур. Понятно, как затрудняет это пользование данными и в какие ошибки рискуют впасть (и впадают) те исследователи, которые не обращают достаточно внимания на этот сложный вопрос. В частности относительно проверки сведений надо сказать, что фабричная инспекция, разумеется, никогда не будет в состоянии проверять соответствие с действительностью всех показаний всех фабрикантов. При системе современного типа (то-есть когда сведения собираются не посредством переписи, производимой особым штабом агентов, а посредством рассылки вопросных листов фабрикантам), главное

внимание должно быть обращено на то, чтобы центральное статистическое учреждение *непосредственно* сносилось со всеми владельцами фабрик и заводов, — чтобы оно систематически контролировало *единообразие* сведений и заботилось о полноте их, о рассылке вопросных листов во *все* мало-мальски значительные центры промышленности, — чтобы оно не допускало случайного включения неоднородных данных, не допускало различного применения и толкования программы. Вторым основным недостатком современной системы является полная неразработанность программы собирания сведений. Если такая программа будет вырабатываться в канцеляриях, не подвергаясь критике специалистов и (что особенно важно) всестороннему обсуждению прессы, то сведения никогда *не могут быть* сколько-нибудь полными и единообразными. Мы видели, например, как неудовлетворительно разрешается теперь даже основной вопрос программы: что такое «фабрика и завод»? При отсутствии промышленных переписей, при системе собирания сведений от самих промышленников (через полицию, фабричную инспекцию и т. п.) понятие «фабрики и завода» необходимо должно быть определено с безусловной точностью и ограничено одними настолько крупными заведениями, которые можно было бы надеяться зарегистрировать *все и повсюду, без пропусков*. Основные элементы определения «фабрично-заводских заведений», принятого в настоящее время, повидимому, выбраны довольно удачно: 1) число рабочих *в заведении* не менее 15-ти (причем должен быть разработан вопрос о разграничении рабочих вспомогательных от рабочих фабрично-заводских в собственном смысле, об определении среднего числа рабочих за год и т. д.) и 2) наличность парового двигателя (хотя бы и при меньшем числе рабочих). К сожалению, к этим признакам прибавлены другие, совершенно неопределенные, тогда как при расширении этого определения необходима крайняя осторожность. Если, например, нельзя опускать и крупнейших заведений с водяным двигателем, то надо с полнейшей точностью указать, какие именно заведения этого рода подлежат регистрации (при двигателе не ниже такой-то силы, или при числе рабочих не ниже такого-то и т. п.). Если по некоторым производствам считается необходимым считать и более мелкие заведения, то надо с полнейшей точностью перечислить эти производства и указать другие ясные признаки понятия: «фабрично-заводское заведение». На такие производства, в которых «фабрично-заводские» заведения сливаются с «кустарными» или «сельско-хозяйственными» (войлочное, кирпичное, кожевенное, мукомольное, маслобойное и мн. др.), должно быть обращено особое внимание. Мы полагаем, что указанные сейчас два признака понятия «фабрики и завода» не должны быть расширяемы ни в каком случае, потому что при современной системе собирания сведений

даже и такие сравнительно крупные заведения вряд ли могут быть зарегистрированы без всяких пропусков. А преобразование этой системы может выразиться либо в частичных и несущественных изменениях, либо в введении полных переписей промышленности. Что касается до вопроса о широте сведений, т.-е. до количества вопросов, предлагаемых промышленникам, то и здесь приходится провести коренное различие между промышленной переписью и статистикой современного типа. Только в первом случае возможно и необходимо стремиться к полноте сведений (вопросы об истории заведения, об его отношении к окрестным заведениям и окрестному населению, о торговой стороне дела, о сырых и вспомогательных материалах, о количестве и виде продукта, о заработной плате, рабочем дне, сменах, ночной и сверхурочной работе и пр. и пр.). Во втором же случае приходится быть очень осторожным: лучше получить немного сравнительно достоверных, полных и единообразных сведений, чем много сведений отрывочных, сомнительных и несравнимых. Безусловно необходимо только прибавление вопросов об исполнительных механизмах и о количестве изделий.

Говоря о том, что наша фабрично-заводская статистика в высшей степени неудовлетворительна, мы отнюдь не хотим сказать этим, чтобы ее данные не заслуживали внимания и разработки. Совсем напротив. Мы подробно разбирали недостатки современной системы, чтобы подчеркнуть необходимость особенно тщательной разработки данных. Главной и основной целью этой разработки должно быть отделение плевелов от пшеницы, отделение сравнительно годного материала от негодного. Как мы видели, главная ошибка г-на Карышева (и многих других) состоит именно в том, что он не производил такого отделения. Цифры «фабрик и заводов» наименее достоверны и ни в каком случае не могут быть употребляемы без тщательной предварительной обработки (выделения более крупных заведений и пр.). Число рабочих и суммы производства гораздо более достоверны в общих валовых итогах (причем, однако, необходим строгий разбор того, какие производства и как считались, как определялась сумма производства и пр.). Если же брать более детальные итоги, то возможно, что данные окажутся несравнимыми и употребление их поведет к ошибкам. Только игнорированием всех этих обстоятельств и можно объяснить возникновение басен об уменьшении числа фабрик в России и об уменьшении числа фабрично-заводских рабочих (сравнительно с населением), — басен, которые так усердно распространялись народниками.

Что касается до самой разработки материала, то в основу ее безусловно необходимо положить сведения о каждой отдельной фабрике, т.-е. карточные сведения. Эти карточки должны быть группированы прежде всего по территориальным единицам. Губер-

ния — единица слишком крупная. Важность вопроса о размещении промышленности требует группировки по отдельным городам, пригородам, селам и группам сел, образующих промышленные центры или районы. Затем необходима группировка по производствам. В этом отношении новейшая система нашей фабрично-заводской статистики ввела, по нашему мнению, нежелательное изменение, радикально порвав со старым подразделением производств, господствовавшим с самых 60-х годов (и ранее). «Перечень» по новому разгруппировал производства на 12 отделов: если брать при этом только данные по отделам, то получаются непомерно широкие рамки, обнимающие самые разнохарактерные производства и смешивающие их вместе (суконное и войлочное, лесопильное и мебельное, писчебумажное и типографское, чугунно-литейное и ювелирное, кирпичное и фарфоровое, кожевенное и восковое, маслобойное и сахаро-рафинадное, пивоваренное и табачное и т. д.). Если же подразделить подробно все эти отделы на производства, то получаются (см. у Микулина в цит. соч.) крайне дробные группы, числом *свыше трехсот!* Старая система, имевшая 10 отделов и около 100 производств (91 по «Указ.» за 1890 г.), представляется нам гораздо более удачной. Далее, необходима группировка фабрик *по числу рабочих, по роду двигателей* и *по величине производства.* Эта группировка особенно необходима и с чисто-теоретической точки зрения, для изучения состояния и развития промышленности, и для выделения в наличном материале сравнительно годных и негодных данных. Отсутствие такой группировки (которая необходима внутри групп территориальных и групп по производствам) — самый существенный недостаток теперешних наших изданий по фабрично-заводской статистике, которые позволяют определять лишь «средние числа», сплошь и рядом совершенно фиктивные и ведущие к грубым ошибкам. Наконец, группировка по всем этим признакам не должна ограничиваться определением числа заведений в каждой группе (и подгруппах), а должна необходимо сопровождаться вычислением для каждой группы и числа рабочих и суммы производства, как в паровых, так и в ручных заведениях и т. д. Другими словами, кроме *групповых* таблиц необходимы еще и *комбинационные.*

Было бы ошибкой думать, что подобная разработка потребует неимоверного количества труда. Земско-статистические бюро, с их скромным бюджетом и составом лиц, исполняют гораздо более сложные работы по каждому уезду; они обрабатывают 20, 30 и 40 тысяч отдельных карточек (а число сравнительно крупных «фабрично-заводских» заведений во всей России оказалось бы, вероятно, не более 15—16 тысяч); и притом объем сведений в каждой карточке несравненно шире: в земско-статистических сборниках вертикальных граф бывает по несколько сот,

тогда как в «Перечне», напр., их меньше двадцати. И несмотря на это лучшие земско-статистические сборники дают не только групповые таблицы по различным признакам, но и комбинационные, т.-е. показывающие сочетание различных признаков.

Такая разработка данных представила бы, во-первых, необходимый материал для экономической науки. А во-вторых, она бы решила окончательно вопрос о выделении сравнительно годных и негодных данных. При такой разработке сразу бы обнаружился случайный характер данных по некоторым производствам, губерниям, по некоторым пунктам программы и пр. Получилась бы возможность выделить сравнительно полный, достоверный и единообразный материал. Получились бы ценные указания на то, каким образом можно обеспечить эти качества на будущее время.

Дом в с. Шушенском, в котором жил во время ссылки В. И. Ленин. Два крайних окна слева — окна комнаты Владимира Ильича.

РЕЦЕНЗИИ

АПРЕЛЬ 1898 Г.—МАЙ 1899 Г.

А. БОГДАНОВ. Краткий курс экономической науки. Москва. 1897. Изд. кн. склада А. Муриновой. Стр. 290. Ц. 2 р.

Книга г-на Богданова представляет замечательное явление в нашей экономической литературе; это не только «не лишнее» руководство в ряду других (как «надеется» автор в предисловии), но положительно лучшее из них. Мы намерены поэтому в настоящей заметке обратить внимание читателей на выдающиеся достоинства этого сочинения и отметить некоторые незначительные пункты, в которых могли бы быть сделаны, по нашему мнению, улучшения при следующих изданиях; следует думать, что при живом интересе читающей публики к экономическим вопросам следующие издания этой полезной книги не заставят себя долго ждать[49].

Главное достоинство «курса» г-на Богданова — полная выдержанность направления от первой до последней страницы книги, трактующей о весьма многих и весьма широких вопросах. Автор с самого начала дает ясное и точное определение политической экономии, как «науки, изучающей общественные отношения производства и распределения в их развитии» (3), и нигде не отступает от такого взгляда, нередко весьма плохо понимаемого учеными профессорами политической экономии, сбивающимися с «общественных отношений производства» на производство вообще и наполняющими свои толстые курсы грудой бессодержательных и не относящихся вовсе к общественной науке банальностей и примеров. Автор чужд той схоластики, которая побуждает часто составителей учебников изощряться в «дефинициях» и в разборе отдельных признаков каждой дефиниции, причем ясность изложения не только не теряет у него от этого, а прямо выигрывает, и читатель, напр., получит отчетливое представление о такой категории, как *капитал,* и в его общественном, и в его историческом значении. Воззрение на политическую экономию, как на науку о развивающихся исторически укладах общественного производства, положено в основу порядка изложения этой науки в «курсе» г-на Богданова. Изложив в начале краткие «общие понятия» о науке (стр. 1—19), а в конце краткую «историю

экономических воззрений» (стр. 235 — 290), автор излагает содержание науки в отделе «В. Процесс экономического развития», излагает не догматически (как это принято в большинстве учебников), а в форме характеристики последовательных периодов экономического развития, именно: периода первобытного родового коммунизма, периода рабства, периода феодализма и цехов и, наконец, капитализма. Именно так и следует излагать политическую экономию. Возразят, пожалуй, что таким образом автору неизбежно приходится дробить один и тот же теоретический отдел (напр., о деньгах) между разными периодами и впадать в повторения. Но этот чисто формальный недостаток вполне искупается основными достоинствами исторического изложения. Да и недостаток ли это? Повторения получаются весьма незначительные, полезные для начинающего, потому что он тверже усваивает себе особенно важные положения. Отнесение, напр., различных функций денег к различным периодам экономического развития наглядно показывает учащемуся, что теоретический анализ этих функций основан не на абстрактной спекуляции, а на точном изучении того, что действительно происходило в историческом развитии человечества. Представление об отдельных, исторически-определенных, укладах общественного хозяйства получается более цельное. А ведь вся задача руководства к политической экономии состоит в том, чтобы дать изучающему эту науку основные понятия о различных системах общественного хозяйства и о коренных чертах каждой системы; вся задача состоит в том, чтобы человек, усвоивший себе начальное руководство, имел в руках надежную путеводную нить для дальнейшего изучения этого предмета, чтобы он получил интерес к такому изучению, поняв, что с вопросами экономической науки самым непосредственным образом связаны важнейшие вопросы современной общественной жизни. В девяносто девяти случаях из ста именно этого-то и недостает руководствам по политической экономии. Не столько еще в том их недостаток, что они ограничиваются обыкновенно одной системой общественного хозяйства (именно капитализмом), сколько в том, что они не умеют концентрировать внимание читателя на коренных чертах этой системы; не умеют отчетливо определить ее историческое значение, показать процесс (и условия) ее возникновения, с одной стороны, тенденции ее дальнейшего развития, с другой; не умеют представить отдельные стороны и отдельные явления современной хозяйственной жизни, как составные части определенной системы общественного хозяйства, как проявления коренных черт этой системы; не умеют дать читателю надежного руководства, потому что не придерживаются обыкновенно со всей последовательностью одного направления; не умеют, наконец, заинтересовать учащегося, потому что крайне узко и бессвязно понимают значение экономических вопросов, размещая «в поэтиче-

ском беспорядке» «факторы» экономический, политический, моральный и т. д. Только *материалистическое понимание истории* вносит свет в этот хаос и открывает возможность широкого, связного и осмысленного воззрения на особый уклад общественного хозяйства, как на фундамент особого уклада всей общественной жизни человека.

Выдающееся достоинство «курса» г-на Богданова и состоит в том, что автор последовательно держится исторического материализма. Характеризуя определенный период экономического развития, он дает обыкновенно в «изложении» очерк политических порядков, семейных отношений, основных течений общественной мысли *в связи* с коренными чертами данного экономического строя. Выяснив, как данный экономический строй порождал определенное разделение общества на классы, автор показывает, как *эти классы* проявляли себя в политической, семейной, интеллектуальной жизни данного исторического периода, как интересы этих классов отражались в определенных экономических школах, как, напр., интересы восходящего развития капитализма выразила школа свободной конкуренции, а интересы того же класса в позднейший период — школа вульгарных экономистов (284), школа апологии. Совершенно справедливо указывает автор на связь с положением определенных классов исторической школы (284) и школы катедер-реформеров («реалистической» или «историко-этической»), которую должно признать «школой компромисса» (287) с ее бессодержательным и фальшивым представлением о «вне-классовом» происхождении и значении юридико-политических учреждений (288) и т. д. В связь с развитием капитализма ставит автор и учения Сисмонди и Прудона, основательно относя их к мелкобуржуазным экономистам, — показывая корни их идей в интересах особого класса капиталистического общества, занимающего «среднее, переходное место» (279), — признавая без обиняков реакционное значение подобных идей (280 — 281). Благодаря выдержанности своих воззрений и уменью рассматривать отдельные стороны хозяйственной жизни в связи с основными чертами данного экономического строя, автор правильно оценил значение таких явлений, как участие рабочих в прибыли предприятия (одна из «форм заработной платы», которая «слишком редко может оказаться выгодной для предпринимателя») (стр. 132 — 3), или производительные ассоциации, которые, «организуясь среди капиталистических отношений», «в сущности только увеличивают мелкую буржуазию» (187).

Мы знаем, что именно эти черты «курса» г-на Богданова возбудят не мало нареканий. Недовольны останутся, само собою разумеется, представители и сторонники «этико-социологической» школы в России. Недовольны будут те, кто полагает, что «вопрос об экономическом понимании истории есть вопрос чисто академи-

ческий» *), и еще многие другие... Но и помимо этого, так сказать партийного, недовольства, будут указывать, вероятно, на то, что широкая постановка вопросов вызвала чрезвычайную конспективность изложения «краткого курса», рассказывающего на 290 страничках и о всех периодах экономического развития, начиная от родовой общины и дикарей и кончая капиталистическими картелями и трёстами, и о политической и семейной жизни античного мира и средних веков, и об истории экономических воззрений. Изложение г. А. Богданова действительно в высшей степени сжато, как он указывает и сам в предисловии, называя прямо свою книгу «конспектом». Нет сомнения, что некоторые из конспективных замечаний автора, относящихся чаще всего к фактам исторического характера, а иногда и к более детальным вопросам теоретической экономии, будут непонятны для начинающего читателя, желающего ознакомиться с политической экономией. Нам кажется, однако, что за это нельзя винить автора. Скажем даже, не боясь обвинений в парадоксальности, что наличность подобных замечаний мы склонны считать скорее достоинством, а не недостатком разбираемой книги. В самом деле, если бы автор вздумал подробно излагать, разъяснять и обосновывать каждое такое замечание, его труд разросся бы до необъятных пределов, совершенно не соответствующих задачам краткого руководства. Да и немыслимо изложить ни в каком курсе, хотя бы и самом толстом, все данные современной науки о всех периодах экономического развития и об истории экономических воззрений от Аристотеля до Вагнера. Если он выкинул бы все подобные замечания, тогда его книга положительно проиграла бы от сужения пределов и значения политической экономии. В настоящем же своем виде эти конспективные замечания принесут, думается нам, большую пользу и учащим, и учащимся по этому конспекту. О первых нечего и говорить. Вторые увидят из совокупности этих замечаний, что политическую экономию нельзя изучать так себе, mir nichts dir nichts **), без всяких предварительных познаний, без ознакомления с весьма многими и весьма важными вопросами истории, статистики и пр. Учащиеся увидят, что с вопросами общественного хозяйства в его развитии и его влиянии на общественную жизнь нельзя ознакомиться по одному или даже по нескольким из тех учебников и курсов, которые отличаются часто удивительной «легкостью изложения», но зато и удивительной бессодержательностью, переливанием из пустого в порожнее; что с вопросами экономическими неразрывно связаны самые живо-

*) Так думает журнальный обозреватель «Русской Мысли» (1897 г.; ноябрь, библ. отд., стр. 517). Бывают же такие комики!

**) Как метко заметил Каутский в предисловии к своей известной книге «Marx' Oekonomische Lehren» («Экономическое учение К. Маркса». *Ред.*).

трепещущие вопросы истории и современной действительности и что корни этих последних вопросов лежат в общественных отношениях производства. Такова именно главная задача всякого руководства: дать основные понятия по излагаемому предмету и указать, в каком направлении следует изучать его подробнее и почему важно такое изучение.

Обратимся теперь ко второй части наших замечаний, к указанию тех мест книги г. Богданова, которые требуют, по нашему мнению, исправления или дополнения. Надеемся, что почтенный автор не посетует на нас за мелкость и даже придирчивость замечаний: в конспекте отдельные фразы и даже отдельные слова имеют несравненно более важное значение, чем в обстоятельном и подробном изложении.

Г. Богданов придерживается вообще терминологии той экономической школы, которой он следует. Но, говоря о форме стоимости, он заменяет этот термин выражением: «формула обмена» (с. 39 и сл.). Это выражение кажется нам неудачным; термин «форма стоимости» действительно неудобен в кратком руководстве, и вместо него лучше бы, пожалуй, сказать: форма обмена или ступень развития обмена, а то получаются даже такие выражения, как «господство 2-ой формулы обмена» (43) (?). Говоря о капитале, автор напрасно упустил указать на общую формулу капитала, которая помогла бы учащемуся усвоить однородность торгового и промышленного капитала. — Характеризуя капитализм, автор опустил вопрос о росте торгово-промышленного населения насчет земледельческого и о концентрации населения в крупных городах; этот пробел тем ощутительнее, что, говоря о средних веках, автор подробно остановился на отношении деревни и города (63 — 66), а о современном городе сказал всего пару слов о подчинении им деревни (174). — Говоря об истории промышленности, автор весьма решительно ставит «домашнюю систему капиталистического производства» *) «на средине пути от ремесла к мануфактуре» (стр. 156, *тезис* 6-ой). По данному вопросу такое упрощение дела представляется нам не совсем удобным. Автор «Капитала» описывает капиталистическую работу на дому в отделе о машинной индустрии, относя ее прямо к преобразующему действию этой последней на старые формы труда. Действительно, такие формы работы на дому, какие господствуют, напр., и в Европе, и в России в конфекционной индустрии, никак нельзя поставить «на средине пути от ремесла к мануфактуре». Они стоят *дальше* мануфактуры в историческом развитии капитализма, и об этом следовало бы, думается нам, сказать пару слов. — Заметным пробелом в главе о машинном периоде капи-

*) Стр. 93, 95, 147, 156. Нам кажется, что этим термином автор удачно заменял выражение: «домашняя система крупного производства», введенное в нашу литературу Корсаком.

тализма *) является отсутствие параграфа о резервной армии и капиталистическом перенаселении, о его порождении машинною индустриею, о его значении в циклическом движении промышленности, о его главных формах. Те самые беглые упоминания автора об этих явлениях, которые сделаны на стр. 205 и 270-ой, безусловно недостаточны. — Утверждение автора, что «за последние полвека» «прибыль возрастает гораздо быстрее ренты» (179), слишком смело. Не только Рикардо (против которого делает это замечание г. Богданов), но и Маркс констатирует общую тенденцию ренты к особенно быстрому росту при всех и всяких условиях (возможен даже рост ренты при понижении цены хлеба). То понижение хлебных цен (и ренты при известных условиях), которое вызвано в последнее время конкуренцией девственных полей Америки, Австралии и т. п., наступило резко лишь с 70-х годов, и примечание Энгельса в отделе о ренте («Das Kapital», III, 2, 259—260), посвященное современному земледельческому кризису, формулировано гораздо осторожнее. Энгельс констатирует здесь «закон» роста ренты в цивилизованных странах, объясняющий «удивительную живучесть класса крупных землевладельцев», и далее указывает лишь на то, что эта живучесть «постепенно исчерпывается» (allmälig sich erschöpft). — Параграфы, посвященные земледелию, отличаются тоже чрезмерной краткостью. В параграфе о (капиталистической) ренте лишь самым беглым образом указано, что условие ее есть капиталистическое земледелие («В периоде капитализма земля продолжает оставаться частною собственностью и выступает в роли капитала», 127, — и только!). Об этом следовало бы сказать несколько слов поподробнее, во избежание всяких недоразумений, о нарождении сельской буржуазии, о положении земледельческих рабочих и об отличиях этого положения от положения фабричных рабочих (более низкий уровень потребностей и жизни; остатки прикрепления к земле или различных Gesindeordnungen **) и т. д.). Жаль также, что автор не коснулся вопроса о генезисе капиталистической ренты. После тех замечаний, которые он сделал о колонах [50]) и зависимых крестьянах, далее об аренде наших крестьян, — следовало бы охарактеризовать вкратце общий ход развития ренты от отработочной ренты (Arbeitsrente) к натуральной ренте (Produktenrente), затем к денежной ренте (Geldrente), и от нее уже к капиталистической ренте (Ср. «Das Kapital», III, 2, Kap. 47).— Говоря о вытеснении капитализмом подсобных промыслов и о потере вследствие этого устойчивости крестьянским хозяйством, автор выражается так: «крестьянское хозяйство стано-

*) Строгое разделение капитализма на мануфактурный и машинный период составляет весьма большое достоинство «курса» г-на Богданова.

**) — законоположений, устанавливающих взаимоотношения землевладельцев и крепостных крестьян. *Ред.*

вится в общем беднее, — общая сумма производимых им стоимостей уменьшается» (148). Это очень неточно. Процесс разорения крестьянства капитализмом состоит в вытеснении его сельской буржуазией, образуемой из того же крестьянства. Г. Богданов едва ли мог бы, напр., описать упадок крестьянского хозяйства в Германии, не коснувшись Vollbauer'ов *). В приведенном месте автор говорит о крестьянах вообще, но вслед за этим приводит пример из русской жизни, — ну, а говорить о русском крестьянине «в общем» более чем рискованно. Автор на этой же странице говорит: «Крестьянин либо занимается одним земледелием, либо идет на мануфактуру», то-есть, — добавим от себя, — либо превращается в сельского буржуа, либо в пролетария (с клочком земли). Об этом двустороннем процессе следовало бы упомянуть.— Наконец, как общий недостаток книги, мы должны отметить отсутствие примеров из русской жизни. По весьма многим вопросам (хотя бы, напр., об организации производства в средние века, о развитии машинного производства и рельсовых путей, о росте городского населения, о кризисах и синдикатах, об отличии мануфактуры от фабрики и т. д.) подобные примеры из нашей экономической литературы были бы очень важны, а то усвоение предмета сильно затрудняется для начинающего отсутствием знакомых ему примеров. Нам кажется, что пополнение указанных пробелов очень незначительно увеличило бы книгу и не затруднило бы ее широкого распространения, которое во всех отношениях является весьма желательным.

«Мир Божий»,
апрель 1898 г.
Без подписи автора.

ПАРВУС. Мировой рынок и сельско-хозяйственный кризис. Экономические очерки. Перевод с немецкого *Л. Я.* Спб. 1898. Изд. О. Н. Поповой (Образовательная библиотека, серия 2-я, № 2). Стр. 142. Цена 40 коп.

Книжка талантливого германского публициста, пишущего под псевдонимом Парвуса, состоит из ряда очерков, характеризующих некоторые явления современного мирового хозяйства, причем наибольшее внимание уделено Германии. Парвус ставит во главу угла развитие мирового рынка и описывает прежде всего, какие стадии проходит это развитие в последнее время по мере падения промышленной гегемонии Англии. В высшей степени интересны замечания автора о той роли, которую играют старые промышленные страны, служа рынком для более молодых капиталистических стран: напр., Англия поглощает все большее и большее количество германских фабрикатов, в настоящее время от $1/5$ до $1/4$ общего вывоза Германии. Основываясь на данных

*) — крестьян, обладающих полными (не разделенными) участками земли. *Ред.*

торговой и промышленной статистики, Парвус обрисовывает оригинальное разделение труда между различными капиталистическими странами, из которых одни производят, главным образом, для сбыта в колонии, другие — для сбыта в Европу. В главе «Города и железные дороги» автор делает чрезвычайно интересную попытку охарактеризовать главнейшие «формы капиталистических городов» и значение их в общем строе капиталистического хозяйства. Остальная, бо̀льшая часть книги (стр. 33—142) посвящена вопросам о противоречиях в современном капиталистическом сельском хозяйстве и об аграрном кризисе. Парвус выясняет сначала влияние промышленного развития на хлебные цены, на земельную ренту и т. д. Затем он излагает теорию земельной ренты, развитую Марксом в III-м томе «Капитала», и объясняет с точки зрения этой теории основную причину капиталистических аграрных кризисов. Дополнив чисто-теоретический разбор этого вопроса данными, относящимися к Германии, Парвус приходит к выводу, что «последняя и основная причина аграрного кризиса — это поднятые исключительно капиталистическим развитием земельные ренты и соответствующие им цены на землю». «Устраните эти цены, — говорит Парвус, — и европейское сельское хозяйство будет опять в состоянии конкурировать с русским и американским». «Единственное ее (частной собственности) средство против аграрного кризиса, если не говорить о случайной благоприятной комбинации мирового рынка, есть: продажа с молотка всей капиталистической земельной собственности» (141). Таким образом, вывод, к которому пришел Парвус, совпадает, в общем и целом, с мнением Энгельса, указавшего в III-м томе «Капитала» на то, что современный сельско-хозяйственный кризис делает невозможными прежние ренты на землю, взимаемые европейскими землевладельцами. Мы усиленно рекомендуем всем читателям, интересующимся отмеченными вопросами, ознакомление с книгой Парвуса. Она составляет прекрасный противовес тем ходячим народническим рассуждениям о современном сельскохозяйственном кризисе, которые постоянно встречаются в народнической прессе и которые грешат весьма существенным недостатком: факт кризиса рассматривается вне связи с общим развитием мирового капитализма, рассматривается не с точки зрения определенных общественных классов, рассматривается только для того, чтобы извлечь мещанскую мораль о жизненности мелкого крестьянского хозяйства.

Перевод книги Парвуса можно в общем признать удовлетворительным, хотя в отдельных местах встречаются неудачные и тяжелые обороты речи.

«Начало» [51]) *№ 3,*
март 1899 г.
Подпись: Вл. Ильин.

НАЧАЛО

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ПОЛИТИКИ.

1899 г.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. П. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.

Обложка легального марксистского журнала «Начало», в котором был помещен ряд рецензий В. И. Ленина — 1899 г.

Уменьшено

Р. ГВОЗДЕВ. Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение. Спб. 1899. Изд. Н. Гарина.

Книга г. Гвоздева подводит итоги данным, собранным в нашей экономической литературе по интересному вопросу о кулачестве-ростовщичестве. Автор сообщает ряд указаний на развитие товарного обращения и производства в дореформенную эпоху, вызвавшее появление торгового и ростовщического капитала. Затем дается обзор материала о ростовщичестве в хлебном производстве, о кулачестве в связи с переселениями, кустарными промыслами, отхожими промыслами и в связи с податью и кредитом. Г. Гвоздев совершенно справедливо указывает, что представители народнической экономии неправильно смотрели на кулачество, видя в нем какой-то «нарост» на организме «народного производства», а не одну из форм капитализма, стоящую в тесной и неразрывной связи со всем строем русского общественного хозяйства. Народники игнорировали связь кулачества с разложением крестьянства, близость сельских ростовщиков «мироедов» и пр. к «хозяйственным мужикам», этим представителям мелкой сельской буржуазии в России. Остатки средневековых учреждений, тяготеющие над нашей деревней (сословная замкнутость крестьянской общины, прикрепление крестьян к наделу, круговая порука, сословная неравномерность податей), создают громадные препятствия для помещения мелких капиталов в производство, для обращения их на сельское хозяйство и промышленность. Естественным результатом этого является непомерная распространенность *низших и худших форм капитала,* торгового и ростовщического. Немногочисленные зажиточные крестьяне, находясь среди массы «маломощных» крестьян, ведущих полуголодное существование на их ничтожных наделах, неизбежно превращаются в эксплуататоров худшего вида, закабаляющих бедноту раздачей денег в долг, зимней наемкой и пр. и пр. Устарелые учреждения, задерживая рост капитализма и в земледелии, и в промышленности, суживают тем самым спрос на рабочую силу, нисколько не гарантируя в то же время крестьян от самой беззастенчивой и безграничной эксплуатации и даже от голодной смерти. Приводимые в книге г. Гвоздева примерные подсчеты тех сумм, которые платит неимущее крестьянство кулакам и ростовщикам, наглядно показывают несостоятельность обычных противопоставлений западно-европейскому пролетариату русского наделенного землей крестьянства. На деле масса этого крестьянства поставлена в положение, гораздо худшее, чем положение сельского пролетариата на Западе; на деле наши неимущие крестьяне относятся к пауперам, и все чаще и чаще повторяются годы, когда требуются экстраординарные меры помощи миллионам голодающих крестьян. Если бы фискальные учреждения не связывали искусственно зажиточное крестьянство и бед-

ноту, эту последнюю неминуемо пришлось бы официально отнести именно к пауперам, и это точнее и правдивее определило бы отношение современного общества к данным слоям населения. Книга г. Гвоздева полезна тем, что сводит данные о процессе «непролетариатского обнищания» *) и справедливо характеризует этот процесс, как низшую и худшую форму разложения крестьянства. Г. Гвоздев, видимо, хорошо знаком с русской экономической литературой, но его книга выиграла бы, если бы автор уделил меньше места цитатам из разных журнальных статей и обратил больше внимания на самостоятельную обработку материала. Народническая обработка имеющегося материала оставляет обыкновенно в тени наиболее важные в теоретическом отношении стороны данного вопроса. Далее, собственные суждения г. Гвоздева отличаются нередко чрезмерной огульностью и общностью. Особенно приходится сказать это о главе, посвященной кустарным промыслам. Слог книги страдает в некоторых местах вычурностью и туманностью.

«Начало» № 3,
март 1899 г.
Подпись: Вл. Ильин.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ РОССИЯ. Справочная книга для купцов и фабрикантов. Составлена под редакцией *А. А. Блау,* начальника статистического отделения департамента торговли и мануфактур. Спб. 1899. Ц. 10 руб.

Издатели этого громаднейшего тома имели целью «пополнить пробел в нашей экономической литературе» (стр. I), именно дать в одно и то же время и адреса торговых и промышленных предприятий всей России, и сведения «о состоянии той или другой отрасли промышленности». Против такого соединения справочного и научно-статистического материала нельзя было бы ничего возразить, если бы и тот и другой материал был приведен в достаточно полном виде. В названном же издании, к сожалению, адресный материал совершенно подавляет статистический, который дан и в неполном, и в очень недостаточно разработанном виде. Прежде всего данное издание невыгодно отличается от предшествовавших изданий однородного типа тем, что не сообщает статистических данных о *каждом* заведении и предприятии, вошедшем в список. Вследствие этого пробела теряет всякое научное значение перечень заведений и предприятий, занимающий 2.703 больших столбца самой убористой печати. А при хаотическом состоянии нашей торговой и промышленной статистики чрезвычайно важны данные именно о каждом отдель-

*) *Парвус.* Мировой рынок и сельско-хозяйственный кризис. Спб. 1898, стр. 8, примеч.

ном заведении и предприятии, ибо сколько-нибудь сносной обработки этих данных наши официальные статистические учреждения никогда не производят, ограничиваясь сообщением итогов, в которых смешивается материал сравнительно достоверный с абсолютно недостоверным. Сейчас мы укажем, что это последнее замечание относится и к рассматриваемому изданию, но сначала отметим следующий оригинальный прием составителей. Печатая адреса заведений и предприятий по каждому производству, они приводят число заведений и сумму их оборотов только по всей России; вычисляют средний оборот одного заведения в каждом производстве и разделяют особым знаком заведения, имеющие оборот выше и ниже этого среднего оборота. Было бы гораздо целесообразнее (если уже нельзя было напечатать сведений о каждом заведении отдельно) установить несколько одинаковых для всех отраслей торговли и промышленности разрядов заведений и предприятий (по размеру оборотов, по числу рабочих, по роду двигателей и пр.) и распределить все заведения по этим разрядам. Тогда можно бы было, по крайней мере, судить о том, насколько полон и сравним материал по разным губерниям и разным отраслям производства. Что касается, напр., до статистики фабрик и заводов, то достаточно прочитать феноменально расплывчатое определение этого понятия на стр. 1-й данного издания (примеч.) и перелистовать списки фабрикантов по некоторым производствам, чтобы убедиться в неоднородности приводимого в книге статистического материала. К тем итоговым данным фабрично-заводской статистики, которые приводятся в отделе I части I «Торгово-промышленной России» («Историко-статистический обзор промышленности и торговли России»), необходимо относиться ввиду этого очень осторожно. Мы читаем там, что в 1896 (отчасти в 1895) году во всей Российской империи было 38.401 фабрика с производством на сумму 2.745 милл. руб., с 1.742.181 рабоч., считая и неакцизные производства, и акцизные, и горные. Эту цифру, думается нам, нельзя, без существенных проверок, сравнивать с цифрами нашей фабрично-заводской статистики за прежние годы. В 1896 г. регистрировался целый ряд производств, которые прежде (до $189^4/_5$ г.) не относились к «фабрично-заводским»: пекарни, тони, скотобойни, типо- и литографии и пр. и пр. Сумма производства всех горных и металлургических заводов империи определена в 614 милл. руб. посредством оригинальных приемов, о которых нам сообщают только то, что стоимость чугуна повторена, повидимому, в стоимости железа и стали. Напротив, число рабочих, во всей горной и металлургической промышленности, очевидно, уменьшено: их показано 505 тыс. в $189^5/_6$ г. Это — или ошибка, или пропуск многих горных производств. Из разбросанных в книге цифр видно, что лишь по некоторым производствам этого отдела

число рабочих достигает 474 тыс., не считая рабочих, занятых добычей каменного угля (ок. 53 тыс.), соли (ок. 20 тыс.), в каменоломнях (ок. 10 тыс.) и в нескольких других горных производствах (ок. 20 тыс.). В 1890 г. во всей горной и металлургической промышленности империи было больше 505 тыс. рабочих, а именно эти отрасли особенно развились с того времени. Напр., в пяти производствах этого отдела, о которых даны в тексте книги историко-статистические данные (чугунолитейное, проволочное, машиностроительное, изделия из золота и из меди), считалось в 1890 г. 908 зав. с 77 милл. р. произв. и с 69 тыс. рабочих, а в 1896 г. — 1.444 зав. с пр. на 221½ милл. р. и с 147 тыс. раб. Сводя вместе все разбросанные в книге историко-статистические данные, относящиеся, к сожалению, не ко всем производствам, а лишь к некоторым (обработки хлопка, химические производства и более 45 других производств), получаем такие сведения относительно всей империи. В 1890 г. 19.639 фабрик и заводов с сум. пр. 929 милл. руб., с 721 тыс. рабочих, а в 1896 г. 19.162 фабрик и заводов с сум. пр. 1.708 милл. руб., с 985 тыс. рабочих; прибавляя два акцизные производства, свеклосахарное и винокуренное (189⁰/₁ г.: 116 тыс. рабочих; 189⁵/₆ г.: 123 тыс.), получаем числа рабочих 837 тыс. и 1.108 тыс., что дает увеличение *почти на треть за шестилетний период*. Заметим, что уменьшение числа фабрик зависит от различной регистрации мельниц: в 1890 г. в число фабрик попало 7.003 мельницы (156 милл. р., 29.638 рабочих), а в 1896 г. только 4.379 мельниц (272 милл. р., 37.954 рабочих).

Таковы те данные, которые можно извлечь из рассматриваемого издания и которые позволяют составить некоторое представление о промышленном подъеме России в 90-х годах. Более подробно на этом вопросе можно будет остановиться тогда, когда будут опубликованы полные статистические данные за 1896 год.

«Начало» № 3,
март 1899 г.
Подпись: Вл. Ильин.

KARL KAUTSKY. Die Agrarfrage. Eine Uebersicht über die Tendenzen der modernen Landwirtschaft und die Agrarpolitik u. s. w. Stuttgart, Dietz, 1899 *).

Книга Каутского представляет из себя самое замечательное — после 3-го тома «Капитала» — явление новейшей экономической литературы. Марксизму недоставало до сих пор работы, систематически рассматривающей капитализм в земледелии. Теперь Каутский пополнил этот пробел первым отделом своей объеми-

*) *Карл Каутский. «Аграрный вопрос.* Обзор тенденций современного сельского хозяйства и аграрная политика и т. д. [52])». Штутгарт, изд. Дитца, 1899. *Ред.*

стой (450 стр.) книги, озаглавленным: «Развитие сельского хозяйства в капиталистическом обществе» (стр. 1—300). В предисловии Каутский совершенно справедливо замечает, что статистического и описательно-экономического материала по вопросу о земледельческом капитализме накопилась «подавляющая» масса; насущная потребность состоит в том, чтобы открыть «основные тенденции» экономической эволюции в данной области народного хозяйства, чтобы представить разнообразные явления земледельческого капитализма как «частичные проявления одного общего (целостного) процесса» (eines Gesammtprozesses). В самом деле, формы сельского хозяйства и отношения между сельским населением в современном обществе отмечаются таким гигантским разнообразием, что нет ничего легче, как нахватать из любого исследования кучку указаний и фактов, «подтверждающих» воззрения данного писателя. Именно по этому приему построен целый ряд рассуждений в нашей народнической прессе, пытающейся доказать жизнеспособность мелкого крестьянского хозяйства или даже его превосходство перед крупным производством в земледелии. Отличительная черта всех этих рассуждений состоит в том, что выхватываются отдельные явления, цитируются отдельные случаи и не делается даже попыток связать их с общей картиной всего аграрного строя капиталистических стран вообще и с основными тенденциями всей новейшей эволюции капиталистического земледелия. Каутский не впадает в эту обычную ошибку. Занимаясь в течение более чем 20 лет вопросом о капитализме в земледелии, он располагает чрезвычайно обширным материалом; в частности, Каутский основывает свое исследование на данных последних сельско-хозяйственных переписей и анкет в Англии, Америке, Франции (1892) и Германии (1895). Но он ни разу не теряется среди груды фактов, ни разу не упускает из виду связи самого мелкого явления с общим строем капиталистического земледелия и с общей эволюцией капитализма.

Каутский ставит перед собой не какой-нибудь частный вопрос, напр., об отношении крупного и мелкого производства в земледелии, а общий вопрос о том, овладевает ли капитал сельским хозяйством, преобразует ли он в нем формы производства и формы собственности и как именно идет этот процесс. Вполне признавая крупную роль докапиталистических и некапиталистических форм сельского хозяйства в современном обществе и необходимость выяснить отношение этих форм к чисто капиталистическим, Каутский начинает свое исследование с чрезвычайно яркой и точной характеристики патриархального крестьянского хозяйства и земледелия феодальной эпохи. Установив таким образом исходные пункты развития капитализма в земледелии, он переходит к характеристике «современного земледелия». Сначала это

последнее характеризуется с его технической стороны (плодопеременная система, разделение труда, машины, удобрения, бактериология), и пред читателем встает яркая картина того гигантского переворота, который произвел капитализм в течение нескольких десятилетий, превратив сельское хозяйство из рутинного ремесла в *науку*. Далее исследуется «капиталистический характер современного сельского хозяйства», — краткое и популярное, но в высшей степени точное и талантливое изложение теории Маркса о прибыли и ренте. Каутский показывает, что система фермерства и система ипотек представляет из себя лишь две различные формы одного и того же, отмеченного Марксом, процесса отделения сельско-хозяйственных предпринимателей от землевладельцев. Затем рассматривается отношение крупного и мелкого производства, при чем оказывается, что техническое превосходство первого над вторым несомненно. Каутский обстоятельно доказывает это положение и подробно останавливается на выяснении того обстоятельства, что устойчивость мелкого производства в земледелии зависит отнюдь не от его технической рациональности, а от того, что мелкие крестьяне надрываются над работой больше, чем наемные рабочие, и понижают уровень своих потребностей ниже уровня потребностей и жизни этих последних. Данные, приводимые Каутским в подтверждение этого, в высшей степени интересны и рельефны. Разбор вопроса о товариществах в сельском хозяйстве приводит Каутского к тому выводу, что они выражают собою несомненный прогресс, будучи, однако, переходом не к общинному производству, а к капитализму; товарищества не уменьшают, а усиливают превосходство крупного производства в земледелии над мелким. Нелепо ждать, чтобы крестьянин в современном обществе мог перейти к общинному производству. Обыкновенно ссылаются на данные статистики, которая не свидетельствует о вытеснении мелкого земледелия крупным, но эти данные говорят лишь о том, что процесс развития капитализма в земледелии гораздо сложнее, чем в промышленности. И в этой последней основная тенденция развития перекрещивается нередко такими явлениями, как распространение капиталистической работы на дому и пр. В земледелии же вытеснению мелкого производства мешает, прежде всего, ограниченность земельной площади; скупка мелких участков для образования крупного, — дело очень и очень не легкое; при интенсификации земледелия уменьшение площади хозяйства совместимо иногда с увеличением количества получаемых продуктов (поэтому статистика, оперирующая исключительно с данными о площади хозяйств, имеет мало доказательного значения). Концентрация производства происходит посредством скупки одним владельцем многих имений; образуемые таким образом латифундии служат базисом для одной из высших форм крупного капиталистического земледелия. Наконец,

крупному землевладению и невыгодно было бы полное вытеснение мелкого: последнее доставляет ему рабочие руки! Поэтому землевладельцы и капиталисты проводят нередко законы, искусственно поддерживающие мелкое крестьянство. Мелкое земледелие приобретает устойчивость тогда, когда оно перестает быть конкурентом крупного, когда превращается в поставщика рабочей силы для него. Отношения между крупными и мелкими землевладельцами все более приближаются к отношениям между капиталистами и пролетариями. Процессу «пролетаризирования крестьянства» Каутский посвящает отдельную главу, богатую данными — особенно по вопросу о «подсобных занятиях» крестьян, т.-е. о разных формах работы по найму.

Выяснив основные черты развития капитализма в земледелии, Каутский переходит к доказательству исторически-преходящего характера этой системы общественного хозяйства. Чем дальше развивается капитализм, тем с бо́льшими затруднениями встречается ведение торгового (товарного) земледелия. Монополия земельной собственности (поземельная рента), право наследства, майораты препятствуют рационализации земледелия. Города все более и более эксплуатируют деревни, отнимая лучшие рабочие силы у сельских хозяев, высасывая все бо́льшую долю богатства, производимого сельским населением, которое в силу этого теряет возможность возвратить почве то, что берется от нее. Останавливаясь особенно подробно на обезлюдении деревень, Каутский вполне признает, что от недостатка рабочих всего меньше страдают средне-крестьянские хозяйства, но тут же прибавляет, что «добрые граждане» (мы можем сказать также: и русские народники) напрасно ликуют по поводу этого факта, напрасно думают видеть в нем начинающееся возрождение крестьянства, опровергающее применимость теории Маркса к земледелию. Если крестьянство меньше других земледельческих классов страдает от недостатка наемных рабочих, то оно гораздо сильнее страдает от ростовщичества, гнета податей, от нерациональности своего хозяйства, от истощения почвы, от чрезмерной работы и от недостаточного потребления. Наглядным опровержением взгляда оптимистически настроенных мелко-буржуазных экономистов служит тот факт, что не только сельские рабочие, но и дети крестьян... бегут в города! Но особенно крупные изменения в условия европейского земледелия внесла конкуренция дешевого хлеба, ввозимого из Америки, Аргентины, Индии, России и пр. Каутский подробно рассматривает значение этого факта, порожденного развитием индустрии, ищущей себе рынков. Он описывает падение производства зерновых хлебов в Европе под влиянием этой конкуренции, понижение ренты, и особенно подробно останавливается на «индустриализации земледелия», которая проявляется, с одной стороны, в наемной промышленной работе

мелких крестьян, с другой стороны, в развитии сельско-хозяйственных технических производств (винокурение, сахароварение и пр.) и даже в вытеснении некоторых отраслей сельского хозяйства обрабатывающей промышленностью. Оптимистические экономисты, — говорит Каутский, — напрасно думают, что такие видоизменения европейского земледелия могут спасти его от кризиса: кризис все расширяется и может кончиться лишь общим кризисом всего капитализма. Конечно, это нисколько не дает права говорить о гибели сельского хозяйства, но его консервативный характер канул в вечность; оно попало в состояние беспрерывного преобразования, состояние, характеризующее вообще капиталистический способ производства. «Значительное пространство земли под сельско-хозяйственным крупным производством, капиталистический характер которого все более и более развивается; рост аренды и ипотек, индустриализация земледелия, — таковы элементы, подготовляющие почву для обобществления сельско-хозяйственного производства»... Было бы абсурдом думать, — говорит Каутский в заключение, — что в обществе одна часть развивается в одном направлении, другая — в противоположном. На самом деле «общественное развитие идет в сельском хозяйстве в том же направлении, как и в индустрии».

Применяя результаты своего теоретического анализа к вопросам аграрной политики, Каутский высказывается, естественно, против всяких попыток поддержки и «спасения» крестьянского хозяйства. Нечего и думать о том, — говорит Каутский, — чтобы деревенская община могла перейти к крупному общинному земледелию (стр. 338, параграф: «Der Dorfkommunismus» *); ср. стр. 339). «Охрана крестьянства (D. Bauernschutz) означает не охрану *личности* крестьянина (против такой охраны, конечно, не возражает никто), а охрану *собственности* крестьянина. Между тем, именно собственность крестьянина и есть главная причина его обнищания и принижения. Наемные рабочие в земледелии уже теперь зачастую находятся в лучшем положении, чем мелкие крестьяне. Охрана крестьянства, это не охрана крестьянства от нищеты, а охрана тех оков, которые приковывают крестьянина к его нищете» (стр. 320). Процесс коренного преобразования капитализмом всего сельского хозяйства только еще начинается, но этот процесс быстро идет вперед, вызывая превращение крестьянина в наемного рабочего и усиленное бегство населения из деревень. Попытки задержать этот процесс были бы реакционны и вредны: как ни тяжелы последствия этого процесса в современном обществе, но последствия задержки процесса еще хуже и ставят трудящееся население в еще более беспомощное и безысходное положение. Прогрессивная деятельность в совре-

*) — «Деревенский коммунизм». *Ред.*

менном обществе может стремиться только к тому, чтобы ослабить вредное действие капиталистического прогресса на население, чтобы усилить сознательность этого последнего и способность к коллективной самозащите. Каутский настаивает, поэтому, на обеспечении свободы передвижения и пр., на отмене всех остатков феодализма в сельском хозяйстве (напр., Gesindeordnungen, которые ставят сельских рабочих в лично зависимое, полукрепостное положение), на запрещении работы детей до 14 лет, на установлении 8-мичасового рабочего дня, на строгой санитарной полиции, надзирающей за рабочими жилищами, и пр. и пр.

Надо надеяться, что книга Каутского появится и в русском переводе.

«Начало» № 4,
апрель 1899 г.
Подпись: ***Вл. Ильин.***

ГОБСОН. Эволюция современного капитализма. Пер. с английского. Спб. 1898. Изд. О. Н. Поповой. Цена 1 р. 50 к.

Книга Гобсона представляет из себя собственно не изучение эволюции современного капитализма, а очерки новейшего промышленного развития на основании, главным образом, английских данных. Поэтому заглавие книги несколько широко: автор вовсе не касается земледелия, да и промышленную экономию рассматривает далеко не в полном ее объеме. По своему направлению Гобсон принадлежит, вместе с известными писателями, супругами Вебб, к представителям одного из передовых течений английской общественной мысли. К «современному капитализму» он относится критически, вполне признавая необходимость замены его высшей формой общественного хозяйства и относясь к вопросу об этой замене с типично-английской реформаторской практичностью. К убеждению в необходимости реформы он приходит более путем эмпирическим, под влиянием новейшей истории английского фабричного законодательства, английского рабочего движения, деятельности английских муниципалитетов и пр. Стройных и цельных теоретических воззрений, которые бы служили базисом для его реформаторской программы и освещали частные вопросы реформы, у Гобсона нет. Поэтому наиболее силен Гобсон в тех случаях, когда дело идет о группировке и описании новейших статистических и экономических данных. Наоборот, когда дело касается обще-теоретических вопросов политической экономии, Гобсон оказывается очень слабым. Для русского читателя даже странно видеть, как писатель с такими обширными познаниями и практическими стремлениями, заслуживающими полного сочувствия, беспомощно возится с вопросом о том, что такое «капитал», какова роль «сбережения» и т. п. Эта слабая сторона Гобсона

вполне объясняется тем, что для него Дж.-Ст. Милль больший авторитет в политической экономии, чем Маркс, которого Гобсон хотя раз или два и цитирует, но, очевидно, совершенно не понимает или не знает. Нельзя не пожалеть о массе непроизводительного труда, который затрачивается Гобсоном на то, чтобы разобраться в противоречиях буржуазной и профессорской политической экономии. В лучшем случае Гобсон приближается к тем решениям, которые уже давно даны Марксом; в худшем случае он перенимает ошибочные воззрения, находящиеся в резком противоречии с его отношением к «современному капитализму». Самая неудачная глава книги — седьмая: «Машины и промышленный застой». Гобсон пытается здесь разобраться в теоретических вопросах о кризисах, об общественном капитале и доходе в капиталистическом обществе, о капиталистическом накоплении. Верные мысли о несоответствии производства и потребления в капиталистическом обществе, об анархическом характере капиталистического хозяйства тонут в груде схоластических рассуждений о «сбережении» (Гобсон смешивает накопление со «сбережением»), среди всяческих робинзонад («положим, что человек, работая примитивными орудиями, изобретает новый инструмент... сберегает свою пищу» и пр.) и т. п. Гобсон очень любит диаграммы — и в большинстве случаев очень умело пользуется ими, наглядно иллюстрируя свое изложение. Но то представление о «механизме производства», которое выразил Гобсон в рисунке на стр. 207 (гл. VII), способно вызвать лишь улыбку в читателе, сколько-нибудь знакомом с действительным «механизмом» *капиталистического* «производства». Гобсон смешивает здесь производство с общественным строем производства, обнаруживает крайне смутное понятие о том, что̀ такое капитал, каковы его составные части, каковы те классы, на которые необходимо делится капиталистическое общество. В главе VIII-й Гобсон дает интересные данные о составе населения по занятиям и об изменении этого состава во времени, но в его теоретических рассуждениях о «машинах и спросе на труд» крупный пробел тот, что он игнорирует теорию «капиталистического перенаселения» или резервной армии. К более удачным главам книги Гобсона принадлежат те, в которых он рассматривает положение женщин в современной индустрии и современные города. Приведя статистические данные о росте женского труда и описав крайне дурные условия этого труда, Гобсон справедливо указывает, что надежда на улучшение этих условий заключается лишь в вытеснении работы на дому фабричной работой, ведущей к «более тесным социальным отношениям» и к «организации». Точно также и по вопросу о значении городов Гобсон приближается к общим воззрениям Маркса, признавая, что противоположность между городом и деревней противоречит строю коллективистического общества. Выводы Гобсона много выиграли бы

в убедительности, если бы он не игнорировал и по этому вопросу учения Маркса. Тогда Гобсон, вероятно, яснее подчеркнул бы исторически прогрессивную роль крупных городов и необходимость соединения земледелия и промышленности при коллективистической организации хозяйства. Последняя глава книги Гобсона: «Цивилизация и промышленное развитие» едва ли не самая лучшая; автор доказывает здесь целым рядом удачных доводов необходимость реформы современного промышленного строя в духе усиления «общественного контроля» и «социализации индустрии». При оценке несколько оптимистических взглядов Гобсона на способ осуществления этих «реформ» необходимо принять во внимание особенности английской истории и английской жизни: высокое развитие демократии, отсутствие милитаризма, громадную силу организованных трэд-юнионов, растущее помещение английского капитала вне Англии, ослабляющее антагонизм между английскими предпринимателями и рабочими, и пр.

В своей известной книге о социальном движении в XIX-м веке проф. В. Зомбарт отмечает, между прочим, «тенденцию к единству» (заглавие VI-й главы), т. - е. тенденцию социального движения разных стран в его различных формах и оттенках к однородности, а на-ряду с этим и тенденцию к распространению идей марксизма. По отношению к Англии Зомбарт усматривает эту тенденцию в том, что английские трэд-юнионы все более оставляют «чисто манчестерскую точку зрения». Мы можем сказать по поводу книги Гобсона, что передовые английские писатели под давлением требований жизни, которая все больше и больше оправдывает «прогноз» Маркса, начинают чувствовать несостоятельность традиционной буржуазной политической экономии и, освобождаясь от ее предрассудков, невольно приближаются к марксизму.

Перевод книги Гобсона страдает существенными недостатками.

«Начало» № 5,
май 1899 г.
Подпись: Вл. Ильин.

СТАТЬИ ПО ВОПРОСУ О ТЕОРИИ РЫНКОВ[53])

КОНЕЦ 1898 Г. — СРЕДИНА 1899 Г.

Обложка журнала «Научное Обозрение», в котором печатались статьи В. И. Ленина по вопросу о теории рынков — 1899 г.

Уменьшено

ЗАМЕТКА К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ РЫНКОВ.

(По поводу полемики гг. Туган-Барановского и Булгакова.)

Вопрос о рынках в капиталистическом обществе занимал, как известно, в высшей степени важное место в учении экономистов-народников с гг. В. В. и Н.—оном во главе их. Вполне естественно поэтому, что экономисты, отрицательно относящиеся к теориям народников, сочли необходимым обратить внимание на этот вопрос и выяснить прежде всего основные, абстрактно-теоретические пункты «теории рынков». Попытку этого выяснения сделал в 1894 г. г. Туган-Барановский в своей книге: «Промышленные кризисы в современной Англии», гл. I части второй: «Теория рынков»; а затем в прошлом году этому же вопросу посвятил г. Булгаков свою книгу: «О рынках при капиталистическом производстве» (Москва 1897 г.). Оба автора сошлись между собою в основных воззрениях; у обоих центр тяжести состоит в изложении замечательного анализа «обращения и воспроизводства всего общественного капитала», анализа, данного Марксом в III-м отделе второго тома «Капитала». Оба автора согласились в том, что теории гг. В. В. и Н. — она о рынке (особенно внутреннем) в капиталистическом обществе безусловно ошибочны и основаны либо на игнорировании, либо на непонимании анализа Маркса. Оба автора признали, что развивающееся капиталистическое производство само создает себе рынок главным образом на счет *средств производства, а не предметов потребления;* — что реализация продукта вообще и сверхстоимости [51]) в частности вполне объяснима без привлечения внешнего рынка; — что необходимость внешнего рынка для капиталистической страны вытекает отнюдь не из условий реализации (как полагали гг. В. В. и Н.—он), а из условий исторических и пр. Казалось бы, что при таком полном согласии гг. Булгакову и Туган-Барановскому не о чем спорить, и они могут совместно направить свои силы на более подробную и дальнейшую критику народнической экономии. Но на деле между названными писателями завязалась полемика (Булгаков, назв. соч., стр. 246 — 257 и passim; Туган-Барановский в «Мире

Бож.» 1898 г., № 6: «Капитализм и рынок», по поводу книги С. Булгакова). По нашему мнению, и г. Булгаков, и г. Туган-Барановский зашли несколько далеко в своей полемике, придав своим замечаниям слишком личный характер. Попробуем разобрать, есть ли между ними действительное разногласие и если есть, то кто из них более прав.

Прежде всего г. Туган-Барановский обвиняет г. Булгакова в том, что он «мало оригинален» и слишком любит jurare in verba magistri *) («М. Б.», 123). «Изложенное у меня решение вопроса о роли внешнего рынка для капиталистической страны, целиком принимаемое г-ном Булгаковым, отнюдь не взято у Маркса», — заявляет г. Туган-Барановский. Нам кажется, что это заявление неверно, ибо решение вопроса взято г-ном Туган-Барановским *именно у Маркса;* оттуда же, несомненно, взял его и г. Булгаков, так что спор может вестись не об «оригинальности», а о понимании того или другого положения Маркса, о необходимости так или иначе излагать Маркса. Г. Туган-Барановский говорит, что Маркс «во II-м томе вопроса о внешнем рынке совершенно не затрогивает» (l. c.). Это неверно. В том самом отделе (III-м) второго тома, в котором изложен анализ реализации продукта, Маркс совершенно определенно выясняет отношение к этому вопросу внешней торговли, а следовательно, и внешнего рынка. Вот что говорит он об этом:

«Капиталистическое производство вообще не существует без внешней торговли. Но если предположить нормальное годичное воспроизводство в данных размерах, то этим уже предполагается, что внешняя торговля *только замещает туземные изделия* (Artikel — товары) *изделиями другой потребительной или натуральной формы,* не затрогивая ни тех отношений стоимости, в которых обмениваются между собой две категории: средства производства и предметы потребления, ни отношений между постоянным капиталом, переменным капиталом и сверхстоимостью, на которые распадается стоимость продукта каждой из этих категорий. Введение внешней торговли в анализ ежегодно воспроизводимой стоимости продукта может, следовательно, только запутать дело, не доставляя нового момента ни для самой задачи, ни для решения ее. Следовательно, ее совсем не надо принимать во внимание...» («Das Kapital», II[1], 469. Курсив наш). «Решение вопроса» г-ном Туган-Барановским: — «...в каждой стране, ввозящей товары из-за границы, капитал может быть в избытке; внешний рынок для такой страны безусловно необходим» («Пром. кризисы», стр. 429. Цит. в «М. Б.», l. c., 121) — есть простая перефразировка положения Маркса. Маркс говорит, что при анализе реализации нельзя брать в расчет внешней торговли, ибо

*) — клясться словами учителя. *Ред.*

она только замещает одни товары другими. Г. Туган-Барановский говорит, разбирая тот же вопрос о реализации (гл. I части второй «Пром. кризисов»), что страна, ввозящая товары, должна и вывозить товары, т. е. иметь внешний рынок. Спрашивается, можно ли после этого сказать, что «решение вопроса» у г. Туган-Барановского «отнюдь не взято у Маркса»? Г. Туган-Барановский говорит далее, что «II-й и III-й томы «Капитала» представляют собой лишь далеко незаконченный черновой набросок» и что «по этой причине мы не находим в III-м томе выводов из замечательного анализа, представленного во II-м томе» (цит. ст., 123). И это утверждение неточно. Помимо отдельных анализов общественного воспроизводства («Das Kapital», III, 1, 289): разъяснение, в каком смысле и насколько реализация постоянного капитала «независима» от индивидуального потребления, «мы находим в III-м томе» специальную главу (49-ю. «К анализу процесса производства»), посвященную выводам из замечательного анализа, представленного во II-м томе, — главу, в которой результаты этого анализа применены к решению весьма важного вопроса о видах общественного дохода в капиталистическом обществе. Наконец, точно так же неверным следует признать утверждение г-на Туган-Барановского, будто «Маркс в III-м томе «Капитала» высказывается по данному вопросу совершенно иначе», будто в III-м томе мы «даже встречаем утверждения, решительно опровергаемые этим анализом» (цит. ст., 123). Г. Туган-Барановский приводит на стр. 122 своей статьи два таких, якобы противоречащих основной доктрине, рассуждения Маркса. Рассмотрим их поближе. В III-м томе Маркс говорит: «Условия непосредственной эксплуатации и условия реализации ее (этой эксплуатации) не тождественны. Они не только не совпадают по времени и месту, но и по существу различны. Первые ограничиваются лишь производительной силой общества, вторые ограничиваются пропорциональностью различных отраслей производства и потребительной силой общества... Чем более развивается производительная сила (общества), тем более она становится в противоречие с узким основанием, на котором покоятся отношения потребления» (III, 1, 226. Рус. пер., с. 189). Г. Туган-Барановский толкует эти слова так: «Одна пропорциональность распределения национального производства еще не гарантирует возможности сбыта продуктов. Продукты могут не найти себе рынка, хотя распределение производства будет пропорционально, — таков, повидимому, смысл цитированных слов Маркса». Нет, смысл этих слов не таков. Нет никаких оснований видеть в этих словах какую-то *поправку* к теории реализации, изложенной во II-м томе. Маркс констатирует лишь здесь то противоречие капитализма, на которое было указано и в других местах «Капитала», именно, противоречие между стремлением *безгранично* расширить производство и необ-

ходимостью *ограниченного* потребления (вследствие пролетарского состояния народных масс). Г. Туган-Барановский, конечно, не станет спорить против того, что это противоречие *присуще* капитализму; и раз Маркс в этом же отрывке указывает на него, — мы не имеем никакого права искать еще какого-то дальнейшего смысла в его словах. «Потребительная сила общества» и «пропорциональность различных отраслей производства», — это вовсе не какие-то отдельные, самостоятельные, не связанные друг с другом условия. Напротив, известное состояние потребления есть один из элементов пропорциональности. В самом деле, анализ реализации показал, что образование внутреннего рынка для капитализма идет не столько на счет предметов потребления, сколько на счет средств производства. Отсюда следует, что первое подразделение общественной продукции (изготовление средств производства) может и должно развиваться быстрее, чем второе (изготовление предметов потребления). Но отсюда, разумеется, никак не следует, чтобы изготовление средств производства могло *развиваться совершенно независимо* от изготовления предметов потребления и *вне всякой связи с ним*. Маркс говорит по этому поводу: «Мы видели (книга II-я, отдел III-й), что происходит постоянное обращение между постоянным капиталом и постоянным капиталом, которое, с одной стороны, независимо от личного потребления в том смысле, что оно никогда не входит в это последнее, но которое тем не менее ограничено в конечном счете (definitiv) личным потреблением, ибо производство постоянного капитала никогда не происходит ради него самого, а происходит лишь от того, что этого постоянного капитала больше потребуется в тех отраслях производства, продукты которых входят в личное потребление» (III, 1, 289. Рус. пер. 242). Итак, в конечном счете, производительное потребление (потребление средств производства) всегда связано с личным потреблением, всегда зависимо от него. Между тем капитализму присуще, с одной стороны, стремление к безграничному расширению производительного потребления, к безграничному расширению накопления и производства, а с другой стороны, — пролетаризирование народных масс, ставящее довольно узкие границы расширению личного потребления. Ясно, что мы видим здесь противоречие в капиталистическом производстве, и в цитированном отрывке Маркс только это противоречие и констатирует *). Анализ реали-

*) Совершенно такой же смысл имеет и другой отрывок, цитированный г-ном Туган-Барановским (III, 1, 231, ср. S. 232 до конца параграфа), а равно и следующее место о кризисах: «Последней причиной всех действительных кризисов остается всегда бедность и ограниченность потребления масс, противодействующая стремлению капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность

зации во II-м томе нисколько не опровергает этого противоречия (вопреки мнению г-на Туган-Барановского), показывая, напротив, связь между производительным и личным потреблением. Само собою разумеется, что было бы грубой ошибкой выводить из этого противоречия капитализма (или и из других его противоречий) невозможность капитализма или непрогрессивность его сравнительно с прежними хозяйственными режимами (как любят делать наши народники). Развитие капитализма не может происходить иначе, как в целом ряде противоречий, и указание на эти противоречия лишь выясняет нам исторически преходящий характер капитализма, выясняет условия и причины его стремления перейти в высшую форму.

Сводя вместе все вышеизложенное, мы получаем такой вывод: изложенное у г. Туган-Барановского решение вопроса о роли внешнего рынка взято именно у Маркса; никакого противоречия между II и III томом «Капитала» по вопросу о реализации (и о теории рынков) нет.

Пойдем далее. Г. Булгаков обвиняет г. Туган-Барановского в том, что он неверно оценивает учения экономистов до Маркса о рынках. Г. Туган-Барановский обвиняет г. Булгакова в том, что он отрывает взгляды Маркса от той научной почвы, на которой они выросли, что он изображает дело так, будто «взгляды Маркса не имеют никакой связи с воззрениями его предшественников». Этот последний упрек совершенно неоснователен, ибо г. Булгаков не только не высказывал подобного абсурдного мнения, но, напротив, приводил воззрения представителей различных школ до Маркса. По нашему мнению, и г. Булгаков и г. Туган-Барановский в изложении истории вопроса напрасно обратили так мало внимания на Ад. Смита, на котором обязательно бы было остановиться с наибольшей подробностью при *специальном* изложении «теории рынков»; «обязательно» — потому, что именно Ад. Смит был родоначальником той ошибочной доктрины о распадении общественного продукта на переменный капитал и сверхстоимость (заработную плату, прибыль и ренту, по терминологии Ад. Смита), которая держалась упорно до Маркса и не давала возможности не только разрешить, но даже правильно поставить вопрос о реализации. Г. Булгаков совершенно справедливо говорит, что, «при

общества» («Das Kapital», III, 2, 21. Рус. пер., с. 395). Тот же смысл следующего замечания Маркса: «Противоречие в капиталистическом обществе: рабочие, как покупатели товара, важны для рынка. Но капиталистическое общество стремится ограничить их минимумом цены, как продавцов своего товара — рабочей силы» («Das Kapital», II, 303). О неверном толковании этого места у г-на Н. —она мы уже говорили в «Нов. Сл.», 1897, май (см. стр. 37 настоящего тома. *Ред.*). Никакого противоречия между всеми этими местами и анализом реализации в III-м отделе II-го тома нет.

неверности исходных точек зрения и неверном формулировании самой проблемы, эти споры» (по поводу теории рынков, возникавшие в экономической литературе) «могли повести только к пустым и схоластическим словопрениям» (с. 21 н. соч., прим.). Между тем Ад. Смиту автор уделил всего одну страничку, опустив подробный и блестящий разбор теории Ад. Смита, данный Марксом в 19-ой главе второго тома «Капитала» (§ II, S. 358—383), и остановившись вместо того на учениях второстепенных и несамостоятельных теоретиков, Д.-С. Милля и фон-Кирхмана. Что касается до г. Туган-Барановского, то он *совершенно обошел А. Смита* и потому в изложении взглядов последующих экономистов *опустил их основную ошибку* (повторение вышеуказанной ошибки Смита). Что изложение при этих условиях не могло быть удовлетворительным,— это ясно само собою. Ограничимся двумя примерами. Изложивши свою схему № 1, поясняющую простое воспроизводство, г. Туган-Барановский говорит: «Но ведь предполагаемый нами случай простого воспроизводства и не возбуждает никаких сомнений; капиталисты, согласно нашему предположению, потребляют всю свою прибыль,— понятное дело, что предложение товаров не превзойдет спроса» («Пром. кризисы», с. 409). Это неверно. Вовсе это не «понятное дело» для прежних экономистов, ибо они не умели объяснить даже простого воспроизводства общественного капитала, да и нельзя его объяснить, не поняв, что общественный продукт распадается по стоимости на *постоянный капитал* + переменный капитал + сверхстоимость, а по материальной форме на два большие подразделения: средства производства и предметы потребления. Поэтому у А. Смита и этот случай возбудил «сомнения», в которых он, как показал Маркс, и запутался. Если же позднейшие экономисты повторяли *ошибку* Смита, не разделяя *сомнений* Смита, то это показывает лишь, что они сделали в теоретическом отношении по данному вопросу шаг назад. Точно так же неверно, когда г. Туган-Барановский говорит: «Учение Сэя-Рикардо теоретически совершенно правильно; если бы противники его дали себе труд рассчитать на цифрах, каким образом распределяются товары в капиталистическом хозяйстве, то они легко поняли бы, что отрицание этого учения заключает в себе логическое противоречие» (l. c., 427). Нет, учение Сэя-Рикардо теоретически совершенно неправильно: Рикардо повторил ошибку Смита (см. его «Сочинения», пер. Зибера, Спб. 1882, с. 221), а Сэй к тому же окончил ее, утверждая, что разница между валовым и чистым продуктом общества вполне субъективна. И сколько бы ни «рассчитывали на цифрах» Сэй-Рикардо и их противники, — никогда бы они ни до чего не досчитались, ибо дело тут совсем не в цифрах, как уже заметил совершенно справедливо и Булгаков по поводу другого места книги г-на Туган-Барановского (Булгаков, l. c., стр. 21, прим.).

Мы подошли теперь и к другому предмету спора между гг. Булгаковым и Туган-Барановским, именно, к вопросу о цифирных схемах и об их значении. Г. Булгаков утверждает, что схемы г-на Туган-Барановского, «благодаря отступлению от образца» (т.-е. от схемы Маркса), «в значительной степени теряют свою убедительную силу и не разъясняют процесса общественного воспроизводства» (l. с., 248), а г. Туган-Барановский говорит, что «г. Булгаков не ясно понимает самое назначение подобных схем» («Мир Божий» № 6, за 1898 г., стр. 125). По нашему мнению, в данном случае правда всецело на стороне г. Булгакова. «Не ясно понимает значение схем» скорее г. Туган-Барановский, который полагает, что схемы «доказывают вывод» (ibid.). Схемы сами по себе ничего доказывать не могут; они могут только *иллюстрировать* процесс, *если его отдельные элементы выяснены теоретически*. Г. Туган-Барановский составил свои собственные схемы, отличные от схем Маркса (и несравненно менее ясные, чем схемы Маркса), опустив притом теоретическое выяснение тех элементов процесса, которые должны быть иллюстрированы схемами. Основное положение теории Маркса, показавшего, что общественный продукт распадается не на переменный только капитал + сверхстоимость (как думал А. Смит, Рикардо, Прудон, Родбертус и др.), а на постоянный капитал + указанные части,— это положение г. Туган-Барановский совершенно не разъяснил, хотя и принял его в своих схемах. Читатель книги г-на Туган-Барановского *не в состоянии понять* этого основного положения новой теории. Необходимость различать два подразделения общественного производства (I: средства производства и II: предметы потребления) г. Туган-Барановский совершенно не мотивировал, тогда как, по верному замечанию г-на Булгакова, «в одном этом делении больше теоретического смысла, чем во всех предшествовавших словопрениях относительно теории рынков» (l. с., стр. 27). Вот почему изложение теории Маркса у г. Булгакова гораздо яснее и правильнее, чем у г. Туган-Барановского.

В заключение, останавливаясь несколько подробнее на книге г. Булгакова, мы должны заметить следующее. Около трети книги его посвящены вопросам о «различии оборотов капитала» и о «фонде заработной платы». Параграфы с этими заголовками представляются нам наименее удачными. В первом из названных параграфов автор пытается дополнить (см. стр. 63, прим.) анализ Маркса и углубляется в очень сложные расчеты и схемы для иллюстрации того, как происходит процесс реализации при различиях в обороте капитала. Нам кажется, что конечный вывод, к которому пришел г. Булгаков (что для объяснения реализации при различии оборотов капитала необходимо предположить существование запасов у капиталистов обоих подразделений, ср. стр. 85), следует сам собой из общих законов про-

изводства и обращения капитала, что поэтому не было никакой надобности предполагать различные случаи отношений оборотов капитала во II и I подразделении и строить целый ряд графиков. То же самое приходится сказать и о втором из названных параграфов. Г. Булгаков совершенно справедливо указывает на ошибочность утверждения г-на Герценштейна, находившего противоречие в учении Маркса по этому вопросу [55]). Автор совершенно справедливо замечает, что «если приравнять оборот всех капиталов году, в начале данного года капиталисты являются собственниками как всего продукта производства прошлого года, так и суммы денег, равной этой стоимости» (142—3 стр.). Но г. Булгаков совершенно напрасно принимал (стр. 92 и сл.) чисто схоластическую постановку этого вопроса у прежних экономистов (берется ли заработная плата из текущего производства или из производства предыдущего рабочего периода?) и создавал себе лишние затруднения, «отводя» показание Маркса, который «как будто противоречит своей основной точке зрения», «рассуждая так, как будто бы» «заработная плата берется не из капитала, а из текущего производства» (стр. 135). В такой форме Маркс вопроса вовсе и не ставит. Необходимость «отводить» показание Маркса вызвана была у г. Булгакова тем, что он пытается приложить к теории Маркса совершенно чуждую ему постановку вопроса. Раз выяснено, каким образом идет процесс всего общественного производства в связи с потреблением продукта разными классами общества, каким образом капиталисты вносят деньги, необходимые для обращения продукта, — раз выяснено все это, вопрос о том, берется ли заработная плата из текущего или из предыдущего производства, теряет всякое серьезное значение. Поэтому издатель последних томов «Капитала», Энгельс, и говорит в предисловии ко второму тому, что рассуждения, напр., Родбертуса о том, «берется ли заработная плата из капитала или из дохода, относятся к области схоластики и упраздняются совершенно содержанием 3-го отдела этой второй книги «Капитала»» («Das Kapital», II, Vorwort *), S. XXI).

Написано в конце 1898 г.
Напечатано в «Научном Обозрении» [56])
№ 1 — январь 1899 г.
Подпись: Владимир Ильин.

---

*) — предисловие. *Ред.*

ЕЩЕ К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ РЕАЛИЗАЦИИ.

В январской книжке «Научного Обозрения» за текущий (1899) год помещена моя «Заметка к вопросу о теории рынков (по поводу полемики гг. Туган-Барановского и Булгакова)», а вслед за ней статья П. Б. Струве: «К вопросу о рынках при капиталистическом производстве (по поводу книги Булгакова и статьи Ильина)». Струве «отвергает в значительной мере теорию Туган-Барановского, Булгакова и Ильина» (стр. 63 его статьи) и излагает свой взгляд на теорию реализации Маркса.

По моему мнению, полемика Струве против названных писателей вызвана не столько разногласием по существу, сколько ошибочным представлением Струве о содержании защищаемой ими теории. Во-первых, Струве смешивает теорию рынков буржуазных экономистов, которые учили, что продукты обмениваются на продукты и что поэтому должно существовать соответствие между производством и потреблением, с теорией реализации Маркса, который показал своим анализом, *как* происходит воспроизводство и обращение всего общественного капитала, т.-е. реализация продукта в капиталистическом обществе *). Ни Маркс, ни излагавшие его писатели, с которыми полемизирует Струве, не только не выводили из этого анализа гармонии производства с потреблением, а, напротив, энергично подчеркивали присущие капитализму противоречия, которые не могут не проявляться при капиталистической реализации **). Во-вторых, Струве смешивает абстрактную теорию реализации (о которой исключительно и трактовали его оппоненты) с конкретными историческими условиями реализации капиталистического продукта в той или другой стране в ту или другую эпоху. Это все равно, как если бы кто-либо смешал абстрактную теорию земельной ренты с конкретными условиями развития земледельческого капитализма в той

*) См. мои «Этюды», стр. 17 и др. (См. стр. 24 и др. настоящего тома. *Ред.*).

**) Ibid., стр. 20, 27, 24 и др. (Стр. 27, 33, 30 и др. настоящего тома *Ред.*).

или другой стране. Из этих двух основных заблуждений Струве вытек целый ряд недоразумений, для выяснения которых необходимо разобрать отдельные положения его статьи.

1. Струве не соглашается с моим мнением, что при изложении теории реализации необходимо особенно остановиться на Ад. Смите. Если доходить до Адама,—пишет он,—то следовало бы остановиться не на Смите, а на физиократах. Нет, это не так. Именно Ад. Смит не ограничился признанием той (известной и физиократам) истины, что продукты обмениваются на продукты, а поставил также вопрос о том, как возмещаются (реализуются) различные составные части общественного *капитала* и продукта по их стоимости *). Поэтому-то Маркс, вполне признававший, что в учении физиократов, напр., в «Tableau économique» **) Кенэ были положения, «гениальные для своего времени» ***); признававший, что в анализе процесса воспроизводства Ад. Смит сделал даже в некоторых отношениях шаг назад по сравнению с физиократами («Das Kapital», I², 612, Anm. 32), уделил, однако, физиократам какие-нибудь полторы страницы в обзоре истории вопроса о реализации («Das Kapital», II¹, S. 350 — 351), тогда как Ад. Смиту он уделил более тридцати страниц (ib., 351—383), подробно разобрав основную ошибку Ад. Смита, унаследованную всей последующей политической экономией. Таким образом, остановиться на Ад. Смите необходимо именно для того, чтобы выяснить теорию реализации буржуазных экономистов, которые все повторяли ошибку Смита.

2. Г. Булгаков совершенно справедливо говорит в своей книге, что буржуазные экономисты смешивали простое товарное обращение и капиталистическое обращение товаров, а Маркс установил различие между тем и другим. Струве полагает, что утверждение г. Булгакова основано на недоразумении. По моему мнению, наоборот, недоразумение тут есть со стороны не г. Булгакова, а со стороны Струве. В самом деле, как опровергает Струве г. Булгакова? Крайне странно: он опровергает его тем, что повторяет его положение. Струве говорит: Маркс не может быть признан сторонником той теории реализации, по которой продукт может быть реализован внутри данного общества, потому что Маркс «проводил резкое различие между простым товарным обра-

---

*) Между прочим, в моей статье в «Научн. Обозр.» термин «стоимость» заменен везде термином «ценность». Сделано это не мною, а редакцией. Я не придаю особенно существенного значения вопросу об употреблении того или другого термина, но считаю необходимым отметить, что я употреблял и употребляю всегда термин: «стоимость».

**) — «Экономическая таблица». *Ред.*

***) *Fr. Engels*: «Herrn E. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft», Dritte Aufl., стр. 270 из главы, написанной Марксом (*Энгельс*, «Анти-Дюринг». Марксу принадлежит здесь глава: «Из «Критических очерков»». *Ред.*).

щением и капиталистическим обращением» (!! стр. 48). Да ведь это именно то, что и утверждал г. Булгаков! Именно поэтому теория Маркса и не сводится к повторению той истины, что продукты обмениваются на продукты. Поэтому-то г. Булгаков и отнес совершенно справедливо к «пустым и схоластическим словопрениям» спор буржуазных и мелко-буржуазных экономистов о возможности перепроизводства: обе спорящие стороны смешивали товарное и капиталистическое обращение, обе повторяли ошибку Ад. Смита.

3. Струве напрасно называет теорию реализации теорией пропорционального распределения. Это неточно, и неизбежно ведет к недоразумениям. Теория реализации есть абстрактная *) теория, показывающая, как происходит воспроизводство и обращение всего общественного капитала. Необходимыми посылками этой абстрактной теории является, во-первых, абстрагирование внешней торговли, внешних рынков. Но, абстрагируя внешнюю торговлю, теория реализации отнюдь не утверждает, чтобы когда-либо существовало или могло существовать капиталистическое общество без внешней торговли **). Во-вторых, абстрактная теория реализации предполагает и должна предполагать пропорциональное распределение продукта между различными отраслями капиталистического производства. Но, предполагая это, теория реализации отнюдь не утверждает, что в капиталистическом обществе продукты всегда распределяются или могут распределяться пропорционально ***). Г. Булгаков совершенно справедливо сравнивает теорию реализации с теорией стоимости. Теория стоимости предполагает и должна предполагать равенство спроса и предложения, но она отнюдь не утверждает, чтобы в капиталистическом обществе всегда наблюдалось и могло наблюдаться такое равенство. Как и всякий другой закон капитализма, закон реализации

*) См. мою статью в «Научн. Обозр.», стр. 37 (стр. 397 наст. тома. *Ред.*).

**) Ibid., стр. 38 (стр. 398 наст. тома. *Ред.*). Ср. «Этюды», стр. 25 (стр. 32 наст. тома. *Ред.*). «Не отрицаем ли мы необходимости внешнего рынка для капитализма? Конечно, нет. Но только вопрос о внешнем рынке не имеет абсолютно ничего общего с вопросом о реализации».

***) «Не только продукты, возмещающие сверхстоимость, но и продукты, возмещающие переменный... и постоянный капитал,... все одинаково реализуются лишь среди «затруднений», среди постоянных колебаний, которые становятся все сильнее по мере роста капитализма»... [«Этюды», стр. 27 (стр. 33 наст. тома. *Ред.*)]. Может быть, Струве скажет, что этому месту противоречат другие места, напр., на стр. 31 (стр. 38 наст. тома. *Ред.*): ...«капиталисты *могут* реализовать сверхстоимость»?.. Это противоречие только кажущееся. Поскольку мы берем абстрактную теорию реализации (а народники выдвинули именно абстрактную теорию о невозможности реализовать сверхстоимость), постольку неизбежен вывод о возможности реализации. Но, излагая абстрактную теорию, надо указать на те противоречия, которые присущи действительному процессу реализации. Это указание и сделано в моей статье.

«осуществляется лишь путем неосуществления» (Булгаков, цит. в статье Струве, стр. 56). Теория средней и равной нормы прибыли предполагает, в сущности, то же пропорциональное распределение производства между различными его отраслями. Но не назовет же Струве на таком основании эту теорию теорией пропорционального распределения!

4. Струве оспаривает мое мнение, что Маркс справедливо обвинял Рикардо в повторении ошибки Ад. Смита. «Маркс был неправ», — пишет Струве. Однако, Маркс прямо цитирует одно место из сочинения Рикардо (II[1], 383) *). Струве игнорирует это место. На следующей же странице Маркс приводит мнение Рамсэя (Ramsay), который тоже подметил именно эту ошибку Рикардо. Я указал также другое место сочинения Рикардо, где он прямо говорит: «Весь продукт почвы и труда каждой страны разделяется на три части: задельную плату, прибыль и ренту» (здесь ошибочно опущен постоянный капитал. См. «Сочинения Рикардо», пер. Зибера, стр. 221). Струве обходит молчанием и это место. Он цитирует лишь одно примечание Рикардо, где указывается на нелепость рассуждения Сэя о различии валового и чистого дохода. В 49-ой главе III-го тома «Капитала», излагающей выводы из теории реализации, Маркс приводит именно это примечание Рикардо и говорит по поводу него следующее: «Впрочем, как мы увидим далее», — имеется в виду, очевидно, IV том «Капитала», который еще не издан, — «Рикардо нигде не опроверг ошибочного анализа цены товаров у Смита, именно разложения этой цены на сумму стоимостей доходов (Revenuen). Рикардо не думает об ошибочности этого анализа и при своих анализах принимает его за верный постольку, поскольку он «отвлекается» от постоянной части стоимости товаров. От времени до времени он возвращается к тому же способу представления» (т.-е. к способу представления Смита. «Das Kapital», III, 2, 377. Р. пер., 696). Предоставляем читателю судить, кто прав: Маркс ли, который говорит, что Рикардо повторяет ошибку Смита, или Струве, который говорит, что Рикардо «прекрасно (?) понимал, что весь общественный продукт не исчерпывается заработной платой, прибылью и рентой», и что Рикардо «бессознательно (!) отвлекался от частей общественного продукта, составляющих издержки производства». Можно ли *прекрасно* понимать и в то же время *бессознательно* отвлекаться?

---

*) Справедливость оценки Маркса видна также с особенной наглядностью из того, что Рикардо разделял ошибочное воззрение Смита на накопление единичного капитала. Рикардо думал именно, что накопляемая часть сверхстоимости целиком расходуется на зараб. плату, тогда как она расходуется: 1) на постоянный капитал и 2) на заработную плату. См. «Das Kapital», I[2], 611 — 3, гл. 22-ая, § 2. — Ср. «Этюды», стр. 29, прим. (стр. 36 наст. тома. *Ред.*).

5. Струве не только не опроверг утверждения Маркса, что Рикардо перенял ошибку Смита, но и сам повторил в своей статье ту же ошибку. «Странно... думать, — пишет Струве, — что то или другое деление общественного продукта на категории могло бы иметь существенное значение для общего понимания реализации, тем более, что действительно все доли реализуемого продукта в процессе реализации принимают форму дохода (валового), и классики рассматривали их как доходы» (стр. 48). В том-то и дело, что *не* все доли реализуемого продукта принимают форму дохода (валового); именно эту ошибку Смита и разъяснил Маркс, показавший, что часть реализуемого продукта никогда не принимает и не может принимать формы дохода. Это — та часть общественного продукта, которая возмещает постоянный капитал, служащий для изготовления средств производства (постоянный капитал в I подразделении, по терминологии Маркса). Напр., посевное зерно в сельском хозяйстве никогда не принимает формы дохода; каменный уголь, обращаемый опять на добычу каменного же угля, никогда не принимает формы дохода и пр. и пр. Процесс воспроизводства и обращения всего общественного капитала не может быть понят, если не будет выделена та часть валового продукта, которая способна служить только капиталом, которая никогда не может принять формы дохода *). В развивающемся капиталистическом обществе эта часть общественного продукта по необходимости должна расти быстрее всех остальных частей этого продукта. Только этим законом и может быть объяснено одно из самых глубоких противоречий капитализма: рост национального богатства идет с громадной быстротой, тогда как рост народного потребления идет (если идет) очень медленно.

6. Струве «совсем не понимает», почему Марксово различение постоянного и переменного капитала «необходимо для теории реализации», и почему я «в особенности настаиваю» на нем.

Это непонимание Струве есть, с одной стороны, результат простого недоразумения. Во-первых, Струве сам признает одно достоинство этого различения, именно, что в него укладывается весь продукт, а не только доходы. Другое достоинство его состоит в том, что оно логически связывает анализ процесса реализации с анализом процесса производства единичного капитала. Какова задача теории реализации? — показать, *как* происходит воспроизводство и обращение всего общественного капитала. Не ясно ли уже с первого взгляда, что роль переменного капитала должна быть при этом кардинально отлична от роли постоянного капитала? Продукты, возмещающие переменный капитал, должны обменяться в конце концов на *предметы потребления* рабочих

*) Ср. «Das Kapital», III, 2, 375—376 (рус. пер., 696) о различии валового продукта от валового дохода.

и покрыть обычное потребление рабочих. Продукты, возмещающие постоянный капитал, должны обменяться в конце концов на *средства производства* и должны быть употреблены как капитал для нового производства. Поэтому различение постоянного и переменного капиталов безусловно необходимо для теории реализации. Во-вторых, недоразумение Струве вызвано тем, что он и здесь совершенно произвольно и ошибочно понимает под теорией реализации теорию, которая показывает, что продукты распределяются пропорционально (см. особенно стр. 50—51). Мы уже говорили выше и повторяем еще раз, что такое представление о содержании теории реализации неверно.

С другой стороны, непонимание Струве вызвано тем, что он считает необходимым провести различие между «социологическими» и «экономическими» категориями в теории Маркса и делает несколько общих замечаний против этой теории. Я должен сказать на это, во-первых, что к вопросу о теории реализации все это совершенно не относится; во-вторых, что я считаю проводимое Струве различие неясным и не вижу в нем никакой реальной пользы. В-третьих, я считаю не только спорными, но даже прямо неверными утверждения Струве, который заявляет, что «самому Марксу, бесспорно, было неясно отношение социологических основ» его теории к анализу явлений рынка, что «учение о ценности, как оно изложено в I и III томах «Капитала», бесспорно, страдает противоречивостью» *). Все эти заявления Струве

*) Этому последнему заявлению Струве я противопоставлю новейшее изложение теории стоимости К. Каутским, который говорит и показывает, что закон средней нормы прибыли «не уничтожает закона стоимости, а лишь модифицирует его» («Die Agrarfrage», S. 67—68) («Аграрный вопрос», стр. 67—68. *Ред.*). Отметим кстати следующее интересное заявление Каутского в предисловии к его замечательной книге: «Если мне удалось развить в предлагаемом сочинении новые и плодотворные мысли, то я признателен за это прежде всего моим обоим великим учителям; я тем охотнее подчеркиваю это, что с некоторого времени даже в наших кругах раздаются голоса, объявляющие точку зрения Маркса и Энгельса устарелою... По моему мнению, этот скептицизм зависит более от личных особенностей скептиков, чем от свойств оспариваемого учения. Я делаю такой вывод не только на основании тех результатов, к которым приводит разбор возражений скептиков, но также и на основании своего личного опыта. В начале моей... деятельности я вовсе не симпатизировал марксизму. Я относился к нему так же критически и с таким же недоверием, как любое из тех лиц, которые теперь с пренебрежением смотрят свысока на мой догматический фанатизм. Лишь после некоторого сопротивления сделался я марксистом. Но и тогда и впоследствии, — всякий раз, когда у меня являлись сомнения насчет какого-либо принципиального вопроса, — я всегда приходил в конце концов к тому убеждению, что неправ был я, а не мои учителя. Более глубокое изучение предмета заставляло меня признать их точку зрения правильною. Таким образом, всякое новое изучение предмета, всякая попытка пересмотра своих воззрений усиливали мою уверенность, укрепляли во мне признание того учения, распространение и применение которого стало задачей моей жизни».

совершенно голословны. Это не аргументы, а декреты. Это — предвосхищенные результаты той критики теории Маркса, которой намерены заняться неокантианцы *). Поживем — увидим, что даст эта критика. А пока констатируем, что по вопросу о теории реализации эта критика не дала ничего.

7. По вопросу о значении схем Маркса в III-ем отделе II-го тома «Капитала» Струве утверждает, что абстрактную теорию реализации можно хорошо изложить посредством самых различных приемов деления общественного продукта. Это поразительное утверждение всецело объясняется тем основным недоразумением Струве, будто теория реализации «целиком исчерпывается» (??!) той банальностью, что продукты обмениваются на продукты. Только благодаря этому недоразумению, Струве мог написать такую фразу: «Какова роль этих» (реализуемых) «товарных масс в производстве, распределении и т. д., представляют ли они капитал (sic!!) и какой, постоянный или переменный, для существа данной теории совершенно безразлично» (51). Для теории реализации Маркса, которая состоит в анализе воспроизводства и обращения всего общественного *капитала,* безразлично, представляют ли товары капитал!! Это все равно, как если бы кто-либо сказал, что для существа теории земельной ренты безразлично, разделяется ли сельское население на землевладельцев, капиталистов и рабочих или нет, ибо эта теория сводится-де к указанию на различное плодородие различных участков земли.

Только благодаря тому же недоразумению, Струве мог утверждать, что «натуральное взаимоотношение между элементами общественного потребления — общественный обмен *веществ* — всего лучше может быть показан» при помощи не Марксова разделения продукта, а при помощи следующего разделения: сред-

*) Кстати, пару слов об этой (будущей) «критике», которою так увлекается Струве. Против критики вообще не станет возражать, конечно, ни один здравомыслящий человек. Но Струве, очевидно, повторяет свою любимую мысль об оплодотворении марксизма «критической философией». Я не имею, разумеется, ни желания, ни возможности останавливаться здесь на вопросе о философском содержании марксизма и потому ограничусь лишь следующим замечанием. Те ученики Маркса, которые взывают: «назад к Канту», не дали до сих пор ровно ничего, доказывающего необходимость такого поворота и наглядно представляющего выигрыш теории Маркса от оплодотворения ее неокантианством. Они даже не исполнили падающей на них прежде всего обязанности — подробно разобрать и опровергнуть ту отрицательную оценку неокантианства, которую дал Энгельс. Наоборот, те ученики, которые пошли назад не к Канту, а к философскому материализму до Маркса, с одной стороны, и к диалектическому идеализму, с другой стороны, дали замечательно стройное и ценное изложение диалектического материализма, показали, что он представляет из себя законный и неизбежный продукт всего новейшего развития философии и общественной науки. Мне достаточно сослаться на известный труд г. Бельтова в русской литературе и на «Beiträge zur Geschichte des Materialismus» (Stuttgart 1896) в немецкой литературе [57].

ства производства + предметы потребления + прибавочная ценность (стоимость, стр. 50). — В чем состоит общественный обмен веществ? Прежде всего в обмене средств производства на предметы потребления. Как же можно показать этот обмен, выделив особо прибавочную стоимость *от* средств производства и *от* предметов потребления? Ведь прибавочная стоимость воплощается либо в средствах производства, либо в предметах потребления! Не ясно ли, что подобное деление, — несостоятельное логически (ибо оно смешивает деление по натуральной форме продукта с делением по элементам стоимости), — *затемняет* процесс общественного обмена веществ? *)

8. Струве говорит, что я приписал Марксу апологетически-буржуазную теорию Сэя-Рикардо (52), — теорию гармонии между производством и потреблением (51), — теорию, стоящую в кричащем противоречии с учением Маркса об эволюции и конечном исчезновении капитализма (51 — 2); что поэтому мое «совершенно справедливое рассуждение» о том, что Маркс и во II и в III томе подчеркивал присущее капитализму противоречие между безграничным расширением производства и ограниченным потреблением народных масс, «совершенно выбрасывает за борт ту теорию реализации... защитником которой в прочих случаях» являюсь я.

И это утверждение Струве точно так же неверно и точно так же основано на вышеуказанном недоразумении, в которое он впал.

Откуда взял Струве, что я понимаю под теорией реализации не анализ процесса воспроизводства и обращения всего общественного капитала, а теорию, говорящую лишь, что продукты обмениваются на продукты, теорию, учащую о гармонии между производством и потреблением? Струве не мог бы показать разбором моих статей, что я понимал теорию реализации во втором смысле, ибо я прямо и определенно говорил, что понимаю теорию реализации именно в первом смысле. В статье: «К характеристике экономического романтизма», в том параграфе, который посвящен выяснению ошибки Смита и Сисмонди, говорится: «Вопрос именно в том, *как* происходит реализация, *то-есть* возмещение всех частей общественного продукта. Поэтому исходным пунктом в рассуждении об общественном капитале и доходе — или, что̀ то же, о реализации продукта в капиталистическом обществе — должно быть разделение... средств производства и предметов потребления» («Этюды», 17) **). «Вопрос о реализации в том

*) Напомним читателю, что Маркс делит весь общественный продукт на два подразделения по натуральной форме продукта: I) средства производства; II) предметы потребления. Затем в каждом из этих подразделений продукт делится на три части по элементам стоимости: 1) постоянный капитал; 2) переменный капитал; 3) сверхстоимость.

**) Стр. 24 наст. тома. *Ред.*

и состоит, чтобы анализировать возмещение всех частей общественного продукта по стоимости и по материальной форме» (ib. 26) *). Не повторяет ли Струве то же самое, говоря — как будто бы против меня, — что интересующая нас теория «показывает механизм реализации..., поскольку такая реализация осуществляется» («Н. Об.», 62)? Противоречу ли я *той* теории реализации, которую я защищаю, когда я говорю, что реализация происходит «лишь среди затруднений, среди постоянных колебаний, которые становятся все сильнее по мере роста капитализма, среди бешеной конкуренции и пр.» («Этюды», 27) **)? — когда я говорю, что народническая теория «не только показывает непонимание реализации, но еще содержит в себе к тому же крайне поверхностное понимание противоречий, свойственных этой реализации» (26—27) ***)? — когда я говорю, что реализация продукта, происходящая не столько на счет предметов потребления, сколько на счет средств производства, «есть, конечно, противоречие, но именно такое противоречие, которое имеет место в действительности, которое вытекает из самой сущности капитализма» (24) ****), которое «вполне соответствует исторической миссии капитализма и его специфической социальной структуре: первая» (т.-е. миссия) «состоит именно в развитии производительных сил общества (производство для производства); вторая» (т.-е. социальная структура капитализма) «исключает утилизацию их массой населения» (20) *****)?

9. По вопросу о соотношении производства и потребления в капиталистическом обществе у нас со Струве, повидимому, нет разногласия. Но если Струве говорит, что положение Маркса (которое гласит, что потребление не является целью капиталистического производства) «носит на себе явную печать полемического характера вообще всей системы Маркса. Оно тенденциозно...» (53), то я решительно оспариваю уместность и справедливость подобных выражений. Что потребление не является целью капиталистического производства, это факт. Противоречие между этим фактом и тем фактом, что в конечном счете производство связано с потреблением, зависит от потребления и в капиталистическом обществе, — это противоречие не доктрины, а действительной жизни. Теория реализации Маркса именно потому, между прочим, представляет громадную научную ценность, что она показывает, как осуществляется это противоречие, что она выставляет это противоречие на первый план. «Полемический характер» носит «система Маркса» не потому, что она «тенден-

*) Стр. 32 наст. тома. *Ред.*
**) Стр. 33 наст. тома. *Ред.*
***) Стр. 33 наст. тома. *Ред.*
****) Стр. 30 наст. тома. *Ред.*
*****) Стр. 27 наст. тома. *Ред.*

циозна» *), а потому, что она дает точное изображение в теории всех противоречий, которые имеют место в жизни. Поэтому, между прочим, остаются и будут оставаться неудачными все попытки усвоить «систему Маркса», не усваивая ее «полемического характера»: «полемический характер» системы есть лишь точное отражение «полемического характера» самого капитализма.

10. «Каково реальное значение теории реализации?» — спрашивает Струве и приводит мнение г. Булгакова, который говорит, что возможность расширения капиталистического производства осуществляется на деле, хотя и рядом кризисов. «Капиталистическое производство растет во всем мире», — указывает г. Булгаков. «Этот аргумент, — возражает Струве, — совершенно несостоятелен. Дело в том, что реальное «расширение капиталистического производства» совершается вовсе не в том идеальном или изолированном капиталистическом государстве, которое предполагает Булгаков и которое, по его предположению, довлеет себе, а на арене мирового хозяйства, где сталкиваются самые разнообразные ступени экономического развития и различные формы хозяйственного быта» (57).

Таким образом, возражение Струве сводится к тому, что в действительности реализация совершается не в изолированном, самодовлеющем, капиталистическом государстве, а «на арене мирового хозяйства», т.-е. посредством сбыта продуктов в другие страны. Легко видеть, что это возражение основано на ошибке. Изменится ли сколько-нибудь вопрос о реализации, если мы не ограничимся внутренним рынком («самодовлеющий» капитализм), а сошлемся на внешний? если мы вместо одной страны возьмем несколько стран? Если мы не будем думать, что капиталисты бросают свои товары в море или отдают их даром иностранцам, — если мы не будем брать единичных, исключительных случаев или периодов, то очевидно, что мы должны принять известную равномерность вывоза и ввоза. Если данная страна вывозит известные продукты, реализуя их «на арене мирового хозяйства», то зато она ввозит другие продукты. С точки зрения теории реализации, необходимо принять, что «внешняя торговля только замещает туземные изделия (Artikel — товары) изделиями другой потребительной или натуральной формы» («Das Kapital», II, 469. Цитир. у меня в «Н. Об.», с. 38) **). Берем ли мы одну страну или комплекс стран, сущность процесса реализации от этого нисколько не изменяется. В своем возражении г. Булгакову Струве повторяет,

---

*) Предостережением против употребления подобных выражений мог бы служить классический пример господ à la А. Скворцов, который видит тенденциозность в теории Маркса о средней норме прибыли.

**) См. стр. 398 наст. тома. *Ред.*

след., старую ошибку народников, которые связывали вопрос о реализации с вопросом о внешнем рынке *).

На самом деле между этими вопросами нет ничего общего. Вопрос о реализации есть абстрактный вопрос, относящийся к теории капитализма вообще. Берем ли мы одну страну или весь мир, основные законы реализации, раскрытые Марксом, остаются те же самые.

Вопрос о внешней торговле или о внешнем рынке есть вопрос исторический, вопрос конкретных условий развития капитализма в той или другой стране в ту или другую эпоху **).

11. Остановимся еще несколько на том вопросе, который «давно занимает» Струве: какова реально-научная ценность теории реализации?

Совершенно такая же, какова ценность всех остальных положений абстрактной теории Маркса. Если Струве смущает то обстоятельство, что «совершенная реализация есть идеал капиталистического производства, но отнюдь не его действительность», то мы напомним ему, что и все другие законы капитализма, открытые Марксом, точно также изображают лишь идеал капитализма, но отнюдь не его действительность. «Мы имеем целью, — писал Маркс,— представить внутреннюю организацию капиталистического способа производства лишь в его, так сказать, идеально-среднем типе» («in ihrem idealen Durchschnitt». «Das K.», III, 2, 367; рус. пер., с. 688). Теория капитала предполагает, что рабочий получает полную стоимость своей рабочей силы. Это — идеал капитализма, но отнюдь не его действительность. Теория ренты предполагает, что все земледельческое население вполне раскололось на землевладельцев, капиталистов и наемных рабочих. Это — идеал капитализма, но отнюдь не его действительность. Теория реализации предполагает пропорциональное распределение производства. Это — идеал капитализма, но отнюдь не его действительность.

Научная ценность теории Маркса состоит в том, что она разъяснила процесс воспроизводства и обращения всего общественного капитала. Далее, теория Маркса показала, как осуществляется то присущее капитализму противоречие, что громадный рост производства отнюдь не сопровождается соответствующим ростом народного потребления. Поэтому теория Маркса не только не восстановляет буржуазно-апологетической теории (как это причудилось Струве), а, напротив, *дает сильнейшее оружие против апологетики*. Из этой теории следует, что *даже* при идеально-

---

*) Разбор этой ошибки народников был сделан мною в «Этюдах», стр. 25—29 (стр. 32—35 наст. тома. *Ред.*).

**) Ibid. Ср. «Н. Об.», № 1, стр. 37 (стр. 397 наст. тома. *Ред.*).

гладком и пропорциональном воспроизводстве и обращении всего общественного капитала неизбежно противоречие между ростом производства и ограниченными пределами потребления. В действительности же *кроме того* процесс реализации идет не с идеально-гладкой пропорциональностью, а лишь среди «затруднений», «колебаний», «кризисов» и пр.

Далее, теория реализации Маркса дает сильнейшее оружие не только против апологетики, но и против мещански-реакционной критики капитализма. Именно такую критику капитализма старались подкрепить наши народники своей ошибочной теорией реализации. Марксово же понимание реализации неизбежно ведет к признанию исторической прогрессивности капитализма (развитие средств производства, а след., и производительных сил общества), не только не затушевывая этим, а, напротив, выясняя исторически-преходящий характер капитализма.

12. «Относительно идеального или изолированного самодовлеющего капиталистического общества» Струве утверждает, что расширенное воспроизводство в нем невозможно, «так как неоткуда взять безусловно необходимых добавочных рабочих».

Я никак не могу согласиться с этим утверждением Струве. Невозможность взять добавочных рабочих из резервной армии — Струве не доказал, да и нельзя этого доказать. Против того, что добавочные рабочие могут быть взяты из естественного прироста населения, Струве совершенно голословно заявляет, что «расширенное воспроизводство, основанное на естественном приросте, арифметически быть может не тождественно с простым, но практически-капиталистически, т. е. экономически, с ним вполне совпадает». Чувствуя, что теоретически нельзя доказать невозможность найти добавочных рабочих, Струве уклоняется от вопроса, ссылаясь на исторические и практические условия. «Я не думаю, чтобы Маркс мог решать исторический (?!) вопрос на основании этой, совершенно абстрактной, конструкции»... «Самодовлеющий капитализм есть исторически (!) немыслимый предел»... «Интенсификация труда, которую можно навязать рабочему, поставлена не только реально, но и логически в весьма узкие границы»... «Безостановочное повышение производительности труда не может не ослабить самого принуждения к труду»...

Нелогичность всех этих указаний бьет в глаза! Никто из оппонентов Струве нигде и никогда не говорил такого абсурда, чтобы исторический вопрос можно было решать при помощи абстрактных конструкций. Но в настоящее время Струве сам поставил вопрос вовсе не исторический, а совершенно абстрактный, чисто-теоретический вопрос «относительно идеального капиталистического общества» (57). Не ясно ли, что он просто уклоняется от вопроса? Что существуют многочисленные исторические и практические условия (не говоря уже об имманентных противо-

речиях капитализма), которые ведут и приведут гораздо скорее к гибели капитализма, чем к превращению современного капитализма в идеальный капитализм, — этого я, конечно, и не думаю отрицать. Но по чисто-теоретическому вопросу «относительно идеального капиталистического общества» я сохраняю свое прежнее мнение, что нет никаких теоретических оснований отрицать возможность расширенного воспроизводства в таком обществе.

13. «Гг. В. В. и Н.—он указали на противоречия и точки преткновения в капиталистическом развитии России, а им показывают схемы Маркса и говорят: капиталы всегда обмениваются на капиталы...» (цит. ст. Струве, 62).

Это сказано в высшей степени едко. Жаль только, что дело изображено при этом совершенно неверно. Всякий, кто прочтет «Очерки *теоретической* экономии» г. В. В. и § XV второго отдела «Очерков» г. Н.—она, увидит, что оба эти писателя поставили именно абстрактно-теоретический вопрос о реализации, вопрос о реализации продукта в капиталистическом обществе вообще. Это факт. Факт также и то обстоятельство, что против них другие писатели «сочли необходимым выяснить *прежде всего* основные, *абстрактно-теоретические* пункты теории рынков» (как значится на первых же строках моей статьи в «Н. Об.»). Туган-Барановский писал о теории реализации в той главе своей книги о кризисах, которая носит подзаголовок: «теория рынков». Булгаков дает своей книге подзаголовок: «теоретический этюд». Спрашивается, кто же смешивает абстрактно-теоретические и конкретно-исторические вопросы, оппоненты ли Струве или сам Струве?

На той же странице своей статьи Струве приводит мое указание, что необходимость внешнего рынка вытекает не из условий реализации, а из условий исторических. «Но, — возражает Струве (это очень характерное «но»!), — Туган-Барановский, Булгаков и Ильин выясняли одни абстрактные условия реализации, а исторических условий не выясняли» (стр. 62).— Именно потому все названные писатели и не выясняли исторических условий, что они брались говорить об абстрактно-теоретических, а не о конкретно-исторических вопросах. В своей книге: «К вопросу о развитии капитализма в России» («О внутреннем рынке для крупной промышленности и о процессе ее образования в России»), которая в настоящее время (III, 99) закончена печатанием, я ставлю вопрос не о теории рынков, а о внутреннем рынке для русского капитализма. Поэтому абстрактные истины теории играют там роль лишь руководящих положений, лишь орудий для анализа конкретных данных.

14. Струве «всецело поддерживает» свою «точку зрения» на теорию «третьих лиц», выставленную им в «Крит. заметках».

Я, в свою очередь, всецело поддерживаю сказанное мною по этому поводу тогда, когда вышли «Крит. заметки» *).

На стр. 251-ой «Кр. зам.» Струве говорит, что аргументация г. В. В. «опирается на целую своеобразную теорию рынков в сложившемся капиталистическом обществе». «Эта теория, — замечает Струве, — верна, поскольку она констатирует тот факт, что прибавочная ценность (стоимость) не может быть реализована в потреблении ни капиталистов, ни рабочих, а предполагает потребление третьих лиц». Под этими третьими лицами Струве «разумеет в России русское земледельческое крестьянство» (стр. 61 статьи в «Н. Об.»).

Итак, г. В. В. выдвигает целую своеобразную теорию рынков в сложившемся капиталистическом обществе, а ему указывают на русское земледельческое крестьянство! Разве же это не смешение абстрактно-теоретического вопроса о реализации с конкретно-историческим вопросом о капитализме в России? Затем, если Струве признает теорию г. В. В. хотя бы отчасти верной, — значит, он проходит мимо основных теоретических ошибок г-на В. В. в вопросе о реализации, мимо того ошибочного воззрения, будто «затруднения» капиталистической реализации ограничиваются прибавочной стоимостью или специально связываются с этой частью стоимости продуктов; — мимо того ошибочного воззрения, которое связывает вопрос о внешнем рынке с вопросом о реализации.

Указание Струве на то, что русское земледельческое крестьянство своим разложением создает рынок для нашего капитализма, — вполне справедливо (в названной выше книге я подробно доказываю это положение разбором данных земской статистики). Но теоретическое обоснование этого положения относится вовсе не к теории реализации продукта в капиталистическом обществе, а к теории образования капиталистического общества. Нельзя не заметить также, что наименование крестьян «третьими лицами» очень неудачно и способно вызвать недоразумения. Если крестьяне — «третьи лица» для капиталистической промышленности, то промышленники, мелкие и немелкие, фабриканты и рабочие, — «третьи лица» для капиталистического земледелия. С другой стороны, крестьяне-земледельцы («третьи лица») создают рынок для капитализма лишь постольку, поскольку они разлагаются на классы капиталистического общества (сельскую буржуазию и сельский пролетариат), т.-е. лишь постольку, поскольку они перестают быть «*третьими*» лицами, а становятся *действующими* лицами в системе капитализма.

*) Т.-е. в статье: «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (см. I том Сочинений), которую автор не мог цитировать, ибо марксистский сборник, в котором она была напечатана, был уничтожен цензурой. *Ред.*

15. Струве говорит: «Булгаков делает тонкое замечание, что никакого принципиального различия между внутренним и внешним рынком для капиталистического производства нельзя установить». Я вполне присоединяюсь к этому замечанию: действительно, таможенная или политическая граница очень часто совершенно непригодна для разделения «внутреннего» и «внешнего» рынка. Но, по указанным сейчас причинам, я не могу согласиться со Струве, что «из этого вытекает... теория, утверждающая необходимость третьих лиц». Непосредственно из этого вытекает лишь требование: не останавливаться, при разборе вопроса о капитализме, перед традиционным разделением внутреннего и внешнего рынков. Несостоятельное в строго-теоретическом отношении, это разделение особенно мало пригодно для таких стран, как Россия. Можно бы заменить его другим разделением, различая, напр., следующие стороны в процессе развития капитализма: 1) образование и развитие капиталистических отношений в пределах данной вполне заселенной и занятой территории; 2) расширение капитализма на другие территории (отчасти совершенно не занятые и заселяемые выходцами из старой страны, отчасти занятые племенами, стоящими в стороне от мирового рынка и мирового капитализма). Первую сторону процесса можно бы назвать развитием капитализма вглубь, вторую — развитием капитализма вширь *). Такое разделение охватило бы весь процесс исторического развития капитализма: с одной стороны, развитие его в старых странах, веками вырабатывавших формы капиталистических отношений до крупной машинной индустрии включительно; с другой стороны, могучее стремление развитого капитализма расшириться на другие территории, заселить и распахать новые части света, образовать колонии, втянуть дикие племена в водоворот мирового капитализма. В России это последнее стремление капитализма особенно рельефно сказалось и продолжает сказываться на наших окраинах, колонизация которых получила такой громадный толчок в пореформенный, капиталистический период русской истории. Юг и юго-восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь.

Наконец, предлагаемое разделение удобно тем, что оно отчетливо определяет ту область вопросов, которую только и захватывает теория реализации. Ясно, что эта теория относится только к первой стороне процесса, только к развитию капитализма вглубь. Теория реализации (т.-е. теория, выясняющая процесс

*) Само собой разумеется, что в действительности обе стороны процесса тесно слиты, и разделение их есть лишь абстракция, лишь прием исследования сложного процесса. Названная выше книга посвящена мною исключительно первой стороне процесса; ср. там гл. VIII, § V.

воспроизводства и обращения всего общественного капитала) необходимо должна брать для своих построений замкнутое капиталистическое общество, т.-е. абстрагировать процесс расширения капитализма на другие страны, процесс товарного обмена одной страны с другою, потому что этот процесс ничего не дает для решения вопроса о реализации, лишь передвигая вопрос с одной страны на несколько стран. Ясно также, что абстрактная теория реализации должна брать посылкой идеально-развитое капиталистическое общество.

Говоря о литературе марксизма, Струве делает следующее общее замечание: «Ортодоксальные перепевы еще продолжают доминировать, но они не могут заглушить новой критической струи, потому что истинная сила в научных вопросах всегда на стороне критики, а не веры». Как видно из предыдущего изложения, нам пришлось убедиться в том, что «новая критическая струя» не гарантирует от повторения старых ошибок. Нет, уж лучше останемся-ка «под знаком ортодоксии»! Не будем верить тому, что ортодоксия позволяет брать что бы то ни было на веру, что ортодоксия исключает критическое претворение и дальнейшее развитие, что она позволяет заслонять исторические вопросы абстрактными схемами. Если есть ортодоксальные ученики, повинные в этих действительно тяжких грехах, то вина падает всецело на таких учеников, а отнюдь не на ортодоксию, которая отличается диаметрально-противоположными качествами.

Написано в марте 1899 г.
Напечатано в «Научном Обозрении»
№ 8 — август 1899 г.
Подпись: В. Ильин.

ОТВЕТ г. П. НЕЖДАНОВУ.

В № 4-м «Жизни» [58]) г. П. Нежданов разбирает мою и других авторов статьи о теории рынков. Я намерен ответить только на одно утверждение г-на П. Нежданова, именно на то, что я «исказил свою борьбу против теории третьих лиц» своей статьей в № 1 «Научного Обозрения» за текущий год. Что касается до остальных вопросов, поставленных г. П. Неждановым относительно теории рынков и в частности взглядов П. Б. Струве, то я ограничусь ссылкой на свою статью в ответ Струве («Еще к вопросу о теории реализации»; напечатание ее в «Научном Обозрении» замедлилось по обстоятельствам, от автора не зависящим).

Г-н П. Нежданов утверждает, что «капиталистическое производство никаким противоречием между производством и потреблением не страдает». Из этого он выводит, что, признавая это противоречие, «Маркс страдал серьезным внутренним противоречием», и что я повторяю ошибку Маркса.

Я считаю совершенно ошибочным (или основанным на недоразумении) мнение г. П. Нежданова и не могу видеть никакого противоречия во взглядах Маркса.

Утверждение г. П. Нежданова, что в капитализме нет никакого противоречия между производством и потреблением, настолько странно, что его можно объяснить только совершенно *особым смыслом,* который придан им понятию «противоречие». Именно г. П. Нежданов думает, что, «раз действительно существует противоречие между производством и потреблением, — это противоречие должно систематически давать избыточный продукт» (стр. 301; то же в заключительных тезисах, стр. 316). Это совершенно произвольное и, по-моему, совершенно неправильное толкование. Критикуя мои утверждения о противоречии между производством и потреблением в капиталистическом обществе, г. П. Нежданов должен был (думается мне) изложить читателю, как я понимаю это противоречие, не ограничиваясь изложением

своего взгляда на сущность и значение этого противоречия. Вся суть вопроса (вызвавшего полемику г. П. Нежданова против меня) в том-то и состоит, что я понимаю рассматриваемое противоречие совершенно не так, как хочет понимать его г. П. Нежданов. Я нигде не говорил, что это противоречие должно *систематически* *) давать избыточный продукт; я этого не думаю, и подобного взгляда нельзя вывести из слов Маркса. Противоречие между производством и потреблением, присущее капитализму, состоит в том, что производство растет с громадной быстротой, что конкуренция сообщает ему тенденцию безграничного расширения, тогда как потребление (личное), если и растет, то крайне слабо; пролетарское состояние народных масс не дает возможности быстро расти личному потреблению. Мне кажется, что всякий, внимательно прочитавший стр. 20 и 30 моих «Этюдов» (статья о сисмондистах, цитируемая г. П. Неждановым) и стр. 40 «Научного Обозрения» (1899 г., № 1) **), убедится в том, что я с самого начала *только такой смысл* и придавал противоречию между производством и потреблением в капитализме. Да и нельзя придать этому противоречию иного смысла, если держаться строго теории Маркса. Противоречие между производством и потреблением, присущее капитализму, состоит только в том, что растет национальное богатство рядом с ростом народной нищеты, растут производительные силы общества без соответствующего роста народного потребления, без утилизации этих производительных сил на пользу трудящихся масс. Понимаемое в этом смысле рассматриваемое противоречие есть не подлежащий никакому сомнению, подтверждаемый ежедневным опытом миллионов людей факт, и именно наблюдение этого факта приводит работников ко взглядам, нашедшим полное и научное выражение в теории Маркса. Это противоречие вовсе не ведет необходимо к тому, чтобы систематически производился избыточный продукт (как хочет думать г. Нежданов). Мы вполне можем представить себе (рассуждая чисто теоретически об идеальном капиталистическом обществе) реализацию всего продукта в капиталистическом обществе без всякого избыточного продукта, *но мы не можем представить себе капитализма* без несоответствия между производством и потреблением. Выражается это несоответствие (как ясно показано Марксом в его схемах) в том, что производство средств производства может и должно обгонять производство предметов потребления.

---

*) Подчеркиваю *систематически*, ибо не систематическое производство избыточного продукта (кризисы) неизбежно в капиталистическом обществе вследствие нарушения пропорциональности между разными отраслями промышленности. А известное состояние потребления есть один из элементов пропорциональности.

**) См. стр. 27, 36 и 399—400 наст. тома. *Ред.*

Таким образом, г. Нежданов совершенно ошибочно заключил, что противоречие между производством и потреблением должно систематически давать избыточный продукт, и из этой ошибки вытекло его несправедливое обвинение Маркса в непоследовательности. Напротив, Маркс остается строго последовательным, когда показывает:

1) что продукт *может* быть реализован в капиталистическом обществе (разумеется, при предположении пропорциональности между различными отраслями промышленности); что для объяснения этой реализации ошибочно было бы привлекать внешнюю торговлю или «третьих лиц»;

2) что теории мелко-буржуазных экономистов (à la Прудон) относительно невозможности реализовать *сверхстоимость* покоятся на полном непонимании самого процесса реализации вообще;

3) что даже при вполне пропорциональной, идеально-гладкой реализации мы не можем представить себе капитализма без противоречия между производством и потреблением, без того, чтобы гигантский рост производства не совмещался с крайне слабым ростом (или даже застоем и ухудшением) народного потребления. Реализация происходит больше на счет средств производства, чем на счет предметов потребления — это ясно следует из схем Маркса; а из этого, в свою очередь, вытекает с неизбежностью, что «чем больше развивается производительная сила, тем более приходит она в противоречие с узким основанием, на котором покоятся отношения потребления» (Маркс). Из всех мест «Капитала», посвященных вопросу о противоречии между производством и потреблением *), ясно видно, что *только в таком смысле* Маркс и понимал противоречие между производством и потреблением.

Между прочим, г. П. Нежданов думает, что г. Туган-Барановский тоже отрицает противоречие между производством и потреблением в капиталистическом обществе. Я не знаю, верно ли это. Г. Туган-Барановский сам привел в своей книге схему, показывающую возможность роста производства при сокращении потребления (и это, действительно, возможно и случается при капитализме). Неужели можно отрицать, что здесь мы видим противоречие между производством и потреблением, хотя избыточного продукта здесь нет?

Обвиняя Маркса (и меня) в непоследовательности, г. П. Нежданов кроме того упустил из виду, что для обоснования своей точки зрения он должен бы был выяснить, как же следует понимать «независимость» производства средств производства от производства

*) Места эти приведены в моей статье в «Научном Обозрении» 1899 г., № 1 (см. стр. 397 и след. настоящего тома. *Ред.*) и повторены в 1-й главе «Развития капитализма в России», стр. 18 — 19. (См. III том Сочинений, стр. 31 — 32. *Ред.*)

предметов потребления. По Марксу, эта «независимость» ограничивается тем, что известная (и постоянно возрастающая) часть продукта, состоящего в средствах производства, реализуется обменами внутри данного подразделения, т.-е. обменами средств производства на средства производства (или обращением добытого продукта in natura *) на новое производство); но *в конечном счете* изготовление средств производства необходимо связано с изготовлением предметов потребления, ибо средства производства изготовляются не ради самых же средств производства, а лишь ради того, что все больше и больше средств производства требуется в отраслях промышленности, изготовляющих предметы потребления **). Таким образом, отличие взглядов мелко-буржуазных экономистов от взглядов Маркса состоит не в том, что первые признавали вообще связь между производством и потреблением в капиталистическом обществе, а второй отрицал вообще эту связь (это было бы абсурдом). Различие состоит в том, что мелкобуржуазные экономисты считали эту связь между производством и потреблением *непосредственною*, думали, что *производство идет за потреблением*. Маркс же показал, что эта связь *лишь посредственная*, что сказывается она *лишь в конечном счете*, ибо в капиталистическом обществе *потребление идет за производством*. Но хотя и посредственная, а все-таки связь есть; потребление в конечном счете должно идти за производством, и, если производительные силы рвутся к безграничному росту производства, а потребление сужено пролетарским состоянием народных масс, то противоречие здесь несомненно. Это противоречие не означает невозможности капитализма ***), но оно означает необходимость превращения в высшую форму: чем сильнее становится это противоречие, тем дальше развиваются как объективные условия этого превращения, так и субъективные условия, т.-е. сознание противоречия работниками.

Спрашивается теперь, какое же положение мог бы занять г. Нежданов по отношению к вопросу о «независимости» средств производства от предметов потребления? Одно из двух: или он станет совершенно отрицать всякую зависимость между ними, станет утверждать возможность реализации средств производства, *совершенно не связывающихся* с предметами потребления, не связывающихся даже и в «конечном счете»,—и тогда он неизбежно

*) — в натуре. *Ред.*

**) «Das Kapital», III, 1, 289. Цитировано мною в «Научном Обозрении», стр. 40 (стр. 400 наст. тома. *Ред.*) и в «Развитии капитализма», 17 (см. III том Сочинений, стр. 30. *Ред.*).

***) «Этюды», стр. 20 (стр. 25 наст. тома. *Ред.*); «Научное Обозрение» № 1, стр. 41 (стр. 401 наст. тома. *Ред.*); «Развитие капитализма», стр. 19—20 (см. III том Сочинений, стр. 33. *Ред.*). Если бы это противоречие вело к «систематическому избыточному продукту», то оно означало бы именно невозможность капитализма.

придет к абсурду, или же он признает, вслед за Марксом, что в конечном счете средства производства связаны с предметами потребления, — и тогда он должен признать правильность моего понимания теории Маркса.

Возьму пример, чтобы иллюстрировать, в заключение, абстрактные рассуждения конкретными данными. Известно, что в каждом капиталистическом обществе употреблению машин мешает часто непомерно низкая заработная плата (=низкий уровень потребления народных масс). Мало того: бывает даже так, что приобретенные предпринимателями машины бездействуют, ибо цены на рабочие руки падают до того, что хозяину выгоднее становится ручная работа *)! Наличность противоречия между потреблением и производством, между стремлением капитализма безгранично развивать производительные силы и ограничением этого стремления пролетарским состоянием, нищетой и безработицей народа, ясна в этом случае, как день. Но не менее ясно, что из этого противоречия правильно будет делать единственно лишь тот вывод, что уже самое развитие производительных сил с неудержимой силой должно вести к замене капитализма хозяйством ассоциированных производителей. Наоборот, было бы совершенно ошибочно делать из этого противоречия тот вывод, что капитализм должен *систематически* давать избыточный продукт, т.-е. что капитализм вообще не может реализовать продукта, не может поэтому играть никакой прогрессивной исторической роли и т. п.

Написано в мае—июне 1899 г.
Напечатано в «Жизни» № 12, декабрь 1899 г.
Подпись: Владимир Ильин.

---

*) Пример последнего явления в области русского капиталистического земледелия приведен мною в «Развитии капитализма в России», стр. 165 (см. III том Сочинений, стр. 173. *Ред.*). И подобные явления — не единичные казусы, а обычное и *неизбежное* следствие основных свойств капитализма.

КАПИТАЛИЗМ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

(О КНИГЕ КАУТСКОГО И О СТАТЬЕ Г. БУЛГАКОВА)

Написано в апреле — мае 1899 г. [50]
Напечатано в журнале «Жизнь», январь — февраль 1900 г. Подпись: Вл. Ильин

Печатается по тексту журнала «Жизнь»

Жизнь.

Литературный научный и политический журналъ

Томъ I.

Январь.

Дворецъ Цима. Рождественскій разсказъ изъ жизни дѣтей. Н. Гарина.
Сѣдонъ. Разсказъ Л. Гуревичъ.
Могила его предковъ. (Переводъ съ англійскаго). Разсказъ Р. Киплинга.
Изъ крестьянскаго быта. (Переводъ съ малорусскаго). Разсказы В. Стефаника.
О психологическомъ изученіи метафизическихъ иллюзій. Статья И. Лапшина.
Капитализмъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Статья Вл. Ильина.
Больная кровь. Романъ К. Баранцевича.
Контрасты. (Пер. съ англ. З. Журавской). Романъ Ричарда Уайтинга.
Микель-Анжело Буонароти. Статья П. Ге.
Въ защиту ортодоксіи. Статья П. Маслова.
Старый паяцъ. Стихотвореніе. Ал. Богданова.

См. на оборотѣ.

1900 г.

Обложка легального марксистского журнала «Жизнь», в котором была напечатана статья В. И. Ленина: «Капитализм в сельском хозяйстве» — 1900 г.

Уменьшено

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

В номере 1—2 «Начала» (отд. II, стр. 1—21) помещена статья г. С. Булгакова: «К вопросу о капиталистической эволюции земледелия», посвященная критике сочинения Каутского об аграрном вопросе[60]). Г. Булгаков совершенно справедливо говорит, что «книга Каутского представляет собою целое миросозерцание», что она имеет крупное и теоретическое, и практическое значение. Это — едва ли не первое систематичное и научное исследование вопроса, который вызывал и продолжает вызывать горячие споры во всех странах даже между писателями, солидарными в общих воззрениях и признающими себя марксистами. Г. Булгаков «ограничивается негативной критикой», критикой «отдельных положений книги Каутского» (которую он «кратко» — мы увидим, что слишком кратко и очень неточно излагает для читателей «Начала»). «Со временем» г. Булгаков надеется «дать систематическое изложение вопроса о капиталистической эволюции сельского хозяйства» и таким образом противопоставить Каутскому «также целое миросозерцание».

Мы не сомневаемся, что и в России книга Каутского вызовет не мало споров между марксистами, что и в России одни из них будут против Каутского, другие за него. По крайней мере, пишущий эти строки самым решительным образом расходится с мнением г. Булгакова, с его оценкой книги Каутского. Оценка эта, — несмотря на то, что г. Булгаков признает «Die Agrarfrage» «замечательным произведением», — поражает своей резкостью и необычным в полемике между близкими по направлению писателями тоном. Вот образчики выражений г. Булгакова: «чрезвычайно поверхностно»... «одинаково мало и настоящей агрономии, и настоящей экономии»... «серьезные научные проблемы Каутский обходит *фразой*» (курсив г. Булгакова!!) и т. д., и т. д. Присмотримся же хорошенько к выражениям строгого критика, знакомя вместе с тем читателя с книгой Каутского.

I.

Еще прежде, чем г. Булгаков добрался до Каутского, от него достается мимоходом Марксу. Само собой разумеется, что г. Булгаков подчеркивает громадные заслуги великого экономиста, но замечает, что у Маркса «частью» попадаются даже «ошибочные представления... уже достаточно опровергнутые историей». «К числу таких представлений принадлежит, например, то, по которому в земледелии переменный капитал так же убывает относительно постоянного, как в обрабатывающей промышленности, так что органический состав земледельческого капитала все повышается». Кто ошибается здесь, Маркс или г. Булгаков? Г. Булгаков имеет в виду тот факт, что в земледелии прогресс техники и увеличение интенсивности хозяйства ведет часто *к увеличению* количества труда, необходимого для обработки данной площади. Это бесспорно, но отсюда еще далеко до отрицания теории об уменьшении переменного капитала *относительно* постоянного, *в пропорции* к постоянному. Теория Маркса утверждает лишь, что отношение $\frac{v}{c}$ (v = переменный капитал, c = постоянный капитал) имеет в общем тенденцию уменьшаться, хотя бы даже v возрастало на единицу площади, — разве это опровергает теорию Маркса, если при этом c возрастает еще быстрее? По отношению к сельскому хозяйству капиталистических стран, взятому в общем и целом, мы видим уменьшение v и увеличение c. Сельское население и число сельских рабочих убывает и в Германии, и во Франции, и в Англии, между тем как число машин, употребляемых в сельском хозяйстве, растет. В Германии, например, сельское население с 1882 по 1895 г. убыло с 19,2 милл. до 18,5 (число сельских наемных рабочих с 5,9 милл. до 5,6), тогда как число машин, употребляемых в сельском хозяйстве, возросло с 458.369 до 913.391 *); число паровых машин, употребляемых в сельском хозяйстве, поднялось с 2.731 (1879) до 12.856 (1897); при чем число паровых лошадиных сил увеличилось еще больше. Количество рогатого скота поднялось с 15,8 милл. до 17,5, а свиней с 9,2 до 12,2 (1883 и 1892 г.г.). Во Франции сельское население уменьшилось с 6,9 милл. чел. («самостоятельных») в 1882 г. до 6,6 милл. в 1892 г., а число сельско-хозяйственных машин росло так: в 1862 г. — 132.784; в 1882 — 278.896; в 1892 — 355.795; число рогатого скота: 12,0 — 13,0 — 13,7 милл., лошадей — 2,91 — 2,84 — 2,79 милл. (уменьшение числа лошадей за 1882 — 1892 г.г. менее значительно, чем уменьшение сельского населения). Итак, в общем и целом

*) Сосчитаны вместе различные машины. Все цифры, когда нет особых указаний, взяты из книги Каутского.

по отношению к современным капиталистическим странам история *подтвердила* применимость закона Маркса к земледелию, а отнюдь не опровергла его. Ошибка г. Булгакова состоит в том, что он слишком поспешно возвел отдельные агрономические факты, не всмотревшись в их значение, на степень *общих* экономических законов. Мы подчеркиваем «общих», потому что ни Маркс, ни его ученики не смотрели никогда иначе на данный закон, как на закон общих тенденций капитализма, отнюдь не закон всех отдельных случаев. Даже по отношению к промышленности сам Маркс указал, что периоды технических преобразований (когда отношение $\frac{v}{c}$ уменьшается) сменяются периодами прогресса на данном техническом основании (когда отношение $\frac{v}{c}$ неизменно, а в отдельных случаях может и увеличиваться). Мы знаем в промышленной истории капиталистических стран такие случаи, когда по отношению к целым отраслям промышленности этот закон нарушается. Например, когда крупные капиталистические мастерские (неточно называемые фабриками) разлагаются, чтобы уступить место капиталистической работе на дому. Относительно же земледелия не подлежит никакому сомнению, что процесс развития капитализма в нем неизмеримо сложнее и принимает несравненно более разнообразные формы.

Перейдем к Каутскому. Очерк сельского хозяйства в феодальную эпоху, с которого начинает Каутский, оказывается будто бы «очень поверхностно составленным и излишним». Трудно понять мотивы такого вердикта. Мы уверены, что если г. Булгакову удастся осуществить свой план и дать систематическое изложение вопроса о капиталистической эволюции земледелия, то ему необходимо придется обрисовать основные черты *докапиталистической* экономии сельского хозяйства. Иначе нельзя понять и характера *капиталистической* экономии и тех переходных форм, которые связывают ее с феодальной. Сам же г. Булгаков признает громадное значение «той формы, которую земледелие имело *в начале* (курсив г. Булгакова) своего капиталистического бега». Каутский именно с «начала капиталистического бега» европейского земледелия и начинает. Очерк феодального земледелия составлен у Каутского, по нашему мнению, превосходно: с той замечательной отчетливостью, с тем уменьем выбрать главное и существенное, не теряясь во второстепенных деталях, которые свойственны вообще этому писателю. Каутский прежде всего дает в введении в высшей степени точную и правильную постановку вопроса. Он самым решительным образом заявляет: «Не подлежит никакому сомнению, — мы готовы принять это a priori (von vornherein) *)

*) — заранее, без фактического обследования. *Ред.*

доказанным, — что сельское хозяйство не развивается по тому же шаблону, как и индустрия: оно подчиняется особым законам» (S. 5—6). Задача состоит в том, чтобы «исследовать, овладевает ли капитал сельским хозяйством и как именно овладевает он им, как он преобразует его, как именно делает он несостоятельными старые формы производства и формы собственности и создает необходимость новых форм» (S. 6). Такая и только такая постановка вопроса и может привести к удовлетворительному выяснению «развития сельского хозяйства в капиталистическом обществе» (заглавие первого, теоретического, отдела книги Каутского).

В начале «капиталистического бега» земледелие было в руках *крестьянина,* подчиненного, по общему правилу, феодальному режиму общественного хозяйства. И Каутский характеризует прежде всего *строй* крестьянского хозяйства, соединение земледелия с домашней промышленностью, затем элементы разложения этого парадиза мелко-буржуазных и консервативных писателей (à la Сисмонди), значение ростовщичества, постепенное «проникновение в деревню, в недра самого крестьянского хозяйства, классового антагонизма, разрушающего старинную гармонию и общность интересов» (S. 13). Этот процесс начался еще в средние века и не завершился окончательно еще и в настоящее время. Мы подчеркиваем это заявление, потому что оно сразу показывает всю неправильность утверждения г. Булгакова, будто Каутский даже не ставил вопроса о том, кто был носителем технического прогресса в земледелии. Каутский совершенно определенно поставил и выяснил этот вопрос, и всякий, внимательно прочитавший его книгу, усвоит ту (часто забываемую народниками, агрономами и многими другими) истину, что носителем технического прогресса в современном земледелии является *сельская буржуазия,* как мелкая, так и крупная, при чем крупная (как показал Каутский) играет в этом отношении более важную роль, чем мелкая.

II.

Обрисовав затем (в III-й главе) основные черты феодального земледелия, — господство трехполья, этой консервативнейшей системы земледелия; угнетение и экспроприацию крестьянства крупным поместным дворянством; организацию этим последним феодально-капиталистического хозяйства; превращение крестьянина в голодающего нищего (Hungerleider) в течение XVII и XVIII веков; развитие буржуазного крестьянства (Grossbauern, не обходящихся без найма батраков и поденщиков), для которого не годились старые формы сельских отношений и поземельной собственности; ниспровержение этих форм, расчистку пути для «капиталистического, интенсивного сельского хозяйства» (S. 26) силами развившегося в недрах индустрии и городов класса буржуазии,—обри-

совав это, Каутский переходит к характеристике «современного (moderne) сельского хозяйства» (IV-ая глава).

Эта глава дает замечательно точный, сжатый и ясный очерк той гигантской революции, которую произвел в земледелии капитализм, превратив рутинное ремесло забитых нуждой и задавленных темнотой крестьян в научное применение агрономии, нарушив вековой застой сельского хозяйства, дав (и продолжая давать) толчок быстрому развитию производительных сил общественного труда. Трехполье заменилось плодопеременной системой, улучшилось содержание скота и обработка почвы, повысились урожаи, сильно развилась специализация земледелия, разделение труда между отдельными хозяйствами. Докапиталистическое однообразие сменилось все усиливающимся разнообразием, сопровождающимся техническим прогрессом всех отраслей сельского хозяйства. Создалось и стало быстро расти применение машин к сельскому хозяйству, применение пара; начинается применение электричества, которому, — как указывают специалисты, — суждено сыграть еще более крупную роль в этой отрасли производства, чем пару. Развилось применение подъездных дорог, мелиорации, употребление искусственных удобрений, сообразно с данными физиологии растений; стала применяться к сельскому хозяйству бактериология. Мнение г. Булгакова, будто Каутский «не сопровождает эти сведения *) *экономическим* анализом», — совершенно неосновательно. Каутский точно указывает связь этого переворота с ростом *рынка* (в частности с ростом городов), с подчинением сельского хозяйства *конкуренции, вынудившей* преобразование земледелия и специализацию его. «Этот переворот, исходящий от городского капитала, усиливает зависимость сельского хозяина от рынка и, кроме того, постоянно изменяет существенные для него рыночные условия. Та отрасль производства, которая была доходна до тех пор, пока ближайший рынок соединялся с мировым рынком лишь шоссейной дорогой, становится бездоходной и необходимо должна быть заменена другой отраслью производства, когда местность прорезывается железной дорогой. Если, например, железная дорога подвозит более дешевый зерновой хлеб, производство зерна становится безвыгодным, но в то же время создается возможность сбыта для молока. Рост товарного обращения дает

*) «Все эти сведения, — полагает г. Булгаков, — можно почерпнуть из всякого (sic!) руководства по экономии сельского хозяйства». Мы не разделяем этого розового взгляда г. Булгакова на «руководства». Возьмем из числа «всяких» русские книги гг. Скворцова («Паровой транспорт») и Н. Каблукова («Лекции», наполовину перепечатанные в «новой» книге «Об условиях развития крестьянского хозяйства в России»). Ни у того, ни у другого читатель не мог бы почерпнуть картины того переворота, который произвел *капитализм* в земледелии, потому что ни один из них не задается даже целью представить общую картину перехода от феодального к капиталистическому хозяйству.

возможность переносить в страну новые, улучшенные сорта растений» и т. д. (S. 37—38). «В феодальную эпоху, — говорит Каутский, — не было иного земледелия, кроме мелкого, ибо помещик обрабатывал свои поля тем же крестьянским инвентарем. Капитализм впервые создал возможность крупного производства в земледелии, технически более рационального, чем мелкое». Говоря о сельско-хозяйственных машинах, Каутский (мимоходом сказать, точно указавший особенности земледелия в этом отношении) выясняет *капиталистический* характер их употребления, влияние их на рабочих, значение машин, как фактора прогресса, «реакционную утопичность» проектов об ограничении употребления сельско-хозяйственных машин. «Сельско-хозяйственные машины будут продолжать свою преобразовательную деятельность: они будут выгонять сельских рабочих в города, служа таким образом могучим орудием, с одной стороны, повышения заработных плат в деревне, с другой стороны, дальнейшего развития применения машин к сельскому хозяйству» (S. 41). Добавим, что в особых главах Каутский подробно выясняет и капиталистический характер современного земледелия, и отношение крупного производства к мелкому, и пролетаризацию крестьянства. Утверждение г. Булгакова, будто Каутский «не ставит вопроса, почему были необходимы все эти чудодейственные перемены», как мы видим, совершенно неверно.

В V главе («Капиталистический характер современного сельского хозяйства») Каутский излагает теорию стоимости, прибыли и ренты Маркса. «Без денег современное сельско-хозяйственное производство невозможно, — говорит Каутский, — или, что то же, оно невозможно *без капитала*. В самом деле, при современном способе производства всякая денежная сумма, не служащая целям личного потребления, может превратиться в капитал, т.-е. в стоимость, порождающую прибавочную стоимость, и по общему правилу действительно превращается в капитал. Современное сельско-хозяйственное производство представляет из себя, следовательно, капиталистическое производство» (S. 56). Это место дает нам, между прочим, возможность оценить следующее заявление г. Булгакова: «Я употребляю этот термин (капиталистическое земледелие) в обычном смысле (в том же смысле употребляет его и Каутский), т.-е. в смысле крупного хозяйства в земледелии. На самом же деле (sic!) при капиталистической организации *всего* народного хозяйства вообще нет *не*капиталистического земледелия, которое *все* определяется общими условиями организации производства, и лишь в пределах его следует различать крупное, предпринимательское, и мелкое земледелие. Для ясности и здесь нужен новый термин». Выходит ведь, что г. Булгаков *поправил* Каутского... «На самом же деле», как видит читатель, Каутский *вовсе не употребляет* термин «капиталистическое земледелие»

в том «обычном», неточном смысле, в котором употребляет его г. Булгаков. Каутский прекрасно понимает и очень точно и ясно говорит, что при капиталистическом способе производства всякое земледельческое производство является «по общему правилу» капиталистическим. В основание этого мнения приводится тот простой факт, что для современного земледелия необходимы деньги, а деньги, не идущие на личное потребление, становятся в современном обществе капиталом. Нам представляется, что это немного яснее «поправки» г. Булгакова, и что Каутский вполне показал возможность обойтись и без «нового термина».

В V главе своей книги Каутский утверждает, между прочим, что и арендная система, которая так полно развилась в Англии, и гипотечная система, которая с поразительной быстротой развивается в континентальной Европе, выражает собою в сущности один и тот же процесс, а именно: *процесс отделения сельского хозяина от земли* *). В капиталистической системе фермерства это отделение ясно как день. В гипотечной системе оно «менее ясно, и дело обстоит не так просто, но в сущности сводится к тому же» (S. 86). Очевидно, в самом деле, что залог земли есть залог или продажа поземельной ренты. Следовательно, и при гипотечной системе, как и при арендной системе, получатели ренты (= землевладельцы) отделяются от получателей предпринимательской прибыли (= сельских хозяев, сельских предпринимателей). Г. Булгакову «вообще неясно значение этого утверждения Каутского». «Едва ли можно считать доказанным, чтобы гипотека выражала собой отделение земли от сельского хозяина». «Во-1-х, нельзя доказать, чтобы задолженность поглощала собой *всю* ренту, это возможно лишь как исключение»... Мы отвечаем на это: нет никакой надобности доказывать, что проценты по гипотечным долгам поглощают *всю* ренту, точно так же, как нет надобности доказывать, что *действительная* арендная плата совпадает с рентой. Достаточно доказать, что гипотечная задолженность растет с гигантской быстротой, что землевладельцы стараются заложить всю свою землю, стремятся продать всю ренту. В наличности этой тенденции — теоретический экономический анализ может вообще иметь дело только с тенденциями — нельзя сомневаться. Следовательно, несомненен и процесс отделения земли от сельского хозяина. Соединение в одном лице получателя ренты и получателя предпринимательской прибыли есть, «с исторической точки зрения, исключение» (ist historisch eine Ausnahme, S. 91)... «Во-2-х, нужно проанализировать в каждом

*) В третьем томе «Капитала» Маркс указал на этот процесс (не разбирая его различных *форм* в разных странах) и отметил, что это «отделение земли, как условия производства, от землевладения и от землевладельца» есть «один из великих результатов капиталистического способа производства» (III, 2, S. 156 — 157. Р. пер., 509 — 510).

данном случае причины и источники задолженности, чтобы понять ее значение». Это, вероятно, либо опечатка, либо обмолвка. Г. Булгаков не может требовать, чтобы экономист (трактующий притом о «развитии сельского хозяйства в капиталистическом обществе» *вообще*) должен был или хотя бы мог исследовать причины задолженности «*в каждом данном случае*». Если г. Булгаков хотел сказать о необходимости анализировать причины задолженности в разных странах в разные периоды, то мы не можем согласиться с ним. Каутский совершенно прав, что монографий по аграрному вопросу накопилось слишком много, что насущная задача современной теории — вовсе не добавление новых монографий, а «исследование основных тенденций капиталистической эволюции сельского хозяйства в ее целом» (Vorrede, S. VI) *). К числу этих основных тенденций, несомненно, принадлежит и отделение земли от сельского хозяина в форме роста гипотечной задолженности. Каутский точно и ясно определил настоящее значение гипотек, их прогрессивный исторический характер (отделение земли от сельского хозяина есть одно из условий обобществления сельского хозяйства, S. 88), их необходимую роль в капиталистической эволюции земледелия **). Все рассуждения Каутского по этому вопросу чрезвычайно ценны теоретически и дают сильное оружие против столь распространенных (особенно во «всяких руководствах по экономии сельского хозяйства») буржуазных разглагольствований о «бедствиях» задолженности и о «мерах помощи»... «В-3-х, — заключает г. Булгаков, — сдаваемая в аренду земля может быть, в свою очередь, заложена и в этом смысле стать в положение земли не арендуемой». Странный довод! Пусть укажет г. Булгаков хоть одно экономическое явление, хоть одну экономическую категорию, которые бы не переплетались с другими. Случаи совмещения аренды с гипотекой не опровергают и даже не ослабляют того положения теории, что процесс отделения земли от сельского хозяина выражается в двух формах: в арендной системе и в гипотечной задолженности.

«Еще более неожиданным» и «вполне неверным» объявляет также г. Булгаков положение Каутского, что «страны развитой арендной системы суть также страны с преобладанием крупного землевладения» (S. 88). Каутский говорит здесь о концентрации землевладения (при арендной системе) и концентрации гипотек

*) — Предисловие, стр. VI. *Ред.*

**) Увеличение гипотечной задолженности отнюдь не всегда указывает на угнетенное состояние сельского хозяйства... Прогресс и процветание сельского хозяйства равным образом (как и его упадок) «должны выражаться в росте гипотечных долгов — во-1-х, вследствие растущей потребности прогрессирующего сельского хозяйства в капитале; во-2-х, вследствие роста поземельной ренты, дающего возможность расширить сельско-хозяйственный кредит» (S. 87).

(при системе собственного хозяйства землевладельцев), как об условии, облегчающем уничтожение частной поземельной собственности. По вопросу о концентрации землевладения, — продолжает Каутский, — нет такой статистики, «которая бы позволяла проследить соединение нескольких владений в одних руках», но «в общем можно принять», что увеличение числа аренды и площади арендованной земли идет рядом с концентрацией землевладения. «Страны развитой арендной системы суть также страны с преобладанием крупного землевладения». Ясно, что все это рассуждение Каутского только и относится к странам развитой арендной системы, а г. Булгаков ссылается на Восточную Пруссию, где он «надеется показать» рост аренды на-ряду с раздроблением крупного землевладения, — и хочет этим отдельным примером опровергнуть Каутского! Напрасно только забывает г. Булгаков сообщить читателю, что Каутский сам указывает раздробление крупных имений и рост крестьянской аренды в Ост-Эльбии, выясняя при этом, как мы увидим ниже, настоящее значение этих процессов.

Концентрацию землевладения в странах гипотечной задолженности Каутский доказывает концентрацией гипотечных учреждений. Г. Булгаков это находит недоказательным. «Легко может быть, — по его мнению, — что происходит деконцентрация капитала (путем акций) на-ряду с концентрацией кредитных учреждений». Ну, по этому вопросу мы уже не станем спорить с г. Булгаковым.

III.

Рассмотрев основные черты феодального и капиталистического земледелия, Каутский переходит к вопросу о «крупном и мелком производстве» (гл. VI) в сельском хозяйстве. Эта глава — одна из лучших в книге Каутского. Он рассматривает здесь сначала «техническое превосходство крупного производства». Решая вопрос в пользу крупного производства, Каутский дает отнюдь не абстрактную формулу, игнорирующую гигантское разнообразие сельско-хозяйственных отношений (как полагает в высшей степени неосновательно г. Булгаков), а, напротив, ясно и точно указывает на необходимость принимать во внимание это разнообразие для применения закона теории к практике. Превосходство крупного производства в земледелии над мелким неизбежно — «*само собой разумеется*» лишь «*при прочих равных условиях*» (S. 100. Курсив мой). Это во-первых. И в промышленности ведь закон превосходства крупного производства вовсе не так абсолютен и так прост, как иногда думают; и там лишь равенство «*прочих условий*» (далеко не всегда имеющее место в действительности) обеспечивает полную применимость закона. В земледелии же, которое отличается несравненно большей сложностью и разнообразием отношений, полная применимость закона

о превосходстве крупного производства обставлена значительно более строгими условиями. Например, Каутский замечает очень метко, что на границе между крестьянским и маленьким помещичьим имением происходит «превращение количества в качество»: крупное крестьянское хозяйство может быть «если не технически, то экономически выше» мелкого помещичьего. Содержание научно-образованного управляющего (одно из важных преимуществ крупного производства) чересчур обременительно для мелкого поместья, а собственное заведывание самого хозяина бывает часто лишь «юнкерским», но вовсе не научным. Во-вторых, превосходство крупного производства в земледелии имеет место лишь до известного предела. Каутский подробно исследует эти пределы в дальнейшем изложении. Само собой разумеется также, что эти пределы не одинаковы для различных отраслей сельского хозяйства и при различных общественно-экономических условиях. В-третьих, Каутский нисколько не игнорирует того, что «*пока*» есть и такие отрасли сельского хозяйства, в которых мелкое производство специалисты признают способным к конкуренции, например, огородничество, виноградарство, культура торговых растений и т. п. (S. 115). Но такие культуры имеют совершенно подчиненное значение по отношению к главным (entscheidenden) отраслям сельского хозяйства: производству зернового хлеба и скотоводству. Кроме того, «и в области огородной культуры и культуры винограда имеются уже достаточно успешные крупные производства» (S. 115). Поэтому «если говорить о сельском хозяйстве в общем и целом (in Allgemeinen), то те отрасли его, в которых мелкое производство имеет превосходство над крупным, не приходится брать в расчет, и вполне можно сказать, что крупное производство имеет решительное превосходство над мелким» (S. 116).

Доказав техническое превосходство крупного производства в земледелии (более подробно аргументы Каутского мы изложим ниже, разбирая возражения г. Булгакова), Каутский задается вопросом: «что может противопоставить мелкое производство преимуществам крупного?» и отвечает: «бо̀льшее прилежание и бо̀льшую заботливость работника, который, в отличие от наемника, работает на себя самого, а затем такой низкий уровень потребностей мелкого самостоятельного земледельца, который оказывается даже ниже уровня сельского рабочего» (S. 106), — и целым рядом рельефных данных о положении крестьян во Франции, Англии и Германии Каутский ставит вне всякого сомнения факт «чрезмерного труда и недостаточного потребления в мелком производстве». Наконец, Каутский указывает на то, что превосходство крупного производства выражается также в стремлении сельских хозяев устраивать *товарищества:* «товарищеское производство есть крупное производство». Известно, как носятся с товариществами мелких земледельцев идеологи мещанства

вообще и российские народники в частности (назовем хоть цитированную выше книгу г. Каблукова). Тем более значения приобретает поэтому превосходный анализ роли товариществ, данный Каутским. Товарищества мелких сельских хозяев являются, конечно, звеном экономического прогресса, но выражают они *переход к капитализму* (Fortschritt zum Kapitalismus), *а вовсе не к коллективизму*, как часто думают и утверждают (S. 118). Товарищества не ослабляют, а усиливают превосходство (Vorsprung) крупного производства в сельском хозяйстве над мелким, потому что крупные хозяева имеют больше возможности устраивать товарищества и больше пользуются этой возможностью. Что общинное, коллективистическое крупное производство выше капиталистического крупного производства, это Каутский признает — само собой разумеется — с полной решительностью. Он останавливается на опытах коллективного ведения земледелия, которые делались в Англии последователями Оуэна *), на аналогичных общинах в Северо-Американских Соединенных Штатах. Все эти эксперименты, — говорит Каутский, — *неопровержимо доказывают*, что коллективное ведение работниками крупного современного земледелия вполне возможно, но чтобы эта возможность перешла в действительность, для этого необходим «целый ряд известных экономических, политических и интеллектуальных условий». Мелкому производителю (и ремесленнику, и крестьянину) мешает перейти к коллективному производству крайне слабое развитие солидарности, дисциплины, их изолированность, их «фанатизм собственников», констатируемый не только среди западно-европейских крестьян, но, — добавим от себя, — и среди русских «общинных» крестьян (вспомните А. Н. Энгельгардта и Гл. Успенского). «Нелепо ждать, — категорически заявляет Каутский, — чтобы крестьянин в *современном обществе* перешел к общинному производству» (S. 129).

Таково чрезвычайно богатое содержание VI-ой главы книги Каутского. Г. Булгаков особенно недоволен этой главой. Каутский, — говорят нам, — повинен в «основном грехе» смешения различных понятий, «технические преимущества смешиваются с экономическими». Каутский «исходит из неверного предположения, будто более совершенный *технически* способ производства является более совершенным, т.-е. более жизнеспособным и *экономически*». Это решительное суждение г-на Булгакова совершенно неосновательно, — как, мы надеемся, убедился уже читатель из нашего изложения хода рассуждений Каутского. Нисколько не смешивая

*) На стр. 124 — 126 Каутский описывает земледельческую коммуну в Рэлэгайне (Ralahine), о которой, между прочим, рассказывает русским читателям и г. Дионео в № 2 «Русск. Богатства» за текущий (1899. *Ред.*) год.

техники и экономики *), Каутский поступает совершенно правильно, исследуя вопрос о соотношении крупного и мелкого производства в земледелии *при прочих равных условиях* в обстановке капиталистического хозяйства. *В первой же фразе первого параграфа VI-ой главы Каутский точно указывает эту связь между высотой развития капитализма и степенью общеприменимости закона о превосходстве крупного земледелия:* «Чем более капиталистическим становится сельское хозяйство, тем в бо́льших размерах развивает оно качественную разницу между техникой мелкого и крупного производства» (S. 92). В докапиталистическом земледелии этой качественной разницы не было. Что же сказать о строгом назидании г-на Булгакова Каутскому: «На самом деле, вопрос должен быть поставлен так: какое значение в конкуренции крупного и мелкого производства, *при данных социально-экономических условиях,* могут иметь те или иные особенности каждой из этих форм производства?» Это — «поправка» совершенно такого же свойства, как и рассмотренная нами выше.

Посмотрим теперь, как опровергает г. Булгаков аргументы Каутского в пользу технического превосходства крупного производства в земледелии. Каутский говорит: «Одно из важнейших отличий сельского хозяйства от индустрии состоит в том, что производство в собственном смысле слова (Wirtschaftsbetrieb, хозяйственное предприятие) обыкновенно связано здесь с домашним хозяйством (Haushalt), чего в индустрии нет». А что более крупное домашнее хозяйство имеет преимущество над мелким по сбережению труда и материала, это вряд ли требует доказательств... Первое покупает (это заметьте! *В. И.*) «керосин, цикорий, маргарин — оптом, второе — в розницу, и пр.» (S. 93). Г. Булгаков «поправляет»: «Каутский хотел сказать не то, что

*) Единственно, на что мог бы опереться г. Булгаков, это то *название,* которое дал Каутский первому параграфу VI-ой главы: «а) *техническое* превосходство крупного производства», тогда как говорится в этом § и о технических, и об экономических преимуществах последнего. Но разве это доказывает, как Каутский *смешивает* технику и экономику? Да и то еще, собственно говоря, вопрос, есть ли неточность в обозначении Каутского. Дело в том, что Каутский имел целью противопоставить содержание 1-го и 2-го §§ IV-ой главы: в 1-ом (а) говорится о техническом превосходстве крупного производства в капиталистическом сельском хозяйстве, и здесь на-ряду с машинами и пр. фигурирует, например, кредит. Г. Булгаков иронизирует: «своеобразное техническое превосходство». Но rira bien qui rira le dernier! (смеется хорошо, кто смеется последним. *Ред.*). Загляните в книгу Каутского, и вы увидите, что он имеет в виду главным образом тот прогресс в *технике* кредитного дела (а далее и в технике торговли), который доступен *только* крупному хозяину. Напротив, во 2-ом § (в) речь идет о сравнении количества труда и нормы потребления работника в крупном и мелком производстве, следовательно, здесь рассматриваются *чисто экономические различия* между мелким и крупным производством. *Экономика* кредита и торговли — одинакова для обоих, но *техника* — различна.

это технически выгодней, а что это *стóит* меньше»!.. Не ясно ли, что и в этом случае (как и во всех остальных) попытка г. Булгакова «поправлять» Каутского более, чем неудачна? «Этот аргумент, — продолжает строгий критик, — сам по себе тоже очень сомнителен, потому что в ценность продукта, при известных условиях, ценность разрозненных изб может вовсе не входить, а ценность общей избы войдет, да еще с процентом. Это тоже зависит от социально-экономических условий, которые — а не мнимо-технические преимущества крупного производства над мелким — следовало бы исследовать»... Во-1-х, г. Булгаков забывает ту мелочь, что Каутский, исследуя сначала сравнительное значение крупного и мелкого производства *при прочих равных условиях,* в дальнейшем изложении подробно разбирает и эти условия. Г. Булгаков хочет, следовательно, смешать в одну кучу различные вопросы. Во-2-х. Каким образом ценность крестьянских изб может не входить в ценность продукта? Только в силу того, что крестьянин «не считает» ценности своего леса или своего труда по постройке и ремонту избы. Поскольку крестьянин ведет еще натуральное хозяйство, он, конечно, может «не считать» своего труда, — и г. Булгаков напрасно забывает сказать читателю, что *Каутский с полной ясностью и точностью указывает это на стр. 165 — 167 своей книги* (гл. VIII, «Пролетаризация крестьянина»). Но ведь теперь речь идет о «социально-экономических условиях» капитализма, а не натурального и не простого товарного хозяйства. А в капиталистической общественной обстановке «не считать» своего труда — значит отдавать даром свой труд (купцу или другому капиталисту), значит работать за неполную оплату рабочей силы, значит понижать уровень потребностей ниже нормы. *Это* отличие мелкого производства Каутский, как мы видели, вполне признал и верно оценил. Г. Булгаков в своем возражении Каутскому повторяет обычный прием и обычную ошибку буржуазных и мелко-буржуазных экономистов. Эти экономисты прожужжали все уши, воспевая «жизнеспособность» мелкого крестьянина, который-де может не считать своего труда, не гнаться за прибылью и рентой и пр. Эти добрые люди забывали только, что подобное рассуждение смешивает «социально-экономические условия» натурального хозяйства, простого товарного производства и капитализма. Каутский превосходно разъясняет все эти ошибки, *строго различая* тот или иной строй общественно-экономических отношений. «Если сельско-хозяйственное производство мелкого крестьянина, — говорит он, — не вовлечено в область товарного производства, если оно составляет лишь часть домашнего хозяйства, тогда оно остается также вне области централизирующих тенденций современного способа производства. Как бы нерационально ни было его парцеллльное хозяйство, к какой бы растрате

сил оно ни вело, он держится за него прочно, — точно так же, как его жена держится за ее убогое домашнее хозяйство, которое точно так же дает при громаднейшей затрате рабочей силы бесконечно жалкие результаты, но которое представляет из себя единственную область, где она не подчинена чужой воле и свободна от эксплуатации» (S. 165). Дело меняется, когда натуральное хозяйство вытесняется товарным. Крестьянину приходится продавать продукты, покупать орудия, *покупать землю*. Покуда крестьянин остается *простым товаропроизводителем*, он может довольствоваться жизненным уровнем наемного рабочего; ему не нужны прибыль и рента, он может заплатить за землю более высокую плату, чем та, которую мог бы дать капиталист-предприниматель (S. 166). Но простое товарное производство вытесняется *капиталистическим производством*. Если, например, крестьянин заложил свою землю, он должен уже добывать и ренту, которая продана кредитору. На этой ступени развития только формально можно считать крестьянина простым товаропроизводителем. De facto *) он имеет уже обыкновенно дело с *капиталистом* — кредитором, купцом, промышленным предпринимателем, у которого он вынужден искать «подсобных занятий», т.-е. продавать ему свою рабочую силу. На этой стадии, — а Каутский, повторяем, сопоставляет крупное и мелкое земледелие в капиталистическом обществе, — возможность «не считать своего труда» означает для крестьянина лишь одно: надрываться над работой и бесконечно суживать свои потребности.

Так же несостоятельны и другие возражения г. Булгакова. Мелкое производство допускает в более узких пределах употребление машин; мелкому хозяину труднее и дороже достается кредит, — говорит Каутский. Г. Булгаков находит, что эти аргументы неверны, и ссылается на... крестьянские товарищества! Полным молчанием обходятся при этом доказательства Каутского, давшего приведенную нами выше оценку этих товариществ и их значения. По вопросу о машинах г. Булгаков опять делает выговор Каутскому, что он не поставил «более общего экономического вопроса: какова вообще экономическая роль машин в сельском хозяйстве» (г. Булгаков забыл уже о IV-ой главе книги Каутского!) «и является ли она в нем таким же неизбежным орудием, как в обрабатывающей промышленности?» Каутский ясно указал капиталистический характер употребления машин в современном сельском хозяйстве (S. 39, 40 и сл.), отметил особенности земледелия, создающие «технические и экономические затруднения» применению машин в земледелии (S. 38 и сл.), привел данные о растущем употреблении машин (40), об их техническом значении (42 и сл.), о роли пара и электричества. Каутский указал,

*) — фактически, на деле. *Ред.*

какие размеры хозяйств необходимы по данным агрономии для полного использования разных машин (94), указал, что по данным германской переписи 1895 года процент хозяйств, употребляющих машины, правильно и быстро повышается от мелких хозяйств к крупным (2% в хозяйствах до 2 гектаров, 13,8% в хоз. 2—5 г.; 45,8% в хоз. 5—20 г.; 78,8% в хоз. 20—100 г.; 94,2% в хоз. 100 и более гектаров). Г. Булгаков желал бы вместо этих данных видеть «общие» рассуждения о «непобедимости» или победимости машин!..

«Указание на то, что при мелком производстве приходится большее количество рабочего скота на гектар... неубедительно... в виду того, что при этом не исследуется... степень скотоинтенсивности хозяйства», — говорит г. Булгаков. Открываем ту страницу книги Каутского, где делается это указание, и читаем: «...Большое число коров в мелком хозяйстве» (по расчету на 1.000 гектаров) «в не незначительной степени зависит также и от того, что крестьянин более занимается скотоводством и менее производством хлебов, чем крупный хозяин; но различие в содержании лошадей не может быть объяснено этим» (стр. 96, где приведены данные о Саксонии 1860 г., о всей Германии 1883 г. и Англии 1880 года). Напомним, что и в России земская статистика обнаружила тот же закон, выражающий превосходство крупного земледелия над мелким: крупные крестьянские хозяйства обходятся меньшим, на единицу площади, количеством скота и инвентаря *).

Изложение аргументов Каутского о превосходстве крупного производства над мелким в капиталистическом сельском хозяйстве дано г. Булгаковым далеко не полное. Превосходство крупного земледелия состоит не только в меньшей потере культурной площади, в сбережениях на живом и мертвом инвентаре, в более полном использовании инвентаря, в более широкой возможности применять машины, в большей доступности кредита, но также и в коммерческом превосходстве крупного хозяйства, в употреблении этим последним научно-образованных руководителей хозяйства (Kautsky, S. 104). Крупное земледелие в бóльших размерах пользуется кооперацией рабочих и разделением труда. Особенно важное значение приписывает Каутский научному агрономическому образованию сельского хозяина. «Вполне научно-образованного сельского хозяина может содержать лишь такое производство, которое достаточно велико, чтобы труд руководства и надзора за хозяйством вполне занял рабочую силу лица» (S. 98: «эта величина хозяйства изменяется вместе с видом производства» от 3 гектаров при культуре винограда до 500 гектаров при экстенсивном хозяйстве). Каутский отмечает при этом

*) См. *В. Е. Постников,* «Южно-русское крестьянское хозяйство». Ср. *В. Ильин,* «Разв. кап.», гл. II, § 1. (См. III том Сочинений. *Ред.*)

тот интересный и крайне характерный факт, что распространение низших и средних сельско-хозяйственных школ приносит пользу не крестьянину, а крупному хозяину, доставляя ему служащих (то же наблюдается и в России). «То высшее образование, которое необходимо для вполне рационального производства, трудно совместимо с современными условиями существования крестьян. Это означает осуждение, разумеется, не высшего образования, а условий жизни крестьян. Это означает лишь то, что крестьянское производство держится на-ряду с крупным производством не благодаря более высокой производительности, а благодаря более низким потребностям» (99). Крупное производство должно содержать не одни только крестьянские рабочие силы, но и городские рабочие силы, по уровню потребностей стоящие несравненно выше.

Те в высшей степени интересные и важные данные, которые приводит Каутский в доказательство «чрезмерного труда и недостаточного потребления в мелком производстве», г. Булгаков называет «несколькими (!) случайными (??) цитатами». Г. Булгаков «берется» привести такое же количество «цитат противоположного характера». Он забывает только сказать, не берется ли он также выставить *противоположное утверждение,* которое он стал бы доказывать «цитатами противоположного характера». В этом ведь вся суть дела! Не берется ли г. Булгаков утверждать, что крупное производство в капиталистическом обществе отличается от крестьянского чрезмерной работой и пониженным потреблением работника? Г. Булгаков достаточно осторожен, чтобы выставлять такое комичное утверждение. Факт чрезмерной работы и понижения потребностей крестьян он считает возможным обойти замечанием, что «в одних местах крестьяне живут зажиточно, в других бедно!!» Что сказали бы вы об экономисте, который вместо обобщения данных о положении мелкого и крупного производства принялся бы исследовать разницу в «зажиточности» населения тех или других «мест»? Что сказали бы вы об экономисте, который обошел бы факт чрезмерной работы и пониженного потребления кустарей по сравнению с фабричными рабочими замечанием, что «в одних местах кустари живут зажиточно, в других бедно»? Кстати о кустарях. «Повидимому, — пишет г. Булгаков, — Каутскому мысленно предносилась параллель Hausindustrie *), где перерабатыванье не имеет технических границ» (как в земледелии), «но эта параллель сюда не годится». Повидимому, — ответим мы на это, — г. Булгаков поразительно невнимательно отнесся к критикуемой им книге, потому что параллель с Hausindustrie не «мысленно предносилась Каутскому», а *прямо и точно указана им на первой же странице того* §, который посвящен вопросу о перерабатываньи

*) — кустарной промышленности. *Ред.*

(гл. VI, b, S. 106): «Как и в кустарной промышленности (Hausindustrie), семейная работа детей в мелком крестьянском хозяйстве действует еще губительнее, чем работа по найму у чужих лиц». Как ни решительно декретирует г. Булгаков, что эта параллель сюда не годится, тем не менее его мнение совершенно ошибочно. В промышленности перерабатыванье не имеет технических границ, а для крестьянина «ограничено техническими условиями земледелия», — рассуждает г. Булгаков. Спрашивается, кто же на самом деле смешивает технику и экономику: Каутский или г. Булгаков? При чем же тут техника земледелия или кустарной промышленности, когда факты говорят, что мелкий производитель и в земледелии, и в промышленности гонит на работу детей с более раннего возраста, работает большее число часов в день, живет «бережливее», урезывает свои потребности до того, что в цивилизованной стране выделяется, как настоящий «варвар» (выражение Маркса)? Неужели можно отрицать экономическую однородность подобных явлений в земледелии и в промышленности на том основании, что земледелие имеет массу особенностей (которых Каутский нисколько не забывает). «Мелкий крестьянин, даже при желании, не может работать больше, чем того требует его поле», — говорит г. Булгаков. Но мелкий крестьянин может работать и работает по 14, а не по 12 часов; может работать и работает с той сверхнормальной напряженностью, которая изматывает его нервы и мускулы гораздо быстрее нормального. И потом, какая это неверная и утрированная абстракция — сводить все работы крестьянина к одному полю! У Каутского вы не найдете ничего подобного. Каутский прекрасно знает, что крестьянин работает также и в домашнем хозяйстве, работает над постройкой и ремонтом избы, хлева, орудий и пр., «*не считая*» всего этого добавочного труда, за который наемный рабочий в крупном хозяйстве потребует обычной платы. Не ясно ли для всякого непредубежденного человека, что перерабатыванье для крестьянина — мелкого земледельца — поставлено в *несравненно более широкие пределы*, чем для мелкого промышленника, если он *только* промышленник? Перерабатыванье мелкого земледельца, как всеобщий факт, наглядно доказывается тем, что все буржуазные писатели единогласно свидетельствуют о «прилежании» и «бережливости» крестьянина, обвиняя рабочих в «лености» и «мотовстве».

Мелкие крестьяне, — говорит цитируемый Каутским исследователь быта сельского населения в Вестфалии,— непомерно заваливают своих детей работой, так что их физическое развитие задерживается; таких дурных сторон не имеет работа по найму. Парламентской комиссии, исследовавшей аграрный быт Англии (1897), один мелкий крестьянин из Линкольна заявлял: «Я воспитал целую семью и до полусмерти замучил ее работой». Дру-

гой говорит: «Мы работаем с детьми по 18 часов, в среднем 10—12 часов». Третий: «Мы работаем тяжелее, чем поденщики, мы работаем как рабы». Г. Рид (Read) следующим образом характеризует перед той же комиссией положение мелких крестьян в тех местностях, в которых преобладает земледелие в тесном смысле: «Единственное средство для него удержаться, это работать за двоих поденщиков, а расходовать столько же, сколько один поденщик. Его дети более замучены работой и хуже воспитаны, чем дети поденщиков» («Royal Commission on Agriculture final report», p. 34, 357. Цитир. у Каутского, S. 109). Не берется ли г. Булгаков утверждать, что не менее часто поденщики работают за двоих крестьян. Но особенно характерен следующий, приводимый Каутским, факт, показывающий, как «крестьянское искусство голодать (Hungerkunst) может вести к экономическому превосходству мелкого производства»: сравнение доходности двух крестьянских хозяйств в Бадене показывает в одном, *крупном,* дефицит в 933 марки, в другом, *вдвое более мелком,* избыток в 191 марку. Но первое хозяйство, которое велось исключительно наемными рабочими, должно было, как следует, кормить их, расходуя почти по 1 марке в день на человека (около 45 коп.), тогда как в мелком хозяйстве работали исключительно члены семьи (жена и 6 взрослых детей), содержание которых было *вдвое более скудным:* 48 пфеннигов в день на человека. Если бы семья мелкого крестьянина кормилась так же хорошо, как наемные рабочие крупного хозяина, мелкий получил бы дефицит в 1.250 марок! «Его избыток происходил не из полных закромов, а из пустого желудка». Какая масса подобных примеров была бы открыта, если бы сравнения «доходности» крупных и мелких хозяйств в земледелии сопровождались учетом потребления и работы крестьян и наемных рабочих *). Вот другой расчет более высокой доходности мелкого хозяйства (4,6 гект.) по сравнению с крупным (26,5 гект.), расчет, делаемый в одном из специальных журналов. Но как получается высший доход? — спрашивает Каутский. Оказывается, мелкому земледельцу помогают дети, помогают с того возраста, как только начинают ходить, крупному же приходится расходоваться на детей (школа, гимназия). В мелком и старики, имеющие более 70 лет, «заменяют еще полную рабочую силу». «Обыкновенный поденщик, особенно в крупном производстве, работает и думает: когда же это придет вечерний отдых; а мелкий крестьянин, по крайней мере при всех спешных работах, думает: ах, если бы день был хоть часика на два подольше». Мелкие производители, — поучает нас все тот же автор статьи в агрономическом журнале, — лучше используют время при спешных работах:

*) Ср. *В. Ильин,* «Развитие капитализма в России», стр. 112, 175, 201 (см. III том Сочинений, стр. 122, 182—183, 207. *Ред.*).

«раньше встают, позже ложатся, быстрее работают, тогда как у крупного хозяина рабочие не хотят вставать раньше, ложиться позже, работать напряженнее, чем в другие дни». Крестьянин умеет получать чистый доход благодаря своей «простой» жизни: живет в мазанке, построенной главным образом трудом семьи; жена замужем 17 лет и сносила всего одну пару ботинок, больше ходит босиком или в деревянных башмаках, семью она сама же и обшивает. Пища — картофель, молоко, изредка — селедка. Муж только по воскресеньям курит трубку табаку. «Эти люди не сознавали, что они живут особенно просто, и не выражали недовольства своим положением... При таком простом образе жизни они получали почти каждый год маленький избыток от своего хозяйства».

IV.

Закончив анализ взаимоотношения крупного и мелкого производства в капиталистическом сельском хозяйстве, Каутский переходит к специальному выяснению «границ капиталистического сельского хозяйства» (гл. VII). Против теории превосходства крупного земледелия, — говорит Каутский, — восстают главным образом «друзья человечества» (мы чуть не сказали — друзья народа...) в рядах буржуазии, фритредеры чистого типа, аграрии. В последнее время многие экономисты выступают за мелкое земледелие. Ссылаются обыкновенно на статистику, которая показывает, что вытеснения мелких хозяйств крупными не происходит. И Каутский приводит данные статистики: в Германии с 1882 по 1895 г. всего больше возросла площадь средних хозяйств; во Франции с 1882 по 1892 г. — самых мелких и самых крупных; площадь средних уменьшилась. В Англии с 1885 по 1895 г. уменьшилась площадь самых мелких и самых крупных хозяйств; всего больше увеличилась площадь хозяйств в 40 — 120 ha (100 — 300 акров), т.-е. хозяйств, которых нельзя отнести к мелким. В Америке средняя величина фермы понижается: 1850 — 203 акра; 1860 — 199; 1870 — 153; 1880 — 134; 1890 — 137. Каутский рассматривает ближе данные американской статистики, и его анализ, вопреки мнению г. Булгакова, имеет важное *принципиальное* значение. Главная причина уменьшения среднего размера ферм — раздробление крупных плантаций юга, после освобождения негров; в южных штатах средний размер ферм понизился более чем вдвое. «Победы мелкого производства над *современным*» (= капиталистическим) «крупным производством не усмотрит в этих цифрах ни один понимающий дело человек». Вообще разбор данных американской статистики по *отдельным районам* показывает много разнообразных отношений. В северо-центральной полосе, в главных «пшеничных штатах», средняя величина фермы *повысилась* с 122 до 133 акров.

«Лишь там мелкое производство получает преобладание, где сельское хозяйство находится в упадке или где докапиталистическое крупное производство вступает в конкуренцию с крупным производством» (135). Этот вывод Каутского очень важен, потому что он показывает те условия, без которых употребление статистики может быть лишь *злоупотребительным:* необходимо отличать капиталистическое крупное производство от докапиталистического. Необходимо *детализировать* исследование по отдельным районам, которые отличаются существенными особенностями в формах земледелия и в исторических условиях его развития. Говорят: «цифры доказывают»! Но надо же разобрать, что́ именно доказывают цифры. Они доказывают только то, *что они прямо говорят.* Прямо говорят цифры не о размерах производства, а о *площади* хозяйств. Между тем, возможно, и на деле так бывает, что «маленькое имение при интенсивном хозяйстве может быть более крупным производством, чем большое при экстенсивном хозяйстве». «Статистика, дающая нам сведения только о площади хозяйства, не говорит ровно ничего по вопросу о том, основывается ли уменьшение площади хозяйства на действительном уменьшении размеров хозяйства или же па интенсификации хозяйства» (146). Лесное и выгонное хозяйство, эти первые формы капиталистического крупного хозяйства, допускают наибольшую площадь имений. Полеводство требует уже меньшей площади хозяйства. Разные системы полеводства опять-таки различны в этом отношении: хищническая, экстенсивная система хозяйства (которая преобладала в Америке до сих пор) допускает громадные фермы (до 10.000 гектаров, как bonanza farms *) Дальримпля, Гленна и др. И в наших степях крестьянские посевы, а тем более купеческие, достигают таких размеров). Переход к удобрению и пр. необходимо ведет к уменьшению площади хозяйств, которые, например, в Европе мельче, чем в Америке. Переход от полеводственной системы хозяйства к скотоводственной опять-таки требует уменьшения площади хозяйства: в Англии в 1880 г. средний размер скотоводственных хозяйств был 52,3 акра, а полеводственных, зерновых хозяйств 74,2 акра. Поэтому совершающийся в Англии переход от земледелия к скотоводству *должен* порождать тенденцию к уменьшению площади хозяйства. «Но это значило бы судить очень поверхностно, если бы отсюда стали заключать об упадке производства» (149). В Ост-Эльбии (исследованием которой г. Булгаков надеется со временем опровергнуть Каутского) происходит именно переход к интенсивному хозяйству: крупные земледельцы, — говорит цитируемый Каутским Зеринг, — усиливают производительность своей почвы, продавая

*) — крупные хозяйства Сев. Америки (преимущественно производство пшеницы), сочетавшие экстенсивное ведение хозяйства с применением высоко-развитой техники. *Ред.*

или сдавая в аренду крестьянам отдаленные части имений, потому что при интенсивном хозяйничаньи эти отдаленные части трудно утилизировать. «Таким образом, крупные имения в Ост-Эльбии уменьшаются, рядом с ними создаются мелкие крестьянские хозяйства, и это не потому, что мелкое производство выше крупного, а потому, что прежние размеры имений были приспособлены к нуждам экстенсивного хозяйства» (150). Уменьшение площади хозяйства во всех этих случаях ведет обыкновенно к увеличению (с единицы земли) количества продукта, часто к увеличению числа занятых рабочих, т.-е. к фактическому *увеличению* размеров производства.

Понятно из этого, как мало доказательны огульные данные сельско-хозяйственной статистики о *площадях* хозяйств, и с какой осторожностью следует пользоваться ими. Ведь в промышленной статистике мы имеем дело с *прямыми* показателями размеров производства (количество товара, сумма производства, число рабочих) и при том легко можем выделить отдельные производства. Этим необходимым условиям доказательности сельско-хозяйственная статистика очень редко удовлетворяет.

Затем монополия земельной собственности полагает пределы земледельческому капитализму: в промышленности капитал растет *накоплением*, обращением сверхстоимости в капитал; *централизация*, т.-е. соединение нескольких мелких капиталов в крупный, играет меньшую роль. Иначе в земледелии. Земля вся занята (в цивилизованных странах), а расширить площадь хозяйства можно только *централизацией* нескольких участков, при том так, чтобы они составляли *общую площадь*. Понятно, что расширение имения скупкой окрестных участков — вещь очень трудная, особенно ввиду того, что мелкие участки отчасти заняты сельскими рабочими (необходимыми для крупного хозяина), отчасти мелкими крестьянами, обладающими искусством держаться путем безмерного и невероятного понижения потребностей. Это констатирование простого и ясного, как день, факта, указывающего пределы сельско-хозяйственного капитализма, почему-то показалось г. Булгакову «фразой» (??!!) и дало повод для самых неосновательных ликований: «Итак (!), превосходство крупного производства разбивается (!) перед первым препятствием». Г. Булгаков сначала неверно понял закон превосходства крупного производства, приписав ему непомерную абстрактность, от которой очень далек Каутский, а теперь обращает свое непонимание в довод против Каутского! В высшей степени странно мнение г. Булгакова, будто он может опровергнуть Каутского ссылкой на Ирландию (крупное землевладение, но без крупного производства). Из того, что крупное землевладение есть одно из условий крупного производства, никак не следует, чтобы оно было достаточным условием. Рассматривать же исторические и другие

*

причины особенностей Ирландии или другой страны, конечно, не мог Каутский в сочинении о капитализме в сельском хозяйстве вообще. Ведь никто не вздумал бы требовать от Маркса, чтобы он, анализируя общие законы капитализма в промышленности, разъяснял, почему во Франции дольше держится мелкая промышленность, почему в Италии промышленность развивается слабо и т. п. Точно так же несостоятельно указание г. Булгакова на то, что концентрация «могла бы» идти постепенно: расширить имение прикупкой участков соседей далеко не так просто, как пристроить новые помещения к фабрике для добавочного числа станков и т. п.

Ссылаясь на эту чисто фиктивную возможность постепенной концентрации или аренды для образования крупных хозяйств, г. Булгаков обратил мало внимания на действительную особенность земледелия в процессе концентрации, — особенность, указанную Каутским. Это латифундии, скопление нескольких имений в одних руках. Статистика считает обыкновенно только отдельные имения и не дает никаких сведений о процессе концентрации разных имений в руках крупных землевладельцев. Каутский сообщает относительно Германии и Австрии весьма рельефные примеры такой концентрации, приводящей к особой, высшей форме крупного капиталистического земледелия, когда несколько крупных имений соединяются в одно хозяйственное целое, управляемое одним центральным органом. Такое гигантское сельско-хозяйственное предприятие дает возможность соединять самые различные отрасли сельского хозяйства и в наибольших размерах пользоваться выгодами крупного производства.

Читатель видит, как далек Каутский от абстрактности и шаблонности понимания «теории Маркса», которой он остается верным. Предостерегая от этой шаблонности понимания, Каутский вставил в рассматриваемую главу даже особый § о гибели мелкого производства в промышленности. Он очень верно указывает, что победа крупного производства и в промышленности вовсе не так проста и идет не в таких однообразных формах, как привыкли думать люди, говорящие о неприменимости теории Маркса к земледелию. Достаточно указать на капиталистическую домашнюю работу, достаточно напомнить сделанное уже Марксом замечание о чрезвычайной пестроте переходных и смешанных форм, затемняющих победу фабричной системы. Во сколько раз сложнее обстоит дело в сельском хозяйстве! Развитие богатства и роскоши ведет, например, к тому, что миллионеры скупают громадные поместья, обращают их под леса для своей забавы. В Австрии, в Зальцбурге, количество рогатого скота уменьшается с 1869 г. Причина — продажа Альпов богачам-любителям охоты. Очень метко говорит Каутский, что если брать данные сельско-хозяйственной статистики огульно и без критики,

тогда ничего не стоит открыть тенденцию капиталистического способа производства к превращению современных народов в охотничьи племена!

Наконец, в числе условий, ставящих границы капиталистическому земледелию, Каутский указывает также то обстоятельство, что недостаток рабочих — вследствие ухода населения из деревень — заставляет крупных хозяев стремиться к наделению рабочих землей, к созданию мелкого крестьянства, которое поставляет рабочие силы помещикам. Совершенно неимущий сельский рабочий — редкость, потому что в земледелии сельское хозяйство, в строгом смысле, связано с домашним хозяйством. Целые категории сельско-хозяйственных наемных рабочих владеют или пользуются землей. Когда мелкое производство слишком сильно вытесняется, — *крупные хозяева стремятся укрепить или возродить его* посредством продажи или отдачи в аренду земли. «Во всех европейских странах, — говорит цитируемый Каутским Зеринг, — замечается в последнее время движение... сделать сельских рабочих оседлыми посредством наделения их землей». Таким образом, в пределах капиталистического способа производства невозможно рассчитывать на полное вытеснение мелкого производства в земледелии, ибо сами капиталисты и аграрии стремятся возродить его, когда разорение крестьянства зашло чересчур далеко. Маркс еще в 1850 г. указал, в «Neue Rheinische Zeitung», на этот круговорот концентрации и раздробления земли в капиталистическом обществе [61]).

Г. Булгаков находит, что в этих рассуждениях Каутского «есть доля истины, а еще больше заблуждений». Подобно всем остальным приговорам г. Булгакова, и этот мотивирован крайне слабо и крайне туманно. Г. Булгаков находит, что Каутский «конструировал теорию пролетарского мелкого производства», что эта теория верна для очень ограниченного района. Мы держимся другого мнения. Сельско-хозяйственная наемная работа мелких земледельцев (или, что то же, тип батрака и поденщика с наделом) есть *явление, свойственное, в той или другой степени, всем капиталистическим странам.* Ни один писатель, желающий изобразить капитализм в земледелии, не в состоянии будет, не погрешая против истины, оставить в тени это явление*). Что в частности в Германии пролетарское мелкое производство есть всеобщий факт, — это обстоятельно доказал Каутский в VIII-ой главе своей книги: «Пролетаризация крестьянина». Указание г. Булгакова на то, что о «недостатке рабочих» говорили и другие писатели, в числе их г. Каблуков, *оставляет в тени самое главное:* громадную принципиальную разницу

*) Ср. «Разв. капит. в России», гл. II, § XII, стр. 120 (см. III том Сочинений, стр. 129. *Ред.*). Считают, что во Франции около 75% сельских рабочих имеет собственную землю. Там же и другие примеры.

между теорией г. Каблукова и теорией Каутского. Г. Каблуков, вследствие свойственной ему Kleinbürger'ской *) точки зрения, «конструирует» из недостатка рабочих несостоятельность крупного производства и жизнеспособность мелкого. Каутский точно характеризует факты и указывает их настоящее значение в современном классовом обществе: классовые интересы землевладельцев заставляют их стремиться к наделению землей рабочих. Классовое положение сельско-хозяйственных наемных рабочих с наделом ставит их между мелкой буржуазией и пролетариатом, но ближе к последнему. Другими словами: г. Каблуков возводит одну сторону сложного процесса в теорию несостоятельности крупного производства, Каутский же анализирует те особые формы общественно-экономических отношений, которые создаются интересами крупного производства на известной стадии его развития и при известной исторической обстановке.

V.

Переходим к следующей главе книги Каутского, название которой мы сейчас привели. Каутский исследует здесь, во-первых, «тенденцию к раздроблению земли», во-вторых, «формы крестьянских подсобных промыслов». Таким образом, здесь обрисовываются те в высшей степени важные тенденции сельско-хозяйственного капитализма, которые свойственны громадному большинству капиталистических стран. Раздробление земли ведет, — говорит Каутский, — к усиленному спросу на мелкие участки со стороны мелких крестьян, которые платят за землю дороже, чем крупные хозяева. Этот последний факт был приводим некоторыми писателями в подтверждение того, что мелкое земледелие выше крупного. Каутский очень метко отвечает на это сравнением цен на землю с ценами на квартиры: известно, что маленькие и дешевые квартиры обходятся *дороже*, по расчету на единицу объема (1 куб. сажень и т. п.), чем большие и дорогие квартиры. Высшая цена мелких участков объясняется не превосходством мелкого земледелия, а особенно угнетенным положением крестьянина. Какую массу карликовых хозяйств вызвал на свет капитализм, это видно из таких цифр: в Германии (1895) из $5^1/_2$ милл. сельско-хозяйственных предприятий $4^1/_4$ милл., т.-е. более $^3/_4$, имеют площадь менее 5 гектаров ($58^0/_0$ менее 2 гект.). В Бельгии $78^0/_0$ ($709^1/_2$ тыс. из 909) менее 2 гект. В Англии (1895) 118 тыс. из 520 тыс. менее 2 гект. Во Франции (1892) 2,2 милл. (из 5,7 милл.) менее 1 гект.; 4 милл. — менее 5 гект. Г. Булгаков думает опровергнуть утверждение Каутского о крайней нерациональности этих карликовых хозяйств (недостаток скота, инвентаря, денег, рабочих сил, отвлекаемых сторонними заработ-

*) — мелко-буржуазной. *Ред.*

ками) ссылкой на то, что земля «очень часто» (??) возделывается лопатой «с невероятной степенью интенсивности», хотя... при «крайне нерациональной затрате рабочих сил». Само собой разумеется, что это возражение совершенно несостоятельно, что отдельные примеры превосходной обработки земли мелким крестьянином так же мало способны опровергнуть общую характеристику этого типа хозяйств, данную Каутским, как вышеприведенный пример большей доходности мелкого хозяйства не опровергает положения о превосходстве крупного производства. Что Каутский вполне прав, относя эти хозяйства *в общем и целом* *) к пролетарским, это ясно видно из того, обнаруженного германской переписью 1895 г., факта, что масса мелких хозяйств не обходится без стороннего заработка. Из всего числа 4,7 милл. лиц, самостоятельно живущих сельским хозяйством, 2,7 милл. или *56%* имеют еще сторонние заработки. Из 3,2 милл. хозяйств, имеющих менее 2 гектаров земли, только 0,4 милл. или *13%* не имеют стороннего заработка! Во всей Германии из 5½ милл. сельских хозяйств *1½ миллиона* принадлежат сельско-хозяйственным и промышленным наемным рабочим (+704 тыс. ремесленникам). И после этого г. Булгаков решается утверждать, что теория пролетарского мелкого землевладения «конструирована» Каутским! **). Формы пролетаризации крестьянства (формы крестьянских подсобных промыслов) исследованы Каутским в высшей степени обстоятельно (S. 174—193). К сожалению, место не позволяет нам подробно остановиться на характеристике этих форм (сельско-хозяйственная работа по найму, кустарная промышленность — Hausindustrie — «гнуснейшая система капиталистической эксплуатации»; работа на фабриках и рудни-

---

*) Мы подчеркиваем «в общем и целом», потому что нельзя отрицать, конечно, что в отдельных случаях и эти хозяйства с ничтожной площадью земли могут давать много продукта и дохода (виноградники, огороды и т. п.). Но что сказали бы вы об экономисте, который стал бы опровергать ссылку на обезлошадение русских крестьян указанием примера, скажем, подмосковных огородников, которые и без лошади могут иногда вести рациональное и прибыльное земледелие?

**) В примеч. на стр. 15-ой г. Булгаков говорит, что Каутский повторяет ошибку авторов книги о хлебных ценах [62]), рассчитывая, что громадное большинство сельского населения не заинтересовано в пошлинах на хлеб. И с этим мнением мы не можем согласиться. Авторы книги о хлебных ценах наделали массу ошибок (не раз указываемых мной в названной выше книге), но в признании того факта, что масса населения не заинтересована в высоких ценах на хлеб, нет никакой ошибки. Ошибочно лишь *непосредственное* заключение от этого интереса массы к интересу всего общественного развития. Гг. Туган-Барановский и Струве справедливо указали, что *критерий* оценки хлебных цен должен быть тот, вытесняют ли они более или менее быстро отработки капитализмом, толкают ли вперед общественное развитие. Это вопрос факта, и я решаю этот вопрос иначе, чем Струве. Я думаю, что факт замедления развития капитализма в сельском хозяйстве вследствие низких цен отнюдь не доказан. Напротив, особенно быстрый рост

ках и т. п.). Отметим только, что оценку *отхожих промыслов* Каутский дает именно такую, какую дают и русские ученые. Отхожие рабочие, более неразвитые и имеющие более низкие потребности, чем городские рабочие, нередко оказывают вредное действие на условия жизни этих последних. «Но для тех мест, откуда они выходят и куда они возвращаются, они являются пионерами прогресса... Они перенимают новые потребности, новые идеи» (S. 192), они будят сознание и чувство человеческого достоинства, будят веру в свои силы среди захолустного крестьянства.

В заключение остановимся на последнем, особенно резком нападении г-на Булгакова на Каутского. Каутский говорит, что в Германии с 1882 по 1895 г. всего сильнее возросли в числе самые мелкие (по площади) и самые крупные хозяйства (так что парцелляция земли идет на счет средних хозяйств). И действительно, хозяйства до 1 ha увеличились в числе на 8,8%; хозяйства от 5 до 20 ha — на 7,8%, а хозяйства выше 1.000 ha — на 11% (промежуточные разряды почти не изменились, а все число сельских хозяйств возросло на 5,3%). Г. Булгаков глубоко возмущается тем, что берутся процентные отношения о крупнейших хозяйствах, число которых ничтожно (515 и 572 за указ. годы). Возмущение г-на Булгакова совершенно неосновательно. Он забывает, что эти ничтожные по числу предприятия — самые крупные, что они *занимают почти столько же земли,* сколько и 2,3 — 2,5 милл. карликовых хозяйств (до 1 ha). Если я скажу, что число крупнейших фабрик, имеющих 1.000 и более рабочих, возросло в стране, скажем, с 51 до 57, на 11,0%, тогда как все число фабрик возросло на 5,3%, — разве это не будет показывать роста крупного производства, несмотря на то, что *число* крупнейших фабрик может быть ничтожно сравнительно со всем числом фабрик? Тот факт, что по доле занимаемой площади всего больше возросли хозяйства крестьянские, от 5 до 20 ha (г. Булгаков, стр. 18), Каутский прекрасно знает и рассматривает его в следующей главе.

сельско-хозяйственного машиностроения и тот толчок специализации земледелия, который дан понижением хлебных цен, показывает, что низкие цены *толкают вперед* развитие капитализма в русском сельском хозяйстве (ср. «Разв. кап. в Р.», стр. 147, пр. 2, в гл. III, § V) (см. стр. 156 III тома Сочинений. *Ред.*). Понижение хлебных цен оказывает глубокое преобразовательное действие на все остальные отношения в сельском хозяйстве.

Г. Булгаков говорит: «Одним из важных условий интенсификации культуры является поднятие цен на хлеб» (так же высказывается г. П. С. во «Внутреннем обозрении», стр. 299 той же книжки «Начала»). Это неточно. Маркс показал в VI-ом отделе III-го тома «Капитала», что производительность добавочных вложений капитала в землю может понижаться, *но может и повышаться;* при понижении цен хлеба рента может падать, *но может и расти.* Следовательно, интенсификация может вызываться — в различные исторические периоды и в разных странах — совершенно различными условиями, независимо от уровня цен на хлеб.

Каутский берет далее изменения в количестве площади и разных разрядов в 1882 и 1895 г. Оказывается, наибольшее увеличение (+563.477 ha) у крестьянских хозяйств в 5—20 ha, затем у крупнейших, более 1.000 ha (+94.014)—тогда как площадь хозяйств в 20—1.000 ha *уменьшилась* на 86.809 ha. Хозяйства до 1 ha увеличили свою площадь на 32.683 ha, а хозяйства в 1—5 ha на 45.604 ha.

И Каутский заключает: уменьшение площади хозяйств от 20 до 1.000 гектаров (более чем уравновешиваемое увеличением площади хозяйств в 1.000 и более гектаров) зависит не от упадка крупного производства, а от интенсификации его. Мы уже видели, что эта интенсификация идет вперед в Германии и что она требует часто уменьшения площади хозяйства. Что происходит интенсификация крупного производства, это видно из растущего употребления паровых машин, а также из громадного роста числа сельско-хозяйственных служащих, которые употребляются в Германии только крупным производством. Число управляющих имениями (инспекторов), надсмотрщиков, бухгалтеров и пр. возросло с 1882 по 1895 г. с 47.465 до 76.978, на 62%; процент женщин среди этих служащих возрос с 12% до 23,4%.

«Все это ясно показывает, насколько более интенсивным и более капиталистическим сделалось крупное сельско-хозяйственное производство с начала 80-х годов. Объяснение того, почему на-ряду с этим так сильно увеличили свою площадь именно средне-крестьянские хозяйства, мы увидим в следующей главе» (S. 174).

Г. Булгаков усматривает в этом изображении «вопиющее противоречие с действительностью», но его доводы и на этот раз нисколько не оправдывают такого решительного и смелого вердикта и ни на иоту не колеблют заключения Каутского. «Прежде всего, интенсификация хозяйства, если бы она произошла, не объясняет еще собою и относительного и абсолютного уменьшения пашни, уменьшения всего удельного веса группы хозяйств в 20—1.000 ha. Размеры пашни могли бы увеличиться одновременно с увеличением числа хозяйств; последнее должно бы лишь (sic!) увеличиться несколько быстрее, так что размеры площади каждого данного хозяйства стали бы менее» *).

Мы нарочно выписали целиком это рассуждение, из которого г. Булгаков выводит, будто «уменьшение размеров предприятия под влиянием роста интенсивности есть чистая фантазия» (sic!), потому что это рассуждение рельефно показывает нам ту самую ошибку злоупотребления «данными статистики», от которой так убедительно предостерегал Каутский. Г. Булгаков предъявляет

*) Г. Булгаков приводит еще более детальные данные, но они ровно ничего не прибавляют к данным Каутского, показывая то же увеличение числа хозяйств в одной группе крупных владельцев и уменьшение площади земли.

к статистике *площадей* хозяйств требования, до смешного строгие, придает этой статистике такое значение, которого она никогда не может иметь. Почему, в самом деле, площадь пашни должна была «несколько» увеличиться? Почему интенсификация хозяйства (ведущая иногда, как мы видели, к продаже и сдаче в аренду крестьянам удаленных от центра кусков имения) не «должна» была передвинуть известное число хозяйств из высшего разряда в низший? почему она не «должна» была уменьшить площадь пашни хозяйств в 20—1.000 гектаров? *). В промышленной статистике уменьшение *суммы производства* крупнейших фабрик говорило бы об упадке крупного производства. Уменьшение же *площади* крупных имений на 1,2% ровно ничего не говорит и *не может говорить* о размерах производства, нередко растущих с уменьшением площади хозяйства. Мы знаем, что в Европе вообще происходит то вытеснение зерновых хозяйств скотоводственными, которое особенно сильно в Англии. Мы знаем, что этот переход требует иногда уменьшения площади хозяйств, но не странно ли было бы выводить из уменьшения площади хозяйств упадок крупного производства? Поэтому, между прочим, «красноречивая таблица», приводимая г. Булгаковым на стр. 20-й и показывающая уменьшение числа крупных и мелких, увеличение числа средних (5—20 гектаров) хозяйств, имеющих скот для полевых работ, ровно ничего еще не доказывает. Это могло зависеть и от перемен в системах хозяйства.

Что крупное сельско-хозяйственное производство в Германии стало более интенсивным и более капиталистическим, это видно, во-первых, из роста числа сельско-хозяйственных *паровых* машин: с 1879 по 1897 г. увеличение в пять раз. Г. Булгаков совершенно напрасно ссылается в своем возражении на то, что абсолютное число *всех вообще* (а не паровых) машин у мелких хозяйств (до 20 гектаров) гораздо больше, чем у крупных, а также на то, что в Америке машины применяются при экстенсивном хозяйстве. Речь идет теперь не об Америке, а о Германии, в которой bonanza farms нет. Вот данные о проценте хозяйств в Германии (1895) с паровыми плугами и с паровыми молотилками:

Хозяйства	Процент хозяйств с паровыми плугами	Процент хозяйств с паровыми молотилками
до 2 гектаров	0,00	1,08
в 2—5 »	0,00	5,20
» 5—20 »	0,01	10,95
» 20—100 »	0,10	16,60
» 100 и более »	5,29	16,22

*) Уменьшение с 16.986.101 гектаров в этом разряде до 16.802.115, т.-е. на целых... 1,2%! Не правда ли, как это убедительно говорит об усматриваемой г. Булгаковым «агонии» крупного производства?

И теперь, если все число паровых машин в сельском хозяйстве Германии упятерилось, — разве это не доказывает роста интенсивности крупного производства? Не надо только забывать, как это опять-таки делает г. Булгаков на стр. 21-ой, что рост размеров предприятия в сельском хозяйстве не всегда тождествен с ростом площади хозяйства.

Во-вторых, тот факт, что крупное производство стало более капиталистическим, виден из увеличения числа сельско-хозяйственных служащих. Булгаков напрасно называет этот довод Каутского «курьезом»: «рост числа офицеров при уменьшении армии» — при уменьшении числа сельско-хозяйственных наемных рабочих. Мы опять скажем: rira bien qui rira le dernier! *). Об уменьшении числа сельско-хозяйственных рабочих Каутский не только не забывает, но подробно показывает это для целого ряда стран; только факт этот здесь решительно не при чем, потому что ведь и все сельское население убывает, а число пролетарских мелких земледельцев растет. Положим, что крупный помещик перешел от производства зерна к производству свекловицы с переработкой ее в сахар (в Германии 1871 — 2 г. было переработано 2,2 милл. тонн свекловицы, в 1881 — 1882 г. 6,3 милл., в 1891 — 1892 г. 9,5 милл., в 1896 — 1897 г. 13,7 м.). Отдаленные части имения он мог бы даже продать или сдать мелким крестьянам, особенно если жены и дети крестьян нужны ему как поденщики на свекловичных плантациях. Положим, что он вводит паровой плуг, вытесняющий прежних плугарей (в саксонских свекловичных хозяйствах — «образцовых хозяйствах интенсивной культуры» **) — паровые плуги вошли теперь в общее употребление). Число наемных рабочих уменьшится. Число высших служащих (бухгалтеры, управляющие, техники и пр.) необходимо возрастет. Станет ли г. Булгаков отрицать, что мы видим здесь рост интенсивности и капитализма в крупном производстве? Станет ли он утверждать, что ничего подобного в Германии не происходит?

Чтобы закончить изложение VIII-ой главы книги Каутского о пролетаризации крестьян, необходимо привести следующее место: «Что нас интересует здесь, — говорит Каутский вслед за цитированным нами выше и приведенным у г. Булгакова местом, — это тот факт, что пролетаризация сельского населения идет вперед в Германии, как и в других местах, несмотря на то, что

---

*) Действительно, курьезно замечание г. Булгакова, что рост числа служащих свидетельствует, может быть, о росте сельско-хозяйственной промышленности, *но только не* (!) о растущей интенсивности крупного производства. Мы думали до сих пор, что одной из важнейших форм роста интенсивности является рост сельско-хозяйственных технических производств *(подробно описанный и оцененный Каутским в X главе).*

**) Kärger, цитир. у Каутского, S. 45.

тенденция к парцеллированию средних имений перестала действовать в Германии. С 1882 по 1895 г. число всех сельских хозяйств возросло на 281.000. Из этого числа громадное большинство падает на увеличение пролетарских хозяйств до 1 гектара. Эти хозяйства увеличились на 206.000.

«Как мы видим, движение сельского хозяйства — совсем особое, совершенно отличное от движения промышленного и торгового капитала. В предыдущей главе мы указали на то, что в сельском хозяйстве тенденция к централизации хозяйств не ведет к полному уничтожению мелкого производства. Когда эта тенденция заходит слишком далеко, она порождает противоположную тенденцию, так что тенденция к централизации и тенденция к парцелляции взаимно сменяют друг друга. Теперь мы видим, что обе тенденции могут действовать также рядом. Растет число сельских хозяйств, владельцы которых выступают на товарном рынке в качестве пролетариев, продавцов рабочей силы... У этих мелких сельских хозяев, как продавцов товара — рабочая сила, все существенные интересы общи с интересами промышленного пролетариата, а их землевладение не порождает у них антагонизма к этому последнему. Своя земля эманципирует более или менее парцелльного крестьянина от торговца съестными припасами, но она не эманципирует его от эксплуатации капиталистическим предпринимателем, все равно — промышленным или сельско-хозяйственным» (S. 174).

В следующей статье мы изложим остальную часть книги Каутского и дадим общую оценку ее, рассматривая попутно те возражения, которые делает г. Булгаков в своей дальнейшей статье.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

I.

В девятой главе своей книги («Растущие затруднения торгового земледелия») Каутский переходит к анализу *противоречий*, свойственных капиталистическому земледелию. Из тех возражений, которые делает г. Булгаков против этой главы и которые мы рассмотрим ниже, видно, что критик не вполне верно понял общее значение этих «затруднений». Есть такие «затруднения», которые, составляя «препятствие» полному развитию рационального сельского хозяйства, в то же время *дают толчок развитию* капиталистического земледелия. Напр., в числе «затруднений» Каутский указывает обезлюдение деревни. Несомненно, что выселение из деревни лучших и самых интеллигентных работников есть «препятствие» полному развитию рационального земледелия, но так же несомненно, что сельские хозяева борются с этим препятствием *развитием техники*, как-то введением машин.

Каутский исследует следующие «затруднения»: a) поземельную ренту, b) наследственное право, c) ограничения наследственного права, майораты (фидеикомиссы, Anerbenrecht) [63]), d) эксплуатацию деревни городом, e) обезлюдение деревни.

Поземельная рента есть та часть прибавочной стоимости, которая остается за вычетом средней прибыли на вложенный в хозяйство капитал. Монополия земельной собственности дает возможность землевладельцу присвоивать этот излишек, при чем цена земли (=капитализированная рента) *закрепляет* достигнутую однажды высоту ренты. Понятно, что рента «затрудняет» полную рационализацию земледелия: при арендной системе ослабляется импульс к усовершенствованиям и пр., при ипотечной системе бóльшую долю капитала приходится вкладывать не в производство, а в покупку земли. Г. Булгаков в своем возражении указывает, во-первых, на то, что в росте ипотечной задолженности нет «ничего страшного». Он забывает только, что Каутский не «в другом смысле», а именно в этом смысле указал уже на необходимость роста ипотек и при процветании сельского

хозяйства (см. выше, статья первая, II). В настоящее же время Каутский ставит вопрос вовсе не о том, «страшен» или нет рост гипотек, а о том, какие затруднения не позволяют капитализму вполне совершить его миссию. Во-вторых, «едва ли правильно — по мнению г. Булгакова — рассматривать рост ренты только как препятствие... Рост ренты, возможность ее повышения является самостоятельным стимулом для сельского хозяйства, побуждающим к техническому и всякому иному прогрессу» (процессу — видимо — опечатка). Стимулом прогресса капиталистического земледелия является рост населения, рост конкуренции, рост индустрии, рента же есть дань, взимаемая землевладением с общественного развития, с роста техники. Поэтому объявлять рост ренты «*самостоятельным* стимулом» прогресса неправильно. Теоретически вполне возможно совмещение капиталистического производства с отсутствием частной собственности на землю, с национализацией земли (Kautsky, S. 207), когда абсолютной ренты не было бы вовсе, а дифференциальная рента доставалась бы государству. Стимул к агрономическому прогрессу при этом не ослабел бы, а, напротив, в громадных размерах усилился.

«Ничего не может быть ошибочнее, — говорит Каутский, — как думать, что в интересах сельского хозяйства вздувать (in die Höhe treiben) цены на имения или искусственно держать их на высоком уровне. Это — в интересах настоящих (augenblicklichen) землевладельцев, в интересах гипотечных банков и спекулянтов имениями, но отнюдь не в интересах сельского хозяйства и уже всего менее в интересах его будущего, в интересах будущего поколения сельских хозяев» (199). А цена земли есть капитализированная рента.

Второе затруднение торгового земледелия состоит в том, что оно необходимо требует частной собственности на землю, а это ведет к тому, что при переходе по наследству земля либо дробится (и это парцеллирование земли ведет *местами* даже к техническому регрессу), либо отягчается гипотеками (когда наследник, получающий землю, выплачивает остальным сонаследникам денежный капитал, занимая его под залог земли). Г. Булгаков упрекает Каутского в том, что он будто бы «просматривает в своем изображении положительную сторону» мобилизации земли. Этот упрек безусловно неоснователен, ибо Каутский как исторической частью своей книги (в частности III-ей главой I-го отдела, трактующей о феодальном земледелии и причинах его смены капиталистическим), так и прикладной частью *) ясно

*) Каутский решительно высказался против всяких средневековых стеснений земельной мобилизации, против майоратов (фидеикомиссов и Anerbenrecht), против поддержки средневековой крестьянской общины (S. 332) и проч.

показал читателю положительную сторону и историческую необходимость частной собственности на землю, подчинения земледелия конкуренции, а, следовательно, и мобилизации земли. Что касается до другого упрека г-на Булгакова Каутскому, именно, что последний не исследует той проблемы, которая «состоит в различной степени роста населения в разных местах», то нам совершенно непонятен этот упрек. Неужели г. Булгаков ожидал встретить в книге Каутского этюды по популяционистике?

Не останавливаясь на вопросе о майоратах, который не представляет из себя (после изложенного выше) ничего нового, переходим к вопросу об эксплуатации деревни городом. Утверждение г-на Булгакова, будто у Каутского «отрицательным сторонам не противопоставлены положительные и прежде всего значение города, как рынка *для* сельского хозяйства», прямо противоречит действительности. Значение города, как рынка *для* сельского хозяйства, вполне определенно указано Каутским *на первой же странице* той главы, которая исследует «современное сельское хозяйство» (S. 30 u. ff.). Именно «городской индустрии» (S. 292) приписывает Каутский основную роль в преобразовании земледелия, в его рационализации и т. д. *).

Поэтому мы совершенно отказываемся понять, каким образом мог г. Булгаков повторять в своей статье (стр. 32 в № 3 «Начала») те же самые мысли *как бы против Каутского!* Это особенно наглядный пример того, как неверно излагает критикуемую книгу строгий критик. «Не надо забывать, — поучает Каутского г. Булгаков, — что «часть ценности» (отливающей в города) «возвращается в деревню». Всякий подумает, что Каутский забывает об этой азбучной истине. На самом же деле Каутский различает отлив ценностей (из деревень в города) без эквивалента и за эквивалент, различает гораздо яснее, чем это пытается сделать г. Булгаков. Сначала Каутский рассматривает «отлив товарных ценностей без эквивалента (Gegenleistung) из деревень в города» (S. 210) (рента, проживаемая в городах, налоги, проценты по займам в городских банках) и совершенно справедливо видит в этом экономическую эксплуатацию деревни городом. Затем Каутский ставит вопрос об отливе ценностей за эквивалент, т.-е. об обмене сельско-хозяйственных продуктов на индустриальные. «С точки зрения закона стоимости, — говорит Каутский, — этот отлив не означает эксплуатации сельского хозяйства **), но на деле он ведет, на-ряду с упомянутыми выше фак-

*) Ср. также S. 214, где Каутский говорит о роли городских капиталов в рационализировании земледелия.

**) Пусть читатель сопоставит с приведенным в тексте отчетливым заявлением Каутского следующее «критическое» замечание г. Булгакова: «Если Каутский считает эксплуатацией вообще отдачу хлеба его непосред-

тами, к агрономической (stofflichen) эксплуатации его, к обеднению земли питательными веществами» (S. 211).

Что касается до этой агрономической эксплуатации городом деревни, то Каутский разделяет и в этом отношении одно из основных положений теории Маркса и Энгельса, именно, что противоположность между городом и деревней разрушает необходимое соответствие и взаимозависимость между сельским хозяйством и промышленностью, и потому с превращением капитализма в высшую форму эта противоположность должна исчезнуть *). Г. Булгаков находит, что мнение Каутского об агрономической эксплуатации деревни городом «странно», что «во всяком случае Каутский вступил здесь на почву совершенной фантазии» (sic!!!). Нас удивляет то обстоятельство, что г. Булгаков игнорирует при этом тождество критикуемых им мнений Каутского с одной из основных идей Маркса и Энгельса. Читатель вправе подумать, что «совершенной фантазией» г. Булгаков считает идею об уничтожении противоположности между городом и деревней. Если таково действительно мнение критика, тогда мы решительно несогласны с ним и становимся на сторону «фантазии» (т.-е. на деле-то не фантазии, а более глубокой критики капитализма). Тот взгляд, что идея об уничтожении противоположности между городом и деревней есть фантазия, — очень не нов. Это — обычный взгляд буржуазных экономистов. Перенимали этот взгляд и некоторые писатели с более глубокими воззрениями. Напр., Дюринг находил, что антагонизм между городом и деревней «неизбежен по самой природе дела».

Далее, г. Булгаков «поражен» (!) тем, что Каутский указывает на учащающиеся эпидемии растений и животных, как на одну из трудностей торгового земледелия и капитализма. «При чем же здесь капитализм...?— вопрошает г. Булгаков. — Разве необходимость усовершенствовать породы скота могла бы отменить какая-нибудь высшая социальная организация?» Мы в свою очередь поражены тем, как это мог г. Булгаков не понять совершенно ясной мысли Каутского. Старые породы растений и животных, созданные естественным подбором, заменяются «облагороженными» породами, которые созданы искусственным подбором. Растения и животные становятся более нежными, более требовательными; эпидемии при современных путях сообщения распро-

---

ственными производителями неземледельческому населению» и т. д. Не верится, чтобы критик, сколько-нибудь внимательно ознакомившийся с книгой Каутского, мог написать это «если»!

*) Само собой разумеется, что это мнение о необходимости уничтожения противоположности между городом и деревней в обществе ассоциированных производителей нисколько не противоречит признанию *исторической* прогрессивной роли за отвлечением населения от земледелия к индустрии. Я имел случай говорить об этом в другом месте («Этюды», стр. 81, прим. 69) (см. стр. 86 наст. тома, первое примечание. *Ред.*).

страняются с поразительной быстротой, а между тем хозяйничанье остается индивидуальным, раздробленным, нередко мелким (крестьянское) и лишенным знания и средств. Для развития техники земледелия городской капитализм старается дать все средства современной науки, но социальное положение производителей он оставляет по-прежнему жалким; городской культуры он не переносит систематически и планомерно в деревню. Необходимости усовершенствовать породы скота не отменит никакая высшая социальная организация (подобного абсурда Каутский, разумеется, и не думал говорить), но современная капиталистическая социальная организация тем более страдает от отсутствия общественного контроля и от приниженного состояния крестьян и рабочих, чем более развивается техника, чем нежнее становятся породы скота и растений *).

Последнее «затруднение» торгового земледелия усматривает Каутский в «обезлюдении деревни», в поглощении городами лучших рабочих сил, наиболее энергичных и наиболее интеллигентных. Г. Булгаков находит, что в общей форме это положение «во всяком случае неверно», что «теперешнее развитие городского населения на счет сельского выражает вовсе не закон развития капиталистического земледелия», а перенесение земледельческого населения промышленных, экспортных стран за океан, в колонии. Я думаю, что г. Булгаков ошибается. Рост городского (общее: индустриального) населения *на счет* сельского есть не только теперешнее, а всеобщее явление, выражающее *именно закон* капитализма. Теоретическое обоснование этого закона состоит, как я указывал в другом месте **), во-первых, в том, что рост общественного разделения труда отрывает от первобытного земледелия все больше и больше отраслей промышленности ***), во-вторых, в том, что переменный капитал, требуемый для обработки данного участка земли, в общем и целом уменьшается (ср. «Das Kapital», III, 2, S. 177. Рус. пер., с. 526. Цитировано у меня

*) Поэтому в прикладной части книги Каутский рекомендует санитарную инспекцию за скотом и условиями его содержания (S. 397).

**) «Разв. кап. в России», гл. I, § 2 и гл. VIII, § 2.

***) Г. Булгаков говорит, указывая на это обстоятельство, что «земледельческое население может *относительно* (курс. его) уменьшаться и при процветающем состоянии земледелия». Не только «может», но и *необходимо должно* в капиталистическом обществе... «Относительное уменьшение (земледельческого населения) показывает здесь только (sic!) рост новых отраслей народного труда», — заключает г. Булгаков. Это «только» весьма странно. Новые отрасли промышленности и отвлекают от земледелия «самые энергичные и самые интеллигентные рабочие силы». Таким образом, достаточно уже этого простого соображения, чтобы признать *вполне верным* общее положение Каутского: для верности этого общего положения (капитализм отнимает у земледелия самые энергичные и самые интеллигентные рабочие силы) вполне достаточно *относительное* уменьшение сельского населения.

в «Разв. капит.», стр. 4 и 444) *). Выше мы уже заметили, что в отдельных случаях и отдельные периоды наблюдается увеличение переменного капитала, требуемого для обработки данного участка земли, но это не колеблет правильности общего закона. Что относительное уменьшение земледельческого населения превращается в абсолютное уменьшение не во всех частных случаях, что размер этого абсолютного уменьшения зависит и от роста капиталистических колоний, этого, конечно, не подумал бы отрицать Каутский. В соответствующих местах своей книги Каутский с полной ясностью указал на этот рост капиталистических колоний, наводняющих Европу дешевым хлебом. («То самое бегство сельского населения (Landflucht), которое ведет к обезлюдению европейских деревень, приводит постоянно не только в города, но и в колонии новые толпы сильных сельских жителей»... S. 242.) Отнятие промышленностью у земледелия самых сильных, энергичных и интеллигентных рабочих есть всеобщее явление не только промышленных, но и земледельческих стран, не только Западной Европы, но и Америки, и России. Противоречие между культурой городов и варварством деревни, порожденное капитализмом, неизбежно ведет к этому. Г. Булгаков находит «очевидным» то «соображение», «что уменьшение земледельческого населения при общем росте населения немыслимо без сильного хлебного импорта». По моему мнению, это соображение не только не очевидно, а прямо неверно. Вполне мыслимо уменьшение земледельческого населения при общем росте населения (растут города) и без ввоза хлеба (увеличивается производительность земледельческого труда, дающая возможность меньшему числу рабочих производить прежнее или даже большее количество продукта). Мыслимо также и общее увеличение населения при уменьшении земледельческого населения и при уменьшении (или непропорциональном увеличении) количества земледельческих продуктов, — «мыслимо», вследствие ухудшения народного питания капитализмом.

Г. Булгаков утверждает, что факт роста средних крестьянских хозяйств в Германии с 1882 по 1895 г., — факт, устанавливаемый Каутским и приводимый им в связь с тем, что эти хозяйства наименее страдают от недостатка рабочих, — «способен поколебать всю конструкцию» Каутского. Посмотрим поближе на утверждения Каутского.

По данным сельско-хозяйственной статистики всего более возросла с 1882 по 1895 г. площадь хозяйств в 5 — 20 гектаров. В 1882 г. эта площадь занимала 28,8% всей площади, в 1895 г. — 29,9%. Это увеличение средне-крестьянских хозяйств сопровождалось уменьшением площади крупно-крестьянских хозяйств (20 —

---

*) См. стр. 18 и 437—438 III тома Сочинений. *Ред.*

100 гект.; 1882: 31,1%, 1895: 30,3%). «Эти цифры, — говорит Каутский, — радуют сердца всех добрых граждан, видящих в крестьянстве самую прочную опору существующего строя. Итак, оно не движется, это сельское хозяйство, — восклицают они восторженно, — к нему не применима Марксова догма». Рост средне-крестьянских хозяйств истолковывается, как начало нового процветания крестьянства.

«Но корни этого процветания лежат в болоте», — отвечает Каутский этим добрым гражданам. «Процветание проистекает не из *благосостояния* крестьянства, а из *угнетения* всего сельского хозяйства» (230). Каутский сейчас только перед этим сказал, что, «несмотря на весь технический прогресс, *местами* (курсив Каутского) наступил, — в этом нельзя сомневаться, — упадок сельского хозяйства» (228). Этот упадок ведет, например, к возрождению феодализма, — к попыткам привязать рабочих к земле и возложить на них известные повинности. Что же удивительного, если на почве этого «угнетения» оживают отсталые формы хозяйства? Если крестьянство, отличающееся вообще от работников крупного производства более низким уровнем потребностей, бóльшим умением голодать и надрываться над работой, дольше держится при кризисе? *). «Аграрный кризис простирается на все производящие товары классы сельского хозяйства; он не останавливается перед средними крестьянами» (S. 231).

Казалось бы, все эти положения Каутского так ясны, что нельзя не понять их. И тем не менее критик, очевидно, не понял их. Г. Булгаков не сообщает своего мнения: так или иначе он объясняет этот рост средне-крестьянских хозяйств, но Каутскому он приписывает то мнение, будто «развитие капиталистического способа производства ведет к гибели земледелия».

---

*) «Мелкие земледельцы, — говорит Каутский в другом месте, — дольше держатся в безнадежной позиции. Можно с полным правом усомниться в том, чтобы это было преимуществом мелкого производства» (S. 134).

Укажем, кстати, на вполне подтверждающие взгляд Каутского данные Кенига, детально описавшего в своей книге («Die Lage der englischen Landwirtschaft etc.», Jena 1896, von Dr. F. Koenig) (Д-р *Ф. Кениг.* «Положение английского сельского хозяйства и т. д.». Иена 1896. *Ред.*) положение английского сельского хозяйства в нескольких наиболее типичных графствах. Указаний на чрезмерную работу и недостаточное потребление мелких земледельцев по сравнению с наемными рабочими мы встречаем здесь *массу*, тогда как обратных указаний не встречается. Доходность мелких хозяйств, — читаем мы, например, — создается «громадным (ungeheuer) прилежанием и бережливостью» (88); постройки у мелких земледельцев хуже (107); мелкие землевладельцы (yeoman farmer) находятся в худших условиях, чем арендаторы (149); положение мелких землевладельцев очень жалкое (в Линкольншире); их жилища хуже, чем жилища рабочих на крупных фермах, а некоторые и совсем плохи. Они работают тяжеле и дольше, чем обыкновенные рабочие, но зарабатывают меньше. Они живут хуже и едят меньше мяса... сыновья и дочери их работают без платы и оде-

И г. Булгаков разражается: «Утверждение Каутского о разрушении сельского хозяйства неверно, произвольно, недоказано, противоречит самым основным фактам действительности» и пр. и пр.

Мы заметим на это, что г. Булгаков *совершенно неверно передает мысли Каутского*. Каутский отнюдь не утверждает, что развитие капитализма ведет к гибели сельского хозяйства, а утверждает обратное. Выводить из слов Каутского об угнетении (=кризисе) сельского хозяйства, о наступающем *местами* (nota bene) *) техническом регрессе, что Каутский говорит о «разрушении», «гибели» сельского хозяйства, можно только при самом невнимательном отношении к сочинению Каутского. В главе X, специально посвященной вопросу о заморской конкуренции (т.-е. об основном условии аграрного кризиса), Каутский говорит: «Грядущий кризис, разумеется (natürlich), вовсе не обязательно должен (braucht nicht) разрушить пораженную им индустрию. Он делает это лишь в самых редких случаях. По общему правилу, кризис ведет лишь к преобразованию существующих отношений собственности в смысле капитализма» (273—4). Это замечание, сказанное по поводу кризиса сельскохозяйственных технических производств, ясно показывает общий взгляд Каутского на значение кризиса. В той же главе Каутский повторяет этот взгляд и по отношению ко всему сельскому хозяйству: «Изложенное выше нисколько еще не дает права говорить о гибели сельского хозяйства (Man braucht deswegen noch lange nicht von einem Untergang der Landwirtschaft zu sprechen). Но его консервативный характер исчез безвозвратно там, где прочной ногой встал современный способ производства. Удерживание старой рутины (Das Verharren beim Alten) угрожает сельскому хозяину верной гибелью; он должен беспрерывно следить за развитием техники, беспрерывно должен приспособлять

ваются плохо» (157). «Мелкие фермеры работают как рабы, летом часто с 3 ч. утра до 9 ч. вечера» (сообщение Chamber of Agriculture (земледельческой палаты. *Ред.*) в Бостоне, S. 158). «Без сомнения, — говорит один крупный фермер, — маленький человек (der kleine Mann), имеющий мало капитала и всю работу исполняющий руками членов семьи, легче всего может сократить домашние расходы, тогда как крупный фермер должен кормить своих батраков так же хорошо и в хорошие и в дурные годы» (218). Мелкие фермеры (в Айршире) «необычайно (ungeheuer) прилежны; их жены и дети работают не меньше, часто больше, чем поденщики; говорят, что двое из них в один день сработают столько, сколько три наемных работника» (231). Жизнь мелкого арендатора, который должен работать своей семьей, — чистая жизнь раба» (253). «В общем и целом... мелкие фермеры лучше перенесли, повидимому, кризис, чем крупные, но это не говорит о большей доходности мелких ферм. Причина, по нашему мнению, та, что мелкий хозяин (der kleine Mann) получает даровую помощь своей семьи... Обыкновенно... вся семья мелкого фермера работает в его хозяйстве... Дети получают содержание и лишь редко определенную поденную плату» (277—278) и т. д., и т. д.

*) — заметь хорошенько. *Ред.*

свое производство к новым условиям... И в деревне экономическая жизнь, которая до сих пор с суровым однообразием двигалась в вечно неизменной колее, попала в состояние постоянного революционизирования, состояние, характерное для капиталистического способа производства» (289).

Г. Булгаков «не понимает», каким образом совмещаются тенденции к развитию производительных сил земледелия и тенденции к усилению затруднений торгового земледелия. Чего же тут непонятного?? Капитализм и в земледелии, и в промышленности дает гигантский толчок развитию производительных сил, но именно это развитие чем дальше, тем сильнее обостряет противоречия капитализма, ставит ему новые «затруднения». Каутский развивает одну из основных идей Маркса, который категорически подчеркивал прогрессивную историческую роль земледельческого капитализма (рационализирование земледелия, отделение земли от сельского хозяина, освобождение сельского населения от отношений господства и рабства и т. д.), указывая в то же время не менее категорически на обнищание и угнетение непосредственных производителей, на несовместимость капитализма с требованиями рационального земледелия. В высшей степени странно, что г. Булгаков, признающий, что его «общее социально-философское миросозерцание то же, что и у Каутского» *), не замечает того, что Каутский развивает здесь основную мысль Маркса. Читатели «Начала» неизбежно должны остаться в недоумении относительно того, как относится г. Булгаков к этим основным идеям, как может он, при тождестве общего миросозерцания, говорить: «De principiis non est disputandum»!!? **) Мы позволяем себе не поверить этому заявлению г-на Булгакова; мы считаем спор между ним и другими марксистами возможным именно вследствие общности этих «principia». Говоря, что капитализм рационализирует земледелие, что технику для земледелия дает индустрия и пр., г. Булгаков лишь повторяет один из таких «principia». Напрасно только говорит он при этом «совсем напротив». Читатели могут подумать, что Каутский держится иного мнения, тогда как Каутский с полной решительностью и определенностью развивает в своей книге именно эти основные идеи Маркса. «Именно индустрия, — говорит Каутский, — создала технические и научные условия нового, рационального земледелия, именно она революционизировала земледелие посредством машин и искусственных удобрений, посредством микроскопа и химической лаборатории, породив таким образом техническое превосходство крупного капиталистического производства над

*) Относительно философского миросозерцания мы не знаем, верны ли эти слова г. Булгакова. Каутский, кажется, не сторонник критической философии, как г. Булгаков.

**) — об основных положениях не спорят. *Ред.*

мелким крестьянским производством» (S. 292). Каутский не впадает таким образом в то противоречие, которое мы встречаем у г. Булгакова: с одной стороны, г. Булгаков признает, что «капитализм» (т.-е. производство посредством наемного труда, т.-е. не крестьянское, а крупное производство?) «рационализирует земледелие», а, с другой стороны, «носителем этого технического прогресса вовсе не является здесь крупное производство»!

II.

Десятая глава книги Каутского посвящена вопросу о заморской конкуренции и об индустриализации сельского хозяйства. Г. Булгаков крайне пренебрежительно отзывается об этой главе: «Ничего особенно нового или оригинального, более или менее известные основные факты» и пр., оставляя в тени основной вопрос о понимании аграрного кризиса, его сущности и значения. А между тем этот вопрос имеет громадную теоретическую важность.

Из того общего понимания земледельческой эволюции, которое дал Маркс и подробно развил Каутский, вытекает неизбежно и понимание аграрного кризиса. Суть аграрного кризиса Каутский видит в том, что сельское хозяйство Европы потеряло, вследствие конкуренции стран, производящих хлеб крайне дешево, возможность сваливать на массу потребителей те тяжести, которые частная собственность на землю и капиталистическое товарное производство возлагают на сельское хозяйство. Отныне сельское хозяйство Европы «*само должно нести их* (эти тяжести), *и в этом состоит современный аграрный кризис*» (S. 239, курсив Каутского). Главная из этих тяжестей — поземельная рента. В Европе она взвинчена предшествующим историческим развитием до громадных пределов (и дифференциальная и *абсолютная* рента) и закреплена в ценах на землю *). В колониях (Америке, Аргентине и пр.), поскольку они остаются колониями, мы видим, наоборот, *свободные* земли, занимаемые новыми поселенцами либо совсем даром, либо за ничтожную цену, и притом земли, девственное плодородие которых низводит издержки производства до minimum'а. Вполне естественно, что до сих пор капиталистическое земледелие Европы сваливало на потребителей непомерно вздутую ренту (в виде высоких хлебных цен), теперь же тяжесть этой ренты падает на самих сельских хозяев и земле-

*) См. об этом процессе вздувания ренты и закрепления ее меткие замечания *Парвуса:* «Мировой рынок и сельско-хозяйственный кризис». Парвус солидарен с Каутским в основных взглядах на кризис и на аграрный вопрос вообще.

владельцев, разоряя их *). Таким образом, аграрный кризис нарушил и продолжает нарушать прежнее благополучие капиталистического землевладения и капиталистического сельского хозяйства. Капиталистическое землевладение до сих пор брало все бо́льшую и бо́льшую дань с общественного развития и закрепляло высоту этой дани в земельных ценах. Теперь ему приходится поступаться этой данью **). Капиталистическое сельское хозяйство брошено теперь в то же состояние неустойчивости, которое свойственно капиталистической промышленности, и вынуждено приспособляться к новым условиям рынка. Аграрный кризис, как и всякий кризис, разоряет массы хозяев, производит крупную ломку установившихся отношений собственности, *местами* ведет к техническому регрессу, к оживанию средневековых отношений и форм хозяйства, но в общем и целом он *ускоряет* общественную эволюцию, вытесняет патриархальный застой из его последних прибежищ, вынуждает дальнейшую специализацию земледелия (один из основных факторов сельско-хозяйственного прогресса в капиталистическом обществе), дальнейшее применение машин и т. д. В общем и целом, — это показал Каутский в IV главе своей книги по данным о нескольких странах, — *даже* в Западной Европе мы не видим застоя земледелия в 1880 — 90-ые годы, а видим технический прогресс. Мы говорим — *даже* в Западной Европе — потому, что в Америке, напр., этот прогресс еще яснее.

Одним словом, нет основания видеть в аграрном кризисе явление, задерживающее капитализм и капиталистическое развитие [64]).

---

*) *Парвус*, и. с., с. 141. Цит. в «Начале», № 3, с. 117, рецензия на книгу Парвуса (см. стр. 378 наст. тома. *Ред.*). Добавим, что и другие «затруднения» торгового земледелия, тяготеющие на Европе, обременяют колонии в несравненно менее сильной степени.

**) Абсолютная рента есть результат монополии. «К счастью, повышение абсолютной ренты имеет свои пределы... До недавнего времени она неуклонно возрастала в Европе так же, как и дифференциальная рента. Но заморская конкуренция в высокой степени подорвала эту монополию. Мы не имеем никаких оснований думать, что от заморской конкуренции пострадала в Европе дифференциальная рента, за исключением некоторых округов Англии... Но абсолютная рента понизилась, и это принесло пользу (zu gute gekommen) прежде всего рабочим классам» (S. 80. Ср. также S. 328).

ПРОТЕСТ РОССИЙСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ

Написано в конце августа — начале сентября 1899 г. [65]

Напечатано впервые за границей в декабре 1899 г. в виде оттиска из № 4—5 «Рабочего Дела»

Печатается по тексту «Рабочего Дела» [65]

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Оттискъ изъ № 4-5 „Рабочаго Дѣла".

ПРОТЕСТЪ

РОССІЙСКИХЪ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТОВЪ

СЪ ПОСЛѢСЛОВІЕМЪ ОТЪ РЕДАКЦІИ „РАБОЧАГО ДѢЛА"

Собраніе соціальдемократовъ одной мѣстности (Россіи), въ числѣ семнадцати человѣкъ, приняло ЕДИНОГЛАСНО слѣдующую резолюцію и постановило опубликовать ее и передать на обсужденіе всѣмъ товарищамъ.

Въ послѣднее время среди русскихъ соціальдемократовъ замѣчаются отступленія отъ тѣхъ основныхъ принциповъ русской соціальдемократіи, которые были провозглашены какъ основателями и передовыми борцами—членами Группы „Освобожденія Труда",— такъ и соціальдемократическими изданіями русскихъ рабочихъ организацій 90-хъ годовъ. Ниже приводимое „credo", долженствующее выражать основные взгляды нѣкоторыхъ („молодыхъ") русскихъ соціальдемократовъ, представляетъ изъ себя попытку систематическаго и опредѣленнаго изложенія „новыхъ воззрѣній". — Вотъ это „credo" въ полномъ видѣ.

„Существованіе цехового и мануфактурнаго періода на Западѣ наложило рѣзкій слѣдъ на всю послѣдующую исторію, въ особенности на исторію соціальдемократіи. Необходимость для буржуазіи завоевать свободныя формы, стремленіе освободиться отъ сковывающихъ производство цеховыхъ регламентацій, сдѣлали ее, буржуазію, революціоннымъ элементомъ; она повсюду на Западѣ начинаетъ съ liberté. fraternité. égalité (свобода, братство и равенство),

Первая страница оттиска из № 4—5 «Рабочего Дела» с «Протестом российских социал-демократов» — 1899 г.

СОБРАНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ ОДНОЙ МЕСТНОСТИ (РОССИИ), В ЧИСЛЕ СЕМНАДЦАТИ ЧЕЛОВЕК, ПРИНЯЛО ЕДИНОГЛАСНО СЛЕДУЮЩУЮ РЕЗОЛЮЦИЮ И ПОСТАНОВИЛО ОПУБЛИКОВАТЬ ЕЕ И ПЕРЕДАТЬ НА ОБСУЖДЕНИЕ ВСЕМ ТОВАРИЩАМ [66]).

В последнее время среди русских социал-демократов замечаются отступления от тех основных принципов русской социал-демократии, которые были провозглашены как основателями и передовыми борцами — членами Группы «Освобождение Труда»,— так и социал-демократическими изданиями русских рабочих организаций 90-х годов. Ниже приводимое «credo» *), долженствующее выражать основные взгляды некоторых («молодых») русских социал-демократов, представляет из себя попытку систематического и определенного изложения «новых воззрений» [67]). — Вот это «credo» в полном виде.

«Существование цехового и мануфактурного периода на Западе наложило резкий след на всю последующую историю, в особенности на историю социал-демократии. Необходимость для буржуазии завоевать свободные формы, стремление освободиться от сковывающих производство цеховых регламентаций, сделали ее, буржуазию, революционным элементом; она повсюду на Западе начинает с liberté, fraternité, égalité (свобода, братство и равенство), с завоевания свободных политических форм. Но этим завоеванием она, по выражению Бисмарка, выдавала вексель на будущее своему антиподу — рабочему классу. Почти повсюду на Западе рабочий класс, как класс, не завоевал демократических учреждений, — он ими пользовался. Нам могут возразить, что он участвовал в революциях. Исторические справки опровергнут это мнение, так как именно в 1848 г., когда произошло на Западе упрочение конституции, рабочий класс представлял из себя ремесленно-городской элемент, мещанскую демократию; фабричный же пролетариат почти не существовал, а пролетариат крупного производства (ткачи Германии — Гауптман, ткачи Лиона) представлял из себя дикую массу, способную лишь к бунтам, но отнюдь не к выставлению каких-либо политических требований. Можно прямо сказать, что конституции 1848 г. были завоеваны буржуазией и мелким мещанством, артизанами. С другой стороны, рабочий класс (артизаны и рабочие мануфактур, типографщики, ткачи, часовых дел мастера и пр.) с средних веков еще привык участвовать в организациях, в кассах взаимопомощи, религиозных обществах и проч. Этот организационный дух до сих пор еще живет у обученных рабочих Запада и резко отличает их от фабричного пролетариата, плохо и медленно

*) — исповедание веры. *Ред.*

поддающегося организации и способного лишь к так называемым lose-organisation (временным организациям), а не к прочным организациям с уставами и регламентами. Эти же мануфактурно-обученные рабочие составили ядро социал-демократических партий. Таким образом, получилась следующая картина: сравнительная легкость и полная возможность политической борьбы, с одной стороны, с другой — возможность планомерной организации этой борьбы с помощью воспитанных мануфактурным периодом рабочих. На этой почве вырос на Западе теоретический и практический марксизм. Исходной точкой явилась парламентарная политическая борьба с перспективой — только по внешности сходной с бланкизмом, по происхождению совершенно другого характера, — с перспективой захвата власти, с одной стороны, Zusammenbruch'а (катастрофы) — с другой. Марксизм явился теоретическим выражением господствующей практики: политической борьбы, превалирующей над экономической. И в Бельгии, и во Франции, особенно в Германии рабочие с невероятной легкостью организовали политическую борьбу и с страшным трудом, с огромным трением — экономическую. И до сих пор экономические организации по сравнению с политическими (не касаюсь Англии) страдают необычайной слабостью и неустойчивостью и повсюду laissent à désirer quelque chose (оставляют кое-чего желать). Пока энергия в политической борьбе не была вся исчерпана — Zusammenbruch являлся необходимым организующим Schlagwort'ом (ходячей фразой), которому суждено было сыграть огромную историческую роль. Основной закон, который можно вывести при изучении рабочего движения — линия наименьшего сопротивления. На Западе такой линией являлась политическая деятельность, и марксизм, в том виде, в каком он был формулирован в «Коммунистическом Манифесте», явился как нельзя более удачной формой, в которой должно было вылиться движение. Но когда в политической деятельности была исчерпана вся энергия, когда политическое движение дошло до такой напряженности, дальше которой вести его было трудно и почти невозможно (медленный рост голосов за последнее время, апатия публики на собраниях, унылый тон литературы), с другой стороны, бессилие парламентской деятельности и выступление на арену черной массы, неорганизованного и почти не поддающегося организации фабричного пролетариата, создали на Западе то, что носит теперь название бернштейниады [68]), кризиса марксизма. Более логического хода вещей, чем период развития рабочего движения от «Коммунистического Манифеста» до бернштейниады, трудно себе представить, и внимательное изучение всего этого процесса может с точностью астронома определить исход этого «кризиса». Речь идет здесь, конечно, не о поражении или победе бернштейниады — это мало интересно; речь идет о коренном изменении практической деятельности, которое уже давно понемногу совершается в недрах партии.

Изменение это произойдет не только в сторону более энергичного ведения экономической борьбы, упрочения экономических организаций, но также, и это самое существенное, в сторону изменения отношения партии к остальным оппозиционным партиям. Марксизм нетерпимый, марксизм отрицающий, марксизм примитивный (пользующийся слишком схематичным представлением классового деления общества) уступит место марксизму демократическому, и общественное положение партии в недрах современного общества должно резко измениться. Партия *признает* общество; ее узко-корпоративные, в большинстве случаев сектантские задачи расширятся до задач общественных и ее стремление к захвату власти преобразуется в стремление к изменению, к реформированию современного общества в демократическом направлении, приспособленно к современному положению вещей, с целью наиболее удачной, наиболее полной защиты прав (всяческих) трудящихся классов. Содержание понятия «политика» расширится до истинно общественного значения, и практические требования минуты

получат больше веса, могут рассчитывать на большее внимание, чем это было до сих пор.

Нетрудно из этого краткого описания хода развития рабочего движения на Западе сделать вывод для России. Линия наименьшего сопротивления у нас никогда не будет направлена в сторону политической деятельности. Невозможный политический гнет заставит много говорить о нем и именно на этом вопросе сосредоточивать внимание, но никогда не заставит он практически действовать. Если на Западе слабые силы рабочих, будучи вовлечены в политическую деятельность, окрепли на ней и сформировались, у нас — слабые силы эти, наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только не имеют практических путей для борьбы с ним, а, следовательно, и для своего развития, но даже систематически душатся им и не могут пускать даже слабых ростков. Если прибавить к этому, что рабочий класс наш не получил в наследие того организационного духа, каким отличались борцы Запада, — то картина получится удручающая и способная повергнуть в уныние самого оптимистического марксиста, верящего в то, что лишняя фабричная труба, уже одним фактом своего существования, несет великое благополучие. Трудна, бесконечно трудна и экономическая борьба, но она возможна, она, наконец, практикуется самими массами. Приучаясь в этой борьбе к организации и поминутно наталкиваясь в ней на политический режим, русский рабочий создаст, наконец, то, что можно назвать формой рабочего движения, создаст ту или те организации, которые наиболее подходят к условиям русской действительности. В настоящее время можно с уверенностью сказать, что русское рабочее движение находится еще в амебовидном состоянии и никакой формы не создало. Стачечное движение, существуя при всякой форме организации, не может еще быть названо кристаллизованной формой русского движения, а нелегальные организации уже с чисто количественной точки зрения не заслуживают внимания (не говоря о их полезности при настоящих условиях).

Вот положение. Если прибавить сюда еще голодухи и процесс разорения деревни, способствующие Streikbrecher'ству *), и, следовательно, еще бо́льшую трудность подъема рабочих масс на более сносный культурный уровень, то... что же тут делать русскому марксисту?! Разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву. Русский марксист — пока печальное зрелище. Его практические задачи в настоящем мизерны, его теоретические познания, поскольку он пользуется ими *не как орудием исследования*, а как схемой деятельности, не имеют цены для выполнения даже этих мизерных практических задач. Кроме того, эти схемы, взятые с чужого плеча, в смысле практики являются вредными. Забыв, что на Западе рабочий класс выступил уже на расчищенное политическое поле деятельности, наши марксисты, более чем это нужно, относятся с презрением к радикально или либерально-оппозиционной деятельности всех других не-рабочих слоев общества. Малейшие попытки сосредоточить внимание на общественных проявлениях либерально-политического свойства вызывают протест ортодоксальных марксистов, забывающих, что целый ряд исторических условий мешает нам быть марксистами Запада, и требует от нас иного марксизма, уместного и нужного в русских условиях. Отсутствие у каждого русского гражданина политического чувства и чутья не может, очевидно, быть искуплено разговорами о политике, или воззваниями к несуществующей силе. Это политическое чутье может быть дано лишь воспитанием, т.-е. участием в той жизни (как бы она ни была немарксистична), которую предлагает русская действительность. Насколько «отрицание» было уместно (временно) на Западе,

*) — штрейкбрехерству, стачколомству. *Ред.*

настолько у нас оно вредно, потому что отрицание, исходящее из чего-то организованного и имеющего фактическую силу — одно, а отрицание, исходящее из бесформенной массы разбросанных личностей, — другое.

Для русского марксиста исход один: участие, т.-е. помощь экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности. Как «отрицатель», русский марксист пришел очень рано, а это отрицание ослабило в нем ту долю энергии, которая должна направляться в сторону политического радикализма. Пока все это не страшно, но если классовая схема помешает деятельному участию русского интеллигента в жизни и отодвинет его слишком далеко от оппозиционных кругов, — это будет существенный ущерб для всех, кто вынужден бороться за правовые формы не об руку с рабочим классом, еще не выдвинувшим политических задач. Политическая невинность русского марксиста-интеллигента, скрытая за головными рассуждениями на политические темы, может сыграть с ним скверную штуку».

Мы не знаем, много ли найдется русских социал-демократов, разделяющих эти воззрения. Но несомненно, что вообще идеи этого рода имеют сторонников, и потому мы считаем себя обязанными категорически протестовать против подобных воззрений и предостеречь всех товарищей от грозящего совращения русской социал-демократии с намеченного уже ею пути, именно: образования самостоятельной политической рабочей партии, неотделимой от классовой борьбы пролетариата и ставящей своей ближайшей задачей завоевание политической свободы.

Выше приведенное «credo» представляет из себя, во-первых, «краткое описание хода развития рабочего движения на Западе» и, во-вторых, «выводы для России».

Совершенно неверны прежде всего представления авторов «credo» о прошлом западно-европейского рабочего движения. Неверно, что рабочий класс на Западе не участвовал в борьбе за политическую свободу и в политических революциях. История чартизма, революция 48 г. во Франции, Германии, Австрии доказывают обратное. Совершенно неверно, что «марксизм явился теоретическим выражением господствующей практики: политической борьбы, превалирующей над экономической». Напротив, «марксизм» появился тогда, когда господствовал социализм неполитический (оуэнизм, «фурьеризм», «истинный социализм»), и «Коммунистический Манифест» сразу выступил против неполитического социализма. Даже тогда, когда марксизм выступил во всеоружии теории («Капитал») и организовал знаменитое Международное Общество Рабочих, политическая борьба отнюдь не была господствующей практикой (узкий трэд-юнионизм в Англии, анархизм и прудонизм в романских странах). В Германии великая историческая заслуга Лассаля состояла в том, что он превратил рабочий класс из хвоста либеральной буржуазии в самостоятельную политическую партию. Марксизм связал в одно неразрывное целое экономическую и политическую борьбу рабочего класса, и стремление авторов «credo» отделить эти формы борьбы при-

надлежит к самым неудачным и печальным отступлениям их от марксизма.

Далее, совершенно неверны также представления авторов «credo» о современном положении западно-европейского рабочего движения и той теории марксизма, под знаменем которого идет это движение. Говорить о «кризисе марксизма» значит повторять бессмысленные фразы буржуазных писак, усиливающихся раздуть всякий спор между социалистами и превратить его в раскол социалистических партий. Пресловутая Бернштейниада — в том смысле, в каком ее обыкновенно понимает широкая публика вообще и авторы «credo» в частности, — означает попытку сузить теорию марксизма, попытку превратить революционную рабочую партию в реформаторскую, и эта попытка, как и следовало ожидать, встретила решительное осуждение со стороны большинства германских социал-демократов. Оппортунистические течения не раз обнаруживались в германской социал-демократии и всякий раз были отвергаемы партией, которая верно хранит заветы революционной международной социал-демократии. Мы уверены, что всякие попытки перенести оппортунистические воззрения в Россию встретят столь же решительный отпор со стороны громадного большинства русских социал-демократов.

Точно также не может быть и речи ни о каком «коренном изменении практической деятельности» западно-европейских рабочих партий, вопреки авторам «credo»: громадное значение экономической борьбы пролетариата и необходимость такой борьбы были признаны марксизмом с самого начала, и еще в сороковых годах Маркс и Энгельс полемизировали против утопических социалистов, отрицавших значение такой борьбы.

Когда, около 20-ти лет спустя, образовалось Международное Общество Рабочих, вопрос о значении профессиональных рабочих союзов и экономической борьбы был поднят на первом же конгрессе в Женеве в 1866 году. Резолюция этого конгресса точно указала значение экономической борьбы, предостерегая социалистов и рабочих, с одной стороны, от преувеличения ее значения (заметного у английских рабочих в то время), с другой стороны, от недостаточной оценки ее значения (что замечалось у французов и у немцев, особенно у лассальянцев). Резолюция признала профессиональные рабочие союзы не только закономерным, но и необходимым явлением при существовании капитализма; — признала их крайне важными для организации рабочего класса в его ежедневной борьбе с капиталом и для уничтожения наемного труда. Резолюция признала, что профессиональные рабочие союзы не должны обращать исключительного внимания на «непосредственную борьбу против капитала», не должны сторониться от общего политического и социального движения рабочего класса; их цели не должны быть «узкими», а должны стремиться к все

общему освобождению угнетенных миллионов рабочего люда. С тех пор среди рабочих партий разных стран не раз поднимался и не раз будет, конечно, подниматься вопрос о том, не следует ли в данный момент обратить несколько больше или меньше внимания на экономическую или политическую борьбу пролетариата; но общий или принципиальный вопрос и сейчас стоит так, как он поставлен марксизмом. Убеждение в том, что единая классовая борьба необходимо должна соединять политическую и экономическую борьбу, перешло в плоть и кровь международной социал-демократии. Исторический опыт неопровержимо свидетельствует далее, что отсутствие свободы или стеснение политических прав пролетариата всегда ведет к необходимости выдвинуть политическую борьбу на первый план.

Еще менее может быть речи о сколько-нибудь существенном изменении в отношении рабочей партии к остальным оппозиционным партиям. И в этом отношении марксизм указал верную позицию, одинаково далекую от преувеличения значения политики и от заговорщичества (бланкизма и проч.), и от пренебрежения политикой или сужения ее до оппортунистского, реформаторского социального штопанья (анархизм, утопический и мелкобуржуазный социализм, государственный социализм, профессорский социализм и проч.). Пролетариат должен стремиться к основанию самостоятельных политических рабочих партий, главной целью которых должен быть захват политической власти пролетариатом для организации социалистического общества. На другие классы и партии пролетариат отнюдь не должен смотреть, как на «одну реакционную массу» [69]): напротив, он должен участвовать во всей политической и общественной жизни, поддерживать прогрессивные классы и партии против реакционных, поддерживать всякое революционное движение против существующего строя, являться защитником всякой угнетенной народности или расы, всякого преследуемого вероучения, бесправного пола и т. д. Рассуждения на эту тему авторов «credo» свидетельствуют лишь о стремлении затушевать классовой характер борьбы пролетариата, обессилить эту борьбу каким-то бессмысленным «признанием общества», сузить революционный марксизм до дюжинного реформаторского течения. Мы убеждены, что громадное большинство русских социал-демократов безусловно отвергнет подобное искажение основных принципов социал-демократии. Неверные посылки относительно западно-европейского рабочего движения приводят авторов «credo» к еще более неверным «выводам для России».

Утверждение, что русский рабочий класс «еще не выдвинул политических задач», свидетельствует лишь о незнакомстве с русским революционным движением. Еще «Северно-Русский Рабочий Союз» [70]), основанный в 1878 г., и «Южно-Русский Рабочий

Союз»[71]), основанный в 1879 г., выставили в своей програме требование политической свободы. После реакции 80-тых годов рабочий класс неоднократно выдвигал то же требование в 90-х годах. Утверждение, что «разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву», свидетельствует лишь о полном непонимании исторической роли русского рабочего класса и насущнейших задач русской социал-демократии. Собственная программа авторов «credo» клонится, очевидно, к тому, чтобы рабочий класс, идя «по линии наименьшего сопротивления», ограничивался экономической борьбой, а «либерально-оппозиционные элементы» боролись при «участии» марксистов за «правовые формы». Осуществление подобной программы было бы равносильно политическому самоубийству русской социал-демократии, равносильно громадной задержке и принижению русского рабочего движения и русского революционного движения (два последние понятия для нас совпадают). Одна уже возможность появления подобной программы показывает, насколько основательны были опасения одного из передовых борцов русской социал-демократии, П. Б. Аксельрода, когда он писал, в конце 1897 г., о возможности такой перспективы:

«Рабочее движение не выходит из тесного русла чисто экономических столкновений рабочих с предпринимателями и само по себе, в целом, лишено политического характера, в борьбе же за политическую свободу передовые слои пролетариата идут за революционными кружками и фракциями из так называемой интеллигенции» (Аксельрод. «К вопросу о соврем. задачах и тактике русских социал-демократов». Женева. 98 г., стр. 19).

Русские социал-демократы должны объявить решительную войну всему кругу идей, нашедших себе выражение в «credo», так как эти идеи прямо ведут к осуществлению такой перспективы. Русские социал-демократы должны приложить все усилия к тому, чтобы осуществилась другая перспектива, излагаемая П. Б. Аксельродом в таких словах:

«Другая перспектива: социал-демократия организует русский пролетариат в самостоятельную политическую партию, борющуюся за свободу *частью рядом и в союзе* с буржуазными революционными фракциями (поскольку таковые будут в наличности), частью же привлекая прямо в свои ряды или увлекая за собой наиболее народолюбивые и революционные элементы из интеллигенции» (там же, стр. 90).

В то самое время, когда П. Б. Аксельрод писал эти строки, заявления социал-демократов в России показывали ясно, что громадное большинство их стоит на той же точке зрения. Правда, одна газета петербургских рабочих, «Рабочая Мысль»[72]), склонилась, как будто бы, к идеям авторов «credo», высказывая,

к сожалению, в своей передовой программной статье (№ 1, октябрь 1897 г.)[73]) ту совершенно ошибочную и противоречащую социал-демократизму мысль, что «экономическая основа движения» может быть «затемнена стремлением постоянно не забывать политического идеала». Но в то же время другая газета петербургских рабочих, «Спб. Рабочий Листок»[74]) (№ 2, сентябрь 1897 г.), решительно высказывалась за то, что «ниспровергнуть самодержавие... может лишь крепко организованная многочисленная рабочая партия», что «организовавшись в сильную партию» рабочие «освободят себя и всю Россию от всякого политического и экономического гнета». Третья газета «Рабочая Газета»[75]), в передовой статье № 2 (ноябрь 1897 г.)[76]) писала: «Борьба с самодержавным правительством за политическую свободу есть ближайшая задача русского рабочего движения».—«Русское рабочее движение удесятерит свои силы, если выступит, как единое стройное целое с общим именем и стройной организацией...» «Отдельные рабочие кружки должны превратиться в одну общую партию». «Русская рабочая партия будет партия социал-демократическая». — Что громадное большинство русских социал-демократов разделяло вполне именно эти убеждения «Рабочей Газеты», это видно и из того, что состоявшийся весною 1898 г. съезд русских социал-демократов образовал «Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию», опубликовал ее манифест и признал «Рабочую Газету» официальным органом партии. Таким образом, авторы «credo» делают колоссальный шаг назад против той ступени развития, которой русская социал-демократия уже достигла и которую запечатлела в «Манифесте Российской Социал-Демократической Рабочей Партии»[77]). Если отчаянная травля русского правительства привела к тому, что в настоящее время деятельность Партии временно ослабела и ее официальный орган перестал выходить, то для всех русских социал-демократов задача состоит в том, чтобы приложить все усилия к окончательному укреплению Партии, к выработке программы Партии, к возобновлению ее официального органа. Ввиду того шатания мысли, о котором свидетельствует возможность появления таких программ, как выше разобранное «credo», мы считаем особенно необходимым подчеркнуть следующие основные принципы, изложенные в «Манифесте» и имеющие громадную важность для русской социал-демократии. Во-первых, русская социал-демократия «хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс». Отсюда следует, что девизом социал-демократии должно быть содействие рабочим не только в экономической, но и в политической борьбе, агитация не только на почве ближайших экономических нужд, но и на почве всех проявлений политического гнета; пропаганда не только идей научного социализма, но и пропаганда идей демократических. Знаменем классового движения рабочих может быть

только теория революционного марксизма, и русская социал-демократия должна заботиться о ее дальнейшем развитии и претворении в жизнь, оберегая ее в то же время от тех искажений и опошлений, которым так часто подвергаются «модные теории» (а успехи революционной социал-демократии в России сделали уже марксизм «модной» теорией). Сосредоточивая в настоящее время все свои силы на деятельности в среде фабрично-заводских и горных рабочих, социал-демократия не должна забывать, что в ряды организуемых ею рабочих масс должны войти с расширением движения и домашние рабочие, и кустари, и сельские рабочие, и миллионы разоренного и умирающего с голоду крестьянства.

Во-2-х: «На своих крепких плечах русский рабочий должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы». Ставя ниспровержение абсолютизма своей ближайшей задачей, социал-демократия должна выступить передовым борцом за демократию и уже в силу одного этого должна оказывать всякую поддержку всем демократическим элементам русского населения, привлекая их к себе в союзники. Только самостоятельная рабочая партия может быть твердым оплотом в борьбе с самодержавием, и только в союзе с такой партией, в поддержке ее могут активно проявить себя все остальные борцы за политическую свободу.

Наконец, в 3-х: «Как движение и направление социалистическое, Российская Социал-Демократическая Партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главнейшею из ближайших задач Партии в целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной Воли»». Традиции всего предшествовавшего революционного движения требуют, чтобы социал-демократия сосредоточила в настоящее время все свои силы на организации партии, укреплении дисциплины внутри ее и развитии конспиративной техники. Если деятели старой «Народной Воли» сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на узость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, несмотря на то, что знаменем движения служила вовсе не революционная теория, то социал-демократия, опираясь на классовую борьбу пролетариата, сумеет стать непобедимой. «Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капиталом и буржуазией до полной победы социализма».

Мы приглашаем все группы социал-демократов и все рабочие кружки в России обсудить выше приведенное «credo» и нашу резолюцию и высказать определенно свое отношение к поднятому вопросу, чтобы устранить всякие разногласия и ускорить дело

организации и укрепления Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Резолюции групп и кружков могли бы быть сообщаемы заграничному «Союзу Русских Социал-Демократов», который на основании пункта 10-го решения съезда русских социал-демократов 1898 г. [78]) является частью Российской Социал-Демократической Партии и ее заграничным представителем.

СТАТЬИ ДЛЯ № 3 «РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ»

Написаны в 1899 г. [79]
Впервые напечатаны в 1925 г.
в «Ленинском Сборнике» III

Печатаются по рукописям, переписанным неизвестной рукою

ПИСЬМО К РЕДАКТОРСКОЙ ГРУППЕ.

Дорогие товарищи!

Посылаю, согласно Вашей просьбе, три статьи для газеты и считаю нужным сказать несколько слов по поводу моего сотрудничества вообще и сношений между нами в частности.

На основании предыдущего Вашего сообщения я представлял себе дело так, что вы хотите основать издательскую фирму и предоставить мне редактирование серии социал-демократических брошюр.

Теперь я вижу, что дело ставится иначе, что у вас образована своя редакция, которая начинает издание газеты и приглашает меня сотрудничать.

Я охотно соглашаюсь, разумеется, и на это предложение, но должен сказать при этом, что успешное сотрудничество я считаю возможным *лишь при следующих условиях:* 1) *аккуратные* сношения редакции с сотрудником *с извещением* о судьбе всех рукописей (принятие, отклонение, изменение) и *с сообщением всех изданий вашей фирмы;* 2) подпись моих статей особым псевдонимом (если посланный мною затерялся, то выберите любой сами); 3) согласие редакции с сотрудником в основных взглядах на теоретические вопросы, на ближайшие практические задачи и на характер желательной постановки газеты (или серии брошюр).

Я надеюсь, что редакция согласится на эти условия и, чтобы скорее установить соглашение между нами, я теперь же остановлюсь несколько на вопросах, связанных с 3-им условием.

Вы находите, как мне пишут, что «старое течение [80]) крепко» и что в полемике против бернштейниады и ее русских отражений нет особенной нужды. Я считаю этот взгляд слишком оптимистическим. Публичное заявление Бернштейна о согласии с ним большинства русских социал-демократов [81]); раскол между «молодыми» русскими социал-демократами за границей и Группой «Освобождение Труда» [82]), которая является и основательницей и представительницей и вернейшей хранительницей «старого течения»; потуги «Рабочей Мысли» сказать какое-то новое слово,

восставать против «широких» политических задач, возводить в апофеоз мелкие дела и кустарничество, пошло иронизировать над «революционными теориями» (№ 7 «Мимоходом»)[83]; наконец, полный разброд легальной марксистской литературы и ярое стремление массы ее представителей ухватиться за модную «критику» бернштейниады, — все это ясно показывает, по моему, что восстановление «старого течения» и энергичное отстаивание его составляет прямо-таки злобу дня.

О том, как я смотрю на задачу газеты и план ее ведения, вы увидите из статей, и я очень желал бы знать, насколько мы солидарны по этому вопросу (статьи писаны, к сожалению, несколько наскоро: мне очень бы важно, вообще, знать предельные сроки доставки статей).

Против «Рабочей Мысли», я думаю, *необходимо прямо поднять полемику*[84]), но для этого я просил бы достать мне *№№ 1—2, 6 и после 7-ого; «Пролетарскую борьбу»*[85]). Последняя брошюра нужна и для рецензии об ней в газете.

Насчет размера, пишете Вы, не стесняться. Я думаю, пока есть газета, предпочитать газетные статьи и разбирать в них даже брошюрные темы, — предоставляя себе впоследствии эти же статьи переработать в брошюрки. Темы, которыми я предполагаю заняться в ближайшем будущем, следующие: 1) проект программы — вышлю вскоре; 2) вопросы тактики и организации, подлежащие обсуждению будущего съезда российской социал-демократической рабочей партии[86]); 3) брошюру о правилах поведения рабочих и социалистов на воле, в тюрьме и ссылке. По образцу польской брошюры — («правила поведения» — если можно, просил бы достать ее мне); 4) о стачках (I — их значение, II — законы о стачках, III — обзор некоторых стачек последних годов)[87]); 5) брошюра «Женщина и рабочее дело» и пр. —

Желательно бы знать приблизительно, каким материалом располагает редакция, чтобы избежать повторений и не браться за «исчерпанные» уже вопросы.

Буду ждать ответа от редакции через ту же передаточную инстанцию[88]). *(Кроме этого пути я не имел и не имею другого пути к вашей группе.)*

Ф. П.[89])

НАША ПРОГРАММА.

Международная социал-демократия переживает в настоящее время шатание мысли. До сих пор учения Маркса и Энгельса считались прочным основанием революционной теории, — теперь раздаются отовсюду голоса о недостаточности этих учений и устарелости их. Кто объявляет себя социал-демократом и намерен выступить с социал-демократическим органом, должен с точностью определить свое отношение к вопросу, волнующему далеко не одних только германских социал-демократов.

Мы стоим всецело на почве теории Маркса: она впервые превратила социализм из утопии в науку, установила твердые основания этой науки и наметила путь, по которому должно идти, развивая дальше эту науку и разрабатывая ее во всех частностях. Она раскрыла сущность современного капиталистического хозяйства, объяснив, каким образом наем рабочего, купля рабочей силы, прикрывает порабощение миллионов неимущего народа кучке капиталистов, владельцев земли, фабрик, рудников и пр. Она показала, как все развитие современного капитализма клонится к вытеснению мелкого производства крупным, создает условия, делающие возможным и необходимым социалистическое устройство общества. Она научила видеть под покровом укоренившихся обычаев, политических интриг, мудреных законов, хитросплетенных учений — *классовую борьбу,* борьбу между всяческими видами имущих классов с массой неимущих, *с пролетариатом,* который стоит во главе всех неимущих. Она выяснила настоящую задачу революционной социалистической партии: не сочинение планов переустройства общества, не проповедь капиталистам и их прихвостням об улучшении положения рабочих, не устройство заговоров, *а организацию классовой борьбы пролетариата и руководство этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и организация социалистического общества.*

И мы спрашиваем теперь: что же внесли нового в эту теорию те громогласные «обновители» ее, которые подняли

в наше время такой шум, группируясь около немецкого социалиста Бернштейна? *Ровно ничего:* они не подвинули ни на шаг вперед той науки, которую завещали нам развивать Маркс и Энгельс; они не научили пролетариат никаким новым приемам борьбы; они только пятились назад, перенимая обрывки отсталых теорий и проповедуя пролетариату не теорию борьбы, а теорию уступчивости — уступчивости по отношению к злейшим врагам пролетариата, к правительствам и буржуазным партиям, которые не устают изыскивать новые средства для травли социалистов. Один из основателей и вождей русской социал-демократии, Плеханов, был вполне прав, когда подверг беспощадной критике новейшую «критику» Бернштейна [90]), от взглядов которого отреклись теперь и представители германских рабочих (на съезде в Ганновере) [91]).

Мы знаем, что на нас посыплется за эти слова куча обвинений: закричат, что мы хотим превратить социалистическую партию в орден «правоверных», преследующих «еретиков» за отступление от «догмы», за всякое самостоятельное мнение и пр. Знаем мы все эти модные хлесткие фразы. Только нет в них ни капли правды и ни капли смысла. Крепкой социалистической партии не может быть, если нет революционной теории, которая объединяет всех социалистов, из которой они почерпают все свои убеждения, которую они применяют к своим приемам борьбы и способам деятельности; защищать такую теорию, которую по своему крайнему разумению считаешь истинной, от неосновательных нападений и от попыток ухудшить ее — вовсе еще не значит быть врагом *всякой* критики. Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России. Поэтому мы охотно будем уделять место в нашей газете статьям по теоретическим вопросам и приглашаем всех товарищей к открытому обсуждению спорных пунктов.

Каковы же главные вопросы, возникающие при применении к России программы, общей всем социал-демократам? Мы сказали уже, что суть этой программы состоит в организации классовой борьбы пролетариата и в руководстве этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и устройство социалистического общества. Классовая борьба пролетариата разделяется на экономическую борьбу (борьбу

против отдельных капиталистов или против отдельных групп капиталистов за улучшение положения рабочих) и на политическую борьбу (борьбу против правительства за расширение прав народа, т.-е. за демократию, и за расширение политической власти пролетариата). Некоторые русские социал-демократы (к числу их, повидимому, принадлежат те, которые ведут газету «Рабочая Мысль») считают несравненно более важной экономическую борьбу, политическую же чуть ли не откладывают до более или менее отдаленного будущего. Такое мнение совершенно неверно. Все социал-демократы согласны в том, что необходимо организовать экономическую борьбу рабочего класса, что необходимо вести агитацию среди рабочих на этой почве, т.-е. помогать рабочим в их ежедневной борьбе с хозяевами, обращать их внимание на все виды и случаи притеснений и разъяснять им таким образом необходимость объединения. Но из-за экономической борьбы забывать политическую — значило бы отступать от основного положения всемирной социал-демократии, значило бы забывать то, чему учит вся история рабочего движения. Завзятые сторонники буржуазии и служащего ей правительства не раз пытались даже организовать чисто-экономические союзы рабочих и отвлечь их таким образом от «политики», от социализма. Очень возможно, что и русское правительство сумеет предпринять что-либо подобное, ибо оно всегда старалось бросать народу грошевые подачки или, вернее, лже-подачки, лишь бы отвлечь его от мысли о его бесправии и его угнетении. Никакая экономическая борьба не может принести рабочим прочного улучшения, не может даже вестись в широких размерах, если рабочие не будут иметь право свободно устраивать собрания, союзы, иметь свои газеты, посылать своих представителей в народные собрания, как это делают рабочие Германии и всех других европейских стран (кроме Турции и России). А чтобы добиться этих прав, надо вести *политическую борьбу*. В России не только рабочие, но и все граждане лишены политических прав. Россия — монархия самодержавная, неограниченная. Царь один издает законы, назначает чиновников и надзирает за ними. От этого *кажется*, что в России царь и царское правительство не зависит ни от каких классов и заботится о всех одинаково. А *на деле* все чиновники берутся только из класса собственников и все подчинены влиянию крупных капиталистов, которые веревки вьют из министров и добиваются всего, чего хотят. На русском рабочем классе лежит двойной гнет: его обирают и грабят капиталисты и помещики, а чтобы он не мог бороться против них, его связывает по рукам и по ногам полиция, затыкая ему рот, преследуя всякую попытку отстоять права народа. Всякая стачка против капиталиста ведет к тому, что на рабочих напускают войско и полицию. Всякая экономическая борьба

необходимо превращается в политическую, и социал-демократия должна неразрывно связать и ту и другую в *единую классовую борьбу пролетариата*. Первой и главной целью такой борьбы должно быть завоевание политических прав, *завоевание политической свободы*. Если одни петербургские рабочие, при небольшой помощи социалистов, сумели быстро добиться от правительства уступки — издания закона о сокращении рабочего дня [92]), то весь русский рабочий класс, руководимый одной «Российской Социал-Демократической Рабочей Партией», сумеет добиться упорной борьбой и несравненно более важных уступок.

Русский рабочий класс сумеет и один вести свою экономическую и политическую борьбу, даже если бы он не получал помощи ни от какого другого класса. Но в политической борьбе рабочие не стоят одиноко. Полное бесправие народа и дикий произвол башибузуков-чиновников возмущают и всех сколько-нибудь честных образованных людей, которые не могут помириться с травлей всякого свободного слова и свободной мысли, возмущают преследуемых поляков, финляндцев, евреев, русских сектантов, возмущают мелких купцов, промышленников, крестьян, которым не у кого искать защиты от притеснений чиновников и полиции. Все эти группы населения, взятые отдельно, неспособны к упорной политической борьбе, но когда рабочий класс поднимет знамя такой борьбы, — ему отовсюду протянут руку помощи. Русская социал-демократия встанет во главе всех борцов за права народа, всех борцов за демократию, и тогда она станет непобедимой!

Таковы наши основные воззрения, которые мы будем систематически и всесторонне развивать в нашей газете. Мы убеждены, что таким образом мы будем идти по пути, намеченному «Российской Социал-Демократической Рабочей Партией» в изданном ею «Манифесте».

НАША БЛИЖАЙШАЯ ЗАДАЧА.

Русское рабочее движение находится в настоящее время в переходном периоде. Блестящее начало, которым ознаменовали себя социал-демократические организации рабочих Западного края, Петербурга, Москвы, Киева и других городов, завершилось образованием «Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» (весной 1898 года). Сделав этот громадный шаг вперед, русская социал-демократия как бы исчерпала на время все свои силы и вернулась назад к прежней раздробленной работе отдельных местных организаций. Партия не перестала существовать, она только ушла в себя, чтобы собраться с силами и поставить дело объединения всех русских социал-демократов на прочную почву. Осуществить это объединение, выработать для него подходящую форму, освободиться окончательно от узкой местной раздробленности — такова ближайшая и самая насущная задача русских социал-демократов.

Мы все согласны в том, что наша задача — организация классовой борьбы пролетариата. Но что такое классовая борьба? Когда рабочие отдельной фабрики, отдельного ремесла вступают в борьбу со своим хозяином или со своими хозяевами, есть ли это классовая борьба? Нет, это только слабые зачатки ее. Борьба рабочих становится классовою борьбою лишь тогда, когда все передовые представители всего рабочего класса всей страны сознают себя единым рабочим классом и начинают вести борьбу не против отдельных хозяев, а против *всего класса* капиталистов и против поддерживающего этот класс правительства. Только тогда, когда отдельный рабочий сознает себя членом всего рабочего класса, когда в своей ежедневной, мелкой борьбе с отдельными хозяевами и с отдельными чиновниками он видит борьбу против всей буржуазии и против всего правительства, только тогда его борьба становится классовой борьбой. «Всякая классовая борьба есть борьба политическая» — эти знаменитые слова Маркса неверно было бы понимать в том смысле, что всякая борьба рабочих с хозяевами *всегда бывает* политической борь-

бой. Их надо понимать так, что борьба рабочих с капиталистами необходимо *становится* политической борьбой *по мере того,* как она становится *классовой* борьбой. Задача социал-демократии состоит именно в том, чтобы посредством организации рабочих, пропаганды и агитации между ними *превратить* их стихийную борьбу против угнетателей в борьбу всего класса, в борьбу определенной политической *партии* за определенные политические и социалистические идеалы. Одной местной работой такая задача не может быть достигнута.

Местная социал-демократическая работа достигла у нас уже довольно высокого развития. Семена социал-демократических идей заброшены уже повсюду в России; рабочие листки — эта первая форма социал-демократической литературы — знакомы уже всем русским рабочим, от Петербурга до Красноярска и от Кавказа до Урала. Нам не достает теперь именно сплочения всей этой местной работы в работу одной *партии.* Наш главный недостаток, на устранение которого мы должны направить все свои силы, это — узкий, «кустарный» характер местной работы. В силу этого кустарничества масса проявлений рабочего движения в России остаются чисто местными событиями и сильно теряют в своем значении, как образца для всей русской социал-демократии, как стадии всего русского рабочего движения. В силу этого кустарничества рабочие не проникаются в достаточной мере сознанием общности своих интересов по всей России, недостаточно связывают с своей борьбой мысль о русском социализме и русской демократии. В силу этого кустарничества различные взгляды товарищей на теоретические и практические вопросы не обсуждаются открыто в центральном органе, не служат для выработки общей программы партии и общей тактики, а теряются в узкой кружковщине или ведут к непомерному преувеличению местных и случайных особенностей. Довольно с нас этого кустарничества! Мы уже достаточно зрелы, чтобы перейти *к общей работе,* к выработке общей программы партии, к совместному обсуждению нашей партийной тактики и организации.

Русская социал-демократия сделала много для критики старых революционных и социалистических теорий; она не ограничилась одной критикой и теоретизированьем; она доказала, что ее программа не висит на воздухе, а идет на встречу широкому стихийному движению в народной среде, именно в фабрично-заводском пролетариате; ей остается теперь сделать следующий, особенно трудный, но зато и особенно важный, шаг: выработать приспособленную к нашим условиям организацию этого движения. Социал-демократия не сводится к простому служению рабочему движению: она есть «*соединение социализма с рабочим движением*» (употребляя определение К. Каутского, воспроизводящее основные идеи «Коммунистического Манифеста»); её задача —

внести в стихийное рабочее движение определенные социалистические идеалы, связать его с социалистическими убеждениями, которые должны стоять на уровне современной науки, связать его с систематической политической борьбой за демократию, как средство осуществления социализма, одним словом, слить это стихийное движение в одно неразрывное целое с деятельностью *революционной партии*. История социализма и демократии в западной Европе, история русского революционного движения, опыт нашего рабочего движения, — таков тот *материал*, которым мы должны овладеть, чтобы выработать целесообразную организацию и тактику нашей партии. «Обработка» этого материала должна быть однако самостоятельная, ибо готовых образцов нам искать негде: с одной стороны, русское рабочее движение поставлено в совершенно иные условия, чем западно-европейское. Было бы очень опасно впадать на этот счет в какие-либо иллюзии. А с другой стороны, русская социал-демократия самым существенным образом отличается от прежних революционных партий в России, так что необходимость учиться у старых русских корифеев революционной и конспиративной техники (мы нисколько не колеблясь признаём эту необходимость) отнюдь не избавляет нас от обязанности критически относиться к ним и самостоятельно вырабатывать свою организацию.

Два главных вопроса выдвигается при постановке такой задачи с особенной силой. 1) Как совместить необходимость полной свободы местной социал-демократической деятельности с необходимостью образовать единую — и, следовательно, централистическую — партию? Социал-демократия почерпает всю свою силу в стихийном рабочем движении, которое проявляется неодинаково и неодновременно в различных промышленных центрах; деятельность местных социал-демократических организаций является *основой* всей деятельности партии. Но если это будет деятельность изолированных «кустарей», тогда нельзя даже, строго говоря, назвать ее социал-демократической, ибо это не будет организацией и руководством *классовой* борьбы пролетариата. 2) Как совместить стремление социал-демократии стать революционной партией, которая ставит главною своею целью борьбу за политическую свободу, — с тем, что социал-демократия решительно отказывается устраивать политические заговоры, решительно отказывается «звать рабочих на баррикады» (по верному выражению П. Б. Аксельрода)[93], или вообще навязывать рабочим тот или иной «план» атаки на правительство, сочиненный компанией революционеров?

Русская социал-демократия имеет полное право считать, что *теоретическое* решение этих вопросов она дала; останавливаться на этом значило бы повторять сказанное в статье «Наша программа». Дело идет теперь о *практическом* решении этих вопро-

сов. Такое решение не может быть дано отдельным лицом или отдельной группой, — его может дать только организованная деятельность всей социал-демократии. Мы думаем, что в настоящее время самая насущная задача состоит в том, чтобы взяться за решение этих вопросов и что для этого мы должны поставить своей ближайшей целью — *организацию правильно выходящего и тесно связанного со всеми местными группами органа партии.* Мы думаем, что на организацию этого дела должна быть направлена в течение всего ближайшего будущего *вся* деятельность социал-демократов. Без такого органа местная работа останется узким «кустарничеством». Образование партии, — если не организовано правильное представительство этой партии в известной газете, — останется в значительной степени одним словом. Экономическая борьба, не объединяемая центральным органом, не может сделаться *классовой* борьбой всего русского пролетариата. Ведение политической борьбы невозможно без того, чтобы вся партия высказывалась по всем вопросам политики и направляла отдельные проявления борьбы. Организация революционных сил, дисциплинирование их и развитие революционной техники невозможны без обсуждения всех этих вопросов в центральном органе, без коллективной выработки известных *форм и правил ведения дела,* без установления — чрез посредство центрального органа — *ответственности* каждого члена партии перед всей партией.

Говоря о необходимости сосредоточить *все* силы партии — все литературные силы, все организаторские способности, все материальные средства и пр. — на основании и правильном ведении органа всей партии, мы нисколько не думаем о том, чтобы оттеснить на второй план другие виды деятельности, напр., местную агитацию, манифестации, бойкот, травлю шпионов, травлю отдельных представителей буржуазии и правительства, демонстративные стачки и пр. и пр. Напротив, мы убеждены в том, что все эти виды деятельности составляют *основу* деятельности партии, но *без* объединения их в органе всей партии все эти формы революционной борьбы *теряют девять десятых своего значения,* не ведут к созданию общего опыта партии, к созданию партийной традиции и преемственности. Орган партии не только не будет конкурировать с такой деятельностью, а, напротив, окажет громадное влияние на ее распространение, упрочение, введение в систему.

Необходимость сосредоточить *все* силы на организации правильно выходящего и доставляемого органа партии обусловливается оригинальным положением русской социал-демократии в отличие от социал-демократии других европейских стран и от старых русских революционных партий. У рабочих Германии, Франции и пр. есть кроме газет масса других способов публич-

ного проявления своей деятельности, других способов организации движения: и парламентская деятельность, и выборная агитация, и народные собрания, и участие в местных общественных учреждениях (земских и городских), и открытое ведение ремесленных (профессиональных, цеховых) союзов и пр. и пр. У нас *заменой всего этого,* но именно *всего* этого, должна служить — пока мы не завоевали политической свободы — революционная газета, без которой у нас невозможна *никакая* широкая организация всего рабочего движения. В заговоры мы не верим, от единичных революционных предприятий разрушить правительство мы отказываемся; практическим лозунгом нашей работы служат слова ветерана германской социал-демократии, Либкнехта: «Studieren, propagandieren, organisieren» — учиться, пропагандировать, организовать — и центральным пунктом этой деятельности может и должен быть только *орган партии.*

Но возможна ли и при каких условиях возможна правильная и сколько-либо устойчивая постановка такого органа? Об этом мы поговорим в следующий раз.

НАСУЩНЫЙ ВОПРОС.

Мы сказали в предыдущей статье, что нашей насущной задачей является организация правильно выходящего и доставляемого органа партии, и поставили вопрос, возможно ли и при каких условиях возможно достигнуть этой цели. Рассмотрим важнейшие стороны этого вопроса.

Нам могут возразить, прежде всего, что для достижения этой цели надо *сначала* развить деятельность местных групп. Мы считаем это, довольно распространенное, мнение ошибочным. За основание и прочную постановку органа партии — а, следовательно, и самой партии — мы можем и должны взяться немедленно. Необходимые для такого шага условия есть на-лицо: местная работа ведется, и очевидно, что она пустила уже глубокие корни, ибо все учащающиеся погромы приводят только к небольшим перерывам; на место павших в бою быстро становятся свежие силы. Издательские средства и литературные силы имеются у партии не только за границей, но и в России. Вопрос, следовательно, стоит о том, следует ли ту работу, *которая уже ведется,* продолжать вести по «кустарному» или следует сорганизовать ее в работу одной партии и сделать так, чтобы она вся отражалась в одном общем органе.

Здесь мы подходим к насущному вопросу нашего движения, к его больному пункту — организации. Улучшение революционной организации и дисциплины, усовершенствование конспиративной техники необходимы настоятельно. Надо открыто признать, что в этом отношении мы отстали от старых русских революционных партий и должны приложить все усилия, чтобы догнать и перегнать их. Без улучшения организации невозможен никакой прогресс нашего рабочего движения вообще, невозможно в частности и образование активной партии с правильно действующим органом. Это с одной стороны. А с другой стороны, теперешние органы партии (органы и в смысле учреждений и групп, и в смысле газет) должны обратить больше внимания на вопросы организации и влиять в этом направлении на местные группы.

Местная, кустарная работа всегда ведет к чрезмерному обилию личных связей, к кружковщине, а мы выросли уже из кружковщины, которая становится слишком узкой для теперешней работы и которая ведет к чрезмерной трате сил. Только слияние в одну партию даст возможность систематически провести принципы разделения труда и экономии сил, — а этого необходимо достигнуть, чтобы уменьшить число жертв и создать более или менее прочный оплот против гнета самодержавного правительства и его отчаянных преследований. Против нас, против маленьких групп социалистов, ютящихся по широкому русскому «подполью», стоит гигантский механизм могущественнейшего современного государства, напрягающего все силы, чтобы задавить социализм и демократию. Мы убеждены, что мы сломим в конце концов это полицейское государство, потому что за демократию и социализм стоят все здоровые и развивающиеся слои всего народа, но, чтобы вести систематическую борьбу против правительства, мы должны довести революционную организацию, дисциплину и конспиративную технику до высшей степени совершенства. Необходимо, чтобы отдельные члены партии или отдельные группы членов специализировались на отдельных сторонах партийной работы, одни — на воспроизведении литературы, другие — на перевозке из-за границы, третьи — на развозке по России, четвертые — на разноске в городах, пятые — на устройстве конспиративных квартир, шестые — на сборе денег, седьмые — на организации доставки корреспонденций и всех сведений о движении, восьмые — на ведении сношений и пр. и пр. Такая специализация требует, мы знаем это, гораздо большей выдержки, гораздо больше уменья сосредоточиться на скромной, невидной, черной работе, гораздо больше истинного героизма, чем обыкновенная кружковая работа.

Но русские социалисты и русский рабочий класс доказали уже свою способность к героизму, и, вообще говоря, нам грешно было бы жаловаться на недостаток в людях. Среди рабочей молодежи наблюдается страстное, неудержимое стремление к идеям демократии и социализма, а помощники рабочим из рядов интеллигенции продолжают притекать, несмотря на переполнение тюрем и мест ссылки. Если среди всех этих рекрутов революционного дела будет широко пропагандироваться мысль о необходимости более строгой организации, то план устройства правильно выходящей и доставляемой газеты партии перестанет быть мечтой. Возьмем одно условие успеха такого плана: обеспечение газеты правильным поступлением корреспонденций и материалов отовсюду. Разве история не показывает, что во все времена оживления нашего революционного движения такая цель оказывалась вполне достижимой даже по отношению к заграничным органам? Если работающие в разных местностях социал-демо-

краты будут смотреть на газету партии как на *свою* газету и считать своим главным делом поддержание с ней постоянной связи, обсуждение в ней своих вопросов, отражение в ней всего своего движения, — тогда обеспечение газеты полными сведениями о движении будет вполне осуществимо, при условии соблюдения вовсе не особенно хитрых конспиративных приемов. Другая сторона дела — правильная доставка газеты во все местности России — гораздо труднее, труднее, чем была соответствующая задача при прежних формах революционного движения в России, когда газеты не предназначались в такой степени для народных масс. Но назначение социал-демократических газет облегчает их распространение. Главные местности, куда должна правильно и в большом количестве экземпляров доставляться газета, это — промышленные центры, фабричные села и города, фабричные кварталы больших городов и т. п. В таких центрах почти все население сплошь рабочее; рабочий здесь фактически — хозяин положения, имеющий сотни способов обмануть бдительность полиции; сношения с соседними фабричными центрами отличаются чрезвычайной оживленностью. В эпоху исключительного закона против социалистов (с 1878 по 1890 г.) германская политическая полиция работала не хуже, а вероятно даже лучше русской, и однако немецкие рабочие сумели благодаря своей организованности и дисциплинированности достичь того, что еженедельно выходящая нелегальная газета правильно ввозилась из-за границы и доставлялась на дом всем подписчикам, так что даже министры не могли не восхищаться социал-демократической почтой («красной почтой»). О таком успехе мы, конечно, не мечтаем, но достигнуть того, чтобы газета нашей партии выходила не менее 12 раз в год и правильно доставлялась во все главные центры движения всем доступным социализму кругам рабочих, — мы вполне можем, если направим на это все усилия.

Возвращаясь к вопросу о специализации, мы должны также указать, что недостаток ее объясняется отчасти преобладанием «кустарной» работы, отчасти и тем, что наши социал-демократические газеты слишком мало места уделяют обыкновенно вопросам организации.

Только создание общего органа партии может дать каждому «частичному работнику» революционного дела сознание того, что он идет «в ряду и в шеренге», что его работа непосредственно нужна партии, что он является одним из звеньев той цепи, кольца которой задушат злейшего врага русского пролетариата и всего русского народа — русское самодержавное правительство. Только строгое проведение такой специализации даст возможность экономить силы; не только каждая отдельная сторона революционной работы будет исполняться меньшим числом лиц, но получится возможность выделить ряд сторон современной деятель-

ности в *легальные* (= дозволенные законом) дела. Такую *легализацию* своей деятельности, подведение ее под законные рамки, давно уже советовал русским социалистам «Vorwärts» («Вперед») [94]) — главный орган немецкой социал-демократии. С первого взгляда подобный совет поражает, — а на самом деле он заслуживает серьезного внимания. Почти каждый, работавший в местном кружке какого-либо города, легко припомнит, что среди той кучи разнообразнейших дел, которыми он занимался, было несколько таких дел, которые сами по себе легальны (напр., собирание сведений о положении рабочих, изучение легальной литературы многих вопросов, ознакомление с известного рода иностранной литературой и реферированье ее, известного рода сношения, содействие рабочим в делах общего образования, в изучении фабричных законов, и мн. др.). Выделение такого рода дел в особые функции особого разряда лиц уменьшило бы численность активной, стоящей «в огне» революционной армии (без всякого уменьшения ее «боевой способности») и увеличило бы численность резерва, пополняющего места «убитых и раненых». Возможно это лишь тогда, когда и активные члены и резерв видят отражение своей деятельности в общем органе партии и чувствуют свою связь с ней. Конечно, местные собрания рабочих и местных групп будут всегда необходимы, как бы мы далеко ни проводили специализации, но, с одной стороны, число многолюдных революционных собраний (которые особенно опасны в полицейском отношении, и продуктивность которых часто далеко не соответствует их опасности) значительно уменьшится, а, с другой стороны, выделение различных сторон революционной работы в специальные функции дает больше возможности прикрывать такие собрания легальными формами собраний: увеселительными собраниями, собраниями законом дозволенных обществ и т. п. Ведь умели же французские рабочие при Наполеоне III-ем и немецкие рабочие при исключительном законе против социалистов изобретать всякие прикрытия для своих политических и социалистических собраний. Сумеют это сделать и русские рабочие.

Далее, только улучшение организации и создание общего органа партии даст возможность расширить и углубить самое содержание социал-демократической пропаганды и агитации. А мы в этом очень нуждаемся. Местная работа почти неизбежно ведет к преувеличению местных особенностей, к *) . . . .
. . . .

*) Последний листок рукописи, который был сложен втрое, оказался сильно потертым и надорванным в местах сгиба. Нижняя часть его совершенно оторвана и при рукописи отсутствует. Следующие за этим приблизительно 15—20 строк текста приходится считать утерянными. Продолжение текста идет уже с другой страницы листка. *Ред.*

это невозможно без центрального органа, который был бы в то же время и передовым демократическим органом. Только тогда наше *стремление* превратить социал-демократию в передового борца за демократию — станет *действительностью.* Только тогда мы можем выработать и определенную политическую тактику. Социал-демократия отказалась от неверного учения о «единой реакционной массе». Она видит одну из важнейших задач политики в том, чтобы пользоваться содействием прогрессивных классов против реакционных. При местном характере организаций и органов эта задача почти не исполняется: дальше сношений с отдельными лицами из «либералов» и извлечения из них разных «услуг» дело не идет. Только общий орган партии, последовательно проводящий принципы политической борьбы и высоко держащий знамя демократизма, будет в состоянии привлечь на свою сторону все боевые демократические элементы и использовать все прогрессивные силы России в борьбе за политическую свободу. Только тогда глухую ненависть рабочих к полиции и к властям удастся превратить в сознательную ненависть к самодержавному правительству и в решимость вести отчаянную борьбу за права рабочего класса и всего русского народа! А построенная на такой почве и строго организованная революционная партия будет представлять из себя, в современной России, крупнейшую политическую силу!

В дальнейших номерах мы поместим проект программы российской социал-демократической рабочей партии и начнем более детальное обсуждение отдельных вопросов организации.

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ НАШЕЙ ПАРТИИ

Написано в конце 1899 г. [95]
Впервые напечатано в 1924 г.

Печатается по рукописи

[1899]

Первая страница рукописи В. И. Ленина: «Проект программы нашей партии» — 1899 г.

Уменьшено

Начать следует, пожалуй, с вопроса, действительно ли настоятельна потребность в программе русских с.-д-тов. Нам доводилось слышать от действующих в России товарищей то мнение, что в составлении программы нет именно теперь особой надобности, что насущный вопрос — развитие и укрепление местных организаций, более прочная постановка агитации и доставки литературы, что выработку программы удобнее отложить до того момента, когда движение встанет на более прочный базис, что теперь программа может оказаться беспочвенной.

Мы не разделяем этого мнения. Разумеется, «каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ», как сказал К. Маркс. Но ни Маркс, ни кто-либо другой из теоретиков или практических деятелей с.-д-тии не отрицал громадную важность программы для сплоченной и последовательной деятельности политической партии. Русские с.-д-ты как раз пережили уже период наиболее ожесточенной полемики с социалистами других направлений и с не-социалистами, не хотевшими понять русской с.-д-тии; они пережили также и начальные стадии движения, когда работа велась разрозненно по мелким местным организациям. Необходимость соединения, образования общей литературы, появления русских рабочих газет — вызвана самой жизнью, и основание весной 1898-го года «Росс. С.-Д. Раб. Партии», объявившей о своем намерении в ближайшем будущем выработать программу партии, наглядно доказало, что именно из потребностей самого движения выросло требование программы. В настоящее время насущный вопрос нашего движения состоит уже не в развитии прежней разрозненной «кустарной» работы, а в соединении, в организации. Программа необходима для этого шага, программа должна формулировать наши основные воззрения, точно установить наши ближайшие политические задачи, указать те ближайшие требования, которые должны наметить круг агитационной деятельности, придать ей единство, расширить и углубить ее, возведя агитацию из частной, отрывочной агитации за мелкие, разрознен-

ные требования в агитацию за всю совокупность социал-демократических требований. Теперь, когда с.-д. деятельность встряхнула уже довольно широкий круг и интеллигентов-социалистов и сознательных рабочих, настоятельно необходимо закрепить связь между ними программой и дать таким образом всем им прочный базис для дальнейшей, более широкой, деятельности. Наконец, программа настоятельно необходима также и потому, что русское общественное мнение очень часто самым глубоким образом заблуждается насчет истинных задач и приемов деятельности русских с.-д-тов: отчасти такие заблуждения естественно вырастают на болоте политической затхлости нашей жизни, отчасти они порождаются искусственно противниками с.-д-тии. Во всяком случае считаться с этим фактом приходится. Рабочее движение, сливаясь с социализмом и политической борьбой, должно образовать партию, которая рассеяла бы все эти заблуждения, если она хочет стать во главе всех демократических элементов русского общества. Могут возразить, что настоящий момент еще и потому неудобен для составления программы, что среди самих с.-д-тов возникают разногласия и начинается полемика. Мне кажется, наоборот: это еще один довод *за* необходимость программы. С одной стороны, раз полемика началась, то можно надеяться, что при обсуждении проекта программы выскажутся все взгляды и все оттенки взглядов, можно надеяться, что обсуждение программы будет всесторонним. Полемика указывает на оживление в рядах русских с.-д-тов широких вопросов о целях нашего движения, о его ближайших задачах и его тактике, а такое оживление именно и необходимо для обсуждения проекта программы. С другой стороны, для того, чтобы полемика не осталась бесплодной, чтобы она не выродилась в личное состязание, чтобы она не повела к путанице взглядов, к смешению врагов и товарищей, для этого безусловно необходимо, чтобы в эту полемику внесен был вопрос о программе. Полемика только в том случае принесет пользу, если она выяснит, в чем собственно состоят разногласия, *насколько они глубоки*, есть ли это разногласия по существу или разногласия в частных вопросах, мешают ли эти разногласия совместной работе в рядах одной партии или нет. *Только* внесение в полемику вопроса о программе может дать ответ на все эти, настоятельно требующие ответа, вопросы; — только определенное заявление обеими полемизирующими сторонами своих *программных* взглядов. Выработка общей программы партии, конечно, отнюдь не должна положить конец всякой полемике, — но она твердо установит те основные воззрения на характер, цели и задачи нашего движения, которые должны служить знаменем борющейся партии, остающейся сплоченной и единой, несмотря на частные разногласия в среде ее членов по частным вопросам.

Итак, к делу.

Когда говорят о программе русских с.-д-тов, то общие взгляды устремляются, вполне естественно, на членов Группы «Освобождение Труда», которые основали русскую с.-д-тию и так много сделали для ее теоретического и практического развития. Наши старейшие товарищи не замедлили отозваться на запросы русского с.-д-ого движения. Почти в то самое время — весной 1898 года — когда подготовлялся съезд русских с.-д-тов, положивший основание «Росс. С.-Д. Р. Партии», П. Б. Аксельрод издал свою брошюру: «К вопросу о современных задачах и тактике русских с.-д-тов» (Женева 1898; предисловие помечено мартом 1898 г.) и перепечатал в приложении к ней «Проект программы русских с.-д-тов», изданный Группой «Освобождение Труда» еще в 1887 году [96]).

С обсуждения этого проекта мы и начнем. Несмотря на то, что он издан почти 15 лет тому назад, он в общем и целом вполне удовлетворительно, по нашему мнению, разрешает свою задачу и стоит вполне на уровне современной с.-д-ой теории. В этом проекте точно указан тот класс, который один только может быть в России (как и в других странах) самостоятельным борцом за социализм — рабочий класс, «промышленный пролетариат»; — указана та цель, которую должен ставить себе этот класс — «переход всех средств и предметов производства в общественную собственность», «устранение товарного производства» и «замена его новой системой общественного производства» — «коммунистическая революция»; — указано «неизбежное предварительное условие» «переустройства общественных отношений»: «захват рабочим классом политической власти»; — указана международная солидарность пролетариата и необходимость «элемента разнообразия в программах с.-д-тов различных государств сообразно общественным условиям каждого из них в отдельности»; — указана особенность России, «где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства»; — указана связь русского революционного движения с процессом создания (силами развивающегося капитализма) «нового класса промышленного пролетариата — более восприимчивого, подвижного и развитого»; — указана необходимость образования «революционной рабочей партии» и ее «первая политическая задача» — «низвержение абсолютизма»; — указаны «средства политической борьбы» и выставлены ее основные требования.

Все эти элементы программы, по нашему мнению, совершенно необходимы в программе с.-д-ой рабочей партии, — все они выставляют такие тезисы, которые с тех пор получали все новые и новые подтверждения как в развитии социалистической теории, так и в развитии рабочего движения всех стран, — в частности,

в развитии русской общественной мысли и русского рабочего движения. В виду этого русские с.-д-ты могут и должны, по нашему мнению, положить в основу программы русской с.-д. р. партии именно проект Группы «Освобождение Труда», — проект, нуждающийся лишь в частных редакционных изменениях, исправлениях и дополнениях.

Попытаемся наметить те из этих частных изменений, которые представляются нам целесообразными и по поводу которых желательно бы вызвать обмен мнений между всеми русскими с.-д-тами и сознательными рабочими.

Прежде всего, должен несколько измениться, конечно, характер построения программы: в 1887 году это была программа группы заграничных революционеров, которые сумели верно определить единственный, обещающий успех, путь развития движения, но которые в то время не видели еще перед собой сколько-нибудь широкого и самостоятельного рабочего движения в России. В 1900 году речь идет уже о программе рабочей партии, основанной целым рядом русских с.-д. организаций. Помимо тех редакционных изменений, которые необходимы в виду этого (и на которых нет нужды останавливаться подробнее, так как они разумеются сами собой), из этого различия вытекает необходимость выставить на первый план и подчеркнуть сильнее тот экономический процесс развития, который порождает материальные и духовные условия с.-д. рабочего движения, и ту классовую борьбу пролетариата, организовать которую ставит себе задачей с.-д. партия. Характеристику основных черт современного экономического строя России и его развития следовало бы поставить во главу угла программы (ср. в программе Группы «Освобождение Труда»: «Капитализм сделал в России громадные успехи со времени отмены креп. права. Старая система натурального хозяйства уступает место товарному производству»...) и вслед затем очертить основную тенденцию капитализма: раскол народа на буржуазию и пролетариат, «рост нищеты, гнета, порабощения, унижения, эксплуатации». Эти последние знаменитые слова Маркса повторены во втором абзаце Эрфуртской программы германской с.-д-ой партии [97]); в последнее время критики, группирующиеся вокруг Бернштейна, с особенной силой напали именно на этот пункт, повторяя старые возражения буржуазных либералов и социал-политиков против «теории обнищания». По нашему мнению, полемика, которая велась по этому поводу, вполне доказала *полную несостоятельность* подобной «критики». Бернштейн сам признал верность указанных слов Маркса, как характеризующих *тенденцию* капитализма, — тенденцию, которая превращается в действительность при отсутствии классовой борьбы пролетариата против этой тенденции, при отсутствии завоеванных рабочим классом законов об охране рабочих. Именно в России мы видим в настоящее

время, как указанная тенденция проявляется с громадной силой на крестьянстве и на рабочих. А затем, Каутский показал, что слова о «росте нищеты и пр.» верны не только в смысле характеристики тенденции, но также и в смысле указания на рост «социальной нищеты», т.-е. рост несоответствия между положением пролетариата и уровнем жизни буржуазии, — уровнем общественных потребностей, повышающихся на-ряду с гигантским ростом производительности труда. Наконец, эти слова верны еще и в том смысле, что «на пограничных областях» капитализма (т.-е. в тех странах и в тех отраслях народного хозяйства, в которых капитализм только возникает, встречаясь с докапиталистическими порядками) рост нищеты — и притом не только «социальной», но и самой ужасной физической нищеты, до голодания и голодной смерти включительно — принимает массовые размеры. Всякий знает, что к России это приложимо вдесятеро больше, чем к какой-либо другой европейской стране. Итак, слова о «росте нищеты, гнета, порабощения, унижения, эксплуатации» необходимо должны, по нашему мнению, войти в программу, — во-1-х, потому, что они совершенно справедливо характеризуют основные и существенные свойства капитализма, характеризуют именно тот процесс, который происходит перед нашими глазами и который является одним из главных условий, порождающих рабочее движение и социализм в России; во-2-х, потому, что эти слова дают громадный материал для агитации, резюмируя целый ряд явлений, наиболее угнетающих, но и наиболее возмущающих рабочие массы (безработица, низкая зараб. плата, недоедание, голодовки, драконовская дисциплина капитала, проституция, рост числа прислуги и пр. и пр.); в-3-х, потому, что этой точной характеристикой гибельного действия капитализма и необходимости, неизбежности возмущения рабочих мы отгородим себя от тех половинчатых людей, которые, «сочувствуя» пролетариату и требуя «реформ» в его пользу, стараются занять «золотую середину» между пролетариатом и буржуазией, между самодержавным правительством и революционерами. А отгородиться от этих людей именно в настоящее время особенно необходимо, если стремиться к единой и сплоченной рабочей партии, ведущей решительную и бесповоротную борьбу за политическую свободу и за социализм.

Здесь необходимо сказать пару слов о нашем отношении к Эрфуртской программе. Из вышеизложенного всякий увидел уже, что мы считаем необходимыми такие изменения в проекте Группы «Освобождение Труда», которые приближают программу русских с.-д-тов к программе германских. Мы нисколько не боимся сказать, что мы хотим подражать Эрфуртской программе: в подражании тому, что̀ хорошо, нет ничего дурного, и именно теперь, когда так часто слышишь оппортунистическую и половинчатую

критику этой программы, мы считаем своим долгом открыто высказаться за нее. Но подражание ни в каком случае не должно быть простым списыванием. Подражание и заимствование вполне законны постольку, поскольку и в России мы видим те же *основные* процессы развития капитализма, те же *основные* задачи социалистов и рабочего класса, но они ни в каком случае не должны вести к забвению *особенностей* России, которые должны найти *полное выражение* в особенностях нашей программы. Забегая вперед, укажем сейчас же, что эти особенности относятся, во-1-х, к нашим политическим задачам и средствам борьбы; во-2-х, к борьбе против всех остатков патриархального, докапиталистического режима и к вызываемой этой борьбой особой постановке *крестьянского* вопроса.

После этой необходимой оговорки пойдем дальше. За указанием на «рост нищеты» должна идти характеристика *классовой борьбы* пролетариата, — указание цели этой борьбы (переход в общественную собственность всех средств производства и замена капиталистического производства социалистическим), — указание международного характера рабочего движения — указание *политического* характера классовой борьбы и ее *ближайшей* цели (завоевание политической свободы). Признание борьбы против самодержавия за политические свободы — первой политической задачей рабочей партии особенно необходимо, но для пояснения этой задачи следует, по нашему мнению, охарактеризовать классовый характер современного русского абсолютизма и необходимость ниспровержения его не только в интересах рабочего класса, но и в интересах всего общественного развития. Такое указание необходимо и в теоретическом отношении, ибо, с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата, — интересы всего рабочего движения в его целом выше интересов отдельного слоя рабочих или отдельных моментов движения; — и в практическом отношении, чтобы охарактеризовать центральный пункт, к которому должна сводиться и около которого должна группироваться вся разнообразная деятельность с.-д-тии, состоящая в пропаганде, агитации и организации. Нам думается, следовало бы также *кроме того* посвятить особый абзац программы указанию того, что с.-д. рабочая партия ставит своей *задачей* поддержку всякого революционного движения против абсолютизма и борьбу против всех попыток самодержавного правительства развратить и затемнить политическое сознание народа посредством чиновничьей опеки и лже-подачек, посредством той демагогической политики, которую наши немецкие товарищи назвали «Peitsche und Zuckerbrot» (плеть и пряник). Пряник = подачки тем, кто из-за частичных и отдельных улучшений материального положения отказывается от своих политических требований и остается покор-

ным рабом полицейского произвола (для студентов — общежития и т. п., для рабочих — стоит только вспомнить прокламации министра финансов Витте во время спб-ских стачек 96 и 97 г.г. или речи в защиту рабочих, произносившиеся членами от министерства внутренних дел в комиссии об издании закона 2 VI 97 г.). Плеть = усиленные преследования тех, кто, несмотря на эти подачки, остается борцом за политическую свободу (отдача в солдаты студентов; циркуляр 12 VIII 97 о ссылке в Сибирь рабочих; усиление преследований против с.-д-тии и пр.). Пряник — для приманки слабых, подкупа и развращения их; плеть — для устрашения и «обезвреження» честных и сознательных борцов за рабочее и за народное дело. Покуда существует абсолютизм — (— а мы должны теперь сообразовать нашу программу именно с существованием абсолютизма, ибо падение его неизбежно вызовет такое крупное изменение политических условий, которое заставит рабочую партию существенно изменить формулировку своих ближайших политических задач) — пока существует абсолютизм, мы должны ожидать постоянного обновления и усиления этих демагогических мероприятий правительства, а, след., должны систематически вести борьбу против них, разоблачая лживость полицейских радетелей народа, показывая связь правительственных реформ с рабочей борьбой, научая пролетариат пользоваться каждой реформой для укрепления своей боевой позиции, для расширения и углубления рабочего движения. Указание же на поддержку *всех* борцов против абсолютизма необходимо в программе потому, что русская социал-демократия, неразрывно слитая с передовыми элементами русского рабочего класса, должна выкинуть *общедемократическое* знамя, чтобы сгруппировать вокруг себя все слои и элементы, способные бороться за политическую свободу или хотя бы только поддерживать чем бы то ни было такую борьбу.

Таков наш взгляд на те требования, которым должна удовлетворять *принципиальная* часть нашей программы, и на те основные положения, которые должны быть возможно точнее и рельефнее выражены в ней. Из проекта программы Группы «Освобождение Труда» должны отпасть, по нашему мнению (из принципиальной части) 1) указания на форму крестьянского землевладения (о крестьянском вопросе мы скажем ниже); 2) указания на причины «неустойчивости» и пр. интеллигенции; 3) пункт об «устранении современной системы политического представительства и замене ее прямым народным законодательством»; 4) пункт о «средствах политической борбы». Мы не видим, правда, в этом последнем пункте ничего устарелого или неправильного: напротив, мы полагаем, что средства должны быть именно те, которые указаны Группой «Освобождение Труда» (агитация, — революционная организация, — переход «в удобный момент» к решительному нападению, не отказывающемуся, *в принципе,* и от террора), — но мы думаем, что

в программе *рабочей партии* не место указаниям на средства деятельности, которые были необходимы в программе заграничной группы революционеров в 1885 году. Программа должна оставить вопрос о средствах открытым, предоставив выбор средств борющимся организациям и съездам партии, устанавливающим *тактику* партии. Но вопросы *тактики* вряд ли могут быть вводимы в программу (за исключением наиболее существенных и *принципиальных* вопросов, вроде вопроса об отношении к другим борцам против абсолютизма). Вопросы тактики будут, по мере их возникновения, обсуждаться в газете партии и окончательно разрешаться на ее съездах. Сюда же относится, по нашему мнению, и вопрос о терроре: обсуждение этого вопроса — и, конечно, обсуждение не с принципиальной, а с тактической стороны — непременно должны поднять с.-д-ты, ибо рост движения сам собой стихийно приводит к учащающимся случаям убийства шпионов, к усилению страстного возмущения в рядах рабочих и социалистов, которые видят, что все бо́льшая и бо́льшая часть их товарищей замучивается на смерть в одиночных тюрьмах и в местах ссылки. Чтобы не оставлять места недомолвкам, оговоримся теперь же, что по нашему лично мнению террор является *в настоящее время не*целесообразным средством борьбы, что партия *(как партия)* должна отвергнуть его (впредь до изменения условий, которое могло бы вызвать и перемену тактики) и сосредоточить *все свои силы* на укреплении организации и правильной доставки литературы. Подробнее об этом говорить здесь не место.

Что касается до вопроса о прямом народном законодательстве, то нам кажется, что вносить его в программу в настоящее время вовсе не следует. Принципиально связывать победу социализма с *заменой* парламентаризма прямым народным законодательством — нельзя. Это доказали, на наш взгляд, прения по поводу Эрфуртской программы и книга Каутского о народном законодательстве [98]). Известную пользу народного законодательства Каутский признает (на основании исторического и политического анализа) при следующих условиях: 1) отсутствие противоположности между городом и деревней или перевес городов; 2) существование высоко-развитых политических партий; 3) «отсутствие чрезмерно централизованной государственной власти, самостоятельно противостоящей народному представительству». В России мы видим *совершенно противоположные* условия, и опасность вырождения «народного законодательства» в империалистический «плебисцит» была бы у нас особенно сильна. Если про Германию и Австрию Каутский говорил в 1893 году, что «для нас, восточно-европейцев, прямое народное законодательство относится к области «государства будущего»», то про Россию нечего и говорить. Мы думаем поэтому, что теперь, при господстве в Рос-

сии самодержавия, нам следует ограничиться требованием «демократической конституции» и два первые пункта практической части программы Группы «Освобождение Труда» предпочесть двум первым пунктам практической части «Эрфуртской программы».

Переходим к практической части программы. Эта часть распадается, по нашему мнению, если не по изложению, то по существу дела, на три отдела: 1) требования общедемократических преобразований, 2) требования мер для охраны рабочих и 3) требования мер в интересах крестьян. По первому отделу вряд ли есть надобность в существенных изменениях «проекта программы» Группы «Освобождение Труда», требующего 1) всеобщего избирательного права; 2) жалованья представителям; 3) всеобщего, светского, дарового и обязательного образования и пр.; 4) неприкосновенности личности и жилища граждан; 5) неограниченной свободы совести, слова, собраний и пр. (сюда следовало бы, пожалуй, специально добавить: свободы стачек); 6) свободы передвижений и занятий (сюда следовало бы, может быть, добавить: «свободы переселений» и «полной отмены паспортов»); 7) полной равноправности всех граждан и пр.; 8) замены постоянного войска всеобщим вооружением народа; 9) «пересмотра всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несовместимых с достоинством человека». Сюда следовало бы добавить: «установление полного равенства прав женщины с мужчиной». К этому же отделу должно присоединиться требование финансовых реформ, формулированное в программе Группы «Освобождение Труда» в числе требований, которые «выдвинет рабочая партия, опираясь на эти основные политические права» — «устранения современной податной системы и установления прогрессивного подоходного налога». Наконец, здесь же следовало бы еще быть требованию «выбора чиновников народом; предоставления каждому гражданину права преследовать судом всякого чиновника, без жалобы по начальству».

По второму отделу практических требований мы находим в программе Группы «Освобождение Труда» общее требование «законодательного регулирования отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организации соответствующей инспекции с представительством от рабочих». Нам думается, *рабочая партия* должна обстоятельнее и подробнее изложить требования по этому пункту, должна требовать (1) 8-часового рабочего дня; (2) запрещения ночной работы, запрещения работы детей до 14 лет; (3) непрерывного отдыха для каждого рабочего не менее 36 часов в неделю; (4) распространения фабричных законов и фабричной инспекции на все отрасли промышленности и сельского хозяйства, на казенные фабрики, на ремесленные заведения и на работающих по домам кустарей. Выборы рабочими помощников инспекторов, имеющих равные права с инспекторами; (5) учреждения промыш-

ленных и сельско-хозяйственных судов во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства с выборными судьями от хозяев и от рабочих поровну; (6) безусловного запрещения повсюду расплаты товарами; (7) законодательного установления ответственности фабрикантов за все несчастные случаи и увечья рабочих, как промышленных, так и сельских; (8) законодательного установления при всех случаях найма всяких рабочих расплаты не реже одного раза в неделю; (9) отмены всех законов, нарушающих равноправность нанимателей и нанимающихся (напр., законов об уголовной ответственности фабричных и сельских рабочих за уход с работ; законов, предоставляющих нанимателям гораздо больше свободы расторгать договор найма, чем нанимающимся, и проч.). (Само собою разумеется, что мы только намечаем желательные требования, не придавая им окончательной формулировки, требуемой для проекта.) Этот отдел программы должен (в связи с предъидущим) дать основные, руководящие положения для агитации, отнюдь не стесняя, конечно, выставление агитаторами в отдельных местностях, отраслях производства, фабриках и пр. других, несколько видоизмененных, более конкретных, более частных требований. При составлении этого отдела программы мы должны стремиться, поэтому, избежать двух крайностей: с одной стороны, надо не опустить ни одного из главных, основных требований, имеющих существенное значение для *всего* рабочего класса; с другой стороны, — надо не вдаваться в чрезмерные частности, заполнение каковыми программы было бы не рационально.

Требование «государственной помощи производительным ассоциациям», стоящее в программе Группы «Освобождение Труда», должно быть вовсе устранено из программы, по нашему мнению. И опыт других стран, и теоретические соображения, и особенности русской жизни (склонность буржуазных либералов и полицейского правительства заигрывать с «артелями» и с «покровительством» «народной промышленности» и т. п.), — все говорит против выставления этого требования. (Конечно, 15 лет тому назад дело обстояло во многих отношениях иначе, и *тогда* включение с.-д-тами подобного требования в свою программу было естественно.)

Нам остается последний — третий — отдел практической части программы: требования по крестьянскому вопросу. В программе Группы «Освобождение Труда» находим одно такое требование, именно требование «радикального пересмотра наших аграрных отношений, т.-е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ. Предоставление права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным, и т. п.».

Мне кажется, что основная мысль, выраженная здесь, совершенно справедлива и что с.-д. рабочая партия действительно должна выставить в своей программе соответствующее требование (го-

ворю: соответствующее, ибо некоторые изменения представляются мне желательными).

Я понимаю этот вопрос следующим образом. Крестьянский вопрос в России существенно отличается от крестьянского вопроса на Западе, но отличается *только тем,* что на Западе речь идет почти исключительно о крестьянине в капиталистическом, буржуазном обществе, а в России — главным образом о крестьянине, который не менее (если не более) страдает от *докапиталистических* учреждений и отношений, страдает от *пережитков крепостничества.* Роль крестьянства, как класса, поставляющего борцов против абсолютизма и против пережитков крепостничества, на Западе уже сыграна, в России — еще нет. На Западе промышленный пролетариат давно и резко отделился от деревни, причем это отделение закреплено уже соответствующими правовыми учреждениями. В России «промышленный пролетариат, по своим составным элементам и условиям существования, в высокой степени связан еще с деревней» (П. Б. Аксельрод, цитир. брош., с. 11). Правда, процесс разложения крестьянства на мелкую буржуазию и на наемных рабочих идет у нас с громадной силой, с поразительной быстротой, но этот процесс еще далеко не закончился, и — главное — этот процесс идет все еще в рамках старых, крепостнических учреждений, связывающих всех крестьян тяжелой цепью круговой поруки и фискальной общины. Таким образом, русский с.-д-т, даже если он принадлежит (как пишущий эти строки) к решительным противникам охраны или поддержки мелкой собственности или мелкого хозяйства в капиталистическом обществе, т.-е. даже если и в аграрном вопросе он становится (как пишущий эти строки) на сторону тех марксистов, которых всякие буржуи и оппортунисты любят теперь ругать «догматиками» и «правоверными»,— может и должен, нисколько не изменяя своим убеждениям, а, напротив, именно в силу этих убеждений — стоять за то, чтобы рабочая партия поставила на своем знамени *поддержку* крестьянства (*отнюдь не* как класса мелких собственников или мелких хозяев), *поскольку это крестьянство способно на революционную борьбу против остатков крепостничества вообще и против абсолютизма в частности.* Ведь мы все, социал-демократы, объявляем, что готовы поддержать и крупную буржуазию, *поскольку она способна* на *революционную* борьбу с указанными явлениями, — так как же мы можем отказать в такой поддержке многомиллионному классу мелкой буржуазии, сливающемуся постепенными переходами с пролетариатом? Если поддерживать либеральные требования крупной буржуазии не значит поддерживать крупную буржуазию, то ведь поддерживать демократические требования мелкой буржуазии отнюдь не значит поддерживать мелкую буржуазию: напротив, именно то развитие, которое откроет России политическая свобода, будет с особенной силой вести к гибели мелкого хозяйства под

ударами капитала. Мне кажется, что по этому-то пункту среди с.-д-тов не будет споров. Вопрос весь, значит, в том: 1) как выработать именно такие требования, которые бы *не сбивались* на поддержку мелких хозяйчиков в капиталистическом обществе? и 2) способно ли хоть отчасти наше крестьянство на *революционную* борьбу с остатками крепостничества и с абсолютизмом?

Начнем с второго вопроса. Наличность в русском крестьянстве революционных элементов, вероятно, не станет отрицать никто. Известны факты восстаний крестьян и в пореформенное время против помещиков, их управляющих, защищающих их чиновников, известны факты аграрных убийств, бунтов и пр. Известен факт растущего возмущения в крестьянстве (в котором даже убогие обрывки образования начали уже пробуждать чувство человеческого достоинства) против дикого произвола той шайки благородных оборванцев, которую напустили на крестьян под именем земских начальников. Известен факт все учащающихся голодовок миллионов народа, которые не могут оставаться безучастными зрителями подобных «продовольственных затруднений». Известен факт роста в крестьянской среде сектантства и рационализма,—а выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не одной России. Наличность революционных элементов в крестьянстве не подлежит, таким образом, ни малейшему сомнению. Мы нисколько не преувеличиваем силы этих элементов, не забываем политической неразвитости и темноты крестьян, нисколько не стираем разницы между «русским бунтом, бессмысленным и беспощадным» и революционной борьбой, нисколько не забываем того, какая масса средств у правительства политически надувать и развращать крестьян. Но из всего этого следует только то, что безрассудно было бы выставлять *носителем* революционного движения крестьянство, что безумна была бы партия, которая *обусловила бы* революционность своего движения революционным настроением крестьянства. Ничего подобного мы ведь и не думаем предлагать русским с.-д-там. Мы говорим лишь, что рабочая партия не может, не нарушая основных заветов марксизма и не совершая громадной политической ошибки, *пройти мимо* тех революционных элементов, которые есть и в крестьянстве, не оказать поддержки этим элементам. Сумеют ли эти революционные элементы русского крестьянства проявить себя хоть так, как проявили себя западно-европейские крестьяне при низвержении абсолютизма, — это вопрос, на который история еще не дала ответа. Если не сумеют, — социал-демократия нимало не потеряет от этого в своем добром имени и в своем движении, ибо не ее вина, что крестьянство не ответило (может быть не в силах было ответить) на ее революционный призыв. Рабочее движение идет и пойдет своим путем, несмотря ни на

какие измены крупной или мелкой буржуазии. Если сумеют, — то социал-демократия, которая не оказала бы при этом поддержки крестьянству, навсегда потеряла бы свое доброе имя и право считаться передовым борцом за демократию.

Переходя к первому поставленному выше вопросу, мы должны сказать, что требование «радикального пересмотра аграрных отношений» представляется нам неотчетливым: оно могло быть достаточно 15 лет тому назад, но вряд ли можно удовлетвориться им теперь, когда мы должны и дать руководящий материал для агитации, и отгородить себя от защитников мелкого хозяйства, столь многочисленных в современном русском обществе и находящих столь «влиятельных» сторонников, как гг. Победоносцев, Витте и весьма многие чиновники министерства внутренних дел. Мы позволим себе предложить на обсуждение товарищей такую примерно формулировку третьего отдела практической части нашей программы:

«Поддерживая всякое революционное движение против современного государственного и общественного строя, русская с.-д-тическая рабочая партия объявляет, что она будет поддерживать крестьянство, поскольку оно способно на революционную борьбу против самодержавия как класс, наиболее страдающий от бесправия русского народа и от остатков крепостного права в русском обществе.

«Исходя из этого принципа, русская с.-д. рабочая партия требует:

«1) Отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие.

«2) Возвращения народу тех денег, которые награбили с крестьян правительство и помещики в виде выкупных платежей.

«3) Отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей.

«4) Уничтожения всех остатков крепостной зависимости крестьян от помещиков, проистекают ли эти остатки от особых законов и учреждений (напр., положение крестьян и рабочих в горнозаводских округах Урала) или от того, что крестьянские и помещичьи земли все еще не размежеваны (напр., остатки сервитутов в Западном крае), или от того, что отрезка крестьянской земли помещикам ставит крестьян фактически в безвыходное положение прежних барщинных крестьян.

«5) Предоставление крестьянам права требовать по суду понижения непомерно высокой арендной платы и преследовать за ростовщичество помещиков и вообще всех лиц, которые, пользуясь нуждой крестьян, заключают с ними кабальные сделки».

На мотивировке такого предложения мы должны остановиться особенно подробно — не потому, чтобы эта часть программы

была наиболее важна, а потому, что она наиболее спорна и стоит в наиболее далекой связи с общеустановленными, всеми с.-д.-тами признанными истинами. Вступительное положение об (условной) «поддержке» крестьянства кажется нам необходимым потому, что пролетариат не может и не должен, вообще говоря, брать на себя защиту интересов класса мелких хозяйчиков; он может лишь поддерживать его *постольку, поскольку* он революционен. А так как именно самодержавие воплощает в себе в настоящее время всю отсталость России, все остатки крепостничества, бесправия и «патриархального» угнетения, то необходимо указать, что рабочая партия поддерживает крестьянство лишь постольку, поскольку оно способно на революционную борьбу с *самодержавием.* Такое положение исключается, повидимому, следующим положением проекта Группы «Освобождение Труда»: «Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства». Но это — противоречие не теории, а самой жизни, ибо крестьянство (как и вообще класс мелких хозяев) отличается двойственными чертами. Не повторяя известных политико-экономических доводов, доказывающих внутренне-противоречивое положение крестьянства, напомним следующую характеристику, данную Марксом французскому крестьянству начала 50-х годов:

... «Династия Бонапарта является представительницей не революционного, а консервативного крестьянина, не того крестьянина, который стремится вырваться из своих социальных условий существования, определяемых парцеллой, а того крестьянина, который хочет укрепить эти условия и эту парцеллу, — не того сельского населения, которое стремится присоединиться к городам и силой своей собственной энергии ниспровергнуть старый порядок, а того, которое, наоборот, тупо замыкается в этот старый порядок и ждет от призрака империи, чтобы он спас его и его парцеллу и дал ему привилегированное положение. Династия Бонапарта является представительницей не просвещения крестьянина, а его суеверия, не его рассудка, а его предрассудка, не его будущего, а его прошлого, не его современных Севеннов, а его современной Вандеи» («Der 18 Brumaire», S. 99) *). Вот именно поддержка того крестьянства, которое стремится ниспровергнуть «старый порядок», т.-е. в России прежде всего и больше всего самодержавие, и необходима для рабочей партии. Русские с.-д.-ты всегда признавали необходимость выделить из доктрины и направления народничества его революционную сторону и воспринять ее. В программе Группы «Освобождение Труда» это выражено не только в вышецитированном требовании «радикального пересмотра» и проч., но и в следующих словах: «Само собою, впро-

*) *К. Маркс,* «18 Брюмера Луи Бонапарта», стр. 99. *Ред.*

чем, разумеется, что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. С.-д-ты не только не оттолкнут от себя таких людей, но приложат все старание, чтобы согласиться с ними в основных принципах и приемах своей деятельности». 15 лет тому назад, когда живы еще были традиции революционного народничества, достаточно было такого заявления, но теперь мы сами должны начать обсуждение «основных принципов деятельности» в крестьянстве, если мы хотим, чтобы с.-д. рабочая партия сделалась передовым борцом за демократию.

Но не ведут ли предложенные нами требования к поддержке не личности крестьян, а их собственности? к укреплению мелкого хозяйства? соответствуют ли они всему ходу капиталистического развития? Рассмотрим эти вопросы, наиболее важные для марксиста.

По поводу 1-го требования и 3-го вряд ли может быть между с.-д-тами разногласие *по существу дела.* Второе требование вызовет, вероятно, разногласия и по своему существу. В защиту его говорят, по нашему мнению, следующие соображения: (1) что выкупные платежи были прямым ограблением крестьян помещиками, что они платились не только за крестьянскую землю, но и за крепостное право, что правительство собрало с крестьян *больше,* чем оно уплатило помещикам, это факт; (2) у нас нет оснований смотреть на этот факт, как на вполне законченное и сданное уже в архив истории событие, ибо так не смотрят на крестьянскую реформу сами благородные эксплуататоры, кричащие теперь о «жертвах», понесенных ими тогда; (3) именно теперь, когда голодание миллионов крестьян становится хроническим, когда правительство, соря миллионами на подарки помещикам и капиталистам, на авантюристскую внешнюю политику, выторговывает гроши от пособий голодающим, именно теперь уместно и необходимо напомнить о том, во что обошлось народу хозяйничанье самодержавного правительства, служащего интересам привилегированных классов; (4) с.-д-ты не могут оставаться равнодушными зрителями голодания крестьянства и вымирания его голодной смертью. На счет необходимости самой широкой помощи голодающим между русскими с.-д-тами никогда не было двух мнений. А вряд ли кто станет утверждать, что серьезная помощь возможна без революционных мер; (5) экспроприация удельных земель и усиленная мобилизация дворянских земель, — т.-е. то, что явилось бы следствием осуществления предлагаемого требования, — принесли бы лишь пользу всему общественному развитию России. *Против* предлагаемого требования нам указали бы, вероятно, главным образом, на его «неисполнимость». Если такое указание подкреплялось бы только фразами против «революцио-

паризма» и «утопизма», то мы наперед скажем, что подобные *оппортунистические фразы* нас нисколько не испугают и мы не придадим им никакого значения. Если же такое указание будут подкреплять анализом экономических и политических условий нашего движения, то мы вполне признаем необходимость более подробного обсуждения этого вопроса и пользу полемики по поводу него. Заметим только, что это требование не стоит самостоятельно, а входит, как часть, в требование поддерживать крестьянство, *поскольку* оно революционно. Вопрос о том, как именно и с какой силой проявят себя эти элементы крестьянства, решит история. Если под «исполнимостью» требований разуметь не общее соответствие их с интересами общественного развития, а соответствие их с данной конъюнктурой экономических и политических условий, то такой критерий был бы совершенно неправилен, как это убедительно показал Каутский в своей полемике против Розы Люксембург, указывавшей на «неисполнимость» (для польской рабочей партии) требования о независимости Польши. Каутский указал тогда (если память нам не изменяет), как на пример, на то требование Эрфуртской программы, которое говорит о выборе чиновников народом. «Исполнимость» этого требования более чем сомнительна в современной Германии, но никто из с.-д-тов не предлагал ограничить свои требования узкими рамками возможного в данный момент и при данных условиях [99]).

Далее, что касается до 4-го пункта, то в принципе, вероятно, никто не будет возражать против необходимости для с.-д-тов выставить требование об уничтожении всех остатков крепостной зависимости. Вопрос будет идти, вероятно, лишь о формулировании этого требования и затем о широте его, т.-е. включать ли в него, напр., требование мер, устраняющих *фактическую* барщинную зависимость крестьян, созданную отрезками крестьянской земли в 1861 году? По нашему мнению, вопрос этот надо решить в утвердительном смысле. Громадное значение фактического переживания барщинного (отработочного) хозяйства вполне установлено литературой, а равно и громадная задержка общественному развитию (и развитию капитализма), создаваемая этим переживанием. Конечно, развитие капитализма ведет и приведет в конце концов «само собой, естественным путем» к устранению этих переживаний, но, во-первых, эти переживания обладают исключительной прочностью, так что на очень быстрое устранение их нельзя рассчитывать, а во-вторых — и это главное — «естественный путь» означает не что иное, как вымирание крестьян, которые *фактически* (благодаря отработкам и пр.) привязаны к земле и порабощены помещикам. Разумеется, с.-д-ты не могут при таких условиях обойти этот вопрос молчанием в своей программе. Нас спросят: как могло бы быть осуществлено это требование? Мы думаем, что говорить об этом в программе не

надо. Конечно, осуществление этого требования (зависящее, как осуществление почти всех требований этого отдела, от силы революционных элементов крестьянства) потребует всестороннего рассмотрения местных условий местными выборными, крестьянскими комитетами, — в противовес тем дворянским комитетам, которые совершали свой «законный» грабеж в 60-х годах; демократические требования программы достаточно определяют демократические учреждения, которые понадобились бы для этого. Это был бы именно «радикальный пересмотр аграрных отношений», о котором говорит программа Группы «Освобождение Труда». Как было уже замечено выше, мы согласны в принципе с этим пунктом проекта Группы «Освобождение Труда» и желали бы только (1) оговорить условия, при которых пролетариат может бороться за классовые интересы крестьянства; (2) определить *характер* пересмотра: уничтожение остатков крепостной зависимости; (3) выразить требования конкретнее. — Предвидим еще одно возражение: пересмотр вопроса об отрезных землях и т. п. должен вести к возвращению этих земель крестьянам. Это ясно. А разве это не укрепит мелкую собственность, мелкую парцеллу? разве могут с.-д-ты желать замены крупного капиталистического хозяйства, которое, может быть, ведется на награбленных у крестьян землях — мелким хозяйством? Ведь это была бы *реакционная* мера! — Отвечаем: несомненно, замена крупного хозяйства мелким реакционна, и мы не должны стоять за нее. Но ведь разбираемое требование *обусловлено* целью «уничтожить остатки крепостной зависимости» — след., к дроблению крупных хозяйств оно не может вести; оно относится только к старым хозяйствам чисто-барщинного, в сущности, типа, — и *по отношению к ним* крестьянское хозяйство, свободное от всяких средневековых стеснений (ср. п. 3), *не реакционно, а прогрессивно*. Конечно, разграничительную линию тут провести не легко, — но ведь мы вовсе не думаем, чтобы какое-нибудь требование нашей программы было «легко» осуществимо. Наше дело: наметить основные принципы и основные задачи, а о частностях сумеют позаботиться те, кому доведется практически решать эти задачи.

Последний пункт по своей цели стремится к тому же, как и предыдущий: к борьбе против всех (столь обильных в русской деревне) остатков *докапиталистического способа производства*. Как известно, крестьянская аренда в России очень часто прикрывает лишь переживание барщинных отношений. Идея же этого последнего пункта заимствована нами у Каутского, который, указав на то, что по отношению к Ирландии уже либеральное министерство Гладстона провело в 1881 году закон о предоставлении суду права понижать чрезмерно высокие арендные цены, включил в число желательных требований такое: «Понижение чрезмерных арендных плат судебными учреждениями, созданными для

этой цели» (Reduzierung übermässiger Pachtzinsen durch dazu eingesetzte Gerichtshöfe)[100]. В России это было бы особенно полезно (конечно, при демократической организации таких судов) в смысле вытеснения барщинных отношений. Мы думаем, можно бы присоединить к этому и требование распространить законы о ростовщичестве на кабальные сделки: в русской деревне кабала развита так безмерно, она так тяжело давит крестьянина *в качестве рабочего,* она так громадно задерживает социальный прогресс, что борьба против нее особенно необходима. А установить кабальный, ростовщический характер сделки суду было бы, конечно, не труднее, чем установить чрезмерность арендной платы.

В общем и целом, предлагаемые нами требования сводятся, по нашему мнению, к двум основным целям: 1) уничтожение всех *до-капиталистических,* крепостнических учреждений и отношений в деревне (дополнение этих требований заключается в первом отделе практической части программы); 2) сообщение классовой борьбе в деревне более открытого и сознательного характера. Нам думается, именно эти принципы должны служить руководством для с.-д-тической «аграрной программы» в России; — необходимо решительно отгородить себя от столь обильных в России стремлений *сгладить* классовую борьбу в деревне. Господствующее либерально-народническое направление отличается именно этим характером, но, решительно отвергая его (как это и сделано в «Приложении к докладу русских с.-д-тов на международном конгрессе в Лондоне»), не следует забывать, что мы должны выделить революционное содержание народничества. «Поскольку народничество было революционно, т. е. выступало против сословно-бюрократического государства и поддерживаемых им варварских форм эксплуатации и угнетения народных масс, постольку оно должно было войти, с соответствующими изменениями, как составной элемент, в программу русской с.-д-тии» (Аксельрод: «К вопросу о современных задачах и тактике», с. 7). В русской деревне переплетаются в настоящее время две основные формы классовой борьбы: 1) борьба крестьянства против привилегированных землевладельцев и против остатков крепостничества; 2) борьба нарождающегося сельского пролетариата с сельской буржуазией. Для с.-д-тов, конечно, вторая борьба имеет более важное значение, но они необходимо должны поддержать и первую борьбу, *поскольку это не противоречит* интересам общественного развития. Крестьянский вопрос не случайно занимал и занимает так много места в русском обществе и в русском революционном движении: этот факт — лишь отражение того, что и первая борьба продолжает сохранять большое значение.

В заключение необходимо предупредить одно возможное недоразумение. Мы говорили о «революционном призыве» крестьян с.-д-тией. Не значит ли это разбрасываться, вредить необходи-

мой концентрации сил на работу среди промышленного пролетариата? Нисколько; необходимость такой концентрации признают *все* русские с.-д-ты, она указана и в проекте Группы «Освобождение Труда» в 1887 г. и в брошюре «Задачи русских с.-д.» в 1898 г. След., нет решительно никаких оснований бояться того, что с.-д. станут разбрасывать свои силы. Программа ведь не инструкция: программа должна охватывать *все* движение, а на практике, конечно, приходится выдвигать на первый план то ту, то другую сторону движения. Никто не станет спорить против необходимости говорить в программе не только о промышленных, но и о сельских рабочих, хотя в то же время ни один русский с.-д-т и не думал еще звать товарищей в деревню при настоящем положении дел. Но рабочее движение само собой, даже помимо наших усилий, неизбежно поведет к распространению демократических идей в деревне. «Агитация на почве экономических интересов неизбежно приведет с.-д-тические кружки в непосредственное столкновение с фактами, наглядно показывающими теснейшую солидарность интересов нашего промышленного пролетариата с крестьянскими массами» (Аксельрод, ib., с. 13), и вот почему «Agrarprogramm»*) (*в указанном смысле:* конечно, строго говоря, это вовсе не «аграрная программа») настоятельно необходима для русских с.-д. В нашей пропаганде и агитации мы постоянно натыкаемся на рабочих-крестьян, т.-е. фабричных и заводских рабочих, которые сохраняют связи с деревней, имеют там родню, семью, ездят туда. Вопросы о выкупных платежах, о круговой поруке, об арендной плате — живо интересуют сплошь и рядом даже столичного рабочего (мы не говорим уже об уральских, напр., рабочих, в среду которых тоже начала проникать с.-д. пропаганда и агитация). Мы не исполнили бы своего долга, если бы не позаботились о том, чтобы дать точное руководство для с.-д-тов и сознательных рабочих, попадающих в деревню. Затем, не надо забывать и деревенской интеллигенции, напр., народных учителей, которые находятся в таком приниженном, и материально и духовно, положении, которые так близко наблюдают и на себе лично чувствуют бесправие и угнетение народа, что распространение среди них сочувствия с.-д-тизму не подлежит (при дальнейшем росте движения) никакому сомнению.

Итак, вот каковы должны быть, по нашему мнению, составные части программы российской с.-д. рабочей партии: 1) указание на основной характер экономического развития России; 2) указание на неизбежный результат капитализма: рост нищеты и рост возмущения рабочих; 3) указание на классовую борьбу пролетариата, как на основу нашего движения; 4) указание на конечные цели с.-д. рабочего движения,—на его стремление за-

*) — «аграрная программа». *Ред.*

воевать для осуществления этих целей политическую власть, — на международный характер движения; 5) указание на необходимый политический характер классовой борьбы; 6) указание на то, что русский абсолютизм, обусловливая бесправие и угнетение народа и покровительствуя эксплуататорам, является главной помехой рабочего движения, и потому завоевание политической свободы, необходимое и в интересах всего обществ. развития, составляет ближайшую политическую задачу партии; 7) указание на то, что партия будет поддерживать все партии и слои населения, борющиеся против абсолютизма, будет вести войну против демагогических происков нашего правительства; 8) перечисление основных демократических требований, — затем (9) требований в пользу рабочего класса и (10) требований в пользу крестьян с объяснением общего характера этих требований.

Вполне сознавая трудность задачи дать вполне удовлетворительную формулировку программы без ряда совещаний с товарищами, мы считаем однако необходимым взяться за это дело, полагая, что откладывать его (по вышеуказанным причинам) нельзя, и надеясь, что нам придут на помощь и все теоретики партии (во главе их члены Группы «Освобождение Труда») и все практически работающие в России социалисты (а не одни только с.-д-ты: слышать мнение социалистов других фракций нам было бы очень желательно, и мы не отказались бы от напечатания их отзывов) и все сознательные рабочие.

ПОПЯТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Написано в конце 1899 г.
Впервые напечатано в 1924 г.
в «Пролетарской Революции» № 8 — 9

Печатается по рукописи, переписанной неизвестной рукою печатными буквами и просмотренной В. И. Лениным

Попятное направление в русской соц.-демократии.

Редакция «Рабочей Мысли» издала «Отдельное приложение к Раб. Мысли» (сентябрь 1899), желая рассеять всю ту массу недоразумений и неопределенностей, которые существуют относительно направления «Р. Мысли» (вроде отрицания «нами политики», например) (от редакции). Мы очень рады тому, что «Раб. Мысль» открыто ставит, наконец, вопросы программные, которых она как будто не хотела знать до сих пор, но мы решительно протестуем против того, что «направление Раб. Мысли» есть направление передовых русских рабочих (как заявляет там же редакция). Нет, если редакция Раб. Мысли хочет идти по тому пути, который намечается (понятнее намечается) в названном издании, то это значит, что она неверно понимает ту программу, которую выработали основатели русской соц.-демократии и которой держались до сих пор все русские соц.-демократы, действовавшие в России, это значит, что она делает шаг назад против той ступени теоретического и практического развития, которой уже достигла русская социал-демократия.

Направление «Рабочей Мысли» излагается в передовой статье «Отдельного приложения»: «Наша действительность» (подписано Р. М.). Эту статью мы и должны теперь разобрать со всею подробностью.

Уже с самого начала статьи оказывается, что Р. М. прямо неверно изображает «нашу действительность» вообще и наше рабочее движение в частности, обнаруживает необыкновенно узкое понимание рабочего движения и стремление закрывать глаза на те высшие формы его, которые оно уже выработало под руководством русских соц.-демократов. В самом деле: «наше рабочее движение — говорит Р. М. в самом начале статьи — несмотря на разнообразные формы организаций, начиная от стачечных сообществ и вплоть до легальных (разрешенных законом) обществ» — и только? спросит в недоумении читатель? Неужели Р. М. не заметил в России никаких более высоких, более передовых форм организации рабочего движения? Очевидно, он не хочет замечать их, потому что на следующей же странице он повторяет свое положение еще в гораздо более решительной форме. «Задачи движения данной минуты, настоящее рабочее дело русских рабочих — говорит он — сводится к улучшению рабочими своего положения всеми возможными способами»; и в осуществление этих способов входят опять таки только стачечные организации и легальные общества! Итак, русское рабочее движение сводится, будто бы, к стачкам и легальным обществам! Да ведь это же прямая неправда! Русское рабочее движение уже 20 лет тому назад основало более широкую организацию, выставило более широкие задачи (мы скажем об этом сейчас подробнее). Русское рабочее движение создало такие организации, как СПБургский и Киевский Союзы борьбы, Еврейский рабочий Союз и др. Р. М. говорит, правда, что еврейское рабочее движение «носит особый политический характер», является исключением. Но это опять таки неправда, ибо если бы Еврейский Рабочий Союз «стоял особо», то он не слился бы с рядом русских организаций и не образовал бы «Российск. С.-Демократ. Рабочую Партию». Основание этой Партии есть крупнейший шаг русского рабочего движения в его слиянии с русским революционным движением. Этот шаг ясно доказал, что русское рабочее движение не сводится к стачкам и законным обществам. Как могло произойти, что русские социалисты, пишущие в «Раб. Мысли», не хотят видеть этого шага или не хотят понять его значения?

Произошло это от того, что Р. М. не понимает ни отношения русского рабочего движения к социализму и революционному движению в России, ни политических задач русского рабочего класса. «Лучшими показателями направления нашего движения — пишет Р. М. — служат, конечно, требования предъявляемые рабочими». Мы спрашиваем, почему же это к показателям нашего движения не причисляются требования социалдемократов и соц.-демократических организаций? На каком основании Р. М. отделяет рабочие требования от требований русских соц.-демократов? А это отделение Р. М. проводит во всей своей статье, как и вообще редакция «Раб. Мысли» проводит это в каждом номере своей газеты. Чтобы разъяснить эту ошибку «Раб. Мысли», мы должны разъяснить общий вопрос об отношении социализма к рабочему движению. Во всех европейских странах социализм и рабочее движение существовали сначала отдельно друг от друга. Рабочие вели борьбу с капиталистами, устраивали стачки и союзы, а социалисты стояли в стороне от рабоч. движения, создавали учения, критикующие современный капиталистический, буржуазный строй общества и требующие замены этого строя другим, высшим социалистическим строем. Отделение раб. движения от социализма вызывало слабость и неразвитость и того и другого: учения социалистов, не слитые с рабочей борьбой, оставались лишь утопиями, добрыми пожеланиями, не влиявшими на действительную жизнь; раб. движение оставалось мелочным, раздробленным, не приобретало политического значения, не освещалось передовой наукой своего времени. Поэтому во всех европейских странах мы видим, что все сильнее и сильнее проявлялось стремление слить социализм и рабочее движение в единое социалдемократическое движение. Классовая борьба рабочих превращается при таком слиянии в сознательную борьбу пролетариата за свое освобождение от эксплуатации его со стороны имущих классов, вырабатывается высшая форма социалистического движения рабочих: самостоятельная рабочая соц.-демократическая партия. Направление социализма к слиянию с рабочим движением есть главная заслуга К. Маркса и Фр. Энгельса: они создали такую революционную теорию, которая объясняла необходимость этого слияния и поставила задачей

1-я страница рукописи «Попятное направление в русской социал-демократии» — 1899 г.

Редакция «Рабочей Мысли» издала «Отдельное приложение к «Раб. Мысли»» (сентябрь 1899), желая «рассеять всю ту массу недоразумений и неопределенностей, которые существуют относительно направления «Р. Мысли» (вроде «отрицания» нами «политики», например)». (От редакции.) Мы очень рады тому, что «Раб. Мысль» открыто ставит, наконец, вопросы программные, которых она как будто не хотела знать до сих пор, но мы решительно протестуем против того, что «направление «Раб. Мысли» есть направление передовых русских рабочих» (как заявляет там же редакция). Нет, если редакция «Раб. Мысли» хочет идти по тому пути, который намечается (пока только *намечается*) в названном издании, то это значит, что она неверно понимает ту программу, которую выработали основатели русской соц.-демократии и которой держались до сих пор все русские соц.-демократы, действовавшие в России; это значит, что она делает *шаг назад* против той ступени теоретического и практического развития, которой уже достигла русская социал-демократия.

Направление «Рабочей Мысли» излагается в передовой статье «Отдельного приложения»: «Наша действительность» (подписано *Р. М.* [101])). Эту статью мы и должны теперь разобрать со всей подробностью.

Уже с самого начала статьи оказывается, что *Р. М. прямо не верно* изображает «нашу действительность» вообще и наше рабочее движение в частности, обнаруживает непомерно узкое понимание рабочего движения и стремление закрывать глаза на те высшие формы его, которые оно уже выработало под руководством русских соц.-демократов. В самом деле: «наше рабочее движение, — говорит *Р. М.* в самом начале статьи, — носит зачатки разнообразнейших форм организации», начиная от стачечных сообществ и вплоть до легальных (разрешенных законом) обществ.—И только?—спросит в недоумении читатель. Неужели *Р. М.* не заметил в России никаких *более высоких*, более передовых форм организации рабочего движения? Очевидно, он не хочет замечать их, потому что на следующей же странице он повторяет свое положение еще в гораздо более решительной

форме: «Задачи движения данной минуты, настоящее рабочее дело русских рабочих, — говорит он, — сводится к улучшению рабочими своего положения *всеми возможными способами*», и в перечисление этих способов входят опять-таки *только* стачечные организации и легальные общества! Итак, русское рабочее движение *сводится*, будто бы, к стачкам и легальным обществам! Да ведь это же прямая *неправда!* Русское рабочее движение уже 20 лет тому назад основало более широкую организацию, выставило более широкие задачи (мы скажем об этом сейчас подробнее). Русское рабочее движение создало такие организации, как С.-Петербургский и Киевский «Союзы борьбы», Еврейский Рабочий Союз[102]) и др. *Р. М.* говорит, правда, что еврейское рабочее движение носит «особый политический характер», является исключением. Но это опять-таки неправда, ибо если бы Еврейский Рабочий Союз стоял «особо», то он *не соединился бы* с рядом русских организаций и не образовал бы «Российск. С.-Демократ. Рабочую Партию». Основание этой партии есть крупнейший шаг русского рабочего движения *в его слиянии* с русским революционным движением. Этот шаг ясно доказал, что русское рабочее движение *не сводится* к стачкам и законным обществам. Как могло произойти, что русские социалисты, пишущие в «Раб. Мысли», не хотят видеть этого шага, не хотят понять его значения?

Произошло это оттого, что *Р. М.* не понимает ни отношения русского рабочего движения к социализму и революционному движению в России, ни политических задач русского рабочего класса. «Характернейшим показателем направления нашего движения, — пишет *Р. М.*,— служат, конечно, требования, предъявляемые рабочими». Мы спрашиваем, почему же это к показателям *нашего движения* не причисляются требования *социал-демократов* и соц.-демократических организаций? На каком основании *Р. М.* отделяет рабочие требования от требований русских соц.-демократов? А это отделение *Р. М.* проводит во всей своей статье, как и вообще редакция «Раб. Мысли» проводит это в каждом номере своей газеты. Чтобы разъяснить эту ошибку «Раб. Мысли», мы должны разъяснить общий вопрос об отношении *социализма* к *рабочему движению*. Во всех европейских странах социализм и рабочее движение существовали сначала отдельно друг от друга. Рабочие вели борьбу с капиталистами, устраивали стачки и союзы, а социалисты стояли в стороне от рабочего движения, создавали учения, критикующие современный капиталистический, буржуазный строй общества и требующие замены этого строя другим, высшим социалистическим строем. Отделение рабочего движения от социализма вызывало слабость и неразвитость и того и другого: учения социалистов, не слитые с рабочей борьбой, оставались лишь

утопиями, добрыми пожеланиями, не влиявшими на действительную жизнь; рабочее движение оставалось мелочным, раздробленным, не приобретало политического значения, не освещалось передовой наукой своего времени. Поэтому во всех европейских странах мы видим, что все сильнее и сильнее проявлялось стремление *слить* социализм и рабочее движение в единое *социал-демократическое* движение. Классовая борьба рабочих превращается при таком слиянии в *сознательную борьбу пролетариата* за свое освобождение от эксплуатации его со стороны имущих классов, вырабатывается высшая форма социалистического рабочего движения: *самостоятельная рабочая соц.-демократическая партия*. Направление социализма к слиянию с рабочим движением есть главная заслуга К. Маркса и Фр. Энгельса: они создали такую революционную теорию, которая объяснила необходимость этого слияния и поставила задачей социалистов организацию классовой борьбы пролетариата.

Совершенно так же шло дело и в России. И у нас социализм существовал очень долго, в течение многих десятилетий, *в стороне* от борьбы рабочих с капиталистами, от рабочих стачек и пр. С одной стороны, социалисты не понимали теории Маркса, считали ее неприменимой к России; с другой стороны, русское рабочее движение оставалось еще в совершенно зачаточной форме. Когда в 1875 г. образовался «Южно-Русский Рабочий Союз»[103]) и в 1878 г. «Северно-Русский Рабочий Союз», то эти рабочие организации стояли в стороне от направления русских социалистов; эти рабочие организации требовали политических прав народу, хотели вести борьбу за эти права, а русские социалисты ошибочно считали тогда политическую борьбу отступлением от социализма. Но русские социалисты не остановились на своей неразвитой, ошибочной теории. Они пошли вперед, восприняли теорию Маркса, выработали в приложении к России теорию рабочего социализма, теорию русских соц.-демократов. Основание русской соц.-демократии — главная заслуга Группы «Освобождение Труда», Плеханова, Аксельрода и их друзей*). Со времени основания русской соц.-демократии (1883 г.) русское рабочее движение, при всяком широком проявлении его, прямо сближалось с русскими соц.-демократами, стремилось слиться с ними. Основание «Российской Соц.-Демократической Рабочей Партии» (весной 1898 г.) знаменует крупнейший шаг на пути к этому слиянию. В настоящее время — *главная* задача всех русских социалистов и всех сознательных русских рабочих упрочить это слияние, укрепить и сорганизовать «Рабочую Соц.-Демо-

*) Слияние русского социализма и русского рабочего движения исторически прослежено в брошюре одного нашего товарища «Красное знамя в России. Очерк истории русского рабочего движения». Брошюра эта скоро появится в печати[104]).

кратическую Партию». Кто не хочет знать этого слияния, кто стремится искусственно провести какое-то разделение между рабочим движением и соц.-демократией в России, тот приносит не пользу, а *вред* делу рабочего социализма и рабочего движения в России.

Пойдем далее. «Что касается до широких требований,— пишет *Р. М.*, — до политических требований, то только в требованиях петербургских ткачей... 1897 г. мы видим первый и еще мало сознательный случай предъявления нашими рабочими подобных широких политических требований». Мы опять-таки должны сказать, что это *безусловно неверно*. Печатая подобные фразы, редакция «Рабочей Мысли» обнаруживает, во-1-х, непростительное для с.-демократа забвение истории русского революционного и рабочего движения, а во-2-х, непростительно узкое понимание рабочего дела. Широкие политические требования предъявлены русскими рабочими и в майском листке СПБургского Союза борьбы 1898 г. и в газетах «СПБ-м Рабочем Листке» и «Рабочей Газете», которую передовые организации русских соц.-демократов признали в 1898 г. официальным органом «Российской С.-Д. Раб. Партии». Игнорируя это, «Раб. Мысль» пятится назад и вполне оправдывает то мнение, что она является представительницей не передовых рабочих, а низших, неразвитых слоев пролетариата (*Р. М.* сам указывает в своей статье на то, что «Раб. Мысли» уже указывали на это обстоятельство). Низшие слои пролетариата не знают истории русского революционного движения, и *Р. М.* не знает ее. Низшие слои пролетариата не понимают отношения между рабочим движением и соц.-демократией, и *Р. М.* не понимает этого отношения. Почему русские рабочие в 90-х годах не образовали своих особых организаций отдельно от социалистов, как в 70-х годах? Почему не предъявили они отдельно от социалистов свои политические требования? *Р. М.* объясняет это, очевидно, тем, что «русские рабочие еще очень мало подготовлены к этому» (стр. 5 его статьи), но таким объяснением он только лишний раз подтверждает то мнение, что он в праве говорить лишь как представитель низших слоев пролетариата. Низшие слои рабочих во время движения 90-х годов не сознавали политического характера движения. Но, тем не менее, все знают (и *Р. М.* сам говорит это), что рабочее движение 90-х годов получило широкое политическое значение. Произошло это оттого, что характер движению придали, как и везде, как и всегда, передовые рабочие, за которыми рабочая масса шла потому, что они доказали ей свою готовность и свое умение служить рабочему делу, что они сумели приобрести ее полное доверие. А эти передовые рабочие были соц.-демократами; многие из них даже лично принимали участие в тех спорах между народовольцами и соц.-демократами, которые характери-

зовали переход русского революционного движения от крестьянского и заговорщицкого социализма к социализму рабочему. Понятно поэтому, отчего эти передовые рабочие не отстранялись теперь от социалистов и революционеров в особые организации. Такое отстранение имело смысл и было необходимо тогда, когда социализм отстранялся от рабочего движения. Такое отстранение было бы невозможно и бессмысленно, раз передовые рабочие видели перед собой рабочий социализм и *соц.-демократические* организации. *Слияние* передовых рабочих с соц.-демократическими организациями было вполне естественно и неизбежно. Это было результатом того крупного исторического факта, что в 90-х годах встретились два глубокие общественные движения в России: одно стихийное, народное движение в рабочем классе, другое—движение общественной мысли к теории Маркса и Энгельса, к учению соц.-демократии.

Как безмерно узко понимание политической борьбы «Раб. Мыслью», это видно из следующего. Говоря о широких политических требованиях, *Р. М.* пишет: «А для того, чтобы такая политическая борьба могла бы рабочими вестись вполне сознательно и самостоятельно, необходимо, чтобы велась она самими рабочими организациями, чтобы эти политические требования рабочих опирались на сознанные ими их общие политические потребности и интересы минуты» (это заметьте!), «чтобы эти требования были требованиями самих рабочих (цеховых) организаций, чтобы они были ими выработаны действительно сообща и также сообща выставлены этими рабочими организациями, по их частной инициативе»... И дальше следует пояснение, что ближайшими общими политическими требованиями рабочих все еще пока (!!) остаются 10-тичасовой рабочий день и восстановление праздников, уничтоженных законом 2 VI 97. — И после этого редакция «Раб. Мысли» может еще удивляться, что ее обвиняют в отрицании политики! Да разве это сведение политики к борьбе цеховых союзов за отдельные реформы не есть отрицание политики? Разве это не есть отказ от основного завета всемирной соц.-демократии, что соц.-демократы должны стремиться организовать классовую борьбу пролетариата в самостоятельные политические рабочие партии, борющиеся за демократию *как средство* завоевания политической власти пролетариатом и устройства им социалистического общества? С каким-то безграничным легкомыслием наши новейшие извратители социал-демократизма выбрасывают за борт все, что́ дорого для соц.-демократов, что́ дает право видеть в рабочем движении всемирно-историческое движение. Им нет дела до того, что вековой опыт европейского социализма и европейской демократии учит необходимости стремиться к образованию самостоятельных рабочих политических партий. Им нет дела до того, что история русского революционного движения

долгим и трудным путем выработала соединение социализма с рабочим движением, соединение великих социальных и политических идеалов с классовой борьбой пролетариата. Им нет дела до того, что передовые русские рабочие уже положили основание «Российской С.-Д. Раб. Партии». Долой все это! Освободим себя от слишком широкого идейного багажа и от слишком тяжелого и требовательного исторического опыта — и пускай «остаются пока» одни цеховые союзы (возможность устройства которых в России пока еще ничем не доказана, если не считать легальных обществ), пускай эти цеховые союзы «по частной инициативе» вырабатывают требования, требования «минуты», требования маленьких и мелких реформ!! Что это такое? Ведь это какая-то проповедь попятного движения! Ведь это какая-то пропаганда разрушения социализма!

И заметьте, что «Рабочая Мысль» излагает не только ту мысль, чтобы местные организации сами вырабатывали местные формы борьбы и частные поводы агитации, приемы ее и пр.— против этой мысли никто не стал бы возражать. Никогда русские социал-демократы не заявляли ни малейших претензий на то, чтобы стеснять в этом отношении самостоятельность рабочих. Нет, «Раб. Мысль» хочет *совершенно отодвинуть* великие политические задачи русского пролетариата и ограничиться «пока» «только» «интересами минуты». До сих пор русские соц.-демократы хотели, опираясь на каждое требование минуты, агитируя по поводу него, организовать пролетариат для борьбы с самодержавием, как его ближайшей цели. Теперь «Раб. Мысль» хочет *ограничить* борьбу пролетариата мелкой борьбой за мелкие требования. Очень хорошо зная, что он отступает от мнений всей русской соц.-демократии, *Р. М.* дает следующий ответ обвинителям «Раб. Мысли». Говорят, что ниспровержение царизма есть ближайшая задача русского рабочего движения. Какого именно рабочего движения, — спрашивает *Р. М.*, — «*стачечного движения? обществ взаимопомощи? рабочих кружков?*» (страница 5 статьи). Мы ответим ему на это: говорите только за себя, за свою группу, за представляемые ею низшие слои пролетариата одной местности, но не смейте говорить за передовых русских рабочих! Низшие представители пролетариата часто не знают того, что борьбу за ниспровержение самодержавия может вести только революционная партия. *Р. М.* тоже не знает этого. Но передовые русские рабочие знают это. Низшие представители пролетариата часто не знают того, что русское рабочее движение не ограничивается стачечной борьбой, обществами взаимопомощи и рабочими кружками, что русское рабочее движение давно стремится сорганизоваться в революционную партию и доказало это стремление на деле. *Р. М.* тоже не знает этого. Но передовые русские рабочие знают это.

Р. М. старается представить свое полное непонимание социал-демократизма в виде особого понимания «нашей действительности». Присмотримся поближе к его мнениям по этому вопросу.

«О самом понятии самодержавия... — пишет *Р. М.* —... мы здесь распространяться не станем, предполагая в каждом нашем собеседнике самое отчетливое и ясное представление о подобных вещах». Мы сейчас увидим, что *Р. М.* сам имеет до последней степени неотчетливое и неясное понятие о подобных вещах, но сначала отметим еще одно обстоятельство. Принадлежат ли рабочие к собеседникам *Р. М.*? Конечно, да. А если да, то откуда же взять им самое отчетливое понятие о самодержавии? Очевидно, что для этого необходима самая широкая и систематическая пропаганда идей политической свободы вообще, необходима агитация, связывающая с каждым отдельным проявлением полицейского насилия и чиновнического гнета «отчетливое представление» (в умах рабочих) о самодержавии. Кажется, это ясно. А если да, то может ли быть успешна чисто местная пропаганда и агитация против самодержавия? не является ли безусловно необходимым *организовать* ее по всей России в одну планомерную деятельность? то-есть в деятельность одной партии? Отчего же *Р. М.*, в числе ближайших задач русского рабочего движения, не указывает задачу организовать систематическую пропаганду и агитацию против самодержавия? Только оттого, что он имеет самое *не*отчетливое и *не*ясное представление о задачах русского рабочего движения и русской соц.-демократии.

Р. М. переходит далее к объяснению того, что самодержавие представляет огромную «личную силу» (по-военному вымуштрованная бюрократия) и огромную «экономическую силу» (финансовые средства). Не останавливаясь на «неотчетливых» сторонах его объяснения (а «неотчетливого» тут очень много), переходим прямо к главнейшему:

«Так вот, — спрашивает *Р. М.* русскую соц.-демократию, — не ниспровержение ли этой-то личной силы и не захват ли этой экономической силы советуется в данную минуту русским рабочим поставить первой и ближайшей задачей своих теперешних (зачаточных) организаций? (о революционерах, говорящих, что эту задачу должны взять на себя кружки передовых рабочих, мы и не говорим)».

Мы с удивлением протираем глаза и перечитываем два и три раза это чудовищное место. Неужели мы не ошиблись? Нет, мы не ошиблись: *Р. М. действительно не знает того, что называется ниспровержением самодержавия.* Это невероятно, но это факт. Да и можно ли считать это невероятным после обнаруженной *Р. М.* путаницы мысли?

Р. М. смешивает захват власти революционерами и ниспровержение самодержавия революционерами.

Старые русские революционеры (народовольцы) стремились к захвату власти революционной партией. Захватив власть, «партия ниспровергла бы личную силу» самодержавия, — думали они, — т.-е. вместо чиновников назначила своих агентов, «захватила бы экономическую силу», т.-е. все финансовые средства государства, и произвела бы социальный переворот. Народовольцы (старые) действительно стремились к «ниспровержению личной и к захвату экономической силы» самодержавия, если уже употреблять, по примеру *Р. М.*, эти неуклюжие выражения. Русские соц.-демократы решительно восстали против этой революционной теории. Плеханов подверг ее беспощадной критике в своих сочинениях: «Социализм и политическая борьба» (1883 г.) и «Наши разногласия» (1885 г.) и указал русским революционерам их задачу: образование революционной рабочей партии, ближайшей целью которой должно быть низвержение абсолютизма. Но что такое низвержение абсолютизма? Чтобы разъяснить это для *Р. М.*, необходимо ответить сначала на вопрос: что такое самодержавие? Самодержавие (абсолютизм, неограниченная монархия) есть такая форма правления, при которой верховная власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) царю. Царь издает законы, назначает чиновников, собирает и расходует народные деньги *без всякого участия народа в законодательстве и в контроле за управлением.* Самодержавие есть поэтому самовластие чиновников и полиции и бесправие народа. От этого бесправия страдает весь народ, но имущие классы (особенно богатые помещики и капиталисты) оказывают очень сильное влияние на чиновничество. Рабочий же класс страдает вдвойне: и от бесправия всего русского народа, и от угнетения рабочих капиталистами, которые заставляют правительство служить их интересам.

Что же значит ниспровержение абсолютизма? Это значит отказ царя от неограниченной власти; предоставление народу права выбирать своих представителей для издания законов, для надзора за действием чиновников, для надзора за собиранием и расходованием государственных средств. Такая форма правления, когда народ участвует в законодательстве и управлении, называется *конституционной* формой правления (конституция = закон об участии народных представителей в законодательстве и управлении государством). Итак, ниспровержение самодержавия означает замену самодержавной формы правления — конституционной формой правления. Таким образом, для ниспровержения самодержавия никакого «ниспровержения личной силы и захвата экономической силы» не требуется, а требуется заставить царское правительство отказаться от своей неограниченной власти и созвать из народных представителей земский собор для выработки конституции («завоевать демократическую» [народную, составленную в интересах народа] «конституцию», как сказано в проекте

программы русских соц.-демократов, изданном в 1887 г. Группой «Освобождение Труда»).

Почему ниспровержение самодержавия должно быть первой задачей русского рабочего класса? Потому, что при самодержавии рабочий класс не может широко развить своей борьбы, не может завоевать себе никаких прочных позиций ни в экономической, ни в политической области, не может создать прочных, массовых организаций, развернуть пред всеми трудящимися массами знамя социальной революции и научить их бороться за нее. Только при политической свободе возможна решительная борьба всего рабочего класса против класса буржуазии, и конечная цель этой борьбы состоит в том, чтобы пролетариат завоевал политическую власть и организовал социалистическое общество. Вот это завоевание политической власти организованным и прошедшим длинную школу борьбы пролетариатом и будет, действительно, «ниспровержением личной и захватом экономической силы» буржуазного правительства, но *этот* захват власти русские соц.-демократы никогда не ставили ближайшей задачей русских рабочих. Русские соц.-демократы всегда говорили, что только при политической свободе, при широкой и массовой борьбе русский рабочий класс сумеет выработать организации для этой окончательной победы социализма.

Но каким путем может русский рабочий класс ниспровергнуть самодержавие? Ведь вот редакторы «Раб. Мысли» подтрунивают даже над Группой «Освобождение Труда», которая основала русскую соц.-демократию и сказала в своей программе, что «борьба против самодержавия обязательна даже для тех рабочих кружков, которые представляют собой теперь зачатки будущей русской рабочей партии». «Раб. Мысли» (см. № 7 ее и разбираемую статью) это кажется смешным: ниспровержение самодержавия — рабочими кружками! Мы ответим на это редакторам «Раб. Мысли»: над кем смеетесь? Над собой смеетесь! Редакторы «Раб. Мысли» жалуются на то, что русские соц.-демократы *не по-товарищески* с ними полемизируют. Пускай читатели сами судят, на чьей стороне мы видим нетоварищескую полемику: на стороне ли старых русских соц.-демократов, которые определенно высказали свои взгляды и прямо говорят, какие взгляды «молодых» и почему они считают их ошибочными; — или на стороне «молодых», которые, *не называя* своих противников, шпыняют из-за угла то «автора немецкой книги о Чернышевском» (Плеханова, при чем смешивают его с некоторыми легальными писателями, без малейшего основания к тому), то Группу «Освобождение Труда», цитируя *с искажением* отрывки ее программы и не выставляя против нее сколько-нибудь определенной своей программы. Да! Мы признаем долг товарищества, долг поддержки всех товарищей, долг терпимости к мнениям товарищей, *но для нас долг товарище-*

ства вытекает из долга перед русской и перед международной соц.-демократией, а не наоборот. Мы признаем за собой товарищеские обязанности перед «Раб. Мыслью» не потому, что редакторы ее наши товарищи, а мы считаем редакторов «Раб. Мысли» нашими товарищами *лишь* потому и постольку, поскольку они работают в рядах русской (а, следовательно, и международной) соц.-демократии. И потому, если мы убеждены, что «товарищи» пятятся назад от соц.-демократической программы, что «товарищи» суживают и уродуют задачи рабочего движения, тогда мы считаем своим *долгом* высказать свое убеждение с полной определенностью и без всяких недомолвок!

Мы сказали сейчас, что редакторы «Раб. Мысли» искажают взгляды Группы «Освобождение Труда». Пусть читатель судит сам. «Мы готовы не понять тех наших товарищей, — пишет *Р. М.*, — которые свою программу «освобождения труда» считают простым ответом на вопрос: «откуда взять силы для борьбы с самодержавием?» (в другом месте: «наши революционеры смотрят на движение рабочих, как на лучшее средство ниспровержения самодержавия»). Откройте проект программы русских соц.-демократов, изданный Группой «Освобождение Труда» в 1887 г. и перепечатанный П. Б. Аксельродом в его брошюре «К вопросу о современных задачах и тактике русской соц.-демократии» (Женева, 1898 г.), — и вы увидите, что *в основу* программы поставлено полное освобождение труда от гнета капитала, переход в общественную собственность всех средств производства, захват рабочим классом политической власти, образование революционной *рабочей* партии. Что *Р. М.* извращает эту программу, что он *не хочет* понять ее, — это ясно. Он цепляется за слова П. Б. Аксельрода в начале брошюры, где он сказал, что программа Группы «Освобождение Труда» «явилась ответом» на вопрос: где взять силы на борьбу с самодержавием? Но ведь это же *исторический факт,* что программа Группы «Освобождение Труда» явилась ответом и на этот вопрос русских революционеров, и на этот вопрос всего русского революционного движения. И если программа Группы «Освобождение Труда» дала ответ на этот вопрос, неужели это значит, что рабочее движение было для этой Группы «Освобождение Труда» лишь средством? Ведь это «*непонимание*» *Р. М.* свидетельствует лишь о незнакомстве с общеизвестными фактами деятельности Группы «Освобождение Труда».

Далее. Как это «ниспровержение самодержавия» может быть задачей рабочих кружков. *Р. М.* не понимает этого. Откройте программу Группы «Освобождение Труда»: «Главным средством политической борьбы рабочих кружков против абсолютизма, — сказано там, — русские соц.-демократы считают агитацию в среде рабочего класса и дальнейшее распространение в ней социали-

стических идей и революционных организаций. Тесно связанные между собой в одно стройное целое, организации эти, не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят перейти, в удобный момент, к общему, решительному на него нападению». Именно этой тактике и следовали русские организации, основавшие весной 1898 г. «Российскую Соц.-Дем. Рабочую Партию». И они доказали, что такие организации являются в России крупной политической силой. Если эти организации образуют одну партию и будут вести широкую агитацию против неограниченного правительства, используя при этом все элементы либеральной оппозиции, то задача завоевания политической свободы будет несомненно достижима для такой партии. Если редакторы «Раб. Мысли» «готовы не понять» этого, то мы «готовы» посоветовать им: поучитесь, господа, ибо сами по себе эти вещи вовсе не очень трудны для понимания.

Вернемся однако к *Р. М.*, которого мы оставили на рассуждениях о борьбе против самодержавия. Собственный взгляд *Р. М.* на этот вопрос еще яснее иллюстрирует новое, попятное, направление «Раб. Мысли».

«Конец самодержавия ясен», — пишет *Р. М.* — «Борьба с самодержавием является для всех жизненных общественных элементов одним из условий их здорового развития». Отсюда следует, пожалуй, подумает читатель, что борьба с самодержавием необходима и для рабочего класса? Нет, погодите. У *Р. М.* своя логика и своя терминология. Под словом борьба он, посредством прибавления слова: «общественная» (борьба), — понимает нечто совсем особое. Описавши *легальную оппозицию,* которую оказывают правительству многие слои русского населения, *Р. М.* заключает: «Ведь и борьба за земское и городское общественное самоуправление, и борьба за общественную школу, и борьба за общественную помощь голодающему населению и т. д. есть борьба с самодержавием». «Необходимость общественной борьбы с самодержавием чиновников очевидна для всех сознательных прогрессивных слоев и групп населения. Более того. Эта общественная борьба, по какому-то странному недоразумению не обращая на себя благосклонного внимания многих русских революционных писателей, как мы видели, уже ведется русским обществом и не со вчерашнего дня». «Настоящий вопрос в том, как этим отдельным общественным слоям... вести эту» (это заметьте!) «борьбу с самодержавием возможно успешнее... А главный для нас вопрос: — как должны вести эту общественную (!) борьбу с самодержавием наши рабочие»...

В этих рассуждениях *Р. М.* опять-таки сгружено неимоверное количество путаницы и ошибок.

Во-1-х, *Р.М.* смешивает *легальную оппозицию* с борьбой против самодержавия, с борьбой за ниспровержение самодержавия.

Производит он это непростительное для социалиста смешение посредством употребляемого им без пояснения выражения «борьба с самодержавием»; выражение это может значить (с оговоркой) и борьбу *против* самодержавия, но может значить также и борьбу против отдельных мер самодержавия на почве того же самодержавного строя.

Во-2-х, *Р. М.*, относя легальную оппозицию к общественной борьбе с самодержавием и говоря, что наши рабочие должны вести «эту общественную борьбу», сбивается, таким образом, на то, чтобы наши рабочие вели не революционную борьбу против самодержавия, а легальную оппозицию самодержавию, т.-е. сбивается на безобразное опошление соц.-демократии и смешение ее с самым дюжинным и убогим российским либерализмом.

В-3-х, *Р. М.* говорит *прямую неправду* про русских соц.-демократических писателей — (*Р. М.*, правда, предпочитает «по-товарищески» пускать упреки без адреса. Но если он имеет в виду не соц.-демократов, то в его словах нет никакого смысла) — будто они не обращают внимания на легальную оппозицию. Напротив, и Группа «Освобождение Труда», и П. Б. Аксельрод в частности, и «Манифест Российской Соц.-Демократической Рабочей Партии», и брошюра «Задачи русских соц.-демократов» (изданная «Российской Соц.-Демократической Рабочей Партией» и названная Аксельродом *комментарием* к «Манифесту») — все они не только обратили внимание на легальную оппозицию, но и выяснили ее отношение к социал-демократии с полной точностью.

Поясним все это. Какую «борьбу с самодержавием» ведут наши земства, либеральные общества вообще, либеральная печать? Ведут ли они борьбу против самодержавия, борьбу за ниспровержение самодержавия? *Нет, такой борьбы они никогда не вели и не ведут.* Такую борьбу ведут лишь революционеры, нередко выходящие из среды либерального общества и опирающиеся на сочувствие общества. Но вести революционную борьбу — это вовсе не то же самое, что сочувствовать революционерам и оказывать им поддержку; борьба против самодержавия вовсе не то же самое, что легальная оппозиция самодержавию. Русские либералы выражают свое недовольство самодержавием лишь в такой форме, которую *разрешает* само самодержавие, т.-е. которую самодержавие признает неопасной для самодержавия. Крупнейшим проявлением либеральной оппозиции были только *ходатайства* либералов к царскому правительству о привлечении народа к управлению. И либералы терпеливо сносили всякий раз те грубые полицейские отказы, которые получались на такие ходатайства, сносили те беззаконные и дикие преследования, которыми награждало жандармское правительство даже за законные попытки заявить свое мнение. Превращать либеральную оппозицию просто-

на-просто в общественную борьбу с самодержавием значит прямо *извращать* дело, потому что русские либералы *никогда* не сорганизовывали революционной партии для борьбы за ниспровержение самодержавия, хотя они всегда могли и могут найти для этого и материальные средства и заграничных представителей русского либерализма. А *Р. М.* не только извращает дело, но и припутывает к этому имя великого русского социалиста, Н. Г. Чернышевского. «Союзниками рабочих по этой борьбе, — пишет *Р. М.*, — являются все передовые слои русского общества, отстаивающие свои общественные интересы и учреждения, ясно понимающие свои общие выгоды, «никогда не забывающие» (цитирует *Р. М.* Чернышевского); сколь велика «разница в том, — по независимому ли решению правительства или *по формальному требованию общества* делается какая-либо перемена». Если относить этот отзыв ко всем представителям «общественной борьбы», как ее понимает *Р. М.*, т.-е. ко всем русским либералам, то это *прямая фальшь*. Формальных требований правительству никогда не предъявляли русские либералы, и именно поэтому русские либералы никогда не играли и никак не могут теперь играть *самостоятельной* революционной роли. Союзниками рабочего класса и соц.-демократии не могут быть «все передовые слои общества», а только революционные партии, основываемые членами этого общества. Либералы же вообще могут и должны служить лишь *одним из источников* добавочных сил и средств для революционной рабочей партии (как это и сказал П. Б. Аксельрод с полной ясностью в названной выше брошюре). Н. Г. Чернышевский именно потому и высмеивал беспощадно «передовые слои русского общества», что они не понимали необходимости формальных требований правительству и безучастно смотрели на гибель революционеров из их среды под ударами самодержавного правительства. *Р. М.* в этом случае так же бессмысленно цитирует Чернышевского, как бессмысленны надерганные во второй статье «Отдельного приложения» отрывки цитат из Чернышевского, стремящиеся показать, будто Чернышевский не был утопистом и будто русские соц.-демократы не оценили всего значения «великого русского социалиста». Плеханов в своей книге о Чернышевском (статьи в сборнике «Социал-Демократ» [105]), изданные отдельно книгой по-немецки) вполне оценил значение Чернышевского и выяснил его отношение к теории Маркса и Энгельса. Редакция же «Раб. Мысли» обнаружила только свое неумение дать сколько-нибудь связную и всестороннюю оценку Чернышевского, его сильных и слабых сторон.

«Настоящий вопрос» русской соц.-демократии состоит вовсе не в том, как либералам вести «общественную борьбу» (под которой *Р. М.*, как мы видели, разумеет легальную оппозицию)

а в том, как организовать революционную, борющуюся за ниспровержение абсолютизма рабочую партию, которая могла бы опереться на *все* оппозиционные элементы в России, которая могла бы *использовать* все проявления оппозиции для своей революционной борьбы. Для этого необходима именно революционная рабочая партия, потому что только рабочий класс может быть в России решительным и последовательным борцом за демократию, потому что без энергического воздействия такой партии либеральные элементы «могут остаться в состоянии вяло бездействующей, дремлющей силы» (П. Б. Аксельрод, цитированная брошюра, с. 23). Говоря, что наши «наиболее передовые слои» ведут «действительную (!!) общественную борьбу с самодержавием» (стр. 12 статьи *Р. М.*), что «главный для нас вопрос, как должны вести *эту общественную борьбу* с самодержавием наши рабочие», — говоря такие вещи, *Р. М.*, в сущности, совершенно отступает от соц.-демократии. Нам приходится только серьезно посоветовать редакторам «Раб. Мысли» хорошенько подумать над тем, куда они хотят идти и где их настоящее место: среди ли революционеров, которые несут в трудящиеся классы знамя социальной революции и хотят организовать их в политическую революционную партию, или среди либералов, которые ведут свою «общественную борьбу» (т.-е. легальную оппозицию). Ведь в теории «общественной самодеятельности» рабочих, в теории «общественной взаимопомощи» и цеховых союзов, ограничивающихся «пока» рабочим днем в 10 часов, в теории «общественной борьбы» с самодержавием земств, либеральных обществ и проч., — в этой теории нет ровно ничего социалистического, ничего такого, чего не признали бы либералы! Ведь в сущности вся программа «Раб. Мысли» (поскольку можно тут говорить о программе) клонится к тому, чтобы оставить русских рабочих в их неразвитости и раздробленности и чтобы сделать их *хвостом либералов!*

Некоторые фразы *Р. М.* особенно странны. «Вся беда только в том, — изрекает *Р. М.*, — что, беспощадно преследуемая политической полицией, наша революционная интеллигенция принимает борьбу с этой политической полицией за политическую борьбу с самодержавием». Какой смысл может иметь такое заявление? Политическая полиция потому и называется политической, что она преследует врагов самодержавия и борцов против него. Поэтому и «Раб. Мысль», пока она еще не совершила своего превращения в либералов, борется с политической полицией, — как борются с ней и все русские революционеры и социалисты и все сознательные рабочие. Из того факта, что политическая полиция беспощадно преследует социалистов и рабочих, что самодержавие обладает «стройной организацией», «умелыми и ловкими государственными деятелями» (стр. 7 статьи

Р. М.), из этого факта может следовать только два вывода: трусливый и убогий либерал выведет отсюда, что наш народ вообще и рабочие в частности еще мало подготовлены к борьбе и что надо возложить все упование на «борьбу» земств, либеральной печати и т. п., ибо это есть «действительная борьба с самодержавием», а не только борьба с политической полицией. Социалист и всякий сознательный рабочий выведет отсюда, что рабочая партия должна всеми силами стремиться тоже к «стройной организации», к выработке из передовых рабочих и из социалистов «умелых и ловких революционных деятелей», которые бы поставили рабочую партию на высоту передового борца за демократию и сумели привлечь к ней все оппозиционные элементы.

Редакторы «Раб. Мысли» не замечают, что они встали на наклонную плоскость, по которой они катятся к первому выводу!

Или еще: «Поражает нас в этих программах» — т. е. в программах соц.-демократов — пишет *Р. М.* — «и вечное выставление ими на 1-ый план преимуществ деятельности рабочих в (несуществующем у нас) парламенте при полном игнорировании ими... важности участия рабочих» в законодательных собраниях фабрикантов, в присутствиях по фабричным делам, городском общественном самоуправлении (стр. 15). Если не выставлять на 1-ый план преимущества парламента, то откуда же узнают рабочие о политических правах и политической свободе? Если молчать об этих вопросах, — как молчит газета «Раб. Мысль», — то не значит ли это поддерживать среди низших слоев рабочих политическое невежество? Что касается до участия рабочих в городском общественном управлении, то ни один соц.-демократ никогда и нигде не отрицал пользы и важности деятельности рабочих-*социалистов* в городском самоуправлении, но смешно говорить об этом в России, где никакое открытое проявление социализма невозможно, где увлечение рабочих городским самоуправлением (если бы оно и было возможно) означало бы на деле отвлечение передовых рабочих от социалистического рабочего дела к либерализму.

«Отношение передовых слоев рабочих, — говорит *Р. М.*, — к такому (самодержавному) правительству... так же понятно, как и отношение рабочих к фабрикантам». Значит, — следует отсюда по здравому человеческому смыслу, — передовые слои рабочих — не менее сознательные соц.-демократы, чем социалисты из интеллигентов, и потому стремление «Раб. Мысли» разделять тех и других нелепо и вредно. Значит, русский рабочий класс создал уже и самостоятельно выдвинул элементы для образования самостоятельной политической рабочей партии. Но редакторы «Раб. Мысли» из факта политической сознательности передовых

слоев рабочих делают вывод... о том, что необходимо тащить этих передовиков назад, чтобы топтаться на одном месте! «Какую борьбу желательно, чтобы вели рабочие?» — спрашивает *Р. М.* и отвечает: желательна та борьба, которая возможна, а возможна та, которую «ведут» рабочие «в данную минуту»!!! Трудно в более резкой форме выразить тот бессмысленный и беспринципный оппортунизм, которым заражены редакторы «Раб. Мысли», увлеченные модной «бернштейниадой»! Желательно, что̀ возможно, а возможно то, что̀ есть в данную минуту! Ведь это все равно, как если бы человеку, который собрался идти в далекий и трудный путь, на котором ждет его масса препятствий и масса врагов, если бы такому человеку на вопрос: куда идти? ответили: желательно идти туда, куда возможно, а возможно идти туда, куда идешь в данную минуту! Вот это именно нигилизм, но только не революционный, а оппортунистический нигилизм, который проявляют либо анархисты, либо буржуазные либералы! «Призывая» русских рабочих к «частной» и «политической» борьбе (при чем под политической борьбой разумеется не борьба против самодержавия, а только «борьба за улучшение положения всех рабочих»), *Р. М.* прямо призывает русское рабочее движение и русскую соц.-демократию сделать *шаг назад,* призывает, в сущности, рабочих отделиться от соц.-демократов и выбросить таким образом за борт все приобретения европейского и русского опыта! Для борьбы за улучшение своего положения и только для такой борьбы рабочие не имеют никакой нужды в социалистах. Во всех странах найдутся рабочие, которые ведут борьбу за улучшение своего положения, ничего не зная о социализме или даже враждебно относясь к нему.

«В заключение», — пишет *Р. М.,* — «пару слов о нашем понимании рабочего социализма». После вышеизложенного читателю уже не трудно представить себе, каково это «понимание». Это просто сколок с «модной» книги Бернштейна. На место классовой борьбы пролетариата наши «молодые» соц.-демократы ставят «общественную и политическую самодеятельность рабочих». Если мы вспомним, как понимает *Р. М.* *общественную* «борьбу» и «политику», то для нас ясно будет, что это прямой возврат к «формуле» некоторых легальных русских писателей. Вместо того, чтобы точно указать цель (и сущность) социализма: переход земли, фабрик и пр., вообще всех средств производства в собственность всего общества и замену капиталистического производства производством по общему плану в интересах всех членов общества, вместо этого *Р. М.* указывает сначала на развитие цеховых и потребительных союзов и лишь мимоходом говорит, что социализм ведет к полному обобществлению всех средств производства. Зато печатается жирнейшим шрифтом, что «социализм есть лишь дальнейшее высшее развитие современной

общественности» — фраза, заимствованная у Бернштейна, которая не только не уясняет, а затемняет значение и суть социализма. Все либералы и все буржуа безусловно стоят за «развитие современной общественности», так что все они обрадуются заявлению *Р. М.* Но тем не менее буржуа — *враги* социализма. Дело в том, что в «современной общественности» очень много различных сторон, и употребляющие это общее выражение имеют в виду один — одну, другой — другую сторону. Следовательно, вместо выяснения рабочим понятия классовой борьбы и социализма, *Р. М.* только приводит туманные и сбивающие с толку фразы. Наконец, вместо того, чтобы указать то средство, которое современный социализм выставил для осуществления социализма — завоевание политической власти организованным пролетариатом — вместо этого *Р. М.* говорит только о переходе производства под их (рабочих) общественное управление или под управление демократизованной общественной власти, демократизованной «путем их (рабочих) деятельного участия в присутствиях по разбору всевозможных фабрично-заводских дел, в третейских судах, во всяких собраниях, комиссиях и совещаниях по выработке рабочих законов, путем участия рабочих в общественном самоуправлении и, наконец, в общем представительном учреждении страны». Таким образом, редакторы «Раб. Мысли» относят к рабочему социализму только такой, который достигается *мирным* путем, исключая путь революционный. Это сужение социализма и сведение его к дюжинному буржуазному либерализму составляет опять-таки громадный шаг назад против взглядов всех русских и громаднейшего, подавляющего большинства европейских соц.-демократов. Рабочий класс предпочел бы, конечно, *мирно* взять в свои руки власть (мы уже сказали раньше, что этот захват власти может быть произведен только организованным рабочим классом, прошедшим школу классовой борьбы), но *отказываться* от революционного захвата власти было бы со стороны пролетариата, и с теоретической и с практической — политической точки зрения, *безрассудством* и означало бы лишь позорную уступку пред буржуазией и всеми имущими классами. Очень вероятно — даже наиболее вероятно — что буржуазия не сделает мирной уступки пролетариату, а прибегнет в решительный момент к защите своих привилегий насилием. Тогда рабочему классу не останется другого пути для осуществления своей цели, кроме революции. Вот почему программа «рабочего социализма» и говорит вообще о завоевании политической власти, *не определяя* способа этого завоевания, ибо выбор этого способа зависит от будущего, которое с точностью мы определить не можем. Но ограничивать деятельность пролетариата во всяком случае одной только мирной «демократизацией», повторяем, значит совершенно произвольно суживать и опошлять понятие рабочего социализма.

Мы не будем разбирать так же подробно других статей «Отдельного приложения». О статье по поводу 10-тилетия смерти Чернышевского мы уже сказали. Что же касается до пропаганды редакторами «Раб. Мысли» бернштейниады, за которую так ухватились во всем мире все враги социализма вообще и буржуазные либералы в особенности, и против которой решительно высказалось (на съезде в Ганновере) подавляющее большинство немецких социал-демократов и немецких сознательных рабочих,— что касается до бернштейниады, то подробно говорить о ней здесь не место. Нас занимает здесь *русская* бернштейниада, и мы уже показали, какую безграничную путаницу мысли, какое отсутствие всякого намека на самостоятельные воззрения, какой решительный шаг назад против взглядов русской социал-демократии представляет из себя «наша» бернштейниада. О немецкой же бернштейниаде предоставим говорить лучше немцам же. Заметим только еще, что русская бернштейниада стоит еще бесконечно ниже, чем немецкая. У Бернштейна, несмотря на все его ошибки и несмотря на очевидное стремление его пятиться назад и в теоретическом и в политическом отношении, осталось еще настолько ума и настолько добросовестности, что он, не придя сам ни к какой новой теории или программе, *отказался предлагать изменения* в программе немецкой социал-демократии и в последний, решительный момент заявил, что принимает резолюцию Бебеля, резолюцию, торжественно провозгласившую на весь мир, что германская социал-демократия остается при своей старой программе и своей старой тактике. А наши русские бернштейнианцы? Не сделав и сотой доли того, что сделал Бернштейн, они доходят до того, что прямо-таки знать не хотят того факта, что все русские социал-демократические организации положили в 1898 г. основание «Российской Социал-Демократической Рабочей Партии», выпустили ее «Манифест» и объявили ее официальным органом «Раб. Газету» и что все эти произведения стоят всецело на почве «старой» программы русских социал-демократов. Наши бернштейнианцы как-будто бы и не сознают того, что если они отвергли эти старые воззрения и пришли к новым, то их нравственный долг, долг перед всей русской социал-демократией и перед теми социалистами и рабочими, которые вложили все свои силы в подготовку и образование «Рос. Социал-Дем. Раб. Партии» и которые наполняют теперь большей частью русские тюрьмы, — этот долг требует, чтобы представители новых взглядов не ограничивались шпынянием из-за угла каких-то «наших революционеров» вообще, а прямо и открыто заявили, с кем именно и в чем именно они не согласны, какие именно новые воззрения и новую программу ставят они на место старых.

Нам остается рассмотреть еще один и едва ли не самый важный вопрос: как *объяснить* возникновение подобного попят-

ного направления в русской социал-демократии? Одними личными качествами редакторов «Раб. Мысли», одним влиянием модной бернштейниады объяснить дело, по нашему мнению, нельзя. Дело объясняется, по нашему мнению, главным образом особенностью в историческом развитии русской социал-демократии, которая породила — и *временно должна была* породить — узкое понимание рабочего социализма.

В 80-х и начале 90-х годов, когда начинали практически работать в России социал-демократы, они видели перед собой, во-1-х, народовольцев, которые упрекали их в том, что они отстраняются от политической борьбы, завещанной русским революционным движением, и с которыми социал-демократы вели упорную полемику, а, во-2-х, российское либеральное общество, которое тоже недовольно было поворотом революционного движения от народовольчества к социал-демократии. Полемика и с теми и с другими вертелась около вопроса о политике. Воюя против узкого понимания народовольцев, сводивших политику к заговорщичеству, социал-демократы могли высказываться и высказывались иногда вообще против политики (ввиду того, что господствовало определенное узкое понимание политики). С другой стороны, в либеральных и радикальных салонах буржуазного «общества» социал-демократы могли слышать нередко сожаления о том, что революционеры оставили террор: люди, дрожавшие больше всего за свою шкуру и не оказавшие в решительный момент поддержки тем героям, которые наносили удары самодержавию, эти люди лицемерно обвиняли социал-демократов в политическом индифферентизме и жаждали возрождения партии, которая бы таскала для них каштаны из огня. Естественно, что социал-демократы проникались ненавистью к подобным людям и их фразам и уходили в более мелкую, но зато и более серьезную работу пропаганды среди фабрично-заводского пролетариата. Узкий характер этой работы вначале был неизбежен, отражаясь и в узких заявлениях некоторых социал-демократов. Эта узость не пугала, однако, и тех социал-демократов, которые нисколько не забывали широких исторических целей русского рабочего движения. Что за беда, если узки иногда *слова* социал-демократов: зато широко *их дело*. Зато они не уходят в бесполезные заговоры, не якшаются с Балалайкиными буржуазного либерализма, а идут в тот класс, который один только является истинно-революционным классом, и содействуют развитию его сил! С каждым шагом расширения социал-демократической пропаганды, думали они, эта узость будет сама собой отпадать. В значительной степени так и вышло на самом деле. От пропаганды стали переходить к широкой агитации. Широкая агитация, естественно, стала выделять все большее число сознательных передовых рабочих; стали образовываться революционные организации (С.-Петер-

бургский, Киевский и др. «Союзы борьбы», Еврейский Рабочий Союз). Эти организации, естественно, стали стремиться к слиянию, что им, наконец, и удалось: они соединились и положили основание «Рос. Социал-Дем. Раб. Партии». Казалось бы, для старой узости не осталось уже теперь никакой почвы и она будет окончательно отброшена. Но вышло иначе: распространение агитации привело социал-демократов в соприкосновение с низшими, наименее развитыми слоями пролетариата; привлечение этих слоев требовало от агитатора уменья приспособляться к самому низкому уровню понимания, приучало ставить на первый план «требования и интересы данной минуты» и отодвигать широкие идеалы социализма и политической борьбы. Раздробленный, кустарный характер социал-демократической работы, крайне слабая связь между кружками разных городов, между русскими социал-демократами и их заграничными товарищами, обладающими и более солидными знаниями и более богатым революционным опытом и более широким политическим кругозором, естественно, вели к тому, что эта *(совершенно необходимая)* сторона социал-демократической деятельности безмерно преувеличивалась и могла в сознании отдельных лиц привести к забвению остальных сторон, тем более, что с каждым крахом наиболее сознательные рабочие и интеллигенты выбывали из строя действующей армии, и прочная революционная традиция и преемственность не могли еще выработаться. Вот в этом-то безмерном преувеличении одной стороны социал-демократической работы и видим мы главную причину печального отступления от идеалов русской социал-демократии. Прибавьте сюда увлечение модной книжкой, незнание истории русского революционного движения и детскую претензию на оригинальность, — и вы получите все элементы, образующие «новое направление в русской социал-демократии».

Таким образом, на вопросе об отношении передовых слоев пролетариата к низшим его слоям и о значении социал-демократической работы в тех и других слоях нам приходится остановиться поподробнее.

История рабочего движения всех стран показывает, что раньше всего и легче всего воспринимают идеи социализма наилучше поставленные слои рабочих. Из них главным образом берутся те рабочие-передовики, которых выдвигает всякое рабочее движение, рабочие, умеющие приобретать полное доверие рабочих масс, рабочие, которые посвящают себя всецело делу просвещения и организации пролетариата, рабочие, которые вполне сознательно воспринимают социализм и которые даже самостоятельно вырабатывали социалистические теории. Всякое жизненное рабочее движение выдвигало таких вождей рабочих, своих Прудонов и Вальянов, Вейтлингов и Бебелей. И наше русское рабочее движение обещает не отстать в этом отношении от евро-

нейского. В то время, как образованное общество теряет интерес к честной, нелегальной литературе, среди рабочих растет страстное стремление к знанию и к социализму, среди рабочих выделяются настоящие герои, которые — несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на отупляющую каторжную работу на фабрике, — находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов, «рабочую интеллигенцию». В России уже есть эта «рабочая интеллигенция», и мы должны приложить все усилия к тому, чтобы ее ряды постоянно расширялись, чтобы ее высокие умственные запросы вполне удовлетворялись, чтобы из ее рядов выходили руководители русской социал-демократической рабочей партии. Та газета, которая хотела бы стать органом всех русских социал-демократов, должна стоять поэтому на уровне передовых рабочих; она не только не должна искусственно понижать своего уровня, а, напротив, постоянно поднимать его, следить за всеми тактическими, политическими и теоретическими вопросами всемирной социал-демократии. Только тогда запросы рабочей интеллигенции будут удовлетворяться, и она сама возьмет в свои руки русское рабочее дело, а, *следовательно,* и русское революционное дело.

За численно небольшим слоем передовиков идет широкий слой средних рабочих. И эти рабочие жадно стремятся к социализму, принимают участие в рабочих кружках, читают социалистические газеты и книги, участвуют в агитации, отличаясь от предыдущего слоя только тем, что они не могут стать вполне самостоятельными руководителями социал-демократического рабочего движения. В той газете, которая была бы органом партии, средний рабочий не поймет некоторых статей, не даст себе полного отчета в сложном теоретическом или практическом вопросе. Из этого вовсе не следует, что газета должна была бы понизиться к уровню массы своих читателей. Напротив, газета должна именно поднимать их уровень и помогать выделению из среднего слоя рабочих — рабочих-передовиков. Поглощенный *местной* практической деятельностью, интересуясь всего более хроникой рабочего движения и ближайшими вопросами агитации, такой рабочий должен с каждым своим шагом связывать мысль о всем русском рабочем движении, о его исторической задаче, о конечной цели социализма, и потому газета, массу читателей которой составляют средние рабочие, необходимо должна связывать с каждым местным и узким вопросом — социализм и политическую борьбу.

Наконец, за средним слоем идет масса низших слоев пролетариата. Очень возможно, что социалистическая газета будет вовсе или почти вовсе недоступна им (ведь и на западе Европы число социал-демократов-избирателей гораздо больше, чем число

читателей социал-демократических газет), но из этого нелепо было бы выводить, что газета социал-демократов должна приспособляться к возможно более низкому уровню рабочих. Из этого следует только, что на такие слои должны действовать иные средства агитации и пропаганды: брошюры, написанные наиболее популярно, устная агитация и — главное — листки по поводу местных событий. Социал-демократы не должны ограничиваться даже и этим: очень возможно, что первые шаги по пробуждению сознания в низших слоях рабочих должны пасть на долю легальной просветительной деятельности. Для *партии* очень важно использовать эту деятельность, направлять ее именно туда, где она наиболее требуется, направить легальных деятелей на распашку той нови, которую засеют потом социал-демократические агитаторы. Агитация среди низших слоев рабочих должна предоставлять, конечно, наибольший простор личным особенностям агитатора и особенностям места, профессии и проч. «Не надо смешивать тактику и агитацию» — говорит Каутский в книге против Бернштейна. — «Способ агитации должен приспособляться к индивидуальным и местным условиям. В агитации надо предоставить каждому агитатору выбирать те средства, которые имеются у него в распоряжении: один агитатор производит наибольшее впечатление благодаря своему одушевлению, другой — благодаря своему едкому сарказму, третий — благодаря уменью приводить массу примеров и пр. Сообразуясь с агитатором, агитация должна сообразоваться также и с публикой. Агитатор должен говорить так, чтобы его понимали; он должен исходить из того, что хорошо известно слушателям. Все это разумеется само собой и применимо не к одной только агитации среди крестьян. С извозчиками надо говорить иначе, чем с матросами, с матросами иначе, чем с наборщиками. *Агитация* должна быть *индивидуализирована*, но наша *тактика*, наша политическая *деятельность* должна быть *едина*» (S. 2—3). Эти слова передового представителя социал-демократической теории содержат превосходную оценку агитации в общей деятельности партии. Эти слова показывают, как неосновательны опасения тех, кто думает, что образование революционной партии, ведущей политическую борьбу, помешает агитации, оттеснит ее на второй план или стеснит свободу агитаторов. Напротив, только организованная партия может широко вести агитацию, давать необходимое руководство (и материал) для агитаторов по всем экономическим и политическим вопросам, использовать каждый местный успех агитации для назидания всех русских рабочих, направлять агитаторов в такую среду или такие местности, где они могут действовать с наибольшим успехом. Только в организованной партии люди, обладающие способностями агитаторов, будут в состоянии посвятить себя всецело этому делу, — к выигрышу и для агитации

и для остальных сторон социал-демократической работы. Отсюда видно, что тот, кто за экономической борьбой забывает политическую агитацию и пропаганду, забывает необходимость организовать рабочее движение в борьбу политической партии, тот, помимо всего прочего, лишает себя даже возможности поставить прочно и успешно привлечение наиболее низких слоев пролетариата к рабочему делу.

Но такое преувеличение одной стороны деятельности в ущерб другим и даже с стремлением выкинуть вовсе за борт эти другие стороны грозит еще несравненно более вредными последствиями для русского рабочего движения. Низшие слои пролетариата могут быть прямо развращены, если они слышат такую клевету, будто основатели русской социал-демократии видят в рабочих только средство для ниспровержения самодержавия, если они слышат приглашения ограничиться восстановлением праздников и цеховыми союзами, оставив в стороне конечные цели социализма и ближайшие задачи политической борьбы. Такие рабочие могут всегда попасться (и будут попадаться) на удочку любой подачки со стороны правительства и буржуазии. Под влиянием проповеди «Рабочей Мысли» низшие слои пролетариата, совершенно неразвитые рабочие, могут проникнуться тем буржуазным и глубоко реакционным убеждением, что кроме прибавки платы и восстановления праздников («интересы минуты») рабочий не может и не должен интересоваться ничем более, что рабочий народ может и должен одними своими силами, одной своей «частной инициативой» вести рабочее дело, не стремясь слить его с социализмом, не стремясь превратить рабочее дело в передовое и насущное дело всего человечества. Самые неразвитые рабочие, повторяем, могут быть развращены таким убеждением, но мы уверены, что передовые русские рабочие, те, которые руководят рабочими кружками и всей социал-демократической деятельностью, те, которые наполняют теперь наши тюрьмы и места ссылки, начиная от Архангельской губернии и до Восточной Сибири, — что эти рабочие с негодованием отвергнут подобную теорию. Сводить все движение к интересам минуты — значит спекулировать на неразвитость рабочих, играть на руку их худшим страстям. Это значит искусственно разрывать связь между рабочим движением и социализмом, между вполне определившимися политическими стремлениями передовых рабочих и стихийными проявлениями протеста масс. И вот поэтому попытка «Рабочей Мысли» выступить с особым направлением заслуживает особенного внимания и требует особенно энергичного протеста. Пока «Рабочая Мысль», приспособляясь, видимо, к низшим слоям пролетариата, старательно обходила вопрос о конечной цели социализма и политической борьбе, но не заявляла о своем особом направлении — многие социал-демократы только качали головой,

надеясь, что с развитием и расширением своей работы члены группы «Раб. Мысли» сами легко освободятся от своей узости. Но когда люди, исполнявшие до сих пор полезную работу приготовительного класса, начинают шуметь на всю Европу, цепляясь за модные теории оппортунизма, и заявлять, что они желают всю русскую социал-демократию засадить на много лет (если не навсегда) в приготовительный класс, — когда, другими словами, люди, полезно трудившиеся до сих пор над боченком меда, начинают с «публичным оказательством» вливать в него ковши дегтя, — тогда мы должны решительно восстать против этого попятного направления!

Русская социал-демократия и в лице ее основателей, членов Группы «Освобождение Труда», и в лице тех русских социал-демократических организаций, которые основали «Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию», признавала всегда два следующие основные положения: 1) Сущность социал-демократии: организация классовой борьбы пролетариата с целью завоевать политическую власть, передать все средства производства в руки всего общества и заменить капиталистическое хозяйство социалистическим. 2) Задача русской социал-демократии: организовать русскую рабочую революционную партию, которая ставит своей ближайшей целью — ниспровержение самодержавия, завоевание политической свободы. Кто отступает от этих основных положений (точно формулированных в программе Группы «Освобождение Труда» и выраженных в «Манифесте Росс. Социал-Дем. Раб. Партии»), тот отступает от социал-демократии.

О ПРОМЫШЛЕННЫХ СУДАХ

Написано в конце 1899 г.
Впервые напечатано в 1924 г. в «Пролетарской Революции» № 8—9

Печатается по рукописи, переписанной неизвестною рукою печатными буквами

Промышленными судами называются суды, состоящие из выборных от рабочих и хозяев (фабрикантов в промышленности) и разбирающие дела и споры, которые возникают так часто из-за условий найма, из-за определения платы за обыкновенную и сверхурочную работу, из-за расчета рабочих не по правилам, из-за вознаграждения за порчу материалов, из-за неправильного наложения штрафов и т. д., и т. д. В большинстве западно-европейских государств такие суды существуют, в России — нет, и мы намерены рассмотреть, какие выгоды приносят они рабочим и почему желательно учреждение промышленных судов кроме обыкновенных судов, в которых судит один, назначенный правительством или выбранный имущими классами, судья, без всяких выборных от хозяев и от рабочих.

Первая выгода промышленного суда состоит в том, что он гораздо доступнее для рабочих. Чтобы обращаться с жалобой в обыкновенный суд, надо писать прошение (для этого приходится часто обратиться к адвокату), надо платить пошлины, надо долго ждать сроков, надо являться на суд, отрываясь от работы и отрывая свидетелей, надо дожидаться потом, когда дело перейдет, по жалобе недовольных тяжущихся, в высший суд, где дело еще раз перерешается. Неудивительно, что рабочие так неохотно обращаются в обыкновенные суды! Промышленные же суды состоят из хозяев и рабочих, выбранных в судьи. Заявить словесно жалобу своему же выборному товарищу для рабочего вовсе не трудно. Заседания промышленных судов назначаются обыкновенно по праздникам или вообще в такое время, когда рабочие свободны и им не приходится отрываться от занятий. Производятся дела в промышленных судах гораздо быстрее.

Вторая выгода промышленных судов для рабочих состоит в том, что судьи в них гораздо более понимают в фабрично-заводских делах, что судьи при том не сторонние чиновники, а местные люди, знающие условия жизни рабочих и условия местного производства, при том половина судей — рабочие, которые всегда отнесутся справедливо к рабочему, а не будут смо-

треть на него как на пьяницу, нахала и невежду (как смотрят на рабочих большей частью судьи-чиновники, которые берутся из класса буржуазии, из класса имущих людей и которые сохраняют почти всегда связи с буржуазным обществом, с фабрикантами, директорами, инженерами, а от рабочих точно отгорожены китайской стеной). Судьи-чиновники заботятся больше всего о том, чтобы дело было гладко по бумагам: только бы в бумагах было все в порядке, а больше ни до чего нет дела чиновнику, который стремится лишь получать свое жалование и выслуживаться перед начальством. От этого так безобразно много бывает всегда в чиновничьих судах бумажной волокиты, сутяжничества и крючкотворства: написал как-нибудь не так в бумаге, не сумел когда следует занести в протокол — пропало дело, хотя бы и справедливое было дело. Когда судьями бывают выборные от фабрикантов и от рабочих, то им вовсе нет надобности увеличивать бумажную волокиту: служат они не из-за жалованья, от тунеядцев-чиновников они не зависят. Заботятся они не о том, чтобы получше еще получить местечко, а о том, чтобы уладить споры, которые мешают фабрикантам вести свое производство безостановочно, которые мешают рабочим спокойно продолжать свою работу и менее бояться придирок и несправедливых обид от хозяев. А потом, — чтобы разбирать споры между хозяевами и рабочими, надо хорошо, по своему опыту, знать фабричную жизнь. Судья-чиновник заглянул в рабочую книжку, прочитал правило, — и больше слушать ничего не хочет: нарушено, дескать, правило, так и отвечай, а я больше знать ничего не знаю. А выборные судьи из хозяев и рабочих смотрят не на одни только бумажки, а и на то, как дело в жизни бывает. Иногда ведь правило-то остается преспокойно стоять на бумаге, а на деле выходит совсем иначе. Судья-чиновник часто, если бы даже и хотел, если бы даже с полным вниманием разбирался в делах, не может понять, в чем суть, потому что он не знает обычаев, не знает способов составления расценка, не знает, какими способами дожимают часто рабочего мастера и не нарушая правил и расценка (например, переводят на другую работу, дают другой материал и пр. и пр.). Выборные судьи, которые сами работают или сами ведут фабричные дела, сразу разбираются во всех таких вопросах, они легко понимают, чего собственно хочет рабочий, они заботятся не об одном соблюдении правил, а о том, чтобы уладить все так, чтобы рабочего не могли притеснять в обход правилам, чтобы не могло быть и поводов для обмана и произвола. Вот недавно было в газетах известие, что рабочих-шапочников чуть-чуть не осудили, по жалобе хозяина, за кражу — они пользовались обрезками шапок; хорошо, что нашлись честные адвокаты, которые собрали сведения и доказали, что такой уж обычай в этом промысле, и что рабочие не только не воры, но даже

и правил-то никаких не нарушили. Но ведь обыкновенному, простому рабочему, получающему самую маленькую плату, почти никогда не добраться до хорошего адвоката, — и поэтому, как знает всякий рабочий, судьи-чиновники очень часто постановляют по рабочим делам самые жестокие и бессмысленно-жестокие приговоры. От судей-чиновников никогда нельзя ждать полной справедливости: мы уже сказали, что эти судьи принадлежат к буржуазному классу и наперед бывают предубеждены верить всему, что говорит фабрикант, и не верить словам рабочего. Судья смотрит в закон: договор личного найма (один человек нанимается за плату сделать что-либо другому или служить у него). И ему все равно, нанимается ли к фабриканту инженер, врач, директор фабрики или нанимается чернорабочий; судья думает (благодаря своей бумажной душе и своей буржуазной тупости), что чернорабочий точно так же хорошо должен знать свои права и уметь оговорить все, что требуется, в договоре, как директор, врач, инженер. А в промышленном суде в судьях состоят (наполовину) выборные от рабочих, которые очень хорошо понимают, что рабочий-новичок или молодой чувствует себя часто на фабрике и в конторе словно в темном лесу и даже в мыслях того не имеет, что он заключает «свободный договор» и может «предусмотреть» в нем все желательные для него условия. Возьмем, для примера, хоть такой случай: хочет рабочий жаловаться на несправедливую браковку или на штрафы. Нечего и думать о том, чтобы жаловаться на это чиновнику-судье или чиновнику-фабричному инспектору. Чиновник будет твердить одно: *закон* предоставляет фабриканту право штрафовать рабочих и браковать плохую работу, и уж это фабрикантово, дескать, дело определять, когда работа плоха, когда рабочий провинился. Поэтому-то рабочие так редко и обращаются в суды с подобными жалобами: они терпят злоупотребления, терпят, а кончают стачкой, когда чаша их терпения переполнится. Если же среди судей сидели бы выборные от рабочих, тогда рабочим несравненно легче было бы добиваться правды и защиты и по таким делам и по всем самым мелким фабричным спорам и обидам. Ведь это богатому чиновнику-судье кажется, что такие мелочи и внимания не стоят (кипяток какой-нибудь для чая, или машину лишний раз вычистить, или что-нибудь подобное), а для рабочего-то это вовсе не мелочи; только сами рабочие и могут судить о том, какую иногда массу притеснений, обиды и унижений вызывают самые мелкие и на первый взгляд пустяшные, безобидные правила и порядки на фабриках.

Третья выгода промышленных судов для рабочих — та, что рабочие учатся в них и посредством их знакомству с законами. Обыкновенно рабочие (в массе) не знают законов и не могут знать их, хотя с них тем не менее взыскивают чиновники и чинов-

ническпе судьи за незнание законов. Если рабочий, когда ему чиновник укажет закон, ответит, что он не знал о таком законе, то чиновник (и судья) либо засмеется, либо обругается: «отговариваться незнанием закона никто не имеет права» — вот что говорит основной русский закон. Всякий чиновник и судья *предполагает* поэтому, что каждый рабочий знает законы. Но ведь такое предположение — буржуазная ложь, ложь, сочиненная людьми имущими и капиталистами против неимущих, такая же ложь, как и предположение, что рабочий заключает с хозяином «свободный договор». На самом деле рабочему, который с малых лет забирается на фабрику, едва-едва выучившись грамоте (а очень и очень многие и грамоте-то не могут выучиться!), законов узнать некогда и не от кого и, пожалуй, незачем, — потому что, если законы применяют, не спрашивая его, чиновники из буржуазии, то мало пользы принесут рабочему законы! Буржуазные классы, которые обвиняют рабочих в незнании законов, сами ровно ничего не сделали для того, чтобы облегчить рабочим приобретение такого знания, и потому действительно виноваты в незнании рабочими законов не столько сами рабочие, сколько их эксплуататоры (= грабители), которые владеют всей собственностью, живут чужим трудом и одни только хотят пользоваться образованием и наукой. Никакая школа и никакие книжки не дадут и не могут дать рабочим знания законов, потому что книжки читать могут только очень и очень немногие рабочие из массы задавленных капиталом миллионов трудящегося народа, школой пользуются по той же причине тоже немногие, да и те, кто проходит школу, умеют большей частью только читать, писать и считать, а этого еще мало, чтобы разобраться в такой сложной и трудной области, как русские законы. Рабочие могут ознакомиться с законами только тогда, когда им придется самим применять эти законы и слышать и видеть суд по этим законам. Рабочие, например, могли бы лучше знать законы, если бы их назначали в присяжные заседатели (обязывая фабрикантов платить им прежнюю плату и за те дни, которые они проводят в суде), но в буржуазном обществе устроено так, что присяжными могут быть только люди из имущего класса (да еще крестьяне, вышколенные «общественной службой», т.-е. на деле службой в низших полицейских должностях); неимущие же, пролетарии, должны только подчиняться чужому суду, а сами судить не имеют права! Когда устраиваются промышленные суды, то рабочие сами выбирают в них судьями своих товарищей, и эти выборы повторяются через определенные сроки; таким образом, выборные из рабочих сами применяют законы и получают возможность ознакомиться с ними на практике, то-есть не только прочитать напечатанные в книжке законы (это ведь далеко еще не значит ознакомиться с законами), но и на деле убедиться в том, к каким случаям и как именно применяются

те или другие законы и какое влияние оказывают они на рабочих. А потом и кроме выборных судей и остальные рабочие гораздо легче знакомятся с законами при устройстве промышленных судов, потому что с судьями из своих товарищей рабочий всегда легко может переговорить и получить от него нужные сведения. Так как промышленный суд доступнее рабочим, чем суд чиновников, то рабочие несравненно чаще посещают его, слушают разбор тех дел, в которых участвуют их родственники и знакомые, и таким образом знакомятся с законами. А рабочему человеку крайне важно не из книжек только, а из самой жизни познакомиться с законами, чтобы понять, в чьих интересах составлены эти законы, в чьих интересах действуют люди, применяющие законы. Ознакомившись с законами, всякий рабочий ясно увидит, что это — интересы имущего класса, собственников, капиталистов, буржуазии, и что рабочему классу никогда не добиться себе прочного и коренного улучшения своей судьбы, пока он сам не добьется права выбирать своих выборных для участия в составлении законов и в надзоре за их исполнением.

Далее (в-четвертых), хорошая сторона промышленных судов состоит в том, что они приучают рабочих принимать самостоятельное участие в общественных, государственных делах (потому что суд есть государственное учреждение, деятельность суда есть одна из частей государственной деятельности), приучают рабочих выбирать более разумных, честных и твердо стоящих за рабочее дело товарищей на такие должности, в которых деятельность этих рабочих видна всему рабочему классу, на такие должности, в которых представители рабочих могут заявлять нужды и требования всех рабочих. Интерес класса капиталистов, интерес всей буржуазии состоит в том, чтобы оставить рабочих невежественными и раздробленными, чтобы удалять скорее тех рабочих, которые умнее других и которые пользуются своим умом и своими знаниями не для того, чтобы сделаться изменником рабочему делу, выслуживаясь пред мастерами, хозяевами и полицейскими, а пользуются для того, чтобы помочь и остальным рабочим приобрести больше знаний и научиться сообща стоять за рабочее дело. Но чтобы таких передовых рабочих, которые так нужны для рабочего дела, знали все рабочие и доверяли им, для этого очень важно, чтобы все видели деятельность этого рабочего, чтобы все знали о том, умеет ли он выражать действительные нужды и желания рабочих и стоять за них. Вот если бы рабочие могли выбирать таких людей в судьи, тогда лучших людей из рабочих знали бы все, им больше доверяли бы, и рабочее дело от этого получило бы громадную пользу. Посмотрите на наших землевладельцев, промышленников и купцов: ведь они не удовлетворяются тем, что каждый из них может поехать к губернатору или министру и заявить ему свои просьбы; они добиваются еще, чтобы

выборные из них заседали и в суде (суды с сословными представителями) и принимали прямое участие в управлении (напр., выбираемые дворянами предводители дворянства, попечители школ и пр.; выбираемые купцами члены фабричных присутствий, члены биржевых и ярмарочных комитетов и проч.). Рабочий же класс в России остается совсем бесправным: на него смотрят, как на вьючный скот, который должен работать на других и молчать, не смея заявить свои нужды и свои желания. Если бы рабочие выбирали постоянно своих товарищей в промышленные суды, то они получили бы хоть некоторую возможность участвовать в общественных делах и заявлять не только мнения отдельных рабочих, Петра, Сидора или Ивана, а заявлять мнения и требования всех рабочих. И рабочие не относились бы тогда к судам с таким недоверием, как они относятся к судам чиновников: они видели бы, что там есть их товарищи, которые постоят за них.

Затем (в-пятых), выгода промышленных судов для рабочих состоит в том, что эти суды вызывали бы больше огласки фабричных дел и всех случаев фабричной жизни. Теперь мы видим, что и фабриканты и правительство изо всех сил стараются скрывать от глаз общества то, что происходит в фабричном мире: о стачках запрещают печатать, отчеты фабричных инспекторов о положении рабочих тоже перестали печатать, всякое злоупотребление стараются замолчать и уладить поскорее дело «келейно», чиновничьим порядком, всякие собрания рабочих преследуются. Неудивительно, что масса рабочих часто очень плохо знакома с тем, что делается на других фабриках или даже на других отделениях той же фабрики. Промышленные суды, в которые рабочие могли бы часто обращаться, в которых дела велись бы в свободное для рабочих время и гласно, т.-е. в присутствии рабочей публики, принесли бы много пользы рабочим и тем, что способствовали бы огласке всякого злоупотребления, облегчали тем рабочим борьбу против разных фабричных безобразий, приучали рабочих думать о порядках не своей только фабрики, но и о порядках на всех фабриках, о положении всех рабочих *).

Наконец, нельзя обойти молчанием и еще одной выгоды промышленных судов: они приучают фабрикантов, директоров, мастеров к приличному обращению с рабочими, как с равноправными гражданами, а не как с холопами. Всякий рабочий знает,

*) Конечно, не надо забывать при этом, что промышленные суды могут быть только одним из средств и путей огласки, далеко не главным путем. Настоящая и полная огласка фабричной жизни, положения рабочих и их борьбы может быть дана только свободными рабочими газетами и свободными народными собраниями, обсуждающими все государственные дела. Точно так же и представительство рабочих в промышленных судах

как часто фабриканты и мастера позволяют себе безобразно грубое обращение с рабочими, ругань и т. п. Жаловаться на это рабочему трудно, а давать отпор удается только там, где все рабочие уже довольно развиты и сумеют поддержать товарища. Фабриканты и мастера говорят, что наши рабочие очень невежественны и грубы — потому с ними и приходится обращаться грубо. В рабочем классе у нас, действительно, много еще следов крепостного права, мало образования и много грубости, — этого нельзя отрицать. Но только кто виноват в этом больше всех? Виноваты именно фабриканты, мастера, чиновники, которые держат себя с рабочими как бары с крепостными, которые не хотят признать в рабочем равного себе человека. Рабочие обращаются с вежливой просьбой или вопросом — и встречают отовсюду грубость, ругань, угрозы. Не очевидно ли, что если фабриканты обвиняют при этом рабочих в грубости, то они валят с больной головы на здоровую? Промышленные суды быстро стали бы отучать наших эксплуататоров от грубого обращения: в суде были бы судьями рабочие рядом с фабрикантами, которые бы вместе обсуждали дела и подавали голоса. Судьи-фабриканты должны были бы видеть в судьях-рабочих ровню себе, а не наймитов. Перед судом были бы тяжущиеся и свидетели и из фабрикантов и из рабочих: фабриканты приучились бы вести правильные переговоры с рабочими. Это очень важно для рабочих, потому что в настоящее время такие переговоры крайне редко удаются: фабрикант и знать не хочет того, чтобы рабочие выбирали своих депутатов, и рабочим один путь остается для разговора: стачка, а это путь трудный и часто очень тяжелый. Потом, если бы в числе судей были и рабочие, — тогда рабочие могли бы свободно обращаться в суд с жалобами на грубость обращения. Судьи-рабочие всегда встали бы на их сторону, и призыв фабриканта или мастера к суду за грубость отбил бы у них охоту держать себя с нахальством и надменностью.

Таким образом, промышленные суды, состоящие из выборных от хозяев и рабочих поровну, имеют очень важное значение для рабочих и приносят им много пользы: они гораздо доступнее для рабочих, чем обыкновенные суды, в них меньше волокиты и бумажности, в них судьи понимают условия фабричной жизни и судят более справедливо, они знакомят рабочих с законами, они приучают рабочих к выборам своих представителей и к участию в государственных делах, они расширяют огласку фабрич-

есть только одно из средств представительства, но далеко не главное средство: настоящее представительство рабочих интересов и нужд возможно только во всенародном представительном учреждении (парламенте), которое бы издавало законы и надзирало за их исполнением. Мы еще будем говорить ниже о том, возможны ли промышленные суды при теперешних порядках в России.

ного быта и рабочего движения, они приучают фабрикантов к приличному обращению с рабочими и к правильным переговорам с рабочими, как с равными им людьми. Неудивительно поэтому, что рабочие во всех европейских странах требуют учреждения промышленных судов, требуют, чтобы эти суды существовали не только для фабрично-заводских рабочих (у немцев, французов такие-то суды уже есть), но и для рабочих, работающих по домам на капиталистов (для кустарей) и для сельских рабочих. Никакие назначаемые правительством чиновники *(ни судьи, ни фабричные инспектора) никогда* не могут заменить собою таких учреждений, в которых бы *участвовали сами рабочие:* разъяснять это, после всего сказанного нами выше, нет надобности. Всякий рабочий притом и сам по своему опыту знает, чего ему ждать от чиновников; всякий рабочий прекрасно поймет, что если ему скажут, будто чиновники нисколько не хуже сумеют позаботиться о рабочих, чем выборные от самих рабочих, то это будет ложь и обман. Такой обман очень выгоден правительству, которое хочет оставить рабочих невежественными, бесправными и бессловесными рабами капиталистов, и поэтому-то так часто и можно слышать эти лживые уверения от чиновников или от писателей, защищающих фабрикантов и правительство.

Необходимость и польза для рабочих промышленных судов настолько очевидны, что ее признали давным-давно *даже русские чиновники.* Правда, это было так давно, что об этом многие позабыли! Это было тогда, когда наши крестьяне были освобождены из крепостной зависимости (в 1861 г., более 38 лет тому назад). Около того же времени русское правительство решило заменить также новыми законы о ремесленниках и фабричных рабочих: слишком уже ясно было тогда, что с освобождением крестьян нельзя оставить старые законы о рабочих; когда вырабатывались эти старые законы, из рабочих многие были крепостными. И вот правительство назначило комиссию из нескольких чиновников, поручив им изучить немецкие и французские (и других стран) законы о фабричных рабочих и составить проект изменения русских законов о ремесленниках и фабричных рабочих. Комиссия была составлена из очень важных лиц. Но все же таки они принялись за работу и напечатали целых пять книг, в которых изложили иностранные законы и предложили новый закон для России. По этому предлагаемому комиссией закону, *вводились промышленные суды с выборными судьями от фабрикантов и от рабочих поровну*. Напечатан был этот проект в 1865 году, т.-е. 34 года тому назад. Ну, и что же сделали с этим проектом закона? — спросит рабочий. Почему же правительство, которое само поручило этим чиновникам выработать проект необходимых изменений, не ввело в России промышленных судов?

С проектом этой комиссии наше правительство поступило так, как оно всегда поступает со всеми сколько-нибудь хорошими для народа и для рабочих проектами. Чиновников правительство наградило жалованьем за труды на пользу царя и отечества; чиновникам повесили на шею ордена, дали высшие чины и более доходные места. А составленный ими проект положили себе преспокойно «под сукно», как говорят в канцеляриях. Так этот проект и лежит по сю пору под сукном. Правительство и думать перестало о том, чтобы дать рабочим право выбирать своих же товарищей-рабочих в промышленные суды.

Но ведь нельзя же сказать, что правительство с тех пор ни разу не вспоминало о рабочих. Правда, оно вспоминало о них не по своей доброй воле, а исключительно под давлением грозных рабочих волнений и стачек, но все же вспоминало. Оно издало законы о запрещении детской работы на фабриках, о запрещении ночной работы женщин в известных производствах, о сокращении рабочего дня, о назначении фабричных инспекторов. Как ни крючкотворчески составлены эти законы, как ни много лазеек оставляют они фабрикантам для нарушения и обхода законов, но все же некоторую долю пользы они приносят. Так вот, почему же правительство предпочло не вводить промышленные суды, хотя такой закон был уже вполне разработан, а вводить новые законы и новых чиновников — фабричных инспекторов? Причина тому совершенно ясная, и рабочим очень важно вполне понять эту причину, потому что на этом примере можно понять всю политику русского правительства по отношению к рабочему классу.

Вместо промышленных судов правительство назначило новых чиновников потому, что промышленные суды подняли бы сознательность рабочих, повысили в них сознание своих прав, своего человеческого и гражданского достоинства, приучили их самостоятельно думать о государственных делах и об интересах всего рабочего класса, приучили бы их к выборам своих более развитых товарищей на должность представителей рабочих, подорвали бы таким образом хотя отчасти хозяйничанье одних только самовластных чиновников. А этого-то и боится пуще всего наше правительство. Оно готово даже дать рабочим кое-какие подачки — (конечно, небольшие подачки и притом так, чтобы одной рукой у всех на глазах, торжественно дать и благодетелем себя назвать, а другой рукой тайком опять понемногу отнять! На примере фабричного закона 2-го июня 1897 г. рабочие уже знают эту уловку!) — готово дать подачки, лишь бы оставить неприкосновенным чиновничье самовластье и не дать проснуться сознанию рабочих, не дать развиться их самостоятельности. Этой ужасной для него опасности правительство легко избегает, назначая новых чиновников: чиновники — его послушные слуги. Чиновникам (например, фабричным инспекторам) ничего не стоит запретить

печатать их отчеты, им ничего не стоит запретить говорить рабочим об их правах и злоупотреблениях хозяев, их ничего не стоит превратить в фабричных урядников, предписав им сообщать полиции о каждом неудовольствии и волнении рабочих.

Поэтому до тех пор, пока остаются в России теперешние политические порядки — то-есть, бесправие народа, произвол неответственных перед народом чиновников и полиции, — до тех пор рабочие не могут надеяться на учреждение полезных для них промышленных судов. Правительство очень хорошо понимает, что промышленные суды очень быстро заставили бы рабочих перейти и к более коренным требованиям. Выбирая своих представителей в промышленные суды, рабочие скоро увидели бы, что этого недостаточно, так как помещики и фабриканты, эксплуатирующие рабочих, посылают своих представителей в очень многие государственные учреждения, гораздо более высокие; рабочие потребовали бы непременно всенародного представительства. Добиваясь огласки фабричных дел и рабочих нужд в судах, рабочие скоро увидели бы, что этого недостаточно, потому что настоящую огласку в наше время могут дать только газеты и народные собрания, и рабочие потребовали бы свободы собраний, свободы слова и свободы печати. *Вот поэтому-то правительство и похоронило проект введения в России промышленных судов!*

С другой стороны, предположим на минуту, что правительство умышленно, желая обмануть рабочих, ввело бы теперь же промышленные суды, сохраняя в неизменности теперешние политические порядки. Была ли бы рабочим польза от этого? Никакой пользы бы не было: рабочие даже сами не стали бы выбирать в эти суды своих наиболее сознательных, честных и преданных рабочему делу товарищей, потому что они знают, что за всякое открытое и честное слово в России могут схватить человека по простому приказу полиции, бросить его, без суда и следствия, в тюрьму или сослать в Сибирь!

Следовательно, требование промышленных судов с выборными от рабочих составляет только одну частичку более широкого и более коренного требования: требования политических прав народу, т.-е. права участвовать в управлении государством и заявлять открыто о народных нуждах не только в газетах, но и в народных собраниях.

О СТАЧКАХ

Написано в конце 1899 г. [108]

Впервые напечатано в 1924 г. в «Пролетарской Революции» № 8—9

Печатается по рукописи, переписанной неизвестной рукою печатными буквами

Рабочие стачки сделались в России в последние годы чрезвычайно частыми. Не осталось ни одной промышленной губернии, где бы не было по нескольку стачек. А в крупных городах стачки не прекращаются вовсе. Понятно поэтому, что и сознательные рабочие и социалисты все чаще задаются вопросом о значении стачек, о способах ведения стачек, о задачах участия социалистов в стачках.

Мы хотим попытаться изложить некоторые наши соображения по этим вопросам. В первой статье мы думаем сказать о значении стачек в рабочем движении вообще; во второй статье — о русских законах против стачек, в третьей — о том, как велись и ведутся стачки в России, и как следует относиться к ним сознательным рабочим.

I.

Прежде всего следует поставить вопрос, чем объясняется возникновение и распространение стачек. Всякий, кто припомнит все случаи стачек, известные ему по личному опыту, по рассказам других или из газет, — сразу увидит, что стачки возникают и распространяются там, где возникают и распространяются крупные фабрики. Из крупнейших фабрик, занимающих по нескольку сот (а иногда и тысяч) рабочих, вряд ли найдется хоть одна, на которой не было бы стачки рабочих. Когда в России было мало крупных фабрик и заводов, было мало и стачек, а с тех пор, как быстро растут крупные фабрики и в старинных фабричных местностях и в новых городах и селах, — с тех пор все чаще становятся стачки.

Отчего это происходит, что крупное фабричное производство всегда ведет к стачкам? Происходит это оттого, что капитализм необходимо ведет к борьбе рабочих с хозяевами, а когда производство становится крупным, эта борьба необходимо становится стачечной борьбой.

Поясним это.

Капитализмом называется такое устройство общества, когда земля, фабрики, орудия и пр. принадлежат небольшому числу

землевладельцев и капиталистов, а масса народа не имеет никакой или почти никакой собственности и должна поэтому наниматься в работники. Землевладельцы и фабриканты нанимают рабочих, заставляют их производить те или другие продукты, которые они и продают на рынке. При этом фабриканты платят рабочим только такую плату, чтобы рабочие едва-едва могли просуществовать на нее со своими семьями, а все, что производит рабочий сверх такого количества продуктов, фабрикант кладет в свой карман, это составляет его прибыль. Таким образом, при капиталистическом хозяйстве масса народа работает по найму у других людей, работает не на себя, а на хозяев за плату. Понятно, что хозяева стараются всегда понизить плату: чем меньше они отдадут рабочим, тем больше останется у них прибыли. Рабочие же стараются получить как можно больше платы, чтобы можно было кормить всю семью сытной и здоровой пищей, жить в хорошем жилище, одеваться не по-нищенски, а как все одеваются. Таким образом, между хозяевами и рабочими идет постоянная борьба из-за заработной платы: хозяин волен нанять какого ему угодно рабочего, и он поэтому ищет самого дешевого. Рабочий волен наняться к какому ему угодно хозяину и ищет самого дорогого, который заплатил бы подороже. Работает ли рабочий в деревне или в городе, нанимается ли он к помещику, к богатому мужику, к подрядчику или фабриканту, — он всегда торгуется с хозяином, борется с ним из-за платы.

Но может ли рабочий в одиночку вести эту борьбу? Рабочего народу становится все больше: крестьяне разоряются и бегут из деревень в города и на фабрики. Помещики и фабриканты вводят машины, которые отнимают работу у рабочих. В городах все больше становится безработных, в деревнях — все больше нищих; голодный народ сбивает плату все ниже и ниже. Рабочему становится невозможно в одиночку бороться с хозяином. Если рабочий потребует хорошей платы или станет не соглашаться на понижение платы, — то хозяин ответит: ступай прочь, много голодных-то за воротами, они рады работать и за низкую плату.

Когда разорение народа доходит до такой степени, что и в городах и в деревнях всегда есть массы безработного народа, когда фабриканты скапливают громадные богатства и мелкие хозяйчики вытесняются миллионерами, — тогда отдельный рабочий становится *совершенно бессильным* перед капиталистом. Капиталист получает возможность совершенно задавить рабочего, загнать его до смерти на каторжной работе, да и не его одного, а также и его жену и его детей. И в самом деле, взгляните на те промыслы, в которых рабочие еще не добились себе защиты закона и в которых рабочие не могут оказывать сопротивления капиталистам, — и вы увидите безмерно длинный рабочий день,

доходящий до 17 — 19 час., вы увидите надрывающихся за работой детей с 5 — 6-летнего возраста, вы увидите поколение постоянно голодающих и вымирающих мало-по-малу с голоду рабочих. Пример: те рабочие, которые работают у себя по домам на капиталистов; да всякий рабочий припомнит еще много и много других примеров! Даже при рабстве и при крепостном праве никогда не было такого страшного угнетения рабочего народа, до какого доходят капиталисты, если рабочие не могут оказывать им сопротивления, не могут завоевать себе законов, ограничивающих произвол хозяев.

И вот, чтобы не дать довести себя до такого крайнего положения, рабочие начинают отчаянную борьбу. Видя, что по одиночке каждый из них — совершенно бессилен, и что ему грозит гибель под гнетом капитала, рабочие начинают поднимать сообща восстания против своих хозяев. Начинаются рабочие стачки. Сначала рабочие часто не понимают даже, чего они добиваются, не сознают, *зачем* они это делают: они просто ломают машины, разрушают фабрики. Они хотят только дать почувствовать фабрикантам свое возмущение, они пробуют свои совместные силы, чтобы выйти из невыносимого положения, не зная еще, отчего именно их положение так безнадежно и к чему они должны стремиться.

Во всех странах возмущение рабочих начиналось с отдельных восстаний — бунтов, как их у нас называет полиция и фабриканты. Во всех странах эти отдельные восстания породили, с одной стороны, более или менее мирные забастовки, а с другой стороны, всестороннюю борьбу рабочего класса за свое освобождение.

Какое же значение имеют забастовки (или стачки) в борьбе рабочего класса? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны сначала поподробнее остановиться здесь на забастовках. Если плата рабочего определяется, — как мы видели, — договором между хозяином и рабочим, если отдельный рабочий оказывается при этом совершенно бессильным, то ясно, что рабочие необходимо должны сообща отстаивать свои требования, необходимо должны устраивать стачки, чтобы помешать хозяевам понизить плату или чтобы добиться себе более высокой платы. И действительно, нет ни одной страны с капиталистическим устройством, в которой не было бы рабочих стачек. Во всех европейских государствах и в Америке рабочие везде чувствуют себя бессильными в одиночку и могут оказывать сопротивление хозяевам только сообща, либо устраивая стачки, либо угрожая стачкой. И чем дальше развивается капитализм, чем быстрее растут крупные фабрики и заводы, чем сильнее мелкие капиталисты вытесняются крупными — тем более настоятельной становится нужда в совместном сопротивлении рабочих, потому что тем острее становится

безработица, тем сильнее конкуренция между капиталистами, стремящимися производить товары как можно дешевле (а для этого и рабочим надо платить как можно дешевле), тем сильнее колебания промышленности и кризисы *). Когда промышленность процветает, фабриканты получают большие прибыли и не думая делиться ими с рабочими; во время же кризиса фабриканты стараются свалить убытки на рабочих. Необходимость стачек в капиталистическом обществе настолько признана всеми в европейских странах, что там закон не запрещает устройство стачек, только в России остались дикие законы против стачек (об этих законах и о применении их мы будем говорить в другой раз).

Но, вытекая из самой сущности капиталистического общества, стачки означают начало борьбы рабочего класса против этого устройства общества. Когда против богатых капиталистов стоят отдельные неимущие рабочие, то это означает полное порабощение рабочих. Но когда эти неимущие рабочие соединяются, — дело меняется. Никакие богатства не принесут никакой пользы капиталистам, если они не найдут рабочих, согласных прилагать свой труд к их орудиям и материалам и производить новые богатства. Когда рабочие по одиночке имеют дело с хозяевами, они остаются настоящими рабами, вечно работая из куска хлеба на чужого человека, вечно оставаясь покорным и бессловесным наймитом. Но когда рабочие сообща заявляют свои требования и отказываются подчиняться тому, у кого толстая мошна, тогда рабочие перестают быть рабами, они становятся людьми, они начинают требовать, чтобы их труд не шел только на обогащение кучки тунеядцев, а давал возможность работающим жить по-человечески. Рабы начинают заявлять требование сделаться хозяевами, — работать и жить не так, как хотят помещики и капиталисты, а так, как хотят сами трудящиеся. Стачки потому и внушают всегда такой ужас капиталистам, что они начинают колебать их господство. «Все колеса остановятся, если захочет того твоя сильная рука» — говорит о рабочем классе одна песня немецких рабочих. И в самом деле: фабрики, заводы, помещичьи хозяйства, машины, железные дороги и пр. и пр., это все как бы колеса одного громадного механизма, — механизм этот добывает разные продукты,

---

*) Подробнее о кризисах в промышленности и о их значении для рабочих мы поговорим когда-либо в другой раз. Теперь же заметим только, что в последние годы в России промышленные дела шли превосходно, промышленность «процветала», но теперь (конец 1899 г.) замечаются уже ясные признаки того, что это «процветание» кончится кризисом: заминкой в сбыте товаров, банкротствами фабрикантов, разорением мелких хозяев и страшными бедствиями рабочих (безработицей, понижением платы и т. д.).

обрабатывает их, доставляет куда следует. Весь этот механизм двигает *рабочий,* который возделывает землю, добывает руду, выделывает товары на фабриках, строит дома, мастерские, железные дороги. Когда рабочие отказываются работать, весь этот механизм грозит остановиться. Каждая стачка напоминает капиталистам, что настоящими хозяевами являются не они, а рабочие, которые все громче и громче заявляют свои права. Каждая стачка напоминает рабочим, что их положение не безнадежно, что они не одиноки. Посмотрите, какое громадное влияние оказывает стачка и на стачечников и на рабочих соседних или близких фабрик или фабрик того же производства. В обыкновенное, мирное время рабочий молча несет свою лямку, не перечит хозяину, не рассуждает о своем положении. Во время стачки он громко заявляет свои требования, он припоминает хозяевам все их притеснения, он заявляет свои права, он думает не о себе одном и не о своей только получке — он думает и о всех товарищах, которые бросили работу вместе с ним и которые стоят за рабочее дело, не боясь лишений. Всякая стачка приносит с собой для рабочего массу лишений и таких страшных лишений, которые можно сравнить только с бедствиями войны: голодание семей, потеря заработка, часто арест, высылка из того города, где он обжился и имеет занятие. И несмотря на все эти бедствия, рабочие презирают тех, кто отступает от всех товарищей и идет на сделку с хозяином. Несмотря на бедствия стачки, — рабочие соседних фабрик всегда испытывают подъем духа, когда видят, что их товарищи начали борьбу. «Люди, которые терпят такие бедствия, чтобы сломить сопротивление одного единственного буржуа, сумеют сломить и силу всей буржуазии», — говорил один великий учитель социализма, Энгельс, про стачки английских рабочих. Часто стоит только забастовать одной фабрике, — и немедленно начинается ряд стачек на целой массе фабрик. Так велико нравственное влияние стачек, так заразительно действует на рабочих вид их товарищей, которые хоть на время становятся из рабов равноправными людьми с богачами! Всякая стачка наводит рабочих с громадной силой на мысль о социализме — о борьбе всего рабочего класса за свое освобождение от гнета капитала. Очень часто бывало так, что до крупной стачки рабочие какой-нибудь фабрики или какого-нибудь производства, какого-нибудь города почти не знали и не думали о социализме, — но после стачки среди них все сильнее распространяются кружки, союзы и все больше и больше рабочих делается социалистами.

Стачка учит рабочих понимать, в чем сила хозяев и в чем сила рабочих, учит думать не об одном только своем хозяине и не об одних только ближайших товарищах своих, а о всех хозяевах, о всем классе капиталистов и о всем классе рабочих.

Когда фабрикант, наживший себе миллионы трудом нескольких поколений рабочих, не соглашается на самую скромную прибавку к плате или даже пытается еще более понизить плату и, в случае сопротивления рабочих, выбрасывает на мостовую тысячи голодных семей, — тогда рабочие ясно видят, что весь класс капиталистов есть враг всему классу рабочих, что рабочие могут надеяться только на себя и на свое объединение. Очень часто бывает, что фабрикант старается всеми силами обмануть рабочих, выставить себя их благодетелем, прикрыть свою эксплуатацию рабочих какой-нибудь пустой подачкой, какими-нибудь лживыми обещаниями. Всякая стачка всегда одним ударом разрушает весь этот обман, показывая рабочим, что их «благодетель» есть волк в овечьей шкуре.

Но стачка открывает глаза рабочим не только на капиталистов, а также и на правительство и на законы. Точно так же, как фабриканты стараются себя выставить благодетелями рабочих, так чиновники и их прихвостни стараются уверить рабочих, что царь и царское правительство заботится о фабрикантах и о рабочих одинаково, по справедливости. Законов рабочий не знает, с чиновниками, особенно высшими, он дела не имеет, и потому часто верит всему этому. Но вот случилась стачка. На фабрику являются прокурор, фабричный инспектор, полиция, часто и войско. Рабочие узнают, что они нарушили закон: фабрикантам закон дозволяет и собираться и открыто говорить о том, как бы понизить плату рабочим, а рабочие за совместный уговор объявляются преступниками! Рабочих выгоняют из их квартир; полиция закрывает лавки, из которых рабочие могли бы получать в долг припасы, солдат стараются натравить на рабочих, даже когда рабочие держат себя совсем спокойно и мирно. Солдатам приказывают даже стрелять в рабочих, и когда они убивают безоружных рабочих, стреляя в спину убегающим, то сам царь посылает свою благодарность войску (так благодарил царь солдат, которые убили в 1895 г. в Ярославле рабочих-стачечников). Всякому рабочему становится ясно, что царское правительство — его злейший враг, защищающий капиталистов и связывающий рабочих по рукам и ногам. Рабочий начинает понимать, что законы издаются в интересах одних только богатых, что и чиновники защищают их же интересы, что рабочему народу затыкают рот и не дают возможности заявить о своих нуждах, что рабочий класс необходимо должен добиваться себе права стачек, права издавать рабочие газеты, права участвовать в народном представительстве, которое должно издавать законы и надзирать за их исполнением. И правительство очень хорошо само понимает, что стачки открывают глаза рабочим, и потому-то оно так и боится стачек, стремится во что бы то ни стало затушить их как можно скорее. Один немецкий

министр внутренних дел, который особенно прославился тем, что всеми силами преследовал социалистов и сознательных рабочих, не даром заявил однажды перед народными представителями: «из-за каждой стачки выглядывает гидра (чудовище) революции»; с каждой стачкой крепнет и развивается в рабочих сознание, что правительство его враг, что рабочий класс должен подготовлять себя к борьбе с ним за народные права.

Итак, стачки приучают рабочих к объединению, стачки показывают им, что только сообща могут они вести борьбу против капиталистов, стачки научают рабочих думать о борьбе всего рабочего класса против всего класса фабрикантов и против самовластного, полицейского правительства. Вот поэтому-то социалисты и называют стачки «школой войны», школой, в которой рабочие учатся вести войну против своих врагов за освобождение всего народа и всех трудящихся от гнета чиновников и гнета капитала.

Но «школа войны» еще не есть самая война. Когда среди рабочих широко распространяются стачки, то некоторые рабочие (и некоторые социалисты) начинают думать, что рабочий класс может и ограничиться одними стачками и стачечными кассами или обществами, что посредством одних стачек рабочий класс может добиться серьезного улучшения своего положения или даже своего освобождения. Видя, какую силу представляет из себя соединение рабочих и даже мелкие стачки их, некоторые думают, что стоит рабочим устроить всеобщую стачку по всей стране — и рабочие могут добиться от капиталистов и правительства всего, чего хотят. Такое мнение высказывали рабочие и других стран, когда рабочее движение только начиналось и рабочие были еще очень неопытны. *Но это мнение ошибочно.* Стачки это — *одно* из средств борьбы рабочего класса за свое освобождение, но не единственное средство, и если рабочие не обратят внимания на другие средства борьбы, то они замедлят этим рост и успехи рабочего класса. В самом деле, для успеха стачек нужны кассы, чтобы из них содержать рабочих во время стачек. Такие кассы рабочие (обыкновенно рабочие отдельных промыслов, отдельных ремесл или цехов) и устраивают во всех странах, но у нас в России это особенно трудно, потому что полиция выслеживает их и захватывает деньги, арестует рабочих. Конечно, рабочие умеют и скрываться от полиции; конечно, устройство таких касс полезно, и мы не хотим отсоветовать рабочим заниматься этим. Но нельзя надеяться, чтобы при запрещении законом рабочих касс они могли привлечь массу членов; а при малом числе членов рабочие кассы не очень-то много принесут пользы. Затем, даже и в тех странах, в которых свободно существуют рабочие союзы, и у них есть громадные кассы, — даже и в них рабочий класс никак не может ограничиться в своей борьбе одними стачками. Стоит только про-

изойти заминке в промышленных делах (кризису, который, например, теперь приближается и в России), — и фабриканты даже нарочно вызывают стачки, потому что им выгодно прекратить иногда на время работу, выгодно разорить рабочие кассы. Одними стачками и стачечными обществами рабочие поэтому никак не могут ограничиваться. Во-вторых, стачки успешно проходят только там, где рабочие уже довольно сознательны, где они умеют выбрать время для стачек, умеют предъявить требования, имеют связи с социалистами, чтобы добывать листки и брошюры. А таких рабочих еще немного в России, и необходимо направить все силы на то, чтобы увеличить их число, чтобы познакомить с рабочим делом массы рабочих, познакомить их с социализмом и рабочей борьбой. Эту задачу должны взять на себя социалисты и сознательные рабочие вместе, образуя для этого социалистическую рабочую партию. В-третьих, стачки показывают рабочим, как мы видели, что правительство — его враг, что с ним нужно вести борьбу. И во всех странах стачки действительно научили постепенно рабочий класс вести борьбу с правительствами за права рабочих и за права всего народа. Вести такую борьбу может только, как мы уже сейчас и сказали, социалистическая рабочая партия, распространяя среди рабочих верные понятия о правительстве и о рабочем деле. Мы в другой раз будем говорить особо о том, как ведутся у нас в России стачки, и как должны пользоваться ими сознательные рабочие. Теперь же мы должны указать, что стачки есть, как уже замечено выше, «школа войны», а не самая война, стачки—только одно средство борьбы, только одна форма рабочего движения. От отдельных стачек рабочие могут и должны перейти и действительно переходят во всех странах к борьбе всего рабочего класса за освобождение всех трудящихся. Когда все сознательные рабочие становятся социалистами, т.-е. стремящимися к такому освобождению, когда они соединяются между собой по всей стране, чтобы распространять среди рабочих социализм, чтобы учить рабочих всем средствам борьбы против их врагов, когда они составляют социалистическую рабочую партию, борющуюся за освобождение всего народа от гнета правительства и освобождение всех трудящихся от гнета капитала,—тогда только рабочий класс вполне примыкает к тому великому движению рабочих всех стран, которое объединяет всех рабочих и поднимает красное знамя со словами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА, ОТНОСЯЩИХСЯ К 1897—1899 Г.Г., ДО СЕГО ВРЕМЕНИ НЕ РАЗЫСКАННЫХ.

ПЕРЕПИСКА С Г. М. КРЖИЖАНОВСКИМ ОБ «ОТРЕЗКАХ».

Относится к 1896 г. или январю 1897 г., — времени сидения в Доме Предварительного заключения. Ю. Мартов говорит о ней (см. «Записки социал-демократа», изд. «Красная Новь» 1924 г., стр. 331—332):

«Кажется, Кржижановский сообщил нам о «выдумке Ильича», которую тот ему сообщил в переписке во время заключения в Предварилке. «Выдумка» состояла в формулировании такого положительного требования в области аграрной политики, которое, удовлетворяя земельную жажду крестьян и тем давая социал-демократии возможность приобрести в крестьянском движении опору, в то же время не рисковало при своем осуществлении затормозить ход экономического развития. Речь шла о знаменитых «отрезках», то-есть о требовании передачи крестьянам всей земли, которою они владели до великого грабежа 19 февраля 1861 года. Основным аргументом Ульянова было, что на «отрезных» землях преимущественно держатся кабальные отношения в деревне, и что, стало быть, возвращение этих земель хотя и увеличит площадь крестьянского землевладения, но устранит главный фактор, мешающий развитию капитализма в земледелии. «Выдумка», после подробных дебатов, в конце концов, нам понравилась, и мы сочли ее достойной обсуждения в партии. Позже я целиком воспринял ее — задолго до введения ее в партийную программу...».

ПЕРЕПИСКА С Ю. МАРТОВЫМ О П. П. С. *[ПОЛЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ]*.

Переписка эта относится к началу 1897 г. и велась в Доме Предварительного заключения «точками» на книгах тюремной библиотеки. Ю. Мартов в своих «Записках социал-демократа» (стр. 324—326) рассказывает следующее [рассказ относится ко времени перед отъездом в ссылку, когда, после трех дней свободы, Мартову и другим пришлось снова сесть в тюрьму (Владимиру Ильичу было разрешено ехать в ссылку на собственный счет, почему он в тюрьму больше не сел)]:

«К нашему кружку тесно примкнули Федосеев, Абрамович, Строжецкий и Петкевич. Однако, если с последними тремя нас связывала общность революционных настроений и умственных интересов, то теоретический эклектизм, характеризовавший этих «пе-пе-эс», плохо гармонировал с нашей марксистской ортодоксальностью. Вскоре после знакомства с ними нам пришлось выступить в роли своего рода арбитров между ними и польскими рабочими, во главе с Влостовским и Петрашеком. С жаром, который несколько удивил нас, сильно отставших в вопросах международной политики, польские товарищи дебатировали обострившийся в то время

критский вопрос, приведший к войне между Грецией и Турцией. «Пе-пе-эс», верные старой марксо-либкнехтовской демократической традиции, подходили к вопросам восточной политики с шаблонной точки зрения борьбы с царизмом, видя в критском восстании, как и во всех явлениях, разлагавших Турцию, если не непременно результат происков царизма, то факторы, ему благоприятные; поэтому они высказывались за победу Турции и против поддержки критских инсургентов пролетариатом. Напротив, польские рабочие социал-демократы, сознавая связь этого туркофильства с национально-революционными стремлениями Польской Соц. Партии, против которых их мобилизовала Роза Люксембург, яростно отстаивали критскую революцию, как восстание угнетенного народа. Обе стороны, как сказано, искали у нас поддержки. Наше положение было затруднительно. Традиция Маркса-Либкнехта владела еще и нашими умами и была сильно подновлена как недавними выступлениями Плеханова, который на цюрихском конгрессе 1893 г., вслед за Ф. Энгельсом, отмежевался от Розы Люксембург, а позже в предисловии к польскому изданию истории Туна воскликнул: «да здравствует независимая Польша!», так и особенно появившимися недавно статьями Каутского: «Finis Poloniae?» *), в которых стремления польских социалистов к независимости защищались и обосновывались. По поводу этих статей, прочтенных нами в Предварилке, я имел с В. И. Ульяновым переписку («точками» в книгах тюремной библиотеки), узнал, что он довольно решительно склоняется к П. С. Партии, к которой симпатии он питал еще и до статей Каутского. В последнем счете эти симпатии, полагаю, не опирались тогда на определенное убеждение в неизбежности и прогрессивности образования независимой Польши, а гораздо более питались высокой оценкой значения для обще-русского революционного дела деятельности Польской Соц. Партии, которая впервые сумела, став во главе рабочих масс, образовать могущественную политическую силу, борющуюся с царизмом. Признавая это значение партии, приходилось, по немецкой пословице, «mit in Kauf nehmen» (принимать за одно) и идеологию. Таково было настроение моих петербургских товарищей, но, с другой стороны, им трудно было переварить отрицательное отношение к революционно-демократическому восстанию критских крестьян. У меня же эти сомнения усиливались более близким знакомством с внутри-польскими революционными отношениями, с которыми я познакомился в Вильне. Это знакомство, если и не закрепило целиком моих симпатий за позицией Розы Люксембург и ее друзей, то заронило достаточно сомнений в социал-демократической классовой чистоте политики Польской Соц. Партии. В дебатах же, которые развернулись перед нами, мы воочию могли убедиться, что, при большей широте политического кругозора и импонировавшей нам склонности все злободневные вопросы ставить в связь с большими линиями международной революционной политики, наши друзья пе-пе-эсовцы плохо парировали удары рабочих, обличавших Польскую Социалистическую Партию в тенденции применять свою политику к комбинациям международной дипломатии и совершенно отрывать от перспектив развития классового движения. В конце концов, долгие и жаркие дебаты, в которых мы сами принимали активное участие, склонили наше мнение и по частному — критскому — вопросу и по общему вопросу ориентации международной политики социал-демократии на сторону рабочих, учеников Розы Люксембург».

ТЕКСТ СОГЛАШЕНИЯ С «ГРУППОЙ НАРОДОВОЛЬЦЕВ».

Соглашение это было написано перед отправлением в ссылку (в феврале 1897 г.), когда Владимиру Ильичу и другим его товарищам было разрешено пробыть три дня на воле.

---

*) Напечатаны были в «Neue Zeit» 1895 — 1896. *Ред.*

Б. Горев-Гольдман говорит об этом соглашении (см. «Из партийного прошлого», Ленинград 1924, стр. 38):

«На этих же собраниях *) шла речь о возможном соглашении или объединении с той зародышевой группой эс-эров, о которой я выше упоминал **). Ленин выработал текст соглашения (это была целая статья!) и тогда же проявил тот деловой оппортунизм, в форме уважения к чужой силе, который так характерен для него. «Раз у них есть типография, — говорил он, — то они многое могут диктовать нам, и мы на многое должны соглашаться».

ПИСЬМА П. МАСЛОВУ И Ю. МАРТОВУ О ЦЕНАХ НА ХЛЕБ.

Относятся к марту 1897 г.

Ю. Мартов («Записки с.-д.», стр. 328—331) рассказывает об этом следующее:

«Из полученного нами письма от Ульянова, которому удавалось оттягивать под предлогом болезни свой отъезд в Сибирь, мы узнали о расколе, грозившем молодой семье русских марксистов. Дело шло о конфликте между группой Струве, Туган-Барановского — с одной стороны и самарскими марксистами — с другой.

«В 1896 году самарцам П. П. Маслову, Р. Э. Циммерману, А. А. Санину, В. В. Португалову и др. удалось, по счастливой случайности, получить в свои руки ежедневную газету «Самарский Вестник», которую они, поскольку позволяла это провинциальная цензура, старались сделать боевым органом марксистской мысли. Это, конечно, не могло удаться им в сфере руководства рабочим движением и прямой пропаганды социализма, но осуществлялось, по крайней мере, в области повседневной борьбы с народнической идеологией.

«Так вот эта самарская группа, приобревшая в партии известный авторитет, забила в набат по поводу некоторых тенденций, проявившихся в деятельности столичных легальных марксистов.

«Речь шла о позиции, занятой Струве и Туганом в дискуссии, которая развернулась в Вольно-Экономическом Обществе по вопросу о значении для народного хозяйства хлебных цен ***). Вопрос этот, непосредственно затрогивавший аграриев, кричавших о разорении сельского хозяйства благодаря падению цен на мировом хлебном рынке, был подхвачен народническими противниками капитализма, которые в своей симпатии к сохранению натурального крестьянского хозяйства всячески старались доказать, что трудовое крестьянство в высоких ценах на хлеб не заинтересовано, а, напротив, сплошь и рядом, будучи вынуждено прикупать хлеб, заинтересовано, подобно городскому населению, в низких ценах.

«Вмешавшиеся в спор Струве и Туган-Барановский поставили весь вопрос на почву положения о прогрессивности и неизбежности развития капитализма в сельском хозяйстве и, поскольку высокие цены на хлеб являются фактором такого развития, тогда как низкие цены способствуют сохранению упорно-живучих форм кабальных экономических отношений в деревне (испольная и отработочная аренда и т. п.), они решительно высказались за желательность высоких цен.

---

*) Т.-е. на собраниях в квартире Цедербаумов, где было устроено свидание отправлявшихся в ссылку с работниками «Союза борьбы», остававшимися на воле. *Ред.*

**) Т.-е., очевидно, с так называемой «Группой новых народовольцев», являвшейся продолжательницей разгромленной в июне 1896 г. «Группы народовольцев» (см. прим. 24), в свою очередь подвергшейся арестам в конце марта 1897 г. (см. «Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях в 1897 г.». СПБ. 1902). *Ред.*

***) Дискуссия эта происходила 1 и 2 марта 1897 г. *Ред.*

«Самарских товарищей эта постановка вопроса и сделанные из нее выводы крайне взволновали. Не без основания увидели они в методе, которым оперировали петербургские легальные марксисты, продолжение того одностороннего апологетического (по отношению к капитализму) истолкования марксизма, в котором $1^1/_2$ года назад упрекал автора «Критических заметок» Тулин-Ульянов. В письмах к товарищам, копии которых нам были доставлены, П. П. Маслов объявлял выступления Струве и Тугана политическим скандалом и грозил от имени своих друзей открыто выступить против фальсификации социал-демократической точки зрения. Сильный в критике, он, однако, насколько помнится, был довольно слаб в положительной части, ибо, под влиянием, вероятно, реакции против Струве, противопоставлял его тезису голый антитезис, повторяя вслед за народниками утверждение, что массе потребляющего населения, в том числе и трудовым крестьянам, выгодны низкие цены, и игнорируя вопрос о вытеснении высокими ценами отсталых кабальных форм хозяйства. Как в вопросе о «свободе торговли» или «протекционизме» в Германии 40-х годов, позиция марксистов не могла быть исчерпана простым «да» или «нет» на основании простого соображения о непосредственном влиянии той и другой системы на промышленность, а должна была быть выведена из изучения эволюции всего хозяйственного организма страны, так и в данном случае русский социал-демократ должен был *подняться* над ограниченностью обеих точек зрения: народнической, выражавшей инерцию отсталых хозяйственных форм, и аграрно-капиталистической, отражавшей тенденцию имущих классов самым простым, кратчайшим и выгодным для себя путем решить проблему подъема производительных сил.

«Слабые стороны критики Маслова были замечены В. И. Ульяновым, и он с большой запальчивостью, почти без оговорок, стал на сторону Струве и Тугана. В пересланной им нам копии своего ответа Маслову и в письме к нам по тому же вопросу он обеими ногами становился на почву Струве-Тугановской постановки задачи, решая ее в том смысле, что высокие цены, убивая кабальные отношения в деревне, подготовляют условия для революции.

«От прежнего недоверия к капиталистическому апологетизму Струве у Тулина не оставалось и следа, и в этом настроении он пребывал и в следующие годы, когда (в своих «Этюдах и очерках» и «Развитии капитализма») специально занимался аграрным вопросом. Напротив, он проникся большим недоверием к самарцам, подозревая их в склонности к сантиментальному, капитулирующему перед народничеством замазыванию вопроса о прогрессивности процесса «раскрестьянивания» русской деревни. В таком духе писал он нам, приглашая нас коллективно воздействовать на самарцев, чтобы удержать их от открытого выступления против Струве.

«Мы, в общем и целом, стали на позицию Ульянова, но у нас все-таки немного сосало под ложечкой: беспокойство о том, как бы прямолинейное отстаивание всего, что содействует развитию капитализма, не сделало нас орудием непосредственных интересов имущих классов, было все-таки пробуждено письмами Маслова. Мы написали поэтому «миротворческие» письма обеим сторонам, убеждая их не начинать открытой полемики и искать сближения между двумя точками зрения; теоретически, впрочем, мы солидаризировались с Ульяновым, но право на недоверие к легальному марксизму признали за его антагонистом. Н. Е. Федосеев, связанный с самарцами личной дружбой, взялся успокоить взбаламученное самарское море и призвать Маслова и его коллег блюсти во что бы то ни стало единство марксистского фронта перед врагами. Ему это удалось» *).

---

*) Для сравнения см. статью В. И. Ленина: «К вопросу о хлебных ценах», стр. 1—4 настоящего тома. *Ред.*

ПИСЬМО Ю. МАРТОВУ О БРОШЮРЕ П. АКСЕЛЬРОДА: «ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ВЗАИМНОЕ ОТНОШЕНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ».

Относится к зиме 1898 — 1899 г.г. Ю. Мартов сообщает о нем («Записки с.-д.», стр. 398 — 401) следующее:

«Неосведомленность о подпочвенных течениях в партии заставила меня крайне поразиться полученной мною брошюрой П. Б. Аксельрода о взаимных отношениях либеральной и социальной демократии, в которой автор пытался в высшей степени осторожной и деликатной форме нащупать одно из зол тогдашнего движения: политическую примитивность практиков-социал-демократов, думавших, что борьбу рабочего класса за материальные и правовые улучшения можно совершенно изолировать от ведущихся вне пролетариата классовых битв между различными частями имущего общества, а потому объективно подготовлявших наступление такого момента, когда остро вспыхнувшая в самих пролетарских массах потребность борьбы с основным злом русской жизни — самодержавием — толкнет их на путь следования за иной, не социал-демократической партией, которая в глазах широких слоев народа явится носительницей идеи этой борьбы. Незнакомый с действительными настроениями молодого поколения социал-демократических работников, я усмотрел в этих критических замечаниях П. Б. отрицание всего нашего метода подхода к рабочим массам со стороны повседневно рождающегося и возобновляемого их антагонизма с непосредственными эксплуататорами-капиталистами. С другой стороны, еще неприятно в брошюре Аксельрода поразили меня если не самые его надежды на политическую роль, которую, по его мнению, должна сыграть борьба цензовых органов самоуправления против бюрократии, то его советы приурочить тактику партии к использованию этой борьбы.

«Последнее так поразило меня потому, что в это самое время я был всецело поглощен разразившимся в Западной Европе кризисом социал-демократии. Регулярно получаемое мною «Neue Zeit» дало мне возможность судить о значении выступления Бернштейна, а сведения о расколе французской партии в связи со вступлением Мильерана в буржуазное правительство не оставили никакого сомнения о подлинном характере возникавшего повсюду «ревизионизма». И теоретически, и практически я без колебаний стал на сторону «ортодоксии», то-есть революционного марксизма против реформизма, и под углом этого настроения считал советы П. Б. Аксельрода могущими поколебать классовую непримиримость русских сознательных рабочих, побудив их в сближении с непролетарскими классами искать той силы, которую должна была им доставить их упорная борьба под собственным знаменем.

«Своими мыслями я поделился с моими минусинскими друзьями, которым я писал, что Аксельрод несвоевременно затрагивает вопрос о (в принципе допускавшемся мною) координировании рабочего движения с буржуазно-либеральным и несправедливо критикует деятельность наших организаций, заподозревая ее в намеренной «экономической» узости. Я писал, что намерен отвечать Аксельроду в защиту партии.

«Мне отвечал В. И. Ульянов, писавший, что брошюры Аксельрода он не видал, а потому судить о ней не берется, хотя и обеспокоен моими указаниями о тенденции П. Б. подчеркивать некоторую общность задач либеральной и социальной демократии: он тоже находил нужным в данный момент, в виду поднятого бернштейнианцами шума, не перекидывать мостов между социализмом и буржуазным радикализмом. Но что касается мягких упреков П. Б. нашим молодым практикам, он советовал мне не спешить солидаризироваться с последними и не брать их под свою защиту,

ибо у него есть сведения, что в Петербурге и за границей некоторые молодые деятели точно начинают интерпретировать задачи партии странным образом. Не сообщая более конкретных подробностей, В. И. писал лишь, что в ряде номеров петербургского органа «Рабочая Мысль» заметна склонность замалчивать задачи политической борьбы и что за границей против Плеханова и всей Группы «Освобождение Труда» ведется систематический поход молодыми эмигрантами (в числе их К. М. Тахтаревым), который ему кажется подозрительным. Он советовал мне поэтому не выступать в печати, а попытаться снестись непосредственно с Аксельродом и Плехановым».

ПИСЬМО Ю. МАРТОВУ О «CREDO».

Относится к лету 1899 г. Ю. Мартов рассказывает о нем («Записки с.-д.», стр. 407—408):

«Летом 1899 года получил я от В. Ильина письмо, в котором он сообщал, что новые, связанные с бернштейнианством, тенденции среди практиков партии, наконец, нашли свое выражение в одном документе, который ему прислали из-за границы и которого копию он мне прислал. Документ этот, под заголовком «Credo» («Верую»), заключал в себе довольно путанное и сбивчивое изложение взглядов автора или авторов на ход развития рабочего движения в разных странах и ряд выводов для России, из которых основным был тот, что, сохраняя самостоятельное движение, как класс, в сфере борьбы за свои профессиональные интересы, русский пролетариат должен поддерживать ту политическую борьбу с царизмом, которую уже ведет буржуазное общество, и не пытаться создавать собственной политической партии. По словам Ильина, эта запоздалая попытка втиснуть развитие российского пролетариата в те рамки, в которых за 35 лет до того Шульце-Делич хотел удержать германский пролетариат, связывалась с именем «некоего Прокоповича», о личности которого Ильин ничего не мог сообщить, кроме того, что он, по слухам, пишет какую-то «ученую книгу». Но он слышал, что П. и его жена *) пользовались большим влиянием в эмигрантских кругах, и что развивавшиеся в «Credo» идеи сыграли свою роль в до-нельзя обострившемся кризисе заграничной организации, побудившем Группу «Освобождение Труда», которая осталась в меньшинстве, сложить с себя функцию редактирования изданий «Союза русских социал-демократов за границей». Отныне мы знаем, — писал Ильин, — во имя чего поднята борьба против «стариков» и под каким флагом идет мобилизация «молодых» практиков, группирующихся в России вокруг «Рабочей Мысли» и близких ей групп: это анти-революционное бернштейнианство, в теории капитулирующее перед буржуазной наукой, и постепеновщина в практике, отвергающая образование самостоятельной социал-демократической партии. С этими тенденциями надо повести решительную борьбу, и почин ее взяли на себя мои минусинские друзья. На собрании 17-ти ссыльных они выработали нечто вроде манифеста к социалистам, содержавшего обстоятельную критику центральных идей «Credo» и противопоставлявшего им в отчетливой форме основные тезисы революционного марксизма относительно конечных и ближайших задач рабочей партии в России. Предлагая «объявить войну всему кругу идей, нашедшему свое выражение в этом документе», минусинские товарищи предлагали всем марксистским группам выявить свое отношение к поднятым ими вопросам. В своем письме Ильин писал о том, что, отправляя протест за границу, он делает попытку теснее связаться с заграничными «стариками».

---

*) Е. Кускова — см. прим. на стр. 636. *Ред.*

ПИСЬМА ПО ВОПРОСАМ ФИЛОСОФИИ Ф. В. ЛЕНГНИКУ.

Письма эти относятся к 1898—1899 г.г. О них т. Ленгник рассказывает следующее:

«Письма эти, к великому сожалению, утеряны во время моих скитаний после сибирской ссылки. Я думаю, что они были отняты у меня во время обыска в 1901 году в Самаре. Просьба к самарским товарищам просмотреть архивы самарского жандармского управления.

«В сибирской ссылке я стал интересоваться вопросами философии и между прочим также философией Юма и Канта. Скептицизм Юма особенно, повидимому, гармонировал с той безнадежной обстановкой, в которой протекала тогда сибирская ссылка, когда партии еще фактически не было и когда о побегах нельзя было и думать; без налаженной «паспортной техники» побег должен был кончиться неминуемой неудачей, побег же за границу для эмигрантского прозябания казался мне еще более ужасным и безнадежным, чем ссылка. За границу тогда бежала, напр., из с. Казачинского А. А. Якубова, которую я всячески старался отговорить от побега. Философия же Канта была мне привита с детства вместе с германскими классиками, из которых особенно Шиллер, как известно, был пламенным энтузиастом кантианства.

«Вл. Ильич, вероятно от товарищей, узнал об этих моих увлечениях, и у нас с ним завязалась чрезвычайно оживленная переписка по философским вопросам. Я старался его обратить в свою веру, излагал ему поэтическую красоту кантовской «Критики практического разума», а иногда ударялся в крайний скептицизм, опираясь на Юма и его блестящего ученика Шопенгауэра, который тоже привлек мое скучающее в ссылке внимание.

«В своих ответных письмах Вл. Ильич, насколько я помню, очень деликатно, но и вполне определенно выступил решительным противником и юмовского скептицизма и кантовского идеализма, противопоставляя им жизнерадостную философию Маркса и Энгельса. Он с жаром доказывал, что *не может быть никаких границ человеческому знанию*, которое должно прогрессировать и *отделяться от идеалистической, буржуазной шелухи по мере роста революционного рабочего движения*, которое должно определить не только поведение и миросозерцание самого рабочего класса,— насквозь ясное, жизнерадостное и захватывающее своей простой красотой,— но оно определит самым точным образом и поведение и миросозерцание своих классовых противников и заставит их, вместо туманных, заоблачных теорий и мечтаний, говорить языком фактов и огнем баррикад...

«Через несколько уже писем Вл. Ильича я был поколеблен до самого основания. Я бросил своих идеалистических философов и устремился к изучению философии марксизма, для которой мои увлечения были уже далеким, далеким прошлым. «Анти-Дюринг» стал моей настольной книгой, и этим избавлением на всю жизнь от идеалистического плена я всецело обязан дорогому, милому, бесценному Вл. Ильичу».

П. Лепешинский в своих воспоминаниях («На повороте», ГИЗ, П. 1922) добавляет, что письма Вл. Ильича к т. Ленгнику иногда представляли собою целые длинные трактаты по философии

ПЕРЕПИСКА С ГРУППОЙ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА».

Переписка эта велась преимущественно через сестру Владимира Ильича, А. И. Елизарову. Переписывался Вл. Ильич преимущественно с П. Б. Аксельродом (указания на это встречаем и в «Переписке Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», изд. Р. М. Плехановой, М. 1925). Одно из этих писем—от 6/VIII 1897 г.—напечатано в «Ленинском Сборнике» I.

ПЕРЕПИСКА С ДРУЗЬЯМИ.

Находясь в ссылке в селе Шушенском, Владимир Ильич, кроме того, вообще вел обширнейшую переписку с своими друзьями, как остававшимися в России, так и с находившимися в ссылке в других местах Сибири и России. Н. К. Крупская в своих воспоминаниях («Из воспоминаний» — сб. Института Ленина: «О Ленине», вып. I, стр. 26) говорит об этом следующее:

«Два раза в неделю приходила почта. Переписка была обширная.

«Приходили письма и книги из России. Писала подробно обо всем Анна Ильинична, писали из Питера... Получали письма из далекой ссылки — из Туруханска от Мартова, из Орлова, Вятской губернии, от Потресова. Но больше всего было писем от товарищей, разбросанных по соседним селам. Из Минусинска (Шушенское было в 50 верстах от него) писали Кржижановские, Старков; в 30 верстах в Ермаковском жил Лепешинский, Ванеев, Сильвин, Панин, товарищ Оскара [Энгберга]; в 70 верстах в Теси жили Ленгник, Шаповал, Барамзин, на сахарном заводе жил Курнатовский. Переписывались обо всем — о русских вестях, о планах на будущее, о книжках, о новых течениях, о философии. Переписывались и по шахматным делам, особенно с Лепешинским. Играли по переписке...»

ПИСЬМО Ю. МАРТОВУ «О ТРОЙСТВЕННОМ СОЮЗЕ».

Относится к концу 1899 года. Ю. Мартов о нем рассказывает («Записки с.-д.», стр. 411):

«Появление «Credo» оживило мою переписку с В. И. Ульяновым и А. Н. Потресовым. Все мы в январе следующего года кончали ссылку, и вопрос о борьбе с новыми тенденциями и о нашей работе в условиях воцарившегося в партии разброда и развала очень нас заботил. Живя за 6.000 верст от России, я мог только терпеливо выжидать момента, когда с меня спадут путы полицейского надзора. Мои друзья находились в более выгодных условиях и могли, сговариваясь с единомышленниками, подготовлять кое-что практически. В конце последнего года ссылки я получил поэтому от В. И. Ульянова письмо, в котором он мне глухо предлагал «заключить тройственный союз», в который входил бы, кроме нас двух, еще А. Н. Потресов, для борьбы с ревизионизмом и «экономизмом». Этот союз прежде всего должен соединить свои силы с Группой «Освобождение Труда». Сквозь строки письма я угадывал какое-то налаживающееся предприятие журнального характера. Я ответил, конечно, полным согласием, предлагая товарищам располагать моими силами и обещая, не медля ни одного дня, отправиться по окончании ссылки туда, куда это будет нужно».

О том же рассказывает Н. К. Крупская («Из воспоминаний», стр. 29):

«В последний год зародился у Владимира Ильича тот организационный план, который он потом развил в «Искре», в брошюре «Что делать?», в «Письме к товарищу». Начать надо с организации обще-русской газеты, поставить ее надо за границей, как можно теснее связать ее с русской работой, с российскими организациями, как можно лучше наладить транспорт. Владимир Ильич перестал спать, страшно исхудал. Бессонными ночами обдумывал он свой план во всех деталях, обсуждая его с Кржижановским, со мной, списывался о нем с Мартовым и Потресовым, сговаривался с ними о поездке за границу...»

К выходу настоящего тома редакции не удалось проверить и установить авторство статьи, на возможную принадлежность которой Владимиру Ильичу указывалось в печати:

«Критика Profession de foi Киевского Комитета».

Указание на это дает В. Акимов-Махновец в своем «Очерке развития социал-демократии в России» (стр. 110, примечание — 2-е изд., 1905 г.).

Не представилось возможным установить также, были ли написаны Владимиром Ильичем упоминаемые им на стр. 490 настоящего тома статьи на темы: 1) о правилах поведения рабочих и социалистов на воле, в тюрьме и ссылке, и 2) по вопросам тактики и организации, долженствовавшие подвергнуться обсуждению предполагавшимся съездом партии.

II. СПИСОК ПЕРЕВОДНЫХ РАБОТ В. И. ЛЕНИНА ПЕРИОДА 1897—1899 Г.Г.*).

Нам известны две переводные работы, сделанные Владимиром Ильичем в ссылке. Н. К. Крупская рассказывает следующее («Из воспоминаний», стр. 24):

«С утра мы брались с Владимиром Ильичем за перевод Вебба, который достал мне Струве... Как-то прислал Потресов на две недели книжку Каутского против Бернштейна, мы побросали все дела и перевели ее в срок — две недели».

Переводы эти вышли в изданиях:

ВЕББ, СИДНЕЙ и БЕАТРИСА. — Теория и практика английского трэд-юнионизма (Industrial Democracy). Перевод с английского Владимира Ильина. Экономическая библиотека под общей ред. П. Струве. Изд. О. Н. Поповой. Том I—СПБ. 1900. Том II—СПБ. 1901. Стр. (в обоих томах) XVI + 768.

В книге имеется ряд небольших «примечаний переводчика».

К. КАУТСКИЙ. — Сборник статей.

Изд. Г. Ф. Львовича. СПБ. 1905. Стр. 190. Имя переводчика не указано.

Содержание: Материалистическое понимание истории. — Диалектика. — Стоимость. — Крупное и мелкое производство. — Увеличение числа имущих. — Акционерные общества. — Употребление прибавочной стоимости. — Новое среднее сословие. — Теория кризисов.

Второе издание этой же книги с указанием: Перевод Ленина выпущено тем же издательством в 1906 г.

---

*) Нам неизвестно, приходилось ли Владимиру Ильичу в указанный период заниматься редактированием каких-либо работ.

III. УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТ И ИСТОЧНИКОВ, УПОМИНАЕМЫХ В. И. ЛЕНИНЫМ В СТАТЬЯХ II ТОМА.

БУЛГАКОВ, С. — К вопросу о капиталистической эволюции земледелия. «Начало» 1899 г., № 1—2. — 431, 456, 463.
— О рынках при капиталистическом производстве. Теоретический этюд. Изд. М. И. Водовозовой. М. 1897. Стр. 260. — 397, 402, 403, 408.

БУНЯКОВСКИЙ, В. Я. — Опыт о законах смертности в России и о распределении православного народонаселения по возрастам. СПБ. 1865. Стр. VIII + 196 + 3 листа чертежей. — 286.

В. В. [ВОРОНЦОВ, В. П.] — Немецкий социал-демократизм и русский буржуаизм. «Неделя» 1894 г., №№ 47—49. — 337.
— Очерки кустарной промышленности в России. СПБ. 1886. Стр. III + 233. — 258.
— Очерки теоретической экономии (Роль рынка. — Что такое ценность. — Капиталистическая эволюция промышленности. — Русский марксизм). СПБ. 1895. Стр. 319. — 417.
— Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПБ. 1892. Стр. VI + 261. — 221.

ВЛИЯНИЕ УРОЖАЕВ И ХЛЕБНЫХ ЦЕН НА НЕКОТОРЫЕ СТОРОНЫ РУССКОГО НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА. Статьи: Н. Ф. Анненского, В. Н. Григорьева, проф. Н. А. Каблукова, проф. Н. А. Карышева, Л. Н. Маресса, Н. О. Осипова, М. А. Плотникова, В. И. Покровского, Д. И. Рихтера, проф. А. Ф. Фортунатова, проф. А. И. Чупрова, Ф. А. Щербины под редакцией проф. А. И. Чупрова и А. С. Посникова. Т. I. СПБ. 1897. Стр. VIII + LXIV + 532 + 2 листа картограмм. Т. II. СПБ. 1897. Стр. VIII + 381 + 99 + 15 листов картограмм и диаграмм. — 3, 455.

ВОЕННО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК. Выпуск IV. Россия. Составлен офицерами Генерального Штаба: В. Ф. Де-Ливроном, бароном А. Б. Вревским, Н. Н. Мосоловым, Ф. А. Фельдманом, Л. Л. Лобко, П. А. Гельмерсеном, С. А. Быховцем, Г. И. Бобриковым и А. А. Боголюбовым под общею редакциею Генерал-Майора Н. Н. Обручева. СПБ. 1871. Стр. XXX + 922 + 235. — 349, 352, 358.

ВОЛГИН, А. [ПЛЕХАНОВ, Г. В.]. — Обоснование народничества в трудах г. Воронцова (В. В.). СПБ. 1896. Стр. VI + 283. (См. IX том Сочинений Г. В. Плеханова.) — 55, 87, 94, 219.

ВОРОНЦОВ, В. П. — см. В. В.

ВСЕМИРНЫЙ РАБОЧИЙ ПРАЗДНИК 1-го МАЯ (ПО НАШЕМУ СЧЕТУ 19 АПРЕЛЯ). — С.-Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса. [1898.] — 536.

ГВОЗДЕВ, Р. [ЦИММЕРМАН, Р. Э.]. — Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение. Изд. Н. Гарина. СПБ. 1899. Стр. 161. — 381, 382.

ГОБСОН. — Эволюция современного капитализма. С предисловием автора, написанным для этого издания. Перев. с англ. (Экономическая библиотека.) Изд. О. Н. Поповой. СПБ. 1898. Стр. VII+242. — 389—391.

ДИОНЕО [ШКЛОВСКИЙ, И. В.]. — Из Англии. «Русское Богатство» 1899 г., № 2. — 441.

ДОКЛАД, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ ДЕЛЕГАЦИЕЙ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ МЕЖДУНАРОДНОМУ РАБОЧЕМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ КОНГРЕССУ В ЛОНДОНЕ в 1896 г. Изд. «Союза Русских Социал-Демократов». Женева. 1896. Стр. 32. (В приложении: [П. Б. Струве] — Аграрный вопрос и социальная демократия в России.) — 526.

КАБЛУКОВ, Н. А. — Об условиях развития крестьянского хозяйства в России. (Очерки по экономии сельского хозяйства.) М. 1899. Стр. VIII + 309. — 435, 441.

КАРЫШЕВ, Н. — Материалы по русскому народному хозяйству. I. Наша фабрично-заводская промышленность в половине 90-х годов. М. 1898. Стр. 54. (Первоначально в «Известиях Московского Сельско-Хозяйственного Института». Год IV. 1898. Кн. I.) — 341, 356, 359.

— Народно-хозяйственные наброски.—XXXIII. Затраты губернских земств на «экономические мероприятия». «Русское Богатство» 1896 г., № 5. — 319.

— Статистический обзор распространения главнейших отраслей обрабатывающей промышленности в России. «Юридический Вестник» 1889 г., № 9. — 349, 352.

KÄRGER, K. (КЕРГЕР, К.). — Die Sachsengängerei. Auf Grund persönlicher Ermittelungen und statistischer Ergebnisse. Berlin. 1890. S.S. 284 (Хождение в Саксонию. На основании личных исследований и статистических результатов. Берлин. 1890. Стр. 284). — 459.

КАУТСКИЙ, К. (KAUTSKY, KARL). — Die Agrarfrage. Eine Uebersicht über die Tendenzen der modernen Landwirtschaft und die Agrarpolitik der Sozialdemokratie. J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.). Stuttgart. 1899. S.S. VIII + 451 (Аграрный вопрос. Обзор тенденций современного сельского хозяйства и аграрная политика социал-демократии. Изд. Дитца. Штутгарт. 1899. Стр. VIII + 451). — 384, 385, 410, 427, 431, 432, 434 — 445, 447 — 451, 453 — 456, 459 — 464, 466 — 468, 470, 471.

— Karl Marx' Oekonomische Lehren. Stuttgart. Dietz. 1887. S.S. X+259 (Экономическое учение Карла Маркса. Штутгарт, изд. Дитца. 1887. Стр. X + 259). — 374.

— Bernstein und das Sozialdemokratische Programm. Eine Antikritik. Stuttgart. 1899. S.S. VIII + 195 (Бернштейн и социал-демократическая программа. Анти-критика. Штутгарт. 1899. Стр. VIII + 195). — 554.

— Der Parlamentarismus, die Volksgesetzgebung und die Sozialdemokratie. Stuttgart. Dietz. 1893. S.S. VIII + 139 (Парламентаризм, народное законодательство и социал-демократия. Штутгарт, изд. Дитца. 1893). — 516.

KAUTSKY, K. — см. КАУТСКИЙ, К.

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ СМЕРТИ ЧЕРНЫШЕВСКОГО — 17 ОКТЯБРЯ. Отдельное приложение к «Рабочей Мысли» — сентябрь 1899. — 550.

КЕНИГ, Ф. — см. KOENIG, F.

КЕНЭ, ФР. — Tableau économique (Экономическая таблица). — 406.

КОБЕЛЯЦКИЙ, А. — Справочная книжка для чинов фабричной инспекции, фабрикантов и заводчиков. 4-е изд. СПБ. 1897. Стр. XX + 145 + 3 + 143. — 345, 350.

KOENIG, F. (КЕНИГ, Ф.). — Die Lage der englischen Landwirtschaft unter dem Drucke der internationalen Konkurrenz der Gegenwart und Mittel und Wege zur Besserung derselben. Jena. 1896. S.S. XI + 445 (Положение английского сельского хозяйства под давлением интернациональной конкуренции в настоя-

вместе с способностью производства. «Edinburgh Review», том XXXII — 19 окт. 1819 г. — 21.

МАЛЬТУС. — Опыт о законе народонаселения или изложение прошедшего и настоящего действия этого закона на благоденствие человеческого рода, с приложением нескольких исследований о надежде на отстранение или смягчение причиняемого им зла. Перевел П. А. Бибиков. СПБ. 1868. Т. I — стр. 473. Т. II — стр. 468. — 50.

МАНИФЕСТ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ. 1898. — 484, 494, 544, 556.

МАНИФЕСТ СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПАРТИИ «НАРОДНОГО ПРАВА». [Смоленск.] 1894. Стр. 1. — 171, 184.

МАНУИЛОВ, А. — Капиталистическая идиллия. «Русское Богатство» 1897 г., № 11. — 285.

МАРКС, К. (MARX, K.). — Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта. Собрание исторических работ. Полный перевод под редакцией В. Базарова и И. Степанова. Изд. Скирмунта. СПБ. 1906. — 80, 300, 522.

— Das Elend der Philosophie (Нищета философии). — 73, 75.

— Das Kapital — см. Капитал.

— Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. Hamburg. 1885 (18-е Брюмера Луи Бонапарта. Гамбург. 1885) — см. Восемнадцатое Брюмера и т. д.

— Die heilige Familie (Святое семейство). — 329.

— Discours sur le libre échange — см. Rede über die Frage des Freihandels.

— Замечания на программу германской рабочей партии («Критика Готской программы»). — 65.

— Капитал (Das Kapital) — 18, 19, 23, 24, 26, 28, 37, 46, 53, 65, 66, 112, 215, 233, 255, 257, 296, 300, 335, 375, 376, 384, 397 — 402, 404, 406, 408 — 412, 414, 415, 423, 437, 456, 465, 474.

— Критика некоторых положений политической экономии (Zur Kritik der politischen Oekonomie). Перев. с нем. П. П. Румянцева под редакцией А. А. Мануилова. Изд. В. Бонч-Бруевича. М. 1896. Стр. XII + 164. — 62, 63, 77, 80.

— Rede über die Frage des Freihandels (Речь по вопросу о свободе торговли). — 3, 34, 109.

— Theorien über den Mehrwert. Stuttgart. 1905. S.S. XX + 430 (Теории прибавочной стоимости. Штутгарт. 1905. Стр. XX + 430). — 68.

— Über Karl Grün als Geschichtschreiber des Sozialismus (О Карле Грюне, как историке социализма). «Neue Zeit» 1899 г., кн. XVIII/I. Первоначально в «Westphälisches Dampfboot» 1847 г., август — сентябрь. — 111.

МАРКС, К. и ЭНГЕЛЬС, ФР. — Манифест Коммунистической Партии. — 178, 300.

MARX, K. — см. МАРКС, К.

[МАРТОВ, Ю. О.]. — Красное знамя в России. Очерк истории русского рабочего движения. С предисловием П. Аксельрода. Изд. Революционной организации «Социал-Демократ». Женева. 1900. Стр. XII + 64. — 535.

СБОРНИК СВЕДЕНИЙ ПО РОССИИ ЗА 1884 — 1885 г. (Статистика Российской Империи. 1.) Центральный Статистический Комитет М-ва Внутр. Дел. СПБ. 1887. Стр. XVIII + 312 + 2 листа картограмм. — 352.

СБОРНИК СТАТИСТИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ ПО МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ. Отдел хозяйственной статистики. Том VII, вып. III. Промыслы Московской губернии. Вып. V. Сост. Стат. Отд. Моск. Губ. Зем. Управы. Изд. Моск. Губ. Земства. М. 1883. Стр. 143 + + 7 + 31 + 23 + 2 листа диаграмм. — 53, 198.

СВОД ДАННЫХ О ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ СТАТИСТИКЕ [за годы 1885 — 1891]. Изд. Департамента Торговли и Мануфактур. (Материалы для торгово-промышленной статистики.) СПБ. 1889, 1891, 1893, 1894. — 212, 345, 351, 356, 361.

СВОД ЗАКОНОВ. Т. X, ч. 1. СПБ. 1887. Стр. 414 + 74. — 263.

СИНДИКАТЫ ВО ФРАНЦИИ. «Русские Ведомости» 1897 г., № 239. — 122.

СИСМОНДИ, Ж.-Ш.-Л. СИМОНД ДЕ- (SISMONDI, J.-CH.-L. SIMONDE DE-). — Nouveaux Principes d'économie politique, ou de la richesse dans ses rapports avec la population. Seconde édition. Paris. Delauney, 1827. Vol. I. XXIV + 514 p. Vol. II. 506 p. (Новые начала политической экономии, или о богатстве в его отношениях к населению. Второе издание. Париж. Изд. Делонэ. 1827. Том I. Стр. XXIV + 514. Том II. Стр. 506.) — 10, 11, 13, 21, 26, 27, 38, 41, 42, 56, 66, 67, 91, 100, 105.

СКАЛДИН [ЕЛЕНЕВ, Ф. П.]. — В захолустьи и в столице. СПБ. 1870. Стр. 451. (Первоначально в «Отеч. Записках» 1867 — 1869 г.г.) — 306 — 311, 316.

СКВОРЦОВ, А. — Влияние парового транспорта на сельское хозяйство. Исследование в области экономики земледелия. Варшава. 1890. Стр. VIII + VI + 701. — 435.

СМИТ, АДАМ. — Исследования о природе и причинах богатства народов. С примечаниями Бентама, Бланки, Буханана, Гарнье, Мак-Куллоха, Мальтуса, Милля, Рикардо, Сэя, Сисмонди и Тюрго. Перевел П. А. Бибиков. Т. I — III. СПБ. 1896 г. — 15, 41.

«СПБ. РАБОЧИЙ ЛИСТОК» № 2, сентябрь 1897 г. Стр. 8. — 484.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС ГЛАВНЕЙШИХ ОТРАСЛЕЙ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ С ПОИМЕННЫМ СПИСКОМ ФАБРИК И ЗАВОДОВ. Составил по официальным сведениям Департамента Торговли и Мануфактур за 1867 г. Д. А. Тимирязев. Вып. I — III. СПБ. 1869, 1870, 1873. — 345.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ ВРЕМЕННИК РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. Издание Центрального Статистического Комитета М-ва Вн. Дел. Серия II. Выпуск VI. Материалы для статистики заводско-фабричной промышленности в Европейской России за 1868 год. Обработаны И. Боком. СПБ. 1872. Стр. LXXVIII + 425 + карта. — 345 — 348.

СТРУВЕ, П. Б. — К вопросу о рынках при капиталистическом производстве. (По поводу книги Булгакова и статьи Ильина.) «Научное Обозрение» 1899 г., № 1. — 405, 408, 413, 417, 418.

— Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. I. СПБ. 1894. Стр. X + 291. — 65, 72, 87, 333, 337, 417, 418.

СТРУВЕ, П. Б. — Zur Beurtheilung der kapitalistischen Entwicklung Russland (К вопросу о капиталистическом развитии России). «Sozialpolitisches Centralblatt» 1893 г., № 1. — 87.

— см. также: С., П. и Б., П.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ РОССИЯ. Справочная книга для купцов и фабрикантов. Составлена под редакцией А. А. Блау, начальника Статистического Отделения Департамента Торговли и Мануфактур. СПБ. 1899. Стр. 337 + 3.418 + карта. — 382 — 383.

ТРУДЫ КОМИССИИ, ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННОЙ ДЛЯ ПЕРЕСМОТРА СИСТЕМЫ ПОДАТЕЙ И СБОРОВ. Т. т. I — XXIII. СПБ. 1860 — 1877. — 308.

ТРУДЫ КОМИССИИ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РОССИИ. Вып. I — XVI. СПБ. 1879 — 1887. — 198, 252, 258, 270, 271, 359.

ТРУДЫ КОМИССИИ, УЧРЕЖДЕННОЙ ДЛЯ ПЕРЕСМОТРА УСТАВОВ ФАБРИЧНОГО И РЕМЕСЛЕННОГО. (Печатано по соглашению Министерств Внутренних Дел и Финансов.) Части 1 — 5. СПБ. 1863 — 1865. — 566.

ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ, М. — Капитализм и рынок. (По поводу книги С. Булгакова «О рынках при капиталистическом производстве».) «Мир Божий» 1898 г., № 6. — 398, 403.

— Письмо в редакцию. (Ответ проф. Н. А. Карышеву.) «Мир Божий» 1898 г., № 4. — 352.

— Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь. СПБ. 1894. Стр. IV + 512 + 9 листов диаграммы. — 24, 37, 397 — 399, 402.

— Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. Т. I. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. Изд. Л. Ф. Пантелеева. СПБ. 1898. Стр. XI + 496. — 322, 352.

УКАЗАТЕЛЬ ФАБРИК И ЗАВОДОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ. Составили по официальным сведениям Департамента Торговли и Мануфактур П. А. Орлов и С. Г. Будагов. Изд. 3-е, испр. и значит. дополненное. [По сведениям за 1890 г., дополненным сведениями за 1893 и 1894 г.г.] 1894. СПБ. Стр. XVI + 826. — 210, 250, 342 — 344, 346, 351, 354, 357, 359—362, 366.

УКАЗАТЕЛЬ ФАБРИК И ЗАВОДОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ И ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО. Составил по официальным сведениям Департамента Торговли и Мануфактур П. А. Орлов. [По сведениям за 1884 год.] Изд. 2-ое, исправл. и значит. дополненное. СПБ. 1887. Стр. XIV + 824. — 350, 361.

УКАЗАТЕЛЬ ФАБРИК И ЗАВОДОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ С ЦАРСТВОМ ПОЛЬСКИМ И ВЕЛ. КН. ФИНЛЯНДСКИМ. Материалы для фабрично-заводской статистики. Составил по официальным сведениям Департамента Торговли и Мануфактур П. А. Орлов. [По ведомостям за 1879 год.] СПБ. 1881. Стр. IX + 753. — 250, 342, 351, 353.

ХАРИЗОМЕНОВ, С. — Значение кустарной промышленности. «Юридический Вестник» 1883 г., №№ 11 — 12. — 258.

— Промыслы Владимирской губернии. Вып. II. Александровский уезд. Изд. Асафа Баранова. М. 1882. Стр. XII + 353 + IV. — 197.

ШАРАПОВ, СЕРГЕЙ. — Русский сельский хозяин. Несколько мыслей об устройстве хозяйства в России на новых началах. (Бесплатное приложение к журналу «Север».) СПБ. 1894. — 296.

ШУЛЬЦЕ-ГЕВЕРНИЦ, Г. (SCHULZE-GAEVERNITZ). — Die Moskau-Wladimirische Baumwollindustrie. «Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft in Deutschen Reich». Herausgegeben von Gustav Schmoller. Leipzig. 1896 (Московско-Владимирская хлопчатобумажная промышленность. «Ежегодник по законодательству, управлению и народному хозяйству в Германской империи» Густава Шмоллера. Лейпциг. 1896). — 337.

ЭНГЕЛЬГАРДТ, А. Н. — Из деревни. 11 писем. (1872 — 1882 г.г.) Изд. А. С. Суворина. СПБ. 1882. Стр. 493. — 316.

ЭНГЕЛЬС, ФР. (ENGELS, FR.). — Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Leipzig. 1845. S.S. 358 — см. Положение рабочего класса в Англии.

— Herrn E. Dührings Umwälzung der Wissenschaft. Dritte Aufl. Stuttgart. 1894. S.S. XX + 354 (Переворот в науке, произведенный г-ном Дюрингом. 3-е изд. Штутгарт. 1894. Стр. XX+354). — 86, 406.

— Положение рабочего класса в Англии. — Нем. изд. — Лейпциг. 1845. Стр. 358; англ. изд. — Нью-Иорк. 1887. Стр. VI + + 20 + IX + II. — 46, 87, 92, 110, 115, 285, 300.

— The condition of the working class in England in 1844. New York. 1887. S.S. VI + 20 + IX + II — см. Положение рабочего класса в Англии.

ЭРФУРТСКАЯ ПРОГРАММА ГЕРМАНСКОЙ С.-Д. ПАРТИИ. — 511—514, 516, 517, 524.

ЭФРУСИ, Б. — (Некролог его в статье Н. Анненского — «Хроника русской жизни»). «Русское Богатство» 1897 г., № 3. — 9.

— Социально-экономические воззрения Симонда де-Сисмонди. «Русское Богатство» 1896 г., №№ 7 — 8. — 9, 15, 38, 41, 44, 50, 64, 67, 81, 91, 98, 101, 102.

ЮЖАКОВ, С. Н. — Вопросы просвещения. Публицистические опыты. — Реформа средней школы. — Системы и задачи высшего образования. — Гимназические учебники. — Вопрос всенародного обучения. — Женщина и просвещение. СПБ. 1897. Стр. VIII + 283. — 277, 280, 282, 286, 289.

— Просветительная утопия. План всенародного среднего образования. «Русское Богатство» 1895 г., № 5. — 327.

— Дневник журналиста. «Русское Богатство» 1896 г., № 12. — 318.

IV. ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ.

№ 1 (к стр. 167).

ПРЕДИСЛОВИЕ П. Б. АКСЕЛЬРОДА К 1-му ИЗДАНИЮ «ЗАДАЧ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ» — 1898 г.

Предлагаемая брошюра написана была около года тому назад, но нами — к сожалению — получена, вместе с другим манускриптом того же автора *), лишь недавно. Она, однако, за это время нисколько не утратила своего жизненного интереса и значения. И если мы выражаем сожаление по поводу ее позднего появления в печати, то только потому, что полгода тому назад она явилась бы отчасти как бы непосредственным комментарием к «Манифесту Российской Социал-Демократической Рабочей Партии», выдвигающему на первый план те же практические задачи, какие ставит перед нею автор печатаемого произведения. Автор сильно и настойчиво подчеркивает неразрывную связь социалистических и демократических задач нашего движения. «Пропагандируя среди рабочих, социал-демократы *не могут* обходить вопросы политические и сочли бы всякую попытку обойти их или даже отодвинуть глубокой ошибкой и *отступлением* (курсив наш) от основных положений всемирного социал-демократизма». И не только в пропаганде, но и в *агитации* вопросы эти, по убеждению автора, не могут быть отодвигаемы на задний план. Да не подумает какой-нибудь наивный читатель, что он предлагает звать рабочих на баррикады или подстрекает их на устройство заговоров. Ничуть не бывало. Решить вопрос о средствах «для нанесения решительного удара абсолютизму» он предоставляет самой рабочей партии, когда она настолько разрастется и укрепится, что почувствует себя достаточно сильной для вступления в окончательный бой с этим врагом. Но, заявляет он, и теперь уже, «*агитируя* среди рабочих на почве ближайших *экономических* требований, социал-демократы неразрывно связывают с этим и агитацию на почве ближайших политических нужд, бедствий и требований рабочего класса».

Такими же существенными и важными мы считаем замечания автора по вопросу об отношении промышленного городского пролетариата и социал-демократии к другим слоям угнетенных масс и к другим революционным фракциям. Он решительным образом протестует против того, «чтобы русская социал-демократия игнорировала остальные слои русского пролетариата и рабочего класса», кустарей, сельских батраков и массы разоренного

---

*) «О законе 2 июня». После известной брошюры «О штрафах», написанной тем же автором, эта новая и популярная брошюра является самым лучшим произведением нашей рабочей литературы. Льстим себя надеждой, что трудности и препятствия не помешают ему и впредь обогащать эту литературу произведениями своего пера.

крестьянства. Но, как революционер, счастливо соединяющий в себе опыт хорошего практика с теоретическим образованием и широким политическим кругозором, наш автор прекрасно сознает необходимость сосредоточения всех активных сил нашей партии на деятельности среди фабрично-заводских рабочих. И, несмотря на это, наши передовые рабочие и деятели не только должны, но и имеют полную возможность обращать серьезное внимание и на положение и интересы вышеуказанных народных масс. Каким образом? Читайте внимательно стр. 9—12 *), и вы увидите, как просто разрешается это кажущееся противоречие.

Для эмигрантов, давно уже оставивших родину, чрезвычайно приятно чувствовать и сознавать себя вполне солидарными с наиболее мыслящими и инициативными руководителями революционного движения в России. Не могу, поэтому, отказать себе в удовольствии отметить, что и в вопросе об отношении русской социал-демократии к народным массам, стоящим вне городского промышленного пролетариата, и к другим оппозиционно-прогрессивным слоям мы вполне солидарны с автором. «Задача приобретения русскими социал-демократами приверженцев и прямых или косвенных союзников среди непролетарских классов решается прежде всего и главным образом характером пропагандистской деятельности в среде самого пролетариата» **). Эти строки, написанные мною осенью прошлого года, как мне кажется, совпадают по духу и тенденции с тем, что говорит наш автор по тому же предмету.

В брошюре своей наш автор обращается главным образом к противникам из лагеря революционной интеллигенции. Он старается рассеять укоренившиеся в них предрассудки и предубеждения против социал-демократии. Это обстоятельство наложило особый отпечаток на его произведение. В нем, как бы помимо воли автора, отождествляется то, что *должно* быть, с тем, что *есть:* задачи и тактика, которые русская социал-демократия *должна* преследовать, чтобы остаться верной духу своих учений, изображаются автором как бы уже безусловно господствующими в действительности. Мы слишком давно живем вне России и слишком далеки от поля борьбы, чтобы с полной уверенностью судить о фактическом состоянии нашего движения. Мы можем судить о нем, главным образом, по заявлениям более молодых товарищей, сравнительно недавно попавших за границу. А эти товарищи, за редкими исключениями, довольно далеки еще от тех практических воззрений, на почве которых стоит автор настоящей брошюры, и уверяют, что так же, как они, смотрит на практику русской социал-демократии большинство активных групп. Очень может быть, что действительное настроение умов далеко не таково, каким оно представляется сквозь очки, окрашенные их субъективными симпатиями и антипатиями, фактические проявления этого настроения в прокламациях и деятельности товарищей в главных центрах движения отчасти даже прямо противоречат заявлениям упомянутых товарищей. Тем не менее, в общем, как кажется, движение наше еще только стремится к той ступени развития, которой вполне соответствует тактическая точка зрения автора. По всей вероятности он и сам так думает. И если из его брошюры выносится другое впечатление, то это, нужно думать, объясняется ее главной целью: устранить господствующие в лагере наших революционных противников недоразумения на счет практических задач, вытекающих из учений социал-демократии. Преследуя эту цель, автор естественно должен был особенно подчеркивать те стороны и те моменты нашего движения, в которых тенденция к постановке и осуществлению этих задач проявляется, так сказать, стихийно, хотя пока еще в зачаточных формах.

*) Стр. 173—178 наст. тома. *Ред.*

**) «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов».

Считаю нелишним отметить тот факт, что около того времени, когда предлагаемое произведение писалось, готовился к печати № 2 «Рабочей Газеты», вышедшей в свет, если не ошибаюсь, в декабре прошлого или в январе настоящего года. Этот номер газеты, по самому своему содержанию, по подбору фактов и явлений русской жизни, по известиям, сообщаемым в нем, и по задачам, которые редакция выдвинула на первый план, представляет собою практическое применение в области литературной пропаганды тактики, указываемой нашим автором. Напечатанная нами недавно брошюра «Современная Россия» также написана была в прошлом году. Автор ее *), заметим мимоходом, участвовал, как передавали, в составлении известной брошюры «Об агитации», сослужившей в свое время такую огромную службу нашему движению, и, вместе с автором печатаемого произведения, принадлежит не только к самым талантливым, но и к наиболее влиятельным среди основателей наших главных рабочих организаций. Наконец, в своем «Манифесте» съезд наших товарищей, состоявшийся последней весной, дал как бы официальное выражение и санкцию тем взглядам на положение, задачи и тактику нашей партии, которые высказаны в упомянутых произведениях. Все это дает основание надеяться, что недалеко то время, когда она в самом деле будет вполне сознательно и последовательно проводить на практике ту программу действия, которую указывает печатаемая брошюра.

П. Аксельрод.

Осень, 1898 года.

№ 2 (к стр. 181).

О ПРОГРАММНЫХ ВОПРОСАХ.

(Статья П. Л. Лаврова из № 4 «Летучего Листка группы народовольцев» — 9 декабря 1895 г.)

Вопросы, которые нам следует решить в настоящую минуту, мне кажется, следующие: 1) как нам представляется положение социально-революционного дела в России? 2) как нам представляется отношение нашей группы к разным оттенкам русских социалистов-революционеров и оппозиционных групп вообще? 3) . . . 4) . . .

1) Так как русские либералы в настоящем точно так же, как это было в прошедшем, не проявляют даже попытки организоваться в нечто подобное политической партии, то на политической сцене фигурируют настоящие и бывшие социалисты. О террористических группах полученные нами сведения не сообщают ничего... О старых пропагандистах среди крестьян с целью подготовить и вызвать народное восстание с социалистическими тенденциями никто даже не помнит: их традиция пропала. Остаются: народовольцы, поддерживающие свою программу с большими или меньшими видоизменениями, социал-демократы, программа которых написана для них конгрессами *немецких* социалистов, и народоправцы — бывшие социалисты, свертывающие знамя социализма для того, чтобы приобрести больше союзников в борьбе против абсолютизма. В среде более зрелых социалистов прежнего времени указывается на значительное отпадение в ряды народоправцев. В последнее время народоправцы потерпели сильный погром. С своей стороны социал-демократы проповедуют вражду к «ложным друзьям народа», рекомендуя народоправцев, как более откровенных, и готовы их поддержать, впрочем не сливаясь с ними. Добавочную силу социал-демократам придает в последние месяцы возможность защищать идеи свои в легальной русской прессе.

---

*) Л. Мартов. *Ред.*

Возражения им со стороны противников выходили фатально такими, что социал-демократы могли называть их «жиденькими» и «наивными», так как для откровенных народовольцев русская легальная пресса закрыта герметически. Подобное же отношение к этим возражениям со стороны единомышленников едва ли справедливо, так как для подобных возражений условий не существует.

Какую же будущность могут иметь попытки организоваться и действовать против капитализма и абсолютизма на почве программ этих трех борющихся партий и что может сделать каждая из них для торжества общего дела?

Приму за точку исхода положения, для меня составляющие аксиомы, как при теоретическом, так и при практическом решении вопросов настоящего времени:

а) социализм, как *сознанная рабочими классовая борьба труда с капиталом*, есть основное историческое явление нашего времени. Все остальные вопросы не могут и не должны быть поставлены иначе, как по отношению к этому основному явлению. Из того условия, что социализм есть борьба, сознанная рабочими, следует, что его окончательное торжество может быть *делом лишь самих рабочих*, организованных, как класс, во время борьбы для того, чтобы поглотить все классы в минуту своего торжества и с тем вместе положить конец классовой борьбе в истории человечества;

б) для России борьба социалистическая не может быть ведена с успехом и привести к торжеству рабочих ни помимо борьбы с абсолютизмом, ни поглощая все революционные силы исключительно этой борьбою. Лишь партия, способная комбинировать рационально решение этих обеих задач или приблизиться, по возможности, к их одновременному решению, имеет шансы на прочный успех.

Все остальные вопросы нашего времени, которые ставят себе социалисты всех стран и русские революционеры всех оттенков, суть лишь более или менее удачные приемы *подготовления* к решению этих основных задач, и политика всех фракций может быть оценена лишь по отношению к только что указанному подготовлению.

Программа народников-пропагандистов 70-х годов была, по моему мнению, в *теоретическом* отношении поставлена правильно, но оказалась вполне несостоятельной, во-1-х, по недостатку подготовления классового сознания в той доле русского рабочего класса (крестьян), на которую была направлена почти исключительно деятельность пропагандистов-революционеров; во-2-х, по недостатку подготовления самих пропагандистов знанием того «народа», в который они несли свою пропаганду. Для меня *лично* вовсе не решен отрицательно и бесповоротно для будущего вопрос, не придется ли русским революционерам, после неудачи всех прочих политических приемов борьбы против абсолютизма на социалистическом основании, *вернуться* к задаче, оказавшейся непосильной для социалистов 70-х годов, но видоизменяющейся с каждым годом расширением культуры в народе, именно к такой задаче — внеся в русское крестьянство сознание задач всемирного социализма, подготовить и вызвать в этом самом крестьянстве восстание, которое унесет одновременно и абсолютизм, и все те завоевания, которые уже сделал и еще сделает капитализм на нашей родине. Впрочем, для этой программы в настоящую минуту, как я сказал выше, недостает безусловно никакого элемента содействующих и сочувствующих; следовательно, о ней речи быть не может.

Народоправцы имеют за собою длинную традицию в прошлом, но они разрывают связь своего революционного дела с тем, что я признал основным историческим явлением настоящего, следовательно, хотят для России вернуть историю назад сравнительно с тем, что было и есть в других странах. Политическая борьба против абсолютизма необходима и обязательна, но она является при новых условиях: она не может уже

быть ведена социалистами при исчезнувших для них нравственных условиях прежних чисто политических революций. Чисто политическая программа не в состоянии уже вызвать в настоящее время того энтузиазма и того самоотвержения, которые необходимы для рискованного дела. К этой программе, по *рассуждению* (более или менее ошибочному), могут пристать люди, руководимые расчетом, и между либералами, не затронутыми социалистическими течениями нашего времени, политическая партия еще возможна. Но энтузиазм молодежи всегда толкает последнюю в среду той или другой социалистической партии. Это положение наглядно подтверждается современными фактами: опыт целой четверти века показал, что русские либералы не в состоянии были организовать партию, устроить заговор или даже вызвать серьезное литературное движение в подпольной прессе ни при Александре II, когда все условия позволяли это сделать, ни при Александре III, когда они должны были возмутиться гонениями, на них обрушившимися. Им недоставало для этого энтузиазма, не знающего опасений. За недостатком достаточного политического энтузиазма в рядах либералов и революционеров социалисты, среди которых этот энтузиазм вызывает чуть ли не во всех странах значительные исторические явления, хотят привить этот свой, социалистический энтузиазм политическим группам, отрицающим именно те принципы, которые могут в настоящее время вызвать этот энтузиазм; социалисты надевают маску политиков-несоциалистов, но не могут сами перед собою скрыть, что они лицемерят перед собою и перед другими. Для всех этих маскарадных политиков нет будущности.

После якобинцев 70-х годов, после «Свободной России», после лондонской «Свободной России», народоправцы повторяют снова эту маскарадную попытку. Так, как она совершается, она удаться не может, и сообщаемые нам сведения об уступках социалистам со стороны народоправцев весьма правдоподобны... На мой взгляд, единственная рациональная политика социалистов, свертывающих свое красное знамя ввиду чисто-политической задачи, могла бы быть такой: остатками своего социалистического энтузиазма разогреть русских либералов до того, чтобы они организовались в серьезную политическую партию; совершив эту геркулесову работу, предоставить этим либералам всю политику, а самим (если в них еще останется какая-либо способность к деятельности после своего маскарада) перейти к естественной роли противников либерализма, капитализма и т. п. Но эта комбинация в практическом своем осуществлении по своей сложности и трудности едва ли не превосходит и задачу организовать русскую рабочую партию при господстве абсолютизма, не организуя в то же время революционной партии против этого абсолютизма; и задачи подготовить и вызвать социалистическое восстание русского крестьянства; и задачи подготовить и совершить по преднамеренному плану захват власти социалистами...

Русские социал-демократы, как нам сообщают, пользуются успехом. Они, как нам пишут, «распространяют социалистическое миросозерцание»; следовательно, в этом отношении подготовляют решение задач как мирового, так и специально русского социализма. Но пропаганда идей есть для социалистов всего лишь один элемент этого подготовления. Другой — организация рабочих. На Западе, деятельность которого служит для русских социал-демократов безусловным образцом, история создала почву этой организации. Ее приходится укреплять, расширять, отстаивать, но почва *в юридических формах и общественных нравах* дана. *В России ее нет.* Организацию русской рабочей партии приходится создавать при условиях существования абсолютизма со всеми его прелестями. Если социал-демократам удалось бы сделать это, не организуя в то же время политического заговора против абсолютизма со всеми условиями подобного заговора, то, конечно, их политическая программа была бы надлежа-

щей программой русских социалистов, так как освобождение рабочих силами самих рабочих совершалось бы. *Но оно весьма сомнительно, если не невозможно.*

Если же им придется, так или иначе, группировать не только рабочие силы для борьбы с капиталом, но сплачивать революционных личностей и группы для борьбы с абсолютизмом, то русские социал-демократы *фактически* примут программу своих противников, народовольцев, как бы они себя ни называли. Разница во взглядах на общину, на судьбы капитализма в России, на экономический материализм суть частности, весьма маловажные для действительного дела и способствующие или мешающие решению частных задач, частных приемов подготовления основных пунктов, но — не более.

О том, что здесь *существенно*, нельзя издавать книги, продающиеся в лавках; о нем едва ли можно спорить даже в подпольной литературе, которую читают не все, потому что существенно здесь одно и только одно: возможна ли организация сильной рабочей партии при абсолютизме и помимо организации революционной партии, направленной против абсолютизма? Или же неизбежно лишь *подготовить* первую в самом процессе функционирования второй и в самой тесной связи между обеими задачами? Я полагаю, что первое *невозможно* и что, следовательно, все социалисты-революционеры в России, как бы они ни думали об общине, о судьбах капитализма и об экономическом материализме, неизбежно должны придти ко *второй* политической программе.

Это самое показывает, что из трех политических программ, которые теперь на-лицо в среде русских революционеров, *наиболее рациональной* я считаю программу народовольцев. Она имеет свою историю... В этой программе оставлены элементы, с которыми я был несогласен, но которые, по моему мнению, не мешали мне быть союзником народовольцев на основании общности основных воззрений. Я всегда публично высказывался, что элемент терроризма, допущенный в эту программу, есть элемент крайне опасный для партии... точно так же я всегда считал задачу захвата власти невозможной в какой-либо *рассчитанной* программе действий... Во всяком случае, при соображении достоинств и недостатков этой программы, я нашел уже в 1883 г. и повторяю в 1895 году, что для меня эта программа подготовления социального переворота и разрушения русского абсолютизма есть наиболее рациональная и единственная, которая удовлетворяет аксиомам, выше поставленным. Но она также программа очень трудная. Дело идет об одновременном распространении социалистических идей и сплочении зародышей рабочей организации под давлением абсолютизма, с одной стороны, и, с другой, об организации революционного заговора, не упуская из виду ни того, ни другого. Организация, сближение кружков, сношения между ними, их постоянное расширение, энергия личностей, примкнувших к программе — необходимые условия. Предоставляю самим народовольцам, действующим в России, судить, поступили ли они в эти два последние года сообразно этому условию.

...Но каковы бы ни были течения общественной мысли и как бы рациональна ни была сравнительно та или другая программа, однако, во-первых, все течения мысли состоят из *личных* мыслей и *личной* деятельности, и без энергичного и упорного действия и противодействия личностей никакое течение не может ни образоваться, ни усилиться, ни победить. Во-вторых, самая рациональная программа устанавливается вовсе не сама собою, не автоматически, а энергическою деятельностью личностей.

Русская молодежь выказала в своей истории достаточную решимость рисковать для идеи, чтобы не нужно было ей повторять, что личный риск, даже безрассудный, предпочтительнее инерции, даже более или менее хорошо охраняющей личности. Но, может быть, полезно заметить и следующее: «народовольцы» — армия и была армией с энергическим штабом в блестящий период ее деятельности. Может ли она продолжать

свое сложное дело, не упуская из виду того и другого элемента своей задачи, без этой *военной* организации? Не должны ли все усилия ее быть направлены не только на то, чтобы сплотить народовольческие группы, но и чтобы создать для нее *центральный* руководящий орган?.. Я не могу себе представить функционирования партии «Народной Воли» без центрального руководительства.

П. Лавров.

№ 3 (к стр. 482).

К РУССКИМ РАБОЧИМ.

(Программа «Северного Союза Русских Рабочих» — 1878 г.)

Сознавая крайне вредную сторону политического и экономического гнета, обрушивающегося на наши головы со всей силой своего неумолимого каприза, сознавая всю невыносимую тяжесть нашего социального положения, лишающего нас всякой возможности и надежды на сколько-нибудь сносное существование, сознавая, наконец, более невозможным сносить этот порядок вещей, грозящий нам полнейшим материальным лишением и парализацией духовных сил, мы, рабочие Петербурга, на общем собрании от 23-го и 30-го декабря 1878 года пришли к мысли об организации общерусского союза рабочих, который, сплачивая разрозненные силы городского и сельского рабочего населения и выясняя ему его собственные интересы, цели и стремления, служил бы ему достаточным оплотом в борьбе с социальным бесправием и давал бы ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успешного ведения борьбы.

Организация *Северного Союза Русских Рабочих* должна иметь строго определенный характер и преследовать именно те цели, какие поставлены в ее программе.

В члены этого Союза избираются исключительно только рабочие и через лиц, более или менее известных, числом не менее двух.

Всякий рабочий, желающий сделаться членом Союза, обязан предварительно ознакомиться с нижеследующей программой и с сущностью социального учения.

Все члены Союза должны сохранять между собою полную солидарность, и нарушивший ее подвергается немедленному исключению.

Член же, навлекший на себя подозрение, изобличающее его в измене Союзу, подвергается особому суду выборных.

Каждый член обязан вносить в общую кассу Союза известную сумму, определяемую на общем собрании членов.

Делами Союза заведывает комитет выборных, состоящий из десяти членов, на попечении которого лежат также обязанности по кассе и библиотеке. Общие собрания членов происходят раз в месяц, где контролируется деятельность комитета и обсуждаются вопросы Союза.

Собрания уполномочивают комитет только в действиях, являющихся непосредственно в интересах всего Союза. На обязанности комитета лежит также право сношения с представителями провинциальных кружков и фракций рабочих России, принявших программу Северного Союза.

Провинциальные фракции Союза удерживают за собою автономное значение в сфере деятельности, определяемой общей программою, и подчиняются только решениям общих представительных собраний.

Центральная касса предназначается исключительно на расходы, необходимые для выполнения планов Союза, и на поддержку рабочих во время стачек.

Библиотека имеет целью бесплатно удовлетворять потребностям столичных рабочих, даже не принадлежащих к Союзу.

Расходы на ее содержание и на выписку книг идут из кассы Союза и из сумм, жертвуемых рабочими.

Северный Союз Русских Рабочих, тесно примыкая по своим задачам к социально-демократической партии Запада, ставит своей программою:

1) Ниспровержение существующего политического и экономического строя государства, как строя крайне несправедливого.

2) Учреждение свободной народной федерации общин, основанных на полной политической равноправности и с полным внутренним самоуправлением на началах русского обычного права.

3) Уничтожение поземельной собственности и замены ее общинным землевладением.

4) Правильную ассоциационную организацию труда, предоставляющую в руки рабочих-производителей продукты и орудия производства.

Так как политическая свобода обеспечивает за каждым человеком самостоятельность его убеждений и действий, и так как ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса, то непосредственными требованиями Союза должны быть:

1) Свобода слова, печати; право собраний и сходок.

2) Уничтожение сыскной полиции и дел по политическим преступлениям.

3) Уничтожение сословных прав и преимуществ.

4) Обязательное бесплатное обучение во всех школах и учебных заведениях.

5) Уменьшение количества постоянных войск или полная замена их народным вооружением.

6) Право сельской общины на решение дел, касающихся ее, как-то: размера податей, надела земли и внутреннего самоуправления.

7) Уничтожение паспортной системы и свобода передвижения.

8) Отмена косвенных налогов и установление прямого, сообразно доходу и наследству.

9) Ограничение числа рабочих часов и запрещение детского труда.

10) Учреждение производительных ассоциаций, ссудных касс и дарового кредита рабочим ассоциациям и крестьянским общинам.

Вот в главных чертах та программа, руководиться какою поставило себе задачею общее собрание петербургских рабочих от 23-го и 30-го декабря.

Путем неутомимой и деятельной пропаганды в среде своих собратьев, Северный Союз надеется достичь тех результатов, которые выдвинут и у нас рабочее сословие и заставят его заговорить о себе, о своих правах; посему на обязанности каждого члена этого Союза лежит священный долг вести посильную агитацию в угнетаемой и отзывчивой на требования справедливости рабочей массе. Услуга его не останется забытой потомством, и славное имя его, как апостола евангельской истины, занесется в летописи истории.

Рабочие! Вас зовем мы теперь, к вашему голосу совести и сознанию обращаемся мы.

Великая социальная борьба уже началась — и нам нечего ждать; наши западные братья уже подняли знамя освобождения миллионов — и нам остается только примкнуть к ним. Рука об руку с ними пойдем мы вперед и в братском единении сольемся в одну грозную боевую силу...

На нас, рабочие, лежит великое дело — дело освобождения себя и своих братьев, на нас лежит обязанность обновления мира, утопающего в роскоши и истощающего наши силы, — и мы должны дать его.

Вспомните, кто первый откликнулся на великие слова Христа, кто первый был носителем его учения о любви и братстве, перевернувшего

весь старый мир? — Простые поселяне... Мы тоже зовемся к проповеди, мы тоже призываемся быть апостолами нового, но в сущности только непонятого и позабытого учения Христа. Нас будут гнать, как гнали первых христиан, нас будут бить и издеваться над нами, но будем неустрашимы и не постыдимся их поруганий, так как одно это озлобление против нас уже покажет нам бессилие в борьбе с нравственным величием идей, в борьбе с той силой, какую мы представим собою.

«Вы развращаете мир, скажут нам, вы разрушаете семью, вы попираете собственность и оскверняете религию». Нет, будем отвечать им, не мы развращаем мир, а вы; не мы причина зла, а вы. Напротив, мы идем обновить мир, возродить семью, установить собственность, как она должна быть, и воскресить великое учение Христа о братстве и равенстве...

Рабочие! Становитесь смело под наше знамя социального переворота, сомкнитесь в дружную братскую семью и, опоясавшись духовным мечом истины, идите проповедывать свое учение по городам и селам! Ваше будущее лежит в этой спасительной пропаганде, и ваш успех зависит от нравственной силы вашей; с нею мощны вы, с нею вы покорите мир.

Знайте, что в вас заключается вся сила и значение страны, вы — плоть и кровь государства, и без вас не существовало бы других классов, сосущих теперь вашу кровь. Вы смутно сознаете это, но у вас нет организации, нет идеи, которой вы бы руководились, нет, наконец, нравственной поддержки, столь необходимой для дружного отпора врагу. Но мы, рабочие-организаторы Северного Союза, даем вам эту руководящую идею, даем вам нравственную поддержку в сплочении интересов и, наконец, даем вам ту организацию, в какой нуждаетесь вы.

Итак, за вами, рабочие, последнее слово, от вас зависит участь великого Союза и успех социальной революции в России.

«Петербургская Вольная Типография».
12-го января 1879 года.
Печатано по просьбе рабочих.

№ 4 (к стр. 484)

ПРОГРАММНАЯ СТАТЬЯ ИЗ № 1 «РАБОЧЕЙ МЫСЛИ» — ОКТЯБРЬ 1897 г.

Рабочее движение в России теперь может считаться приобщенным к общеевропейскому рабочему движению. Теперь, конечно, никто не станет сомневаться, что руке в синем обшлаге не удержать его постепенного, неуклонного развития. То погасая до едва тлеющей искры, то разрастаясь в море огня, оно все шире и глубже захватывает рабочие массы и, хотя медленно, но прочно, дисциплинирует их, научая борьбе с врагом. Такой живучестью рабочее движение обязано тому, что рабочий сам берется за свою судьбу, вырвав ее из рук руководителей. Это вполне понятно. До тех пор, пока движение было лишь средством для успокоения больной совести кающегося интеллигента, оно было чуждо самому рабочему. Масса была холодна и безучастна к делу; убежденные рабочие — бойцы за свое собственное дело — являлись в виде исключений и во всяком случае не могли дать по количеству заметной окраски движению. Средства доставлял тощий студенческий кошелек. За что сражаться, с кем, по какому поводу? На это совсем не было ответа у рабочего не интеллигента, а рядового из массы, который собственно и значит все для движения. Да и не могло быть на это ответа, потому

что экономическая основа движения была затемнена стремлением постоянно не забывать политического идеала; вопрос был поставлен так, что не давал сам по себе ответа, а разъяснить каждому нет возможности, потому что обычные *занятия* обнимают сравнительно очень небольшой круг людей. Одним словом, можно сказать, что средний рабочий стоял вне движения. Стачки 1896 г. можно считать первым и пока единственным проявлением самостоятельной рабочей мысли, воплотившейся в стройные формы, если не считать прежде бывших стачек, возникших более или менее стихийно, взрывом, а не как борьба по обдуманному плану. Раз вопрос, за что бороться, ясен, раз враг перед глазами, русский рабочий умеет бороться, он уже доказал это. Борьба за экономические интересы — самая упорная борьба, самая сильная по количеству душ, которым она понятна, и по геройству, с которым самый обыкновенный человек отстаивает свое право на существование. Таков закон природы. Политика всегда послушно следует за экономикой и, в общем итоге, политические оковы разбиваются попутно. Борьба за экономическое положение, борьба с капиталом на поле ежедневных насущных интересов и стачки, как средство этой борьбы — вот девиз рабочего движения. Эта борьба понятна всем, она закаляет силы и сплачивает рабочих. В ней каждый шаг вперед есть улучшение в жизни, есть новое средство к дальнейшим победам. Раз привлечена вся масса рабочих, этим обеспечены средства к борьбе. Движение перестает быть нищим, живущим подачками со стороны. Средства должны давать сами бойцы, и каждый трудовой грош, вложенный в дело, будет дороже тысяч, данных со стороны. Стремление рабочих заводить кассы знаменует переход к вполне сознательной эпохе движения. Эти кассы должны давать в будущем средства прежде всего не для занятий, не для книг, а для насущного хлеба во время разгара боя, во время стачек. Вокруг касс должны группироваться рабочие, и каждая из них дороже для движения, чем сотня других организаций. Конечно, и дело самообразования должно идти своим чередом, воспитывая интеллигентные единицы. Пусть рабочие ведут борьбу, зная, что борются они не для каких-то будущих поколений, а для себя и своих детей, пусть помнят, что каждая победа, каждая пядь, отбитая у врага, есть пройденная ступень лестницы, ведущей к их собственному благополучию; пусть имеющие силы призывают слабых к борьбе и строят их в ряды сами, не рассчитывая ни на чью помощь. Победа впереди, и только тогда верх будет одержан бойцами, когда девизом их будет: *«рабочие для рабочих»*.

№ 5 (к стр. 484).

БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ РУССКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

(Передовая статья из № 2 «Рабочей Газеты» — ноябрь 1897 г.)

Когда говорят о рабочем движении в Англии, Германии, Франции или другой какой-либо заграничной стране, то у всякого перед глазами встает вполне ясная картина. Там существуют громадные рабочие союзы и могущественные рабочие партии. Там устраиваются многочисленные собрания и съезды, на которых открыто обсуждаются нужды и задачи рабочих. В парламентах *) заседают представители от рабочих, неустанно защищающие их интересы и заявляющие их требования. Наконец, там

*) Парламент, это — учреждение, издающее законы, устанавливающее подати и налоги и определяющее расходы страны. Парламент составляется из выборных от всех граждан, а следовательно, и от рабочих.

существует рабочая пресса, распространяются в громадном количестве газеты, журналы, книги, посвященные рабочему вопросу. Короче, и словом и делом заграничное рабочее движение заявляет о себе. Его все знают и о нем все говорят. Злейшие враги рабочего движения не могут отрицать его существование и его силу.

Не то у нас. Под гнетом царского самодержавия рабочее движение не может жить открытою жизнью. У нас запрещены и преследуются рабочие союзы и собрания; у нас нет парламента, нет представителей от рабочих, у нас нет прессы, которая открыто бы защищала интересы рабочих. Во всей стране никто не может публично говорить о русск м рабочем движении. И не только наши враги отрицают его существование, но немало найдется и рабочих, которые не знают, что в России существует рабочее движение.

А между тем русское рабочее движение не только существует, но и имеет уже значительную силу. Об этом свидетельствуют не только стачки и волнения рабочих, то-и-дело вспыхивающие в разных концах России, об этом свидетельствует и множество других фактов. Правда, у нас нет открытых, всеми признанных, союзов. Но у нас существуют тайные союзы и кассы, помогающие борьбе рабочих, объединяющие их и разъясняющие им их положение. Нам запрещают устраивать собрания и публично обсуждать интересующие нас вопросы; но это не мешает нам устраивать собрания тайные. У нас запрещают книги, в которых свободно обсуждается рабочий вопрос. Но мы читаем и распространяем книги запрещенные. У нас не бывает открытых и торжественных съездов представителей рабочих, но это не мешает им съезжаться тайно, не мешает также русским рабочим посылать своих представителей на международные рабочие съезды за границей *).

В России не существует парламента, мы не принимаем участия в издании законов, однако упорной борьбой и нам иногда удается вырвать у правительства полезный для нас закон. Издание закона 2 июня сего года об ограничении рабочего дня знаменует славную победу русского рабочего движения.

И с каждым днем русское рабочее движение все более и более усиливается. Тяжелое экономическое положение неудержимо толкает русского рабочего на борьбу за лучшую жизнь. Никакие притеснения правительства не в состоянии прекратить эту борьбу. На место каждого, вырванного из строя, борца за рабочее дело, появляются двое других. Каждый рабочий, высланный с поля борьбы, переносит эту борьбу в новое место, способствует распространению рабочего движения в России. Каждый выстрел в толпу рабочих будит массу рабочих, внушая ей вражду и ненависть к притеснителям. Так, несмотря на тяжелое ярмо правительственных притеснений, рабочее движение растет и крепнет.

Каковы же ближайшие задачи русского рабочего движения, к чему оно прежде всего должно стремиться?

Русские рабочие находятся под двойным гнетом — под гнетом капиталистической эксплуатации и под гнетом правительственных притеснений. Они страдают не только от чрезмерного, изнуряющего труда и от нищенской платы, не только от вредных условий труда, порождающих болезни и раннюю старость; не только от того, что их дети вырастают без материнского ухода и обречены с детского возраста на губительную фабричную работу, не только от всех этих и еще тысячи других экономических условий, — русские рабочие страдают еще и от своего *политического бесправия*. Они страдают от того, что по малейшему подозрению каждого из них могут оторвать от родных и друзей, бросить в тюрьму и сослать

*) На последнем съезде в Лондоне было 8 представителей от русских рабочих.

в Сибирь. Они страдают от того, что за малейшую попытку борьбы за улучшение своего положения их объявляют бунтовщиками, высылают против них, как против неприятельской армии, войско, которое не останавливается даже перед пролитием невинной крови женщин и детей. Русские рабочие страдают от того, что им запрещают читать книги, где выясняется положение рабочих, запрещают собираться, устраивать союзы, кассы. Короче, русские рабочие страдают еще от того, что они не пользуются никакими политическими правами.

Тяжела борьба с капиталистическим гнетом, не легко рабочему добиться улучшения своего экономического положения, но в тысячу раз это становится труднее, когда рабочий не имеет права ни говорить, ни писать, ни читать, ни собираться, ни объединяться, ни бороться. И хотя никакие преследования не могли остановить роста русского рабочего движения, однако неизмеримо сильнее было бы это движение, и неизмеримо крупнее были бы его успехи, если бы русские рабочие пользовались политическими правами. Если бы в наши стачки не вмешивалась ни полиция, ни жандармы, ни войско, если бы наши союзы могли жить открытою жизнью, если бы голос, призывающий нас на борьбу, мог беспрепятственно раздаваться перед многотысячной массой, если бы никакие книги, газеты, прокламации не подвергались преследованию и наши лучшие товарищи не вырывались из нашей среды, — тогда русское рабочее движение играло бы такую же роль в жизни России, какую играют западно-европейские рабочие партии в жизни заграничных государств.

В железных тисках правительственного гнета становится уже тесно русскому рабочему движению. Как воздух нужен всякому живому существу, так нужна нам *политическая свобода*. Не добившись свободы стачек, собраний, союзов, слова и печати, не добившись права принимать участие в управлении страной и в издании законов — мы никогда не сбросим с себя гнетущих нас цепей экономического рабства. Вот почему борьба с самодержавным правительством за политическую свободу — есть ближайшая задача русского рабочего движения.

Но для того, чтобы выполнить эту трудную задачу, для того, чтобы одержать победу над царским правительством, русское рабочее движение должно еще вырасти и окрепнуть. И не только армия борющихся русских рабочих должна увеличиться в количестве, но каждый солдат этой армии должен яснее понять цели и средства своей борьбы и научиться идти дружно, в ногу со своими товарищами. Но этого мало. Подобно тому, как тысяча солдат, объединенных в один полк, имеющих одного вождя и одно знамя, проявляют в войне гораздо бо́льшую силу, чем десять тысяч разрозненных, лишенных предводителя и потерявших знамя, — точно так же и русское рабочее движение удесятерит свои силы, если выступит как единое стройное целое с общим именем и стройной организацией. Уже недостаточно того, что русские рабочие сочувствуют друг другу: нужно, чтобы они содействовали. Мало того, что они понимают значение и пользу единения: нужно, чтобы они действительно объединились. *Наступает пора, когда отдельные, разбросанные всюду рабочие кружки и союзы должны превратиться в один общий союз или одну общую партию.* Эта партия будет способствовать объединению русских рабочих и росту русского рабочего движения; она будет направлять силы и средства оттуда, где они в избытке, туда, где в них нуждаются; она будет руководить борьбой русских рабочих, будет стремиться к тому, чтобы сделать эту борьбу стройной и организованной. Русское рабочее движение, пока незаметное и скрытое, проявится наружу во всей своей силе.

Всякая партия, выступающая впервые на арену истории, должна прежде всего развернуть свое знамя. На этом знамени она должна начертать те цели, за которые она намерена бороться, и не только ближайшие, но и самые отдаленные, конечные цели. И русские рабочие,

выступая как объединенная сила, как *партия*, должны развернуть свое знамя, должны показать своим друзьям и врагам, кто они, к каким целям они стремятся и какими средствами пользуются для достижения этих целей.

Какое же знамя будет развеваться над русским рабочим движением? Конечно, то самое знамя, на котором великие учителя рабочих Маркс и Энгельс начертали слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», то знамя, под которым борются передовые рабочие всех стран земного шара, *к которому и в России примыкают почти все рабочие кружки, кассы и союзы.* Это — красное знамя международной социал-демократии. *Русская рабочая партия будет партией социал-демократической.*

Объявив себя социал-демократами, объединенные русские рабочие тем самым вполне ясно и определенно покажут, каковы их цели и стремления, каковы их ближайшие и дальнейшие задачи, каковы их средства и способы борьбы.

Развернув над собой знамя социал-демократии, они покажут, что, подобно социал-демократам всего мира, они стремятся не только к частичным улучшениям своего положения, не только к увеличению заработной платы, сокращению рабочего дня, введению страхования рабочих, не только к приобретению политических прав, но что их конечною целью является полное переустройство общества на *социалистических началах,* т.-е. создание такого общественного строя, когда фабрики, заводы, пути сообщения, земли и все вообще средства производства будут находиться в руках общества, когда все члены общества будут равны, когда не будет сытых тунеядцев и голодных работников. Далее, объявив себя социал-демократами, русские рабочие покажут, что достижение своих целей они считают возможным только путем постепенного развития самосознания в рабочем классе, его объединения и неустанной борьбы с господствующими классами. Словом, русские рабочие присоединяются к тем целям и средствам, которые выработали их заграничные товарищи путем долгого и тяжелого опыта.

Образование *русской социал-демократической партии* даст сильный толчок развитию русского рабочего движения. Окрепшее и усилившееся русское рабочее движение свергнет иго самодержавия и добьется политической свободы. А когда мы получим возможность открыто говорить и писать все, что угодно, собираться в собрания, устраивать союзы и стачки, когда мы добьемся права участвовать в издании законов и в управлении страной, тогда наша борьба пойдет вперед семимильными шагами. Наша рабочая партия вырастет и окрепнет и приобретет такое же громадное значение, какое имеют партии наших заграничных товарищей. Она сольется с ними в один международный рабочий союз, в один всемирный могучий поток, который смоет с земли нищету, рабство, невежество, преступление и создаст новый мир, — мир счастья и справедливости.

№ 6 (к стр. 484).

МАНИФЕСТ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ — МАРТ 1898 г.

50 лет тому назад над Европой пронеслась живительная буря революции 1848 года.

Впервые на сцену выступил — как крупная историческая сила — современный рабочий класс. Его силами буржуазии удалось смести много устарелых феодально-монархических порядков. Но буржуазия быстро рассмотрела в новом союзнике своего злейшего врага и предала и себя, и его, и дело свободы в руки реакции. Однако, было уже поздно; рабо-

чий класс, на время усмиренный, через 10—15 лет снова появился на исторической сцене — с удвоенными силами, с возросшим самосознанием, как вполне зрелый боец за свое конечное освобождение.

Россия все это время оставалась, повидимому, в стороне от столбовой дороги исторического движения. Борьбы классов в ней не было видно, но она была, и главное, все зрела и росла. Русское правительство с похвальным усердием само насаждало семена классовой борьбы, обездоливая крестьян, покровительствуя помещикам, выкармливая и откармливая на счет трудящегося населения крупных капиталистов. Но буржуазно-капиталистический строй немыслим без пролетариата или рабочего класса. Последний родится вместе с капитализмом, растет вместе, крепнет и, по мере своего роста, все больше и больше наталкивается на борьбу с буржуазией.

Русский фабричный рабочий, крепостной и свободный, всегда вел скрытую и явную борьбу со своими эксплуататорами. По мере развития капитализма, размеры этой борьбы росли, они захватывали все большие и большие слои рабочего населения. Пробуждение классового самосознания русского пролетариата и рост стихийного рабочего движения совпали с окончательным развитием международной социал-демократии, как носительницы классовой борьбы и классового идеала сознательных рабочих всего мира. Все новейшие русские организации всегда в своей деятельности, сознательно или бессознательно, действовали в духе социал-демократических идей. Силу и значение рабочего движения и опирающейся на него социал-демократии всего ярче обнаружил целый ряд стачек за последнее время в России и Польше, в особенности знаменитые стачки петербургских ткачей и прядильщиков в 96 и 97 г.г. Стачки эти вынудили правительство издать закон 2 июня 1897 г. о продолжительности рабочего времени. Этот закон — как бы ни были велики его недостатки — остается навсегда достопамятным доказательством того могущественного давления, которое оказывают на законодательную и иную деятельность правительства соединенные усилия рабочих. Напрасно только правительство мнит, что уступками оно может успокоить рабочих. Везде рабочий класс становится тем требовательнее, чем больше ему дают. То же будет и с русским пролетариатом. Ему давали до сих пор тогда, когда он *требовал*, и впредь будут давать лишь то, чего он *потребует*.

А чего только не нужно русскому рабочему классу? Он совершенно лишен того, чем свободно и спокойно пользуются его заграничные товарищи: участия в управлении государством, свободы устного и печатного слова, свободы союзов и собраний — словом, всех тех орудий и средств, которыми западно-европейский и американский пролетариат улучшает свое положение — и вместе с тем борется за свое конечное освобождение, — против частной собственности, за социализм. Политическая свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для здорового дыхания. Она — основное условие его свободного развития и успешной борьбы за частные улучшения и конечное освобождение.

Но нужную ему политическую свободу русский пролетариат может завоевать себе только сам.

Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия, тем бо́льшие культурные, политические задачи выпадают на долю пролетариата. На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы. Это необходимый, но лишь первый шаг к осуществлению великой исторической миссии пролетариата, к созданию такого общественного строя, в котором не будет места эксплуатации человека человеком.

Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма.

Первые шаги русского рабочего движения и русской социал-демократии не могли не быть разрозненными, в известном смысле случайными, лишенными единства и плана. Теперь настала пора объединить местные силы, кружки и организации русской социал-демократии в единую «Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию». В сознании этого, представители «Союза Борьбы за Освобождение Рабочего Класса», группы, издающей «Рабочую Газету», и «Общееврейского Рабочего Союза в России и Польше» устроили съезд, решения которого приводятся ниже.

Местные группы, соединяясь с Партиею, сознают всю важность этого шага и все значение вытекающей из него ответственности. Им они окончательно закрепляют переход русского революционного движения в новую эпоху сознательной классовой борьбы. Как движение и направление социалистическое, Российская Социал-Демократическая Партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главнейшею из ближайших задач Партии в ее целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной Воли». Но средства и пути, которые выбирает социал-демократия, иные. Выбор их определяется тем, что она сознательно хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс. Она твердо убеждена, что «освобождение рабочего класса может быть только его собственным делом», и будет неуклонно сообразовывать все свои действия с этим основным началом международной социал-демократии.

Да здравствует русская, да здравствует международная социал-демократия!

№ 7 (к стр. 311).

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ,

составленный группой «Освобождение Труда» — 1887 г.

Русские социал-демократы, подобно социал-демократам других стран, стремятся к полному освобождению труда от гнета капитала. Такое освобождение может быть достигнуто путем перехода в общественную собственность всех *средств и предметов* производства, перехода, который повлечет за собою:

а) устранение современного товарного производства (т.-е. купли и продажи продуктов на рынке) и

б) замену его новой системой общественного производства по заранее составленному плану, в виду удовлетворения потребностей как целого общества, так и каждого из его членов в пределах, допускаемых состоянием производительных сил в данное время.

Эта коммунистическая революция вызовет самые коренные изменения во всем складе общественных и международных отношений.

Заменяя современное господство продукта над производителем — господством производителя над продуктом, она внесет сознательность туда, где господствует ныне слепая экономическая необходимость; упрощая и осмысливая все общественные отношения, она вместе с тем предоставит каждому гражданину реальную экономическую возможность непосредственного участия в обсуждении и решении всех общественных дел.

Это непосредственное участие граждан в заведывании общественными делами предполагает устранение современной системы политического представительства и замену ее *прямым народным законодательством.*

Кроме того, теперь уже можно предвидеть международный характер предстоящей экономической революции. При современном развитии международного обмена, упрочение этой революции возможно лишь при участии в ней всех или, по крайней мере, нескольких цивилизованных обществ. Отсюда вытекает *солидарность интересов производителей всех стран,* признанная и провозглашенная еще Международным Товариществом Рабочих.

Но так как освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, так как интересы труда, в общем, диаметрально противоположны интересам эксплуататоров, и так как, поэтому, высшие классы всегда будут препятствовать указанному переустройству общественных отношений, — то неизбежным предварительным его условием является *захват рабочим классом политической власти в каждой из соответствующих стран.* Только это временное господство рабочего класса может парализовать усилия контр-революционеров и положить конец существованию классов и их борьбе.

Эта политическая задача вносит элемент разнообразия в программы социал-демократов различных государств, сообразно общественным условиям каждого из них в отдельности.

Практические задачи, а, следовательно, и программы социал-демократов естественно должны иметь более сложный характер в тех странах, где современное капиталистическое производство только стремится еще стать господствующим, и где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства. В таких странах социал-демократам приходится добиваться, как переходных ступеней, таких форм общественного устройства, которые уже теперь существуют в передовых странах и необходимы для дальнейшего развития рабочей партии. Россия находится именно в таком положении. Капитализм сделал в ней громадные успехи со времени крепостного права. Старая система натурального хозяйства уступает место товарному производству и тем самым открывает огромный внутренний рынок для крупной промышленности. Патриархальные, общинные формы крестьянского землевладения быстро разлагаются, община превращается в простое средство закрепощения государству крестьянского населения, а во многих местностях она служит также орудием эксплуатации бедных общинников богатыми. В то же время, приурочивая к земле интересы огромной части производителей, она препятствует их умственному и политическому развитию, ограничивая их кругозор узкими пределами деревенских традиций. Русское революционное движение, торжество которого послужило бы, прежде всего, на пользу крестьянству, почти не встречает в нем ни поддержки, ни сочувствия, ни понимания. Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства. Необходимым следствием этого является бессилие и робость тех образованных слоев высших классов, материальным и умственным интересам которых противоречит современная политическая система. Возвышая голос во имя народа, они с удивлением видят, что он равнодушен к их призывам. Отсюда — неустойчивость политических воззрений, а временами уныние и полное разочарование нашей интеллигенции.

Такое положение дел было бы вполне безнадежно, если бы указанное движение русских экономических отношений не создавало новых шансов успеха для защитников интересов трудящегося класса. Разложение общины создает у нас новый класс промышленного пролетариата. Более восприимчивый, подвижной и развитой, класс этот легче отзывается на призыв революционеров, чем отсталое земледельческое население. Между тем, как идеал общинника лежит назади, в тех условиях патриархального хозяйства, необходимым политическим дополнением кото-

рых было царское самодержавие, участь промышленного рабочего может быть улучшена лишь благодаря развитию новейших, более свободных форм общежития. В лице этого класса народ наш впервые попадает в экономические условия, общие всем цивилизованным народам, а потому только через посредство этого класса он может принять участие в передовых стремлениях цивилизованного человечества. На этом основании русские социал-демократы считают первой и главнейшей своей обязанностью образование революционной рабочей партии. Рост и развитие такой партии встретит, однако, в современном русском абсолютизме очень сильное препятствие.

Поэтому борьба против него обязательна даже для тех рабочих кружков, которые представляют собою теперь зачатки будущей русской рабочей партии. Низвержение абсолютизма должно быть их первой политической задачей.

Главным средством политической борьбы рабочих кружков против абсолютизма русские социал-демократы считают агитацию среди рабочего класса и дальнейшее распространение в нем социалистических идей и революционных организаций. Тесно связанные между собою в одно целое, организации эти, не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят перейти, в удобный момент, к общему, решительному на него нападению, причем не остановятся и перед так называемыми террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы.

Целью борьбы рабочей партии с абсолютизмом является завоевание демократической конституции, обеспечивающей:

1) Права быть избирателем и избираемым как в Законодательное Собрание, так и в провинциальные и общинные органы самоуправления всякому гражданину, не приговоренному судом за известные, строго определенные законом, позорные действия к потере политической правоспособности.

2) Определенную законом денежную плату народным представителям, позволяющую выбирать их из бедных классов населения.

3) Всеобщее, светское, даровое и обязательное образование, причем государство должно снабжать бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями.

4) Неприкосновенность личности и жилища граждан.

5) Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и ассоциаций.

6) Свободу передвижений и занятий.

7) Полную равноправность всех граждан, независимо от религии и племенного происхождения.

8) Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа.

9) Пересмотр всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несовместимых с достоинством человека.

Опираясь на эти основные политические требования, рабочая партия выдвигает ряд ближайших экономических требований, как, напр.:

1) Радикальный пересмотр наших аграрных отношений, т.-е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ. Предоставление права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным и т. п.

2) Устранение современной податной системы и установление прогрессивного подоходного налога.

3) Законодательное регулирование отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организация соответствующей *инспекции с представительством от рабочих.*

4) Государственная помощь производительным *ассоциациям,* организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обра-

батывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.).

Эти требования настолько же благоприятны интересам крестьянства, как и интересам промышленных рабочих; поэтому, добиваясь их осуществления, рабочая партия проложит себе широкий путь для сближения с земледельческим населением. Выброшенный из деревни в качестве обедневшего члена общины, пролетарий вернется в нее социал-демократическим агитатором. Его появление в этой роли изменит безнадежную теперь судьбу общины. Ее разложение неотвратимо лишь до тех пор, пока само это разложение не создаст новой народной силы, могущей положить конец царству капитализма. Такой силой явится рабочая партия и увлеченная ею беднейшая часть крестьянства.

Примечание. Как видно из вышесказанного, русские социал-демократы полагают, что работа интеллигенции, в особенности при современных условиях социально-политической борьбы, должна быть прежде направлена на более развитой слой трудящегося населения, каким и являются промышленные рабочие. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, социал-демократы могут, с гораздо большей надеждой на успех, распространить свое воздействие на крестьянство, в особенности в то самое время, когда они добьются свободы агитации и пропаганды. Само собою, впрочем, разумеется, что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Социал-демократы не только не оттолкнут от себя таких людей, но приложат все старания, чтобы согласиться с ними в основных принципах и приемах своей деятельности.

№ 8 (к стр. 535).

УСТАВ «ЮЖНО-РОССИЙСКОГО СОЮЗА РАБОЧИХ» — 1875 г.

I. Сознавая,

что установившийся ныне порядок не соответствует истинным требованиям справедливости относительно рабочих;

что рабочие могут достигнуть признания своих прав только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества и поставит труд основою личного и общественного благосостояния;

что этот переворот может произойти только при полном сознании всеми рабочими своего безвыходного положения и при полном их объединении, — мы, рабочие Южно-Российского края, соединяемся в один союз под названием: «Южно-Российского Союза Рабочих», поставляя себе целью:

во-первых: Пропаганда идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов;

во-вторых: Объединение рабочих Южно-Российского края;

в-третьих: Для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком.

II. При союзе находится касса, суммы которой в первое время предназначаются для пропаганды идеи освобождения рабочих, а впоследствии и для борьбы за эту идею.

III. Членом союза может быть каждый *трудящийся* человек, ведущий близкие сношения с рабочими, а не с привилегированными классами,

и сочувствующий своими поступками основному желанию рабочих — борьбе с привилегированными классами во имя своего освобождения.

IV. Обязанности личности каждого члена к союзу и союза к личности обусловливаются следующим: *Один за всех и все за одного.*

V. Член союза, проговорившийся постороннему лицу о существовании союза или не исполняющий в точности своих обязанностей к союзу, считается изменником.

VI. Каждый член должен быть готовым на всякую жертву, если эта жертва требуется для спасения союза.

VII. Каждый член должен распространять между своими товарищами основные идеи нашего союза и побуждать их присоединиться к нашему делу освобождения рабочих.

VIII. Каждый член обязан вносить в кассу еженедельно по 25 копеек (в продолжение года).

IX. Член, не вносивший в продолжение пяти недель никакого взноса и не представивший никаких уважительных причин, должен быть исключен из союза.

X. Каждый кружок имеет право давать разные льготы своим членам относительно взносов в кассу.

XI. Внесенные деньги делаются принадлежностью целого общества. Ни один член не имеет права взять свои деньги обратно.

XII. Распределение денег и расход их может быть производим с согласия всех членов союза.

XIII. Для хранения денег общество избирает из своей среды кассира, который по требованию общества обязан давать подробный отчет о деньгах.

XIV. Первые шесть месяцев со дня устройства кассы деньги не должны быть расходуемы.

XV. Союз разделяется на общества, которых теперь два: Одесское и Ростовское; общества на кружки; каждый кружок имеет своего депутата (представителя), который избирается на один месяц. Обязанности депутата следить за взносами в кассу, заботиться, чтобы все правила союза были в точности исполняемы в его кружке, заботиться о нуждах союза и присутствовать каждое воскресенье при собрании депутатов.

XVI. Устав этот может быть изменяем и дополняем с согласия всех членов союза.

V. ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Письмо в редакцию «Самарского Вестника»: *«К вопросу о хлебных ценах»* было отзвуком на развернувшуюся в 1897 г. в Вольно-Экономическом Обществе дискуссию по вопросу о хлебных ценах и их значении для народного хозяйства, вызванную выходом в свет составленной по поручению министерства финансов либеральными и народническими экономистами книги: «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства» под редакцией А. Чупрова и А. Посникова. Обсуждению этой работы были посвящены заседания Вольно-Экономического Общества 1 и 2 марта 1897 г. В дискуссии приняли участие и «легальные марксисты» П. Струве и М. Туган-Барановский, позиция которых в этом вопросе вызвала возражения со стороны марксистов, группировавшихся вокруг газеты «Самарский Вестник» (П. Маслов, А. Санин, В. Португалов и др.). Об этих разногласиях см. рассказ Ю. Мартова в его «Записках социал-демократа» (изд. «Красная Новь», 1924 г., стр. 328 — 331, перепечатан на стр. 583 — 584 наст. тома). Позиция Вл. Ильича изложена Мартовым несомненно тенденциозно. См. также книгу Н. Ангарского: «Легальный марксизм», вып. 1, стр. 100 — 107. Тов. Ангарский первый указал на принадлежность данной статьи Вл. Ильичу.

Статья эта написана Вл. Ильичем в то время, когда он был в дороге по пути из Москвы в Сибирь. Подпись: «С. Т. А.» — очевидно, сокращенное от «Старик», как тогда уже звали Вл. Ильича. — 1.

[2]) *«Новое Слово»* — журнал, начавший выходить в 1894 г., как орган правых народников с С. Н. Кривенко в качестве руководителя. В 1897 г., начиная с апрельской книжки, журнал перешел в руки «легальных марксистов» и, несмотря на цензурные преследования, продержался до конца года (последняя, декабрьская, книжка была конфискована при выходе в свет, а журнал прекращен постановлением четырех министров). В редактировании его принимали участие: П. Струве (П. С., Novus), М. Туган-Барановский, А. М. Калмыкова, В. Поссе. Сотрудничали, кроме того: Г. В. Плеханов (Н. Каменский), В. И. Засулич (В. Иванов), В. И. Ленин (К. Т—н), Ю. Мартов (А. Егоров), С. Булгаков (Nemo), М. Горький, В. Вересаев и др. — 5.

[3]) Статья *«К характеристике экономического романтизма»* была первоначально напечатана в «Новом Слове» 1897 г., а затем перепечатана в сборнике «Экономические этюды и статьи» (1899 г.). Перепечатывая ее в третий раз в сборнике «Аграрный вопрос» (1908 г.), Вл. Ильич тщательно просмотрел и выправил текст статьи. В этом издании Вл. Ильич выбросил значительное количество иностранных слов, встречающихся в первых двух изданиях, сделал ряд стилистических исправлений самого текста, а также внес ряд новых примечаний, отчасти расшифровывающих те места, где по цензурным условиям 90-х г.г. ему приходилось говорить более или менее «эзоповским» языком. В сборнике выброшена глава III-я части 2-й: «Вопрос о росте индустриального населения на счет земледель-

ческого», а также конец главы V-й: «Реакционный характер романтизма», начиная с абзаца: «Нам возразят...» (стр. 103 наст. тома).

В нашем издании мы печатаем статью по тексту сборника «Экономические этюды и статьи», сверенному с текстом «Нашего Слова», приводя (и указывая при этом) вновь добавленные примечания третьего издания (1908 г.), и воспроизводя стилистические поправки этого издания. — 5.

[4]) Редакция «Нового Слова» в этом месте сделала примечание, которое приводим целиком:

«Тем не менее, как всякий вопрос общественной жизни, он требует определенного практического отношения к себе со стороны не-предпринимателей. Такие вопросы, как о протекционизме и свободной торговле, о золотой или серебряной валюте, о свободе промышленности или монополии синдикатов, суть, во-1-х, вопросы развития определенной хозяйственной системы. Представители «чистого» труда весьма существенно заинтересованы в том или другом направлении этого развития. Во-2-х, эти вопросы прямо затрагивают текущие жизненные интересы трудящегося населения или, по крайней мере, значительных его групп. На все эти вопросы должны быть выработаны — с точки зрения интересов освобожденного от средств производства труда — вполне определенные практические ответы. Цитируемый нашим сотрудником автор и его последователи никогда не уклонялись от таких ответов под тем предлогом, что самые вопросы суть вопросы «капиталистические». В капиталистическом обществе все вопросы неизбежно являются капиталистическими, но это нисколько не устраняет необходимости вполне недвусмысленного практического отношения к ним. Уклонение от такого отношения было бы жалким бегством от действительности. Мы считаем необходимым сделать это замечание в виду того злоупотребления, которому столь часто подвергается ссылка на «капиталистический» характер важнейших практических вопросов современной общественной жизни. Наш сотрудник, конечно, не при чем в этом злоупотреблении». — 60.

[5]) В статье «Нечто об условиях нашего хозяйственного развития» Ник. —он цитировал следующее место из «Манифеста Коммунистической Партии» (дабы наглядно показать неточности перевода Н. —она, приводим рядом то же место по переводу Г. Плеханова, пересмотренному Д. Рязановым):

Перевод Н. —она.	Перевод Г. Плеханова.
В таких странах, как Франция, где крестьянство составляет более половины всего населения, естественно было появление писателей, которые, становясь на сторону пролетариата, прикладывали к капиталистическим условиям производства мелко-мещанскую и мелко-крестьянскую мерку и защищали дело народа с узко-крестьянской точки зрения.	В таких странах, как Франция, где крестьянство составляет гораздо более половины всего населения, естественно, что писатели, выступившие в защиту пролетариата против буржуазии, прикладывали к буржуазному режиму мелко-буржуазную и мелко-крестьянскую мерку и защищали дело рабочих с мелко-буржуазной точки зрения.
... Эти писатели прекрасно сумели подметить противоречия современных условий производства.	... Этот социализм прекрасно сумел подметить противоречия современных условий производства.
... Положительная сторона их требований заключается или в восстановлении старых способов производства и обмена, а вместе с ними старых имущественных отношений старого отжившего общественного строя; или же они стремятся насиль-	... По своему положительному содержанию этот социализм стремится или восстановить старые средства производства и сношения, а вместе с ними и старые имущественные отношения и старое общество; или же он старается насильно удер-

ственно удержать современные способы производства и обмена в рамках старых искусственных отношений — которые они уже разбили. В обоих случаях их усилия являются одновременно и реакционными и утопическими.

жать новейшие средства производства и сношения в рамке старых имущественных отношений, которые они уже разбили и необходимо должны были разбить. В обоих случаях он является одновременно реакционным и утопическим. — 61.

[6]) Из цензурных соображений Ленин заменил здесь прямую ссылку на Маркса ссылкой на Струве, цитировавшего соответствующее место Маркса. Приводим полностью отрывок из «Критики Готской программы», цитированный Струве в указанном Лениным месте:

«Вообще ошибочно видеть всю суть в так называемом разделе и ставить на нем главное ударение. Всякий раздел средств потребления есть только следствие данного раздела самих средств производства... Вульгарный социализм (а от него в свою очередь часть демократии) перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать распределение как нечто независимое от способа производства... После того, как действительное отношение достаточно выяснено, к чему снова возвращаться вспять?» — 65.

[7]) Ленин имеет здесь в виду полемические произведения народников против марксистов, в частности статьи Ник. —она: «Апология власти денег, как признак времени» («Русское Богатство» 1895 г., №№ 1 — 2) и В. В.: «Немецкий социал-демократизм и русский буржуизм» («Неделя», 1894 г., №№ 47 — 49). — 66.

[8]) Цитата из книги Бельтова (Плеханова): «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (см. VII том его Сочинений). — 68.

[9]) «Передовой публицист конца XIX века» — С. Н. Южаков. В указанном Вл. Ильичем месте Струве цитировал следующий отрывок из статьи С. Южакова «Вопросы гегемонии в конце XIX в.» («Русская Мысль» 1885 г., кн. III и IV):

«... Только крестьянство всегда и всюду являлось носителем чистой идеи труда. Повидимому, эта же идея вынесена на арену современной истории так называемым четвертым сословием, городским рабочим пролетариатом, но видоизменения, претерпенные ее сущностью, при этом так значительны, что крестьянин едва ли бы узнал в ней обычную основу своего быта. *Право* на труд, а не святая *обязанность* труда, обязанность в поте лица добывать хлеб свой; затем, выделение труда и вознаграждение за него, вся эта агитация о справедливом вознаграждении за труд, как будто не сам труд в плодах своих создает это вознаграждение; дифференцирование труда от жизни в какую-то отвлеченную категорию, изображаемую столькими-то часами пребывания на фабрике, не имеющую никакого иного отношения, никакой связи с повседневными интересами работника; наконец, отсутствие оседлости, домашнего, созданного трудом очага, изменчивость поприща труда, — все это совершенно чуждо идее крестьянского труда. Трудовой, от отцов и дедов завещанный очаг, труд, проникающий своими интересами всю жизнь и строящий ее мораль, любовь к политой потом многих поколений ниве, — все это, составляющее неотъемлемую отличительную черту крестьянского быта, совершенно незнакомо рабочему пролетариату, а потому в то время, как жизнь последнего, хотя и трудовая, строится на морали буржуазной (индивидуалистической и опирающейся на принцип приобретенного права), а в лучшем случае отвлеченно-философской, в основе крестьянской морали лежит именно труд, его логика и его требования». — 72.

[10]) В изданиях 1897 г. («Новое Слово») и 1899 г. («Экономические этюды и статьи») *) этой статьи Вл. Ильич, применяясь к условиям цензуры,

*) На основании опубликованного в «Ленинском Сборнике» IV письма Вл. Ильича А. Н. Потресову от 29. I. 1899 г. можно считать, что «Экономические этюды и статьи» фактически вышли в свет в самом конце 1898 года.

избегает называть имя К. Маркса, приводя эту цитату из «18 Брюмера» К. Маркса с ссылкой на книгу Плеханова-Бельтова: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

В издании 1908 г. («Аграрный вопрос») он заменил эту косвенную ссылку прямою, назвав точно цитируемое произведение и дав цитату в переводе Базарова и Степанова. — 80.

[11]) Цитируемые В. И. Лениным строки взяты им из анонимного обзора периодических изданий в майской книжке «Русской Мысли» за 1896 г. Цитируемые Лениным замечания о русских марксистах обозреватель «Русской Мысли» приурочил к передаче статьи Н. Карышева: «Народнохозяйственные наброски», напечатанной в «Русском Богатстве» (1896, март), и, в частности, к приведенному в статье Карышева письму крестьянина Рязанской губернии. В этом письме и Карышев, и обозреватель «Русской Мысли» усмотрели подлинный голос жизни, отзвук подлинных стремлений крестьянства. Обозреватель «Русской Мысли» попытался это крестьянское письмо использовать против марксистов. В виду характерности аргументации «Русской Мысли» мы приводим ниже всю ту часть статьи, которая ближайшим образом посвящена русским марксистам и которую разбирает в тексте Ленин. Нужно заметить, что в первую эпоху споров марксистов с народниками «Русская Мысль», редактировавшаяся В. А. Гольцевым, пыталась соблюдать некоторую объективность. Это отмечено в тексте Лениным, а также и Г. В. Плехановым, поместившим в «Русской Мысли» в том же 1896 г. свой ответ В. А. Гольцеву: «Несколько слов в защиту экономического материализма».

Указанная выше цитата из «Русской Мысли» гласит:

«... В последнее время выступила и с поразительною быстротой растет среди нас группа мыслящих людей, по своим нравственным и умственным качествам заслуживающих всяческого уважения, которая относится отрицательно чуть ли не ко всему прошлому нашей интеллигенции, к ее литературной и общественной деятельности, признавая нашу интеллигенцию состоящей в недалеком прошлом из беспочвенных идеологов, а ее деятельность, как не опирающуюся на какое-либо классовое сознание, бесполезной, бесцельной и беспочвенной. К сожалению, этой группе не удалось вполне определенно высказать свои положения. Это до значительной степени затрудняет беспристрастное и серьезное обсуждение самых коренных вопросов нашей общественности. Но и того, что группе удалось высказать, достаточно для определения ее отношения как ко всей прошлой деятельности нашей интеллигенции, так и к вышеупомянутым коренным вопросам нашей общественности.

«Голос крестьянина — скромный, тихий и даже простодушный голос. Куда ему, простому землеробу, тягаться в знаниях с учеными представителями группы! Но не доказывает ли он, во-первых, что деятельность интеллигенции не была так беспочвенна, как это склонна утверждать сказанная группа? Перефразируя слова г. Карышева, не представляют ли желания, упования и сознательные идеалы крестьянина полного тождества с тем, что защищала, проповедывала и пыталась, поскольку это было в ее силах, осуществить наша интеллигенция в течение своего тридцатилетнего существования? Какая почва может быть более прочной и плодотворной, как не почва сознательного народного идеала? Не представляют ли идеалы нашей прогрессивной литературы, которые по какому-то странному недоразумению обыкновенно именуют народническими, просто народных идеалов?

«А во-вторых, если уж говорить о классовых интересах и классовой борьбе, как средстве достижения возвышенных идеалов будущего, то спрашивается, какой класс может быть более могучим, как не класс свободного и сознательного крестьянства, составляющего притом девять десятых населения страны? Какие интересы могут быть более настоя-

тельными и неудержимее требовать построенной на них общественной партии, как не интересы этой самой сознательной крестьянской массы?

«Именно об этих вопросах следовало бы подумать группе, прежде чем переносить в нашу действительность категории, выработавшиеся при совершенно иных экономических и общественных условиях.

«Нам возразят, конечно, как возражали и другим, что идеалы автора-крестьянина мелко-буржуазные и что потому наша литература и являлась до сих пор представительницей и защитницей интересов мелкой буржуазии. Но, ведь, это же просто жупел, и кого, кроме лиц, обладающих мировоззрением и умственными навыками замоскворецкой купчихи, этим жупелом испугать можно? Основной критерий как условий человеческого общежития, так и сознательных общественных мероприятий состоит, ведь, не в экономических категориях, да притом еще заимствованных из чуждых стране, при иных обстоятельствах сложившихся, условий, а в счастьи и благосостоянии, как материальном, так и духовном, большинства населения. И если известный уклад жизни и известные мероприятия для поддержания и развития такого уклада ведут к этому счастью, то называйте их мелко-буржуазными или как-нибудь иначе, — дело от этого не изменится: они — этот уклад жизни и эти мероприятия — будут все-таки существенно прогрессивными и по тому самому и будут представлять высший идеал, доступный для общества при данных условиях и в данном его состоянии». — 81.

[12]) Цитата из «Манифеста Коммунистической Партии», гл. III, конец раздела: «Мелко-буржуазный социализм». — 85.

[13]) Цитата из I тома «Капитала» (отд. IV, гл. XIII). В конце цитаты слова К. Маркса: «социальной революции» (der socialen Revolution) Вл. Ильич заменил, по цензурным соображениям, взятыми в кавычки словами: «общественного преобразования». (В первом русском издании «Капитала» — 1872 г. — соответствующее место переведено словами: «социального переворота».) — 99.

[14]) *Anti-cornlaw-league (Лига против хлебных законов)* — была основана в Манчестере в 1838 г. Руководимая текстильными фабрикантами Кобденом и Брайтом, Лига вела агитацию за уничтожение высоких пошлин на ввозимый из-за границы хлеб, обеспечивавших громадные доходы крупным землевладельцам. Лига опиралась на фабрикантов и торговцев, стояла за свободу торговли вообще, и в 1849 г. вынудила правительство отменить хлебный закон. Лучшая оценка исторического значения и ограниченности этого движения дана К. Марксом в его «Речи о свободе торговли» (1848). — 110.

[15]) *«Neue Zeit» («Новое Время»)* — теоретический орган немецкой социал-демократии, выходивший с 1883 года. Редактором его до войны был К. Каутский. Прекратил свое существование в 1922 году. — 111.

[16]) Вл. Ильич имеет в виду статьи К. Маркса, направленные против одного из представителей «истинного социализма» — Карла Грюна. Статьи эти были напечатаны в 1847 г. в социалистическом ежемесячнике «Вестфальский Пароход» («Westphälisches Dampfboot») и перепечатаны в «Neue Zeit» в 1899 г. (кн. XVIII/I). — 111.

[17]) *«Русские Ведомости»* — московская газета, выходившая с 1863 г., группировавшая вокруг себя либерально-народнические профессорские круги. С 1905 г. стала органом правого крыла кадетов. — 119.

[18]) *«Просветительная утопия»* С. Н. Южакова — план всенародного обязательного среднего образования, выдвинутый этим видным народническим публицистом в майской книжке «Русского Богатства» за 1895 г. Критику этого «плана» в связи с общими взглядами народничества Вл. Ильич дал в том же году в статье «Гимназические хозяйства и исправительные гимназии» (см. I том Сочинений), а затем в статье «Перлы народнического прожектерства» (см. стр. 277 наст. тома). — 123.

[19]) Датой написания брошюры «*Новый фабричный закон*» можно считать время тотчас после издания закона 2 июня, т.-е. июнь — июль 1897 г. Приложение же, как видно из самого текста, написано в октябре того же года. Судя по предисловию П. Б. Аксельрода к 1-му изданию брошюры «Задачи русских социал-демократов» (см. «Документы и материалы» № 1, стр. 603), в котором он называет «Новый фабричный закон» «самым лучшим произведением нашей рабочей литературы», рукопись попала за границу осенью 1897 г. Лишь в 1899 г. она вышла в свет в Женеве в издании «Союза русских социал-демократов», под редакцией Группы «Освобождение Труда». — 125.

[20]) Циркуляр Витте фабричным инспекторам, изданный в начале 1896 г., см. в I томе Сочинений, стр. 480. — 129.

[21]) Статья, на которую здесь и в дальнейшем ссылается Вл. Ильич, — «Продолжительность и распределение рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» в № 26 от 29 июня (11 июля) 1897 г. «Вестника Финансов, Торговли и Промышленности». — 133.

[22]) «*Задачи русских социал-демократов*» печатается нами по рукописи, переписанной неизвестною рукою, с которой набиралось 1-е издание (1898 г.), и сверено с текстом 2-го (1902 г.) и 3-го (1905 г.) изданий. Печатный текст 1-го издания имеет некоторые изменения сравнительно с рукописью, сделанные, очевидно, в корректуре Группой «Освобождение Труда», в частности П. Б. Аксельродом, снабдившим брошюру своим предисловием (см. «Документы и материалы» № 1, стр. 603). В первом издании, кроме того, вкрался ряд явных искажений, часть которых исправлена во 2-ом издании, просматривавшемся, очевидно, Вл. Ильичем.

Предисловия В. И. Ленина ко 2-му (август 1902 г.) и 3-му (август 1905 г.) изданиям «Задач русских с.-д-ов» см. в соответствующих томах. — 167.

[23]) *Партия Народного Права* — партия мелко-буржуазной служилой интеллигенции народнического толка, основанная в 1893 г. М. А. Натансоном, Аптекманом, Тютчевым, Гедеоновским, Манцевичем, В. Черновым и др. Близко стояли к ней и поддерживали ее Н. К. Михайловский, Вл. Короленко и А. Богданович. Народоправцы отказывались от борьбы за социализм и своей задачей, «насущным вопросом», считали безоговорочное объединение всех оппозиционных и революционных сил для борьбы с самодержавием во имя политической свободы. Партия успела издать свой «Манифест», брошюру А. Богдановича «Насущный вопрос» и была разгромлена правительством в апреле 1894 года. Большинство народоправцев впоследствии вошло в состав партий эс-эров и народных социалистов. — 171.

[24]) «*Группа народовольцев*» организовалась еще осенью 1891 г. В нее входили: М. С. Александров (Ольминский), Е. М. Александрова, Н. Л. Мещеряков, Л. К. Чермак, А. Ю. Фейт, А. Федулов, А. Ергин, В. Браудо и др. В этом составе группа, носившая чисто народовольческий характер, просуществовала до апреля 1894 г., когда была разгромлена полицией. Она имела свою типографию и успела выпустить ряд нелегальных брошюр и прокламаций, «Рабочий Сборник» и два номера «Летучих Листков».

После разгрома, в связи с переходом руководящей роли в группе к А. С. Белевскому, Е. А. Прейс и др., она начинает склоняться в сторону социал-демократии. Последний, вышедший в декабре 1895 г., № 4 «Летучего Листка» носил уже явные следы социал-демократического влияния и вызвал против себя протесты других народовольческих групп. Группа находилась в сношениях с петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» и печатала некоторые издания «Союза», в том числе брошюры Вл. Ильича «Объяснение закона о штрафах» и «О стачках». В июне 1896 г. группа снова — и окончательно — была разгромлена. Из литературы о группе см. статьи М. С. Александрова (Ольминского) — «Группа народовольцев» в № 11 «Былого» за 1906 г. и «Давние связи» в сб. «От группы Благоева к Союзу борьбы» и книгу П. Куделли —

«Народовольцы на перепутьи», ГИЗ, Л. 1926, где перепечатаны все четыре номера «Летучих Листков группы народовольцев». — 171.

[25]) *«Работник»* — непериодический сборник «Союза русских социал-демократов», выходивший в 1896 — 1899 г.г. за границей под редакцией Группы «Освобождение Труда».

Всего вышло 6 номеров «Работника» в трех книгах. Кроме него, выходили еще *«Листки Работника»*, из которых №№ 1 — 8 (1896 — 1898 г.г.) выходили под той же редакцией, последний же № 9 — 10 вышел в ноябре 1898 г. под временной редакцией, после того как Группа «Освобождение Труда» отказалась от редактирования изданий «Союза русских социал-демократов».

Подробнее см. т. I, стр. 504. — 171.

[26]) *«Союз русских социал-демократов за границей»* — заграничная организация русских социал-демократов, основанная в конце 1894 г. по инициативе Группы «Освобождение Труда». Вначале «Союз» находился всецело под руководством Группы, и последней принадлежала редакция изданий «Союза». В дальнейшем, однако, перевес в «Союзе» берут оппортунистически настроенные «молодые», и в ноябре 1898 г. на I съезде «Союза» Группа «Осв. Труда» отказывается от дальнейшего редактирования изданий «Союза», оставив за собой лишь редактирование № 5 — 6 «Работника» и брошюр Ленина: «Задачи русских с.-д-ов» и «Новый фабричный закон». На II съезде «Союза», в апреле 1900 г., произошел окончательный раскол, и Группа вместе с примыкавшими к ней членами «Союза» (Д. Кольцов, Л. Аксельрод-Ортодокс, Г. Д. Лейтейзен-Линдов, И. П. Гольденберг-Мешковский и др.) ушли со съезда и образовали новую Революционную Организацию «Социал-Демократ». — 171.

[27]) В рукописи, по которой набиралась брошюра «Задачи русских с.-д-ов», слово «производство» в этом месте было написано сокращенно: «пр-во». В 1-м издании это слово было расшифровано и напечатано, как «правительство». Получилась явная бессмыслица, почему во 2-м издании Вл. Ильич (не имевший, очевидно, под рукой рукописи) исправил это слово на «общество». — 172.

[28]) *Группа «Освобождение Труда»* — первая русская социал-демократическая организация, явившаяся основоположницей русской социал-демократии, основана в сентябре 1883 г. эмигрировавшими за границу народниками-«чернопередельцами» — Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом, В. И. Засулич, Л. Г. Дейчем и В. И. Игнатовым. Проанализировав причины неудач народовольческого движения и ознакомившись с теорией и практикой западно-европейского социалистического движения, Группа усвоила идеи научного социализма и, соединив их с опытом революционного движения в России, развила широкую деятельность по «выработке элементов для образования будущей рабочей социалистической партии России» и заложила теоретические основы будущего русского с.-д. движения. Группа издавала «Библиотеку современного социализма», в которую вошли как переводы из Маркса и Энгельса, так и самостоятельные работы членов Группы, в том числе «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» Г. В. Плеханова. В 1884 г. Группа издала первый, в 1888 г. — второй проекты программы русских социал-демократов. Осенью 1888 г. Группа положила основание «Русскому социал-демократическому союзу», под фирмой которого продолжала издание с.-д. литературы, в том числе журнала «Социал-Демократ». В конце 1894 г. по инициативе Группы был основан «Союз русских социал-демократов», редакция изданий которого принадлежала Группе «Осв. Труда» (в том числе №№ 1 — 6 «Работника» и №№ 1 — 8 «Листков Работника»). Постепенно Группа расходится с большинством членов «Союза», среди которых преобладающую роль начинают играть оппортунистически настроенные «молодые», и на I съезде «Союза», в ноябре 1898 г., отказывается от редактирования изданий «Союза». На II съезде «Союза», в апреле 1900 г., Группа окончательно порывает

с «Союзом» и в мае того же года вместе с некоторыми ушедшими с Группой членами «Союза» основывает Революционную Организацию «Социал-Демократ». В конце 1901 г. Группа вместе с организацией «Искры» и «Зари» сливается в «Заграничную Лигу русской революционной социал-демократии», принимает деятельнейшее участие в издании «Искры» и «Зари», в разработке программных и тактических вопросов и в подготовке II съезда партии. На II съезде Р. С.-Д. Р. П., в августе 1903 г., Группа заявила о прекращении своего самостоятельного существования. — 180.

[29]) *Бланкизм* — по имени французского революционера *Огюста Бланки* (1805 — 1888). В русской политической литературе термин «бланкизм» обычно употреблялся в качестве противопоставления заговорщичества массовой политической организации. В этом же смысле Ленин характеризовал бланкизм как «теорию, отрицающую классовую борьбу. Бланкизм ожидает избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства» (Ленин) с целью захвата политической власти и декретирования коммунизма сверху. В полемике оппортунистов против революционной с.-д-ии первые неоднократно характеризовали термином «бланкизм» революционные элементы тактики пролетарского движения (диктатуру пролетариата, подготовку вооруженного восстания и пр.). В этом смысле употребляли термин «бланкизм» и Бернштейн и русские меньшевики в борьбе с большевиками. — 181.

[30]) Упоминаемые здесь Вл. Ильичем «Материалы» — сборники: «*Материалы по истории русского социально-революционного движения*», выходившие за границей с 1893 г. в издании «Группы старых народовольцев» (П. Лавров, Н. Русанов, Е. Серебряков и др.) и явившиеся важнейшим органом старых народовольческих групп в конце 90-х г.г.

Летом 1897 г. Г. В. Плеханов написал брошюру: «Новый поход против русской социал-демократии» (изд. Группы «Освоб. Труда»; перепечатана в IX томе Сочинений Г. В. Плеханова), явившуюся ответом как на статью П. Лаврова, напечатанную в № 4 «Летучего Листка группы народовольцев», так, главным образом, и на «Открытое письмо к народовольцам — издателям «Летучего Листка»» *Старого народовольца* (Е. Г. Левита — впоследствии большевика, ум. в 1911 г.), помещенное в № 6 — 7 «Материалов». Об этой брошюре Плеханова и «слышал» В. И. Ленин в Сибири.

№ 5 «Летучего Листка» не вышел.

Мы перепечатываем целиком (см. «Документы и материалы» № 2, стр. 605) разбираемую Вл. Ильичем статью П. Лаврова «О программных вопросах» в том виде, как она была напечатана в № 4 «Л. Л.». Статья П. Л. Лаврова показывает тот предел теоретической путаницы и политической беспомощности, до которого дошли «старые народовольцы» к моменту выступления революционных марксистов. — 181.

[31]) *К петербургским рабочим и социалистам от «Союза борьбы»* — судя по характеру, представляет собой прокламацию, которую Вл. Ильич написал одновременно с «Задачами». Рукопись, содержащая «Задачи», заключает в себе, в виде добавления, также и текст этой прокламации. Она была напечатана в 1-м издании «Задач». — 188.

[32]) *«Деловой Корреспондент»* — ежедневная газета, выходившая в 1886 — 1898 г.г. в Екатеринбурге, позже переименованная в «Уральскую Жизнь». — 263.

[33]) Статья «*Перлы народнического прожектерства*», как и следующая за ней статья «*От какого наследства мы отказываемся?*» писались первоначально для журнала «Новое Слово», о прекращении которого в декабре 1897 г. Вл. Ильич, бывший в то время в ссылке в Сибири, еще не знал. Статьи пересматривались в 1898 году для сборника «Экономические этюды и статьи», и примечание ко второй из этих статей на стр. 322 вставлено уже при пересмотре. — 277.

[34]) Так был охарактеризован П. Струве проект члена ученого комитета министерства финансов Гурьева, защищавшего в 1897 году разрешительную (в противовес явочной) систему акционерного законодательства. См. статью П. Б. (Струве) в апрельской книжке «Нового Слова» за 1897 г., стр. 238. — 294.

[35]) *«Русский великий утопист»* — Н. Г. Чернышевский. — 295.

[36]) Статья Н. Михайловского: «Литература и жизнь»; перепечатана в VIII томе Полн. собр. сочинений, под заглавием: «О народничестве, диалектическом материализме, субъективизме и проч. — О страшной силе г. Novus'а, о моей робости и некоторых недоразумениях». — 299.

[37]) *Novus* — псевдоним П. Струве. Об «идиотизме деревенской жизни» К. Маркс писал в «Манифесте Коммунистической Партии» (Вл. Ильич приводит эту цитату дальше, в прим. на стр. 300). — 299.

[38]) См. прим. 33. — 303.

[39]) Статья Н. К. Михайловского: «Литература и жизнь»; перепечатана в VIII томе Полн. собр. сочинений, под заглавием: «О совести г. Минского, о страхе смерти и о жажде бессмертия». — 305.

[40]) Имеются в виду статьи В. Розанова в «Московских Ведомостях» 1891 г.: «Почему мы отказываемся от наследства?» — в № 185 и «В чем главный недостаток «наследства 60 — 70-х г.г.»?» — в № 192. — 305.

[41]) Характеристика Скалдина как liberalkonservativ (либерального консерватора) взята Вл. Ильичем из книги Ф. Энгельса «Soziales aus Russland» (1875). Вл. Ильич мог ознакомиться с этой работой Энгельса также по русскому переводу В. Засулич, изданному Группой «Освобождение Труда» в Женеве в 1894 г. под названием «Фр. Энгельс о России». Энгельс писал: «О положении крестьян см. официальный отчет Правительственной Комиссии о с.-х. производстве (1875), а также книгу Скалдина «В захолустьи и в столице»; последний труд принадлежит перу русского либерального консерватора». — 315.

[42]) В письме А. Н. Потресову от 26 января 1899 г. в связи с данной статьей Вл. Ильич писал:

«Насчет «Наследства» я должен был согласиться с Вашим мнением, что считать его за нечто единое — плохая традиция плохих (80-х) годов. Действительно, мне, пожалуй, за историко-литературные темы браться бы не следовало... Мое оправдание — только то, что ведь принимать наследство от Скалдина именно я нигде не предлагаю. Что принимать наследство надо от других людей — это бесспорно. Мне сдается, что защитой (от возможных нападений противников) для меня будет примечание на стр. 237 (т.-е. на стр. 314 — 315 наст. тома. *Ред.*), где я имел в виду именно Чернышевского и мотивировал причины неудобства взять его для параллели. Там же признано, что Скалдин — liberalkonservativ, что он «не типичен» для 60-х годов, что «типичных» писателей взять «неудобно», — у меня не было статей Чернышевского и нет, да и не переизданы еще главные из них, да и вряд ли бы сумел обойти при этом подводные камни. Затем еще защищаться бы стал тем, что ведь я дал точное определение того, что я разумею под «наследством», о котором веду речь. Конечно, если статья производит все-таки такое впечатление, что автор предлагает принимать наследство именно от Скалдина, то этого недостатка ничем не исправишь. Забыл еще едва ли не главную свою «защиту»: если Скалдин — «раритет», то буржуазный либерализм, более или менее последовательный и чистый от народничества, — не раритет, а очень широкая струя 60-х и 70-х годов. Вы возражаете: «от совпадения до преемственности дистанция огромного размера». Но ведь суть-то статьи в том, что, де, необходимо очистить буржуазный либерализм от народничества. Если это верно и *если это осуществимо* (особенно важное условие!), тогда результатом очистки, остатком после очистки будет именно буржуазный либерализм, не только совпадающий со Скалдинским, но и преемственный по отношению к нему.

Так что, ежели меня будут изобличать, что от Скалдина *я* принимаю наследство, то я вправе буду ответить, что *я* обязуюсь лишь *очищать* его от примесей, а сам-то я в стороне стою и, кроме чистки разных авгиевых дворов, у меня еще более приятные и более положительные занятия есть... Ну, я, кажется, уже увлекся и вообразил себя и вправду «защищающимся»!».

Из этого письма видно, что между Лениным и А. Потресовым существовало некоторое разногласие по данному вопросу. Тогда же А. Потресов поместил в январско-февральской книжке «Начала», под заглавием: «Журнальные заметки», свою статью: «О наследстве и наследниках», соприкасавшуюся по содержанию со статьей Вл. Ильича. Статья была вырезана цензурой из «Начала», но вырезанные страницы все же были посланы А. Потресовым Вл. Ильичу. В статье А. Потресова, не содержавшей полемики с Лениным, было следующее упоминание о статье последнего: «Вл. Ильин в своей недавно вышедшей весьма интересной и ценной книжке «Экономические этюды и статьи» одну из статей посвятил вышеназванному вопросу, а именно — статью «От какого наследства мы отказываемся?». Во многом соглашаясь с ее автором, мы считаем полезным подойти к той же теме, так сказать, с другого конца и наметить — только наметить — *некоторые вопросы, могущие, по нашему мнению, пролить свет на состояние нашей современной журналистики*» (цитируется по книге А. Потресова: «Этюды о русской интеллигенции», изд. 1906 г., стр. 76 — 77).

Через *шесть* лет после этого, в связи с расколом партии на большевиков и меньшевиков и по поводу этого раскола, А. Потресов в статье «Наши злоключения» (меньшевистская «Искра» №№ 98, 107 и 111 — см. «Этюды», стр. 264 — 265) вернулся к этому разногласию, пытаясь почерпнуть в старой статье Ленина доказательство «узкости» и лишенного исторического чутья «рационализма» ленинского марксизма. А. Потресов, конечно, благоразумно умолчал в своей статье о тех, хорошо известных ему обстоятельствах, которые заставили Вл. Ильича остановиться на Скалдине, как на представителе буржуазного либерализма 60-х годов, и на тех оговорках, которые ввел в свою статью Вл. Ильич и которые повторены и подчеркнуты им в приводимом нами здесь письме. — 315.

[43]) *«Земледельческая Газета»* — в то время (70-е г.г.) оффициоз министерства государственных имуществ, позже, с 1894 г., с преобразованием последнего в министерство земледелия и государственных имуществ, — оффициоз этого министерства. — 319.

[44]) *«Вестник Европы»* — основанный в 1866 г. М. Стасюлевичем и выходивший под его редакцией ежемесячный журнал, отражавший взгляды либерального чиновничества и умеренно-либеральной части русского общества, главной задачей для России считавший политические реформы в либеральном духе. Вел борьбу с русским марксизмом, главным образом в статьях одного из своих сотрудников — Л. Слонимского. — 322.

[45]) Под псевдонимом *Н. Каменский* выступал в «Новом Слове» Г. В. Плеханов. В своей статье Н. Михайловский нападал на его статью «О материалистическом понимании истории», помещенную в сентябрьской книжке «Нового Слова» за 1897 г. и посвященную разбору книги Антонио Лабриола (см. VIII том Сочинений Г. В. Плеханова). — 335.

[46]) «Schmoller's Jahrbuch» («Ежегодник Шмоллера») — журнал политической экономии, издававшийся с 1881 г. проф. Г. Шмоллером, одним из представителей катедер-социализма. Полное его название: «Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich» («Ежегодник по законодательству, управлению и народному хозяйству в Германской империи»). — 337.

[47]) В №№ 47 — 49 «Недели» за 1894 г. В. В. поместил направленную против «Критических заметок» П. Струве статью под названием: «Немецкий социал-демократизм и русский буржуаизм». — 337.

[48]) *«Мир Божий»* — ежемесячный журнал, начавший выходить в 1891 г. как журнал для юношества, постепенно расширил свою программу и превратился в один из наиболее читаемых журналов. Со средины 90-х г.г. в него получают доступ легальные марксисты (М. Туган-Барановский, П. Струве и др.). С конца 90-х годов руководящую роль в журнале получает А. Богданович, бывший народоправец, пытавшийся в своих литературно-критических обозрениях поддерживать точку зрения марксизма. В этом журнале были напечатаны наиболее характерные статьи П. Струве, М. Туган-Барановского и Н. Бердяева, обозначившие переход от марксизма к идеализму. В эпоху первой революции «Мир Божий» открыл свои страницы для партийных меньшевиков, а с 1906 г. под новым именем «Современный Мир» и под редакцией Н. Иорданского принимает определенно меньшевистское направление. Впоследствии большое участие в «Современном Мире» принял Г. В. Плеханов. Владимир Ильич поместил в этом журнале, кроме печатаемой в этом томе рецензии на книгу А. Богданова, также статью «Еще одно уничтожение социализма» (март 1914 г.). Журнал прекратился в 1918 г. — 352.

[49]) В момент написания рецензии Вл. Ильич не знал действительного автора книги и подозревал, что под именем А. Богданова скрывается Г. В. Плеханов. В одном из писем 1899 г. к А. Потресову по поводу выхода второй книги А. Богданова — «Основные элементы исторического взгляда на природу» — Вл. Ильич писал: «Я уже по первой книжке Богданова заподозрил *мониста*, а заглавие и содержание второй книги усиливает мои подозрения». Под именем «мониста» в переписке Вл. Ильича того времени подразумевается Плеханов, автор книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». — 371.

[50]) *Колоны* — в древнем Риме арендаторы земельных участков за определенный оброк. — 376.

[51]) *«Начало»* — выходивший в 1899 г. под редакцией П. Струве и М. Туган-Барановского орган легального марксизма. Журнал должен был служить продолжением закрытого в 1897 г. «Нового Слова». Всего вышло четыре книги журнала (пять номеров), причем апрельская книжка была конфискована, а из январско-февральской (двойной) и майской книжек было изъято несколько статей. Кроме статей легальных марксистов, в книжках «Начало» помещены были статьи Г. В. Плеханова, В. И. Засулич, Л. Мартова (А. Егорова), А. Потресова и др. Владимир Ильич поместил в них, кроме печатаемых в этом томе рецензий, также одну главу — «Вытеснение барщинного хозяйства капиталистическим» — из «Развития капитализма в России». Журнал был прекращен постановлением правительства после выхода майской книжки. — 378.

[52]) По цензурным соображениям Вл. Ильич приводит название книги К. Каутского в сокращенном виде. Полное ее заглавие: «*Die Agrarfrage.* Eine Uebersicht über die Tendenzen der modernen Landwirtschaft und die Agrarpolitik der Sozialdemokratie» («*Аграрный вопрос.* Обзор тенденций современного сельского хозяйства и аграрная политика социал-демократии»). — 384.

[53]) Вопрос о теории рынков в русской марксистской литературе 90-х г.г. подвергся очень тщательному обсуждению. Еще в 1894 г. *М. Туган-Барановский* уделил ему много внимания в своей книге: «Промышленные кризисы в современной Англии». В 1897 г. этот вопрос поднял *С. Булгаков* в книге: «О рынках при капиталистическом производстве», на которую *Туган-Барановский* ответил в № 6 «Мира Божьего» за 1898 г. статьею: «Капитализм и рынок». В полемике принял участие *Вл. Ильин* (Ленин), поместив в № 1 «Научного Обозрения» за 1899 г. статью: «Заметка к вопросу о теории рынков (По поводу полемики гг. Туган-Барановского и Булгакова)», на которую в том же номере «Н. Об.» отвечал *П. Струве* статьею: «К вопросу о рынках при капиталистическом производстве (По поводу книги Булгакова и статьи Ильина)». В дальнейшем в полемике приняли участие

А. С. Изгоев (статья «Теория рынков в нашей литературе» в № 4 «Жизни» за 1899 г.) и *П. Нежданов* (статья «К вопросу о рынках при капиталистическом производстве (По поводу статей г. Ратнера*), Ильина и Струве)» в той же книжке «Жизни»), на которую *А. Изгоев* снова отвечает статьею: «О «третьих лицах» г-на Струве и о возражениях г. Нежданова» в № 6 «Жизни». *П. Скворцов* затем помещает в № 7 «Научного Обозрения» статью: «К вопросу о рынках (По поводу заметки г. Струве)» и *Вл. Ильин* — в № 8 статью: «Еще к вопросу о теории реализации», на которую в том же номере «Н. Об.» *П. Струве* дает свой «Ответ Ильину», в котором он, признавая за Вл. Ильичем «сильную теоретическую мысль», приглашает его освободиться «от чар ортодоксии» **). В № 10 «Жизни» *П. Струве* помещает новую статью под знаменательным названием: «Против ортодоксии». В № 12 «Научного Обозрения» выступает *Б. Авилов* со статьею: «О «новой» теории рынков (по поводу статей Нежданова и Изгоева)». Наконец, в № 12 «Жизни» появляются статьи *П. Нежданова:* «Полемика по вопросу о рынках» и *В. Ильина:* «Ответ г. Нежданову». Тот же вопрос о рынках Вл. Ильич подверг разбору в статье «К характеристике экономического романтизма» и в книге «Развитие капитализма в России». — 393.

[54]) В журнале «Научное Обозрение», где первоначально печаталась настоящая статья, редакция без разрешения автора заменила термин «стоимость», всегда употреблявшийся Вл. Ильичем (см. его примечание на стр. 406-й), термином «ценность». Впоследствии Вл. Ильич придавал более важное значение этому различию, о чем см. его статью: «Еще одно уничтожение социализма» в мартовской книжке «Современного Мира» за 1914 г. — 397.

[55]) Имеется в виду статья М. Я. Герценштейна: «Учение о фонде рабочей платы» в июльской книге «Русской Мысли» за 1890 г. — 404.

[56]) *«Научное Обозрение»* — ежемесячный журнал, издававшийся с 1893 г. по 1902 г. под редакцией М. М. Филиппова. Журнал носил эклектический характер, но предоставлял свои страницы для статей марксистов. Марксисты пользовались этим журналом для опубликования своих работ в те периоды, когда прекращались журналы, руководство которых находилось в руках группы П. Струве и М. Туган-Барановского. Кроме перепечатываемых в этом томе статей, Вл. Ильич поместил в «Научном Обозрении» свой ответ П. Скворцову — «Товарный фетишизм» (см. III том Сочинений). — 404.

[57]) *Неокантианцы* — довольно пестрая плеяда буржуазных философов, нашедших в идеалистической философии Канта орудие борьбы против философии материализма. Под лозунгом *«Назад к Канту»*, т.-е. к идеалистической философии от философии материализма Маркса и Энгельса, совершился переход ряда бывших марксистов на буржуазную точку зрения. Первые намеки на пересмотр философского учения марксизма в сторону Канта имеются уже в книге П. Струве «Критические заметки». Но особенно яркое выражение этот пересмотр нашел во второй половине 90-х годов, в статьях Эд. Бернштейна, К. Шмидта и др., в которых он сочетался с пересмотром экономического и политического учения марксизма. В русской литературе лозунг «Назад к Канту» послу-

---

*) По поводу книги С. Булгакова *М. Ратнер* поместил в № 12 народнического «Русского Богатства» за 1898 г. свою статью: «Теория рынков в ее отношении к вопросу об экономическом развитии страны».

**) Несколько позже, в своей статье «Основная антиномия теории трудовой ценности», П. Струве отзывался о Вл. Ильиче: «Было бы весьма желательно, чтобы, напр., такой замечательный сторонник ортодоксального отношения к учению Маркса и такой превосходный его знаток, как Владимир Ильин, указал, каким путем — с точки зрения ортодоксии — может быть разрешена «основная антиномия теории трудовой ценности», на мой взгляд логически упраздняющая эту теорию» («Жизнь», № 2 за 1900 г.).

жил первоначальной формулой отхода от марксизма будущих идеологов русской буржуазии. Бывшие марксисты: Струве, Булгаков, Туган-Барановский, Бердяев, кончившие свою идейную эволюцию возвращением к православной церкви, национализму и монархизму, начинали свой отход от марксизма именно под лозунгом «Назад к Канту». Во главе борьбы против этой философской реакции в западно-европейской марксистской литературе в конце 90-х годов стал Г. В. Плеханов, на книгу которого: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и «Очерки по истории материализма» («Beiträge zur Geschichte des Materialismus»), вышедшую на немецком языке в Штутгарте в 1896 г. (по-русски издана полностью лишь в 1922 г.), и ссылается Вл. Ильич. — 411.

[58]) «*Жизнь*» — третья (после «Нового Слова» и «Начала») и последняя попытка группы легальных марксистов, во главе со Струве и Туган-Барановским, создать легальный ежемесячник. Журнал выходил с 1899 г. по 1901 г., когда был закрыт постановлением правительства. Далеко зашедшая к этому времени эволюция легального марксизма в сторону буржуазного либерализма сказалась на журнале явно выраженным бернштейнианским отпечатком. В «Жизни» напечатаны были предназначавшаяся для «Начала» статья Вл. Ильича «Капитализм в сельском хозяйстве» и «Ответ г. П. Нежданову». Оффициальный редактор «Жизни» В. А. Поссе после закрытия журнала перенес его издание за границу, где выпустил в 1902 г. 6 номеров «Жизни» и 12 номеров «Листков Жизни» в качестве «внефракционного» с.-д. органа. — 421.

[59]) Временем написания статей: «Капитализм в сельском хозяйстве» можно считать апрель — май 1899 г. Указание на это имеется в письме Вл. Ильича А. Потресову от 27 апреля 1899 г. «Я уже написал, — пишет Вл. Ильич, — и недели две тому назад отправил в редакцию первую статью «Капитализм в сельском хозяйстве (о книге Каутского и о статье г. Булгакова)» и теперь берусь за вторую по поводу окончания статьи Булгакова».

Статьи были направлены в редакцию журнала «Начало», но в виду его закрытия (в июне 1899 г.) были напечатаны лишь в следующем, 1900 г., в январской и февральской книжках журнала «Жизнь». — 427.

[60]) Имеется в виду книга К. Каутского, указанная в прим. 52. — 431.

[61]) Ленин имеет в виду статью Маркса в «Neue Rheinische Zeitung» (1850), посвященную разбору сочинения Эмиля де-Жирардена: «Le Socialisme et l'impôt». Ленин мог познакомиться с этой статьей Маркса по изложению ее в книге Каутского. (Статья Маркса была переиздана лишь несколько лет спустя Мерингом в III т. «Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels». Stuttgart. 1902.) Каутский изложил соответствующие места статьи Маркса следующим образом: в сочинении Жирардена «предлагался налог на капитал, который, между прочим, «отвлек бы капитал от малодоходной земли к более доходной промышленности, вызвал бы падение цен на землю, концентрацию земельной собственности, пересадил бы во Францию крупное английское хозяйство и вместе с ним всю развитую английскую индустрию». На это Маркс возражает, что «английская концентрация и английское земледелие возникли не благодаря отвлечению капитала от земли, но, напротив, благодаря привлечению промышленного капитала к земледелию» и продолжает: «далее концентрация земельной собственности в Англии смела совершенно целые поколения. Та же концентрация, которой, конечно, способствовал бы налог на капитал, благодаря ускоренному разорению крестьян, во Франции погнала бы эти большие массы крестьян в города и сделала бы революцию тем неизбежнее. Наконец, если во Франции уже начался поворот от раздробления к концентрации, то в Англии крупное землевладение идет гигантскими шагами по прежнему пути к раздроблению, непреложно доказывая, что *земледелие должно постоянно вращаться в этом кругу концентрации и раздробления земли, пока вообще существуют буржуазные отношения*»

(К. Каутский, «Аграрный вопрос», стр. 161 нем. изд. 1899 г.). Статья Маркса имеется теперь и в русском переводе — см. «К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции». ГИЗ. 1926, стр. 465 — 473, или Соч., т. VIII, стр. 306 — 317. — 453.

[62]) Имеется в виду книга: *«Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства»*, под ред. проф. А. И. Чупрова и А. С. Посникова, 2 т. 1897 г. См. прим. 1-е и статью: «К вопросу о хлебных ценах», стр. 1 — 4. — 455.

[63]) «...В Англии и Германии крупное землевладение сохранило и в буржуазном обществе значительную силу; это, между прочим, проявляется в особой форме наследственного права, которую крупное землевладение сохранило для себя или, по крайней мере, для самых привилегированных членов своих — в *фидеикомиссе.* Согласно последнему земельное владение из свободной собственности отдельного лица превращается в заповедную собственность семьи, переходящую в пользование одного ее члена (обыкновенно первого сына наследодателя), но без права ее отчуждения целиком или частью. Братья и сестры наследника имеют равное с ним право на движимое имущество наследодателя, из участия же в связанном фидеикомиссом земельном владении исключаются». ... «Мужицкой разновидностью фидеикомисса является особая форма наследственного права *(Anerbenrecht),* которая не вводит в землевладение таких строгих ограничений, оставляя землевладельцу большую свободу действий, но точно так же уничтожает разделы наследства. В некоторых местностях Германии и Австрии, где преобладает крупное крестьянство, эта форма сохранилась, если не в законодательстве, то в обычае. В новейшее время изданы разнообразные законодательные постановления, с целью закрепить этот обычай и дать ему юридическую основу, так как консервативные политики и экономисты видят в нем одно из сильнейших средств для сохранения крестьянского сословия, «как опоры частной собственности» (К. Каутский, стр. 200; перевод по русск. изд. под. ред. П. Стучки, изд. «Пролетарий» 1923 г.). — 461.

[64]) В своем письме к А. Потресову от 27 июня 1899 г. Вл. Ильич писал следующее:

«Перечитал сейчас конец своей статьи против Булгакова в черновике... и увидел, что там мой тон — примирительный: ... я, мол, «ортодоксальный» и решительный противник «критиков» (это я сказал прямо), *но* не надо преувеличивать этих разногласий [как это делает г. Булгаков] перед лицом общих врагов. Весьма может быть, что этот «примирительный» тон [я изо всех сил старался смягчить себя и полемизировать как Genosse (товарищ. *Ред.*)] окажется неуместным или даже смешным, если пойдут в ход выражения вроде... «омерзительный», если «критики» вызовут окончательную размежевку. Я оказался бы тогда «без вины виноватым»: не видев книги Бернштейна, не зная *всех* взглядов «критиков», находясь на «приличном расстоянии», я смотрел еще [когда писал эту статью] совсем «по-старому», просто как сотрудник «Начала»... Кажется, мое утверждение, что теория классовой борьбы не затронута «критикой», — неверно?»

Судя по тому, что приведенных в этом письме соображений не имеется в тексте, можно предположить, что Вл. Ильич, воспользовавшись отсрочкой печатания ее (в виду закрытия «Начала»), выбросил из статьи заключительные замечания. — 471.

[65]) Рукопись *«Протеста российских социал-демократов»* была получена за границей П. Б. Аксельродом 22 октября 1899 г. Тогда же П. Б. Аксельрод намеревался издать отдельную брошюру, в которую входили бы его «Письмо в редакцию «Рабочего Дела»» и «Протест» вместе с особым предисловием Г. В. Плеханова. План этот был принят вначале и Г. В. Плехановым, но позже претерпел изменения. Впервые «Протест» вышел в начале декабря 1899 г. в виде отдельного оттиска из № 4 — 5 «Рабочего

Дела», редакция которого снабдила «Протест» своим послесловием, в котором пыталась скрыть существование в среде «молодых» «экономизма». В начале 1900 г. Г. В. Плеханов напечатал «Протест» также в своей брошюре: «Vademecum» (путеводитель. *Ред.*) для редакции «Рабочего Дела». — 473.

[66]) Вл. Ильич, получивший в ссылке через А. И. Елизарову написанное Е. Кусковой *) «Credo» (см. прим. 67), подводившее под взгляды русских «экономистов» теоретический фундамент в виде модного в то время бернштейнианства (прим. 68), тотчас составил проект «Протеста» и предложил его на обсуждение всей колонии минусинских с.-д-ов. Тов. П. Н. Лепешинский дает как подробный рассказ об обсуждении проекта, так и перечень тех 17-ти человек, которые этот «Протест» подписали (см. «На повороте», ГИЗ, П. 1922, стр. 100—102):

«Незадолго перед смертью А. А. Ванеева наше Ермаковское было ареною шумного, многолюдного съезда. Все социал-демократы Минусинского уезда летом (кажется, в июле) 1899 г. собрались по инициативе Владимира Ильича, чтобы достойным образом реагировать на пресловутое profession de foi (исповедание веры. *Ред.*) так называемых «молодых» социал-демократов, — на известный, ставший историческим, документ под названием «Credo». Получивши из Петербурга рукопись с этим «кредо», Владимир Ильич взволновался, как охотник, почуявший близость очень крупной дичи. Он сейчас же составил себе план отповеди авторам «Credo» и набросал проект протеста против этого нового символа веры. Было решено «Протест» сделать коллективным, и для этой цели всем товарищам собраться в с. Ермаковском (именно в Ермаковском, главным образом потому, что А. А. Ванеев был уже в это время окончательно прикован к постели и не мог бы приехать в Минусинск или иной какой-нибудь пункт).

««Протест» начинался словами: «Собрание социал-демократов одной местности, в числе 17 человек, приняло единогласно следующую резолюцию...». Кто же эти 17 человек? Я думаю, что мне удастся вспомнить всех участников собрания, принявших эту резолюцию. Вот эти участники: а) из с. Шушенского: 1) *Вл. Ильич Ульянов;* 2) *Н. К. Ульянова (Крупская);* 3) *Оскар Энберг* (петерб. рабочий); б) из Минусинска: 4) *В. В. Старков;* 5) *А. М. Старкова;* 6) *Г. М. Кржижановский;* 7) *З. П. Кржижановская (Невзорова);* в) из с. Тесинского: 8) *А. С. Шаповалов* (петерб. рабочий); 9) *Н. Н. Панин* (петерб. рабочий); 10) *Ф. В. Ленгник;* 11) *Егор Вас. Барамзин,* и г) из Ермаковского: 12) *А. А. Ванеев;* 13) *Д. В. Ванеева;* 14) *М. А. Сильвин;* 15) *В. К. Курнатовский;* 16) *О. Б. Лепешинская* и 17) *П. Н. Лепешинский.*

«Предварительное оживленное собрание, сопровождавшееся товарищеским обедом, происходило у меня на квартире, причем я помню, как Владимир Ильич горячо доказывал многим из нас, что «Credo» очень симптоматично, что прозевать этого явления нельзя, что «экономизм» — грядущая болезнь нашей социал-демократии.

«...Окончательное заседание, на котором была принята резолюция 17-ти, происходило в квартире Ванеева. Нельзя сказать, чтобы единогласно было достигнуто сразу, без всяких прений. Наоборот, и тут, как всегда водится, выделилась оппозиция к проекту и «слева» и «справа». А. А. Ванеев возмущался мягкостью тона резолюции и требовал более

*) *Е. Д. Кускова* — в 90-х г.г. перешла от народоправцев к с.-д. и входила в заграничный «Союз русских социал-демократов». Вскоре отошла от с.-д. и примкнула к буржуазным группировкам («Союз Освобождения» и т. д.). Ее группа издавала в 1906 г. журнал «Без заглавия», а затем газету «Товарищ», неизменно поддерживавшие кадетов. Ныне за границей, где систематически выступает против Советской власти.

категорического, более решительного ошельмования авторов одиозного документа. В то же самое время Ф. В. Ленгник настаивал на том, чтобы изъять из резолюции те места, которые устанавливают связь новой линии русских «молодых» социал-демократов с шатанием философской марксистской мысли среди оппортунистических элементов немецкой социал-демократии (неокантианцев). Он ссылался при этом на то, что в данном случае непосвященным, рядовым марксистам, заброшенным в сибирскую глушь, трудно из своего непрекрасного далека судить о подлинном настроении умов в европейских центрах жизни, и лучше поэтому отказаться от гипотетических суждений. Владимир Ильич, идя на уступку в этом отношении, исключил некоторые абзацы из протеста, которые могли бы показаться сомнительными с точки зрения «непосвященных», но потом, кажется, очень сожалел о своей уступчивости».

Из воспоминаний Ю. Мартова видно, что Вл. Ильич писал также и ему о «Credo», предлагая присоединиться к «Протесту» (см. стр. 586 настоящего тома). Туруханская колония во главе с Ю. Мартовым вынесла резолюцию о присоединении к минусинскому протесту и сняла несколько копий его для рассылки по другим колониям. Колония ссыльных г. Орлова Вятской губ. (В. Воровский, Ф. Гурвич (Дан), А. Потресов и др.) также приняла аналогичный протест.

Вл. Ильич упоминает о «Credo», давая его оценку, также в «Что делать?» (см. IV том Сочинений, стр. 375 — 376), ошибочно относя время его написания к *концу* 1899 года. — 477.

[67]) Об обстоятельствах, при которых Вл. Ильич получил в ссылке «Credo», А. И. Елизарова (письмом в редакцию Сочинений В. И. Ленина) рассказывает следующее:

«Это было, помнится, весною 1899 года. В одну из своих поездок из Москвы в Петербург, куда я ездила главным образом по поводу издававшихся тогда книг Владимира Ильича — «Экономические этюды» и «Развитие капитализма в России», я зашла, как обычно, к Александре Михайловне Калмыковой. У нее был в то время книжный магазин на углу Литейного и Невского (кажется, Литейный, 60), который служил в некотором роде штаб-квартирой. Там можно было узнать о жизни соц.-дем. организаций, о всех переменах и изъятиях, происшедших в них. Прежде всего, по приезде в Питер, забегаешь, бывало, в этот книжный склад.

«Александра Михайловна стояла очень близко к первым марксистским организациям Петербурга. Струве вырос в ее семье,— был в гимназические годы ее воспитанником и, как она говорила, был ближе ей, чем ее собственный сын, пошедший по другому пути. Эта выдающаяся по уму и энергии женщина, принадлежавшая к довольно высокому кругу — ее муж был, если не ошибаюсь, сенатором, — оказывала очень деятельные услуги нелегальным соц.-дем. организациям, главным образом «Союзу борьбы», и находилась в курсе их работы. Все первые члены «Союза борьбы» — Радченко, Крупская, Якубова, Невзорова, народовольческой организации — Книпович — были в тесной связи с нею. Пользуясь своими большими связями в обществе, она устраивала квартиры, склады, добывала деньги. У ней же происходили первые заседания редакций тогдашних легальных марксистских газет.

«Я получала от нее разные питерские новинки, которые пересылала или пересказывала в письмах Владимиру Ильичу в ссылку.

«И вот раз она передала мне ту, составленную Прокоповичем и Кусковой, програму, которая известна теперь под именем «Credo», сказав, что хотя составители сами не работают, но имеют некоторое влияние среди «молодых».

«По возвращении в Москву я к очередному химическому письму брату, которые писала в книгах и журналах, прибавила и это, химически переписанное, произведение. Стремясь естественно к возможной крат-

кости и сжатости при этом кропотливом и утомительном способе переписки, я дала документу первое пришедшее в голову краткое название, написав: «Посылаю тебе некое «Credo» «молодых»». Моя совершенно отрицательная оценка этого писания, как измышления досужих литераторов, отголоска которого в жизни я не видала не только вокруг себя, в Москве, но даже в питерской «Рабочей Мысли», далеко до этого не договорившейся, — вероятно, невольно еще возросла в процессе той кропотливой и неблагодарной работы, которую представляло химическое переписывание. Казалось, что не стоит мне переписывать, а Владимиру Ильичу проявлять это либеральное умствованье. Обозначив его для краткости «Credo» «молодых», я не верила, чтобы оно могло служить для руководства действовавших соц.-демократов.

«Поэтому, когда из ответа Владимира Ильича я увидела, какое глубокое возмущение оно вызвало, когда я узнала о намерении выступить с протестом против него, я обвинила себя, что неточность его обозначения в моем письме придала ему в глазах брата большее, чем следовало, значение. И я поспешила объяснить, что именем «Credo» «документ» назван мною и что молодые соц.-демократы, насколько мне известно, им не руководствуются. Но протест тем не менее был составлен и послан.

«При свидании с Владимиром Ильичем по возвращении его из ссылки мы затронули эту тему, и он очень удивился, узнав, что название «Credo» дано было не автором, а мною случайно (очевидно, в химическом письме это как-то исчезло для него), но потом сказал, усмехнувшись: «Ну, все равно. Протестовать все-таки следовало».

«Помню также, что Кускова очень возмущалась,— один раз в личном разговоре со мною, — что документ был назван «Credo», как авторы его не называли».

Сама Е. Кускова по поводу «Credo» писала (см. «Былое» № 10, октябрь 1906 г.) следующее:

«Здесь не лишним будет рассказать, «как делается история». Никакой «фракции», писавшей «Credo», никогда не существовало, а было вот что. Жили за границей два человека N. N. и M. M.*). Они сражались с «ортодоксией» русской социал-демократии, будучи однако горячо преданы идее социал-демократической рабочей партии и интересам рабочего движения в России. Никакого политического движения рабочих в России в то время не было. Было стачечное движение чисто экономического характера. Сначала «Бунд», потом «Рабочая Мысль», потом N. N. и M. M., потом «Рабочее Дело» начали настаивать на том, что, если соц.-дем. партия хочет быть партией рабочих, она должна подойти к ним, исходя не из абстрактных учений Маркса и Энгельса, а из *их непосредственных* интересов. Затем: опираться должна эта партия не на веления людей, за границей сидящих, а на *самодеятельность рабочих,* в каком бы виде эта самодеятельность ни выражалась, хотя бы, например, в виде похоронных касс. В то время такая самодеятельность только и выражалась в стачках на экономической подкладке и кое-где на попытках организовать профессиональное движение. «Экономисты» были поклонниками самодеятельности масс в ее различных видах, и формулировали это главным образом в статье г. N. N., напечатанной в «Vademecum'е» Г. В. Плехановым. Статья называется: «Ответ на брошюру Аксельрода: «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов»». Вся статья написана в доказательство необходимости исходить в образовании партии из интересов рабочих. В ней говорится, что «сознание рабочих не тесто, лепить из которого «мы» (интеллигенты) призваны по собственному образу и подобию. «Мы» и «наши» усилия могут лишь дополнять то, чему учит рабочего жизнь» («Vademecum», стр. 49). Или: «история делается массами, поэтому

*) N. N. — С. Прокопович; M. M. — Е. Кускова. *Ред.*

сознание только масс является историческим фактором» и т. д. Эти, подобные и шаблонные для современной психологии, вещи тогда были приняты за злой «экономизм», а автор (N. N.) подвергнут анафеме. Проклятые истинными социал-демократами, N. N. и M. M. уехали в Россию, но на границе N. N. был арестован и увезен в Петербург. В Петербург же приехал и M. M. и под влиянием заграничной распри с правоверными продолжал беседы на острые темы марксизма и рабочего движения в петербургской литературной среде, в которой тогда еще было довольно много «ортодоксов». Однажды после горячего спора к M. M. обратились с просьбой формулировать кратко свои взгляды на спорные вопросы, чтобы удобней было в споре опереться на что-либо стройное и цельное. M. M. один, без всяких соучастников, набросал спешно и не для печати краткое изложение своих взглядов. Бумажонка была взята кем-то из участников спора. Прошло некоторое время. Автор «взглядов» на бумажонке совсем забыл об ее существовании. Его друг N. N. все еще сидел в тюрьме и не подозревал, в какую историю попадет M. M. Вдруг в один прекрасный день в руки M. M. попадается «Протест» 17 социал-демократов против какого-то еретического «Credo». M. M. читает и с изумлением видит, что это «Credo» — не что иное, как его бумажонка, с наскоро набросанными для спора положениями. Изумлению его не было пределов, когда затем, в дальнейшем, это несчастное «Credo» стало историческим документом, социал-демократия была объявлена в опасности, а сами авторы (увы, у соц.-дем. тогда множилось в глазах!) злейшими врагами социал-демократии. Кто это «Credo» напечатал, кто на бумажонке поставил это заглавие (в подлиннике заголовка не было), M. M. и до сих пор не знает. Все изложенное — точно, так как автором «Credo» была я, пишущая эти строки. За подписью M. M. в «Vademecum'е» опубликованы мои *частные* письма к членам Группы «Освобождение Труда»». — 477.

[68]) *Бернштейниада* — оппортунистическое направление в рядах международной социал-демократии, начало которому было положено немецким с.-д. Эд. Бернштейном в ряде его статей, объединенных затем в книге: «Die Voraussätzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie» («Предпосылки социализма и задачи социал-демократии») (1899), где он пытался подвергнуть пересмотру («ревизии», отсюда — «ревизионизм») философские, экономические и политические основы революционного марксизма и заменить их теорией примирения классовых противоречий и верой в возможность достижения социализма путем его постепенного «врастания» в капиталистический режим.

В России это направление встретило сочувственный отклик в среде «легальных марксистов». К нему примкнули П. Струве, и раньше «не зараженный ортодоксией», а теперь поведший усиленную борьбу с ней на страницах легальных органов, М. Туган-Барановский, С. Булгаков и др., а также и группа социал-демократов во главе с Е. Кусковой и С. Прокоповичем, теоретическим выражением позиции которых явилось «Credo». — 478.

[69]) Съезд германской социал-демократии в Готе (1875 г.) включил в принятую им программу положение: «По отношению к рабочему классу все другие классы составляют лишь *одну реакционную массу»*. Эта лассалеанская формула вызвала резкую критику К. Маркса (см. «Критику Готской программы»). Она была исключена из программы, принятой на съезде в Эрфурте в 1891 г. — 482.

[70]) *«Северно-Русский Рабочий Союз»* (правильнее: *«Северный Союз Русских Рабочих»*) — был организован в 1878 г. из петербургских рабочих кружков слесарем Виктором Обнорским и столяром Степаном Халтуриным и явился первой попыткой самостоятельной рабочей организации в России. В своей программе, еще не отрешившись вполне от народнической идеологии, «Союз» выдвигал, как ближайшую задачу, борьбу за политическую свободу, обеспечивающую «решение социального вопроса», и при-

давал самостоятельное значение рабочему движению. «Союз» принял также непосредственное участие в стачечном движении 1878 — 1879 г.г., выпустив ряд прокламаций к стачечникам. В феврале 1880 г. «Союз» выпустил один номер «Рабочей Зари» — первого в России рабочего органа (перепечатан в № 2 — 3 «Красной Летописи» за 1922 г.).

В приложениях (см. «Документы и материалы» № 3, стр. 609) мы даем целиком программу «Союза» — его воззвание «К русским рабочим». — 482.

[71]) О каком *«Южно-Русском Рабочем Союзе»* говорит здесь В. И. Ленин? Судя по содержанию статьи, здесь разумеется скорее всего «Южно-Российский Рабочий Союз» (Е. Заславского), основанный в 1875 году в Одессе (о нем см. примечание 103), и указание Вл. Ильича на 1879 год можно приписать скорее описке или ошибке.

Весьма маловероятным представляется, чтобы Вл. Ильич здесь разумел малоизвестный и не имевший большого значения организованный, действительно, в 1879 году в Одессе П. Б. Аксельродом «Южно-Русский Рабочий Союз». Программа этого «Союза» написана П. Б. Аксельродом, а устав — Я. Стефановичем. Об этой программе П. Б. Аксельрод пишет следующее (см. его предисловие к брошюре Л. Мартова: «Красное знамя в России», Женева, 1900 г., стр. X): «Как по своим конечным целям и ближайшим требованиям, так и по общей мотивировке их, программа эта была столь же социалистична, как и большинства западных социал-демократических партий в то время. Но в основе ее лежала еще порядочная доза бакунизма, эклектически смешанная с воззрениями социал-демократии. Обращаясь непосредственно к сознательным представителям рабочих, я мог в своих теоретических посылках ограничиться указанием на необходимость социалистической революции в интересах окончательного освобождения пролетариата и выяснением известного положения Интернационала, что освобождение это может и должно быть делом самого рабочего класса. Эти посылки достаточны были для того, чтобы мотивировать перед рабочими программу, в которой вслед за социалистической целью формулировались «ближайшие требования» — экономические и политические. Но они совершенно не затрагивали общего характера народнического движения и его теоретических основ».

Из весьма малочисленной литературы об этом «Союзе» см.: П. Б. Аксельрод — «Пережитое и передуманное», Берлин, 1923; А. Н. Потресов — «П. Б. Аксельрод. 45 лет общественной деятельности», СПБ, 1914; Л. Дейч — «От народничества к марксизму», «Совр. Мир», 1914 г., № 2. — 483.

[72]) *«Рабочая Мысль»* — с.-д. газета, выходившая с октября 1897 г. по декабрь 1902 г. (№№ 3 — 11 и № 16 вышли за границей, остальные в России) под руководством К. Тахтарева-Петербуржца и Н. Лохова-Ольхина. Наиболее яркий орган «экономизма», все внимание сосредоточивший на узко-экономической борьбе, противопоставляемой борьбе политической, якобы не входящей в задачи рабочего класса, преклонявшийся перед стихийностью рабочего движения и относившийся враждебно к централистической организации партии и к «интеллигенции». Критику взглядов «Рабочей Мысли» см. дальше, в статье «Попятное направление в русской социал-демократии», стр. 529 — 556. — 483.

[73]) № 1 «Рабочей Мысли», на программную статью которого ссылается Вл. Ильич, был отпечатан на мимеографе и составляет библиографическую редкость. Перепечатываем целиком эту статью, в виду ее исторического интереса, из № 9 — 10 «Листка Работника» (1899) — см. «Материалы и документы» № 4, стр. 611. — 484.

[74]) *«Спб. Рабочий Листок»* — газета, издававшаяся петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Вышло всего два номера. № 1, помеченный январем 1897 г., вышел в начале февраля в количестве 300 — 400 экз., отпечатанных на мимеографе. № 2 был составлен в марте, послан за границу и там с некоторыми изменениями напечатан

в сентябре 1897 г. Оба номера были составлены целиком Б. Горевым (Гольдманом). — 484.

[75]) *«Рабочая Газета»* — орган киевских социал-демократов. Вышло всего два номера: № 1 — август 1897 г. и № 2 — ноябрь 1897 г.; оба печатались нелегально в Киеве. Участие в «Рабочей Газете» принимали Б. Эйдельман, П. Тучапский, Н. Вигдорчик, В. Перазич и др. I съезд Р. С.-Д. Р. П. признал «Рабочую Газету» центральным органом партии и избрал ее редактором В. И. Ленина. О попытках возобновления издания «Рабочей Газеты» в 1899 г. см. прим. 79-е.

№№ 1 и 2 «Раб. Газеты» перепечатаны целиком в сборнике Истпарта: «К 25-тилетию I съезда партии» (1923). — 484.

[76]) Передовая из № 2 «Рабочей Газеты» перепечатывается нами полностью — см. «Материалы и документы» № 5, стр. 612. — 484.

[77]) «Манифест Р.С.-Д.Р.П.» перепечатывается нами полностью — см. «Материалы и документы» № 6, стр. 615. — 484.

[78]) Пункт 10-й решений I съезда Р.С.-Д.Р.П. гласил: ««Союз русских социал-демократов» за границей является частью партии и ее заграничным представителем». — 486.

[79]) Как известно, I съезд партии в 1898 г. объявил «Рабочую Газету», первые два номера которой вышли в 1897 г. в Киеве, центральным органом партии. Дальнейший выпуск «Рабочей Газеты» был, однако, надолго задержан последовавшим в марте 1898 г. арестом почти всех членов вновь избранного Ц. К. партии и типографии, печатавшей «Рабочую Газету». За попытку дальнейшего издания взялся Ц. К. Бунда. Это должен был быть *№ 3* «Рабочей Газеты» (о чем свидетельствует и опрошенный нами, принимавший близкое участие в организации этого дела, член Ц. К. Бунда Дав. Кац — «Тарас»). Как рассказывает сам Владимир Ильич (см. «Что делать?», IV том Сочинений), Ц. К. Бунда обратился к нему с предложением сначала редактирования, потом сотрудничества в «Рабочей Газете». Предложение это было передано через посредство Ю. Мартова, в то время бывшего в ссылке в Туруханске. Попытка издания газеты, как известно, не осуществилась, и посланные Владимиром Ильичем редакторской группе и перечатываемые здесь статьи оказались ненапечатанными. Они сохранились в женевском архиве партии.

Кроме этих трех статей для посылки в «Рабочую Газету» предназначались, очевидно, также и статьи: «Попятное направление в русской социал-демократии» (см. стр. 529), «О стачках» (см. стр. 569), «О промышленных судах» (см. стр. 557), а также «Проект программы нашей партии», написанные в конце 1899 г. Внешний вид рукописей первых трех статей, переписанных неизвестною рукою, вполне тождествен с рукописью статей для № 3 «Рабочей Газеты». — 487.

[80]) Под *«старым течением»* разумеется здесь ортодоксальное направление в русской социал-демократии, возглавлявшееся Группой «Освобождение Труда». — 489.

[81]) В одной из глав своих «Предпосылок социализма» (стр. 170 первого немецкого издания), полемизируя с Г. В. Плехановым, Эд. Бернштейн писал:

«Чтобы выставить в их надлежащем свете полемические приемы г. Плеханова, я должен упомянуть, что бо́льшая, если не бо́льшая часть работающих в России русских социал-демократов, в том числе редакция русской рабочей газеты, решительно присоединились к точке зрения, близкой к моей, и что в этом смысле некоторые мои «бессодержательные» статьи были переведены по-русски и распространены в отдельных изданиях».

Это место во многих изданиях книги Бернштейна на русском языке выпущено или же дается с сокращениями (в том числе и в лондонском издании 1900 года).

Редакцию какой «русской рабочей газеты» разумел здесь Бернштейн, неизвестно; всего вероятнее, что здесь разумелась «Рабочая Мысль». — 489.

[82]) Имеется в виду съезд заграничного «Союза русских социал-демократов» в ноябре 1898 г. К этому моменту в среде «Союза» преобладание получили «экономисты» — «молодые». В связи с этим обстоятельством Группа «Освобождение Труда» на этом съезде отказалась от редактирования изданий «Союза». Окончательно Группа «Освобождение Труда» вышла из «Союза» в апреле 1900 года, на II съезде «Союза». — 489.

[83]) *«Мимоходом»* — статья из № 7 (июль 1899 г.) «Рабочей Мысли». Отвечала на статьи № 5 — 6 «Работника» (редактировавшегося Группой «Освобождение Труда») и оканчивалась словами: «... «революционная теория»: — организация интеллигентами небольших кружков из передовых рабочих для... ниспровержения самодержавия — кажется нам теорией, уже давно отжившей свой век, теорией, оставленной всеми, в ком есть хоть немного чувства, чутья и понимания действительности». — 490.

[84]) Эту полемику Вл. Ильич поднял вскоре же после этого в своей статье «Попятное направление в русской социал-демократии» (см. стр. 529). — 490.

[85]) *«Пролетарская борьба»* — № 1 — 1899 г., издание «Уральской соц.-дем. группы» (М. М. Берцинская, по второму мужу Эссен, А. А. Санин, Н. Н. Кудрин и др.). Напечатана зимою 1898 — 1899 г.г. в типографии группы, устроенной на прииске, которым заведывал Н. Н. Кудрин, между Уфою и Златоустом, близ ст. Бишкиль, Самаро-Златоустовской жел. дороги. Работа по устройству типографии, по набору и печатанию сборника выполнялась М. М. Берцинскою, Н. Н. Кудриным, В. Доменовым и др. *Содержание:* А. А. Санин — «Кто совершит политическую революцию?»; Р. Э. Циммерман (Гвоздев) — «Голод»; В. В. Португалов — «Русское рабочее законодательство». Статьи не подписаны. Всего 120 страниц in-16°.

Владимир Ильич в «Что делать?» (см. IV том Сочинений, стр. 441) посвящает несколько строк критике этой брошюры, говоря: «Другие (т.-е. авторы передовой статьи из «Пролетарской борьбы». *Ред.*), далекие от всякой «постепеновщины», стали говорить: возможно и должно «совершить политическую революцию», но для этого нет никакой надобности в создании крепкой организации революционеров, воспитывающей пролетариат стойкой и упорной борьбой; для этого достаточно, чтобы мы все схватились за «доступную» и знакомую уже дубину. Говоря без аллегорий — чтобы мы устроили всеобщую стачку.... (они) пасуют пред господствующим кустарничеством, не верят в возможность избавления от него, не понимают нашей первой и самой настоятельной практической задачи: создать *организацию революционеров*, способную обеспечить энергию, устойчивость и преемственность политической борьбы». — 490.

[86]) Это место указывает на то, насколько чувствовалась уже в то время потребность созвать новый съезд партии и выработать основы тактики и организации. Весною следующего 1900 года были предприняты уже практические шаги к этому, и Владимир Ильич, находившийся тогда проездом в Москве, вел переговоры по этому вопросу с представителем «Южного Рабочего» И. Лалаянцем. Съезд, как известно, не состоялся (см. «Что делать?», «Историю росс. с.-д-ии» Мартова, воспоминания А. Гинзбурга в «Истории Екатеринославской с.-д. организации»). — 490.

[87]) Статью *«О стачках»* см. на стр. 569. — 490.

[88]) *Передаточной инстанцией* служила обыкновенно А. И. Елизарова. Сомнительно, чтобы в данном случае рукопись пересылалась через нее, так как получена она была (по свидетельству Дав. Каца — «Тараса») в Минске не через Москву, а из Астрахани, заделанная в сибирские сапоги — «пимы». Передаточной инстанцией могла служить в таком случае Л. М. Книпович («Дяденька»). Возможно также, что под передаточною инстанциею Владимир Ильич разумеет Ю. Мартова, через которого с ним сносился Ц. К. Бунда и через которого Владимиру Ильичу было передано предложение сотрудничества в «Рабочей Газете». — 490.

[89]) *Ф. П.* — в рукописи по старой орфографии *Ѳ. П.* Вл. Ильич часто употреблял в то время в переписке псевдоним *Петров*. — 490.

[90]) Имеется в виду статья Г. В. Плеханова «Бернштейн и материализм», напечатанная в № 44 «Neue Zeit» (июль 1898 г.) и направленная против печатавшихся там же статей Эд. Бернштейна «Проблемы социализма». Как эту, так и другие статьи Г. В. Плеханова против Эд. Бернштейна см. в XI томе его Сочинений. — 492.

[91]) Съезд германской социал-демократии в Ганновере, высказавшийся против ревизионизма Бернштейна, происходил 9—14 октября н. ст. 1899 г. — 492.

[92]) Закон о продолжительности рабочего дня на фабриках и заводах был издан 2 июня 1897 г. В том же году Владимир Ильич написал о нем брошюру «Новый фабричный закон» — см. стр. 125. — 494.

[93]) В предисловии к брошюре В. И. Ленина «Задачи русских социал-демократов» (см. стр. 603) П. Б. Аксельрод, приводя цитату из этой брошюры: «Пропагандируя среди рабочих, социал-демократы не могут обходить вопросы политические и сочли бы всякую попытку обойти их или даже отодвинуть глубокой ошибкой и отступлением от основных положений всемирного социал-демократизма», — добавляет: «И не только в пропаганде, но и в агитации вопросы эти, по убеждению автора, не могут быть отодвигаемы на задний план. Да не подумает какой-нибудь наивный читатель, что он предлагает звать рабочих на баррикады или подстрекает их на устройство заговоров... Решить вопрос о средствах «для нанесения решительного удара абсолютизму» он предоставляет самой рабочей партии, когда она настолько разрастется и укрепится, что почувствует себя достаточно сильной для вступления в окончательный бой с этим врагом...» — 497.

[94]) *«Vorwärts» («Вперед»)* — центральный орган германской социал-демократии, стал выходить под этим названием после съезда в Галле (1890 г.) вместо прекратившегося «Социал-Демократа». Редактором его первое время был Вильг. Либкнехт. — 503.

[95]) *«Проект программы нашей партии»* написан Вл. Ильичем в конце 1899 г. За это говорит как пометка на первом листе рукописи, сбоку, рукою Вл. Ильича: «1899», так и упоминание о «Проекте» в письме к редакторской группе (см. стр. 490). «Проект» предназначался, как видно из этого же письма, к помещению в дальнейших номерах «Рабочей Газеты» (за это же говорит и заключительная фраза работы: «слышать мнение социалистов других фракций нам было бы очень желательно и *мы не отказались бы от напечатания их отзывов*» (подчеркнуто нами. *Ред.*). Упоминание в тексте рукописи (см. стр. 512) 1900 года объясняется тем, что номер «Рабочей Газеты», для которого «Проект» предназначался, должен был выйти не раньше 1900 года. — 505.

[96]) В приложениях (см. «Документы и материалы» № 7, стр. 617) мы даем целиком проект программы Группы «Освобождение Труда». Проект этот написан был в 1887 г. и опубликован впервые в брошюре: «Чего хотят социал-демократы» (Женева) в 1888 г. В тексте рукописи Вл. Ильич неправильно относит этот проект к 1885 году, повторяя ошибку, вкравшуюся в брошюру П. Б. Аксельрода «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов», где проект Группы «Освобождение Труда» помечен ошибочно 1885 годом. Эту явную ошибку мы в тексте везде исправляем. — 511.

[97]) *Эрфуртская программа* — программа германской социал-демократической партии, принятая на съезде в Эрфурте в 1891 г. и заменившая собою старую «Готскую» программу 1875 г., от которой она отличалась более марксистским характером и устранением элементов лассалеанства. Составлена была К. Каутским.

Цитируемый Вл. Ильичем абзац Эрфуртской программы гласит:

«Рука об руку с этим монополизированием средств производства

совершается вытеснение раздробленных мелких предприятий колоссальным крупным производством, совершается гигантский рост производительности человеческого труда. Но все выгоды этого превращения монополизируются капиталистами и крупными землевладельцами. Для пролетариата и упадающих средних слоев — мещан, крестьян — оно обозначает увеличение непрочности существования, нищеты, гнета, порабощения, унижения, эксплуатации». — 512.

[98]) Книга К. Каутского: «Парламентаризм, народное законодательство и социал-демократия» (нем. изд. 1893 г.). — 516.

[99]) Позже, в одном из примечаний к статье «Аграрная программа русской социал-демократии» («Заря» № 4 — август 1902 г.), Вл. Ильич изложил более пространно суть полемики К. Каутского против Р. Люксембург. Приводим это примечание здесь полностью:

«Может быть, не бесполезно будет напомнить, к вопросу об «осуществимости» требований социал-демократической программы, полемику К. Каутского против Р. Люксембург в 1896 году. Р. Люксембург писала, что требование восстановления Польши неуместно в практической программе польских социал-демократов, ибо это требование неосуществимо в современном обществе. К. Каутский возражал ей, говоря, что этот довод «основан на странном непонимании сущности социалистической программы. Наши практические требования, выражены ли они прямо в программе или представляют из себя молчаливо принимаемые «постулаты», должны быть сообразованы не с тем, *достижимы* ли они при данном соотношении сил, а с тем, *совместимы* ли они с существующим общественным строем и способно ли проведение их облегчить классовую борьбу пролетариата, дать толчок ее развитию и расчистить пролетариату путь к политическому господству. С данным же соотношением сил мы при этом нисколько не считаемся. Социал-демократическая программа пишется не для данного момента, — она должна по возможности дать директиву при всех и всяческих конъюнктурах в современном обществе. Она должна служить не только практическому действию, но и пропаганде, она должна в форме конкретных требований указать с большей наглядностью, чем это могут сделать абстрактные рассуждения, то направление, в котором мы хотим идти вперед. Чем более отдаленные практические цели можем мы при этом себе ставить, не теряясь в утопических спекуляциях, — тем лучше. Тем яснее будет для масс — даже и для тех масс, которые не в состоянии понять наши теоретические рассуждения, — то направление, которому мы следуем. Программа должна показать, чего мы *требуем* от современного общества или современного государства, а не то, чего мы *ожидаем* от него. Возьмем, напр., программу немецкой социал-демократии. Она требует выбора чиновников народом. Это требование, если мерить его по масштабу Р. Люксембург, так же утопично, как и требование создать польское национальное государство. Никто не впадет в такую иллюзию, чтобы считать осуществимым при современных политических соотношениях требование выбирать государственных чиновников народом в Германской империи. С тем же правом, с каким можно принять, что польское национальное государство осуществимо лишь по завоевании пролетариатом политической власти, — с таким же правом можно это утверждать и о данном требовании. Но разве это достаточное основание, чтобы не принимать его в нашу практическую программу?» («Neue Zeit», XIV, 2, S. S. 513 — 4. Курсив К. Каутского)» (см. IV т. Сочинений, стр. 98 — 99). — 524.

[100]) См. К. Каутский — «Аграрный вопрос», нем. изд. 1899 г., стр. 385 и 437. — 526.

[101]) *Р. М.* — см. стр. 599. — 533.

[102]) *Еврейский Рабочий Союз — Бунд* (Всеобщий Еврейский Рабочий Союз в Польше, Литве и России) образовался в сентябре 1897 г. на съезде в Вильне и развил широкую работу преимущественно в мас-

сах еврейских ремесленников. Бунд вошел в Р. С.-Д. Р. П. на I-м ее съезде в 1898 г., «как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата». До 1901 г. в числе политических требований Бунд выставляет особо лишь требование гражданского равноправия евреев. На II съезде Р. С.-Д. Р. П. в 1903 г. Бунд вышел из партии, после того как съезд отверг его требования признать его единственным представителем еврейского пролетариата и принять построение партии на федеративных началах. На VI своем съезде в 1905 г. Бунд выдвигает требование «национально-культурной автономии», выражающейся в «изъятии из ведения государства и органов местного и областного самоуправления функций, связанных с вопросами культуры (народное образование и пр.), и передаче их нации в лице особых учреждений, местных и центральных, избираемых всеми ее членами на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования». Вторичное объединение Бунда с Р. С.-Д. Р. П. произошло после Стокгольмского «объединительного» съезда в 1906 г. Съезд не рассмотрел вопроса о национальной программе Бунда, оставив его открытым. Во внутрипартийной борьбе Бунд занимал в большинстве случаев правую позицию, поддерживая меньшевиков, а с 1912 г. вступает в тесные организационные отношения с ликвидаторами. Во время войны Бунд занимает (исключая немногие интернационалистские элементы) оборонческую позицию, а после Февральской революции поддерживает коалиционное правительство и его военную политику и ведет борьбу с большевизмом. В конце 1918 г. в Бунде начинают организовываться левые группы, и в мае 1919 г. в Киеве состоялась первая конференция отколовшегося «Коммунистического Бунда» Украины, на которой он слился с «Объединенной Еврейской Коммунистической Партией» в единый «Еврейский Коммунистический Союз» («Комфарбанд»), в августе 1919 г. принятый Р. К. П. (б.). В Белоруссии левое крыло Бунда, организовавшееся в «Еврейскую Коммунистическую Партию», в марте 1919 г. влилось также в Р. К. П. (б.). Наконец, в марте 1921 г. на конференции в Минске остатки Бунда приняли решение об официальном вхождении в Р. К. П. (б.), оставив за бортом партии лишь незначительную часть Бунда во главе с Абрамовичем. Еще раньше, в 1920 г., на своей XII конференции, признавшей необходимость отказа от оппозиционной тактики по отношению к Советской власти, Бунд официально признал ненужность главного своего националистического требования, заявив, что «требование культ.-нац. автономии, выставленное в рамках капиталистического строя, теряет свой смысл в условиях социалистической революции».

В конце 90-х и начале 900-х г.г. Бунд представлял одну из сильнейших с.-д. организаций в России, обладавшую довольно значительным кадром профессиональных революционеров, а по своей технической опытности (перевозка литературы, связь с заграницей и пр.) превосходившую другие русские организации. — 534.

[103]) *«Южно-Российский Рабочий Союз»* (В. И. Ленин пишет неправильное название: «Южно-*Русский*», употреблявшееся до недавнего времени в нашей литературе) — первая рабочая социалистическая организация в России, основанная в 1875 году в Одессе Е. О. Заславским. Программные взгляды «Союза» лучше всего характеризуются его письмом к северным рабочим, в котором заявлялось, что рабочим следует прежде всего направить силы на достижение политической свободы, — только тогда будет успешна деятельность, имеющая в виду социальный переворот. «Не думайте, однако, — говорится в письме, — что мы отказываемся от великой конечной цели — переустройства всего общественного строя и перехода орудий труда в руки трудящихся; мы только считаем, что этой цели всего легче добиться уже по завоевании политической свободы». «Союз», развивший широкую пропагандистскую и агитационную деятельность, был разгромлен в том же 1875 году.

В приложениях мы даем целиком устав «Союза» (см. «Документы и материалы» № 8, стр. 620). — 535.

[104]) Автор «Красного знамени в России» — Ю. Мартов. Брошюра вышла за границей в октябре 1900 г. с предисловием П. Б. Аксельрода. Владимир Ильич был знаком с содержанием этой брошюры еще в ссылке, где он вел переписку с Ю. Мартовым, бывшим в ссылке в Туруханске. — 585.

[105]) «*Социал-Демократ*» — социально-политический сборник, изданный Группой «Освобождение Труда» в 1888 году, превращенный затем в социал-демократический журнал (вышло 3 книги в 1890 г. и одна — в 1892 г.). — 545.

[106]) Как видно из «Письма к редакторской группе» (см. стр. 490), статья «О стачках» предназначалась Владимиром Ильичем для «Рабочей Газеты», издание которой, однако, не осуществилось. Статья должна была состоять из трех частей. В нашем распоряжении имеется лишь первая часть. Были ли написаны две остальные части — нам неизвестно. — 569.

VI. СЛОВАРЬ-УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

А.

АБРАМОВ, Я. В. (1858 — 1906) — публицист право-народнического направления, один из типичнейших представителей общественной реакции 80-х г.г., проповедник теории «малых дел», предлагавший «отодвинуть на второй, на третий план широкие общественно-политические вопросы». Сотрудничал в «Отечественных Записках», «Деле», «Неделе» и др. Писал также под псевдонимом *Федосеевец*. — 322, 332, 333.

АКСЕЛЬРОД, П. Б. (1850 — 1928) — вначале бакунист; с расколом «Земли и Воли» примыкает к черно-передельцам. В 1883 г. вместе с Плехановым, Дейчем, В. Засулич и Игнатовым основывает Группу «Освобождение Труда». Работы А. 90-х г.г. встречали одобрительную оценку со стороны с.-д., работавших в России. С 1900 г. один из редакторов «Искры» и «Зари». На II съезде партии в 1903 г. примыкает к меньшевизму и дает ему принципиальное обоснование в своих статьях в «Искре». Один из самых последовательных противников большевизма. В годы реакции — возглавляет «ликвидаторство». Участник Циммервальдской конференции, где занимал колеблющуюся позицию. В последнее время один из лидеров II Интернационала и яростнейший противник Советской власти. — 483, 497, 511, 513, 526, 527, 535, 542, 544 — 546.

АРИСТОТЕЛЬ (384 — 322 до нашей эры) — древне-греческий философ, ученик Платона. В своей системе опирался на всю сумму знаний своей эпохи и создал науку логики, называемую «формальной», в отличие от диалектической логики Гегеля и Маркса. В средние века философия Аристотеля была воспринята западно-европейскими схоластиками и приспособлена ими к христианским воззрениям. — 374.

ATKINSON, W. (АТКИНСОН, ВИЛЬЯМ) — английский экономист, один из первых противников классической школы политической экономии, сторонник протекционизма. Главные из его сочинений: «Принципы поощрения внутренней торговли или возражение против фритредерства» (1833), «Исследование о состоянии экономических наук» (1838), «Основы политической экономии» (1840). — 75.

Б.

Б., П. — СТРУВЕ, П. Б. (см.).

БАЗАРОВ (РУДНЕВ), В. А. (р. 1874) — социал-демократ, в революцию 1905 г. примыкавший к большевикам и участвовавший в ряде большевистских изданий 1905 — 7 г.г. В 1917 г. интернационалист и один из редакторов «Новой Жизни». Переводчик «Капитала» и автор ряда философско-публицистических и экономических работ. Противник Октябрьской революции. Принимал ближайшее участие в контр-революционной деятельности «Союзного Бюро Р. С.-Д. Р. П.». — 80.

БЕБЕЛЬ, АВГУСТ (1840 — 1913) — один из основателей и вождей германской социал-демократии и II Интернационала, рабочий-токарь. Вместе с В. Либкнехтом основал в 1869 г. «Соц.-дем. рабочую партию», слившуюся в 1875 г. с лассальянцами в единую «Социалистическую рабочую партию Германии», впоследствии переименованную в «Соц.-дем. партию Германии». Играл выдающуюся роль в международном пролетарском движении. В теории всегда признавал себя учеником Маркса и Энгельса. Стоял вначале на левом крыле партии, вел борьбу с ревизионистами, но постепенно склонялся вправо, заняв центристскую позицию. — **550, 552.**

БЕЛОВ, В. Д. — статистик, автор работы: «Кустарная промышленность Урала в связи с горнозаводским делом» (1887). — **271.**

БЕЛЬТОВ, Н. — псевдоним Г. В. Плеханова, под которым он выпустил свою книгу: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895) — см. **ПЛЕХАНОВ, Г. В.**

БЕРНШТЕЙН, ЭД. (1850 — 1932) — германский с.-д., в эпоху исключительных законов против социалистов редактор нелегального центрального органа партии. В середине 90-х г.г. выступил со своими статьями в теоретическом органе германской с.-д-ии «Neue Zeit», где пытался подвергнуть пересмотру («ревизии» — отсюда: «ревизионизм») философские, экономические и политические основы революционного марксизма и заменить их теорией примирения классовых противоречий, отрицанием социалистической революции и верой в возможность достижения социализма путем его постепенного «врастания» в капиталистический строй. Более или менее связное изложение своих взглядов Бернштейн дал в книге «Предпосылки социализма и задачи с.-д-ии», вышедшей в январе 1899 г. Выступления Б., с резкой критикой которых выступили Р. Люксембург и Парвус, а затем Плеханов и после некоторых колебаний и К. Каутский, послужили исходным пунктом широкой и острой полемики в среде международной с.-д-ии и привели к оформлению двух течений: ортодоксов и ревизионистов. В последнее время Б. — один из лидеров II Интернационала. Его воззрения целиком победили в германской с.-д-ии и нашли свое отражение в новой программе партии, принятой в 1925 г. в Гейдельберге. — **40, 489, 492, 512, 548 — 550, 554.**

БИСМАРК (1815 — 1898) — «железный канцлер» Германской империи, главным делом которого было объединение «кровью и железом» мелких, разрозненных немецких государств и создание германского национального единства под главенством юнкерской Пруссии. При нем было введено в Германии всеобщее избирательное право. При помощи исключительных законов против социалистов пытался бороться со все усиливавшимся ростом и влиянием германской с.-д-ии. — **477.**

БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ, Н. А. — земский статистик, автор «Крестьянского хозяйства» (1893). — **78.**

БЛАУ, А. А. — начальник статистического отделения департамента торговли и мануфактур. — **382.**

БОБОРЫКИН, П. Д. (1836 — 1921) — беллетрист, автор ряда больших романов из жизни интеллигенции, написанных в фельетонно-обозревательском тоне. В романе «По другому» (1897) пытался дать картину споров между марксистами и народниками. — **328.**

БОГДАНОВ (МАЛИНОВСКИЙ, А. А.) (1873 — 1928) — автор ряда экономических и философских работ. После раскола на II съезде Р. С.-Д. Р. П. — один из активнейших членов большевистской фракции, член Б. К. Б. (Бюро Комитетов Большинства), вел в России работу по подготовке III съезда партии, на котором был избран в члены первого большевистского Ц. К. В 1905 г. работал в Петербурге в качестве одного из редакторов большевистского органа «Новая Жизнь» и являлся представителем Ц. К. в Совете Рабочих Депутатов. Позже — член редакций большевистских органов («Вперед» и «Пролетарий»). С наступлением реакции становится лидером

группы «Вперед», выступившей против линии Ленина и партии. В вопросах философии пытался создать собственную систему — «эмпириомонизм», критику которой Вл. Ильич дал в своем труде: «Материализм и эмпириокритицизм» (1908). В 1909 г. большевистский центр окончательно рвет с Богдановым, который с тех пор отходит от политики и впоследствии оказывается вне партии. — 371, 373 — 377.

БОК, И. И. — статистик. — 345.

БОНАПАРТ — см. НАПОЛЕОН III.

БОУРИНГ (BOWRING), ДЖ. (1792 — 1872) — английский писатель и государственный деятель, один из руководителей основанной в 1838 г. «Лиги против хлебных законов», стремившейся к уничтожению чрезмерных пошлин на ввозной хлеб, создававших монополии для богатых землевладельцев. В 1856 году, будучи губернатором Гонконга, пушками прокладывал дорогу «свободе торговли» опиумом в Китае. — 110.

БРАЙТ (BRIGHT), ДЖ. (1811 — 1889) — английский фабрикант, один из вождей фритредерского движения, член радикальной партии, руссофил. Стоял (вместе с Кобденом) во главе «Лиги против хлебных законов». Позже был министром в кабинете Гладстона. — 110.

БУАГИЛЬБЕР (1646 — 1714) — французский экономист, один из предшественников физиократов, выступавший с критикой меркантилизма. — 62, 74.

БУДАГОВ, С. Г. — составитель указателя фабрик и заводов. — 342.

БУЛГАКОВ, С. Н. (р. 1871) — один из представителей «легального марксизма», перешедший затем в ряды «критиков Маркса». Дальнейшее развитие «от марксизма к идеализму» (так назвал Булгаков сборник своих статей, вышедший в 1903 г.) отбрасывает его в сторону мистицизма и реакционных настроений, охвативших либерально-буржуазные круги после поражения революции 1905 года. Завершением развития бывшего марксиста явилось принятие им священнического сана и выступление в роли воинствующего богослова православия. В настоящее время в эмиграции. — 397, 398, 401 — 408, 414, 417, 419, 427, 431 — 470.

БУНЯКОВСКИЙ, В. Я. (1804 — 1889) — математик, вице-президент Академии Наук. — 286.

БУШЕН, А. Б. (1831 — 1876) — статистик, редактор «Ежегодника Министерства Финансов». — 345.

В.

В. В. — псевдоним В. П. Воронцова (1847 — 1918), одного из главных теоретиков народничества 80 — 90-х годов. Главные сочинения: «Судьбы капитализма в России» (1883), «Наши направления» (1893), «Очерки теоретической экономии» (1895). Сотрудничал во всех руководящих органах народничества — от Лавровского «Вперед» (в 70-х г.г.) до «Русского Богатства» Михайловского, с которым в начале 90-х г.г. разошелся. После этого стал писать в либеральном «Вестнике Европы». Решительно выступал против марксизма и был объектом критических статей чуть ли не всех первых марксистов в России. Систематическую критику взглядов В. В. дал Г. В. Плеханов в своем сочинении: «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова (В. В.)». — 10, 20, 25, 28, 37, 46, 55, 81, 94, 103, 107, 123, 202, 203, 215, 221, 248, 258, 269, 317, 319, 321, 322, 325, 327, 333, 334, 337, 397, 417, 418.

ВАГНЕР, АДОЛЬФ (1835—1917) — немецкий экономист, один из представителей катедер-социализма. Был приверженцем «государственного социализма» — направления, вдохновлявшего Бисмарка на его социальное законодательство, направленное на борьбу с социализмом. Позже — член христианско-социалистической (антисемитской) партии. — 102, 103, 374.

ВАЛЬЯН, ЭДУАРД (1840—1916) — один из наиболее популярных вождей французского социализма. Член Парижской Коммуны и I Интернационала, близко стоял к Марксу и Энгельсу. В «Объединенной Социалистической Партии» возглавлял небольшую левую группу бланкистов. В империалистскую войну занял социал-патриотическую позицию. — 552.

ВЕББ, СИДНЕЙ (р. 1859) — английский экономист и общественный деятель, один из основателей умеренно-социалистического «Фабианского общества», представитель его в Рабочей Партии. Был министром торговли в кабинете Макдональда. **ВЕББ, БЕАТРИСА** (**Б. ПОТТЕР**) (р. 1858) — его жена, видная писательница по экономическим вопросам. Вместе издали ряд работ, из которых главная — наиболее полный и систематический обзор истории английского трэд-юнионизма — переведена в 1898 г. В. И. Лениным на русский язык под заглавием: «Теория и практика английского трэд-юнионизма» (два тома, изд. 1900—1901 г.г.). — 389.

ВЕЙТЛИНГ, ВИЛЬГЕЛЬМ (1810—1871) — представитель немецкого утопического коммунизма, рабочий-портной, один из основателей «Союза справедливых» в Париже (1836). — 552.

ВИТТЕ, С. Ю. (1849—1915) — самый крупный из министров Александра III и Николая II, своими мероприятиями в области финансов, железнодорожного дела и пр. много способствовавший развитию капитализма в России. После неудачной для Романовской монархии русско-японской войны ему было поручено ведение переговоров о мире с Японией. В 1905 г. в виду усиления революционного движения выступил с планом ликвидации революции путем уступок и созыва Государственной Думы. Автор манифеста 17 октября 1905 г. Сошел с политической сцены после поражения революции 1905 г. См. его «Воспоминания» (изд. ГИЗ, Петроград, 1923). — 129, 515, 521.

ВОЛГИН, А. — псевдоним Г. В. Плеханова, под которым он выпустил в 1896 г. свою книгу: «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.)» — см. **ПЛЕХАНОВ, Г. В.**

ВОЛЫНСКИЙ, А. — псевдоним А. Л. Флексера (1863—1926) — одного из руководителей «Северного Вестника», критика идеалистического и декадентского направления, пытавшегося развенчать публицистику 40—60 годов (Белинский, Добролюбов и пр.). Критику его критики дал Г. Плеханов в своей статье «Судьбы русской критики» (см. X том его Сочинений под ред. Д. Рязанова). — 332, 333.

ВОРОНЦОВ, В. — см. **В. В.**

Г.

ГАРИН, Н. — псевдоним Н. Г. Михайловского (1852—1906), давшего ряд очерков и рассказов, из которых наиболее известны: «Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты» и др. Тяготел к марксизму и принимал в 90-х г.г. участие в качестве пайщика в издании марксистской газеты «Самарский Вестник». В революцию 1905 г. оказывал поддержку большевикам и входил в состав редакции большевистского «Вестника Жизни». — 381.

ГАУПТМАН, ГЕРГАРДТ (р. 1862) — современный немецкий поэт и драматург, в своих произведениях отобразивший среду и психику социально-разлагающейся мелкой буржуазии, мечущейся между туманными порывами к социализму и индивидуализмом, полной растущего уныния и безверия. В лучшей из своих социальных драм «Ткачи» (написанной, впрочем, с целью расположить предпринимателей к гуманности) рисует восстание силезских ткачей 40-х г.г. прошлого столетия, давая жуткую картину страданий, голода и эксплуатации рабочего класса. Ныне сторонник фашизма. — 477.

ГВОЗДЕВ, Р. — псевдоним Р. Э. Циммермана (1866—1900), писателя марксистского направления, рассказы и экономические статьи которого помещались в «Русском Богатстве», «Жизни», «Научном Обозрении»,

Д.

Е.

З.

ЗИБЕР, Н. И. (1844—1888) — профессор киевского университета, один из первых в России популяризаторов и пропагандистов экономического учения Маркса. Его марксизм был в значительной степени односторонним, революционно-критическая сторона учения Маркса осталась ему чужда, в своих политических воззрениях он был эволюционистом. Тем не менее до появления сочинений Бельтова (Плеханова), Ленина и др. его сочинения сыграли большую роль в деле распространения идей марксизма в России, а также в проникновении их на университетскую кафедру. Главнейшие из них: «Д. Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях» (1885), «Экономическая теория К. Маркса» (в «Знании» 1876—1877 г.г. и «Слове» 1878 г.), «Очерки первобытной культуры» (1883), а также полемика о Марксе с Б. Чичериным, Ю. Жуковским и др. (см. его Собрание сочинений в 2-х томах). — 34, 43, 46, 51—53, 402, 408.

ЗЛАТОВРАТСКИЙ, Н. Н. (1845—1911) — писатель народнического направления, в своих произведениях идеализировавший «устои» — общинный строй русского крестьянства. Главные сочинения: «Деревенские будни», «Устои» и др. — 300.

ЗОМБАРТ, В. (р. 1863) — виднейший из представителей современной немецкой буржуазной науки, много работающий над вопросами происхождения и развития современного капитализма. Один из типичнейших буржуазных критиков Маркса. Главные сочинения Зомбарта: «К критике политической экономии К. Маркса», «Социализм и социальное движение в XIX веке», «Современный капитализм» и др. Зомбарта усиленно пропагандировали «ревизионисты» как в Европе, так и в России. Об его отношении к с.-д. см. любопытные «Мемуары социалистки» Лили Браун (есть русский перевод). — 391.

И.

И., В. — см. ИЛЬИН, В.

ИВАНОВ, В. — псевдоним В. И. Засулич. — 328.

ИЛЬИН, В. — наиболее известный из псевдонимов В. И. Ленина, под которым он выпустил, между прочим, свои «Экономические этюды и статьи» и «Развитие капитализма в России» (1899). — 321, 337, 405, 417, 438, 445, 448.

ИНГРЕМ, ДЖ. (1823—1907) — английский историк литературы и экономист, противник классической школы политической экономии, последователь О. Конта, автор «Истории политической экономии» (есть русск. перев.), ряда статей по экономическим вопросам в Британской Энциклопедии и пр. — 65.

К.

КАБЛУКОВ, Н. А. (1849—1919) — экономист и статистик народнического направления, профессор московского университета, заведывал статистическим отделом московского земства, провел ряд образцово поставленных обследований хозяйственной жизни Московской губернии. В главных своих трудах: «Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве» (1884), «Об условиях развития крестьянского хозяйства в России» (1899) пытался доказать преимущества мелкого хозяйства в земледелии. Критику его взглядов Владимир Ильич дает в «Развитии капитализма в России». — 435, 441, 453, 454.

КАМЕНСКИЙ, Н. — псевдоним Г. В. Плеханова в «Новом Слове» — см. ПЛЕХАНОВ, Г. В.

КАНТ (1724—1804) — виднейший немецкий философ, представитель классического немецкого идеализма, родоначальник «критической философии», пытавшийся сочетать научный опыт с религиозной верой. Имел

громадное влияние на буржуазных философов XIX века, в философии Канта искавших средство примирения классовых противоречий. Первые шаги ревизии марксизма со стороны бывших социалистов (Бернштейн, Струве и др.) прошли под лозунгом: «Назад к Канту». — 411.

КАРЫШЕВ, Н. А. (1855 — 1905) — профессор политической экономии и статистики в московском сельско-хозяйственном институте, заведывал экономическим отделом московского земства, автор ряда работ, посвященных вопросам арендных отношений (главная из них: «Крестьянские вненадельные аренды»), сотрудник «Русского Богатства» и «Русских Ведомостей». Развивал обычные народнические взгляды. — **318, 319, 339, 341, 344, 345, 347, 348, 352, 354 — 363, 365.**

KÄRGER, K. (КЕРГЕР, К.) — немецкий экономист, автор книги: «Хождение в Саксонию» (1890). — **459.**

КАУТСКИЙ, К. (KAUTSKY, K.) (р. 1854) — немецкий с.-д., крупнейший из теоретиков марксизма эпохи II Интернационала, историк, экономист. В 1909 г. в своей работе «Путь к власти» К. в общем выражал еще марксистские взгляды, но с этого времени оппортунистические тенденции, которые всегда были сильны у К., берут перевес в его политической и теоретической деятельности. Во время войны К. окончательно порывает с марксизмом, прикрывая фактический социал-шовинизм своей позиции интернационалистской фразой. Будучи одним из самых озлобленнейших врагов С.С.С.Р., открыто проповедует против него войну и интервенцию. О нем см. работу В. И. Ленина 1918 г.: «Пролетарская революция и ренегат Каутский». — **374, 384, 385, 387 — 389, 410, 427, 431 — 457, 459 — 471, 496, 513, 516, 524, 525, 554.**

KAUTSKY, KARL — см. **КАУТСКИЙ, К.**

КЕНИГ, Ф. (KOENIG, F.) — немецкий экономист, автор «Положения английского сельского хозяйства» (1896). — **467.**

КЕНЭ, ФРАНСУА (1694 — 1774) — придворный врач Людовика XV, основатель школы физиократов, автор «Tableau économique» («Экономической таблицы»), вышедшей в 1758 году, подробный разбор которой дан К. Марксом в «Теориях прибавочной стоимости» и в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельса (в главе, написанной К. Марксом). — **406.**

КИРХМАН, Ю. (фон-) (1802 — 1884) — немецкий философ и публицист, друг и единомышленник Родбертуса, либеральный политик. Его статьи: «О земельной ренте в социальном отношении» и «Меновое общество» (1849), направленные против некоторых положений Родбертуса, вызвали оживленную дискуссию с последним (см. его «Социальные письма к фон-Кирхману», есть русск. перев.). Подробно об этой полемике см. у Р. Люксембург в «Накоплении капитала». — **402.**

КОБЕЛЯЦКИЙ, А. И. (1862 — 1907) — составитель справочников по фабричному законодательству. — **345, 350.**

КОРОЛЕНКО, С. А. — экономист, автор книги: «Вольнонаемный труд» (1892), сотрудник «Нового Времени». — **88, 244.**

КОРСАК, А. К. (1832 — 1874) — автор книги: «О формах промышленности в Зап. Европе и России», единственной для своего времени (вышла в 1861 г.) научной обработки промышленной истории России. Автор, считая русский капитализм в значительной мере «искусственным», все же дает верную оценку технических преимуществ фабрики, хотя и не решается признать неизбежность развития фабричной системы и противопоставляет ей артельную организацию кустарной промышленности. — **53, 375.**

КРАСНОПЕРОВ, Е. И. (ум. 1897) — пермский статистик. — **198.**

КРИВЕНКО, С. Н. (1847 — 1907) — публицист народнического направления, сотрудник «Отечественных Записок», «Русского Богатства», редактор народнического «Нового Слова» и «Сына Отечества». Собрание сочинений его вышло в 1911 г. Одним из первых выступил против рус-

ских марксистов и подвергся жестокой критике В. И. Ленина (см. вып. III «Что такое «друзья народа»?», I том Сочинений), а затем был осмеян Г. В. Плехановым («К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»).—81.

Л.

ЛАБРИОЛА, АНТОНИО (1843 — 1904) — итальянский экономист, марксист. Его главные сочинения: «Исторический материализм и философия» и «Очерки по историческому материализму». О нем см. Г. Плеханова — «О материалистическом понимании истории» (VIII том Сочинений под ред. Д. Рязанова). — 299.

ЛАВРОВ, П. Л. (МИРТОВ) (1823 — 1900) — виднейший теоретик революционного народничества. Издавал за границей (сначала в Цюрихе, потом в Лондоне) «Вперед» (1873 — 1876), в котором развивал взгляды о необходимости «идти в народ» с целью длительной пропаганды и перевоспитания народных масс в духе социалистических идей, — в противоположность бунтарям-бакунистам, считавшим русский народ готовым к социалистической революции и шедшим к нему с целью организации немедленного восстания. Был редактором «Вестника Народной Воли» (1883 — 1886) и вплоть до своей смерти (1900 г.) авторитетнейшим истолкователем взглядов народничества. В своих «Исторических письмах», имевших громадное влияние на русскую революционную интеллигенцию, является родоначальником так назыв. «русской социологической школы». — 180, 181, 183 — 185.

ЛАССАЛЬ, ФЕРДИНАНД (1825 — 1864) — крупный деятель германского рабочего движения. Автор теории «железного закона заработной платы». Был сторонником постепенного перехода к социализму через свободные производительные ассоциации рабочих, которым должен был быть предоставлен государственный кредит. Вел в этих целях, вызвавшие резкий протест со стороны Маркса — Энгельса, переговоры с Бисмарком. Обнаруженная в 1927 г. переписка Л. с Бисмарком подтвердила самые худшие подозрения Маркса и Энгельса в отношении связей Л. с прусской реакцией. В 1863 г. Л. основал «Всеобщий Германский рабочий союз», долго враждовавший с основанной А. Бебелем и В. Либкнехтом «Соц.-дем. рабочей партией», с которою он, наконец, слился в 1875 г. в единую «Социалистическую рабочую партию Германии», впоследствии переименованную в «Соц.-дем. партию Германии». — 480.

ЛЕВИТСКИЙ, Н. В. (р. 1859) — насадитель земледельческих артелей в Херсонской губ. Народники создали большую литературную шумиху вокруг артельных начинаний Левитского, заявляя, что даже «Маркс от души рукоплескал бы этим начинаниям» (Н. —он в № 5 «Нового Слова» за 1896 г.). Действительность показала, что подобные артели способствовали лишь дифференциации крестьянства, выделяя сельского буржуа. Об артелях Левитского см. статью С. Булгакова: «Земледельческие артели Херсонской губернии» в «Новом Слове» за 1897 г. и статью А. Потресова (Старовера): «Артельная эпопея» (см. его сборник: «Этюды о русской интеллигенции», 1906). В настоящее время принимает деятельное участие в съездах кооперации на Украине. — 119, 120, 122, 123.

ЛИБКНЕХТ, ВИЛЬГЕЛЬМ (1826 — 1900) — один из вождей германской социал-демократии, отец Карла Либкнехта. Был близок с Марксом и Энгельсом. Принимал активное участие в революции 1848 г.; некоторое время вместе с Марксом жил в Лондоне в качестве эмигранта. Стоял на революционном крыле партии, борясь против соглашательских тенденций правого крыла ее (Фольмар и др.). Был редактором центр. органа партии «Vorwärts» («Вперед»). — 499.

ЛИППЕРТ (LIPPERT), Ю. (1839 — 1909) — видный немецкий историк культуры, популяризатор. — 7.

LIPPERT — см. **ЛИППЕРТ**.

ЛЮКСЕМБУРГ, РОЗА (1870—1919) — участница германского, польского и русского рабочего движения, автор ряда работ по экономическим и др. вопросам. В 1893 г. принимала участие в основании «Социал-демократии Царства Польского» (позже «С.-д-ии Польши и Литвы»), написала ряд теоретических работ для обоснования польского с.-д. движения. С 1897 г. принимала активнейшее участие в германском с.-д. движении, находясь всегда на левом крыле партии и ведя борьбу с бернштейнианством и его французской разновидностью «мильеранизмом». В 1905 г. работала в Варшаве. Принимала участие в Лондонском съезде Р.С.-Д.Р.П. в 1907 г., где шла вместе с большевистской фракцией. С самого начала империалистской войны заняла интернационалистскую позицию и выпустила, вместе с Ф. Мерингом и К. Цеткин, один номер журнала «Интернационал». Вошла в основанный К. Либкнехтом «Союз Спартака», написала (в тюрьме) под псевдонимом Юниус брошюру «Кризис социал-демократии», где указала на распад II Интернационала и на необходимость образования III Интернационала. Одна из основательниц Ком. партии Германии. После подавления январского восстания 1919 г. была арестована шейдемановским правительством и убита. Ленин, высоко всегда ценивший Р. Л., выступал неоднократно против ее ошибок в вопросах: о роли партии, об империализме, в национально-колониальном, крестьянском, о перманентной революции и др. — 524.

М.

МАК-КУЛЛОХ, ДЖ. (1789—1864) — английский экономист, сторонник Рикардо. В 1819 г. выступил в «Edinburgh Review» («Эдинбургское Обозрение», орган левого крыла партии вигов) с анонимной полемической статьей против Сисмонди, на которую последний ответил статьею: «Исследование вопроса: растет ли в обществе одновременно со способностью производить и способность потребления?». Подробнее об этой полемике см. у Р. Люксембург в «Накоплении капитала». — 21.

МАЛЬТУС (1766—1834) — английский экономист, вульгарный представитель классической школы политической экономии. В своем сочинении «Опыт о законе народонаселения» пытался установить свой закон народонаселения, по которому население увеличивается быстрее увеличения средств производства (первое происходит в геометрической, второе — в арифметической прогрессии). Учение Мальтуса было отражением эпохи первоначального развития крупной фабричной промышленности в Англии, с ее заменою человеческого труда машиною и лишением многих рабочих заработка, и явилось попыткой со стороны буржуазии оправдания страданий и нищеты рабочего класса на-ряду с богатством господствующих классов. Жестокую критику теории Мальтуса дал К. Маркс (см. его «Теории прибавочной стоимости»). Тем не менее, впоследствии этой теорией увлекались многие видные экономисты, как, напр., К. Каутский (в ранних своих, до-марксистских, работах). Из русских писателей пропагандистами его взглядов были П. Б. Струве (мальтузианством пропитаны уже его «Критические заметки») и Н. В. Водовозов (см. его книгу: «Мальтус, его жизнь и научная деятельность», 1895). — 44, 45, 49, 50, 68.

МАНУИЛОВ, А. А. (р. 1861) — профессор-экономист, один из редакторов «Русских Ведомостей» и «Вестника Европы». К.-д. Был уволен с поста ректора московского университета за протест против подавления студенческих волнений в связи с похоронами Л. Толстого. В 1917 году был министром народного просвещения в коалиционном кабинете Керенского. — 284, 285, 298, 299, 302.

МАРКС, К. (MARX, K.) (1818—1883) — см. его биографию, написанную В. И. Лениным в 1914 г. — 4, 19, 21, 24, 40, 46, 51, 53, 56, 65, 68, 69, 73, 80, 99, 100, 109, 111, 299, 300, 302, 329, 335, 374, 376, 378, 380,

Н.

НИКОЛАЙ —ОН — псевдоним Н. Ф. Даниельсона (1844—1918), экономиста 80—90-х годов. Один из наиболее ярких представителей народничества. После ареста Г. Лопатина Н. —он закончил первый перевод «Капитала» Маркса на русский язык. Перевод этот вызвал оживленную переписку между Н. —оном и Марксом и Энгельсом (см. «Письма К. Маркса и Ф. Энгельса к Н. —ону». Перев. Г. Лопатина. СПБ. 1908). Вследствие этого в глазах широкой публики Н. —он долго считался представителем марксизма в России. В 1893 году издал книгу: «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», которая вместе с работами В. В. служила главным *экономическим* обоснованием народничества. Разбор именно этой книги П. Струве в № 1 «Socialpolitisches Centralblatt» за 1893 г. положил начало полемике между марксистами и народниками в легальной русской печати, в которой Н. —он принял большое участие. Взгляды Н. —она неоднократно разбирались В. И. Лениным (в частности в его «Развитии капитализма в России» — см. Сочинения, том III). — **10, 20, 25, 28, 30, 31, 33, 37, 45, 47, 52—56, 61, 70, 71, 73, 74, 76, 78, 85, 86, 89, 91, 93, 100—103, 202, 215, 216, 269, 297, 300, 321, 352, 397, 401, 417.**

NOVUS — псевдоним П. Б. Струве (см.).

О.

ОРЛОВ, П. А. — составил, на основании официальных данных Департамента Торговли и Мануфактур, «Указатель фабрик и заводов Европейской России». 1-е издание вышло в 1881 г., 2-е — в 1887 г. и 3-е (составленное совместно с С. Г. Будаговым) — в 1894 г. — **342, 346, 350.**

ОУЭН, РОБЕРТ (1771—1858) — главнейший из представителей английского утопического социализма, развивший энергичную проповедь социальных реформ, оставаясь мирным утопистом, чуждым революционных действий, и относясь отрицательно к политическому движению рабочего класса того времени (чартизму). Считается духовным отцом английского кооперативного движения. — **72, 97, 99, 441.**

П.

П., Ф. — один из псевдонимов В. И. Ленина, которым подписано его «Письмо к редакторской группе». — **490.**

ПАРВУС — псевдоним А. Л. Гельфанда (1869—1924) — русского эмигранта, в 90-х и начале 900-х годов работавшего в Германской с.-д-ии, примыкавшего к ее левому крылу. Дал ряд работ по вопросам мирового хозяйства. После раскола Р.С.-Д.Р.П. поддерживал м-ков. Автор теории «перманентной революции». Участник русской революции 1905 г. Был сослан и бежал обратно в Германию. В эпоху войны — крайний социал-шовинист и прямой агент германского империализма. — **377, 378, 382, 470, 471.**

ПЕРЕЙРА, ИСААК (1806—1880) — крупный финансист эпохи Наполеона III, стоявший во главе парижского банка «Crédit mobilier» (банк для залога движимых имуществ). В молодости был последователем Сен-Симона, школа которого послужила для Перейры переходом к капиталистической практике. — **77, 78.**

ПЛЕХАНОВ, Г. В. (1856—1918) — основоположник и один из главных теоретиков русского марксизма до Ленина. Принимал вначале участие в партии «Земля и Воля», после раскола которой на Воронежском съезде стал во главе «Черного Передела». Эмигрировав за границу и проанализировав причины неудач народовольческого движения, порвал с народниче-

ством и основал в 1883 г. за границей совместно с Аксельродом, Засулич, Дейчем и Игнатовым первую русскую с.-д. организацию — Группу «Освобождение Труда». Заняв видное место в обще-европейском марксистском социалистическом движении, вел в 90-х г.г. энергичную борьбу с «бернштейнианством» и его отражением на русской почве — «экономизмом». В 900-х г.г. становится одним из редакторов «Искры» и «Зари». После раскола на II съезде партии в 1903 г. примыкает первое время к большевикам, а затем к меньшевикам, но вскоре уходит и от них. С нарождением ликвидаторства в борьбе с ним снова сближается с большевиками. Европейская война захватывает его своим националистическим угаром, и он становится во главе наиболее правых оборонцев, продолжая ту же линию после Февральской революции. После Октября отказался активно выступать против большевиков.— **68, 181, 329, 333, 335, 492, 535, 540, 541, 545.**

ПОБЕДОНОСЦЕВ, К. П. (1829 — 1907) — обер-прокурор синода, фактический глава правительства Александра III, продолжавший играть крупную роль и при Николае II и сметенный лишь революцией 1905 года. Вдохновитель дворянской реакции 80 — 90-х г.г., оплот мракобесия и черносотенства, державший страну в цепких лапах полицейщины и поповщины. — **521.**

ПОПОВА, О. Н. — издательница. — **377, 389.**

ПОСТНИКОВ, В. Е. (1844 — 1908) — автор книги «Южно-русское крестьянское хозяйство» (1891 г.), собравший и обработавший данные земской статистики по Таврической губернии, указавший на факт дифференциации крестьянского населения. Взгляды его на положение общины и крестьянского землевладения значительно разнились от обычных народнических взглядов. Разбору его книги В. И. Ленин посвятил свою статью: «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» (см. I том Сочинений) и главу II «Развития капитализма в России» (III том Сочинений). — **445.**

ПРУГАВИН, В. С. (1858 — 1896) — земский статистик, защитник общинного землевладения. Издал книги: «Промыслы Владимирской губернии» (1882), «Сельская община и кустарные промыслы Юрьевского уезда Влад. губ.» (1882 — 4), статистические исследования отдельных уездов Екатеринославской губернии; дал ряд статей в «Юридическом Вестнике», «Русских Ведомостях» и «Русской Мысли». — **197.**

ПРУДОН (1809—1865) — идеолог мелкой буржуазии, один из теоретиков анархизма. Видя причину всех зол капиталистического общества в современной товарной форме обмена, он, в целях реорганизации этого общества, выдвигает утопическую систему, строящую общество на началах мютюэлизма (взаимных услуг) путем организации дарового кредита и меновых банков и увековечивающую мелкую частную собственность. «Нищета философии» К. Маркса посвящена разбору взглядов Прудона. — **18, 21, 50, 76, 373, 403, 423, 552.**

Р.

РАМСЕЙ (RAMSAY), ДЖОРДЖ (1800—1871) — английский экономист, автор сочинения: «Опыт о распределении богатства» (1836, Эдинбург). — **408.**

РИКАРДО, Д. (1772 — 1823) — английский банкир-миллионер, виднейший из представителей классической школы политической экономии, очистивший учение этой школы от некоторых противоречий Ад. Смита. — **18, 21, 26, 27, 30, 34, 42, 43, 63, 66 — 69, 376, 402, 403, 408, 409, 412.**

РОДБЕРТУС-ЯГЕЦОВ, К. (1805 — 1875) — крупный прусский землевладелец, экономист, примыкавший к классической школе политической экономии, один из главных теоретиков «государственного («прусско-

юнкерского», как называл Маркс) социализма». Его взгляды изложены и рассмотрены Г. В. Плехановым еще в 80-х годах в «Отечественных Записках» (см. I том его Сочинений под ред. Д. Рязанова). — 18, 22, 36, 39 — 42, 65, 403, 404.

РОЗАНОВ, В. В. (1856 — 1919) — публицист, в 90-х г.г. сотрудник монархистских «Московских Ведомостей» и «Русского Вестника», в которых выступал с изуверской проповедью самодержавия и православия. — 305, 332.

С.

С., П. — П. Б. Струве (см.).

САЗОНОВ, Г. П. (р. 1857) — представитель реакционного народничества (один из «полицейских народников», по характеристике В. И. Ленина), видевший в общине, «воспитывавшей народ в истинно-христианских началах», «мощную препону развитию пролетариата» (см. его книги: «Неотчуждаемость крестьянских земель, в связи с государственно-экономической программой» (1889) и «Быть или не быть общине?» (1894). В 1899 — 1902 г.г. редактировал газету «Россия», издававшуюся на средства московских промышленников и закрытую за фельетон А. Амфитеатрова «Господа Обмановы». — 322.

СЕН - СИМОН (1760 — 1825) — виднейший из представителей французского утопического социализма, выдвинувший программу замены общества, покоящегося на основе частной собственности и борьбы классов, обществом, основанным на началах ассоциации. Средством к уничтожению классовых противоречий считал правительственные реформы и воспитание общества в духе новой религии (что повело впоследствии сенсимонизм к вырождению в религиозно-мистическую секту). — 77.

СИСМОНДИ, СИМОНД ДЕ - (1773 — 1842) — швейцарский экономист и историк, главный представитель реакционного мелко-буржуазного социализма. Социализм Сисмонди «стремится или восстановить старые средства производства и сношения, а вместе с ними и старые имущественные отношения и старое общество; или же он старается насильно удержать новейшие средства производства и сношения в рамке старых имущественных отношений, которые они уже разбили и необходимо должны были разбить. В обоих случаях он является одновременно реакционным и утопическим. Цеховая организация промышленности и патриархальное сельское хозяйство являются последним его словом» (К. Маркс). Сисмонди явился одним из первых по времени критиком капиталистического строя. На русском языке имеется перевод избранных мест из Сисмонди в издании «Библиотеки экономистов» Солдатенкова. — 5, 7 — 33, 35 — 72, 74 — 76, 80, 81, 83 — 89, 91 — 111, 113, 114, 300, 373, 434.

СКАЛДИН — псевдоним Ф. П. Еленева (1828 — 1902). В 60-х г.г. Скалдин сотрудничал в передовых органах того времени и являлся представителем буржуазного либерализма. Впоследствии примкнул к крайним реакционерам, стал членом главного цензурного комитета и выступал в печати, как ярый защитник руссификаторской политики царизма в Финляндии. — 306 — 316, 319.

СКВОРЦОВ, А. И. (1848 — 1914) — экономист, профессор ново-александрийского института сельского хозяйства. Главные из его трудов: «Влияние парового транспорта на сельское хозяйство» (1890), «Прибыль и рента» (№№ 1 — 4 «Юрид. Вестн.» за 1890 г.), «Экономические этюды» (1894), «Основания политической экономии» (1898), «Экономические основы земледелия» (1900) и др. Являясь чисто буржуазным ученым, Скворцов однако же многими считался марксистом, и увлечение им Струве доходило до того, что последний признавал «замечательные работы» Скворцова «образцом строго научного развития некоторых основных положений экономической теории Маркса», в этом отношении представляющим «uni-

сит не только в русской, но и вообще во всей экономической литературе». — 414, 435.

СМИТ, АДАМ (1723 — 1790) — основатель и главный теоретик классической школы политической экономии. Главное его сочинение: «О богатстве народов» вышло в 1776 г. — 14 — 16, 18 — 20, 23, 27, 32, 33, 35 — 37, 41, 42, 63, 65, 66, 91, 274, 315, 401 — 403, 406 — 408.

СТАСЮЛЕВИЧ, М. М. (1826 — 1911) — либеральный профессор и публицист, основатель и редактор «Вестника Европы». — 314.

СТЕПАНОВ (СКВОРЦОВ), И. И. (1870 — 1928) — старый большевик, литератор, переводчик и редактор «Капитала» и ряда других работ К. Маркса. Был членом Ц. К. В. К. П. (б.), редактором «Известий Ц. И. К.», директором И-та Ленина. — 80.

СТРУВЕ, П. Б. (р. 1870) — в 90-х годах с.-д., автор «Манифеста Р. С.-Д. Р. П.», выпущенного по постановлению I съезда партии; участник Международного Социалистического Конгресса в Лондоне в 1896 году в составе русской делегации. Наиболее видный представитель «легального марксизма» 90-х г.г. Участник и редактор легальных марксистских органов («Новое Слово», «Начало», «Жизнь»). Уже в первой своей работе («Критические заметки») признает, что не разделяет всех взглядов Маркса. В дальнейших работах под видом «критической проверки» Маркса подменил революционные идеи марксизма идеями о сотрудничестве классов, мирной эволюции социализма и т. д. Философию марксизма (диалектический материализм) отрицал всегда. В начале 900-х годов окончательно порывает с марксизмом и с социал-демократией и переходит в лагерь либералов, становясь во главе организации земцев-конституционалистов — «Союза Освобождения» (1902 — 1905 г.г.) и редактируя орган этого «Союза» — «Освобождение» (Штутгарт, Париж). С образованием к.-д. («конституционно-демократической») партии — член ее Ц. К. После поражения революции 1905 года становится лидером самого правого крыла либералов, скатываясь к черносотенному национализму. В 1909 году участник реакционно-мистического сборника «Вехи». Во время гражданской войны принимает участие в правительстве Деникина, а затем становится министром у Врангеля. Позже редактировал в Праге журнал «Русская Мысль», объединяя в нем правых кадетов с монархистами. С 1925 г. издает в Париже монархическую газету «Возрождение». — 61, 65, 72, 86, 284, 292, 294, 299 — 301, 333, 337, 405 — 421, 455, 456.

СЭЙ, Ж.-Б. (1767 — 1832) — французский экономист, вульгарный истолкователь классической школы политической экономии. — 27, 402, 408, 412.

Т.

Т., К. — сокращенное от К. Тулин — один из псевдонимов В. И. Ленина. — 102.

ТИМИРЯЗЕВ, Д. А. — статистик. — 345.

ТОМПСОН, УИЛЬЯМ (1785 — 1883) — английский социалист-утопист, ученик Роб. Оуэна. — 72, 97.

ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ, М. И. (1865 — 1919) — один из видных представителей «легального марксизма», вскоре перешедший в ряды «критиков Маркса» и скатившийся в лагерь либералов. В годы гражданской войны принимал участие в правительстве Центральной Рады. Соратник Струве в первых стычках с народничеством. В 1894 г. выпустил книгу: «Промышленные кризисы в современной Англии» с изложением теории Маркса и богатым материалом по истории кризисов в Англии. В 1898 г. выпустил капитальный труд: «Русская фабрика в прошлом и настоящем» с критикой народнических взглядов на развитие капитализма в России. — 24, 37, 39, 61, 322, 352, 358, 397 — 403, 405, 417, 423, 455.

У.

УСПЕНСКИЙ, Г. И. (1840—1902) — писатель-народник, в своих произведениях изображавший быт пореформенной эпохи. В центре его художественных работ — контрасты между ломающимися старыми устоями и надвигающимся молодым хищным капитализмом. Другая характерная черта его произведений — тщетное искание гармонии между интеллигенцией, горящею жаждой «отдачи долга народу», и этим народом, уходящим от «власти земли» и «лесной правды» и начинающим терять свой прежний «гармоничный» облик. — **441.**

Ф.

ФУРЬЕ, ШАРЛЬ (1772—1837) — главнейший из представителей французского утопического социализма, давший едкую критику капиталистического строя, с его бессмысленным расточением сил и средств, и рисовавший картину будущего гармоничного человеческого общества, где люди объединены в трудовые общины (фаланстеры). — **72, 97.**

Х.

ХАРИЗОМЕНОВ, С. А. (1854—1900) — земский статистик, давший ряд работ по обследованию кустарных промыслов Владимирской губернии, по подворному обследованию Таврич. губ., руководивший земско-статистическими исследованиями Саратовской, Тульской и Тверской губерний. Помещал также статьи экономического содержания в «Русской Мысли» и «Юридич. Вестнике». Владимир Ильич часто пользовался данными С. Харизоменова в своем «Развитии капитализма в России» (см. III том Сочинений). В 70-х г.г. был одним из видных членов общества «Земля и Воля». — **167, 258.**

Ч.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ, Н. Г. (1828—1889) — «великий русский ученый и критик, мастерски осветивший банкротство буржуазной экономии» (Маркс). Как политико-эконом, известен своим переводом «Оснований политической экономии» Д.-С. Милля, которые он снабдил своими примечаниями в духе утопического социализма, а также рядом работ, посвященных популяризации идей социализма и критике крестьянской реформы 61 г. Как литературный критик, дал ряд блестящих статей («Очерки Гоголевского периода», «Лессинг», статьи о Пушкине и др.) в «Современнике», одним из руководителей которого он был. В русской общине видел возможный зачаток социалистического устройства общества. Являлся вождем революционного движения 60-х годов и одним из вдохновителей революционного движения 70-х и 80-х годов. Был арестован в 1862 г. и почти до самой смерти в 1889 г. находился в тюрьме и ссылке, лишенный возможности непосредственного участия в общественной и публицистической работе. — **541, 545.**

Ш.

ШАРАПОВ, С. Ф. (1855—1911) — консервативный публицист, защитник помещичье-дворянских интересов, последыш славянофилов, издававший журналы «Русское Дело» и «Русский Труд», в которых проповедывал полезность для сельского хозяйства жмыхов и почтительность к губернаторской власти. — **296—298.**

ШУЛЬЦЕ-ГЕВЕРНИЦ, Г. (р. 1864) — немецкий буржуазно-либеральный политико-экономист, последователь школы Брентано, духовный отец Струве. Дал ряд работ об экономическом положении России, главные из

которых: «Крупное производство в России (московско-владимирская хлопчато-бумажная промышленность)» и «Очерки общественного хозяйства и экономической политики России» (имеются в русск. переводе). Из других его работ известны: «К социальному миру», «Крупное производство, его значение для экономического и социального прогресса» и др. — 284, 337.

Э.

ЭНГЕЛЬГАРДТ, А. Н. (1832 — 1893) — народнический публицист. В 70-х годах прошлого столетия Энгельгардт задался целью поставить собственное рациональное сельское хозяйство. Опыт этот совпал со стремлением тогдашней интеллигенции «идти в народ», что создало из имения Энгельгардта место многочисленных паломничеств. В противность своим народническим теориям Энгельгардту пришлось для рациональной постановки своего хозяйства прибегнуть к батраческому способу его ведения. Об этом хозяйстве см. подробно у В. И. Ленина в «Развитии капитализма в России» (см. III том Сочинений). В «Отечественных Записках» 1872 г. Энгельгардт поместил ряд писем «Из деревни» с изложением своих взглядов. Статьи эти вышли в 1882 г. отдельной книгой, которую Владимир Ильич очень ценил. Из других работ Энгельгардта см.: «Вопросы русского сельского хозяйства», «История моего хозяйства». — 316 — 321, 326, 327, 441.

ЭНГЕЛЬС, ФР. (1820 — 1895) — см. очерк его жизни, написанный В. И. Лениным в 1895 г., в I томе Сочинений. — 38, 39, 46, 92, 285, 300, 315, 376, 378, 404, 406, 410, 411, 464, 481, 491, 492, 535, 537, 545.

ЭФРУСИ, Б. О. (1865 — 1897) — литератор-экономист, сотрудник «Русского Богатства» и «Мира Божьего». Главные его работы: «Социально-экономические воззрения Сисмонди», «Различные учения о доходе с капитала», «Новый курс политической экономии» (разбор книги проф Георгиевского), перевод главнейших глав Сисмонди. — 9, 14, 15, 38, 39, 41, 44, 47, 50, 51, 56, 57, 63 — 65, 81, 88, 91, 96 — 98, 101 — 103.

Ю.

ЮЖАКОВ, С. Н. (1849 — 1910) — публицист народнического направления с оттенком славянофильства и национализма. Сотрудник «Отечественных Записок», был одним из редакторов «Русского Богатства». Кроме печатаемой в настоящем томе статьи «Перлы народнического прожектерства» Вл. Ильич посвятил разбору взглядов С. Южакова также II (неразысканный) выпуск брошюры «Что такое «друзья народа»?» и статью «Гимназические хозяйства» (см. I том Сочинений). — 123, 203, 269, 277, 279 — 299, 318, 321, 327, 333.

ЮЗОВ — псевдоним О. И. Каблица (1848—1893). Вначале ярый бакунист и бунтарь, прошедший через «хождение в народ», Юзов вскоре затем становится идеологом реакционно-славянофильского народничества, скатываясь до антисемитизма. Сотрудничал в «Неделе». В главных своих работах: «Ум и чувство, как факторы прогресса» (вызвала полемику с Н. Михайловским) и «Основы народничества» противопоставляет «почвенный народ, стремящийся к правде», беспочвенной интеллигенции, притязающей «мудрить над народом». — 322, 332, 334.

Я.

Я., Л. — переводчик книги Парвуса «Мировой рынок и с.-х. кризис». — 377.

VII. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНИ В. И. ЛЕНИНА.

(1897—1899 г.г.)

1897 г.

10 февр. (29 янв.). «Высочайшее повеление» о высылке В. И-ча в Восточную Сибирь под надзор полиции на три года.

24 (12) февраля. Министерство внутренних дел удовлетворяет просьбу матери В. И-ча о разрешении ему ехать в ссылку не «по этапу», а на свой счет по проходному свидетельству.

25 (13) февраля. В. И-чу объявляют о «высочайшем повелении».

26 (14) февраля. В. И. вместе с другими осужденными в ссылку по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» выпущен из Дома Предварительного Заключения и получает разрешение пробыть в Петербурге до вечера 29 (17) февраля «для сборов в дорогу и совета с врачами». Эти дни используются для свиданий с деятелями «Союза борьбы».

На собраниях в квартире Мартова горячие споры между выпущенными на волю «стариками» и «молодыми» членами «Союза борьбы». В. И. резко критикует намечающийся «экономизм» «молодых».

1 марта (17 февр.). В. И. оставляет Петербург и отправляется в Сибирь, получив разрешение остановиться у матери в Москве на два дня.

2—6 марта (18—22 февраля). В. И. живет в Москве у матери, самовольно оставаясь здесь лишних два дня сверх разрешенных полицией.

6 марта (22 февр.). В. И. выехал из Москвы по проходному свидетельству.

18 (6) марта. В. И. из Красноярска пишет прошение Иркутскому генерал-губернатору о назначении ему, ввиду слабости здоровья, места ссылки в пределах Красноярского или Минусинского уезда.

29 (17) апреля. В. И. является к полицейским властям Красноярска.

11 мая (29 апреля). В. И. пишет прошение Енисейскому губернатору о назначении ему установленного законом пособия на содержание, одежду и квартиру.

12 мая (30 апреля). В. И. выехал из Красноярска в Минусинск.

18 (6) мая. В. И. прибыл в Минусинск.

19 (7) мая. В. И. повторяет на имя Минусинского исправника прошение о назначении пособия.

20 (8) мая. В. И. прибыл в с. Шушенское, Минусинского уезда, назначенное ему для отбывания ссылки.

17 (9) июня. Енисейский губернатор делает распоряжение о выдаче В. И-чу пособия на содержание, одежду и квартиру в размере 8 рублей ежемесячно.

18 (6) августа. Мать В. И-ча просит из Москвы енисейского губернатора разрешить сыну, ввиду его болезненного состояния, переехать на жительство в г. Красноярск.

3 сент. (22 авг.). Енисейский губернатор оставляет эту просьбу матери без последствий.

Из ссылки В. И. продолжает поддерживать связи с центрами рабочего движения в России и с Группой «Освобождение Труда» за границей, а также ведет переписку с товарищами-марксистами из других мест ссылки. Пишет популярную брошюру для рабочих «Новый фабричный закон»; программную брошюру «Задачи русских социал-демократов» (обе изданы за границей Группой «Освобождение Труда»); принимает участие в первом легальном марксистском журнале «Новое Слово»; продолжает работу над «Развитием капитализма в России».

У крестьян с. Шушенского и прилегающей округи В. И. пользуется большим авторитетом и помогает им юридическими советами.

Ноябрь. В. И. самовольно отлучается в г. Минусинск, за что получает «внушение» от исправника.

1898 г.

Состоявшийся в марте I съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии избирает В. И-ча редактором официального органа партии — «Рабочей Газеты»

В. И. принимает деятельное участие в жизни минусинских ссыльных, ведет борьбу с старыми ссыльными — народоправцами и народовольцами, высокомерно относящимися к вновь прибывающим ссыльным — рабочим-марксистам. С его ведома и одобрения бежит из ссылки за границу рабочий с.-д. Райчин.

19 (7) мая. Н. К. Крупская вместе с матерью приезжает в с. Шушенское.

22 (10) июля. Брак В. И-ча с Н. К. Крупскою.

23 (11) сент. — 2 окт. (20 сент.). С разрешения губернатора В. И. приезжает в Красноярск для лечения (разрешение дано только на неделю). Иркутский военный генерал-губернатор предписывает установить наблюдение за своевременным возвращением В. И-ча из Красноярска.

В. И. пишет статьи по вопросам народного хозяйства («К вопросу о нашей фабр.-зав. статистике», «Кустарная перепись в Пермской губернии»), по вопросу о теории рынков и др.; переводит книгу С. и Б. Вебб: «Теория и практика английского трэд-юнионизма»; заканчивает свой большой труд: «Развитие капитализма в России»; выпускает (в самом конце 1898 г.) сборник своих статей «Экономические этюды и статьи».

1899 г.

Апрель. Вышла из печати книга В. И-ча: «Развитие капитализма в России» под псевдонимом «Владимир Ильин».

Апрель — май. В. И. пишет статью: «Капитализм в сельском хозяйстве (О книге Каутского и о статье г. Булгакова)» для журнала «Начало». Ввиду закрытия «Начала» статья

напечатана лишь в следующем году в журнале «Жизнь». В «Начале» ряд рецензий В. И-ча.

Конец августа — начало сентября. В. И. пишет протест против «Credo» Е. Кусковой: антиреволюционному бернштейнианству, пытающемуся направить рабочее движение на путь либеральной политики, противопоставляет положения революционного марксизма. Протест принят собравшимися в с. Ермаковском семнадцатью ссыльными социал-демократами (Ленин, Н. К. Крупская, О. Энберг, В. В. Старков, А. М. Старкова, Г. М. Кржижановский, З. П. Кржижановская-Невзорова, А. С. Шаповалов, Н. Н. Панин, Ф. В. Ленгник, Е. В. Барамзин, А. А. Ванеев, Д. В. Ванеева, В. К. Курнатовский, О. Б. Лепешинская, П. Н. Лепешинский). Протест поддержан также ссыльными других мест России и Сибири (Туруханской колонией во главе с Ю. О. Мартовым, колонией ссыльных г. Орлова, Вятской губ. — В. В. Воровский, Ф. Гурвич-Дан, А. Н. Потресов и др.).

В. И. неустанно продолжает работу по идейному и организационному оформлению партии. Пишет ряд статей, в которых дает организационно-политический план воссоздания революционной пролетарской партии. Пишет проект программы партии.

Путем переписки, в частности с Мартовым (Туруханск) и Потресовым (Вятская губ.), и личных бесед с ближайшими товарищами подготовляет издание за границей совместно с Группой «Освобождение Труда» общерусской социал-демократической газеты.

1900 г.

10 февр. (29 янв.). Конец ссылки.

11 февр. (30 янв.). Рано утром В. И. выехал из с. Шушенского с проходным свидетельством в Псков.

VIII. ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ.

1897 г.

Упадок народнического движения.

I. Стачки ткачей и металлистов в Петербурге.

24 (12). II. Самосожжение М. Ф. Ветровой в Петропавловской крепости. *16 (4). II.* «Ветровская» демонстрация на Казанской площади в Петербурге.

29 (17)—30 (18). III. Киевская с.-д. группа «Рабочее Дело» в контакте с петербургской, виленской, московской и иваново-вознесенской организациями пытается созвать с.-д. съезд в Киеве. Ввиду недостаточного количества прибывших делегатов киевское совещание постановлено считать конференцией («коллоквиум»).

IV. Первый легальный марксистский журнал «Новое Слово». Закрыт в декабре.

14 (2). VI. Закон, «ограничивающий» *нормальный* рабочий день $11^1/_2$ часами.

«Недород» в 47 губерниях России.

VIII. № 1 «Рабочей Газеты» — органа киевских социал-демократов. № 2 вышел в декабре.

7. X (25.IX). Организация «Бунда» из еврейских социал-демократических групп.

«Рабочая Мысль» — орган крайних «экономистов».

Киевский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

«Южно-русский рабочий союз» (Николаев).

Екатеринославский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Захват Порт-Артура.

1898 г.

13 (1) — 15(3). III. I съезд Р.С.-Д.Р.П. в Минске. Делегаты от группы «Рабочей Газеты», «Бунда», петербургского, московского, екатеринославского, киевского «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса» и киевского рабочего комитета. «Манифест Р.С.-Д.Р.П.».

23 (11) — 24 (12). III. Разгром партии правительством: арест почти всех участников съезда, редакции партийного органа, типографии и многих членов местных организаций.

Новый сильный неурожай.

XI. I съезд «Союза русских социал-демократов» в Цюрихе. Группа «Освобождение Труда» отказывается от редактирования изданий «Союза».

Расцвет «экономизма».

Группа «Рабочего Знамени» в Петербурге (Погин, Антропов).

«Уральская социал-демократическая группа» (Санин, Кудрин, Португалов).

XII. Стачки на фабриках Максвелля и Паля в Петербурге с требованием свободы слова и собраний. Всеобщая стачка иваново-вознесенских рабочих.

1899 г.

I. Выход в свет книги Бернштейна: «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии».

Записка Витте: «Самодержавие и земство», направленная против земских учреждений.

Боголепов — министр народного просвещения.

15 (3). II. Отмена финляндской конституции.

20 (8). II. Избиение студентов в Петербурге и начало студенческих «беспорядков».

10. VIII (29. VII). «Временные правила» о студентах: отдача в солдаты за «учинение скопом беспорядков».

Начало деятельности Сипягина.

Легальные марксистские журналы: «Начало» (Струве, Туган-Барановский; закрыт в июне) и «Жизнь» (Поссе).

«Рабочее Дело» — журнал «экономистов» за границей.

Борьба между «экономистами» и «политиками».

Попытка возобновления «Рабочей Газеты».

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Стр.

II ТОМ

СОЧИНЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА

подготовлен к печати

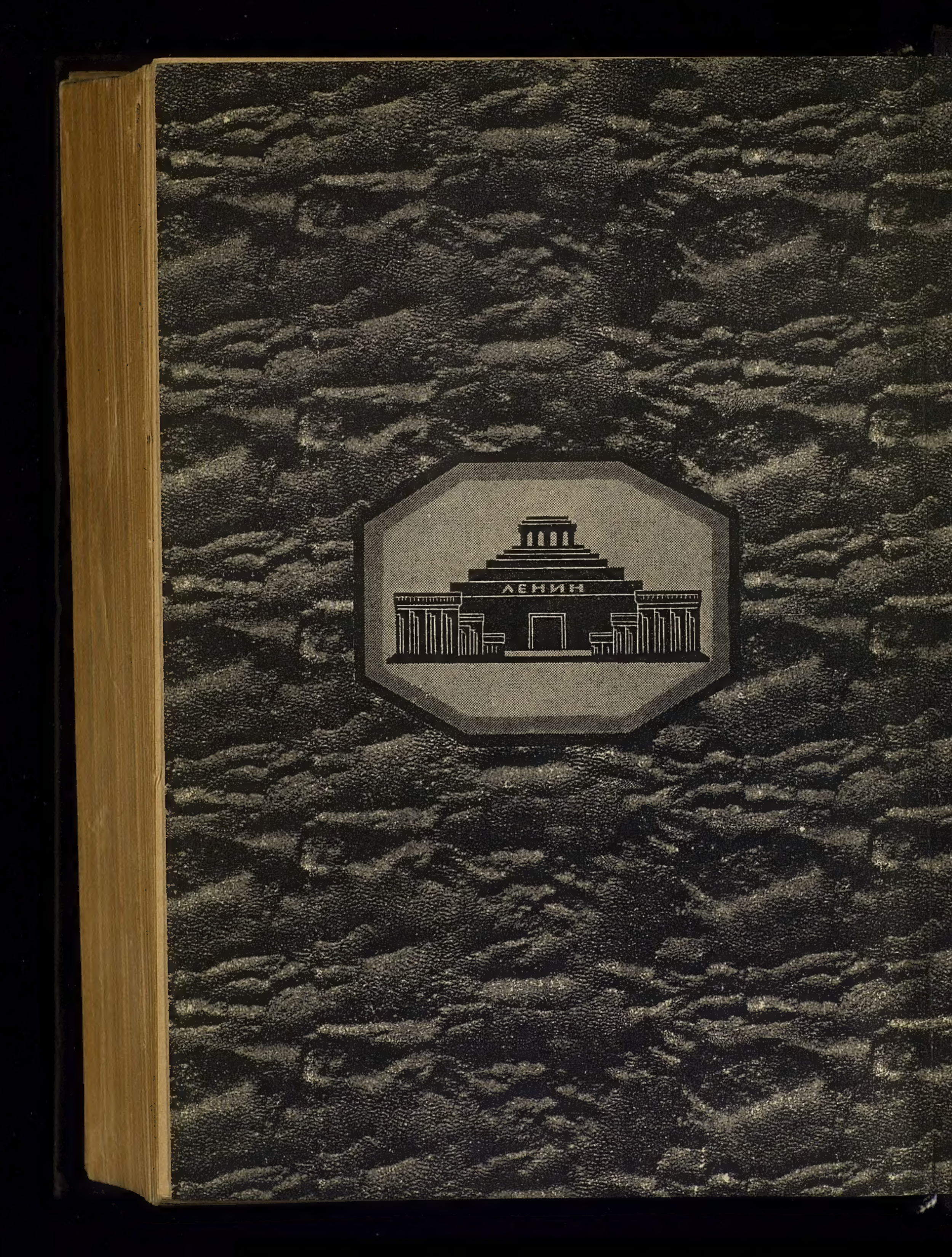
И. П. ТОВСТУХОЙ

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ:
И. Д. ГАЛАКТИОНОВ, К. И. ХАЛАБАЕВ

ИЗДАНИЕ НАПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ «ПЕЧАТНЫЙ ДВОР»
ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ПРОИЗВОД. ГРУППОЙ ЛЕН. ПРЕД. ПАРТИЗДАТА
П. Н. ФИЛИППОВА
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО КОРРЕКТ. ОТД. ЛЕН. ПРЕД. ПАРТИЗДАТА
И. Е. ЛЕБЕДЕВА
ТЕХНИЧЕСКОГО ДИРЕКТОРА
М. М. КИСИЛЕВСКОГО
ПОМ. ЗАВ. ТЕХНИЧЕСКИМ ОТДЕЛОМ
Н. И. КОВРЮКОВА
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО НАБОРНЫМ ЦЕХОМ
К. В. ГРОШЕВА
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО СТЕРЕОТИПНЫМ ЦЕХОМ
А. И. АЛЕКСАНДРОВА
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ПЕЧАТНЫМ ЦЕХОМ
И. И. СИВКОВА
ЕГО ПОМОЩНИКОВ
В. Ф. БУТОЧКИНА, И. Г. КОСАРЕВА И
Ф. И. НИКАНДРОВА
ПЕЧАТНЫХ МАСТЕРОВ
А. И. ИВАНОВА, П. А. КУЗЬМИНА И
Н. А. СЕМЕНОВА
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ПЕРЕПЛЕТНЫМ ЦЕХОМ
Я. Г. РАСКИНА
И ЕГО ПОМОЩНИКОВ
В. П. БОГДАНОВА, И. С. БУХАРИНА,
Т. Г. ПЕТЕРС И М. Г. ПУГАЧА

Инд. П. Л.-2. Подписано к печати с матриц 9/XII 1934 г.
Партиздат № 502. Тираж 46 000 + 145 экз. Ленгорлит № 4145. Заказ № 2307.
Формат бумаги 62 × 94 см. $45^1/_4$ п. л. $54^1/_2$ авт. л. (168960 тип. зн. на 1 б. л.).
Бум. л. 23. Бумага Каменской ф-ки. Коленкор Щелковской ф-ки.
Вышла в свет — февраль 1935 г.

2-я типография «Печатный Двор» треста «Полиграфкнига». Ленинград, Гатчинская, 26.

ЛЕНИН

